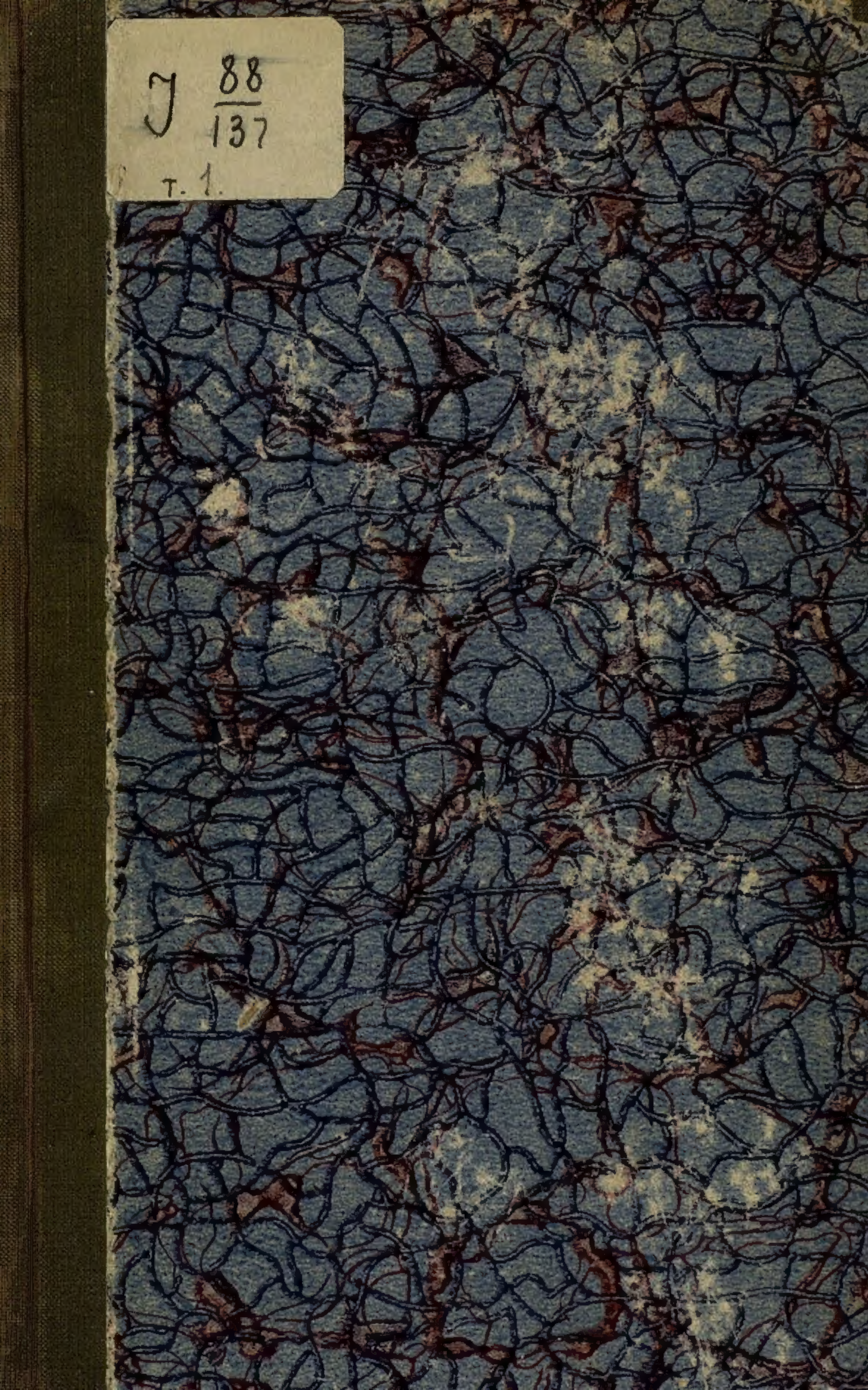

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

И

РОССІИ ВЪ ЕГО ВРЕМЯ.

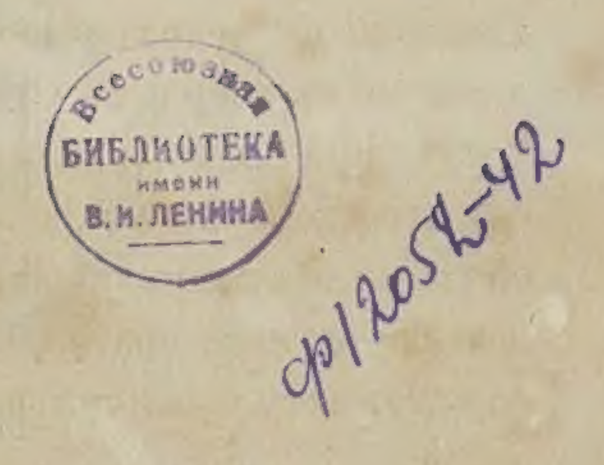
СОЧИНЕНІЕ
автора Исторіи отечественной войны 1812 года.

Томъ I.

1869.

Печатано по Высочайшему повелѣнію.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ первому опыту „Исторіи Императора Александра I-го и Россіи въ Его время", я постигаю трудность безпристрастнаго изложенія столь недавно минувшихъ событій. Еще не остылъ прахъ многихъ дѣятелей этой эпохи; еще живы нѣкоторые изъ нихъ, да и дѣти ихъ могутъ явиться обличителями всякаго сомнительнаго показанія, защитниками памяти лицъ, дорогихъ для нихъ, хотя можетъ быть и несовершенно безупречныхъ предъ судомъ современниковъ и потомства. Но зная вполнѣ всѣ эти затрудненія, я, не смотря на то, предпринялъ очеркъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ періодовъ Русской Имперіи, съ недовѣрчивостью къ собственнымъ силамъ, но съ твердымъ убѣжденіемъ въ томъ, что мой трудъ, при всѣхъ недостаткахъ своихъ, можетъ послужить къ сохраненію изустныхъ и письменныхъ свѣдѣній объ этомъ времени, свѣдѣній, которыя иначе исчезли-бы невозвратно, какъ уже нерѣдко случалось cо многими преданіями и документами. Это убѣжде-

*

ніе заставило меня изложить событія, ознаменовавшія жизнь Александра I-го и Россіи. Исторія минувшаго не можетъ служить поученіемъ въ настоящемъ, потому что никакіе факты не повторяются при одинаковыхъ обстоятельствахъ, да ежели-бы это и случилось, то сами дѣятели смотрятъ на одни и тѣже предметы съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но Исторія минувшаго миритъ съ настоящимъ, убѣждая насъ, что ошибки присущи человѣчеству, и что невзгоды, бывшія ихъ послѣдствіемъ, всегда отклонялись довѣріемъ къ собственнымъ силамъ.

Основаніемъ моему сочиненію, кромѣ официальныхъ свѣдѣній, заимствованныхъ изъ государственныхъ архивовъ, служили и другіе, доселѣ неизданные документы, и въ числѣ ихъ: бумаги, удостоеннаго особеннымъ благоволеніемъ Императора Александра I-го, графа Павла Александровича Строганова, полученныя отъ его зятя, графа Сергія Григорьевича Строганова; письма Николая Николаевича Новосильцева, принадлежащія его племяннику Вас. Вас. Новосильцову; записки барона Модеста Андреевича Корфа, въ томъ, что онъ намъ изъ нихъ сообщилъ; неизданныя записки адмирала Шишкова; свѣдѣнія о графѣ Аракчеевѣ, сообщенныя состоявшимъ при немъ, генераломъ Ник. Григ. Сигуновымъ и Гавр. Мих. Юрьевымъ; замѣтки П. А. Тучкова; письмо генерала Раевскаго къ генералу Жомини о военныхъ дѣйствіяхъ, въ 1812 году; записки Александра Андреевича Щербинина; подлинныя записки Фил. Фил. Вигеля; журналъ морскихъ походовъ Се-

нявина, сообщенный родственниками участвовавшаго въ этихъ походахъ, Григ. Мих. Мельникова; частныя свѣдѣнія о событіяхъ Л. Гв. въ Семеновскомъ полку, 1820 года. Для очерка статей о водвореніи русскаго владычества за Кавказомъ, я пользовался матеріалами, собранными генераломъ Дмитр. Христ. Бушеномъ, а также трудами генерала Никол. Ник. Забудскаго и Никол. Өедор. Дубровина. Свѣдѣніями по части финансовъ, извлеченными изъ неизданныхъ офиціальныхъ документовъ, я обязанъ Генеральнаго Штаба полковнику Өедору Александровичу Фельдману. Что-же касается до печатныхъ записокъ и прочихъ сочиненій, служившихъ мнѣ источниками при составленіи „Исторіи Александра I-го", то подробный списокъ ихъ, съ показаніемъ ихъ содержанія, будетъ приложенъ въ концѣ послѣдняго тома. Сличая свидѣтельства современниковъ Императора Александра I-го, я старался, по крайнему разумѣнію, вывести истину, отдавая справедливость, и другу, и недругу. Такъ поступалъ я и при составленіи „Исторіи Отечественной войны", (что, скажу мимоходомъ, подвергло меня кривотолкамъ, и даже изумительному упреку въ недостаткѣ патріотизма); такому-же правилу слѣдовалъ я и въ моемъ настоящемъ трудѣ.

При изложеніи военныхъ дѣйствій, описаны подробно только тѣ, въ которыхъ Императоръ Александръ I-й принималъ лично участіе, либо тѣ, въ коихъ особенно проявлялась доблесть нашего народа, вообще-же дѣйствія на главномъ театрѣ войны изложены въ пространнѣйшемъ объемѣ, нежели про-

чія военныя дѣйствія, упоминаемыя только для сохраненія взаимной связи событій, одновременно происходившихъ на различныхъ пунктахъ.

Сочиненіе мое вообще раздѣлено на двѣ части: первая заключаетъ въ четырехъ томахъ Исторію событій 1801—1815 годовъ, а вторая (V и VI томы) Исторію остальнаго времени до кончины Императора Александра I-го. Къ сочиненію приложены карты театровъ войнъ и планы главныхъ сраженій.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ВВЕДЕНІЕ.

—

Дѣтство и юность Александра I-го. Его воспитаніе. Очеркъ его характера и образа жизни.

Геніи къ нему слетѣли
Въ свѣтломъ облакѣ съ небесъ;
Каждый Геній къ колыбели
Даръ рожденному принесъ:
Тотъ принесъ ему громъ въ руки
Для предбудущихъ побѣдъ;
Тотъ художества, науки,
Украшающія свѣтъ;
Тотъ обиліе, богатство,
Тотъ сіяніе порфиръ;
Тотъ утѣхи и пріятство,
Тотъ спокойствіе и миръ;
Тотъ принесъ ему тѣлесну,
Тотъ душевну красоту.....

(Державинъ. На рожденіе въ сѣверѣ порфиророднаго отрока).

Императоръ Александръ I родился 12-го (23-го) декабря 1777 года. То была самая блестящая эпоха царствованія Великой Екатерины, когда она, заключивъ славный Кучукъ-Кайнарджискій миръ, готовилась довершить побѣды своихъ полководцевъ присоединеніемъ Крыма къ Россійской Имперіи. Вся Европа съ завистью смотрѣла на успѣхи Мудрой Монархини, но не осмѣливалась противиться ея предпріятіямъ. Знаменитые Государи, Фридрихъ

Великій и Іосифъ II, наперерывъ искали ея союза и дружбы. Польша повиновалась ея велѣніямъ. Гордая нѣкогда Порта смирилась. Во Франціи, Германіи, ученые, поэты, славили Екатерину.

C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière, восклицали они.

Внутри государства, народъ наслаждался тишиною и довольствіемъ, возобновлявшими въ его памяти счастливыя времена Елисаветы Петровны. Основано было множество городовъ, положено начало болѣе правильному управленію Имперіи учрежденіемъ губерній, сообразнымъ съ мѣстными потребностями различныхъ частей ея. Могучее русское слово, гордое личнымъ участіемъ Великой Государыни въ отечественной литературѣ, раздавалось въ устахъ Державина.

Императрица Екатерина не любила своего Наслѣдника Павла Петровича. Увѣряютъ даже, будто бы она хотѣла лишить его наслѣдства престола въ пользу своего старшаго внука (1). Равнодушіе Монархини къ ея сыну имѣло несчастныя послѣдствія. Великій Князь былъ одаренъ отъ природы острымъ умомъ, кипучею дѣятельностью, любовью къ порядку и правдѣ, великодушіемъ истаго рыцаря. Но эти превосходныя качества, какъ лишенные попеченій цвѣты, заглохли и не успѣли явиться во всей красѣ своей (2). А, между тѣмъ, Екатерина, щедро надѣливъ материнскими заботами своихъ внуковъ, и въ особенности старшаго изъ нихъ — Александра, казалось, предвидѣла въ немъ того, кто въ послѣдствіи обѣщалъ предъ лицомъ Свѣта царить въ ея духѣ.

И дѣйствительно, Александръ, съ самаго дѣтства, подавалъ блистательныя надежды. Онъ наслѣдовалъ отъ своей прародительницы возвышенность

чувствъ, проницательный умъ, невозмутимое спокойствіе духа, а отъ своей матери — красоту, стройный станъ, величественную поступь, доброту и благотворительность. Въ дѣтствѣ онъ казался воплощеннымъ ангеломъ, а въ лѣтахъ возмужалости его сравнивали съ изящнѣйшими изображеніями Аполлона и Антиноя, завѣщанными искусствомъ древнихъ Грековъ ([3]).

Императрица Екатерина сама начертала планъ воспитанія своихъ старшихъ внуковъ Александра и Константина, руководясь главными идеями Локке и Жанъ-Жака Руссо, но занявъ у нихъ только то, что̀ считала полезнымъ въ практическомъ отношеніи. Заботы ея о воспитаніи Александра Павловича начались съ перваго дня его жизни, какъ видно изъ собственноручной записки Екатерины, хранящейся въ одномъ изъ нашихъ государственныхъ архивовъ. Результатъ ея попеченій былъ вполнѣ удовлетворителенъ. «Il est gros — пишетъ Императрица о своемъ внукѣ — grand, bien portant, fort gai et ne criant jamais.» (Онъ полненькій, большой, здоровый и веселый мальчикъ, и не кричитъ никогда) ([4]). Трогательнымъ памятникомъ истинно-материнскихъ заботъ Великой Екатерины о своихъ внукахъ остались въ назиданіе потомству: „Бабушкина Азбука,“ собственноручно ею написанная, и „Наставленія,“ ею-же составленныя *), для воспитателя ихъ Николая Ивановича Салтыкова.

Подъ заглавіемъ „Бабушкина Азбука Великому Князю Александру Павловичу,“ мудрая Монархиня

---

*) Императрица Екатерина гордилась этою Инструкціей и предполагала перевесть ее на всѣ европейскіе языки. Въ ея кабинетѣ всегда находилось нѣсколько копій ея, хорошо переписанныхъ, которыя она дарила вельможамъ и знаменитымъ путешественникамъ. (Изъ записокъ о жизни князя Н. И. Салтыкова).

составила сборникъ изъ 211-ти изрѣченій, первоначальныхъ свѣдѣній и поучительныхъ анекдотовъ. Чтобы дать понятіе объ этой „Азбукѣ,“ приведемъ нѣсколько изъ заключающихся въ ней наставленій.

„Предъ Богомъ всѣ люди равны.“

„Буде увидишъ неблагодарнаго, знай, что онъ дѣлаетъ худо, но для того не переставай дѣлать добро.“

„Во младости Киръ, сынъ Камбиза персидскаго владѣтеля, прогуливаясь съ своимъ учителемъ, увидѣлъ двухъ мальчиковъ; одному было примѣрно десять лѣтъ, другому шесть; старшій былъ выше, младшій былъ ниже; на обоихъ кафтаны были сшиты не по росту, — на высокомъ кафтанъ былъ короткой, на маломъ длинной. Киръ, увидя ихъ въ такомъ нарядѣ, сказалъ: лучше-бы отдать длинный кафтанъ высокому мальчику, а короткой меньшому ростомъ, на что учитель Киру отвѣчалъ слѣдующее: то дѣло портнова, кому какой кафтанъ въ пору, а твое дѣло есть разсудить справедливо, не должно отнять ни у одного ему принадлежащее; останься всякой мальчикъ съ своимъ кафтаномъ.“

„Въ великихъ сердцахъ мщеніе не болѣе держится, какъ вода на покатой горѣ.“

„Вольность есть право дѣлать все то, что̀ законы дозволяютъ.“

„Александръ спросилъ Діогена, боится-ли онъ его? Діогенъ отвѣчалъ вопросомъ: благъ-ли ты, Александръ, или золъ? Александръ сказалъ: благъ. на что̀ Діогенъ рекъ: кто когда видалъ бояться благаго?“

Нѣкоторыя изъ этихъ поученій были пояснены рисунками (5).

Въ Наставленіи „о сохраненіи здоровья“ Царственныхъ питомцевъ, Императрица предписывала,

чтобы ихъ платье было какъ можно простѣе и легче, чтобы пища была простая, и „буде кушать захотятъ между обѣдомъ и ужиномъ, давать имъ кусокъ хлѣба.“ Далѣе — сказано: „чтобъ не кушали, когда сыты, и не пили, не имѣя жажды, и чтобъ когда сыты, ихъ неподчивали пищею или питьемъ; чтобы не пили холоднаго вспотѣвши, или когда разгорячены, а вспотѣвши, не пили иначе, какъ скушавъ напередъ кусокъ хлѣба.“

Императрица желала, чтобъ юные Князья, и лѣтомъ, и зимою, оставались какъ можно чаще на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ и на вѣтру, а зимою по возможности рѣже возлѣ огня, и чтобъ зимою въ ихъ комнатахъ было не болѣе 13-ти или 14-ти градусовъ по реомюрову термометру. Далѣе — въ Наставленіи сказано: „на загаръ лица и рукъ не смотрѣть.... Вспотѣвши не ложиться на мокрой травѣ.“

Императрица желала, чтобъ Великіе Князья, зимою и лѣтомъ, ходили въ баню, чрезъ три или четыре недѣли, а лѣтомъ купались, сколько сами захотятъ, лишь бы предъ тѣмъ не вспотѣли. Весьма полезнымъ считала она, чтобы дѣти учились плавать. Приказано было имъ спать „немягко,“ а на тюфякахъ, подъ легкими одѣялами, лѣтомъ — ситцевыми подшитыми простынею, а зимою — стёганными; ложиться и вставать рано. Предписано веселымъ играмъ дѣтей не мѣшать и „малыхъ неисправностей при игрѣ не унимать.“ Государыня полагала, что „давъ дѣтямъ въ игрѣ совершенную свободу, можно узнать нравъ и склонности ихъ.“ *) Далѣе сказано: „не оставлять ихъ никогда праздными.“

*) Ник. Иван. Салтыковъ дѣйствовалъ противно этому правилу, требуя отъ царственныхъ питомцевъ, чтобы они ему давали отчетъ въ своихъ мысляхъ. Сколько намъ кажется, изъ этого могло выйти только стѣсненіе свободы мышленія.

По мнѣнію Императрицы, слѣдовало избѣгать употребленія лекарствъ и обращаться къ помощи врача только въ случаѣ дѣйствительной болѣзни. „Когда дѣти больны, пріучать ихъ къ преодолѣнію страданій терпѣніемъ, сномъ и воздержаніемъ. Каждый человѣкъ подверженъ голоду, жаждѣ, усталости, боли отъ недуговъ и ранъ, и потому долженъ переносить ихъ терпѣливо. Помощь въ такихъ случаяхъ необходима, но надлежитъ подавать ее хладнокровно, безъ торопливости.“

Въ особой главѣ „касательно умонаклоненія къ добру,“ Императрица предлагаетъ дѣйствовать на мораль дѣтей, давая имъ чувствовать, при всякомъ удобномъ случаѣ, что прилежаніе и хорошее поведеніе награждаются любовью, добрымъ именемъ и славою, а нерадѣніе и дурные поступки влекутъ за собою стыдъ и презрѣніе. „Стараться при всѣхъ случаяхъ вселять въ дѣтяхъ человѣколюбіе и даже сострадание ко всякой твари“.... Обманъ и неправда, и въ игрѣ, не должны быть терпимы, какъ безчестное и постыдное дѣло. „Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда слѣдуетъ лишить ихъ имъ принадлежащаго, чтобы они почувствовали, какова несправедливость.“

По мнѣнію Императрицы: „дѣти обыкновенно плачутъ отъ упрямства, либо отъ болѣзни, но должно запрещать всякія слёзы. Въ болѣзни — слѣдуетъ употребить необходимыя средства для ея облегченія, не обращая вниманія на слёзы, и стараясь внушить дѣтямъ, что плачъ ихъ не уменьшаетъ, а усиливаетъ болѣзнь, и что лучше преодолѣвать ее бодростью духа и терпѣніемъ. Мысли-же ихъ стараться отвлечь на что̀ иное, или обратить слёзы въ шутки..... Если въ чемъ-либо приставники от-

казали дѣтямъ, то чтобъ крикомъ и плачемъ не могли выпросить.“

Далѣе — Екатерина пишетъ: „объ истинномъ познаніи Бога,“ присовокупляя, что „когда идетъ рѣчь о Законѣ (о Христіанской Вѣрѣ), тогда неинако отзываться при дѣтяхъ, какъ съ достодолжнымъ почтеніемъ.“

По словамъ Императрицы: „тѣлесная сила обнаруживается въ преодолѣніи труда, а душевная твердость — въ подчиненіи своихъ желаній здравому разсудку, и потому съ самаго дѣтства необходима привычка слѣдовать указаніямъ разсудка и справедливости.“ Должно пріучать воспитанниковъ къ безпрекословному повиновенію. „Да будетъ то — пишетъ Императрица — что̀ Бабушка приказала, непрекословно исполнено; что̀ запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобъ казалось дѣтямъ столько-же трудно то нарушить, сколько перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію..... Кто съ младенчества не поваженъ повиноваться приказанію и совѣту родителей и приставниковъ, тотъ, созрѣвъ, не въ состояніи будетъ слушать совѣтовъ здраваго разсудка и справедливости..... Чего дѣти повелительнымъ голосомъ требовать будутъ, того не давать“.....

„Кто не слушается — продолжаетъ Екатерина — тотъ боленъ, и должно поступать съ нимъ какъ съ больнымъ, лишивъ развлеченій и забавъ, свойственныхъ здравому, пока болѣзнь его кончится съ возвращеніемъ здраваго разсудка, т. е. съ послушаніемъ и покорностью.“

Императрица требовала, чтобы Царственныя дѣти не только не мучили и не убивали животныхъ, какъ напр. птицъ, бабочекъ, мухъ, и т. под. но чтобы имѣли попеченіе о принадлежавшихъ имъ собакахъ, птицахъ, бѣлкѣ, и даже о цвѣтахъ въ горшкахъ,

поливая ихъ. Все-же, оставляемое ими безъ призрѣнія, приказывала отбирать отъ нихъ.

Ложь и обманъ запрещались, какъ дѣтямъ, такъ и приставникамъ, даже и въ шутку. Приказано было: „если кто изъ воспитаниковъ солжетъ, то въ первый разъ выказать удивленіе тому, какъ поступку странному, неожиданному и неприличному; если-же опять солжетъ, то сдѣлать виновному выговоръ и обходиться съ нимъ холодно и съ презрѣніемъ. а буде, паче чаянія, неуймется, то наказать, какъ за упрямство и непослушаніе.“

Императрица предписывала: „отдалять отъ глазъ и ушей Ихъ Высочествъ всѣ худые примѣры, и чтобы никто при дѣтяхъ не говорилъ грубыхъ, непристойныхъ и бранныхъ словъ, и несердился.“

„Главное достоинство наставленія дѣтей — продолжаетъ Екатерина — состоять должно въ любви къ ближнему, (не дѣлай другому, чего не хочешь, чтобъ тебѣ сдѣлано было), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обращеніи со всѣми, въ добронравіи, чистосердечіи, въ удаленіи гнѣвной горячности, боязливости и пустаго подозрѣнія“.....

По словамъ Императрицы: „истинная смѣлость состоитъ въ томъ, чтобы пребывать въ томъ, что̀ долгъ человѣку предписываетъ.“

По ея мнѣнію, надлежало отдалять отъ дѣтей все то, что̀ могло бы испугать ихъ, но если они чего боятся, то пріучать къ такимъ предметамъ исподоволь, сперва издали, а потомъ подходя ближе, стараясь разсѣять ихъ опасенія доказательствами доступными дѣтскому понятію, но „основанными на истинѣ.“ либо обративъ ихъ страхъ въ шутку. Съ такою-же цѣлью было приказано приставникамъ не

выказывать опасеній при громѣ, бурѣ и въ другихъ случаяхъ, и пріучать дѣтей небояться пауковъ, мышей, собачьяго воя, качки кареты или лодки, а также, чтобы они видѣли, какъ лягають и топають ногами лошади, и подходили къ нимъ. Приказано также пріучать дѣтей ходить по такимъ мѣстамъ, гдѣ они могутъ споткнуться безъ опасныхъ послѣдствій; если кто изъ нихъ упадетъ, не спѣшить безъ нужды на помощь и дать время встать самому; въ случаяхъ-же, когда нужна помощь — подать ее, не торопясь.

На счетъ учтивости, Императрица полагала, что „она основана на томъ, чтобы не имѣть худаго мнѣнія ни о себѣ самомъ, ни о ближнемъ..... Человѣколюбіе, уваженіе ближняго, вниманіе къ каждому, да послужатъ основаніями учтивости.“

„Противны учтивости: во 1-хъ, природная грубость и невниманіе къ тому, что̀ другимъ нравится, или ненравится; во 2-хъ, пренебреженіе къ людямъ, выказываемое взглядами, словами, поступками и движеніями; въ 3-хъ, насмѣшки, умышленные споры и противорѣчіе, и въ 4-хъ, привязчивость и пересуды. Но и лишняя учтивость несносна въ обществѣ..... Пріучать дѣтей, чтобы не перебивали никому рѣчи, неспѣшили сказывать свое мнѣніе, не говорили слишкомъ громко, или утвердительно, а просто, не возвышая голоса.“

На счетъ „поведенія,“ Императрица полагала, что оно много зависитъ отъ общества, въ которомъ будутъ дѣти, и потому слѣдуетъ быть весьма осторожными въ выборѣ окружающихъ ихъ людей. По мѣрѣ приближенія воспитанниковъ къ юношескому возрасту, показать имъ, мало по малу, свѣтъ, каковъ онъ есть и стараться внушить въ нихъ осторожность отъ пороковъ и порочныхъ людей.....

„Способъ не быть обманутымъ въ свѣтѣ — говоритъ Екатерина — знать свѣтъ..... Необходимо умѣнье различать свойства людей, и въ какихъ случаяхъ прилично не обращать на то вниманія.... Въ комъ нѣтъ ни добродѣтели, ни учтивости, ни добраго поведенія, ни знанія людей и вещей, тотъ никогда не будетъ достоинъ почтенія.“

По мнѣнію Императрицы, главное дѣло приставниковъ состояло въ томъ, чтобы дать питомцамъ здравое понятіе о вещахъ и внушить въ нихъ правила добродѣтели. послушаніе къ Императрицѣ, почтеніе къ родителямъ своимъ, любовь къ истинѣ, благоволеніе къ человѣчеству, снисхожденіе къ ближнему, показывать имъ все, какъ оно есть, и какъ быть должно.... Ученіе-же должно было служить единственно къ отвращенію праздности, къ развитію природныхъ способностей и для привычки къ труду. Приказано было учить дѣтей въ тѣ часы, когда они сами изъявятъ къ тому охоту, неболѣе получаса сряду *), и оканчивать прежде, нежели станутъ скучать. За ученіе не бранить, но если учатся хорошо — похвалить..... По мнѣнію Императрицы: „Страхомъ научить нельзя, ибо въ душу объятую страхомъ не болѣе вложить можно ученія, какъ на дрожащей бумагѣ написать.“

На счетъ предметовъ, коимъ должны были учиться Великіе Князья, находимъ въ Наставленіи слѣдующія правила.

„Языкамъ учить дѣтей неиначе, какъ въ разговорахъ, но чтобы при томъ незабывали своего языка русскаго..... Къ изученію иностранныхъ языковъ присоединять полезныя познанія, какъ напр. учить

---

*) Великимъ Князьямъ въ то время было—Александру семь, а Константину пять лѣтъ.

Минералогію на латинскомъ, Ботанику на нѣмецкомъ, Зоологію на французскомъ языкѣ, но не всѣ предметы вдругъ, а послѣдовательно одинъ за другимъ. Чтеніе Евангелія на разныхъ языкахъ и сличеніе ихъ съ русскимъ даетъ достаточное знаніе нѣкоторыхъ въ разговорѣ необычайныхъ (мертвыхъ?) языковъ, какъ напр. греческаго, владѣя коимъ, воспитанники могутъ пріобрѣсть многія полезныя свѣдѣнія."

Сперва учить: чтенію, письму, рисованію, Ариѳметикѣ; не худо учиться и письму подъ титлами (abréviation). За тѣмъ послѣдуютъ: Географія, Хронологія, Астрономія и Математика, но запрещается принуждать дѣтей твердить много наизусть *). Далѣе—Исторія, Законы россійскіе, не узнавъ коихъ, невозможно знать и порядка, коимъ правится Россія"..... „Русское письмо и языкъ надлежитъ стараться чтобъ знали какъ возможно лучше"..... Желательно—писала Императрица—чтобы они прошли военную, сухопутную и морскую службу, отъ первоначальныхъ основаній до высшей части ихъ, и получили о нихъ основательное понятіе.

Сверхъ того, предполагалось обучать Царственныхъ дѣтей: верховой ѣздѣ, фехтованью, вольтижированью, плаванью, ружейнымъ пріемамъ „и всему тому, чтò тѣлу придастъ силу и поворотливость"..... „Доброй походкѣ и наружности ни чѣмъ лучше выучиться нельзя, какъ танцованьемъ"..... Если дѣти изъявятъ охоту точить или заниматься какимъ либо другимъ ремесломъ, то не отвращать ихъ отъ сихъ занятій.

Великихъ Князей, въ возрастѣ отъ одиннадцати до пятнадцати лѣтъ, упражнять свѣдѣніями относя-

*) Весьма замѣчательно, что для первоначальнаго образованія избраны Императрицею большею частью такіе предметы, которые требуютъ отъ обучающихся памяти, именно: языки, Хронологія, Географія.

щимися къ изученію Россіи, и въ этомъ должны состоять главные предметы ихъ занятій. Къ достиженію сей цѣли, по мнѣнію Императрицы, могли служить: карты Россіи и каждой изъ россійской губерніи, съ описаніемъ почвы, произрастеній, животныхъ и главныхъ пунктовъ народной промышленности, а также виды замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, городовъ и строеній; свѣдѣнія о теченіи судоходныхъ рѣкъ, о состояніи крѣпостей и дорогъ, описаніе народовъ живущихъ въ каждой губерніи, ихъ одежды, нравовъ и обычаевъ и проч. Кромѣ того, въ числѣ предметовъ обученія, были указаны: Законы и судопроизводство своей страны, финансы, образованіе и содержаніе войскъ, попеченіе о больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ.

Для чтенія, по мнѣнію Императрицы, могли служить съ пользою: повѣствованія изъ жизни великихъ людей, объясненія причинъ возвышенія и паденія государствъ и народовъ; историческія и статистическія свѣдѣнія о различныхъ государствахъ.

Императрица, сама занимавшаяся литературою, не приказала однакоже учить великихъ Князей — ни поэзіи, ни музыкѣ, полагая, что „для достиженія успѣховъ въ этихъ предметахъ требуется много времени, которое съ большею пользою можетъ быть употреблено на другія занятія.“

Въ заключеніе изложенной инструкціи, начертаны весьма подробныя и опредѣлительныя правила для приставниковъ, касательно ихъ обхожденія съ ввѣренными ихъ попеченію воспитанниками. Чтобы дать понятіе, какъ смотрѣла мудрая Монархиня на этотъ предметъ, приведемъ ея наставленія, на случай, если приставники замѣтили-бы въ которомъ-либо изъ воспитанниковъ равнодушіе, или неохоту къ ученію. „Ежели окажется, что онъ въ игрѣ живъ,

а лѣнивъ къ одному лишь ученію, то можно напомнить ему ласково и безъ укоризны, какъ противно здравому разсудку терять время на бездѣлицы, тѣмъ болѣе, что послѣ небольшаго труда и самая забава гораздо пріятнѣе. Въ случаѣ, если такое наставленіе неисправитъ лѣнивца, стыдить его, спрашивая на-единѣ, но по-чаще, сколько времени учился, что̀ выучилъ, и т. под. обходиться съ нимъ холодно, грозя отнять у него книги и совершенно прекратить ученіе, чтобы понапрасну не терять время и досугъ учителей. Можно даже въ дѣйствительности отобрать у него всѣ книги и оставя его съ одними игрушками, заставить играть непремѣнно въ назначенные часы, до тѣхъ поръ, пока игра ему до того наскучитъ, что онъ станетъ просить самъ, чтобы его учили по прежнему" (6).

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Александръ необладалъ вполнѣ классическимъ образованіемъ, но воспитаніе дало ему качества, несравненно полезнѣйшія въ его санѣ — любовь къ наукамъ и убѣжденіе въ необходимости народнаго просвѣщенія.

Попеченія Великой Монархини о любимомъ внукѣ не ограничились его воспитаніемъ. Императрица Екатерина, уже на закатѣ жизни, нетерпѣливо желала видѣть своего питомца счастливымъ супругомъ, отцемъ семейства, и торопилась соединить его, на 16-мъ году отъ рода, съ четырнадцати-лѣтнею принцессою баденскою Луизою, Великою Княгинею Елисаветою Алексѣевною, одаренною щедро очаровательными качествами: красотою, умомъ, образованіемъ и ангельскою кротостью. Говорятъ, будтобы этотъ слишкомъ ранній бракъ разстроилъ здоровье юныхъ супруговъ. Дочери ихъ, Марія и Елисавета, скончались во младенчествѣ.

Находившійся въ продолженіи десяти лѣтъ при Наслѣдникѣ престола Павлѣ Петровичѣ и назначенный въ 1784-мъ году воспитателемъ Великихъ Князей, Александра и Константина, генералъ-аншефъ графъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ и князь) Николай Ивановичъ Салтыковъ (7) отличался добротою и глубокимъ религіознымъ чувствомъ. По словамъ Грибовскаго и другихъ современниковъ, графъ Салтыковъ „почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, т. е. весьма твердо зналъ придворную науку, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе поверхностное; въ дѣлахъ-же собственно ему порученныхъ былъ управляемъ своимъ письмоводителемъ, а въ домашнихъ — неограниченно графинею, раболѣпствовалъ случайнымъ и чуждался впадшихъ въ немилость.“ На попеченіи его лежали заботы о сохраненіи здоровья и нравственномъ образованіи Царственныхъ питомцевъ; а учебными занятіями Великихъ Князей руководилъ знаменитый Швейцарецъ Лагарпъ, человѣкъ умный, образованный, но восторженный и витавшій въ сферѣ мечтательныхъ теорій. Тѣмъ не менѣе однакоже ему принадлежитъ честь развитія въ юношѣ Александрѣ любви и уваженія къ человѣчеству. Немалаго труда стоила честному Лагарпу борьба съ дворскими происками; не всѣ лица, окружавшія Царственныхъ дѣтей, стремились къ содѣйствію высокой цѣли — ихъ воспитанія, и даже нашлись люди желавшіе устранить прямодушнаго наставника. Нѣсколько писемъ Лагарпа къ его двоюродному брату, генералу французской республики, были перехвачены и вручены Императрицѣ. Доносчики, основываясь на нѣкоторыхъ выраженіяхъ въ этихъ письмахъ, хотѣли выставить Лагарпа въ глазахъ Монархини либераломъ, весьма опаснымъ и недостойнымъ ея довѣрія. Но Екате-

рина, не придавая ни малѣйшей важности этимъ обвиненіямъ, пригласила къ себѣ Лагарпа, показала ему перехваченныя письма и спросила у него, шутя: „дѣйствительно-ли онъ такой якобинецъ, какимъ его считаютъ.“ — „Ваше Величество — сказалъ онъ — поручая мнѣ воспитаніе Великихъ Князей, знали, что я Швейцарецъ, и слѣдовательно — гражданинъ республики. Я остался имъ по прежнему, и ваша, всему свѣту извѣстная справедливость недозволитъ вамъ считать предосудительнымъ мой образъ мыслей. Мои земляки, ваадтскіе граждане, угнетены Бернцами; я совѣтовалъ имъ домогаться возстановленія своихъ правъ законнымъ порядкомъ. Неужели могутъ за то обвинять меня въ бунтѣ? Впрочемъ — я удивляюсь вашимъ высокимъ качествамъ, уважаю ваше правительство и, добросовѣстно исполняя принятыя мною на себя обязанности, всевозможно стараюсь оправдать ваше довѣріе и внушить Великимъ Князьямъ чувства приличныя ихъ роду, чтобы они были въ состояніи слѣдовать вашему примѣру.“ Императрица, пораженная благородною откровенностью Лагарпа, отвѣчала ему: „будьте республиканцемъ, якобинцемъ, кѣмъ хотите; я считаю васъ честнымъ человѣкомъ и этого мнѣ довольно. Оставайтесь при моихъ внукахъ и продолжайте ваши занятія съ ними столь-же усердно какъ и прежде. Я совершенно увѣрена въ васъ.“ Замѣтимъ, что эти слова были сказаны тогда, когда во Франціи демагоги судили своего Государя, и когда въ Швеціи Король Густавъ III уже погибъ отъ руки фанатика Анкарстрёма *).

*) Непріятели Лагарпа однакоже не оставили его въ покоѣ и прибѣгли къ новымъ доносамъ, въ слѣдствіе коихъ онъ былъ уволенъ отъ обязанности наставника Великихъ Князей, и потомъ, при Императорѣ Павлѣ, лишенъ получаемаго имъ пенсіона. (Mémoires de Frédéric César Laharpe. 1864).

Преподавателями наукъ Великимъ Князьямъ были избраны люди извѣстные своими свѣдѣніями. Въ числѣ ихъ профессоръ Экспериментальной Физики Крафтъ отличался добродушіемъ и ясностью изложенія. Александръ Павловичъ, занимаясь съ нимъ, какъ и вообще со всѣми учителями, внимательно и съ охотою, вполнѣ воспользовался его уроками. Однажды Крафтъ, объясняя предположенія различныхъ ученыхъ на счетъ свѣта, сказалъ, между прочимъ, что Ньютонъ считалъ его веществомъ постоянно истекающимъ изъ солнца. Александръ, которому тогда было двѣнадцать лѣтъ, отвѣчалъ: „я этому не вѣрю, потому что въ такомъ случаѣ солнце должно было-бы ежедневно уменьшаться.“ — Знаменитый Палласъ преподавалъ Великимъ Князьямъ Ботанику и занимался съ ними герборизаціей въ окрестностяхъ Павловска. — Полковникъ Массонъ (авторъ сочиненія: Mémoires secrets sur la Russie, etcet.) училъ ихъ Математикѣ. — Преподавателемъ русской словесности, русской исторіи и нравственной философіи былъ извѣстный писатель, мужъ добра, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ; а наставникомъ въ Законѣ Божіемъ и духовникомъ обоихъ Великихъ Князей назначенъ, въ 1785 году, Протоіерей Андрей Аѳанас. Самборскій.

Свидѣтельствомъ постоянныхъ и многоразличныхъ занятій въ дѣтствѣ и отрочествѣ Александра Павловича служитъ значительное количество учебныхъ тетрадей его, хранящихся въ Императорской публичной библіотекѣ. Сообразно волѣ Императрицы, упражняли его, большею частью, самостоятельно, заставляя дѣлать извлеченія изъ прочтенныхъ имъ историческихъ и статистическихъ сочиненій. По достиженіи двѣнадцати лѣтъ, Великій Князь велъ журналъ, въ который вписывалъ вкратцѣ предметы

пройденные имъ въ продолженіи каждой недѣли. Кромѣ того, были заведены особыя тетради, въ которыя Царственный отрокъ, подъ диктовкою Лагарпа, вносилъ всѣ свои проступки. Эти замѣтки, отличающіяся чрезвычайною строгостью и ѣдкостью выраженій, иногда переписывались Великимъ Княземъ по нѣскольку разъ ([8]).

Александръ Павловичъ выказывалъ необыкновенную жажду къ пріобрѣтенію свѣдѣній и уваженіе къ своимъ воспитателямъ. Даже генералъ-поручикъ Протасовъ, исправлявшій при немъ обязанности гувернёра, человѣкъ ограниченный и безхарактерный, подвергавшійся насмѣшкамъ всего двора, пользовался благосклонностью Великаго Князя, который, не обращая вниманія на неспособность приставника, отдавалъ справедливость его преданности и при всякомъ случаѣ старался выразить ему свою признательность. Въ отношеніи-же къ Салтыкову, всѣ поступки Александра Павловича были внушены чувствомъ, которое, по истинѣ, можно сравнить съ сыновнимъ благоговѣніемъ. Такимъ пребылъ онъ во всю жизнь своего воспитателя, а по кончинѣ его, въ 1816-мъ году, Императоръ Александръ I, уже находясь на высшей степени земнаго величія, провожалъ пѣшкомъ, съ непокрытою головою, гробъ угасшаго старца.

Такую-же трогательную привязанность питалъ Александръ къ Лагарпу. Еще въ дѣтствѣ Великій Князь предпочиталъ поучительныя бесѣды съ своимъ наставникомъ забавамъ и играмъ, свойственнымъ его тогдашнему возрасту. Говорятъ, будтобы однажды, когда Александръ, бросясь на шею къ Лагарпу, былъ осыпанъ пудрою съ его парика, и когда Лагарпъ сказалъ: „посмотрите, любезный Князь, на чтò вы похожи," Александръ отвѣчалъ: „ну все

равно; никто неосудитъ меня за то, что займу отъ васъ." Въ послѣдствіи, уже въ юношескомъ возрастѣ, Александръ не пропускалъ ни одного дня, не побесѣдовавъ съ своимъ воспитателемъ. Однажды, отправясь къ нему по обыкновенію пѣшкомъ, Великій Князь нашелъ у него въ передней только-что вступившаго въ должность швейцара, который, не зная никого изъ обычныхъ посѣтителей лагарпова дома, спросилъ: „кто онъ," и получилъ отвѣтъ: „Александръ," просилъ его подождать — потому что господинъ Лагарпъ былъ занятъ." Великій Князь, войдя въ пріемную, остался тамъ и ожидалъ болѣе получаса; когда-же Лагарпъ, выйдя изъ своего кабинета и встрѣтивъ неожиданнаго гостя, сталъ извиняться въ недогадливости новичка-служителя, Александръ отвѣчалъ: „одинъ часъ вашихъ званятій стоитъ цѣлаго дня моего" и щедро наградилъ швейцара „за усердное исполненіе его обязанностей" (9).

Необыкновенная впечатлительность Александра Павловича способствовала его наставникамъ имѣть сильное вліяніе на характеръ и образъ мыслей своего питомца. Высокія чувства христіанскаго смиренія и любви къ человѣчеству, врожденныя въ Александрѣ, развились въ немъ, благодаря внушеніямъ Лагарпа на столько, на сколько это было возможно при роскошномъ дворѣ, упитанномъ философіей, и снисходительною къ людскимъ слабостямъ моралью XVIII вѣка. Самъ Александръ въ послѣдствіи сознавался, что только-лишь борьбѣ имъ выдержанной и искупленію Европы отъ гибели онъ былъ обязанъ собственнымъ своимъ нравственнымъ возрожденіемъ. Въ 1818 году, бесѣдуя съ прусскимъ епископомъ Эллертомъ, Александръ сказалъ: „Екатерина была умная, великая жена, но, что касается воспитанія сердца въ духѣ истиннаго благочестія, при петер-

бургскомъ дворѣ было..... какъ почти вездѣ. Я чувствовалъ въ себѣ пустоту и мою душу томило какое-то неясное предчувствіе. Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, судъ Божій на ледяныхъ поляхъ Россіи преисполнилъ мое сердце теплотою Вѣры. Тогда я познalъ Бога, какъ открываетъ намъ его Св. Писаніе; съ тѣхъ только поръ я понялъ его волю и его законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость — посвятить себя и свое царствованіе его имени и славѣ." Это религіозное чувство, въ послѣдствіи дошедшее до восторга, придало душевному настроенію Императора Александра какую-то неземную поэтическую прелесть. Одаренный страстнымъ сердцемъ, пылкою фантазіей, Александръ, создавъ въ своихъ помыслахъ идеалъ свѣта и людей, хотѣлъ осуществить его — водворить господство справедливости и общаго спокойствія. По восшествіи на престолъ, любимыми идеями его были умѣренность въ государственныхъ расходахъ и вѣчный миръ (10).

По свидѣтельству князя Адама Черторыскаго — того самаго, который, будучи удостоенъ дружбою юнаго Александра, мнилъ сдѣлать его въ послѣдствіи орудіемъ своихъ политическихъ убѣжденій — „Великій Князь восторгался красотами природы; нерѣдко цвѣтокъ, зелень растенія, либо ландшафтъ какой-либо мѣстности восхищали его.... Александръ любилъ смотрѣть на сельскія работы, на грубую красоту крестьянокъ; полевые труды, простая, спокойная жизнь въ уединеніи: *) таковы были мечты его юности" (11). Въ послѣдствіи онъ освоился съ

*) Князь Чарторыскій считалъ такое настроеніе духа несовмѣстнымъ съ высокимъ назначеніемъ Александра (!). И дѣйствительно — умѣренность Великаго Князя была непонятна польскому магнату, въ глазахъ котораго крестьяне были немногимъ выше безсловесныхъ тварей.

обаяніемъ власти, и даже подвергался упрекамъ въ славолюбіи, но всегда смирялъ озарявшія его величіе и славу глубокою покорностью Промыслу Всевышняго. „Не намъ, не намъ, а Имени Твоему“ воздалъ новый Давидъ торжество свое надъ высокомѣрнымъ Голіафомъ.

Положеніе, въ которомъ провелъ свои юныя лѣта Александръ, дѣля время между Императрицею и стоявшимъ тогда во главѣ оппозиціи, Наслѣдникомъ Престола, было весьма затруднительно и оказало неблагопріятное вліяніе на его характеръ. Нерѣдко случалось ему, проведя утро на парадахъ и ученіяхъ въ Гатчинѣ, среди тамошнихъ, большею частью необразованныхъ и грубыхъ офицеровъ, въ неуклюжемъ на прусскій манеръ мундирѣ, являться, въ тотъ-же день вечеромъ, въ эрмитажъ, гдѣ дворъ Великой Монархини блисталъ столько-же внѣшнимъ блескомъ, сколько изящнымъ обращеніемъ, умомъ и талантами избранныхъ гостей ея. Необходимость примѣняться къ тону столь различныхъ обществъ, взвѣшивать каждое слово, развила въ Александрѣ умѣнье хранить тайну и вмѣстѣ съ тѣмъ — скрытность, что̀ въ послѣдствіи подавало поводъ упрекать его въ двуличіи. Быть-можетъ эти-же самыя обстоятельства поселили отъ самой юности въ Александрѣ недовѣрчивость къ людямъ, что̀, мѣшая ему открывать истинное достоинство, неразлучное съ скромностью, нерѣдко побуждало его удостоивать своимъ довѣріемъ искательную бездарность, либо лукавство прикрытое личиною безлестной преданности. Подобно Екатеринѣ, онъ болѣе любилъ оказывать милости, нежели воздавать за заслуги, но былъ несравненно бережливѣе своей Великой прародительницы. Такъ наприм. знаменитому Кутузову, за рѣшительную битву при Бородинѣ, было по-

жаловано единовременно сто тысячъ рублей. Но Императоръ Александръ не жалѣлъ ничего, когда шло дѣло о пользѣ наукъ и художествъ, объ украшеніи городовъ полезными и великолѣпными сооруженіями. Многіе приписывали это самолюбію его; но что̀ нужды въ томъ? Пусть великіе міра совершаютъ подвиги добра, хотя-бы то было и не изъ одного чистаго влеченія къ доброму и прекрасному. Если достоинство такихъ подвиговъ отъ того и умалится, ихъ послѣдствія будутъ не менѣе благотворны.

Многіе изъ современниковъ Императора Александра (Шницлеръ, Стедингкъ, Савари и Лаферонѐ) обвиняли его въ непостоянствѣ, доходившемъ до слабости, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ запальчивости и упрямствѣ. Такое соединеніе совершенно противныхъ качествъ не только возможно, но весьма естественно, и все дѣло состоитъ въ томъ,—былъ-ли онъ то сговорчивъ, то упоренъ, кстати, или на оборотъ: по крайней мѣрѣ, нельзя не сознаться, что настойчивость его — не мириться съ Наполеономъ, пока хотя одинъ вооруженный непріятель оставался на русской землѣ, и продолжать войну въ 1814 году, вопреки желанію освобожденной имъ Германіи, доставила ему блистательныя страницы въ Исторіи.

Ежели справедливо, что характеръ человѣка слагается и измѣняется, во все продолженіе жизни, подъ вліяніемъ окружающей его среды, то эта истина можетъ примѣниться болѣе нежели когда-либо къ необыкновенно-впечатлительному Александру. Мы видимъ его въ юности недовѣрчивымъ къ самому себѣ, мечтающимъ объ отреченіи отъ власти и величія, о мирномъ убѣжищѣ на берегахъ Рейна; чрезъ нѣсколько лѣтъ, при восшествіи на престолъ,

онъ является твердо намѣреннымъ идти по слѣдамъ Великой Екатерины, и эту рѣшимость — слѣдствіе не мимолетной вспышки, а глубокаго убѣжденія — видимъ на самомъ дѣлѣ: въ уваженіи къ закону, въ облегченіи участи страждущихъ, во вниманіи Монарха къ человѣческому достоинству. За тѣмъ, не найдя въ современномъ обществѣ участія своимъ благимъ помысламъ, принужденный вести многолѣтнія войны, не успѣвая зорко слѣдить за дѣлами внутренняго управленія, онъ убѣждается на опытѣ, что наилучшіе уставы достигаютъ своего назначенія только тогда, когда ихъ святыня охраняется нравами. Въ продолженіи первыхъ отлучекъ за границу Императора Александра, лихоимство и казнокрадство достигли чудовищныхъ размѣровъ, и самъ Государь, видя несостоятельность своихъ усилій — водворить должное уваженіе къ законамъ, какъ будтобы отчаявается достичь предположенной имъ цѣли. Отечественная война снова возбуждаетъ всю его энергію: онъ, во главѣ русскаго народа, отражаетъ Европу ведомую Наполеономъ, старается залечить раны Россіи, освобождаетъ Германію, покоряетъ благодушіемъ сердца враговъ побѣжденныхъ его оружіемъ; его голосъ господствуетъ на царственныхъ ареопагахъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, онъ отказывается отъ прежнихъ своихъ убѣжденій, и вмѣсто того, чтобы вести народы къ высокой цѣли истиннаго прогресса, ограничиваетъ свою дѣятельность ревнивымъ охраненіемъ ихъ неподвижности. Таковы главные фазисы неуловимаго Протея, котораго характеръ соединялъ въ себѣ рѣзко противоположныя качества: христіянское смиреніе и величавость, безпечность и кипучую дѣятельность, доброту и упорство мнѣній на счетъ людей, подвергавшихся его неудовольствію. Но при всѣхъ измѣ-

неніяхъ его характера, господствующею чертою въ немъ было необыкновенное искусство обращенія со всѣми, умѣнье привлекать къ себѣ сердца всѣхъ, съ кѣмъ доводилось ему имѣть дѣло. Въ 1813 году, Сперанскій, удаленный въ Пермь, читая въ газетахъ, съ какимъ восторгомъ вездѣ встрѣчали Александра въ Германіи, сказалъ: „вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи; будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ и тотъ не устоитъ противъ обращенія Государя: это сущій прельститель....“

Изъ всего сказаннаго о характерѣ и свойствахъ Александра, легко вывести заключеніе, какія надежды внушалъ онъ въ народѣ, съ самаго дѣтства своего, и какъ любимъ онъ былъ впослѣдствіи. Одинъ изъ его современниковъ увѣрялъ, что чувства къ нему тогдашняго общества не могутъ быть выражены обычнымъ понятіемъ человѣческой преданности. „Его любили страстно, какъ любятъ обожаемую женщину,“ сказалъ онъ.

Приступая къ изложенію государственной дѣятельности Императора Александра, скажемъ нѣсколько словъ о его образѣ жизни. Давно уже извѣстна поговорка, что „никто не можетъ быть героемъ въ глазахъ своего камердинера.“ (Il n'y a pas de héros pour son valet de chambre). Мы вовсе ненамѣрены низводить исторію на степень мелочной хроники, однакожe полагаемъ, что понятіе о частномъ — такъ сказать — обыденномъ образѣ жизни Государя, огласившаго свѣтъ славою своего имени, послужитъ полезнымъ дополненіемъ очерка его характера.

Мы уже имѣли случай сказать, что Императоръ Александръ чуждался всякой пышности. При Ека-

теринѣ II, русскій дворъ затмѣвалъ всѣ прочіе внѣшнимъ блескомъ; Императоръ Павелъ старался сократить издержки на содержаніе своего двора, но любилъ возвышать величіе царственнаго сана въ глазахъ иностранцевъ. Напротивъ того, Александръ уклонялся отъ всякихъ церемоніальныхъ пріемовъ, обѣдовъ и проч. и какъ будто бы тяготился воздаваемыми ему почестями ([12]). Конечно — царственный питомецъ Лагарпа былъ нечуждъ самолюбія, но онъ поставлялъ удовлетвореніе этого чувства не столько въ формахъ, сколько въ самой сущности общаго уваженія.

Въ юности Александра, Лагарпъ и прочіе воспитатели Великаго Князя упрекали его въ вялости и безпечности. Въ послѣдствіи, молодые сподвижники Императора Александра, въ задушевныхъ бесѣдахъ между собою, изъявляли о немъ такое же мнѣніе. Надлежало ему пройти тернистый путь многолѣтнихъ испытаній, чтобы заставить ближайшихъ къ нему людей отказаться отъ своихъ прежнихъ понятій и признать въ немъ такія качества, какія могли проявиться только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Тѣмъ не менѣе однакоже эти люди сознавали и прежде, что юный Государь былъ преисполненъ желаніемъ общаго блага ([13]).

И дѣйствительно — съ первыхъ дней своего царствованія — Императоръ Александръ изъявилъ намѣреніе неусыпно стремиться, по крайнему разумѣнію, къ высокой цѣли преобразованія администраціи, которой недостатки были явны для каждаго. Въ занятіяхъ его, какъ офиціальныхъ съ министрами, такъ и неофиціальныхъ съ товарищами его молодости, не было системы, что̀, безъ сомнѣнія, мѣшало успѣху его полезныхъ намѣреній; да и не могло быть иначе: при неопытности самого Государя и

окружавшихъ его людей, онъ находился въ необходимости опираться на государственныхъ сановниковъ прежней эпохи, изъ коихъ немногіе лишь могли оцѣнить достоинство задуманныхъ преобразованій.

Таково было положеніе дѣлъ въ началѣ административной дѣятельности Императора Александра. Не смотря на затрудненія, встрѣчаемыя имъ на каждомъ шагу, онъ не терялъ надежды на успѣхъ своихъ усилій; не проходило дня, въ который онъ не занимался бы съ кѣмъ-либо изъ министровъ; совѣщанія же неофиціальнаго Комитета назначались еженедѣльно (обыкновенно въ понедѣльникъ), а иногда и два раза въ недѣлю. Въ эти дни, послѣ обѣда у Государя, молодые сотрудники его обыкновенно посвящали нѣсколько часовъ чтенію записокъ по различнымъ предметамъ государственнаго управленія и бесѣдамъ о нихъ, продолжавшимся до вечера. Что же касается до занятія съ министрами, то Императоръ Александръ находилъ особенное удовольствіе въ трудахъ по дипломатической части, входя въ малѣйшія подробности депешъ министерства иностранныхъ дѣлъ и принимая на себя лично ихъ редакцію. Утвердительно можно сказать, что, въ продолженіи почти всего своего царствованія, Александръ исполнялъ самъ важнѣйшія обязанности по внѣшнимъ сношеніямъ. Въ десятилѣтній періодъ веденныхъ имъ войнъ, онъ также лично занимался дѣлами военнаго министерства. Что же касается до народнаго просвѣщенія, то хотя онъ обращалъ большое вниманіе на эту отрасль государственнаго управленія и заботился объ ея успѣхахъ, однакоже это было болѣе слѣдствіемъ убѣжденія въ ея пользѣ и въ славѣ, которую науки и искусства могли пролить на его владычество, нежели душевнаго влеченія. Изъ числа ученыхъ мужей, Императоръ Але-

ксандръ не только приблизилъ къ себѣ Паррота и Карамзина, обязаннаго тѣмъ покровительству сестры Государя, Екатерины Павловны, но удостоилъ ихъ величайшимъ знакомъ довѣренности Монарха къ подданному, выслушивая отъ нихъ правду. Иностранныхъ же ученыхъ Александръ награждалъ, но не оказывалъ имъ такого лестнаго вниманія, какимъ очаровывала ихъ Императрица Екатерина ([14]).

Любимымъ мѣстопребываніемъ Императора Александра было Царское Село. Тамъ жилъ онъ съ весны до глубокой осени, и даже въ продолженіи зимы удалялся туда нѣсколько разъ на три или четыре дня, въ сопровожденіи немногихъ лицъ, имѣвшихъ къ нему постоянный доступъ. Государь, вставъ съ постели въ шесть или семь часовъ, занимался дѣлами одинъ или съ кѣмъ-либо изъ министровъ, до восьми или девяти; за тѣмъ ходилъ гулять пѣшкомъ, большею частію одинъ, въ тѣнистыя рощи Царскаго Села, что̀ постоянно было его развлеченіемъ во всякую погоду. Возвратясь съ прогулки и позавтракавъ, Государь, около полудня, садился въ коляску и навѣщалъ вдовствующую Императрицу и Великихъ Княженъ, а потомъ обѣдалъ съ своею супругою, либо одинъ, и снова сдѣлавъ небольшую прогулку, опять занимался дѣлами до десяти или одиннадцати часовъ. Подобный же образъ жизни велъ Государь и во время пребыванія въ Зимнемъ дворцѣ. Также рано вставалъ онъ, принималъ съ докладами министровъ и въ девять часовъ отправлялся въ экзерциръ-гаузъ, либо на дворцовую площадь, гдѣ ежедневно присутствовалъ на разводѣ; а потомъ, позавтракавъ, въ полдень ѣздилъ въ коляскѣ, иногда въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, либо ходилъ пѣшкомъ, постоянно одинъ, къ Великимъ Княжнамъ и возвратясь отъ нихъ около двухъ ча-

совъ по-полудни, опять занимался дѣлами до обѣда. Въ первые годы своего царствованія, Государь, пообѣдавъ съ товарищами своей юности, бесѣдовалъ съ ними до вечера, а иногда отправлялся въ театръ, (что̀, впрочемъ, случалось довольно рѣдко), либо навѣщалъ кого-либо изъ близкихъ къ нему государственныхъ сановниковъ ([15]). Въ особенности же онъ тогда любилъ посѣщать частные дома, находя удовольствіе въ искренней бесѣдѣ съ хозяевами, и требуя, чтобы они, забывъ величіе его сана, обходились съ нимъ по-дружески, какъ съ обычнымъ гостемъ. Нерѣдко доводилось ему восхищаться порядкомъ, домашнею чистотою и распорядительностью хозяекъ, умѣвшихъ, по словамъ Государя, съ ограниченными средствами достигать того, что̀ ему было недоступно съ легіономъ служителей и съ огромными издержками. Въ послѣдствіи однакоже онъ нашелся въ необходимости прервать эти пріятныя для него посѣщенія. Съ его тонкимъ умомъ и необыкновеннымъ тактомъ, не трудно было замѣтить ему, что наиболѣе достойные люди, вхожіе въ дома знакомыхъ Императора, опасаясь обезпокоить его своимъ присутствіемъ, либо прослыть искателями фортуны, мало по малу удалялись, а на мѣсто ихъ вкрадывались интриганы-честолюбцы. Государь, встрѣчая происки и лесть тамъ, гдѣ надѣялся найти отъ нихъ убѣжище, отказался отъ доступнаго послѣднему изъ его подданныхъ счастья — дѣлить съ друзьями свои мысли и чувства, и сосредоточась въ самомъ себѣ, среди дворскаго шума, сталъ вести жизнь отшельника ([16]).

Императоръ Александръ I любилъ сохранять въ своемъ кабинетѣ постоянно одинъ и тотъ же порядокъ: письменные столы его содержались въ необыкновенной опрятности; на нихъ никогда не было

видно ни пылинки, ни лишняго лоскутка бумаги. Всему было свое опредѣленное мѣсто; самъ Государь вытиралъ тщательно каждую вещь и клалъ туда, гдѣ разъ навсегда она была положена. На всякомъ изъ стоявшихъ въ кабинетѣ столовъ и бюро лежали свернутые платки, для сметанія пыли съ бумагъ, и десятокъ вновь очиненныхъ перьевъ, которыя употреблялись только однажды, а потомъ замѣнялись другими, хотя-бы то было единственно для подписи имени. Поставка перьевъ, очиненныхъ по рукѣ Государя, отдавалась на откупъ одному изъ заслуженныхъ дворцовыхъ служителей, получавшему за то ежегодно три тысячи рублей ([17]).

Императоръ Александръ, въ началѣ своего царствованія, имѣлъ при себѣ довольно ловкихъ и смѣтливыхъ камердинеровъ (обыкновенно двухъ, смѣнявшихся между собою). Но въ послѣдствіи, замѣтивъ, что они передавали содержаніе бумагъ, оставляемыхъ на письменномъ столѣ въ царскомъ кабинетѣ, и, уличивъ виновныхъ, Государь удалилъ ихъ, обезпечивъ будущность обоихъ, и затѣмъ держалъ при себѣ для услуги людей по-проще, снося терпѣливо ихъ безтолковость и неловкость. Однажды, когда помощникъ лейбъ-хирурга, Тарасовъ, пришелъ къ Государю сдѣлать обычную перевязку ноги *), онъ, пересѣвъ съ кресла на диванъ, приказалъ камердинеру Ѳедорову, котораго въ шутку звалъ Ѳедоровичемъ, подвинуть къ нему столикъ, на которомъ лежали бумаги и стояла чернильница съ прочими письменными принадлежностями. Исполняя приказаніе Государя, Ѳедоровъ схватилъ столикъ и повернулъ его такъ неловко, что опрокинулъ бумаги

*) Императоръ Александръ страдалъ тогда рожею весьма опаснаго свойства.

на полъ и залилъ ихъ чернилами. „Ну, братъ Ѳедоровичъ, какую ты надѣлалъ кувырколлегію,“ сказалъ спокойно Александръ, поднявъ самъ бумаги, изъ опасенія, чтобы его камердинеръ не испортилъ ихъ еще болѣе ([18]).

Въ первые годы по восшествіи на престолъ, Императоръ Александръ выѣзжалъ изъ столицы и ея окрестностей довольно рѣдко, но въ послѣдствіи почти безпрестанно находился въ путешествіи. Увѣряютъ, будто бы онъ въ двадцати-пяти-лѣтіе своего царствованія проѣздилъ до двухъ-сотъ тысячъ верстъ, и нельзя сомнѣваться въ томъ, зная, по свидѣтельству находившагося при немъ съ 1814 по 1825 годъ генерала Саломки, что въ эти 11 лѣтъ Государь совершилъ болѣе ста тысячъ верстъ. За исключеніемъ немногихъ поѣздокъ, Государь всегда имѣлъ при себѣ весьма небольшую свиту, состоявшую изъ трехъ, или четырехъ лицъ. Въ первое время, онъ посѣщалъ преимущественно различныя части своей обширной Имперіи: еще въ бытность Великимъ Княземъ, ему доводилось часто путешествовать въ свитѣ своего родителя, и между прочимъ въ Казанскую губернію и другія дальнія области. Въ 1801 году, онъ ѣздилъ для совершенія торжества священнаго Коронованія въ Москву, а въ слѣдующемъ отправился въ Мемель, для свиданія съ Королемъ Прусскимъ.

Императора сопровождали оберъ - гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Кочубей, Новосильцовъ, генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ и князь Волконскій. Послѣдній, въ чинѣ штабсъ-капитана, 17 ноября 1797 года, будучи назначенъ адъютантомъ Александра Павловича, былъ, въ продолженіи двадцати восьми лѣтъ, его неразлучнымъ спутникомъ во всѣхъ вояжахъ и походахъ. Князь Петръ Михайловичъ,

подобно маршалу Бертье, завѣдывалъ многосложными распоряженіями, исходившими изъ главной квартиры Его Величества, но къ чести князя Волконскаго, онъ никогда не руководился мелкими страстями, заставлявшими Бертье преслѣдовать достойнѣйшихъ офицеровъ французской арміи. Напротивъ того, князь Волконскій не только былъ просвѣщеннымъ покровителемъ непосредственно подчиненнаго ему генеральнаго штаба, но способствовалъ переводу въ это вѣдомство многихъ отличныхъ военныхъ людей, и въ числѣ ихъ Семеновскаго полка капитана Дибича и 20-го егерскаго полка маіора Толя. Замѣтимъ, что кругъ дѣятельности князя Волконскаго не ограничивался его служебными обязанностями: постоянно находясь при Государѣ, онъ долженъ былъ заботиться о всѣхъ мелочныхъ удобствахъ путешествія, принимать на себя роль неусыпной хозяйки при Императорѣ и переносить вспышки и неровности его характера, которыхъ не чужды самые ласковые, самые очаровательные въ обращеніи люди (19).

Путешествіе Государя въ Мемель, по всей справедливости, можно сравнить съ тріумфальнымъ шествіемъ. Императоръ Александръ, выѣхавъ изъ Петербурга, 1802 г. 20 мая ст. ст. въ 8 часовъ утра, ввечеру того-же дня, прибылъ въ Нарву. Случилось, что тамошній лютеранскій пасторъ тогда праздновалъ свою свадьбу. Императоръ, будучи приглашенъ принять участіе въ столь важномъ семейственномъ событіи, отправился къ пастору и обворожилъ своею ласковостью новобрачныхъ. На слѣдующее утро, онъ, послѣ развода, посѣтилъ главную церковь и домъ, въ которомъ жилъ Петръ Великій, приказалъ сдѣлать въ немъ необходимыя починки, осмотрѣлъ ратушу, водопадъ и пильный заводъ на рѣкѣ Наровѣ.

22-го, Императоръ, прибывъ въ Дерптъ, посѣтилъ тамошній университетъ; а 24-го, былъ встрѣченъ съ торжествомъ въ Ригѣ. Не смотря на отвращеніе Государя отъ всѣхъ шумныхъ изъявленій усердія, народъ испросилъ его соизволеніе отпрячь лошадей у заставы и вести на себѣ царскій экипажъ. Городскія улицы, по которымъ ѣхалъ Государь, были полны народа; во всѣхъ окнахъ развѣвались флаги и во многихъ изъ нихъ были выставлены бюсты Императора Александра, обставленные зеленью и увѣнчанные розами. Весь городъ былъ преисполненъ радостнымъ восторгомъ, который раздѣляли иностранцы туда прибывшіе. Одинъ изъ любекскихъ шкиперовъ, пробираясь съ трудомъ сквозь толпу къ коляскѣ Монарха, кричалъ: „Да позвольте-же мнѣ посмотрѣть на Государя мира" (Lasst mich, ich muss den Friedenskaiser sehen). Наконецъ удалось ему приблизиться къ царскому экипажу, но въ тѣснотѣ онъ попалъ подъ колесо, которое переѣхало ему черезъ ногу. Не обращая на то вниманія, шкиперъ сказалъ окружавшимъ его: „Какая важность въ томъ, что мнѣ помяло пальцы? Мои глаза видѣли Государя мира. Я доволенъ." (Thut nichts, was frage ich nach ein Paar Zehen! Meine Augen haben den Friedenskaiser gesehen! Ich bin glücklich). Въ замкѣ Императоръ былъ встрѣченъ генералитетомъ, штабъ и оберъ-офицерами и мѣстными чиновниками. Въ седьмомъ часу вечера, онъ посѣтилъ театръ, гдѣ отъ самаго входа до царской ложи стояли дѣвушки, дочери почетнѣйшихъ гражданъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ гирляндами изъ зелени, усыпавшія путь его цвѣтами. При появленіи Государя въ ложѣ, въ оркестрѣ раздались звуки гимна: God save the King, сопровождаемые пѣніемъ нѣмецкихъ стиховъ. Въ театрѣ играли оперу Ло-

доиску. Послѣ спектакля, Императоръ Александръ отправился на балъ данный обществомъ Черноголовыхъ (Schwarzen Häupter), гдѣ собралось болѣе 500 особъ обоего пола, и танцовалъ съ дамами всѣхъ сословій. Уже послѣ полуночи, Государь возвратился въ замокъ и тамъ занимался дѣлами до двухъ часовъ.

На слѣдующій день, 25-го мая, въ воскресенье, Императоръ, вставъ въ семь часовъ утра, проѣхалъ черезъ городъ и мостъ на Двинѣ, при радостныхъ восклицаніяхъ народа и корабельныхъ экипажей, усѣявшихъ мачты до самаго верха. Въ девять часовъ, онъ присутствовалъ при разводѣ, а потомъ, отслушавъ Божественную литургію въ православной церкви, принималъ всѣ городскія сословія. Въ полдень Государь отправился на обѣдъ, въ домъ дворянскаго собранія (Ritterhaus); тамъ, впереди его прибора, былъ поставленъ тотъ самый бокалъ, изъ котораго Петръ Великій, 18-го ноября 1711 года, на обѣдѣ, данномъ ему рижскими гражданами, пилъ за ихъ здоровье. Императоръ Александръ, съ этимъ бокаломъ полнымъ шампанскаго, вставъ съ своего мѣста, сказалъ: „Auf das Wohl des Adels, der Bürgerschaft und des ganzen Landes." (За благосостояніе дворянства, горожанъ и всей страны!). Послѣ обѣда, онъ осмотрѣлъ цитадель, богоугодныя заведенія, ратушу, гидравлическую машину, городскую библіотеку и музеумъ. Найдя общественную больницу въ неудовлетворительномъ состояніи, онъ предписалъ военному губернатору сдѣлать необходимыя улучшенія и назначилъ на сей предметъ пять тысячъ рублей. Въ библіотекѣ, онъ пожелалъ видѣть малабарскую рукопись и собственноручное письмо Лютера. Въ восемь часовъ вечера, Государь опять пріѣхалъ въ домъ дворянскаго собранія, на балъ, и оставался

тамъ до полуночи, а потомъ, возвратясь въ замокъ, занимался разсмотрѣніемъ поднесенныхъ ему бумагъ почти до трехъ часовъ утра.

26-го, въ семь часовъ утра, Императоръ присутствовалъ, въ качествѣ воспріемника, при крещеніи сына генералъ-маіора Языкова, потомъ отправился верхомъ на гласисъ и, осмотрѣвъ тамъ баталіонъ Таврическаго гренадерскаго полка, поѣхалъ къ гражданскому губернатору фонъ-Рихтеру, въ домѣ котораго было устроено танцовальное утро (dejeuner dansant). У входа въ домъ былъ сдѣланъ гротъ изъ зелени съ цвѣточными фестонами и гирляндами, а вся лѣстница уставлена померанцовыми деревьями и цвѣтущими розовыми кустами. Государя встрѣтили дамы и дѣвушки знатнѣйшихъ фамилій, усыпая путь его цвѣтами. Императоръ Александръ оставался тамъ до 10-ти часовъ, а въ 11-мъ отправился въ дальнѣйшій путь, чрезъ Митаву. По выѣздѣ изъ Риги, узнавъ, что жители перновскаго уѣзда, отъ трехъ-лѣтняго неурожая, терпѣли крайнюю нужду, онъ приказалъ отпустить, для раздачи имъ, изъ рижскихъ казенныхъ магазиновъ 4,000 четвертей муки. Въ Мемелѣ Императоръ Александръ съѣхался съ прибывшимъ туда на смотръ своихъ войскъ Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III. На пути оттуда въ Вильну, близъ Ковна, Государь, видя народъ столпившійся въ кучу на берегу Нѣмана, приказалъ остановить свою коляску, подошелъ къ крестьянамъ, и узналъ, что одинъ изъ нихъ, таща вмѣстѣ съ прочими барку, былъ сильно зашибенъ лопнувшимъ канатомъ. Императоръ самъ пособилъ поднять раненаго, послалъ за лекаремъ, котораго, къ счастью, нашли вскорѣ, поддерживалъ больнаго, пока ему пустили кровь, и поѣхалъ далѣе не прежде, какъ уложивъ страдальца со всевозможною осмотрительностью на повозку и

отправя его въ ближайшую деревню. Въ тотъ-же день, 6-го іюня, Государь пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ посѣтилъ университетъ и богоугодныя заведенія, изъ коихъ преимущественно остался доволенъ больницею сестеръ милосердія, и удостоилъ своимъ присутствіемъ балъ данный жителями города.

9-го іюня, въ Гроднѣ, Императоръ Александръ осмотрѣлъ незадолго предъ тѣмъ переведенный туда изъ Шклова кадетскій корпусъ. Гродненское дворянство, желая отпраздновать въ духѣ Монарха торжество его прибытія, пожертвовало 1,200 червонцевъ на приданое двѣнадцати недостаточнымъ дѣвушкамъ. Въ Минскѣ, онъ посѣтилъ многія общественныя заведенія и былъ въ театрѣ и на балѣ, данномъ городскимъ обществомъ, гдѣ танцовалъ много, и говоря съ Огинскимъ, изъявилъ свое удовольствіе на счетъ участія въ собраніи всѣхъ сословій. Въ Могилевѣ, 15-го іюня, и въ Витебскѣ, 17-го, Государь преимущественно обратилъ вниманіе на богадѣльни и госпитали, а въ Полоцкѣ—на учебныя заведенія Іезуитовъ ([20]).

Нельзя неупомянуть здѣсь объ одномъ изъ случаевъ во время путешествія Императора Александра, въ 1807 году, чрезъ Литву. Опередивъ на довольно большое пространство свою свиту, Государь усмотрѣлъ на берегу Виліи нѣсколько человѣкъ, только что, вытащившихъ изъ воды тѣло утонувшаго крестьянина, и не будучи узнанъ ими, помогъ имъ раздѣть тѣло и тереть виски, руки и подошвы ногъ обмершаго, но все было тщетно; нѣсколько минутъ спустя подоспѣла сопровождавшая Императора свита: князь Волконскій, графъ Ливенъ и лейбъ-хирургъ Виллie. По желанію Государя, снова были испытаны

всѣ средства къ спасенію погибшаго, и столь-же безуспѣшно. Вилліе пустилъ ему кровь, но она не пошла и — какъ будто — застыла; Вилліе рѣшительно объявилъ, что уже неоставалось никакой надежды вызвать жизнь угасшую невозвратно. Императоръ Александръ однакоже настоялъ, чтобы лейбъ-хирургъ еще разъ испыталъ кровопусканіе. Вилліе, покачавъ головою, исполнилъ его желаніе, и на этотъ разъ, къ удивленію врача, пошла кровь и вздохнулъ мнимо-умершій. По свидѣтельству самого Вилліе, никакія слова не могутъ выразить восхищеніе и радость благодушнаго Монарха. Поднявъ глаза къ Небу, онъ вскричалъ: „Боже милостивый! Сей день есть лучшій день моей жизни“, и лице его покрылось слезами благодарности. Вилліе, найдя, что у больнаго уже довольно было выпущено крови, приступилъ къ перевязкѣ, и Государь, разорвавъ свой платокъ, самъ перевязалъ руку спасеннаго имъ. Пришедя въ себя, крестьянинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на неизвѣстнаго, усердно о немъ заботившагося, человѣка. Государь оставилъ его только тогда, когда перенесли его въ ближайшую избу, чтобы оказать ему помощь, въ которой онъ могъ имѣть нужду. Императоръ Александръ, не только щедро вознаградилъ всѣ издержки необходимыя въ продолженіи его болѣзни, но устроилъ хозяйство и обезпечилъ будущность его.

Королевское общество въ Лондонѣ, для спасенія мнимо-умершихъ, получивъ свѣдѣніе объ этомъ случаѣ, единогласно постановило поднести Императору Александру, чрезъ англійскаго посла, лорда Дугласа, золотую медаль, и исходатайствовать дозволеніе Государя на помѣщеніе Имени Его Величества въ число почетныхъ членовъ общества. Въ послѣдствіи, общество довело до свѣдѣнія публики

поступокъ человѣколюбца — Монарха, въ особой брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Case of resuscitation by His Majesty Emperor of Russia». На медали, съ одной стороны, изображенъ младенецъ, старающійся дыханіемъ своимъ возжечь погасшій свѣтильникъ, съ надписью: „Latet scintilla forsan", (можетъ быть искра скрывается), а съ другой — дубовый вѣнокъ, окружающій слова: „Alexandro Imperatori societas regia humana humillime donat" (Императору Александру Человѣколюбивое Королевское Общество усердно приноситъ) ([21]).

Для удобнѣйшаго обозрѣнія событій двадцати-пяти-лѣтняго царствованія Александра I, считаю необходимымъ раздѣлить исторію государственной дѣятельности его на четыре періода:

1) Отъ 1801 до 1805 года, періодъ административныхъ преобразованій.

2) Отъ 1805 до 1812 года, періодъ войнъ веденныхъ внѣ предѣловъ Имперіи.

3) Отъ 1812 до 1815 года, Отечественная война и ея послѣдствія.

и 4) Отъ 1815 до 1825 года, періодъ конгрессовъ и охраненія установленнаго ими порядка въ Европѣ.

I-ый ПЕРІОДЪ

Царствованія Александра I.

(1801—1805 г.)

ГЛАВА I.

Положеніе Россіи по кончинѣ Императрицы Екатерины II-й и при восшествіи на престолъ Александра I. — Первоначальныя его дѣйствія. — Торжество Священнаго Коронованія въ Москвѣ.

1796—1801.

Императоръ Павелъ I съ самаго дѣтства былъ предназначенъ къ престолу, но, не смотря на то, провелъ лучшіе годы жизни почти въ совершенномъ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ; его дѣятельность невольно ограничивалась экзерциціями непосредственно ему подчиненныхъ гатчинскихъ войскъ. Лишенный материнскихъ ласкъ, нерѣдко перенося съ нетерпѣніемъ заносчивость временщиковъ, Павелъ Петровичъ, по кончинѣ Императрицы Екатерины II-й, 6 (17) ноября 1796 года, внезапно сдѣлался властелиномъ великой Имперіи. Россія и тогда занимала почетное мѣсто въ ареопагѣ европейскихъ державъ, но внутреннее управленіе ея требовало неотлагательныхъ преобразованій. Въ послѣднее время господства Великой Екатерины, преклонность лѣтъ и слабость здоровья Монархини

1796—1801. недозволяли ей, какъ прежде, зорко слѣдить за всѣми частями многосложнаго управленія государствомъ ([1]). Нестало лучшихъ ея сподвижниковъ. Финансы были разстроенны безпрестанными войнами. Ассигнаціи, первоначально введенныя въ 1768-мъ году, для замѣны мѣдной монеты, при пересылкѣ и обращеніи значительныхъ суммъ, долго ходили выше ея, отъ 1-го до 5-ти процентовъ, и мѣнялись на серебро съ небольшою лишь потерею ([2]). Въ 1786-мъ году, когда при промѣнѣ бумажныхъ денегъ на серебро, онѣ теряли всего отъ 2-хъ до 3-хъ процентовъ, повелѣно было выпустить столько ассигнацій, чтобы общее количество ихъ, вмѣстѣ съ прежними (обмѣненными на новыя), непревышало ста миллiоновъ рублей, и тогда-же объявлено, что, ни въ какомъ случаѣ, небудетъ выпущено большей суммы бумажныхъ денегъ ([3]). Но войны, веденныя въ послѣдній періодъ царствованія Екатерины, заставили правительство увеличить общее количество ассигнацій, по 1796-й годъ включительно, до 157-ми милліоновъ рублей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ стали упадать въ цѣнѣ столь быстро, что въ 1796-мъ году ассигнаціонный рубль ходилъ почти въ полтину серебромъ ([4]). Тогда-же было предположено приступить къ перечеканкѣ серебряной монеты, съ возвышеніемъ вдвое ея нарицательной цѣны: очевидно, что такая мѣра не могла послужить къ улучшенію финансовъ. — Въ государственныхъ расходахъ, и особенно въ издержкахъ на содержаніе арміи, не было надлежащей отчетности; не имѣлось вѣрнаго счета наличному числу людей подъ ружьемъ. Полки неимѣли однообразнаго устройства: обмундированіе, обученіе и содержаніе людей, не будучи опредѣлены точными правилами, зависѣли отъ произвола полковыхъ командировъ. Арміи, предводимыя Суво-

ровымъ, Репнинымъ, Каменскимъ, по прежнему разили враговъ Россіи, но дисциплина и порядокъ въ войскахъ пришли въ упадокъ (5). — Въ управленіе дальними областями вкрались многія злоупотребленія; непомѣрная роскошь развила лихоимство; случайность и золото всею своею тяжестью ложились на вѣсы Ѳемиды.

Императоръ Павелъ, обративъ вниманіе на всѣ предметы государственнаго управленія, не упустилъ изъ вида поддержаніе русскаго оружія, завѣщанное его великою родительницею. По его мановенію, сѣверные орлы, предводимые героемъ Суворовымъ, появились въ дальней Италіи и на заоблачныхъ вершинахъ Альповъ, но Россійскій Монархъ, убѣдясь въ двуличіи своихъ союзниковъ, оставилъ ихъ, прекратилъ войну съ Франціей и предпринялъ ополчиться, въ челѣ сѣверныхъ державъ, за свободу всемірной торговли и мореплаванія, противъ Англіи. Война съ Персіей, гибельная для русскихъ войскъ по климатическимъ свойствамъ страны, служившей театромъ дѣйствій, была прекращена въ самомъ началѣ царствованія Павла I. Войска, тогда находившіяся за Кавказомъ, получили приказаніе возвратиться въ Россію.

Для водворенія правды въ судахъ, были приняты строгія мѣры *). Повелѣно рѣшать безъ замедленія дѣла въ Сенатѣ и въ подвѣдомственныхъ ему присутственныхъ мѣстахъ; приведены въ систему законы по дѣламъ: гражданскимъ, уголовнымъ и казеннымъ; возобновлены школы, существо-

*) Во всѣхъ городахъ, при публичныхъ мѣстахъ, были поставлены висѣлицы, для прибитія къ нимъ именъ чиновниковъ, нарушившихъ законы. Распоряженіе сіе было отмѣнено Императоромъ Александромъ I. (Указъ Сенату, объявленный генералъ-прокуроромъ Беклешовымъ. Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,824).

1796—1801. вавшія во время Петра Великаго, при Сенатѣ и Коллегіяхъ, для обученія молодыхъ дворянъ правовѣдѣнію. Тогда же были изданы постановленія: о новомъ раздѣленіи Россіи на губерніи (6); о возстановленіи прежнихъ учрежденій въ губерніяхъ: при-балтійскихъ, малороссійскихъ, возвращенныхъ отъ Польши и выборгской; объ учрежденіи городскихъ думъ и врачебныхъ управъ; объ улучшеніи почтъ; о купцахъ, мѣщанахъ и чиншовой шляхтѣ, о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ, и проч. По части государственнаго хозяйства, послѣдовали постановленія: о разведеніи шелковичныхъ червей на югѣ Россіи; о горныхъ заводахъ; о сельскомъ домоводствѣ; объ улучшеніи фабричныхъ издѣлій; о конскихъ заводахъ; о торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ. Кромѣ того изданы указы: о цензурѣ, о театрахъ, и проч. И все это сдѣлано въ 4 года.

Въ отношеніи къ вооруженнымъ силамъ, Императоръ Павелъ сдѣлалъ многія преобразованія въ организаціи войскъ, клонившіяся къ возстановленію учрежденій, существовавшихъ при Петрѣ III. Полки снова были названы по фамиліямъ шефовъ; легко-конные полки, большею частью, преобразованы въ гусары, а карабинеры — всѣ безъ исключенія — въ кирасиры и драгуны; конные гренадеры и конные егеря расформированы и поступили на укомплектованіе прочей кавалеріи. При Императрицѣ Екатеринѣ, случайные и богатые люди записывали малолѣтныхъ сыновей и родственниковъ своихъ въ гвардію, что̀ давало знатнымъ юношамъ легкій способъ обгонять въ чинахъ опытныхъ офицеровъ, служившихъ въ армейскихъ полкахъ. Императоръ Павелъ, немедленно по восшествіи на престолъ, повелѣлъ выключить изъ списковъ всѣхъ этихъ дѣтей, неспособныхъ къ службѣ. Многіе изъ офицеровъ

гатчинскихъ войскъ переведены съ повышеніемъ въ гвардію ([7]). Перемѣны въ одеждѣ людей, введенныя Императоромъ Павломъ, были сдѣланы въ подражаніе прусской арміи; существенныя-же улучшенія въ дисциплинѣ и обученіи войскъ, при немъ введенныя, принесли большую пользу. Содержаніе войскъ было увеличено ([8]). Учрежденъ генералъ-аудиторіатъ и постановлены правила для рекрутскихъ наборовъ. 1796 – 1801.

По части финансовъ, повелѣно было отмѣнить предположенную при Императрицѣ Екатеринѣ перечеканку серебряной монеты и бить золотую и серебряную монету высшей противъ прежняго пробы ([9]). Императоръ Павелъ, повелѣвъ остановить выпускъ новыхъ ассигнацій, приказалъ сжечь въ своемъ присутствіи значительное количество бумажныхъ денегъ (на шесть милліоновъ рублей), и заплатилъ часть иностраннаго государственнаго долга ([10]). Въ послѣдствіи, война противъ Франціи, требовавшая чрезвычайныхъ расходовъ, заставила прибѣгнуть къ новымъ выпускамъ ассигнацій, что̀ увеличило массу ихъ, въ концѣ царствованія Павла I, до 213-ти милл. рублей ([11]).

Къ сожалѣнію, многія изъ преобразованій Павла I, приведенныя въ исполненіе съ нетерпѣливою горячностью, ему свойственною, нетолько не встрѣтили сочувствія въ народѣ и въ ближайшихъ къ Государю лицахъ, но — напротивъ того — возбудили общее неудовольствіе. Сближеніе съ Наполеономъ и разрывъ съ Англіей казались многимъ несвоевременными. Несмотря на господство французскаго языка и французской литературы въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, союзъ съ французами находилъ много поборниковъ въ Россіи, а вооруженный неутралитетъ, встрѣченный общимъ одобреніемъ при Императрицѣ Екатеринѣ, подалъ поводъ къ неблагопріятнымъ

1796—1801. толкамъ при ея преемникѣ. Великая идея — возстановить свободу всемірной торговли и мореплаванія — какъ будто бы утратила свое значеніе, потому что общественное мнѣніе расходилось съ правительствомъ. Всѣ жаловались на прекращеніе торговли съ Англичанами, которое въ дѣйствительности замѣтно уменьшило вывозъ русскихъ произведеній и возвысило цѣну колоніяльныхъ товаровъ. — Повелѣніе, данное Государемъ, въ январѣ 1801 года, атаману Донскаго войска, генералу отъ кавалеріи Орлову-Денисову — двинуться со всѣми его казачьими полками на Оренбургъ и чрезъ Хиву въ Индію — возбудило общія опасенія и порицанія ([12]).— Чрезвычайно щедрое вознагражденіе заслугъ и нещадное преслѣдованіе нетолько преступленій, но и проступковъ, также подавали поводъ къ неудовольствію и ропоту. „Награда утратила свою прелесть; наказаніе — сопряженный съ нимъ стыдъ.“ Быть-можетъ гоненіе круглыхъ шляпъ и французскихъ костюмовъ, ненавистныхъ Павлу I со временъ революціи, и взысканія съ лицъ, неуспѣвшихъ, при встрѣчѣ съ Государемъ, остановиться и отдать ему должную почесть — быть можетъ эти мелочныя непріятности казались массѣ общества наиболѣе несносными изъ всѣхъ нововведеній Императора Павла. И вообще народъ, несмотря — ни на благія намѣренія сего Монарха, ни на добро, имъ уже сдѣланное, вспоминалъ съ сожалѣніемъ времена „Матушки-Екатерины“ и съ надеждою обращалъ взоры къ Наслѣднику престола, къ тому, котораго Великая Государыня называла „Мой Александръ.“ Таково было положеніе дѣлъ, когда послѣдовала внезапная кончина Павла I.

1801.

Въ продолженіи царствованія своего родителя, Великій Князь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Павловичъ былъ шефомъ Семеновскаго полка, занималъ должность С.-Петербургскаго военнаго генералъ-губернатора*), командовалъ С.-Петербургскою дивизіей, присутствовалъ въ Совѣтѣ и Сенатѣ и предсѣдательствовалъ въ Военномъ департаментѣ. Изъ свѣдѣній о тогдашней его дѣятельности, видимъ, что Семеновскій полкъ, обожая ласковаго, добраго своего шефа, отличался необыкновеннымъ усердіемъ и знаніемъ фронтовой службы. Уже и тогда въ народѣ ходила молва о благодушіи и кротости Александра, такъ что не успѣвалъ онъ показаться на улицѣ, какъ встрѣчали его благословеніями и пожеланіями счастья (13). Великій Князь подавалъ собою примѣръ исполненія служебныхъ обязанностей: въ Высочайшемъ приказѣ 1-го генваря 1798 года, о назначеніи его предсѣдателемъ военнаго департамента, было сказано: „Сіе дѣлается за труды его въ благодарность“.

По вступленіи на престолъ своихъ предковъ, 12 (24) марта 1801 года, Императоръ Александръ повелѣлъ обнародовать слѣдующій манифестъ:

„Судьбамъ Вышняго угодно было прекратить жизнь Любезнѣйшаго Родителя Нашего, Государя Императора Павла Петровича, скончавшагося скоропостижно апоплексическимъ ударомъ въ ночь съ 11-го на 12-е число сего мѣсяца. Мы, воспріемля Наслѣдственный Императорскій Всероссійскій Престолъ, воспріемлемъ купно и обязанность, управлять Богомъ Намъ врученный народъ по законамъ и по

---

*) Должность втораго С.-Петербургскаго военнаго губернатора занимали послѣдовательно: генералъ отъ инфантеріи Архаровъ, генералъ-лейтенантъ графъ Буксгевденъ и генералъ отъ кавалеріи графъ Петръ Алексѣевичъ Паленъ.

1801. сердцу въ Бозѣ почивающей Августѣйшей Бабки Нашей, Государыни Императрицы Екатерины Великія, коея память Намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна, да по Ея премудрымъ намѣреніямъ шествуя, достигнемъ вознести Россію на верхъ славы и доставить ненарушимое блаженство всѣмъ вѣрнымъ подданнымъ Нашимъ, которыхъ чрезъ сіе призываемъ запечатлѣть вѣрность ихъ къ Намъ присягою предъ лицемъ Всевидящаго Бога, прося Его, да подастъ Намъ силы къ снесенію бремени нынѣ на Насъ лежащаго. Данъ въ Санктпетербургѣ, марта 12-го дня 1801 года" ([14]).

Ни одинъ Государь не вступалъ на престолъ при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ, какими былъ встрѣченъ Александръ. Всѣ видѣли въ немъ надежду Россіи. Знакомые и незнакомые, встрѣчаясь между собою, поздравляли другъ друга, какъ въ праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Казалось — милліоны людей возродились къ новой жизни.

Первымъ, по времени, сподвижникомъ Александра I является (Дмитр. Прокоф.) Трощинскій, сынъ бѣднаго малороссійскаго дворянина, незнавшій ни одного иностраннаго языка. Не смотря однако-же на недостатокъ образованія, онъ, благодаря здравому уму и неутомимой дѣятельности, проложилъ себѣ дорогу, снискалъ покровительство князя Репнина и графа Безбородко и, по вступленіи на престолъ Императора Александра, занялъ должности начальника удѣловъ и главнаго директора почтъ. 16-го марта 1801 года, послѣдовалъ именной указъ Кабинету, чтобы изустныя повелѣнія Государя, объ отпускѣ суммъ до 10,000 рублей, принимались только отъ тайнаго совѣтника Трощинскаго ([15]). Нѣсколько дней спустя, его ожидало несравненно важнѣйшее назна-

ченіе. Императоръ Александръ, упразднивъ Совѣтъ, 1801. существовавшій при Дворѣ въ видѣ временнаго учрежденія, повелѣлъ, 30-го марта (11-го апрѣля), образовать „Непремѣнный Совѣтъ“, для разсмотрѣнія и обсужденія государственныхъ дѣлъ и относящихся къ нимъ постановленій. Трощинскому, въ званіи члена новаго Совѣта, было ввѣрено главное завѣдываніе его канцеляріей, и потому онъ сдѣлался докладчикомъ и редакторомъ при лицѣ Государя. Для исправленія послѣдней обязанности Трощинскій избралъ Сперанскаго, которому, кромѣ обязанностей по дѣламъ Совѣта, поручалось составленіе всѣхъ манифестовъ и указовъ въ началѣ царствованія Александра I ([16]).

2-го (14-го) апрѣля, Александръ совершилъ великій подвигъ любви къ человѣчеству. Въ сей достопамятный день, Государь, прибывъ въ общее собраніе Сената и занявъ мѣсто предсѣдателя, приказалъ прочесть утвержденный собственноручною его подписью указъ, объ уничтоженіи „тайной экспедиціи“, учрежденной, при восшествіи на престолъ Императрицы Екатерины II, вмѣсто прежней, наводившей ужасъ, тайной канцеляріи. Въ заключеніи этого указа сказано: „Сердцу Нашему пріятно вѣрить, что сливая пользы Наши съ пользами Нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе Имени Нашего и Государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества или злобы, Мы даемъ имъ новое доказательство, колико удостовѣрены Мы въ вѣрности ихъ къ Намъ и престолу Нашему, и что пользъ Нашихъ никогда нераздѣляемъ Мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей Нашихъ и воли“... ([17]).

Эти распоряженія вполнѣ обозначили духъ и на-

1801. правленіе юнаго Монарха. Учредивъ постоянный Государственный Совѣтъ, Александръ окружилъ себя опытными сановниками; устранивъ боязнь незаслуженной кары уничтоженіемъ тайной экспедиціи, онъ отрекался отъ произвола и изъявлялъ уваженіе къ законамъ. Подобно тому, что̀ говоритъ Та̀цитъ въ похвалу Императору Нервѣ, Александръ хотѣлъ соединить силу верховнаго владычества со всевозможною свободою народа, но такой переворотъ прежняго порядка могъ быть совершенъ не вдругъ, а постепенно, и надлежало приводить его въ исполненіе съ величайшею осторожностію. Многіе, освоясь съ произволомъ, сочли-бы господство надъ нимъ закона признакомъ слабости новаго привительства; другіе, полагая, что умѣренность и кротость были несообразны — ни съ характеромъ русскаго народа, ни съ обширностью Россіи, опасались возмущеній и смутъ: необходимо было принять мѣры для удержанія въ повиновеніи буйныхъ и для успокоенія робкихъ. Какъ въ то время вошло въ привычку нарушать права̀ для личныхъ выгодъ, то Императоръ Александръ, желая искоренить столь превратное понятіе, пользовался каждымъ случаемъ для изъявленія, что законъ выше его власти, и что онъ самъ былъ только высшимъ исполнителемъ и стражемъ законовъ. Поручая управленіе Коммиссіею составленія законовъ графу Завадовскому, Императоръ Александръ писалъ къ нему: „Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства и бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ навѣки, въ самыхъ первыхъ дняхъ Царствованія Моего и при первомъ обозрѣніи государственнаго управленія, признавъ Я необходимымъ удостовѣ-

1801.

риться въ настоящемъ части сей положеніи" ([18]). Всякія просьбы, клонившіяся къ нарушенію законности, были отвергаемы имъ, съ указаніемъ постановленій противорѣчившихъ желанію просителей. Одна изъ знатнѣйшихъ дамъ*) надѣялась побудить Государя къ исполненію ея незаконнаго домогательства, написавъ въ своемъ прошеніи, что онъ былъ выше закона. Александръ отвѣчалъ: „если бы даже Я могъ нарушить законъ, то не захотѣлъ-бы того, потому что признаю только власть основанную на законахъ". На медали, выбитой въ память коронованія Императора Александра, находились: съ одной стороны его изображеніе, а съ другой — колонна съ надписью: „Законъ, залогъ блаженства всѣхъ и каждаго" ([19]). Ежели усилія его остались тщетны, ежели и при немъ, какъ и до него, законъ невсегда служилъ вѣрною защитою сиротѣ и вдовицѣ, то въ этомъ должно винить блюстителей закона, неуважавшихъ ввѣренной имъ Святыни, и еще болѣе — общественное мнѣніе, неклеймившее своимъ презрѣніемъ нарушителей закона.

Императоръ Александръ, сочувствуя участи несчастныхъ, сосланныхъ въ Сибирь либо содержавшихся въ заключеніи, за неважные проступки, по дѣламъ Тайной Экспедиціи, возвелъ многихъ лишенныхъ чиновъ и дворянства въ первобытное ихъ званіе и приказалъ немедленно дать имъ свободу. Особымъ манифестомъ предписано: во 1-хъ, освободить отъ суда и слѣдствія всѣхъ находящихся подъ ними людей, кромѣ смертоубійцъ, разбойниковъ и лихоимцевъ; во 2-хъ, преступниковъ, осужденныхъ къ смертной казни, сослать въ работу, а осужденныхъ къ тѣлесному наказанію, съ отсылкою

*) Княгиня Голицына.

1801. на поселеніе или въ работу, послать на поселеніе безъ наказанія, и въ 3-хъ, всѣ казенныя взысканія до 1000 рублей, по сей день лежащія, сложить ([20]). Вслѣдъ за тѣмъ повелѣно, чтобы „самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной" ([21]), и чтобы обращено было особенное вниманіе на скорѣйшее рѣшеніе слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ ([22]).

Однимъ изъ первоначальныхъ распоряженій Императора Александра I былъ указъ о свободномъ пропускѣ изъ за границы въ Россію и выѣздѣ въ чужіе края ([23]); тогда-же разрѣшены вывозъ многихъ русскихъ продуктовъ и ввозъ иностранныхъ товаровъ. и возстановленъ тарифъ 1797 года ([24]).

2-го (14-го) апрѣля, возстановлена грамата, дарованная прежними Монархами русскому дворянству. Въ Высочайшемъ манифестѣ, изданномъ въ сей день, было сказано: знаменитые подвиги, во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, были отличаемы почестями и преимуществами. Такъ возникли всѣ дворянскіе роды. Всему свѣту извѣстно, какими славными подвигами, въ войнѣ и мирѣ, па сушѣ и моряхъ, отличалось россійское дворянство. Его заслуги были признаны Монархами, нашими предками, а Императрица Екатерина, побуждаемая свойственною ей мудростью, опредѣливъ во всей силѣ преимущества дарованныя дворянству. торжественно утвердила ихъ граматою 1785 года. Положивъ во всемъ слѣдовать по стезямъ ея и будучи Сами убѣждены въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства, Мы признали первою обязанностью возстановить и утвердить ихъ за насъ и наслѣдниковъ нашихъ. Мы увѣрены, что благородное россійское дворянство, шествуя по

стопамъ своихъ предковъ и руководясь вѣрностью, усердіемъ и честью, всегда будетъ содѣйствовать нашему желанію — возвести Россію на ту степень силы и благополучія, которая опредѣлена ей Всевышнимъ (25).

1801.

Въ тотъ-же день послѣдовалъ манифестъ о возстановленіи городоваго положенія и граматы городамъ, данныхъ Императрицею Екатериною Второю. „Въ теченіи времени — сказано въ манифестѣ — сіе государственное постановленіе во многихъ частяхъ его измѣнилось и въ силѣ своей ослабѣло. Сообразуясь великимъ намѣреніямъ всеслюбезнѣйшей бабки нашей, сохраняя святость ея установленій и бывъ убѣждены въ той истинѣ, что безъ правъ и преимуществъ непоколебимыхъ и всею силою закона охраняемыхъ не могутъ промыслы, рукодѣлія и торговля достигнуть цвѣтущаго состоянія, Мы признали за благо, въ пользу и ободреніе ихъ, утвердить и возстановить городовое положеніе и грамату городамъ данную, во всей силѣ ея и пространствѣ“..... (26).

Вскорѣ за тѣмъ, Императоръ Александръ „желая дать народу примѣръ уваженія къ священному сану и укоренить въ немъ самомъ чувство почтенія къ себѣ и ужаса къ пороку, свойственное служителямъ Вышняго,“ повелѣлъ священниковъ и дьяконовъ, въ уголовныя преступленія впадшихъ, освободить отъ тѣлеснаго наказанія (27).

Для облегченія казенныхъ поселянъ въ уплатѣ ихъ повинностей и для доставленія имъ способовъ къ безбѣдному содержанію, повелѣно всѣ доставшіеся имъ въ надѣлъ лѣса, за исключеніемъ корабельныхъ, отдать въ вѣдѣніе и распоряженіе волостныхъ правленій, для раздѣленія сихъ лѣсовъ на лѣсосѣки и для отвода ихъ крестьянамъ (28).

1801. Съ тою-же цѣлью, облегченія бѣднѣйшихъ гражданъ, запрещено увеличивать сборъ въ торговыхъ баняхъ выше опредѣленной таксы, и для вѣрнѣйшаго достиженія дешевизны сего сбора повелѣно устроить въ столицахъ казенныя бани ([29]).

Первоначальныя преобразованія Императора Александра по военной части состояли:

Во 1-хъ, въ переименованіи кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ, называвшихся при Императорѣ Павлѣ по именамъ своихъ шефовъ, прежними названіями ([30]).

Во 2-хъ, повелѣно обрѣзать у воинскихъ нижнихъ чиновъ пукли ([31]).

Въ 3-хъ, учреждена Военная Коммиссія, для разсмотрѣнія, какъ положенія войскъ, такъ и устройства ихъ. Главные предметы, долженствовавшіе войти въ объемъ занятій Коммиссіи, были слѣдующіе: 1) опредѣленіе числа войскъ вообще; 2) опредѣленіе числа различныхъ родовъ войскъ; 3) число людей въ полку и ротѣ; 4) продовольствованіе и удобнѣйшее размѣщеніе войскъ на постоянныхъ квартирахъ; 5) опредѣленіе ремонтной суммы на лошадей; 6) одежда войскъ; 7) вооруженіе пѣхоты; 8) вооруженіе кавалеріи; 9) конская сбруя; 10) содержаніе въ мирное время конной артиллеріи съ наименьшими издержками, но съ сохраненіемъ на лицо нѣкотораго числа строевыхъ лошадей „для пріученія рядовыхъ къ проворному дѣйствію“; 11) положеніе о пенсіяхъ военно-служащимъ и вдовамъ ихъ, на что до того времени не было никакихъ постоянныхъ правилъ ([32]).

Въ 4-хъ, составлено предположеніе объ учрежденіи въ восьмнадцати губерніяхъ военныхъ училищъ, всего на 3,000 человѣкъ, для пріуготовленія моло-

1801.

дыхъ дворянъ къ окончательному образованію въ кадетскихъ корпусахъ и университетахъ ([33]).

На донесеніе тульскаго гражданскаго губернатора Иванова, о желаніи дворянства управляемой имъ губерніи, завести на свой счетъ училище въ Тулѣ, для воспитанія неимущихъ дворянъ, Государь отвѣчалъ: „Примите благодарность Мою за участіе ваше въ семъ дѣлѣ и объявите собранію дворянства, что ничѣмъ не могу Я оцѣнить благонамѣренныхъ видовъ къ заведенію сему ихъ подвигнувшихъ, такъ какъ и ни съ чѣмъ не сравниваю Я удовольствія видѣть въ самомъ началѣ Царствованія Моего, что, вмѣсто тщетныхъ и разорительныхъ издержекъ, пышности и роскоши, обращаются избытки имуществъ на столь полезные предметы, и установляется духъ отечественный, переживающій всѣ временныя учрежденія, и въ общемъ добрѣ потомства полагающій истинную славу. Чтобъ болѣе означить дворянству, сколь пріятно Мнѣ его предположеніе, Я раздѣляю съ нимъ честь того заведенія и назначаю на оное съ Моей стороны ежегодно изъ Кабинета по 6,000 рублей“...([34]).

По части финансовой, повелѣно, согласно съ указомъ отъ 3-го октября 1797 года, бить серебряную монету, по новому образцу, 83⅓ пробы, а золотую 94⅔; изъ фунта лигатурнаго серебра полагалось дѣлать 19 рублей 75 копѣекъ съ долями. Мѣдную-же монету—по 16 рублей изъ пуда ([35]).

Въ отношеніи къ дѣламъ внѣшней политики, Императоръ Александръ изъявилъ намѣреніе возстановить миръ со всѣми Державами. Въ письмѣ къ Королю Великобританскому ([36]), Государь откровенно выразилъ свое желаніе — открыть переговоры для

1801. прекращенія несогласій между Россією и Англією. Въ ожиданіи отвѣта на это предложеніе, 14-го (26) марта, послѣдовало Высочайшее повелѣніе о немедленномъ освобожденіи англійскихъ моряковъ, задержанныхъ по приказанію Императора Павла. Тогда-же дано знать командовавшему англійскимъ флотомъ въ Балтійскомъ морѣ, адмиралу Гайдъ-Паркеру (Hyde Parker), о миролюбивыхъ предположеніяхъ россійскаго правительства; вмѣстѣ съ тѣмъ, однако-же было объявлено, что Императоръ Александръ, соблюдая принятыя имъ на себя обязательства, рѣшился дѣйствовать за-одно съ Стокгольмскимъ, Берлинскимъ и Копенгагенскимъ Дворами, въ отношеніи къ пользамъ нейтральныхъ Державъ. На предложеніе россійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ— пріостановить враждебныя дѣйствія до полученія послѣдующихъ приказаній — Паркеръ немедленно изъявилъ согласіе ([37]). Какъ въ то время Россія находилась въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Франціей, и даже первый консулъ (Наполеонъ Бонапарте) принялъ предварительныя условія мирнаго трактата, предложенныя Павломъ I *), то Императоръ Александръ, желая избѣжать разрыва съ французскимъ правительствомъ, поручилъ графу Моркову продолжать переговоры, начатые Колычевымъ въ Парижѣ ([38]). Тѣмъ не менѣе однако-же готовность Россійскаго Монарха къ прекращенію войны съ Англією возбудила недовѣріе къ нему перваго консула. И дѣйствительно — возобновленіе мира Русскихъ съ Англичанами было первымъ шагомъ къ расторженію вооруженнаго неутралитета сѣверныхъ Державъ, на который Франція возлагала большія надежды. 6-го

*) Въ числѣ этихъ условій заключалось обязательство возвращенія Королямъ Неаполитанскому (Обѣихъ Сицилій) и Сардинскому всѣхъ ихъ владѣній.

(18) мая, Императоръ Александръ повелѣлъ окончательно снять запрещеніе (амбарго), положенное Императоромъ Павломъ на англійскія суда, а 5-го (17) іюня была заключена между Россіею и Англіею, въ Петербургѣ, конвенція, на основаніи которой признаны слѣдующія начала между-народнаго морскаго права: 1801.

1) Корабли неутральной Державы могутъ свободно посѣщать гавани и берега воюющихъ государствъ.

2) Товары, нагруженные на неутральныхъ корабляхъ, свободны, за исключеніемъ военныхъ заповѣдныхъ вещей (военной контрабанды) и непріятельской собственности, неполагая однако-же въ число послѣдней произведенія воюющихъ государствъ, какъ скоро они куплены подданными неутральной державы.

3) На основаніи торговаго трактата между двумя Державами, заключеннаго 10-го (21) февраля 1797 года, признаются военными заповѣдными вещами только: артиллерійскія орудія, ручное оружіе, боевые припасы, порохъ, селитра, сѣра, амуниція, сѣдла и узды, кромѣ такого количества сихъ вещей, какое необходимо для защиты корабля и экипажа на немъ состоящаго.

Впрочемъ — все условленное въ сей статьѣ не относилось къ частнымъ съ прочими Державами постановленіямъ, на основаніи коихъ помянутыя вещи могли быть, по взаимному соглашенію, запрещены, либо дозволены.

4) Только тѣ порты считаются блокированными, въ которые входъ сопряженъ съ очевидною опасностью по близости кораблей воюющей Державы.

5) Купеческія суда, плывущія подъ прикрытіемъ военныхъ судовъ, могутъ быть осматриваемы только

1801. военными кораблями воюющей Державы, а отнюдь — не арматорами либо другими судами, принадлежащими подданнымъ сей Державы.

6) Хозяева купеческихъ судовъ, плывущихъ въ сопровожденіи военнаго корабля, обязаны при отплытіи предъявить командиру его свои паспорты и свидѣтельства, составленныя по опредѣленной формѣ.

7) При встрѣчѣ военнаго корабля, конвоирующаго купеческія суда, съ военнымъ кораблемъ воюющей Державы, командиръ послѣдняго, оставаясь по возможности въ разстояніи пушечнаго выстрѣла, высылаетъ шлюпку къ конвоирующему кораблю, для взаимной повѣрки бумагъ и свидѣтельствъ, долженствующихъ удостовѣрить — съ одной стороны, что неутральному кораблю дозволено прикрывать такія-то купеческія своей націи суда, съ такимъ-то грузомъ, въ такой-то портъ, а съ другой — что корабль воюющей державы дѣйствительно состоитъ въ ея флотѣ. Если бумаги неутральныхъ судовъ окажутся правильны и нѣтъ никакого повода къ подозрѣнію, то не слѣдуетъ производить осмотра. Въ противномъ-же случаѣ, командиръ воюющей страны имѣетъ право сдѣлать обыскъ на неутральныхъ судахъ, и даже задержать и отвести ихъ въ ближайшій изъ портовъ воюющей Державы. Но ежели какое-либо изъ этихъ судовъ будетъ задержано безъ достаточной причины, то командиръ корабля воюющей Державы обязанъ вознаградить всѣ могущіе отъ того произойти убытки, и кромѣ того подвергнется взысканію за причиненное имъ насиліе. Съ другой стороны, командиру конвоирующаго корабля, ни подъ какимъ предлогомъ, не позволяется препятствовать задержанію состоящихъ подъ его прикрытіемъ судовъ кораблями воюющей Державы.

8) Его Императорское Величество, именемъ до-

говаривающихся Державъ, немедленно пригласитъ Ихъ Величества Королей Датскаго и Шведскаго приступить къ настоящей конвенціи (39). 1801.

На основаніи особыхъ условій, было постановлено: во 1-хъ, чтобы перемиріе между Великобританіей и Скандинавскими Державами было продолжено на три мѣсяца, и во 2-хъ, чтобъ возобновленъ былъ торговый трактатъ между Великобританіей и Россіей, заключенный 10-го (21) февраля 1797 года.

Такимъ образомъ Англія, отказавшись отъ притязанія объявлять гавани состоящими въ блокадѣ, для преграждения плаванія къ нимъ нейтральныхъ судовъ, достигла несравненно важнѣйшей цѣли: Россія признала: 1) что флагъ не прикрываетъ товара, и 2) право осмотра торговыхъ судовъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда они плывутъ подъ прикрытіемъ военныхъ кораблей (40). Нельзя также оставить безъ замѣчанія, что условіе — не производить осмотра „если нѣтъ никакого повода къ подозрѣнію" — могло подать предлогъ къ неопредѣлительности и произволу (41).

Конвенція 5-го (17-го) іюня возбудила неудовольствіе стокгольмскаго и копенгагенскаго кабинетовъ. Данія, понесшая огромныя потери и не могшая продолжать неравную борьбу, была принуждена подписать конвенцію на такихъ же условіяхъ, какія приняла Россія (42). Швеція послѣдовала ихъ примѣру не прежде 18 (30) марта 1802 года. Въ конвенціи 5 (17) іюня было сказано вообще, что, въ отношеніи военной контрабанды, предметы, принадлежащіе къ ней, опредѣлены существующими договорами. Какъ договоръ 11-го (21-го) октября 1661 года между Англіей и Швеціей несогласовался съ помянутою конвенціей, то заключенъ былъ, въ Лондонѣ, 13 (25) іюля 1803 года, новый договоръ,

1802—1803. по которому, къ предметамъ военной контрабанды причислены, кромѣ оружія и боевыхъ припасовъ, металлы въ монетѣ, войска, лошади, смола, деготь, пенька и вообще всѣ сырые продукты, могущіе послужить къ снаряженію торговыхъ судовъ. Въ случаѣ, еслибы такіе предметы оказались произведеніями нейтральной страны, принадлежащими ея подданнымъ, воюющая держава предоставляла себѣ право покупки товаровъ, съ уплатою десятью процентами выше дѣйствительной цѣны ихъ, и кромѣ того обязывалась вознаградить убытки, происшедшіе отъ задержанія торговыхъ судовъ (43).

Изъ всѣхъ Державъ, участвовавшихъ въ Сѣверномъ союзѣ, одна лишь Пруссія была довольна умѣренностью Императора Александра. Съ одной стороны, прусское правительство мало заботилось о свободѣ морской торговли, а съ другой — оно было расположено благопріятнѣе къ Англіи, нежели къ Франціи. Самое занятіе Ганновера прусскими войсками, предохранявшее сію страну отъ вторженія Французовъ, имѣло лишь видъ дѣйствія враждебнаго англійскому правительству.

Недоумѣнія, возникшія между Россіею и Франціею, по поводу расторженія вооруженнаго нейтралитета, не помѣшали, однакоже, въ послѣдствіи заключенію союза между сими Державами. Быть-можетъ даже, что миролюбіе Императора Александра, уничтоживъ надежды перваго консула на содѣйствіе Россіи и побудивъ его къ возобновленію переговоровъ съ Англіею, повело къ водворенію кратковременнаго общаго мира въ Европѣ Аміенскимъ трактатомъ.

Въ концѣ августа (въ началѣ сентября н. ст.) 1801. 1801 года, Императоръ Александръ со всѣмъ Августѣйшимъ Домомъ и Дворомъ отправился, для совершенія Священнаго Коронованія, въ Москву. Въ первомъ поѣздѣ, 25-го августа (6-го сентября), выѣхали туда изъ Павловска Великіе Князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ съ Великою Княжною Анною Павловною; за ними, нѣсколько дней спустя, послѣдовала вдовствующая Императрица съ прочими Великими Княжнами, и наконецъ, отправился изъ Петербурга Государь съ своею супругою и Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ. 2-го (14-го) сентября, первый поѣздъ прибылъ въ Петровскій дворецъ, а три дня спустя, пріѣхалъ туда Государь и собрался весь Дворъ въ ожиданіи въѣзда Царской фамиліи въ Москву. Между тѣмъ первопрестольная столица едва могла вмѣщать въ себѣ множество людей всякаго званія, спѣшившихъ со всѣхъ сторонъ принять участіе въ ожидаемомъ торжествѣ. Говорятъ — будто бы въ одинъ день, именно 5 (17) сентября, въѣхало въ Москву 11,000 экипажей. Съ большимъ лишь трудомъ находили квартиры, платя за одну комнату по 150 рублей и болѣе въ мѣсяцъ.

6-го сентября, на другой день по прибытіи Государя въ Петровскій дворецъ, вздумалось ему прогуляться верхомъ по Тверской. Его узнали, къ нему кинулись; народъ, столпясь „стѣснилъ его — говоритъ одинъ изъ его современниковъ — такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ своего младенца. Не было ни крика — ни шума, но сквозь легкій шопотъ раздавались слова: „батюшка,“ и „родимой,“ и „наше красное солнышко,“ и все, что̀ въ простонародномъ нашемъ языкѣ есть нѣжно-выразительнаго. Царскій конь, сбруя,

1801. одежда — все въ глазахъ народа освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги... Предъ владыками Востока народъ въ ужасѣ падаетъ ницъ, на Западѣ нѣкогда смотрѣли на королей въ почтительномъ молчаніи; на одной только Руси Цари иногда бываютъ обожаемы“ (44).

8-го (20-го) сентября, въ день, назначенный для въѣзда Государя въ Москву, на всемъ протяженіи двѣнадцати верстъ отъ Петровскаго дворца до Нѣмецкой слободы, были разставлены полки гвардейской пѣхоты; у всѣхъ домовъ возвышались въ нѣсколько рядовъ подмостки для зрителей, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были устроены съ тою же цѣлью изящныя ложи. Всѣ окна были наполнены народомъ и украшены вывѣшенными изъ нихъ коврами и богатыми тканями. Ясная и теплая погода благопріятствовала торжеству *).

Рано утромъ, девять пушечныхъ выстрѣловъ и звонъ колоколовъ въ Кремлѣ подали сигналъ къ шествію (45), а 71 выстрѣлъ возвѣстилъ прибытіе Государя къ чертѣ города, гдѣ онъ былъ встрѣченъ генералъ-губернаторомъ съ чиновниками его вѣдомства. Очевидецъ говоритъ: „на позолоченныя кареты, на великолѣпные цуги, на покрытые шитьемъ и галунами мундиры и ливреи, на весь блескъ церемоніи, смотрѣли разсѣянно. Всѣ нетерпѣливо ожидали одного человѣка“... (46).

У главныхъ церквей и тріумфальныхъ воротъ Императоръ останавливался, встрѣчаемый духовенствомъ, съ крестомъ и образами, и депутаціями отъ различныхъ сословій. Государь съ Императрицею Елисаветою Алексѣевною, при громѣ 85-ти выстрѣ-

*) Въ продолженіе Царствованія Императора Александра I, существовала въ народѣ увѣренность, будтобы Государю стоило только назначить смотръ, парадъ, и т. под. чтобы настала хорошая погода.

ловъ, вступили въ Успенскій Соборъ, куда заблаговременно собрались знатнѣйшіе жители столицы; по совершеніи молебствія, Императоръ, отправясь въ Слободской дворецъ, прибылъ туда около полудня и былъ встрѣченъ снова духовенствомъ и верховнымъ при Коронаціи маршаломъ, съ высшими сановниками двора, ожидавшими его, по древнему русскому обычаю, съ хлѣбомъ и солью. Какъ только Государь вошелъ во дворецъ, опять раздалась пальба — 101 выстрѣлъ. До самаго вечера звонили во всѣ колокола; съ наступленіемъ-же ночи весь городъ былъ иллюминованъ.

1801.

На слѣдующій день, 9 (21), Императоръ Александръ въ Слободскомъ дворцѣ принималъ высшее духовенство и дворянство, а послѣ обѣда, вмѣстѣ со всею Августѣйшею фамиліей, прогуливался въ дворцовомъ саду, куда стеклись всѣ народныя сословія видѣть обожаемаго Монарха. Государыня Марія Ѳеодоровна, окруженная своими Царственными дѣтьми, возбуждала общій восторгъ. — 11 (23), возвѣщено герольдами на всѣхъ главныхъ столичныхъ площадяхъ о предстоявшемъ торжествѣ коронованія. Въ тотъ же день Государь, со всѣмъ своимъ Августѣйшимъ семействомъ, переѣхалъ въ древній Кремлевскій дворецъ.

15 (27) сентября, рано утромъ, снова объявлено 21-мъ выстрѣломъ о священномъ торжествѣ, въ сей день назначенномъ. Стеченіе народа изъ болѣе или менѣе дальнихъ областей Имперіи увеличилось по крайней мѣрѣ ста тысячами крестьянъ, наканунѣ прибывшихъ изъ окрестностей Москвы. Не смотря однакоже на то, благодаря мѣрамъ осторожности, принятымъ полиціей, не произошло никакихъ несчастныхъ случаевъ. Прекраснѣйшая погода способствовала порядку и блеску празднества.

1801. Колокольня Ивана Великаго была застроена кругомъ на значительную вышину многими рядами подмостокъ, расположенными одинъ надъ другимъ, въ видѣ амфитеатра. Нѣкоторые изъ любопытныхъ зрителей поспѣшили занять свои мѣста еще до разсвѣта. Въ Успенскомъ Соборѣ, куда дозволенъ былъ входъ по билетамъ, стояли на подмосткахъ — внизу мужчины, а вверху дамы. Императрица Марія Ѳеодоровна, съ Великими Княжнами, сопровождаемая блистательною свитою, заняла приготовленный для ней престолъ. Одновременно съ выходомъ вдовствующей Императрицы изъ ея покоевъ, Императоръ съ своею супругою отправился въ аудіенцъ-залу и шествовалъ оттуда въ Соборъ подъ великолѣпнымъ балдахиномъ, обшитымъ снаружи серебряною, а внутри золотою парчею (47).

Въ продолженіи этого шествія раздавался во всей Москвѣ непрерывный колокольный звонъ. Императоръ, при вступленіи въ Соборъ, былъ встрѣченъ московскимъ митрополитомъ Платономъ съ крестомъ и архіепископомъ Серафимомъ съ святою водою. Государь и Государыня, преклонясь предъ алтаремъ и образами, заняли мѣста на своихъ тронахъ, посреди церкви. По совершеніи обряда Священнаго Коронованія, раздались сто одинъ выстрѣлъ со стѣнъ Кремля, троекратный бѣглый огонь гвардіи, стоявшей кругомъ Собора и колокольный звонъ. И вдругъ — настало глубокое молчаніе: Государь, сойдя съ трона, сталъ со всѣми присутствовавшими въ церкви на колѣна и вознесъ къ Богу мольбу за себя и народъ свой. Митрополитъ произнесъ Слово, въ которомъ священный витія краснорѣчиво изобразилъ — и чувства народа, обожающаго своего Монарха, и обязанности, возложенныя на Монарха самимъ Богомъ (48). Затѣмъ началась Божественная

литургія, въ продолженіи коей Государь стоялъ у трона, облеченный въ регаліи, и совершено священное таинство мvропомазанія Ихъ Императорскихъ Величествъ. Когда Александръ подошелъ къ митрополиту, для принятія Святыхъ Даровъ, святитель вручилъ ему чашу, чтобы онъ, по уставу Церкви, причастился самъ, какъ помазанникъ Божій, въ день вѣнчанія на Царство. Но Государь смиренно возвратилъ ему чашу, пожелавъ принять тѣло и кровь Христовы на-равнѣ со всѣми вѣрующими. По окончаніи божественной службы, вдовствующая Императрица съ своими Августѣйшими дѣтьми принесла поздравленіе свыше-увѣнчанному сыну. Великій Князь Константинъ Павловичъ и Великія Княжны хотѣли броситься къ ногамъ его, но Александръ, не допустивъ того, нѣжно обнялъ ихъ. Императрица Марія Өеодоровна съ Великими Княжнами возвратилась во дворецъ, а Императоръ съ своею супругою, по древнему обычаю, посѣтилъ Архангельскій и Благовѣщенскій Соборы, и затѣмъ уже, возвратясь въ аудіенцъ-залу, повелѣлъ въ своемъ присутствіи прочесть манифестъ ([49]), въ которомъ объявлены были многія милости и въ заключеніе сказано: „Съ чувствомъ истиннаго удовольствія обращая такимъ образомъ къ счастью народа ввѣренное намъ отъ Бога право миловать и облегчать его нужды, Мы призываемъ вѣрныхъ сыновъ отечества соединить съ нами мольбы ихъ ко Всевышнему, да дѣйствіемъ присѣдящей Престолу Его мудрости всѣ дніе Царства Нашего будутъ изочтены днями преуспѣянія Россіи въ добродѣтели и просвѣщеніи, единомъ твердомъ основаніи непоколебимаго всѣхъ царствъ блаженства."

Въ тотъ-же день повелѣно учредить коммиссію для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. Въ указѣ по сему поводу, данномъ Сенату, сказано:

1801.

1801. „Среди всеобщаго торжества вѣрныхъ сыновъ отечества, простирая взоръ сострадания и на отпавшихъ его чадъ, винами своими отторгнувшихся отъ нѣдръ его, но не потерявшихъ правъ человѣчества, повелѣваемъ Правительствующему Сенату, составя изъ сенаторовъ, самимъ Сенатомъ избранныхъ и на утвержденіе намъ представленныхъ, особую коммиссію, поручить ей, собравъ свѣдѣнія, какъ въ самомъ сенатѣ, такъ и въ мѣстахъ заточенія и ссылки, войти въ разсмотрѣніе, не найдутся-ли въ числѣ потерпѣвшихъ сіе наказаніе всякаго рода и званія людей такіе, коихъ вины неумышленны и болѣе относятся ко мнѣнію и образу мыслей того времени, нежели къ дѣламъ безчестнымъ и дѣйствительный Государству вредъ наносящимъ, и ежели таковые откроются, сочинивъ списокъ имъ, съ означеніемъ самыхъ винъ, качества, времени и мѣста наказанія, облегчить участь ихъ, не ослабляя силы закона..."

Правила, коими должна была руководиться сія коммисія *), пояснены въ именномъ указѣ, 1801 года сентября 23-го. Сущность ихъ заключалась въ слѣдующемъ:

I. Нерѣдко случалось, что люди, коихъ вины были важны только по обстоятельствамъ политическимъ, за совершенно случайное прикосновеніе къ дѣлу, за одно слово, безъ намѣренія произнесенное, подвергались осужденію и ссылкѣ, для того только, чтобы скрыть свидѣтелей какого-либо происшествія. Между тѣмъ, обстоятельства, побудившія правительство къ принятію сихъ строгихъ мѣръ, измѣнились,

*) Въ Коммисію для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ были назначены сенаторы: князь Куракинъ, Новосильцовъ, Козодавлевъ и Макаровъ. Въ послѣдствіи Именнымъ указомъ, отъ 3-го марта 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII, № 20,206), по случаю порученія коммисіи пересмотра дѣлъ, относящихся къ лицамъ военнаго званія, въ составъ ея назначенъ генералъ-аудиторъ сенаторъ князь Салаговъ.

но жертвы ихъ остались въ томъ же положеніи, по забвенію, равнодушію, недостатку заступниковъ, и даже иногда по неизвѣстности, гдѣ находились пострадавшіе. Коммисія, прежде всего, должна заняться розыскапіемъ о такихъ людяхъ, и для открытія ихъ собрать свѣдѣнія въ самыхъ мѣстахъ заточенія. 1801.

II. Было время, когда правительство, сообразно современнымъ понятіямъ, полагало необходимымъ наказывать преступленія не по существу вреда отъ нихъ происходящаго, а по уваженію лицъ, противъ которыхъ они были совершены. Такимъ образомъ оскорбительныя для Высокихъ Особъ слова признавались величайшимъ злодѣяніемъ, но опытъ и лучшее понятіе о началѣ преступленій показали, что это мнимое злодѣяніе есть не что иное, какъ припадокъ заблужденія или слабоумія, и что власть и величество Государей, основанныя на общемъ для всѣхъ законѣ, не могутъ поколебаться отъ злорѣчія частнаго лица. Но, не смотря на очевидную истину такого заключенія, тысячи жертвъ были принесены предразсудку. Указаніе сихъ жертвъ, для облегченія ихъ участи, составитъ второй предметъ занятій коммиссіи.

III. Преступленія неумышленныя, не нанесшія вреда государству, происшедшія отъ неосторожности, отъ случая, отъ стеченія обстоятельствъ, должны составить третій родъ упражненій коммиссіи; но при изслѣдованіи причинъ сихъ преступленій, она должна принять за правило, что Я не намѣренъ ослабить силу закона на поступки ему противные, и что Я считаю Себѣ непозволеннымъ и самый человѣколюбивый поступокъ, когда несогласенъ онъ съ правосудіемъ, первою обязанностью Государей.

Послѣдствіемъ занятій коммиссіи было освобож-

1801. деніе, либо облегченіе участи нѣсколькихъ сотъ несчастныхъ. Нѣкоторымъ изъ нихъ были пожалованы изъ Кабинета пенсіи и выданы деньги для возвращенія на родину (50).

Въ день Коронованія и въ слѣдующіе два, городъ былъ иллюминованъ. Кремль, съ своими древними башнями, и Иванъ Великій горѣли разноцвѣтными огнями, представляя великолѣпное зрѣлище. Многіе изъ иностранцевъ, видѣвшіе въ Римѣ иллюминацію церкви Св. Петра, отдавали преимущество надъ нею освѣщенію Кремля.

19-го сентября (1 октября) было устроено народное празднество въ Сокольникахъ. Еще до прибытія Государя, народъ, введенный въ заблужденіе ошибочно даннымъ сигналомъ, кинулся къ столамъ, уставленнымъ кушаньями въ огромномъ размѣрѣ; въ нѣсколько минутъ все исчезло. Въ часъ по полудни пріѣхалъ въ Сокольники Государь верхомъ, въ сопровожденіи Великаго Князя Константина Павловича; за нимъ слѣдовала Царская фамилія въ двухъ каретахъ и множество придворныхъ экипажей. Народъ, прервавъ свой гомерическій пиръ, столпился кругомъ Государя и провожалъ его, съ радостными восклицаніями. Между тѣмъ — взвилась ракета, сигналъ къ общему угощенію различными напитками. Народъ бросился къ бочкамъ, но, по свидѣтельству иностранцевъ, никто не позволилъ себѣ ни малѣйшаго безпорядка, пьяныхъ было мало, и въ три часа, когда Государь уѣхалъ, несмѣтныя толпы разошлись по домамъ спокойно.

24-го сентября (6 октября), вся Царская фамилія отправилась въ Троицкую Лавру и оставалась тамъ двое сутокъ; а 15-го (27) октября Императоръ Александръ уѣхалъ изъ Москвы обратно въ Петербургъ. На семъ пути. Государь. найдя въ Валдаѣ

колодниковъ, содержащихся съ 1-го іюля въ тюрьмѣ, 1801.
по подозрѣнію въ кражѣ, между тѣмъ какъ о предполагаемой винѣ ихъ не было произведено никакого слѣдствія, повелѣлъ довести такое злоупотребленіе до свѣдѣнія Сената и предать суду виновныхъ въ томъ, а на будущее время подтвердить, чтобы губернскія начальства обратили вниманіе на предупрежденіе подобныхъ поступковъ ([51]). Счастливы народы, коихъ властители, подобно благодушному Монарху древняго Рима, считаютъ потеряннымъ тотъ день своей жизни, который неудалось имъ ознаменовать добрымъ дѣломъ.

ГЛАВА II.

Преобразованія по административной части.

(1801—1805).

Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ историковъ начала XIX столѣтія весьма справедливо замѣчаетъ, что, при изложеніи новѣйшей Исторіи, являются почти неодолимыя затрудненія, которыхъ не встрѣчали бытописатели древности и среднихъ вѣковъ: именно — разнообразіе и сложность одновременныхъ фактовъ, заставляющія историка безпрестанно переходить отъ одного предмета къ другому, и чрезъ то нарушать единство общей картины событій [1]. Для полноты новѣйшей Исторіи, необходимо изобразить нетолько жизнь одного какого-либо народа, или лица, во всѣхъ ея проявленіяхъ, но и жизнь прочихъ народовъ и лицъ, на столько, на сколько они соприкасались съ тѣмъ, который избранъ главнымъ предметомъ повѣствованія. И потому, изложивъ распоряженія и дѣйствія Императора Александра, въ первомъ періодѣ его царствованія, отдѣльно по всѣмъ частямъ государственнаго управленія: внутреннихъ дѣлъ, законодательства, промышленности, народнаго просвѣщенія, сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, общественныхъ сооруженій, благо-

творительности, и проч. за тѣмъ уже перейду къ дипломатическимъ сношеніямъ Россіи съ прочими Державами и къ первой войнѣ Императора Александра противъ Наполеона. Подобнымъ-же образомъ, административныя распоряженія и развитіе народной жизни, въ различныхъ отношеніяхъ, будутъ изложены отдѣльно въ каждомъ изъ послѣдующихъ періодовъ.

Первые годы царствованія Императора Александра I представляютъ образъ усиленной дѣятельности по всѣмъ частямъ государственнаго управленія. Свидѣтель злоупотребленій администраціи, въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины, и крутыхъ преобразованій ея преемника, Александръ хотѣлъ не только ввести многія частныя реформы, но совершить коренную перестройку всего многосложнаго государственнаго зданія и увѣнчать свой трудъ составленіемъ Уложенія, по образцу лучшихъ законоположеній Западной Европы ([2]).

Однимъ изъ важнѣйшихъ дѣйствій Императора Александра было учрежденіе министерствъ, съ цѣлью—раздѣлить многосложное управленіе Имперіи на части, но такъ, чтобы всѣ онѣ имѣли взаимную связь между собою. Главное неудобство существовавшихъ въ Россіи до Петра Великаго *Приказовъ* заключалось въ томъ, что они, будучи учреждены, по мѣрѣ надобности, въ различное время, для управленія извѣстною частью въ указанномъ смыслѣ, не обнимали вполнѣ многихъ предметовъ управленія. Такъ наприм. Приказъ военныхъ дѣлъ завѣдывалъ только тѣми войсками, которыя не состояли въ распоряженіи другихъ Приказовъ: Стрѣлецкаго, Пушкарскаго, и проч. Дѣлопроизводство въ Приказахъ соединяло въ себѣ коллегіальное и единоличное начала, именно: дѣла обсуживались въ общемъ

присутствіи нѣсколькими членами, но рѣшались главнымъ бояриномъ, который отвѣчалъ за все исполненное въ вѣдѣніи порученнаго ему Приказа, и даже нѣкоторые Приказы управлялись однимъ бояриномъ, безъ лицъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Какъ государственныя дѣла, разсѣянныя болѣе нежели въ сорока Приказахъ, шли чрезвычайно медленно, то при Петрѣ I-мъ были учреждены, въ замѣну ихъ, Коллегіи, а важнѣйшіе вопросы рѣшались въ Сенатѣ, какъ въ общемъ собраніи предсѣдателей коллегій. Въ то время, многіе изъ бояръ, членовъ коллегій, государственные сановники, умные и опытные, но неполучившіе никакого образованія, не умѣли писать, и потому совѣщательная часть была отдѣлена отъ части исполнительной: предсѣдатели и члены коллегій рѣшали дѣла; секретари, люди грамотные, приводили въ исполненіе ихъ рѣшенія, а чтобы предупредить злоупотребленія, неизбѣжныя при такомъ порядкѣ, были введены многосложные обряды. Слѣдовательно — учрежденіе Коллегій не устранило неудобствъ сопряженныхъ съ прежними Приказами. Дѣла шли медленно, да и не могло быть въ нихъ надлежащей отчетности.

Въ манифестѣ 8-го сентября 1802 года, объ учрежденіи министерствъ, сказано:.... „слѣдуя великому духу Преобразователя Россіи Петра Перваго, оставившаго намъ слѣды своихъ мудрыхъ намѣреній, по коимъ старались шествовать достойные его преемники, Мы заблагоразсудили раздѣлить Государственныя дѣла на разныя части сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи

всего того, чего требовать будетъ отъ нихъ должность, и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему. — На Правительствующій-же Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти Мы указомъ нашимъ въ сей день даннымъ утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту наипаче свойственную должность разсматривать дѣянія министровъ, по всѣмъ частямъ ихъ управленію ввѣреннымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ Государственными постановленіями и съ донесеніями прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять намъ докладомъ“.....

Управленіе государственными дѣлами было раздѣлено на восемь министерствъ, а именно: 1) Военно-Сухопутныхъ силъ; 2) Морскихъ силъ; 3) Иностранныхъ дѣлъ; 4) Юстиціи; 5) Внутреннихъ дѣлъ; 6) Финансовъ; 7) Коммерціи и 8) Народнаго Просвѣщенія *). Каждое изъ нихъ долженствовало находиться подъ непосредственнымъ управленіемъ одного изъ министровъ. Министрамъ Внутреннихъ и Иностранныхъ дѣлъ, Юстиціи, Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія, по обширности ввѣренныхъ имъ частей, положено было придать помощниковъ, въ званіи Товарищей Министровъ **). Три первыя колле-

*) Въ послѣдствіи, управляющій департаментомъ Удѣловъ Трощинскій также получилъ званіе министра.

**) Первоначально были назначены министрами: 1) Военно-Сухопутныхъ силъ, генералъ отъ инфантеріи и вице-президентъ военной коллегіи Вязмитиновъ; 2) Военныхъ Морскихъ силъ, адмиралъ и вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи Мордвиновъ; 3) Иностранныхъ дѣлъ, государственный канцлеръ 1-го класса графъ Воронцовъ; 4) Юстиціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ генералъ-прокуроръ Державинъ; 5) Внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Кочубей; товарищемъ его, тайный совѣтникъ графъ Павелъ Строгановъ; 6) Финансовъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Васильевъ; то-

гіи были оставлены на прежнемъ ихъ основаніи и подчинены министрамъ: 1) Военныхъ Сухопутныхъ силъ; 2) Военныхъ Морскихъ силъ; 3) Иностранныхъ дѣлъ. Всѣ министры были члены Государственнаго Совѣта и присутствовали въ Сенатѣ. Главныя обязанности и предметы занятій каждаго изъ нихъ были вкратцѣ обозначены въ томъ-же манифестѣ ([3]).

Манифестъ 8-го сентября 1802 года, объ учрежденіи министерствъ, былъ сочиненъ безъ всякаго участія Трощинскаго. Этого умнаго и опытнаго, но отсталаго дѣльца оттѣснили люди, близкіе къ Государю почти съ самаго его дѣтства: графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, Николай Николаевичъ Новосильцовъ, князь Адамъ Чарторыскій и графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ ([4]). Послѣдніе три составляли союзъ, извѣстный тогда въ публикѣ подъ именемъ *тріумвирата* и которому самъ Государь иногда въ шутку давалъ прозваніе „Comité du salut public“. Этотъ комитетъ, образовавшійся еще въ бытность Александра Павловича Великимъ Княземъ, въ послѣдствіи рѣшалъ государственныя дѣла, хотя и не имѣлъ никакого офиціальнаго значенія. Ему почти исключительно принадлежитъ мысль важнѣйшихъ преобразованій, совершенныхъ въ первые годы царствованія Александра I-го, и въ числѣ ихъ учрежденія министерствъ, на счетъ котораго самъ Государь и юные друзья его совѣтовались съ Лагарпомъ, Мордвиновымъ и графомъ Александромъ Романовичемъ Воронцовымъ ([5]). Оно возбудило въ то время

варищемъ его, гофмейстеръ Гурьевъ; 7) Коммерціи, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Румянцовъ; 8) Народнаго Просвѣщенія, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Завадовскій, предсѣдатель Коммиссіи составленія законовъ; товарищемъ его, тайный совѣтникъ Муравьевъ (Полн. Закон. т. XXVII. № 20,409).

многія порицанія и въ дѣйствительности несогласовалось ни съ обязанностями вновь учрежденнаго Совѣта, ни съ правами и властью Сената, ни съ занятіями трехъ коллегій, оставленныхъ въ прежнемъ составѣ и дѣйствіи (6).

Приступая къ изложенію послѣдующихъ преобразованій, считаю необходимымъ представить характеристическія черты сотрудниковъ Императора Александра, главныхъ дѣятелей этого времени.

Изъ лицъ, составлявшихъ помянутый негласный комитетъ, наиболѣе способнымъ считался Николай Николаевичъ Новосильцовъ, сынъ побочной сестры стараго графа Александра Сергѣевича Строганова (президента Академіи Художествъ), человѣкъ съ свѣтлымъ умомъ, образованный и даже, въ нѣкоторой степени, ученый. Новосильцовъ сперва служилъ въ военной службѣ, а по кончинѣ Императрицы Екатерины II, слѣдуя совѣту особенно благоволившаго къ нему Великаго Князя Александра Павловича, вышелъ въ отставку и четыре года жилъ въ Англіи, совершенно обворожившей его своими уставами и обычаями. Изучивъ механизмъ тамошняго управленія и усвоивъ нравы и понятія сей страны, онъ какъ будтобы въ глубинѣ души призналъ ее своимъ отечествомъ; Россія-же была ему неизвѣстна, тѣмъ болѣе, что въ молодости онъ не управлялъ никакою частью. Его считали, и не напрасно, мало способнымъ къ постояннымъ усидчивымъ занятіямъ. Тѣ, которые знавали его въ позднѣйшее время, думали, что онъ измѣнилъ прежнимъ своимъ либеральнымъ склонностямъ; въ дѣйствительности-же онъ всегда былъ абсолютистомъ и постоянно стремился къ централизаціи управленія и къ слитію въ одну общую форму всѣхъ національностей Россіи. Освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ было противно его убѣжденіямъ. Тѣмъ стран-

нѣе и необъяснимѣе казалась его дружба съ Чарторыскимъ, котораго понятія и симпатіи были либеральны, по крайней мѣрѣ, на столько, сколько допускали то предразсудки и интересы польскаго магната. Очевидно, что эта дружба, какъ нерѣдко случается. имѣла основаніемъ самую противоположность характеровъ Новосильцова и Чарторыскаго.

Въ первое время царствованія Александра I-го, Новосильцовъ, извѣстный своими свѣдѣніями и рвеніемъ къ общему благу, въ томъ смыслѣ, въ какомъ самъ понималъ его, пользовался уваженіемъ и сочувствіемъ въ публикѣ, кромѣ такъ называемой французской партіи, нелюбившей его за то, что онъ былъ усерднымъ поборникомъ союза съ Англіей. Непріятели Новосильцова, дѣйствуя обычнымъ оружіемъ Французовъ — насмѣшками, называли его: le grand homme, le grand ministre, l'homme universel, le génie à toute sauce, и проч. издѣвались — и надъ презрѣніемъ его къ знакамъ отличія, и надъ всеобъемлющими его способностями, изъявляли удивленіе — какъ не поставятъ его во главѣ арміи, и т. под. И въ самомъ дѣлѣ, у Новосильцова, тогда носившаго скромное званіе дѣйствительнаго камергера и имѣвшаго, всего-на-все, пожалованный ему за отличіе на войнѣ владимірскій крестъ въ петлицѣ, постепенно стеклись въ портфёлѣ: во 1-хъ, проекты по земледѣлію, торговлѣ, промышленности, искусствамъ и художествамъ (7); во 2-хъ, докладъ всѣхъ дѣлъ, восходившихъ къ Государю, по сенату, синоду и рекетмейстерской части (8); въ 3-хъ, дѣла комитета министровъ, гдѣ сначала Государь самъ постоянно присутствовалъ; въ 4-хъ, докладъ дѣлъ по главному правленію училищъ, составленному изъ попечителей учебныхъ округовъ (самъ Новосильцовъ, 24-го января 1803 года, былъ назначенъ попечителемъ петербург-

скаго округа); въ 5-хъ, дѣла по Академіи Наукъ, которой президентомъ онъ былъ назначенъ 14-го февраля того-же года, и наконецъ въ 6-хъ, всѣ безчисленныя дѣла, возлагаемыя на него по Высочайшей волѣ, либо такія, о которыхъ онъ, по частнымъ просьбамъ, докладывалъ Государю, что разрѣшено было ему, безъ ограниченія, во всякое время. Нѣсколько позже, онъ былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи (9) и предсѣдателемъ коммиссіи составленія законовъ (10). Новосильцовъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ и кромѣ четырехъ докладныхъ дней въ недѣлю, постоянно имѣлъ доступъ къ Государю, видѣвшему въ немъ умнаго, способнаго и свѣдущаго сотрудника, веселаго и пріятнаго собесѣдника, преданнаго и откровеннаго друга. Его товарищи держались имъ однимъ и только лишь чрезъ него имѣли вліяніе на Императора Александра (11). Среди безпрерывныхъ и многоразличныхъ занятій, Новосильцовъ сопутствовалъ Государю въ его поѣздкахъ и былъ употребляемъ, (какъ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ), для дипломатическихъ порученій.

Князь Адамъ Чарторыскій былъ сынъ того Адама-Казиміра, который, одновременно съ своимъ двоюроднымъ братомъ Станиславомъ Понятовскимъ, домогался избирательнаго престола Польши; его мать отличалась изступленнымъ патріотизмомъ, благодаря чему заслужила отъ своихъ земляковъ названіе *матки ойчизны* *). Молодой князь Адамъ получилъ многостороннее образованіе. Наставникомъ его былъ италіянецъ, аббатъ Піатоли; преподавателями — мате-

*) Т. е. матери отечества. Впрочемъ — если вѣрить сплетнямъ, перешедшимъ въ преданіе — патріотическій фанатизмъ *матки ойчизны* не помѣшалъ тѣсной связи ея съ княземъ Репнинымъ, русскимъ посломъ въ Варшавѣ, и даже князя Адама считали сыномъ Репнина (Записки Вигеля).

матикъ Люилье (Lhuillier), политико-экономъ Дюпонъ де-Немуръ, филологъ Гродекъ; по окончаніи-же курса наукъ, онъ отправился за-границу и долго оставался въ Англіи, занимаясь изученіемъ политическихъ учрежденій сей страны. Послѣ паденія Польши имѣнія Чарторыскихъ были конфискованы, но Екатерина согласилась возвратить ихъ, подъ условіемъ прибытія двухъ братьевъ Чарторыскихъ въ Петербургъ, гдѣ ихъ вскорѣ назначили адъютантами, Адама — къ Великому Князю Александру, а Константина — къ Великому Князю Константину Павловичу. Менторомъ обоихъ Чарторыскихъ былъ нѣкто Горскій, человѣкъ ловкій, вкрадчивый и двуличный. Слѣдуя его совѣтамъ и внушеніямъ, князь Адамъ старался снискать — и снискалъ въ дѣйствительности — дружбу Александра Павловича, единственно съ цѣлью возстановить чрезъ него свою павшую родину; братъ его Константинъ, хотя также пользовался довѣріемъ младшаго Великаго Князя, однакоже безъ всякихъ политическихъ видовъ. Обстоятельства чрезвычайно благопріятствовали князю Адаму: самъ онъ, характера пылкаго, подъ внѣшнею оболочкою холодности и равнодушія, малорѣчивый, дальновидный и проницательный, имѣлъ дѣло съ Александромъ Павловичемъ, страстнымъ, впечатлительнымъ, скрытнымъ по вліянію среды, въ которой протекла его молодость, но жаждавшимъ дружбы и думавшимъ найти въ Чарторыскомъ ту искреннюю, безрасчетную преданность, которая такъ рѣдко встрѣчается въ дѣйствительности. Подъ вліяніемъ такого душевнаго настроенія, Александръ ввѣрялъ своему другу помыслы юнаго, незнакомаго съ опытомъ жизни ума; его плѣняли бывшія тогда въ ходу идеи братства и благополучія народовъ подъ сѣнью вѣчнаго мира; по словамъ Чарторыскаго, Великій Князь го-

ворилъ ему прямо, что не раздѣляетъ доктринъ господствующихъ при русскомъ дворѣ, что дѣйствія Екатерины въ отношеніи Польши ему кажутся несправедливыми, и что онъ сочувствуетъ національнымъ стремленіямъ Поляковъ. Чарторыскій, обрадованный такимъ расположеніемъ Александра, который, рано или поздно, сдѣлавшись властелиномъ Россіи, могъ осуществить мечты свои, неупускалъ случаевъ поддерживать благоволеніе Великаго Князя къ Польшѣ. Императоръ Павелъ, по вступленіи на престолъ, будучи недоволенъ сближеніемъ Александра Павловича съ княземъ Чарторыскимъ, и желая удалить изъ Петербурга вкрадчиваго Поляка, назначилъ его повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи при Королѣ Сардинскомъ, изгнанномъ Французами изъ своей столицы и тогда жившемъ въ Римѣ. Но въ мартѣ 1801 года Александръ Павловичъ, извѣщая Чарторыскаго о своемъ вступленіи на престолъ, пригласилъ его возвратиться, какъ можно скорѣе, въ Петербургъ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ, Чарторыскій, оставаясь при Государѣ безъ всякой офиціальной должности, ограничивался тѣмъ сокровеннымъ вліяніемъ на дѣла, которое онъ имѣлъ совокупно съ прочими юными сподвижниками Александра; а въ 1803 году, будучи назначенъ товарищемъ министра Иностранныхъ Дѣлъ, стараго графа Александра Романовича Воронцова, управлявшаго министерствомъ только по имени, (потому что этою частью дѣятельно занимался самъ Государь), Чарторыскій сталъ во главѣ русской дипломатіи. Необладавшій даромъ слова, казавшійся разсѣяннымъ, но въ дѣйствительности сосредоточенный въ самомъ себѣ, князь Чарторыскій избѣгалъ шумныхъ бесѣдъ и никогда недавалъ дипломатическихъ обѣдовъ. При изустныхъ преніяхъ, онъ держался всегда одного главнаго пред-

мета и, не уклоняясь отъ существенной цѣли, выражался сжато и даже иногда сильно, хотя и не могъ выдерживать спора съ людьми подобными рѣчистому Новосильцову. Его письменныя мнѣнія были убѣдительны безъ ораторскихъ прикрасъ. Многіе изъ Русскихъ и тогда не любили его, разгадавъ его замыслы и предвидя въ немъ заклятаго врага Россіи ([12]). По ихъ мнѣнію, его преданность къ своему вѣнчанному другу и самый патріотизмъ къ Польшѣ прикрывали честолюбивое стремленіе его — сдѣлаться Королемъ Польскимъ. Напротивъ того, иностранцы, для коихъ психологическое изслѣдованіе дѣйствій князя Чарторыскаго имѣло менѣе интереса, находили его ученымъ и скромнымъ молодымъ министромъ, исполненнымъ благородства и правдивости (?), искренно преданнымъ Императору Александру, безъ всякихъ своекорыстныхъ разсчетовъ. Одинъ изъ иностранныхъ агентовъ при С.-Петербургскомъ Дворѣ, самъ отличавшійся прямодушіемъ, пишетъ, по случаю слуховъ о смѣнѣ князя Чарторыскаго въ должности министра Иностранныхъ Дѣлъ: „Si cela arrivait, ce serait une perte irréparable pour l'empereur. L'attachement de ce ministre pour son souverain, sa loyauté, son désintéressement et sa fermeté mêlée de beaucoup de prudence et d'une rare modestie, sont des qualités bien difficiles à remplacer et lui ont attiré la confiance de toutes les personnes qui ont affaire à lui". (Если бы это случилось, то Императоръ понесъ-бы невознаградимую потерю. Преданность сего министра къ своему Государю, его прямодушіе, безкорыстіе и твердость духа, въ соединеніи съ благоразуміемъ и необыкновенною скромностью, качества весьма рѣдкія, доставили ему довѣріе всѣхъ тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ дѣло) ([13]). Такъ думалъ и Тьеръ, говоря, между прочимъ, о Чарторыскомъ,

что „онъ, честнѣйшій изъ людей, былъ неспособенъ измѣнить Императору Александру“. (Il était faux que le prince Adam, le plus honnête des hommes, fût capable de trahir Alexandre) ([14]). Гораздо правильнѣе сказать, что Александръ, съ своей стороны, неспособенъ былъ вдаваться въ обманъ, если самъ нехотѣлъ иногда казаться обманутымъ. Въ числѣ иностранныхъ дипломатовъ были и такіе, которые отзывались весьма невыгодно о князѣ Чарторыскомъ: Дюрокъ, пріѣзжавшій въ Петербургъ съ дипломатическимъ порученіемъ Наполеона, писалъ къ Фуше: „Происхожденіе Чарторыскаго проложило-бы ему путь къ польскому престолу, если-бы ему не помѣшала въ томъ Императрица Екатерина. Онъ не забылъ этого и обрекъ себя вѣчной ненависти къ Русскимъ, коихъ гнушается, къ Императору, котораго обманываетъ, къ его министрамъ, которыхъ презираетъ; но скрывая свои чувства, онъ одинъ лишь знаетъ свои намѣренія“. (La naissance de Czartoryski l'aurait porté au trône de Pologne sans l'Imperatrice Catherine. Il ne l'a pas oublié; il a voué une haine eternelle aux Russes qu'il exècre, à l'Empereur qu'il trompe, à ses ministres qu'il méprise; mais, renfermé en lui-même, lui seul sait ce qu'il sera et ce qu'il fera) ([15]).

Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ былъ единственный сынъ русскаго вельможи, любителя изящныхъ искусствъ и мецената художниковъ, графа Александра Сергѣевича, о которомъ Императрица Екатерина, представляя его графу Фалькенштейну (Іосифу II-му), сказала: „рекомендую вамъ графа Строганова, который уже сорокъ лѣтъ дѣлаетъ все возможное, чтобы разориться и никакъ не можетъ успѣть въ томъ“ ([16]). Графъ Павелъ Строгановъ, человѣкъ съ прекрасною благородною душею, начитанный и пріятный въ бесѣдѣ, получивъ исключи-

тельно французское воспитаніе, принадлежалъ къ числу ревностныхъ почитателей Мирабо и гласно изъявлялъ заимствованный имъ отъ запада свободный образъ мыслей. Увѣряли, что, по кончинѣ Императора Павла, онъ написалъ Новосильцову въ Лондонъ: „Arrivez mon ami...... Nous allons avoir une constitution“.—Само собою разумѣется, что его ультра-либерализмъ былъ не столько выраженіемъ глубокаго вѣрованія, сколько стремленіемъ поддѣлаться подъ бывшій тогда въ ходу тонъ современнаго общества. По учрежденіи министерствъ, будучи въ званіи товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ, при дорожившемъ своею властью министрѣ, графѣ Кочубеѣ, Строгановъ не имѣлъ собственнаго значенія; все его вліяніе на дѣла было основано на тѣсномъ союзѣ съ Новосильцовымъ и Чарторыскимъ, и еще болѣе на благоволеніи къ нему Императора Александра. Непроходило почти ни одного дня, чтобы Государь не посѣтилъ дома Строгановыхъ. Милость его къ прежнему соученику усиливалась дружбою Императрицы Елисаветы Алексѣевны къ женѣ Строганова, графинѣ Софіи Владиміровнѣ, урожденной княжнѣ Голицыной, одной изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ женщинъ того времени. Она была горбата, весьма малаго роста, и не смотря на то, увѣряютъ, будто-бы Александръ, еще Великимъ Княземъ, былъ неравнодушенъ къ ней, и что его отринутая страсть въ послѣдствіи обратилась въ почтительную дружбу ([17]).

Графъ (въ послѣдствіи князь) Викторъ Павловичъ Кочубей, племянникъ канцлера князя Безбородки, обративъ на себя вниманіе своего дяди умомъ и необыкновенною памятью, соединенными съ гордою таинственностью, получилъ отличное воспитаніе сперва въ его домѣ, а потомъ за-границею, въ

Женевѣ. Князь Безбородко, надѣясь сдѣлать его наслѣдникомъ своей знаменитости, ничего не щадилъ для его образованія, а потомъ, когда онъ достигъ 19-ти лѣтъ, отправилъ *на выучку* въ лондонскую миссію къ искусному дипломату, русскому посланнику, графу Семену Романовичу Воронцову. Тамъ онъ, въ свободное отъ службы время, занимался съ успѣхомъ политическими науками. Въ 1792 году, Кочубей, всего двадцати четырехъ лѣтъ отъ рода, будучи посланъ въ Константинополь, въ званіи чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра, умѣлъ поддержать достоинство представителя могущественной Государыни. По восшествіи на престолъ Императора Павла, Безбородко вызвалъ своего племянника ко двору и въ короткое время доставилъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графское достоинство и званіе вице-канцлера. Но вмѣстѣ съ кончиною Безбородки исчезло благоволеніе Императора Павла къ графу Кочубею, который, будучи уволенъ отъ службы, уѣхалъ въ свое имѣніе. Императоръ Александръ, отъ первыхъ лѣтъ своей юности, питавшій къ Кочубею чувства искренняго дружества, немедленно по вступленіи на престолъ, призвалъ его къ себѣ и назначилъ сенаторомъ, потомъ — членомъ вновь учрежденнаго Совѣта и, наконецъ, 8-го сентября 1802 года, при образованіи министерствъ — министромъ Внутреннихъ дѣлъ: такимъ образомъ Кочубей, оставя дипломатическую карьеру, посвятилъ себя внутреннимъ преобразованіямъ государства. На этомъ поприщѣ, его страсть къ нововведеніямъ нашла обильную пищу. Современники находили, что онъ зналъ Англію лучше Россіи, и что, передѣлывая многое на англійскій ладъ, онъ, какъ львенокъ Крылова, училъ звѣрей „вить гнѣзда.“ Но и самые порицатели его

признавали въ немъ столь-же рѣдкое, сколько и необходимое качество государственнаго человѣка — искусство познавать людей, употреблять ихъ и знать имъ цѣну ([18]).

Таковы были первые приближенные Александра, первоначальные сотрудники его въ управленіи судьбами обширной Имперіи. Ни одинъ изъ нихъ не стоялъ вполнѣ на высотѣ своего призванія, какъ по недостаточному знанію Россіи, такъ и по малой опытности въ дѣлахъ, совершенно для нихъ новыхъ. Довѣріе къ нимъ Монарха было основано не столько на ихъ способностяхъ, сколько на привычкѣ къ нимъ и на прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Молодые любимцы, люди благонамѣренные, каждый — по своему, но неопытные, раздѣляли страсть къ нововведеніямъ Государя, столь же благонамѣреннаго, столь-же мало опытнаго, столь-же незнавшаго страны своей. Вмѣсто того, чтобы явиться на поприще государственнаго управленія во всеоружіи положительныхъ свѣдѣній, они, управляя дѣлами, учились въ такой школѣ, гдѣ шла рѣчь о будущности, о судьбѣ многихъ милліоновъ людей, а не о какой-либо отвлеченной теоріи ([19]).

Въ числѣ товарищей юности Александра, кромѣ исчисленныхъ мною его сотрудниковъ, находился князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, человѣкъ, превосходившій всѣхъ въ искусствѣ занимать Государя. Насмѣшливый характеръ князя Голицына, по собственному его признанію, надѣлалъ ему въ молодости много враговъ, но въ послѣдствіи онъ успѣлъ переработать себя. Будучи отставленъ и высланъ изъ Петербурга при Императорѣ Павлѣ, князь Голицынъ оставался въ бездѣйствіи три года, но въ 1802 году, повелѣно было ему состоять за оберъ-прокурорскимъ столомъ, а въ 1803-мъ, онъ былъ

назначенъ статсъ-секретаремъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода ([20]).

Перейду къ очертанію характера прочихъ лицъ, занявшихъ важнѣйшія должности при образованіи министерствъ.

Адмиралъ Никол. Семенов. Мордвиновъ, извѣстный своими добрыми намѣреніями, обширными свѣдѣніями, популярностью и пылкимъ воображеніемъ, стремился къ преобразованіямъ, не всегда сообразнымъ съ дѣйствительными потребностями государства. Будучи назначенъ министромъ морскихъ силъ, онъ, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, оставилъ это мѣсто Павлу Васильевичу Чичагову, сыну адмирала (Вас. Яковл.), знаменитаго успѣхами надъ Шведами, единственнаго во флотѣ кавалера Св. Георгія 1-го класса. Младшій Чичаговъ, обязанный довольно быстрымъ повышеніемъ по службѣ заслугамъ отца своего, дерзкій на языкъ, навлекъ на себя гнѣвъ Императора Павла, былъ отставленъ и сосланъ въ свое имѣніе; затѣмъ, будучи прощенъ и снова принятъ на службу, по ходатайству графа Кушелева, онъ сказалъ лично Павлу Петровичу, что не можетъ служить подъ начальствомъ Кушелева, потому что прежде былъ его старѣе. Императоръ Павелъ, разгнѣванный такою выходкою, приказалъ снять съ него мундиръ и посадить въ крѣпость. Впрочемъ, этотъ несчастный случай въ послѣдствіи послужилъ ему въ пользу; твердость и спокойствіе духа, тогда имъ выказанныя, возвысили его не только въ глазахъ публики, но и во мнѣніи Наслѣдника престола. Чрезъ нѣсколько времени, вспыльчивый, но незлопамятный Павелъ, снова простилъ его, по представленію Кушелева, который увѣрилъ Государя, будто-бы Чичаговъ раскаявался въ своемъ поступкѣ. Затѣмъ, будучи посланъ въ Англію, онъ женился на

Англичанкѣ и, по возвращеніи въ Россію, соединялъ въ себѣ суровость моряка съ надменностью истаго британца.

Совершенно иныхъ свойствъ былъ военный министръ Сергѣй Козьмичъ Вязмитиновъ. Покорность къ предержащей власти, утвержденная продолжительною службою при строгихъ и неотличавшихся вѣжливостью начальникахъ, поселила въ немъ раболѣпство, несовмѣстное съ достоинствомъ человѣка, поставленнаго на высокую степень. Его доброта и честность были столь-же извѣстны, сколько умъ, трудолюбіе и дѣятельность его, но эти похвальныя качества не могли замѣнить административныхъ способностей, которыхъ ему недоставало.

Министръ юстиціи, Державинъ — поэтъ, пророкъ — соединялъ въ себѣ неопытность юноши съ брюзгливостью и отвращеніемъ отъ всѣхъ нововведеній упрямаго старца.

Министромъ финансовъ былъ назначенъ человѣкъ минувшей эпохи, графъ Алексѣй Ивановичъ Васильевъ, по сущей необходимости, потому что тогда никто не могъ лучше его занять это мѣсто. Будучи происхожденія незнатнаго, онъ проложилъ себѣ дорогу къ почестямъ трудомъ и заслугами, не ослѣплялся счастіемъ и былъ весьма умѣренъ въ своихъ желаніяхъ и образѣ жизни. Его благоразумному управленію была обязана Россія тѣмъ, что, несмотря на войны 1805 и 1807 годовъ, не было надобности — ни прибѣгать къ займамъ, ни обременять народъ новыми податями. — Товарищъ его, Дмитрій Александровичъ Гурьевъ, искательный, ловкій, разбогатѣвшій чрезъ дружество съ графомъ Скавронскимъ и втершійся въ аристократію женитьбою съ графинею Салтыковою, былъ довольно образованъ, но преимущественно славился свѣдѣніями

и изобрѣтательностью по гастрономической части, такъ что даже, кажется, была каша носившая его имя. По кончинѣ графа Васильева, онъ надѣялся занять его мѣсто; когда-же управляющимъ министерствомъ финансовъ сдѣлали Голубцова, Гурьевъ, будучи старѣе его чиномъ, не могъ оставаться его товарищемъ, и выждалъ отставку Голубцова, нелюбимаго уже сильнымъ тогда Сперанскимъ, чтобы занять вожделѣнное мѣсто министра финансовъ.

Эфемерное министерство коммерціи было поручено сыну Задунайскаго героя, графу Николаю Петровичу Румянцеву, похожему лицомъ на отца своего, обладавшему необыкновеннымъ даромъ слова и извѣстному свѣдѣніями въ Исторіи и Древностяхъ. Современники упрекали его въ пристрастіи къ Французамъ и всему французскому. Въ дѣйствительности же графъ Николай Петровичъ оказалъ большія услуги отечеству, не столько трудами своими на поприщѣ дѣлъ государственныхъ, сколько значительными пожертвованіями на пользу наукъ имъ сдѣланными; въ числѣ ихъ особенно замѣчательны: отправленіе имъ на свой счетъ въ кругосвѣтное плаваніе корабля „Рюрикъ", подъ командою лейтенанта Коцебу, въ 1815 году; изданіе на собственный счетъ многихъ важныхъ матеріаловъ, относящихся къ русской Исторіи, и предоставленіе для общественныхъ ученыхъ занятій большаго собранія книгъ, рукописей, монетъ, минераловъ и другихъ рѣдкостей, составившихъ такъ-называемый Румянцевскій музеумъ, всего на сумму болѣе милліона.

Наконецъ — министромъ народнаго просвѣщенія былъ назначенъ человѣкъ, нѣкогда славившійся столько-же красотою, какъ и умомъ, любимый секретарь Румянцева-Задунайскаго, прошедшій осторожно и спокойно чрезъ дворскія и правительствен-

вые перемѣны при Екатеринѣ и Павлѣ, графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій. По свидѣтельству современниковъ, Завадовскій, „украинская умная голова“, всегда умѣлъ пользоваться жизнью и обстоятельствами. Исключая Сперанскаго, онъ одинъ только изъ всѣхъ, призванныхъ къ кормилу правленія, зналъ по латыни, что, отчасти, имѣло вліяніе на его назначеніе. Впрочемъ, какъ въ переходныя эпохи является въ народѣ болѣе нежели когда-либо жажда къ просвѣщенію, то Завадовскимъ, или, лучше сказать при Завадовскомъ, было сдѣлано много по части общаго образованія. Товарищъ его, умный, кроткій, ученый, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, бывшій наставникъ Великихъ Князей Александра и Константина, извѣстный своими сочиненіями и въ особенности переводами съ латинскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, не имѣлъ довольно силы характера, чтобы пріобрѣсть вліяніе на какую-либо часть государственной администраціи ([21]).

Изъ людей Екатерининскаго вѣка, еще упомянемъ о государственномъ канцлерѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ, человѣкѣ „старомъ, но съ молодыми идеями“ — какъ выражались о немъ юные сотрудники Александра. При Императрицѣ Екатеринѣ, его обвиняли въ демократизмѣ, за то, что онъ вступился за Радищева. Нѣкоторыя изъ записокъ его, по различнымъ предметамъ государственнаго управленія, свидѣтельствуютъ о его опытности и многостороннихъ свѣдѣніяхъ ([22]).

Тогда-же незамѣтно, но быстро, возвышался Сперанскій. Воспитанникъ семинаріи, обязанный своими первоначальными успѣхами по службѣ покровительству генералъ-прокурора князя Алексѣя Борисовича Куракина, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій, благодаря своимъ способностямъ, удержался въ долж-

ности секретаря при преемникахъ Куракина, Лопухинѣ и Беклешовѣ. Умный, правдивый, любившій науку и ученыхъ, Беклешовъ умѣлъ оцѣнить достоинства наиболѣе способнаго изъ своихъ подчиненныхъ, Сперанскаго. Когда-же смѣнилъ Беклешова, Обольяниновъ, человѣкъ грубый и необразованный, Сперанскій и при немъ сдѣлался необходимымъ. Нѣсколько дней спустя по восшествіи на престолъ Императора Александра, Сперанскій, въ званіи статсъ-секретаря, поступилъ къ Трощинскому, бывшему докладчикомъ при лицѣ Государя, а по учрежденіи министерствъ — къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею. По выраженію одного изъ современниковъ Сперанского — „это время было его весною; лѣто и гроза еще были впереди“ (23).

Такимъ образомъ, сотрудниками Александра, въ первые годы его царствованія, являются — и дѣльцы вѣка Екатерины, люди, искусившіеся опытами жизни, и юные дѣятели, вступившіе на невѣдомое имъ поприще съ душою не затвердѣвшею отъ житейскихъ неудачъ и треволненій. Казалось-бы, что соединеніе противоположныхъ началъ — съ одной стороны осторожности и привычки къ прежнему ходу дѣлъ, а съ другой — новѣйшей образованности и благонамѣреннаго, хотя и безсознательнаго, стремленія къ улучшеніямъ, казалось-бы что такое соединеніе началъ, умѣряемыхъ и дополняемыхъ одно другимъ, могло имѣть самыя благотворныя послѣдствія для матеріальнаго и духовнаго преуспѣянія Россіи. Но, къ сожалѣнію, вышло иначе. По собственному сознанію одного изъ людей прежняго времени, люди опытные, вмѣсто того, чтобы содѣйствовать юному Императору въ управленіи государствомъ „по законамъ и по сердцу Великой Екатерины,“ какъ торжественно обѣщалъ онъ въ первомъ своемъ ма-

нифестѣ, предались радости, обуявшей ихъ при восшествіи на престолъ Государя милостиваго, невзыскательнаго, провожали время въ пиршествахъ, читали восторженные стихи и громко прославляли, не стѣсняясь присутствіемъ служителей своихъ, прекращеніе прежней строгости и возстановленіе спокойствія. А, между тѣмъ, молодые люди, окружавшіе Императора Александра, пользуясь бездѣйствіемъ старшихъ, окружали престолъ и съ самонадѣянностью, свойственною невѣдѣнію и неопытности, порицая всѣ уставы и законы существовавшіе въ Россіи, считали ихъ отсталыми, отжившими вѣкъ свой. Полагая, что достаточно было природныхъ способностей, сознаваемыхъ ими въ самихъ себѣ, чтобы сдѣлаться законодателями, полководцами, просвѣтителями милліоновъ людей, они вызывались начертать законы болѣе совершенные, болѣе благодѣтельные, что̀, однакоже, немѣшало имъ съ непостижимою неосновательностью подрывать уваженіе ко всѣмъ уставамъ, разглагольствуя о свободѣ и равенствѣ, въ самомъ превратномъ и уродливомъ смыслѣ. Многія изъ предложенныхъ ими преобразованій въ дѣйствительности были хороши, но, будучи приводимы въ исполненіе поспѣшно, безъ связи съ общею системою управленія, невсегда приносили ожидаемую пользу и часто подавали поводъ къ неудовольствію (24). Весьма замѣчательно, что нѣкоторыя похвальныя качества Государя, его простота вкусовъ, его отвращеніе отъ всякаго этикета и внѣшняго блеска, подвергались превратнымъ толкамъ. Говорили, что русскій дворъ утратилъ все достодолжное величіе свое, что одна лишь вдовствующая Императрица умѣла поддерживать старинныя дворскія преданія (25). Находили предосудительнымъ, что Государь ничѣмъ не отличался

отъ своихъ подданныхъ въ одеждѣ и образѣ жизни, что онъ не приглашалъ дипломатическій корпусъ на большіе церемоніальные обѣды, и что даже онъ считалъ нужнымъ извиняться предъ служившимъ за царскимъ столомъ камергеромъ въ причиненномъ ему безпокойствѣ. Осуждали Императора Александра и за то, что въ одномъ изъ манифестовъ онъ изъявилъ благодарность своимъ подданнымъ за оказанныя ими услуги отечеству, назвавъ ихъ сынами отечества и повторивъ нѣсколько разъ слово: „Отечество.“ Удивлялись пристрастію самодержавнаго владыки къ Американцамъ, гражданамъ республики. Де-Местръ, представитель изгнаннаго Короля Сардинскаго, пишетъ, что Императоръ Александръ былъ весьма ласковъ къ бостонскому негоціанту Пуансè (Poinset), который не смѣлъ-бы показаться ни въ какомъ изъ домовъ высшаго туринскаго общества ([26]). По словамъ графини Шуазель-Гуфьè: «On remarque en lui (l'Empereur Alexandre) une exagération de simplicité qui dénote sa répugnance pour le cérémonial du trône; on dirait, que sous ce rapport, il veut être Empereur le moins possible..... Enfin on peut dire que c'est l'homme de la cour qui va le moins à la cour».... (Въ Императорѣ Александрѣ замѣтна преувеличенная простота обхожденія, высказывающая его отвращеніе къ державному церемоніалу; можно сказать, что, въ этомъ отношеніи, онъ хочетъ быть Императоромъ какъ можно менѣе.... Это придворный, какъ будтобы лишній при Дворѣ) ([27]).

Все это было послѣдствіемъ не столько желанія пріобрѣсть популярность, сколько личныхъ наклонностей Императора Александра, вообще нелюбившаго пышности, но его умѣренность и бережливость, въ понятіяхъ людей переживших вѣкъ Екатерины, казались неумѣстными, и лучезарный блескъ

царскаго вѣнца, болѣе и болѣе, омрачался. Съ другой стороны, государственное управленіе, по образованіи министерствъ, имѣло только видъ централизаціи власти; въ сущности-же распалось. Открылось широкое поле произволу, тѣмъ болѣе смѣлому, чѣмъ менѣе страшились Государя кроткаго, благодушнаго. Злоупотребленія, на которыя горько жаловался Александръ, будучи Великимъ Княземъ, немогли быть внезапно уничтожены преобразованіями, сдѣланными въ его царствованіе. Его молодые сотрудники, не видя никакой пользы отъ своихъ нововведеній, упали духомъ. Государь сталъ менѣе вѣрить ихъ способностямъ, а они потеряли надежду на его опору (28).

Все это, однакоже, послѣдовало не вдругъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ борьбы теорій съ опытомъ; въ началѣ-же, Александръ и юные члены неофиціальнаго комитета принялись за дѣло съ свойственною новичкамъ горячностью. Въ первомъ засѣданіи положено было, до составленія плановъ перестройки „безобразнаго зданія государственной администраціи,“ (de l'édifice informe de l'Empire), начертать картину современнаго положенія Имперіи, или, говоря другими словами, прежде нежели приступить къ преобразованіямъ — ознакомиться съ самымъ дѣломъ. Сначала хотѣли заняться изслѣдованіями касательно внѣшней безопасности государства и нашихъ сношеній съ иностранными державами, а потомъ — статистикою и административною частью Имперіи. Но, когда въ дѣйствительности приступили къ обсужденію дѣлъ, то предположенная система была оставлена, а стали вносить въ комитетъ предметы, требовавшіе неотлагательнаго распоряженія, либо такіе, съ которыми члены наиболѣе освоились. Совѣщанія, большею частью, происходили въ слѣ-

дующемъ порядкѣ: одинъ изъ членовъ, по назначенію самаго Государя, вносилъ въ комитетъ записку о дѣлѣ, подлежавшемъ разсмотрѣнію, а за тѣмъ оно обсуживалось и рѣшалось, либо поступало на разсмотрѣніе Николая Семеновича Мордвинова, графа Александра Романовича Воронцова, и— весьма часто — Лагарпа (29).

Нѣсколько дней спустя по восшествіи на престолъ, Императоръ Александръ объявилъ о принятіи имъ на себя званія Покровителя ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, отклонясь однакоже отъ достоинства Магистра сего ордена, которое носилъ Императоръ Павелъ (30). Въ томъ-же году Государь, принявъ во вниманіе сколькихъ славныхъ подвиговъ въ войнѣ и мирѣ было источникомъ учрежденіе орденовъ Св. Георгія и Св. Владиміра*), возстановилъ ихъ – „открывая всѣ пути къ славѣ истиннымъ заслугамъ“ (31). Молодые совѣтники Александра убѣждали его возложить на себя орденъ Св. Владиміра 1-й степени, заслуженный имъ своими доблестями на поприщѣ государственной администраціи, но Государь отказался отъ того, говоря: „если-бы я, трудясь лѣтъ двадцать, довелъ мою страну до такой степени преуспѣянія, въ какой я желалъ-бы ее видѣть, и возвысилъ духъ общественнаго мнѣнія, то принялъ-бы съ благодарностью такой знакъ отличія, но пока я еще не достигъ предположенной цѣли, не могу этого сдѣлать“ (32).

---

*) При Императорѣ Павлѣ давались въ награду заслугъ только ордена Св. Анны и Св. Іоанна Іерусалимскаго.

Одновременно съ учрежденіемъ министерствъ, 8-го сентября 1802 года, были опредѣлены права и обязанности Сената. Императоръ Александръ, убѣдясь въ ихъ неопредѣленности, повелѣлъ Именнымъ указомъ самому Сенату о томъ подать свое мнѣніе (33). При слушаніи этого указа въ общемъ собраніи Сената, голоса раздѣлились. Графъ Воронцовъ (Александръ Романовичъ) и Завадовскій, сдѣлавъ намёкъ на прежнее правленіе словами Тацита, что „говорить было опасно, а молчать бѣдственно", хотѣли ослабить самодержавную власть, присвоивъ важныя права Сенату, какъ наприм. располагать государственными доходами и казнить смертью безъ конфирмаціи Государя. Державинъ, хотя предлагалъ, сообразно учрежденію о губерніяхъ, раздѣлить высшую правительственную часть на четыре отдѣла: законодательный, судный, исполнительный и оберегательный, однакоже считалъ необходимымъ соединить ихъ зависимостью отъ воли Монарха. Но какъ, по словамъ Петра Великаго — „Государь не ангелъ и не можетъ одинъ вездѣ и все управить", то Державинъ предложилъ поставить во главѣ отдѣловъ высшаго управленія четырехъ министровъ, именно: 1) Просвѣщенія и Законовъ; 2) Юстиціи; 3) Внутреннихъ дѣлъ, и 4) генералъ-прокурора. Государь, принявъ благосклонно проектъ Державина, приказалъ ему написать мнѣніе объ организаціи Сената, но въ послѣдствіи не одобрилъ составленнаго имъ мнѣнія (34). Нѣкоторыя изъ лицъ, удостоенныхъ особымъ довѣріемъ Государя, предлагали, чтобы генералъ-губернаторы, губернаторы и предводители дворянства представляли на разрѣшеніе въ Сенатъ о всѣхъ предметахъ, выходившихъ изъ круга предоставленной имъ власти, но Императоръ Александръ неутвердилъ это предположеніе, могшее, по его мнѣ-

нію, повести къ столкновенію Сената съ проектированными тогда министерствами. Подобнымъ-же образомъ Государь неизъявилъ согласія на то, чтобы всѣ указы министрамъ объявлялись чрезъ Сенатъ. и чтобы Сенатъ, въ случаѣ превышенія власти, либо употребленія во зло Монаршей довѣренности, кѣмъ-либо изъ министровъ, могъ входить съ представленіями о томъ Государю. Императоръ Александръ полагалъ, что такія права, совершенно уничтоживъ отвѣтственность министровъ, слишкомъ увеличили-бы власть Сената, и потому въ указѣ о правахъ и обязанностяхъ Сената было сказано вообще, что „сенаторъ имѣетъ долгъ представлять о происходящемъ вредѣ въ Государствѣ и о нарушителяхъ закона ему извѣстныхъ“... Точно также были устранены предложенія: во 1-хъ, предоставить исключительно выборъ сенаторовъ изъ всѣхъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ губернскимъ собраніямъ первыхъ семи классовъ, и во 2-хъ, избирать сенаторовъ изъ лицъ представляемыхъ губернаторами, по два изъ каждой губерніи ([35]). За тѣмъ Государь утвердилъ съ небольшими измѣненіями сенатскій докладъ, заключавшій въ себѣ слѣдующія постановленія: 1) Сенатъ есть верховное мѣсто Имперіи; 2) власть Сената ограничивается единою властью Государя; 3) предсѣдаетъ въ Сенатѣ Государь; 4) указы Сената исполняются всѣми, какъ собственные указы Государя, который лишь одинъ можетъ остановить исполненіе сенатскихъ повелѣній; 5) дозволяется Сенату представлять Государю о такихъ указахъ, которые сопряжены съ большими неудобствами при исполненіи, либо несогласны съ другими законами, или неясны; но когда, по представленію Сената, небудетъ сдѣлано измѣненія въ указѣ, то онъ остается въ своей силѣ; 6) сенаторъ, обличенный въ преступленіи,

подвергается суду Общаго Собранія Сената; 7) при несогласіи какихъ-либо рѣшеній Общаго Собранія Сената съ мнѣніемъ генералъ или оберъ-прокурора, дѣло взносится къ Государю; 8) по уголовнымъ дѣламъ, въ которыхъ идетъ о лишеніи дворянскаго достоинства и чиновъ, Департаментъ Правительствующаго Сената, по сужденіи, подаетъ докладъ Государю и ожидаетъ конфирмаціи или указа; 9) за несправедливыя жалобы Государю на Сенатъ, виновные предаются суду (36).

Вслѣдъ за тѣмъ было учреждено нѣсколько новыхъ губерній, именно: вмѣсто малороссійской губерніи, черниговская и полтавская; вмѣсто бѣлорусской, могилевская и витебская (37); вмѣсто новороссійской: николаевская (херсонская), екатеринославская и таврическая (38), а тобольская губернія раздѣлена на тобольскую и томскую (39). Составлены штаты управленія губерній сперва с.-петербургской и московской, а потомъ и прочихъ.

Продовольствованіе народа необходимѣйшими потребностями составляло предметъ неусыпныхъ заботъ правительства. Въ неурожайные годы, 1803-й и 1805-й, былъ запрещенъ вывозъ хлѣба за-границу изъ западныхъ губерній Имперіи (40). Въ 1805 году, безпрестанные дожди при сѣверныхъ вѣтрахъ затруднили добываніе соли въ Элтонскомъ озерѣ, а въ Крыму, отъ неблагопріятной погоды, соль не садилась вò-все, чтò истощило прежніе запасы ея и заставило разрѣшить безпошлинный привозъ соли изъ за-границы къ черноморскимъ портамъ и сухимъ путемъ изъ Молдавіи (41). Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше утвержденъ докладъ министра Внутреннихъ дѣлъ, объ устройствѣ Элтонскаго солянаго промысла (42), и учреждены экспедиціи соляныхъ промы-

словъ: Элтонскаго, Илецкого и Дедюхинскаго, въ пермской губерніи (43).

Кроткое и благодѣтельное правленіе Императора Александра побуждало иностранцевъ, и въ особенности германскихъ жителей, переселяться въ Россію. Еще въ 1803 году, прибыло въ новороссійскій край до 3,000 выходцевъ изъ Германіи и Швейцаріи (44). Въ слѣдующемъ году были опредѣлены правила для принятія и водворенія иностранныхъ колонистовъ (45). Положено допускать къ поселенію въ Россіи только земледѣльцевъ, преимущественно виноградарей, и мастеровыхъ, имѣющихъ свидѣтельства въ томъ, что они хорошіе хозяева, ничего не должны своему правительству и владѣютъ каждый въ наличныхъ деньгахъ или товарахъ, суммою не менѣе трехъ сотъ гульденовъ. Главныя права и льготы, имъ предоставленныя, были слѣдующія: 1) свобода вѣроисповѣданія; 2) свобода отъ платежа податей на десять лѣтъ; 3) свобода отъ воинской и гражданской службы; 4) ссуда на обзаведеніе хозяйства, до трехъ сотъ рублей, съ разсрочкою уплаты; 5) выдача кормовыхъ денегъ со дня прибытія на границу; 6) отводъ земли по 60-ти десятинъ на каждое семейство, исключая нагорной части въ Крыму, гдѣ раздача земель долженствовала производиться на особенныхъ правилахъ; 7) дозволеніе заводить фабрики и торговать съ уплатою гильдейской повинности; 8) свобода обратнаго выѣзда изъ Россіи, но съ тѣмъ, чтобы выѣзжающій, сверхъ лежащаго на немъ долга, внесъ въ казну трехъ-годичную подать (46). Въ 1804 году прибыло изъ Германіи около тысячи семействъ, а Болгаръ и другихъ націй 366, всего-же 1342 семейства, и 469 душъ Нагайцевъ и Татаръ (47), а въ 1805 году болѣе четырехъ сотъ семействъ (48). Эти выходцы водворились въ пе-

тербургской, виленской, астраханской, преимущественно-же въ новороссійскихъ губерніяхъ. — Переселенія жителей изъ одной губерніи въ другую ограничивались водвореніемъ въ Сибири нѣсколькихъ сотъ семействъ съ Кавказа и переѣздомъ на Кавказскую линію 479-ти однодворцевъ слободско-украинской (харьковской) губерніи, поступившихъ въ званіе Линейныхъ казаковъ; кромѣ того, добровольно переселялись духоборцы изъ разныхъ губерній на урочище въ таврическихъ степяхъ, именуемое „Молочныя воды" (49).

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, въ 1792 году, екатеринославскій губернаторъ Каховскій доносилъ, что духоборцы ведутъ жизнь примѣрно хорошую, благонравны, не терпятъ пьянства и праздности. Тѣмъ не менѣе, однакоже, въ послѣдствіи, и начальство, и православные, смотрѣли на нихъ, какъ на возмутителей общественнаго спокойствія. Но въ 1801 году сенаторы Лопухинъ и Нелединскій-Мелецкій показали ихъ въ болѣе правильномъ свѣтѣ, слѣдствіемъ чего было прекращеніе преслѣдованія духоборцевъ и переселеніе ихъ на Молочныя воды (50).

Изъ числа азіятскихъ племенъ поступили въ подданство Россіи, въ 1802 году, Трухменскій и Аварскій народы (51).

Императоръ Александръ принималъ всевозможныя мѣры для улучшенія участи помѣщичьихъ крестьянъ и, внушая въ нихъ повиновеніе къ помѣщикамъ (52), строго взыскивалъ съ послѣднихъ за жестокіе поступки съ крѣпостными людьми ихъ. Такъ одного изъ орловскихъ помѣщиковъ, отставнаго маіора Орлова, за безчеловѣчное обхожденіе съ крестьянами, повелѣно было заключить на покаяніе въ монастырь, на десять лѣтъ, а имѣніе его поручить дворянской опекѣ, съ тѣмъ, чтобы она преимуще-

ственно старалась поправить состояніе крестьянъ, а помѣщику на содержаніе въ монастырѣ доставляла не болѣе 50-ти копѣекъ въ день; остальные доходы предоставлялись законнымъ его наслѣдникамъ ([53]). Имѣніе другаго помѣщика, надворнаго совѣтника Яцына, отданное въ опеку за жестокіе поступки его съ крестьянами, повелѣно было раздѣлить ближайшимъ его наслѣдникамъ ([54]). Императоръ Александръ нерѣдко предоставлялъ губернскимъ дворянскимъ собраніямъ судъ надъ помѣщиками, уличенными въ жестокомъ обращеніи съ ихъ крестьянами. Такъ, между прочими, было повелѣно ярославскому дворянству судить отставнаго генералъ-маіора Побѣдинскаго. Дворяне, призпавъ поступки его „омерзительными“, постановили, лишивъ его всѣхъ правъ и преимуществъ, дворянству присвоенныхъ, послать на покаяніе въ монастырь. Это рѣшеніе было смягчено Государственнымъ Совѣтомъ, который нашелъ достаточнымъ, по примѣру маіора Орлова, послать Побѣдинскаго въ монастырь, не лишая его чиновъ и дворянства ([55]). Великому подвигу освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, совершенному въ наше время, положено было основаніе въ царствованіе Александра I, который, съ самаго вступленія на престолъ, принялъ непоколебимое намѣреніе — не жаловать (какъ было до него) никому населенныхъ имѣній. На письмо одного изъ государственныхъ сановниковъ, желавшаго получить такое имѣніе, Государь отвѣчалъ: „Русскіе крестьяне, большею частью, принадлежатъ помѣщикамъ; считаю излишнимъ доказывать униженіе и бѣдствіе такого состоянія. И потому Я далъ обѣтъ неувеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило недавать никому въ собственность крестьянъ. Имѣніе, о которомъ вы просите, будетъ пожаловано въ аренду, вамъ и ва-

шимъ наслѣдникамъ, слѣдовательно вы получите желаемое, но только съ тѣмъ, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы подобно безсловеснымъ животнымъ. Остаюсь въ убѣжденіи, что вы поступили-бы не иначе на моемъ мѣстѣ". Недовольствуясь тѣмъ, Александръ поощрялъ добровольное освобожденіе крестьянъ ихъ помѣщиками. Нельзя не замѣтить, что просвѣщеннѣйшіе изъ государственныхъ людей того времени, какъ наприм. Державинъ, графъ Растопчинъ, и даже адмиралъ Мордвиновъ, платя дань вѣковому предразсудку, считали освобожденіе крестьянъ не только несообразнымъ съ общею пользою, но вреднымъ для безопасности государства ([56]). Самое разрѣшеніе казеннымъ крестьянамъ — пріобрѣтать во владѣніе ненаселенныя земли — тогда считалось опаснымъ нововведеніемъ ([57]). Новосильцовъ полагалъ, что въ указѣ о предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ права пріобрѣтать покупкою земли, надлежало, не упоминая вовсе о намѣреніи правительства улучшить участь крестьянъ, объявить, что цѣлью этого распоряженія было желаніе поощрить земледѣліе и народную промышленность. — Тѣмъ не менѣе однакоже нѣкоторые изъ помѣщиковъ, дѣйствуя въ духѣ правительства, заключали сдѣлки съ своими крѣпостными людьми, предоставляя имъ свободу на довольно снисходительныхъ условіяхъ. Помѣщикъ воронежской губерніи Петрово-Соловово уволилъ 5,000 душъ, въ селѣ Никитовкѣ, валуйкинскаго уѣзда, и уступилъ крестьянамъ всю обработанную ими землю, въ вознагражденіе чего они обязались ему выплатить, въ продолженіи 19-ти лѣтъ, полтора милліона рублей ([58]). — Дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Куракинъ (Александръ Борисовичъ) освободилъ около трехъ тысячъ душъ и уступилъ имъ до шестидесяти тысячъ десятинъ зе-

мли въ своихъ воронежскихъ помѣстьяхъ. Съ своей стороны, крестьяне обязались уплатить ему, въ продолженіи 25-ти лѣтъ, 1,000,000 рублей (59). — Дѣйствительный тайный совѣтникъ Сергѣй Петровичъ Румянцевъ, сынъ знаменитаго фельдмаршала, освободилъ и надѣлилъ землею 199 душъ крестьянъ ему принадлежавшихъ (60). — Императоръ Александръ, желая придать условіямъ, заключаемымъ помѣщиками съ ихъ крестьянами, такую-же законную силу, какая была присвоена прочимъ крѣпостнымъ обязательствамъ, опредѣлилъ положительными постановленіями порядокъ перехода помѣщичьихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы (61).

Дворянство эстляндской и лифляндской губерній, отвѣчая на призывъ благодушнаго Монарха, ходатайствовало о лучшемъ устроеніи своихъ крѣпостныхъ людей. Императоръ Александръ, видя намѣреніе дворянъ: во 1-хъ, признать политическія права крестьянъ; во 2-хъ, утвердить во владѣніи крестьянъ пріобрѣтенную ими собственность, и въ 3-хъ, оградить ихъ отъ произвольнаго обращенія точнымъ опредѣленіемъ ихъ повинностей, учредилъ, подъ собственнымъ своимъ наблюденіемъ и подъ предсѣдательствомъ министра Внутреннихъ дѣлъ, комитетъ для постановленія правилъ къ обоюдной пользѣ обоихъ сословій (62). Комитетъ, состоявшій изъ сенатора Козодавлева, тайнаго совѣтника графа Павла Строганова и ландратовъ Аврепа и Будденброка, будучи открытъ въ августѣ 1803 года, представилъ Государю, въ февралѣ 1804 года, докладъ о своихъ занятіяхъ, заключавшій въ себѣ: 1) историческое изложеніе основаній и плана новой организаціи крестьянскаго сословія; 2) положеніе о крестьянахъ, и 3) инструкцію для долженствовавшихъ привести его въ исполненіе ревизіонныхъ коммис-

сій. Главныя постановленія, заключавшіяся въ Положеніи о крестьянахъ лифляндской губерніи, удостоившемся Высочайшаго утвержденія 20-го февраля (3-го марта н. ст.) 1804 года, состояли въ слѣдующемъ:

1) Продажа, закладъ и безденежныя уступки крестьянъ обоего пола отъ одного помѣщика другому, безъ земли, запрещаются (ст. 5-я).

2) Крестьяне исполняютъ работы, не принадлежащія къ сельскому хозяйству, либо переселяются изъ одного помѣстья въ другое разныхъ владѣльцевъ, не иначе, какъ добровольно, и согласіе ихъ должно быть засвидѣтельствовано въ приходскомъ судѣ (ст. 6-я).

3) Крестьянамъ обоего пола, для вступленія въ бракъ, нужно только согласіе ихъ родителей, или родственниковъ, отъ коихъ они зависятъ (ст. 10-я).

4) Крестьяне имѣютъ право избирать судей изъ своего состоянія въ крестьянскіе и приходскіе суды и въ ландгерихты (ст. 13-я).

5) Выборъ къ отдачѣ въ рекруты предоставляется исключительно крестьянскому суду (ст. 50-я).

6) Отправленіе работъ на помѣщика, ни въ какомъ случаѣ, не должно превосходить двухъ дней въ недѣлю (ст. 58-я).

7) Повинность, опредѣленная ревизіонною коммиссіей, не можетъ быть увеличена помѣщикомъ, и напротивъ того помѣщикъ, въ случаѣ новаго размежеванія земель, обязанъ уплатить крестьянину, за удобрѣніе полей, разведеніе садовъ, осушку болотъ, и проч. (ст. 37-я и 38-я).

8) Крестьянинъ владѣетъ даннымъ ему отъ помѣщика участкомъ наслѣдственно и не теряетъ права иначе, какъ по приговору крестьянскаго суда, утвержденному приходскимъ судомъ, въ слѣдующихъ слу-

чаяхъ: 1) когда накопится на немъ долгъ вдвое большій противъ его повинностей, и 2) когда за дурное поведеніе судъ признаетъ его неспособнымъ къ управленію хозяйствомъ (ст. 40-я).

9) Если крестьянинъ на своемъ участкѣ не имѣетъ лѣса для топлива и построекъ, (но не для продажи), то, по прежнему, пользуется безденежно господскимъ лѣсомъ (ст. 72-я).

10) Подобно всѣмъ казеннымъ крестьянамъ, они могутъ продавать, покупать и наслѣдовать недвижимую собственность (ст. 17-я и 31-я).

11) Помѣщику предоставляется право, за нерадѣніе, ослушаніе, либо распутство своихъ дворовыхъ и работниковъ, наказывать ихъ заключеніемъ на хлѣбѣ и водѣ, не болѣе двухъ дней, и 15-ю ударами, палками, либо дѣтскими розгами (ст. 134-я и 135-я).

12) Хозяева наслѣдственныхъ участковъ подвергались наказанію неиначе, какъ по приговору крестьянскаго суда (ст. 138-я) (63).

Въ эстляндской губерніи, дѣло объ улучшеніи состоянія крестьянъ затянулось долѣе. Помѣщики выказали себя менѣе снисходительными къ своимъ людямъ, нежели владѣльцы лифляндскіе, и потому Положеніе, составленное въ Эстляндіи, по волѣ Императора Александра, подверглось измѣненіямъ и удостоилось Высочайшаго утвержденія уже въ 1805 году. Эстляндскіе помѣщики домогались, чтобы имъ было предоставлено право удалять безпокойныхъ и вредныхъ для общаго спокойствія крестьянъ. Государь отказалъ въ ихъ просьбѣ; прочія-же статьи были утверждены въ видѣ временнаго Положенія, которое различалось отъ введеннаго въ Лифляндіи: во 1-хъ, болѣе значительными повинностями эстляндскихъ крестьянъ въ отношеніи къ ихъ вла-

дѣльцамъ: годовая барщина ихъ превосходила 35-ю днями барщину въ Лифляндіи, и кромѣ того, они отдавали помѣщику часть своей жатвы. Хозяева крестьянскихъ участковъ не были уволены отъ барщины, не только при сельскихъ работахъ, но и на винокуренныхъ заводахъ; во 2-хъ, въ эстляндскомъ Положеніи о крестьянахъ были пропущены слѣдующія статьи: о запрещеніи продавать людей безъ земли; о неупотребленіи крестьянъ, безъ согласія ихъ, для домашней прислуги; о запрещеніи наказывать хозяевъ иначе, какъ по приговору суда; о запрещеніи увеличивать настоящія повинности, лежащія на крестьянскихъ участкахъ; о правѣ помѣщичьихъ крестьянъ, наравнѣ съ прочими сословіями, покупать недвижимое имѣніе и владѣть имъ. Замѣчательно также, что многія Высочайше утвержденныя статьи „Положенія", относившіяся ко взысканіямъ съ помѣщиковъ за нарушеніе законовъ, не были напечатаны въ эстонскомъ оригиналѣ, изданномъ въ Ревелѣ ([64]).

Для поощренія земледѣлія и другихъ отраслей сельскаго хозяйства были приняты многія мѣры. Предположено составить сельскій капиталъ для пособія сельскимъ хозяевамъ. Обращено особенное вниманіе на разведеніе шелковичныхъ деревъ и виноградниковъ въ окрестностяхъ Кизляра, на Дону и въ Крыму; въ тираспольскомъ уѣздѣ херсонской губерніи, открыта природная шелковичная роща, простиравшаяся на 50 десятинъ; къ охраненію ея сдѣланы распоряжетія и предположено поселить тамъ нѣсколько семействъ изъ Молдаванъ, свѣдущихъ въ шелководствѣ. Открыто въ Крыму училище винодѣлія, подъ вѣдѣніемъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Палласа, которому отведены земли и предоставлено въ распоряженіе нѣсколько за-

пущенныхъ казенныхъ садовъ въ Судацкой и Козской долинахъ; водворено тамъ же нѣсколько виноградарей съ береговъ Рейна, вывезены виноградныя лозы съ Рейна и островов Занта и Тенедоса, а также выписаны изъ Испаніи виноградари и привезены лозы съ Мадеры. — Для содѣйствія къ поощренію овцеводства были сдѣланы многія распоряженія: въ 1804 году изданы правила о раздачѣ овцеводамъ казенныхъ земель ([65]); съ помощью правительства, коммерціи совѣтникъ Рувьè и иностранецъ Миллеръ завели въ новороссійскомъ краѣ значительныя овчарни ([66]). — Тогда же положено основаніе производству сахара изъ свекловицы выдачею на постройку сахарнаго завода тульскому помѣщику отставному генералъ-маіору Бланкенагелю, подъ залогъ недвижимаго имѣнія, пятидесяти тысячъ рублей на двадцать лѣтъ, съ уплатою въ послѣдніе десять всей суммы и процентовъ ([67]).

При восшествіи на престолъ Императора Александра I, рыбная ловля на Каспійскомъ морѣ находилась въ рукахъ немногихъ лицъ, владѣвшихъ прибрежными землями. Слѣдствіями того были съ одной стороны упадокъ рыбнаго промысла, а съ другой вздорожаніе рыбы. Государь, принявъ во вниманіе, „что силою самыхъ древнихъ законовъ и установле-„ній, воды морскія, даже при мѣстахъ дѣйствительно „заселенныхъ, никогда и нигдѣ частному владѣльцу „не подлежали, а должны были оставаться въ общемъ „и свободномъ для всѣхъ употребленіи,“ повелѣлъ, вознаградивъ настоящихъ владѣльцевъ прибрежныхъ земель, соразмѣрно дѣйствительной цѣнности ихъ имѣній, постановить на будущее время, чтобы морскіе рыбные промыслы, а также и земли для ихъ заведеній и пристаницъ нужныя, никому, ни въ оброкъ, ни въ собственность, отдаваемы не были, но

оставались-бы въ общемъ владѣніи ([68]). Въ послѣдствіи однакоже, по разсмотрѣніи въ Сенатѣ правъ владѣльцевъ помянутыхъ земель, оставлены были имъ нѣкоторые участки каспійскаго прибрежья ([69]).

Для поощренія фабричной промышленности были выданы ссуды и положено составить особый капиталъ. До 1803 года въ вѣдѣніи Мануфактуръ-Коллегіи было 2,390 фабрикъ, изъ коихъ казенныхъ 3, суконная и чулочная Екатеринославская, шелковыхъ издѣлій и часовъ Купавинская и суконная Иркутская *); обязанныхъ 23 и частныхъ 2,364; въ продолженіи трехъ лѣтъ, 1803—1805, прибыло 137 новыхъ фабрикъ и закрыто 52. Изъ числа казенныхъ фабрикъ двѣ, именно Екатеринославскую и Иркутскую, велѣно было передать въ коммисаріатское вѣдомство ([70]), а Купавинская отдана сперва въ содержаніе, а потомъ въ потомственное владѣніе дѣйствительному тайному совѣтнику князю Юсупову ([71]). Обязанными фабриками считались тѣ, которыя, будучи заведены съ пособіемъ казны, поставляли для войскъ опредѣленное количество сукна по условленной цѣнѣ. Въ 1802 году, было поставлено этими фабриками 764,280 аршинъ сукна и 382,140 аршинъ каразеи, на сумму 713,031 рубль. — Возвышеніе цѣнъ на всѣ продукты заставило фабрикантовъ просить объ увеличеніи платы за ихъ сукна и объ уменьшеніи поставокъ, что̀ и было Высочайше разрѣшено ([72]). Для огражденія фабричныхъ людей отъ обидъ и отъ употребленія на домашнія услуги хозяевами фабрикъ, положено, въ случаѣ противозаконныхъ поступковъ, отбирать мастеровыхъ въ казну, вознаграждая фабрикантовъ только за тѣхъ людей, кои,

---

*) Кромѣ того было нѣсколько казенныхъ фабрикъ въ управленіи другихъ вѣдомствъ.

по указу 1736 года, были изъ казенныхъ крестьянъ приписаны къ фабрикамъ, съ заплатою отъ содержателей извѣстной суммы (73).

Медицинское управленіе, состоявшее съ 1804 года въ непосредственномъ вѣдѣніи товарища министра Внутреннихъ дѣлъ, тайнаго совѣтника графа Строганова, неусыпно заботилось о народномъ здоровьѣ. Въ числѣ принятыхъ имъ мѣръ наиболѣе замѣчательно прививаніе коровьей оспы, которому тысячи людей обязаны сохраненіемъ жизни. Командированный съ этою цѣлью докторъ Буттацъ, въ продолженіи 1802 и 1803 годовъ, объѣхалъ семь губерній, въ коихъ, подъ его надзоромъ, была привита оспа шести тысячамъ дѣтей различныхъ возрастовъ. Сначала препятствовали ея распространенію народные предразсудки, но въ послѣдствіи вліяніе духовенства облегчило подвигъ врачей и въ 1805 году число дѣтей съ прививною оспою уже возрасло до 66,835-ти (74).

Возстановленіе уваженія къ законамъ и правды въ судахъ было постояннымъ предметомъ попеченій Императора Александра I. Непосредственно по учрежденіи министерствъ, Высочайше утвержденъ докладъ министра юстиціи о правилахъ судопроизводства въ Сенатѣ и о порядкѣ соглашенія его резолюцій съ мнѣніями генералъ-прокурора или оберъ-прокурора (75). Для скорѣйшаго теченія слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ, всѣ губерніи, на общихъ правахъ состоящія, были раздѣлены на двѣ части, и постановлено вносить дѣла изъ губерній ближайшихъ къ Петербургу въ 4-й (въ послѣдствіи переименованный въ 5-й), а изъ ближайшихъ къ Москвѣ въ 5-й (въ послѣдствіи названный 6-мъ) де-

партаментъ Сената ([76]). Затѣмъ огромное количество дѣлъ, входившихъ въ Сенатъ, заставило учредить два новыхъ сенатскихъ департамента, одинъ въ С. Петербургѣ и другой въ Москвѣ, послѣ чего состояли въ С. Петербургѣ: 1-й, апелляціонные 2-й, 3-й и 4-й, 5-й уголовный и межевой департаменты, а въ Москвѣ: 6-й уголовный и апелляціонные 7-й и 8-й ([77]).

Въ числѣ законовъ о правахъ состояній, изданныхъ въ началѣ царствованія Александра I, были слѣдующія постановленія: во 1-хъ, на основаніи 15-й статьи Всемилостивѣйше пожалованной дворянству грамоты, гдѣ сказано: „тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго,“ запрещено заковывать въ желѣза подсудимыхъ офицеровъ и дворянъ, по заключеніи сентенціи, до Высочайшей конфирмаціи ([78]). Еще въ 1801 году послѣдовалъ Именной указъ о предоставленіи купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ права пріобрѣтать покупкою земли; сенатскимъ же указомъ, отъ 24 апрѣля 1802 года, предписано присутственнымъ мѣстамъ не стѣснять такія сдѣлки ([79]). Затѣмъ повелѣно „распространить на состоянія купеческое, мѣщанское и земледѣльческое 23-ю статью Дворянской грамоты,“ на основаніи коей наслѣдственное имѣніе осужденнаго и за важнѣйшее преступленіе отдается законнымъ его наслѣдникамъ ([80]). На основаніи прежнихъ постановленій, неимѣющимъ дѣтей, разрѣшено было завѣщать родовое имѣніе мимо ближнихъ дальнимъ родственникамъ ([81]). — Распространяя и утверждая права дворянства и гражданъ, Императоръ Александръ I требовалъ отъ дворянскаго и купеческаго сословій, чтобы они не уклонялись отъ выборовъ, по нерадѣнію къ общему благу, и не отказывались

отъ исполненія должностей, на нихъ возложенныхъ довѣріемъ ихъ обществъ ([82]).

Въ концѣ 1804 года, послѣдовало Высочайше утвержденное Положеніе объ устройствѣ Евреевъ. Принимая во вниманіе духъ тогдашняго общественнаго мнѣнія и современные предразсудки, нельзя не удивляться далеко опередившей вѣкъ терпимости правительства. Комитетъ, которому было поручено изслѣдовать причины невыгоднаго и вреднаго состоянія, въ которомъ находились Евреи ([83]), полагалъ, что поводами къ отчужденію ихъ отъ народа, въ средѣ коего они обитаютъ, были: во 1-хъ, уклоненіе ихъ отъ общаго управленія и законоположеній, коими руководствуются всѣ сословія; во 2-хъ, различіе въ одеждѣ и языкѣ; употребленіе особаго языка не позволяло имъ пользоваться средствами къ образованію себя на-равнѣ съ прочими русскими подданными; въ 3-хъ, отвращеніе ихъ къ земледѣлію, побуждавшее ихъ къ мелочной промышленности, сопряженной съ противозаконными средствами. Для обсужденія способовъ къ улучшенію положенія Евреевъ, комитетъ вызвалъ изъ различныхъ губерній депутатовъ отъ еврейскихъ обществъ, и кромѣ того, всѣ заключенія комитета были переданы чрезъ губернскія начальства главнымъ кагаламъ, которые должны были сообщить свои замѣчанія. Но, вмѣсто того, депутаты и кагалы ограничились голословною просьбою, отложить предположенное устройство ихъ на 15 или 20 лѣтъ, въ особенности-же они домогались, чтобы за ними, по прежнему, было оставлено право арендовать имѣнія и содержать питейные дома. Такіе отзывы, внушенные корыстолюбіемъ немногихъ лицъ еврейскаго общества, утвердили комитетъ въ необходимости задуманнаго правительствомъ преобразованія. На основаніи Положенія: 1) Евреи

могли поступать во всѣ русскія народныя училища, гимназіи, университеты и въ академію художествъ, сохраняя правила своей религіи; дѣти Евреевъ въ приходскихъ и уѣздныхъ школахъ могли носить платье еврейское, но обучающіеся въ гимназіяхъ должны были ходить въ нѣмецкомъ платьѣ; 2) Евреи производятся въ университетскія степени на-равнѣ съ прочими русскими подданными; 3) если Евреи не захотятъ отдавать своихъ дѣтей въ общія училища, то установить на ихъ счетъ особыя школы и, въ число предметовъ ихъ ученія, включить одинъ изъ языковъ: русскаго, польскаго или нѣмецкаго; 4) по прошествіи шести лѣтъ отъ изданія сего Положенія, всѣ купеческія сдѣлки между Евреями должны были происходить на одномъ изъ этихъ языковъ; 5) всѣ Евреи, имѣя полную свободу употреблять свой языкъ во всѣхъ дѣлахъ, какъ относящихся до вѣры, такъ и въ домашнихъ, были обязаны, съ 1-го января 1807 года, совершать всѣ публичные акты на русскомъ, польскомъ или нѣмецкомъ языкахъ; 6) члены магистрата изъ Евреевъ должны носить нѣмецкое, русское, либо польское платье; съ 1808 года никто изъ Евреевъ не можетъ быть выбранъ въ члены магистрата, если не будетъ онъ читать на одномъ изъ языковъ: русскомъ, нѣмецкомъ или польскомъ; 7) съ начала 1812 года, никто не можетъ быть избранъ ни въ какую должность, ни въ кагалѣ, ни въ раввинствѣ, если не будетъ читать и писать на одномъ изъ означенныхъ языковъ. Всѣхъ Евреевъ положено раздѣлить на четыре сословія: а) земледѣльцевъ; б) фабрикантовъ и ремесленниковъ; в) купцовъ; г) мѣщанъ. Съ Евреями, незаписанными ни въ одно изъ этихъ сословій, опредѣлено поступать какъ съ бродягами, по всей строгости законовъ. Затѣмъ, въ Положеніи были изложены права

и обязанности каждаго сословія (одинаковыя съ постановленіями для всѣхъ русскихъ подданныхъ) и обязанности раввиновъ и кагаловъ ([84]). Къ сожалѣнію однакоже это Положеніе было исполнено только отчасти, и бытъ Евреевъ, столь-же вредный для нихъ самихъ, сколько и вообще для государства, мало улучшился.

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе, что крѣпостные люди, за казенные и частные долги ихъ помѣщиковъ, отдавались судебными мѣстами въ работу, и что получаемыя за то деньги поступали на удовлетвореніе взысканій съ помѣщиковъ, запретилъ такіе поступки и повелѣлъ Сенату „сдѣлать распоряженіе, чтобы никто не наказывался за чужую вину ([85]).

Въ отношеніи ссыльныхъ, каторжныхъ и лишенныхъ чести людей, послѣдовали слѣдующія распоряженія:

Во 1-хъ, подтвержденъ указъ 1728 года декабря 20-го, коимъ отъ такихъ людей запрещено принимать письма для отправленія по почтѣ, тѣмъ болѣе, что „люди сего рода, считаясь политически мертвыми для общества, не могутъ быть съ нимъ въ сношеніи иначе, какъ чрезъ мѣстное начальство“ ([86]).

Во 2-хъ, дозволено мужьямъ и женамъ ссыльныхъ вступать въ другой бракъ, съ тѣмъ, что прежніе ихъ браки теряютъ законную силу, даже и въ такомъ случаѣ, когда преступникъ, будучи помилованъ, возвратится на родину ([87]).

При Императорѣ Александрѣ соблюдалась терпимость въ отношеніи ко всѣмъ религіямъ, издавна существовавшая въ Россіи. Въ 1803 году, на вопросъ малороссійскаго генералъ-губернатора Алексѣя Борис. Куракина, какъ поступать съ раскольническими попами, было объявлено Высочайшее пове-

лѣніе: „какъ изгнаніе таковыхъ священниковъ изъ „волостей могло-бы болѣе ожесточить раскольни„ковъ въ ихъ суевѣріи и лишить ихъ способовъ „крещенія младенцевъ и погребенія мертвыхъ, то „и должно терпѣть оныхъ, смотря на нихъ, такъ „сказать, сквозь пальцы, но не подавать имъ однакоже явнаго вида покровительства" ([88]). Несмотря на такую терпимость, Императоръ Александръ ревностно ограждалъ Православіе отъ притязаній католическаго духовенства. Получивъ свѣдѣнія о насильственномъ обращеніи бѣлорусскихъ уніатовъ въ латинскій обрядъ, Государь повелѣлъ мѣстному начальству защищать ихъ отъ притѣсненія католическихъ консисторій. Вслѣдъ за тѣмъ, было строжайше запрещено всѣмъ обществамъ и частнымъ жителямъ римско-католическаго исповѣданія имѣть непосредственное сношеніе съ римскимъ дворомъ ([89]).

Таковы были главныя законоположенія, по внутреннему устройству Имперіи, въ первые годы царствованія Александра I. Современники находили эти постановленія неимѣющими взаимной связи, да и не могло быть иначе. Пока наши законы не были приведены въ систему, до тѣхъ поръ всякая попытка кореннаго преобразованія законодательной части была преждевременна; оставалось устранять и искоренять наиболѣе вопіющія злоупотребленія, смягчать уставы, несовмѣстные съ духомъ времени, стараться придать закону ту силу и то уваженіе, безъ которыхъ онъ остается мертвою буквою. Все это составляло предметъ заботъ правительства, и многія изъ нашихъ тогдашнихъ постановленій, въ отношеніи къ человѣколюбію и предвѣчной правдѣ, могли служить образцемъ для юристовъ западной Европы. Конечно — исполненіе законовъ и тогда заставляло желать многаго. Недаромъ поэтъ сказалъ:

.... Законы святы,
Но исполнители — лихіе супостаты.

Да и гласъ народа, недаромъ прозванный гласомъ Божіимъ, выразилъ свое понятіе о нашей юстиціи словами: „не бойся суда, а бойся судьи“.

Чтобы найти спасительную нить въ лабиринтѣ многосложнаго обряда русской Ѳемиды, надлежало собрать всѣ существующіе у насъ законы и привести ихъ въ систематическій порядокъ. Эта огромная работа, начатая въ царствованіе Александра I, была окончена, какъ извѣстно, при Августѣйшемъ его преемникѣ.

ГЛАВА III.

Преобразованіе законодательной части. Проектъ новаго Уложенія.

(1801—1805 г.)

Мѣры, принятыя Императоромъ Александромъ I-мъ, для приведенія нашихъ законовъ въ систематическій порядокъ и вообще для преобразованія законодательной части, находились въ тѣсной связи съ подобными-же идеями, которыя въ различныхъ формахъ давно уже занимали наше правительство.

Еще въ 1700 году, Петръ I, коему обязаны мы столь многими предположеніями, исполняемыми въ продолженіи полутора вѣка, убѣдясь въ недостаткахъ и противорѣчіяхъ законовъ своего государства повелѣлъ боярамъ „сидѣть у Уложенія“ и составить изъ него и послѣдующихъ указовъ и статей новыя узаконенія ([1]). Бояре и прочіе члены Коммисіи занимались этою работою нѣсколько лѣтъ, но не успѣли окончательно обработать и первыхъ трехъ главъ Уложенія ([2]). За тѣмъ, военныя и прочія государственныя дѣла заставили Петра отложить на-время задуманное имъ преобразованіе законодательной части, но, въ послѣдствіи, удостовѣрясь новыми опытами въ необходимости исправленія законовъ и судебнаго

порядка, онъ, въ 1714-мъ году, снова приступилъ къ исполненію своего намѣренія и повелѣлъ Сенату дополнить Уложеніе 1649 года послѣдующими указами. Когда-же и эта мѣра оказалась безуспѣшною, Петръ поручилъ Коммисіи, изъ русскихъ и иностранцевъ, составить новое Уложеніе, пополнивъ прежнее шведскими и датскими законами, и вносить его по частямъ на разсмотрѣніе Сената, которому дано было нѣсколько подтвердительныхъ указовъ по сему предмету, не имѣвшихъ, впрочемъ, никакихъ замѣчательныхъ послѣдствій (3).

Исправленіе нашихъ законовъ постоянно обращало на себя вниманіе преемниковъ Петра Великаго, но единственнымъ памятникомъ ихъ заботливости и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неудобства принятыхъ ими мѣръ, въ теченіи многихъ лѣтъ, оставались невыработанные, неимѣющіе между собою взаимной связи, и Сенатомъ неутвержденные отрывки, сохранившіеся въ сенатскихъ архивахъ. Императрица Елисавета Петровна, предположивъ исполнить намѣреніе своего великаго родителя, повелѣла учредить, для разсмотрѣнія Уложенія и послѣдующихъ указовъ, Коммисію изъ восьми членовъ. Коммисія, сообразивъ, что сперва надлежало начертать планъ новаго Уложенія, а потомъ уже приступить къ его сочиненію, составила такой планъ, впрочемъ, весьма недостаточный, который, по разсмотрѣніи и утвержденіи его Сенатомъ, былъ разосланъ во всѣ присутственныя мѣста, съ тѣмъ, чтобы каждое изъ нихъ, собравъ всѣ существующія постановленія, по роду дѣлъ къ нему принадлежащихъ, составило изъ нихъ сводъ (указъ въ пунктахъ) и внесло его на обсужденіе въ Сенатъ. Въ послѣдствіи, изъ представленныхъ трудовъ Коммисіи, судная и уголовная части были разсмотрѣны въ Сенатѣ и поднесены Императ-

рицѣ, но возвращены безъ Высочайшаго утвержденія. Между тѣмъ, опять были назначены, во всѣхъ губерніяхъ, кромѣ остзейскихъ, выборгской, сибирской, астраханской и кіевской, по два депутата изъ дворянъ и по одному изъ купцовъ, для слушанія новыхъ постановленій, но, за неприведеніемъ Уложенія къ концу, депутаты были отпущены ([4]).

Императрица Екатерина II. съ отличавшею ее мудростью, обдумавъ покушенія своихъ вѣнценосныхъ предшественниковъ, приняла твердое намѣреніе даровать народу соотвѣтствующее общему благу Уложеніе. По словамъ Императрицы, она, въ первые-же годы своего царствованія, убѣдилась, что правосудіе у насъ затруднялось многими обстоятельствами: съ одной стороны — недостаткомъ въ законахъ; съ другой — ихъ излишествомъ и противорѣчіемъ, что подавало поводъ къ непониманію духа и смысла постановленій, либо къ превратному ихъ толкованію; къ тому-же — нравы и обычаи, со времени изданія многихъ законовъ, измѣнились, отъ чего самые законы сдѣлались непримѣнимы. Таковы были поводы, вмѣстѣ съ желаніемъ „видѣть свой народъ столь счастливымъ и довольнымъ, сколь возможны счастіе и довольствіе людей,“ побудившіе Великую Государыню къ одному изъ знаменитѣйшихъ ея подвиговъ ([5]).

По ея повелѣнію, были собраны въ Москвѣ депутаты отъ присутственныхъ мѣстъ, дворянства, городовъ, сельскихъ обывателей и иновѣрцевъ, въ числѣ 565-ти человѣкъ. 31-го іюля 1767 года, послѣдовало торжественное открытіе „Коммисіи о составленіи проекта новаго Уложенія.“ Въ сей достопамятный день, депутаты получили, вмѣстѣ съ отличительными знаками ихъ званія, правила совѣщаній Коммисіи и „Наказъ“ (инструкцію), трудъ самой

Императрицы, составленный на основаніи „Духа законовъ“ Монтескьё и твореній другихъ великихъ мыслителей, безсмертный памятникъ человѣколюбія и глубокихъ свѣдѣній въ законодательствѣ мудрой Монархини.

Соединеніе всѣхъ членовъ Коммисіи, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора и депутатскаго маршала, образовало „большое или общее депутатское собраніе,“ обязанности коего состояли: въ назначеніи, изъ числа депутатовъ, частныхъ коммисій; въ разсмотрѣніи предложеній и уставовъ, представляемыхъ этими коммисіями, и въ поднесеніи Государынѣ докладовъ по дѣламъ, относящимся къ составленію новаго Уложенія (6).

Частныхъ коммисій было всего 19. Изъ нихъ 15, по числу разрядовъ, на кои были раздѣлены законы, занимались составленіемъ проектовъ. Изъ остальныхъ-же четырехъ, коммисія *дирекціонная,* подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, наблюдала за порядкомъ дѣлъ вообще и имѣла въ своемъ вѣдѣніи ревизію отдѣльныхъ трудовъ, до внесенія въ общее собраніе. Коммисія *экспедиціонная* занималась исправленіемъ во всѣхъ проектахъ слога. Коммисія *наказовъ* — выписками изъ различныхъ инструкцій, а коммисія *сводовъ* — собраніемъ прежнихъ законовъ, выписками изъ нихъ и приведеніемъ въ систематическій порядокъ существующихъ постановленій.

Основаніемъ трудовъ всѣхъ коммиссій служили: наказъ Императрицы; наказы, данные депутатамъ отъ присутственныхъ мѣстъ и сословій, и прежнія узаконенія (7).

Въ каждой изъ частныхъ коммиссій было не болѣе пяти членовъ; во всѣхъ-же коммиссіяхъ число

членовъ, редакторовъ и канцелярскихъ служителей простиралось до 128-ми человѣкъ.

Коммиссіи, руководимыя Наказомъ, ревностно приступили къ исполненію возложеннаго на нихъ труда; но послѣдствія ихъ занятій неоправдали ожиданій Екатерины. Многочисленные члены коммиссій, не сходствуя между собою — ни по положенію въ обществѣ, ни по степени образованія, ни по образу мыслей, не могли стремиться единодушно къ указанной имъ цѣли, и даже многіе изъ нихъ не понимали важности своего призванія. Война съ Оттоманскою Портою, начавшаяся въ 1768 году, заставила правительство распустить большое депутатское собраніе *), оставя нѣкоторое число членовъ и кандидатовъ для частныхъ коммиссій, которыя, занимаясь въ продолженіи шести лѣтъ, составили пятнадцать проектовъ для разныхъ частей новаго Уложенія, но труды ихъ не были — ни достаточно соображены съ основаніями помѣщенными въ Наказѣ, ни подчинены строгой системѣ, долженствующей составлять отличительную черту собранія законовъ. Все это побудило Императрицу, въ 1774 году, отпустить всѣхъ членовъ Коммиссій „впредь до указа" ([8]).

Въ послѣдствіи Императрица Екатерина II не заблагоразсудила снова собирать депутатовъ для составленія новаго Уложенія, хотя ея дѣятельность по части законодательства не уменьшилась. Незабвенными памятниками царствованія Великой Государыни остались: грамата дворянству, городовое положеніе, учрежденіе о губерніяхъ, уставъ благочинія, и проч. Кромѣ того, для начертанія проекта объ упрощеніи канцелярскаго порядка, была учреж-

*) Нѣкоторые изъ депутатовъ находились въ военной службѣ.

дена въ 1784 году особенная коммисія, подъ предсѣдательствомъ графа Завадовскаго.

При Императорѣ Павлѣ, въ концѣ 1796 года, учреждена коммисія, изъ четырехъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора, впослѣдствіи названная „Коммисіей о составленіи законовъ.“ Она должна была: во 1-хъ, собравъ всѣ изданныя постановленія, составить изъ нихъ три книги россійскихъ законовъ: первую уголовныхъ, вторую гражданскихъ и третью казенныхъ дѣлъ. Въ каждой изъ нихъ надлежало указать прямой смыслъ законовъ, долженствующій служить руководствомъ при ихъ примѣненіи въ практикѣ. Во 2-хъ, для совершенія сего дѣла, избрать искусныхъ въ законовѣдѣніи чиновниковъ, и въ 3-хъ, по мѣрѣ составленія частей каждой изъ книгъ, вносить ихъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Сената (9).

Однимъ изъ первыхъ предметовъ, обратившихъ на себя вниманіе Императора Александра I, было преобразованіе законодательства. Въ запискѣ, поданной Государю княземъ Чарторыскимъ, предложено было раздѣлить судебную власть на три части: гражданскую, уголовную и полицейскую, устроивъ двѣ первыя такъ, чтобы въ каждой были двѣ инстанціи и кассаціонный судъ. Сенату-же предоставлялся надзоръ за дѣйствіями всѣхъ чиновниковъ (10).

Вслѣдъ за тѣмъ, въ неофиціальномъ комитетѣ Государя, было предположено составить сводъ всѣхъ существующихъ постановленій, а, въ ожиданіи того, войти въ сношеніе съ знаменитѣйшими европейскими юристами, на счетъ плана и общей системы законовъ (11).

Но еще прежде того, именно 5-го іюня 1801 года, Государь, поручивъ Коммисію о составленіи

законовъ въ управленіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Завадовскаго, подъ собственнымъ своимъ вѣдѣніемъ, снабдилъ его на сей предметъ инструкціей. Главныя правила, въ ней заключавшіяся, состояли въ томъ, чтобы сперва разсмотрѣть всѣ матеріалы, относящіеся къ составленію законовъ, и всѣ планы, предложенные для приведенія ихъ въ систематическій порядокъ; затѣмъ — избрать удобнѣйшій изъ сихъ плановъ, либо начертать проектъ новаго законоположенія, и наконецъ, по утвержденіи плана, сообразить, согласно съ нимъ, составъ коммисіи и приступить къ дѣлу. По мнѣнію Государя: „предположенія, помѣщенныя въ Наказѣ Императрицы Екатерины, содержали въ себѣ избраннѣйшія истины и могли пролить великій свѣтъ на упражненія Коммисіи“. Вскорѣ послѣ того, повелѣно коммисіи преимущественно заняться исправленіемъ судебнаго порядка и приспособленіемъ его къ настоящему времени, къ законамъ и уставамъ, отмѣнившимъ прежнія постановленія, къ скорѣйшему ходу дѣлъ и дѣйствительности правосудія. Въ заключеніе указа по сему предмету, послѣдовавшаго на имя графа Завадовскаго, сказано: „Чѣмъ скорѣе проектъ положенія сего будетъ образованъ и Мнѣ представленъ, тѣмъ услуга сія отечеству будетъ пріятнѣе, тѣмъ удовольствіе Мое и признательность вамъ совершеннѣе“ (12).

Въ началѣ 1804 года, коммисія, окончивъ предварительныя работы и приступивъ къ дѣлу, сочла недостаточнымъ ограничить кругъ своихъ занятій собраніемъ существующихъ въ Имперіи узаконеній, что̀ было-бы несогласно съ Наказомъ Екатерины Великой и съ намѣреніями Императора Александра, изложенными въ Высочайшемъ рескриптѣ графу Завадовскому. Съ другой стороны, нельзя было рас-

пространить предѣловъ дѣятельности коммисіи до того, чтобы предоставить ей составленіе законовъ новыхъ, либо введеніе въ русскій кодексъ чуждыхъ, образу правленія и мѣстнымъ обстоятельствамъ Россіи несоотвѣтствующихъ, что̀ принесло-бы болѣе вреда, нежели пользы государству.

По мнѣнію коммисіи, чтобы означить ясно и точно кругъ ея дѣйствій, надлежало, прежде всего, опредѣлить черты, отличающія существенное достоинство законодательства. Согласно съ духомъ Наказа Екатерины и съ наставленіемъ Императора Александра, черты сіи заключались въ слѣдующемъ:

1. Когда законы основаны на непоколебимыхъ началахъ права.

2. Когда они точно опредѣляютъ всѣ части государственнаго управленія, образованіе и предѣлы властей, а также всѣ права и обязанности подданныхъ, сообразно духу правленія, характеру народа, политическому и естественному положенію государства.

3. Когда они изложены ясно и расположены въ систематическомъ порядкѣ,

и 4. Когда содержатъ въ себѣ твердыя и непреложныя правила для правосудія.

Итакъ, по заключенію коммисіи, надлежало начать дѣло съ собранія и изложенія въ порядкѣ *началъ права*, этихъ простыхъ, чистѣйшихъ истинъ, основанныхъ на здравомъ разсудкѣ и долговременномъ опытѣ, истинъ, столь же ясныхъ, сколько не подлежащихъ сомнѣнію. Въ наказѣ Императрицы Екатерины сказано: „для ненарушимаго сохраненія законовъ надлежитъ, чтобъ они были такъ благодѣтельны, чтобы каждый былъ несомнѣнно увѣренъ въ необходимости соблюденія ихъ для своей собственной пользы“ ([13]). Непоколебимость основаній

права служитъ залогомъ твердости самихъ законовъ, но изложеніе сихъ оснований имѣетъ еще и другую, не менѣе очевидную пользу. У всѣхъ народовъ, законоискусники полагали науку составленія законовъ въ томъ, чтобы, собравъ всѣ случаи, могущіе встрѣтиться въ общежитіи, на каждый изъ нихъ постановить особый законъ, отъ чего произошло-бы несмѣтное множество законовъ, и при всемъ томъ былобы невозможно предвидѣть всѣ возможные случаи. Напротивъ того, изложивъ въ систематическомъ порядкѣ и въ надлежащей полнотѣ основанія права, можно примѣнять къ нимъ всѣ случаи, встрѣчающіеся въ общежитіи.

Затѣмъ — коммисія предполагала приступить къ составленію *общихъ государственныхъ законовъ*, относящихся къ разнымъ состояніямъ россійскихъ подданныхъ, т. е. опредѣлить всѣ гражданскія отношенія, общія и частныя, законы изъ того проистекающіе, обязанности, налагаемыя законами, и взысканія за ихъ нарушеніе. Коммисія, во исполненіе воли Государя, полагала преимущественно заняться начертаніемъ всего судебнаго порядка, составляющаго столь важную часть законодательства, и правилъ для нелицепріятнаго правосудія.

Наконецъ — по составленіи общаго законоположенія — коммисіи предстояло изложеніе *частныхъ законовъ*. Различіе общественнаго быта и другихъ мѣстныхъ обстоятельствъ, въ разныхъ мѣстахъ обширной Россійской Имперіи, требовали для нѣкоторыхъ губерній исключительныя постановленія и судебныя формы, и потому правительство предоставило симъ частямъ государства особыя права и законы, что̀ однакоже, было сопряжено съ важными неудобствами и невсегда соотвѣтствовало потребностямъ жителей. Надлежало дать имъ основанныя

на общихъ началахъ права и сообразные климату, религіи, обычаямъ и историческимъ преданіямъ частные законы, отмѣнивъ всѣ особыя постановленія, несовмѣстныя съ мѣстнымъ положеніемъ, и потому безполезныя.

Коммисія, признавъ, что одною изъ главныхъ причинъ безуспѣшности прежнихъ трудовъ, по составленію *книги законовъ*, былъ недостатокъ обдуманнаго плана, открыла свои засѣданія начертаніемъ расположенія частей новаго Уложенія, обозначеніемъ содержанія каждой части и раздѣленіемъ занятій на три экспедиціи ([14]).

Въ составъ коммисіи, кромѣ министра юстиціи, князя Лопухина, и товарища его Новосильцова, были назначены:

Коллежскій совѣтникъ Розенкампфъ референдаріемъ (дѣлопроизводителемъ) первой экспедиціи (общихъ законовъ) и секретаремъ совѣта, состоявшаго изъ министра юстиціи и товарища его.

Коллежскій совѣтникъ Дружининъ референдаріемъ второй экспедиціи (частныхъ законовъ).

Коллежскій совѣтникъ Колесовъ референдаріемъ третьей экспедиціи (редакціи и ревизіи трудовъ Коммисіи).

Вообще-же въ Коммисіи составленія законовъ положено было по штату 48 чиновниковъ.

На издержки коммисіи назначено было отпускать ежегодно 100,000 рублей ([15]).

Императоръ Александръ, принимая живое участіе въ ходѣ занятій коммисіи, повелѣлъ подносить себѣ ежемѣсячно отчеты объ ихъ успѣхѣ.

Въ первомъ засѣданіи коммисіи, 24-го марта, были сдѣланы слѣдующія предварительныя распоряженія: 1) постановлены правила для выбора чиновниковъ въ коммисію и поручено секретарю Совѣта

составить для нихъ инструкціи; 2) опредѣленъ порядокъ для текущей переписки; 3) положено, чтобы Совѣтъ собирался еженедѣльно по субботамъ, а также и въ другіе дни, ежели окажется нужнымъ; 4) назначены предметы для занятій коммисіи въ продолженіи слѣдующаго мѣсяца, именно *для первой экспедиціи:* пять первыхъ главъ коренныхъ законовъ, къ государственному управленію относящихся; введеніе въ общія основанія права и отдѣлъ о личныхъ правахъ; собраніе всѣхъ законовъ объ имуществѣ и уголовныхъ; приведеніе въ систематическій порядокъ вопросовъ по различнымъ родамъ судебныхъ формъ; *для второй экспедиціи:* каждый изъ редакторовъ долженъ былъ собрать по своей части существующія постановленія и привести ихъ въ порядокъ, сообразно общему плану; сверхъ того, экспедиціи было поручено сдѣлать замѣчанія на отдѣлъ о торговомъ правѣ; *третья экспедиція* должна была привести въ надлежащій порядокъ архивъ коммисіи и заняться разсмотрѣніемъ переводовъ и другихъ работъ, сдѣланныхъ въ первыхъ двухъ экспедиціяхъ ([16]).

Въ донесеніи Государю, отъ 1-го мая того же года, находимъ изложеніе первоначальныхъ трудовъ коммисіи. Опредѣленъ былъ канцелярскій порядокъ и приняты мѣры для снабженія коммисіи всѣми документами и источниками, необходимыми при составленіи законовъ. Затѣмъ коммисія приступила къ обсужденію замѣчаній, сдѣланныхъ секретаремъ совѣта на законы о правахъ личныхъ. Утверждены для руководства редакторамъ слѣдующія правила.

1) Замѣчанія на поляхъ страницъ прежнихъ законовъ должны были заключать въ себѣ краткое изложеніе предметовъ въ ней содержащихся, причемъ надлежало располагать эти замѣтки въ стро-

жайшемъ методическомъ порядкѣ, соотвѣтствующемъ расположенію помянутыхъ предметовъ, сохраняя, однакоже, внутреннюю связь замѣчаній въ каждой главѣ. Редакторы были обязаны постоянно имѣть въ виду эти правила, какъ при собраніи узаконеній, такъ и при размѣщеніи ихъ въ каждой главѣ. Соблюденіе такого метода, очевидно, могло показать, какіе именно изъ нашихъ законовъ удовлетворительны и какіе — напротивъ того — неточны, либо недостаточны.

2) При разработкѣ каждаго отдѣла, редакторы должны были указать, изъ какого указа или постановленія заимствованы статьи законовъ, а равно какія узаконенія несогласны съ основными началами права, либо подлежали отмѣнѣ по другимъ причинамъ (17).

Вмѣстѣ съ симъ донесеніемъ, коммисія представила на Высочайшее разрѣшеніе нѣкоторыя сомнѣнія, ею встрѣченныя при исправленіи первыхъ пяти главъ коренныхъ законовъ (18).

Въ слѣдующемъ донесеніи, отъ 4-го іюня, заключались слѣдующіе проекты.

I. Пять главъ изъ первой части законовъ, о священныхъ правахъ царствующаго въ Россіи Императорскаго Дома, коихъ содержаніе извлечено изъ различныхъ постановленій, именно: изъ акта о восшествіи на престолъ Дома Романовыхъ, манифестовъ и указовъ Петра I, Екатерины II, Павла I и Александра I.

II. Основныя начала права, при изложеніи которыхъ совѣтъ всевозможно обращалъ вниманіе на точное и опредѣлительное ихъ объясненіе.

III. Инструкція для чиновниковъ коммисіи, при начертаніи которой совѣтъ имѣлъ въ виду — съ одной стороны, дать каждому изъ нихъ точное и полное

руководство, для исполненія возложенныхъ на него обязанностей, а съ другой — установить между экспедиціями коммисіи взаимную связь, для содѣйствія общему дѣлу. Съ этою цѣлью признано полезнымъ, чтобы референдаріи съ ихъ помощниками и редакторы собирались еженедѣльно одинъ или два раза, на общее совѣщаніе о своихъ занятіяхъ. Всѣ работы, изготовляемыя въ экспедиціяхъ, для внесенія въ совѣтъ, долженствовали предварительно обсуждаться въ сихъ совѣщаніяхъ.

IV. Составленный, по Высочайшему повелѣнію, коммерческій уставъ для города Одессы, который, по распоряженію совѣта коммисіи, былъ препровожденъ на разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ и одесскаго генералъ-губернатора, герцога Ришельё, и исправленъ согласно съ ихъ замѣчаніями (19).

Въ донесеніи отъ 2-го іюля былъ изложенъ отчетъ коммисіи за предшествовавшій мѣсяцъ. Предметами занятій были:

I. Вопросные пункты о порядкѣ суда, отправленные для обсужденія въ губернскія присутственныя мѣста. При изложеніи сихъ вопросовъ, коммисія преимущественно имѣла въ виду: во-первыхъ, расположить ихъ точно въ такомъ-же порядкѣ, какой соблюдался при веденіи тяжбъ, дабы обнаружить неудобства, происходящія отъ неправильнаго примѣненія существующихъ по сему предмету постановленій, и во-вторыхъ, отбросить всѣ излишнія подраздѣленія, чтобы по возможности облегчить отвѣты. Кромѣ того, совѣтъ, при составленіи вопросныхъ пунктовъ для различныхъ губерній, принялъ во вниманіе разнообразіе судебныхъ формъ въ частяхъ Имперіи, различныхъ между собою по своимъ правамъ, обычаямъ и прочимъ физическимъ и прав-

ственнымъ особенностямъ: такимъ образомъ, по различію судебныхъ формъ великороссійскихъ, остзейскихъ и возвращенныхъ отъ Польши губерній, предложены были ихъ мѣстнымъ судамъ особые вопросные пункты.

II. Основныя правила судебнаго порядка, причемъ совѣтъ коммисіи счелъ себя обязаннымъ предварительно ознакомиться въ подробности со всѣми существующими по сему предмету постановленіями, и открыть недостатки ихъ. Совѣтъ, получивъ нужныя къ тому свѣдѣнія отъ различныхъ судебныхъ мѣстъ, пришелъ къ выводу, что главными причинами неудобствъ настоящаго судебнаго порядка были: во-первыхъ, отсутствіе систематической связи и разногласіе законовъ, и во-вторыхъ, неправильное ихъ примѣненіе въ практикѣ. Что-же касается до взаимныхъ противорѣчій между законами, то, по мнѣнію коммисіи, это происходило:

а) Отъ недостаточнаго опредѣленія обязанностей, лежащихъ на судебныхъ мѣстахъ и самаго порядка судопроизводства.

б) Отъ того, что форма тяжебныхъ дѣлъ носитъ характеръ розыска, такъ что весь ходъ ихъ зависитъ отъ произвола судей.

в) Что словесныя показанія и свидѣтельства, вмѣсто того, чтобы служить къ разъясненію истины, подаютъ поводъ къ злоупотребленіямъ, чему доказательствомъ служатъ многіе указы, изданные по сему предмету.

Коммисія признала несомнѣнную пользу введенія одного и того-же судебнаго обряда во всей Имперіи, полагая, что права сословій и лицъ въ областяхъ, состоящихъ на особомъ положеніи, не могли быть тому существеннымъ препятствіемъ, и что, напротивъ того, такой порядокъ послужилъ-бы къ

устраненію обиды и пристрастія, столь часто являющихся въ тамошнихъ тяжбахъ. Кромѣ того, введеніе однообразія въ судебныхъ формахъ, по мнѣнію коммисіи, принесло-бы важныя выгоды, какъ правительству, такъ и подданнымъ. Правительство не было-бы столь часто затрудняемо изслѣдованіемъ жалобъ, происходящихъ отъ многоразличія судебныхъ обрядовъ; для частныхъ-же лицъ, такое измѣненіе существующаго порядка могло доставить еще бо̀льшую пользу. Нерѣдко случается, что жители малороссійскихъ, либо возвращенныхъ отъ Польши губерній, ведутъ тяжбы съ жителями великороссійскихъ и остзейскихъ областей, причемъ обѣ стороны затрудняются неизвѣстными имъ формами суда. Чтобы введеніе однообразнаго судебнаго порядка оказалось вполнѣ дѣйствительнымъ, Коммисія считала необходимымъ постановить, чтобы всѣ тяжбы велись на русскомъ языкѣ: такое требованіе тѣмъ болѣе справедливо, что многіе жители губерній, состоящихъ на особыхъ правахъ, изучаютъ иностранные языки, и потому не должны уклоняться отъ знанія языка Имперіи, которой часть составляетъ ихъ страна. Къ тому-же во многихъ изъ этихъ губерній нѣтъ общаго языка для всѣхъ жителей: такъ-наприм. въ Финляндіи только лишь низшія народныя сословія говорятъ по-фински, дворянское-же и купеческое сословіе — по шведски и по-нѣмецки. По мнѣнію коммисіи, надлежало постановить, чтобы, по прошествіи 5-ти или 10-тилѣтняго срока, всѣ общественныя дѣла производились на русскомъ языкѣ, и чтобы въ знаніи его производились испытанія всѣмъ поступающимъ въ гражданскую службу. Коммисія полагала, что безпредѣльная преданность подданныхъ къ Государю и общее убѣжденіе въ необходимости преобразованій по законодательной части подавали возможность

къ удобному введенію единообразія какъ въ языкѣ при веденіи тяжбъ, такъ и въ судебныхъ формахъ.

III. Затѣмъ были изложены составленныя референдаріемъ первой экспедиціи, Розенкампфомъ, и одобренныя совѣтомъ замѣчанія на отдѣлъ личныхъ правъ, касательно взаимныхъ отношеній различныхъ лицъ семейства ([20]).

Въ донесеніи коммисіи, отъ 30-го іюля, сказано, что, по разсмотрѣніи первыхъ пяти главъ основаній личнаго права въ отношеніи къ естественнымъ и семейнымъ условіямъ, было приступлено къ исправленію существующихъ по сему предмету постановленій, согласно съ общими и частными законами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, коммисія представила Государю:

I. Синоптическую (наглядную) табель судебнаго порядка.

II. Двѣ главы о формѣ тяжбъ, именно: одну о судьяхъ и другую о тяжущихся.

III. Вопросные пункты о тяжебной формальности въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши.

Коммисія признала нужнымъ имѣть въ составѣ своемъ особый разрядъ чиновниковъ, подъ названіемъ корреспондентовъ Коммисіи составленія законовъ, которые могли быть избираемы какъ изъ русскихъ подданыхъ, такъ и изъ иностранцевъ. Корреспонденты, живущіе въ Россіи, должны были, вмѣстѣ съ симъ званіемъ, принять на себя обязанность сообщать коммисіи всѣ свѣдѣнія, имѣющія какое-либо отношеніе къ предметамъ ея занятій. Предположеніе коммисіи удостоилось Высочайшаго утвержденія ([21]).

Въ донесеніи отъ 3-го сентября, коммисія выразила свой взглядъ на отдѣлъ гражданскаго права, опредѣляющій естественныя и семейныя отношенія

между лицами. По мнѣнію коммисіи, эти отношенія находились въ тѣснѣйшей связи съ прочими обязанностями граждан и имѣли первостепенное вліяніе на сохраненіе общаго благоустройства, и потому долженствовали быть основаны на незыблемыхъ, утвержденныхъ опытомъ началахъ. Выводы знаменитѣйшихъ юристовъ о свойствѣ семейныхъ отношеній многоразличны и несогласны между собою, а положительные законы, русскіе и иностранныхъ государствъ, недостаточны, либо непримѣнимы въ практикѣ. Совѣтъ коммисіи, обсудивъ всѣ эти обстоятельства, убѣдился, что, при опредѣленіи подобныхъ отношеній, нельзя ограничиться одними лишь гражданскими постановленіями, а необходимо содѣйствіе религіозныхъ правилъ для освѣщенія нравственныхъ законовъ, взаимно связующихъ всѣхъ членовъ семейства.

По мнѣнію коммисіи, такое соединеніе религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, скрѣпляя семейныя отношенія, могло оказать полезное вліяніе на общественное и частное благосостояніе, и даже незыблемое благоденствіе государства зависитъ отъ точнаго и дружнаго соблюденія такихъ законовъ.

Кромѣ того, совѣтъ коммисіи занимался пополненіемъ нѣсколькихъ главъ о судебномъ порядкѣ, причемъ пришелъ къ выводу, что затрудненія, происходящія при веденіи тяжебъ, увеличиваются неточностью нашихъ юридическихъ терминовъ, и потому счелъ нужнымъ устранить всѣ двусмысленныя и неточныя выраженія и изложить законы такимъ образомъ, чтобы предупреждены были недоразумѣнія тяжущихся и произволъ судей.

На этомъ основаніи были составлены и поднесены Государю слѣдующія работы:

I. Предварительныя понятія о судебномъ по-

рядкѣ, и преимущественно объ устройствѣ судебныхъ мѣстъ.

II. О судьяхъ вообще и о требуемыхъ отъ нихъ качествахъ.

III. Изложеніе тяжебнаго порядка въ великороссійскихъ губерніяхъ. Этотъ предварительный трудъ долженствовалъ быть исправленъ и дополненъ по полученіи отвѣтовъ на вопросные пункты отъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

IV. Замѣчанія на второй отдѣлъ гражданскихъ законовъ о сдѣлкахъ и обязательствахъ (22).

Императоръ Александръ, постоянно занимаясь законодательною частью, считалъ предложеніе (инціативу) законовъ существеннымъ правомъ верховной власти. Въ 1816-мъ году, многіе изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ петербургской губерніи, зная душевное стремленіе его къ улучшенію участи крѣпостныхъ крестьянъ, согласились между собою обратить ихъ въ обязанныхъ поселянъ, на основаніи существовавшихъ тогда на сей предметъ постановленій. Составленный о томъ актъ былъ подписанъ 65-ю помѣщиками; оставалось поднести его на утвержденіе Государя, и это было предоставлено удостоенному Монаршимъ благоволеніемъ, одному изъ героевъ отечественной войны, Илар. Вас. Васильчикову. Какъ Васильчиковъ, такъ и прочіе участники въ подписаніи помянутаго акта, полагали, что Государь не зналъ ничего о происходившихъ по сему поводу собраніяхъ, но были убѣждены, что онъ приметъ благосклонно предложеніе, согласное съ его образомъ мыслей. Но Императору Александру было извѣстно рѣшеніе дворянъ, и едва лишъ Васильчиковъ, испросивъ Высочайшее соизволеніе пред-

ставиться Государю, сталъ говорить объ этомъ дѣлѣ, какъ Александръ, прервавъ его рѣчь, спросилъ у него: „кому, по его мнѣнію, принадлежитъ законодательная власть въ Россіи?“ и когда Васильчиковъ отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія — Вашему Императорскому Величеству, какъ Самодержцу Имперіи,“ тогда Государь, возвысивъ голосъ, сказалъ: „такъ предоставьте-же мнѣ издавать тѣ законы, которые Я считаю наиболѣе полезными для моихъ подданныхъ“ (23).

Одновременно съ возобновленіемъ пересмотра законовъ, самъ Государь занимался начертаніемъ общихъ началъ Уложенія, которое, по его мнѣнію, долженствовало довершить весь рядъ предпринятыхъ имъ преобразованій администраціи и навсегда охранить отъ произвола права всѣхъ и каждаго, отъ главы Имперіи до послѣдняго изъ подданныхъ. Его волновали опасенія за будущность. Извѣстны слова его госпожѣ Сталь, когда она, восхваляя благоденствіе Россіи подъ его властью, сказала, что его подданные неимѣли надобности въ конституціи. «Dans ce cas, je ne serais qu'un accident heureux» (если это правда, то я — только счастливый случай), отвѣчалъ Александръ (24). Въ послѣдствіи, военныя и политическія событія, обративъ на себя всю дѣятельность Императора Александра, отвлекли его отъ задуманнаго имъ дѣла. Тѣмъ не менѣе однакоже и намѣреніе Государя, и самые пріемы его при занятіяхъ по этой части, не могутъ быть пройдены молчаніемъ.

Приступая къ сему труду, Государь, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ товарищей своей юности, графомъ Строгановымъ, изъявилъ мнѣніе о государственныхъ

сановникахъ, наиболѣе опытныхъ въ государственномъ управленіи, которые могли принести пользу своими совѣтами при составленіи новаго Уложенія. Государь полагалъ, что графъ Воронцовъ (Александръ Роман.) едвали былъ свободенъ отъ старыхъ предубѣжденій, и что, напротивъ того, Трощинскій былъ готовъ усвоить всякую полезную мысль, а равно и Завадовскій, который, въ разговорѣ съ княземъ Зубовымъ, весьма справедливо замѣтилъ, что начертаніе основныхъ законовъ принадлежало исключительно самому Государю. Графъ Строгановъ, съ своей стороны, одобрилъ эту идею, сказавъ, что весьма было-бы опасно допустить участіе многихъ лицъ въ такомъ дѣлѣ. По его мнѣнію, сперва надлежало устроить внутреннее управленіе государства, а потомъ уже приступить къ составленію Уложенія. Государь считалъ однимъ изъ главныхъ началъ задуманнаго имъ труда опредѣленіе правъ гражданина; когда-же графъ Строгановъ сказалъ, что, по его понятіямъ, всѣ эти права заключались въ обезпеченіи имущества и въ неограниченной свободѣ каждаго дѣлать все, что не можетъ быть вредно для прочихъ граждапъ, Императоръ Александръ прибавилъ: „и въ томъ еще, чтобы открытъ былъ свободный путь заслугамъ“ ([23]). Наканунѣ разговора съ Государемъ, Строгановъ видѣлъ графа Кочубея, который передалъ ему идеи своего покойнаго дяди, князя Безбородки, о преобразованіи государственнаго управленія въ Россіи. По словамъ Безбородки, онъ самъ занимался составленіемъ проекта реформы управленія по порученію Императрицы Екатерины; дворянская грамата и городовое положеніе были началомъ предначертанныхъ ею преобразованій; но бѣдствія, порожденныя французскою революціею, заставили Великую Госуда-

рыню усомниться въ пользѣ предположенныхъ ею нововведеній. По мнѣнію князя Безбородки, въ Россіи, государствѣ необъятнаго пространства, населенномъ многими весьма различными племенами, не былъ возможенъ никакой образъ правленія, кромѣ Самодержавія ([26]).

Въ запискѣ, поданной Государю графомъ Строгановымъ, 9-го мая того-же года, о преобразованіи государственнаго управленія, предложено было, для содѣйствія Императору въ семъ трудѣ, учредить Комитетъ. Далѣе — излагалась идея о необходимости предварительно ознакомиться съ общественнымъ мнѣніемъ, преимущественно тогда, когда оно находится въ спокойномъ, слѣдовательно — въ обычномъ состояніи. Всякіе преждевременные слухи, волнуя духъ общества, порождаютъ многоразличныя сужденія и толки, которые могутъ ввести въ заблужденіе самаго опытнаго наблюдателя. И потому изслѣдованіе общаго мнѣнія требуетъ, чтобы всѣ правительственныя совѣщанія оставались въ тайнѣ, пока высшая власть, убѣдясь въ пользѣ предлагаемыхъ мѣръ, не приступитъ къ ихъ исполненію. Къ тому-же самый опытъ показываетъ, что большинство людей гораздо легче покоряется необходимости, нежели убѣжденію. Слѣдовательно — занятія Государя въ Комитетѣ долженствовали происходить негласно, чтобы невозбудить преждевременно любопытства и толковъ въ публикѣ. По мнѣнію графа Строганова, для основательности предполагаемыхъ преобразованій надлежало, чтобы члены Комитета имѣли полныя свѣдѣнія о всѣхъ распоряженіяхъ правительства, потому что исправленіе какой-бы то ни было части требовало знанія ея до малѣйшей подробности, и при томъ, для связи между всѣми частями управленія, слѣдовало, измѣняя какую-либо одну изъ

нихъ, соглашать предпринимаемое преобразованіе съ общимъ ходомъ прочихъ ([27]).

Императоръ Александръ, по прочтеніи этой записки, одобрилъ ея содержаніе. На счетъ состава Комитета, онъ изъявилъ намѣреніе назначить членами: Графа Кочубея, князя Чарторыскаго, Новосильцова и графа Строганова. Для сохраненія по возможности въ тайнѣ занятій Комитета, положено было собирать его не гласно, а подъ какимъ-либо предлогомъ. Государь желалъ, чтобы члены, предварительно ознакомясь со всѣми въ Европѣ существующими конституціями, составили, на основаніи ихъ, Уложеніе для Россіи. Впрочемъ — онъ предоставилъ самому себѣ опредѣленіе началъ этого акта, и не прежде намѣревался обнародовать его, какъ по совершенномъ преобразованіи государственнаго управленія. По его мнѣнію, надлежало составить кодексъ законовъ, такъ, чтобы совокупность ихъ представляла стройное цѣлое, безъ противорѣчій и недоразумѣній, чтобы каждый зналъ свои права̀ и чтобы прегражденъ былъ путь произволу. Для достиженія этой цѣли, была возобновлена, (какъ уже сказано), Коммисія законовъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ, введеніе основныхъ началъ, могущихъ послужить къ утвержденію заведеннаго устройства, не представляло, по мнѣнію Государя, ни малѣйшаго неудобства ([28]).

Какъ графъ Кочубей находился въ числѣ лицъ, назначенныхъ Государемъ въ составъ Комитета, то Строгановъ счелъ полезнымъ узнать его мнѣніе на счетъ предположенныхъ реформъ. Кочубей весьма основательно замѣтилъ, что Комитетъ былъ исключительно составленъ изъ молодыхъ людей, которые, по неопытности своей въ столь важномъ дѣлѣ, могли обмануться сами и ввести въ заблужденіе Государя.

Графъ Строгановъ отвѣчалъ, что онъ также думалъ о томъ, и что, по его мнѣнію, Государь долженъ былъ подвергать всѣ заключенія Комитета, въ видѣ своихъ собственныхъ мыслей, на обсужденіе опытныхъ государственныхъ людей, и потомъ уже передавать эти проекты въ совѣтъ: такимъ образомъ объ участіи Комитета въ дѣлахъ не было-бы и рѣчи. По мнѣнію Кочубея, графъ Александръ Роман. Воронцовъ могъ въ этомъ отношеніи принести большую пользу: его нельзя было упрекать въ пристрастіи къ старинѣ, и даже въ послѣднее время Екатерины онъ считался демократомъ ([29]).

Мы уже имѣли случай сказать, что сперва каждодневная потребность въ неотлагательныхъ распоряженіяхъ по различнымъ частямъ государственной администраціи, а потомъ дипломатическія сношенія и войны отклонили Императора Александра отъ предположенной имъ цѣли и не позволили ему исполнить задуманныя имъ преобразованія. Молодые сотрудники Государя, какъ будтобы предвидя неудачу предпринятаго дѣла, старались склонить Монарха, чтобы онъ распоряжался своимъ временемъ какъ можно выгоднѣе для общаго блага. Въ началѣ своего царствованія, Императоръ Александръ занимался съ министрами въ различные дни и часы, принимая ихъ по-одиночкѣ. Сотрудники его находили, что при такомъ методѣ занятій, требовавшемъ много времени и отвлекавшемъ вниманіе Государя отъ предпринятыхъ имъ реформъ, трудъ его съ каждымъ изъ министровъ не составлялъ часть стройнаго цѣлаго общей администраціи, а какъ бы отрывокъ, неимѣвшій связи съ дѣлами прочихъ министерствъ. Учрежденіе непремѣннаго совѣта не могло устранить помянутаго неудобства, потому что въ совѣтѣ разсматривались только дѣла, туда вносимыя по Вы-

сочайшему повелѣнію, либо проекты членовъ совѣта. При соображеніи какого-либо военнаго предпріятія, призываютъ на совѣщаніе министровъ, которые должны содѣйствовать его успѣху, именно: военнаго министра, для передвиженія войскъ, и министра финансовъ, для пріисканія средствъ къ удовлетворенію чрезвычайныхъ расходовъ; если-же идетъ дѣло о высадкѣ, то въ совѣщаніи примутъ участіе министры: военный, морскихъ силъ, финансовъ и иностранныхъ дѣлъ. Изъ этого, сотрудники Государя выводили заключеніе, что, для соображенія дѣлъ, относящихся къ государственному управленію, надлежало призывать на совѣщаніе одновременно всѣхъ министровъ, какъ ближайшихъ исполнителей Монаршей воли ([30]).

Преобразованія государственнаго управленія, задуманныя Императоромъ Александромъ, большею частью, остались неисполненными, а намѣреніе его — утвердить основанія права составленіемъ Уложенія, по образцу лучшихъ законодательствъ, не имѣло никакихъ послѣдствій, кромѣ дошедшей до насъ небольшой части предположеннаго труда, подъ заглавіемъ 1-го отдѣла 1-й части общаго Уложенія (Code général) *). Да и эта часть является въ такомъ видѣ, что нѣтъ никакой возможности судить объ относительномъ достоинствѣ новаго кодекса ([31]).

*) Онъ написанъ на французскомъ языкѣ.

ГЛАВА IV.

Народное просвѣщеніе.

(1801—1805).

Императоръ Александръ, при самомъ вступленіи на престолъ, торжественно изъявивъ намѣреніе „управлять по законамъ и по сердцу Великой Екатерины,“ не могъ оставить безъ вниманія выраженную въ Наказѣ ея высокую истину, что „самымъ надежнымъ средствомъ — сдѣлать людей лучшими и предупредить преступленія, есть разумное воспитаніе.“ Съ одной стороны, личный примѣръ мудрой Монархини, наставницы Александра отъ самой колыбели, съ другой — внушенія Лагарпа, поселили въ душѣ юноши, предназначеннаго къ престолу, благотворную мысль, что матеріальное и нравственное преуспѣяніе всякаго народа состоитъ въ прямой связи съ его просвѣщеніемъ. Конечно — Императоръ Александръ не увлекался пламенною любовью къ высокому дару Божію — наукѣ, не окружалъ себя учеными и не велъ переписки съ иностранными литераторами, подобно Фридриху и Екатеринѣ. Самое убѣжденіе его въ пользѣ народнаго образованія не устояло въ борьбѣ съ политическими идеями, имъ усвоенными въ послѣдніе годы его

жизни. Тѣмъ не менѣе, однакоже, благодаря ему, было сдѣлано много по части просвѣщенія въ Россіи.

Еще при Петрѣ Великомъ, который „ввелъ къ намъ европейскую науку и далъ ей пріютъ на окраинѣ обширнаго государства въ новосозданной Академіи Наукъ“ (1), — знаменитый Лейбницъ предложилъ основать въ Россіи нѣсколько университетовъ, совѣтуя преимущественно обратить вниманіе на Москву, и затѣмъ — на Астрахань, Кіевъ и Петербургъ (2). Ломоносовъ убѣдительно доказывалъ необходимость учредить университетъ въ Петербургѣ. Въ 1755 году Императрица Елисавета, по проекту русскаго мецената, Ивана Ивановича Шувалова, основала университетъ въ Москвѣ. Порицатели Россіи и всего русскаго находили неумѣстнымъ учрежденіе высшихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній въ такомъ государствѣ, гдѣ еще не было школъ для обученія грамотѣ. Но еслибы у насъ повели дѣло иначе и начали съ учрежденія низшихъ училищъ, то откуда-бы могли получить свѣдѣнія о мѣстныхъ обстоятельствахъ различныхъ областей страны? Да и кто-бы исполнилъ проектъ общаго народнаго образованія? (3). Слѣдовательно — основаніе университетовъ въ Россіи было не роскошью, а насущною потребностью науки.

При учрежденіи московскаго университета, предполагали не принимать крѣпостныхъ людей, ни въ университетъ, ни въ гимназіи — „потому что науки считаются *благородными* занятіями.“ Ломоносовъ, отстаивая право каждаго русскаго — получать высшее образованіе, ссылался на необходимость въ свѣдущихъ людяхъ. „Будтобы сорокъ алтынъ — писалъ онъ — толь великая и казнѣ тяжелая была сумма, которой жаль потерять на пріобрѣтеніе ученаго природнаго россіянина, а лучше выписывать.“ Такіе

доводы были убѣдительны; еще убѣдительнѣе былъ примѣръ самого Ломоносова: рѣшено предоставить высшее образованіе всѣмъ сословіямъ (4).

Императрица Екатерина II поручила составить проектъ основанія училищъ, на всемъ пространствѣ Имперіи, особенной коммисіи подъ предсѣдательствомъ графа Петра Вас. Завадовскаго. По плану, начертанному коммисіею и утвержденному Государынею, предполагалось учредить во всѣхъ уѣздныхъ городахъ „малыя народныя училища," изъ двухъ классовъ, для первоначальнаго образованія дѣтей всѣхъ сословій, а въ губернскихъ городахъ — „главныя народныя училища," изъ четырехъ классовъ, для обученія молодыхъ людей всѣхъ состояній, не только математическимъ, естественнымъ и словеснымъ наукамъ, но отчасти и изящнымъ искусствамъ. Для высшаго-же образованія хотѣли основать университеты въ Пензѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ и Псковѣ. Общій надзоръ за ходомъ народнаго просвѣщенія былъ порученъ *главному правленію училищъ*. Всѣ предположенныя учебныя заведенія долженствовали быть основаны на счетъ приказовъ общественнаго призрѣнія, но какъ суммы, состоявшія въ вѣдѣніи приказовъ, оказались недостаточны, то главныя (губернскія) училища были открыты только въ немногихъ городахъ; учрежденіе-же университетовъ отложено на неопредѣленное время (5).

По восшествіи на престолъ Императора Александра I, распоряженія правительства по части народнаго просвѣщенія вообще относились: во 1-хъ, къ основанію и преобразованію учебныхъ и ученыхъ заведеній; во 2-хъ, къ распространенію научныхъ свѣдѣній, и въ 3-хъ, къ поощренію занятій науками, литературою и художествами. Министру народнаго просвѣщенія были подчинены: главное прав-

леніе училищъ, Академія Наукъ, Россійская Академія и всѣ учебныя заведенія, кромѣ немногихъ, предоставленныхъ попеченію вдовствующей Императрицы, либо состоявшихъ въ управленіи другихъ особъ и мѣстъ; ему-же поручены: типографіи казенныя и частныя, цензура, публичныя библіотеки, музеи, кабинеты естественной исторіи и всякія учрежденія на пользу наукъ (6).

Первымъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ графъ Петръ Вас. Завадовскій. Сынъ казака, уроженецъ черниговской губерніи, Завадовскій учился сперва въ домѣ своего дѣда, малороссійскаго подкоморія (судьи) Ширая, потомъ — въ оршинскомъ іезуитскомъ училищѣ и наконецъ въ кіевской духовной академіи: тамъ развилась въ немъ любовь къ классическимъ латинскимъ писателямъ, имѣвшая большое вліяніе на обработку его слога. Молодой Завадо́вскій считался однимъ изъ лучшихъ дѣльцовъ глуховской коллегіи и обратилъ на себя вниманіе Румянцова-Задунайскаго, который взялъ его въ свой штатъ и ввѣрилъ ему свою секретную канцелярію. Императрица Екатерина, получая ясныя, хорошо написанныя донесенія фельдмаршала, знала, что ихъ составлялъ правитель его канцеляріи, и Завадовскій былъ представленъ ко двору. По заключеніи Кучюкъ-Кайнарджискаго мира, Завадовскому, въ 1775 году, повелѣно быть при Императрицѣ „у принятія челобитенъ и для прочихъ дѣлъ.“ Завадовскій, въ цвѣтѣ лѣтъ, одаренный счастливою наружностью, ловкій, находчивый, возбуждалъ вниманіе и зависть царедворцевъ: одни видѣли въ немъ опаснаго соперника Потемкину, съ нетерпѣніемъ ожидая, чтобы новый любимецъ фортуны замѣнилъ всесильнаго временщика; другіе немогли спокойно переносить быстрое превращеніе выскочки-украинца въ вельможу. Въ

продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, Завадовскій былъ назначенъ сенаторомъ, предсѣдателемъ главнаго правленія училищъ и главнымъ директоромъ банковъ и пожалованъ въ графы римской имперіи. Императоръ Павелъ возвелъ его въ графское достоинство Россійской Имперіи, но въ послѣдствіи отставилъ отъ службы, за неисправности въ банкѣ, ввѣренномъ его управленію (7). Императоръ Александръ I, въ день восшествія на престолъ, снова призвалъ графа Завадовскаго къ государственной дѣятельности и поручилъ ему сперва коммисію составленія законовъ, а потомъ министерство народнаго просвѣщенія. При Завадовскомъ, благодаря усиліямъ правительства и жаждѣ къ наукѣ народа, устремившагося на встрѣчу образованію, было сдѣлано по этой части гораздо болѣе въ восемь лѣтъ, нежели во все предшествовавшее столѣтіе.

Товарищъ министра просвѣщенія, извѣстный писатель и филологъ, Мих. Никит. Муравьевъ, былъ однимъ изъ наставниковъ Великаго Князя Александра Павловича и вмѣстѣ съ Лагарпомъ имѣлъ большое вліяніе на образованіе ума и сердца царственнаго питомца. Бесѣдуя съ юнымъ Александромъ, Муравьевъ ставилъ въ примѣръ будущему властителю Россіи Марка-Аврелія, „который, будучи преисполненъ любовью къ человѣчеству, посвятилъ себя его пользамъ и заставилъ Римлянъ позабыть о потерѣ свободы“. Онъ убѣждалъ юношу, отъ самой колыбели предназначеннаго къ престолу, въ необходимости уваженія къ законамъ, въ благотворномъ вліяніи просвѣщенія, въ пользѣ свободы изслѣдованія, въ превосходствѣ разумнаго убѣжденія надъ грубою силою. Таковъ-же былъ характеръ и послѣдующей дѣятельности Муравьева. По словамъ Батюшкова: „Муравьевъ, какъ человѣкъ государственный, какъ

попечитель московскаго учебнаго округа, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ. Онъ имѣлъ обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ наукъ, зналъ древніе языки, соединялъ въ себѣ дарованія съ искренностью и кротостью. При встрѣчѣ съ нимъ казалось, что снова посѣтилъ землю одинъ изъ тѣхъ свѣтильниковъ философіи, которые нѣкогда рождались подъ счастливымъ небомъ Аттики, для разлитія умозрительной и практической мудрости, для утѣшенія и назиданія человѣчества краснорѣчивымъ словомъ и краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ" ([8]). Карамзинъ, въ заключеніе предисловія къ сочиненіямъ Муравьева, пишетъ: „страсть его къ ученію равнялась въ немъ только съ страстью къ добродѣтели" ([9]). Несмотря на любовь свою къ древней классической литературѣ, Муравьевъ признавалъ важное значеніе математики, исторіи и естественныхъ наукъ, и будучи наставникомъ Великихъ Князей, составилъ для нихъ „Краткое начертаніе россійской исторіи" и нѣсколько статей „О россійскомъ землеописаніи". По его мнѣнію: „историкъ долженъ, не ограничиваясь безплоднымъ и утомительнымъ начертаніемъ сраженій, обращать преимущественно вниманіе на событія, способствовавшія успѣхамъ народнаго просвѣщенія, либо замедлявшія ходъ его; въ особенности-же достойны вниманія наблюдателя: нравы, образъ мыслей, повѣрья и обычаи общества..." ([10]). — Непродолжительное управленіе Муравьева московскимъ учебнымъ округомъ, съ 1803 по 1807 годъ, ознаменовалось: полезными преобразованіями, приглашеніемъ русскихъ ученыхъ и вызовомъ изъ-заграницы профессоровъ на вакантныя каѳедры; открытіемъ при университетѣ ученыхъ обществъ, и въ числѣ ихъ знаменитаго „общества

исторіи и древностей россійскихъ“ (11). Не забудемъ также, что Муравьевъ оцѣнилъ вполнѣ важность ученаго предпріятія Карамзина — созданія русской исторіи — и вліяніемъ своимъ сдѣлалъ для него доступными драгоцѣнные матеріалы, послужившіе основаніемъ его сочиненію (12).

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерства народнаго просвѣщенія, въ 1802 году, возобновился вопросъ объ основаніи университетовъ въ Россіи, и въ первомъ же совѣщаніи Коммисіи училищъ, академики Озерецковскій и Фуссъ приняли на себя составленіе проектовъ о выборѣ пунктовъ для университетовъ и опредѣленіи учебныхъ округовъ. Изъ поданныхъ въ послѣдствіи обоими профессорами мнѣній, главное управленіе училищъ предпочло проектъ Фусса, наиболѣе согласный съ идеями князя Чарторыскаго, который предложилъ учредить школы: приходскія, уѣздныя, губернскія и университеты, избравъ для послѣднихъ города: Москву, Петербургъ, Казань, Дерптъ, Вильну и Харьковъ. Для устройства университетовъ въ связи съ прочими училищами, главное управленіе приступило къ разбору общаго плана народнаго образованія, составленнаго, подъ руководствомъ Коммисіи училищъ, правителемъ дѣлъ ея, Василіемъ Назар. Каразинымъ, начавъ обсужденіе этого труда съ университетскаго устава и поручивъ разсмотрѣть его по частямъ членамъ главнаго управленія: Фуссу, Озерецковскому, Янковичу-де-Миріево и Клингеру. Тогда же графъ Завадовскій предложилъ прочимъ членамъ, Чарторыскому и Потоцкому, заняться проектомъ устава для университета; уставы же казанскаго и харьковскаго университетовъ положено составить на основаніи устава московскаго университета, измѣнивъ его сообразно съ мѣстными потребностями. Избѣгая

односторонности сужденій, главное правленіе училищъ сочло нужнымъ войти въ сношеніе съ лицами, могшими доставить основательныя и точныя свѣдѣнія объ иностранныхъ университетахъ. Извѣстный умомъ и наблюдательностью графъ д'Антрегъ (d'Antraigues) сообщилъ правленію свои замѣчанія о лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ онъ былъ пораженъ рѣзкою противоположностью между глубокою ученостью профессоровъ и невѣжествомъ студентовъ: по мнѣнію д'Антрега, это происходило отъ замѣны публичныхъ курсовъ приватными лекціями за опредѣленную плату: профессора, получая скудное жалованье, обратились къ частному вознагражденію, и чтобы умножить число своихъ слушателей, стали читать лекціи не на латинскомъ, а на нѣмецкомъ языкѣ. Отъ этого, съ одной стороны, студенты, переставъ заниматься латинскимъ языкомъ, лишились возможности изучать науки по лучшимъ источникамъ, а съ другой — требованіе платы за слушаніе лекцій сдѣлало университеты недоступными для бѣдныхъ людей. Въ образованіи русскихъ университетовъ принялъ особенное участіе геттингенскій профессоръ Мейнерсъ, какъ сообщеніемъ своихъ мыслей М. Н. Муравьеву, съ которымъ велъ постоянную переписку, такъ и своими сочиненіями по исторіи образованія, именно: 1) Ueber die Verfassung und Verwaltung deutscher Universitäten (объ устройствѣ и управленіи нѣмецкихъ университетовъ) и 2) Geschichte der Entstehung und Entwickelung der hohen Schulen unsers Erdtheils (Исторія высшихъ европейскихъ училищъ). По мнѣнію Мейнерса, университетскіе курсы должны имѣть преимущественно теоретическій характеръ; примѣненіе-же къ практикѣ усвоенныхъ студентами свѣдѣній надлежитъ предоставить послѣдующей дѣятельности обучающихся.

Преподаваніе университетскихъ профессоровъ должно быть свободно отъ всякой повѣрки, и даже пребываніе попечителей въ тѣхъ городахъ, гдѣ находятся университеты, весьма вредно, потому что попечитель, постоянно живя въ университетскомъ кругу, не можетъ устранить себя отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла университета. При основаніи русскихъ университетовъ, въ началѣ царствованія Александра I, попечители учебныхъ округовъ, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и членами главнаго правленія училищъ, были обязаны имѣть постоянное пребываніе въ столицѣ и посѣщать ввѣренные имъ округи одинъ разъ въ два года, что̀, по мнѣнію Мейнерса, было полезнѣе безвыѣзднаго проживанія попечителей въ округахъ. Касательно университетскихъ правъ и преимуществъ, Мейнерсъ считалъ справедливымъ учрежденіе суда изъ профессоровъ, разбирающаго поступки студентовъ, но возставалъ противъ образованія университетовъ въ видѣ отдѣльныхъ корпорацій. Онъ совѣтовалъ не допускать избранія профессоровъ на вакантныя каѳедры посредствомъ баллотировки, опасаясь пристрастія лицъ, принимающихъ въ ней участіе. И дѣйствительно — такое опасеніе было основательно въ отношеніи къ нѣмецкимъ профессорамъ, которые, преимущественно читая приватныя лекціи и стараясь привлечь къ себѣ какъ можно болѣе слушателей, иногда руководились своекорыстнымъ разсчетомъ устранить даровитаго соперника; но у насъ, въ Россіи, при чтеніи безплатныхъ курсовъ, выборъ профессоровъ по баллотировкѣ не могъ подать повода къ подобнымъ злоупотребленіямъ.

Стараясь доказать необходимость свободы ученія, Мейнерсъ отвергалъ — и вступительные экзамены, и назначеніе возраста для молодыхъ людей,

принимаемыхъ въ студенты. Въ особенности же онъ старался развить мысль о призваніи университета — „образовать не только умъ, но и сердце молодыхъ людей, и укрѣплять ихъ нравственно, пріучая къ собственному надзору за своими поступками". По его мнѣнію, любознательность и трудъ были лучшими стражами чистоты нравовъ.

Учрежденіе *Коммисіи училищъ*, въ послѣдствіи получившей названіе *главнаго училищъ правленія*, было рѣшено въ негласномъ Комитетѣ сотрудниковъ Государя: графа Кочубея, князя Чарторыскаго, графа Строганова и Новосильцова. Императоръ Александръ I, въ первые-же дни по своемъ вступленіи на престолъ, принявъ намѣреніе преобразовать народныя училища, желалъ знать мнѣніе о томъ своего бывшаго наставника Лагарпа. Въ проектѣ, составленномъ Лагарпомъ, было предложено учредить комитетъ народнаго образованія, поставя во главѣ его министра, непосредственно докладывающаго Государю о важнѣйшихъ дѣлахъ своего вѣдомства. Центральное управленіе, ему подчиненное, долженствовало имѣть отрасли на всемъ пространствѣ Имперіи и инспекторовъ, по выбору отъ дворянства, для наблюденія за ходомъ преподаванія. По мнѣнію Лагарпа, слѣдовало снабдить школьными учителями всѣ селенія, что — конечно — по недостатку въ такихъ людяхъ, трудно вездѣ, и особенно въ Россіи, но не начавъ ничего, нельзя ничего достигнуть (si on ne commence rien, on n'arrivera à rien), и только лишь со временемъ можно исполнить эти предположенія. Тогда-же Лагарпъ изъявилъ желаніе получить обстоятельныя свѣдѣнія о состояніи учебной части въ Россіи.

При обсужденіи задуманныхъ Императоромъ Александромъ преобразованій, Новосильцовъ, графъ Строгановъ и князь Чарторыскій изъявили мнѣніе, что наши училища представляли картину чрезвычайной пестроты. По словамъ Строганова, народное образованіе требовало удобнѣйшаго и легчайшаго распространенія наукъ, такъ, чтобы самыя необходимыя свѣдѣнія сдѣлались доступны для всѣхъ граждан. Но, кромѣ того, общество нуждалось въ людяхъ обладающихъ спеціальными познаніями, для пріобрѣтенія коихъ могли служить особыя училища: артиллерійское, инженерное, морское, горное, юридическое, и проч. Графъ Строгановъ замѣтилъ, что такъ были устроены учебныя заведенія во Франціи. Государь, одобривъ его идеи, сказалъ однакоже, что мы находимся въ иныхъ обстоятельствахъ, и что у насъ были многія старинныя учрежденія, къ коимъ надлежало примѣнить новыя ([13]).

Въ составѣ Коммиссіи училищъ, подъ управленіемъ министра народнаго просвѣщенія, находились: тайные совѣтники князь Чарторыскій и графъ Потоцкій, генералъ-маіоры Клингеръ и Хитровъ, академики Озерецковскій и Фуссъ; правителемъ дѣлъ былъ назначенъ коллежскій совѣтникъ Каразинъ. Главною цѣлью Коммиссіи было поставлено учрежденіе университетовъ ([14]).

Въ послѣдствіи повелѣно, чтобы главное правленіе училищъ состояло изъ попечителей учебныхъ округовъ и другихъ членовъ по Высочайшему назначенію ([15]), и потому, кромѣ помянутыхъ лицъ, еще поступили членами правленія: товарищъ министра народнаго просвѣщенія и попечитель московскаго округа Муравьевъ, попечитель с.-петербургскаго округа Новосильцовъ, сенаторъ Свистуновъ, тайный совѣтникъ Янковичъ де-Миріево и попечи-

тель казанскаго округа статскій совѣтникъ Румовскій. Изъ нихъ наиболѣе вліятельнымъ, по довѣрію къ нему Государя, былъ князь Адамъ Чарторыскій, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ и попечитель виленскаго учебнаго округа: послѣднюю должность занималъ онъ цѣлыя двадцать лѣтъ съ 1803-го по 1823-годъ. Ему принадлежитъ планъ устройства учебныхъ заведеній Имперіи, вошедшій въ число важнѣйшихъ матеріаловъ при начертаніи системы народнаго просвѣщенія. Что-же касается до распоряженій его по университету и округу, то, по собственному сознанію Чарторыскаго, занятія его въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и постоянное пребываніе въ Петербургѣ, Москвѣ и за границею не дозволяли ему входить въ подробности училищнаго устройства ([16]). Главною заботою его было давать округу общее направленіе и ходатайствовать о щедромъ удовлетвореніи существеннымъ потребностямъ ввѣреннаго ему округа ([17]). Посѣщая лишь изрѣдка виленскій университетъ, князь Чарторыскій дѣлалъ распоряженія, обличающія просвѣщенный взглядъ его на потребности современнаго образованія. Отлагая изложеніе принятыхъ имъ мѣръ до общаго обзора его дѣятельности по учебной части, замѣчу, что существеннымъ условіемъ для успѣшнаго хода просвѣщенія Чарторыскій признавалъ правильное устройство училищъ и опредѣленную связь между ними, какъ между частями стройнаго цѣлаго ([18]). Къ сожалѣнію, народное образованіе для Чарторыскаго было не цѣлью, съ достиженіемъ которой возвысилось-бы нравственное и матеріальное состояніе народа, а средствомъ для ополяченія жителей края, коихъ огромное большинство, и тогда какъ и теперь, состояло изъ Русскихъ. Чарторыскій, будучи однимъ изъ представителей аристократической касты, на-

дѣялся воспользоваться ея превосходствомъ въ образованіи и въ вещественныхъ средствахъ надъ неразвитою массою народа для распространенія предѣловъ Польши, которая, по его понятіямъ, должна была заключать въ себѣ не только собственно-польскія области, но и Литву, Бѣлоруссію и даже значительную часть Малороссіи съ Кіевомъ — второю колыбелью русскаго государства. Напрасно Императоръ Александръ старался убѣдить его въ несбыточности такихъ плановъ, увѣряя, что никакая логика въ мірѣ не заставитъ русскихъ отказаться отъ своихъ правъ на Литву, Волынь и Подолію ([19]). Чарторыскій, по его собственному сознанію, вступилъ въ русскую службу единственно для возстановленія самобытной Польши, и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому считалъ введеніе въ народныя школы польскаго языка преимущественно предъ русскимъ. Въ уставахъ училищъ виленскаго округа, подъ названіемъ „словесность" разумѣлась не русская, а польская словесность, да и всѣ науки тамъ излагались на польскомъ языкѣ; въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, преподаватель польской грамматики состоялъ въ спискѣ старшихъ учителей, а преподаватель русскаго языка считался младшимъ — на-равнѣ съ учителями иностранныхъ языковъ и рисованія ([20]). Католическое духовенство принимало дѣятельное участіе въ ополяченіи страны. По его опредѣленію, заведены были школы при всякой приходской церкви и при всякомъ монастырѣ. Священникамъ (ксендзамъ) поставлено было въ обязанность: „пріобрѣтать довѣренность учащихся" и „быть посредниками между учителями и родителями своихъ воспитанниковъ" ([21]). Въ такомъ положеніи находился виленскій учебный округъ подъ управленіемъ князя Чарторыскаго.

Совершенно иной характеръ представляетъ намъ

дѣятельность члена главнаго правленія училищъ и попечителя харьковскаго университета, графа Северина Осиповича Потоцкаго. Посвятивъ себя всецѣло пользѣ Россіи, онъ оказалъ незабвенныя услуги краю, въ которомъ было поручено ему водворить просвѣщеніе. Потоцкій, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей того времени, считалъ своимъ призваніемъ распространять науки и привлекать достойныхъ дѣятелей во ввѣренный ему учебный округъ. Приглашая въ Россію иностранныхъ ученыхъ, онъ старался преимущественно замѣщать вакантныя кафедры природными Русскими и успѣвалъ въ томъ: съ самаго открытія университета туда поступили снискавшіе своими послѣдующими трудами громкую известность: Рижскій, Тимковскій, Осиповскій и потомъ — Успенскій. Графъ Потоцкій, не живя постоянно въ Харьковѣ, являлся тамъ въ важнѣйшія минуты университетской жизни, говорилъ рѣчи, исполненныя достоинства и сочувствія къ наукѣ, содѣйствовалъ связи университета съ обществомъ, принималъ участіе въ рѣшеніи научныхъ вопросовъ и заботился объ учрежденіи минералогическаго кабинета, и вообще объ учебныхъ пособіяхъ университета. По словамъ профессора Сухомлинова: „Если бы идеалы были возможны въ дѣйствительной жизни, Потоцкаго слѣдовало-бы назвать идеаломъ попечителя, какъ понималось это званіе первымъ уставомъ русскихъ университетовъ.... Невмѣшиваясь во всѣ нити администраціи, ненарушая автономіи, безъ которой университетская жизнь тоже, что тѣло безъ души, Потоцкій, достойный вождь университета, открылъ ему способы къ развитію ученой дѣятельности и былъ дѣйствительнымъ представителемъ его въ главномъ правленіи училищъ“ (22).

Генералъ-маіоръ Ѳедоръ Ивановичъ Клингеръ,

сперва директоръ перваго кадетскаго корпуса, а потомъ членъ главнаго правленія училищъ и попечитель дерптскаго учебнаго округа, былъ извѣстенъ своими литературными трудами на нѣмецкомъ языкѣ. Весьма замѣчательно, что литераторъ, сдѣлавшись педагогомъ, и вѣроятно опасаясь вліянія на молодёжъ своихъ сочиненій, отличающихся необузданною энергіей и мрачнымъ взглядомъ на жизнь, самъ заботился о запрещеніи ихъ впуска въ Россію.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Яковлевичъ Румовскій, выбранный Ломоносовымъ по экзамену изъ учениковъ Невской семинаріи — „взятъ въ службу академіи наукъ студентомъ въ 1748-мъ году,“ имѣя отъ рода 16 лѣтъ. Слушая лекціи Ломоносова и заслуживъ его одобреніе своими дѣльными отвѣтами, Румовскій былъ посланъ въ Берлинъ къ знаменитому Леонарду Эйлеру и по возвращеніи въ Петербургъ опредѣленъ профессоромъ астрономіи, а потомъ назначенъ вице-президентомъ Академіи Наукъ. Румовскій совершилъ путешествія для астрономическихъ наблюденій въ Селенгинскъ и Колу и написалъ нѣсколько мемуаровъ, заслужившихъ похвалу иностранныхъ ученыхъ. Въ званіи члена Россійской Академіи, онъ трудился надъ составленіемъ академическаго словаря, собиралъ матеріалы для грамматики и занимался, въ продолженіи тридцати лѣтъ, редакціей календаря Академіи Наукъ. Въ 1803-мъ году, Румовскій, будучи назначенъ членомъ главнаго правленія и попечителемъ казанскаго округа, уже семидесяти лѣтъ отъ рода, дѣятельно трудился, вмѣстѣ съ академиками Озерецковскимъ и Фуссомъ, надъ разсмотрѣніемъ учебныхъ руководствъ и усердно исправлялъ должность попечителя. При немъ были вызваны изъ-за границы, для занятія въ университетѣ каѳедръ, знаменитые германскіе ученые: есте-

ствоиспытатель и поэтъ Броннеръ; профессоръ Бартельсъ, о которомъ Лапласъ сказалъ, что считаетъ его первымъ математикомъ, потому что онъ былъ учителемъ Гаусса, и профессоръ астрономіи въ краковскомъ университетѣ Литтровъ: послѣдній, совершивъ съ чрезвычайными затрудненіями долгій путь изъ Кракова въ Казань, заботился только объ отправленныхъ имъ туда книгахъ, говоря, что „не можетъ жить безъ своей библіотеки, а жалованьемъ доволенъ такимъ-же, какое получали прочіе астрономы и профессора математики“. Такая умѣренность скромнаго ученаго тѣмъ болѣе замѣчательна, что другіе иностранцы усердно хлопотали о большихъ окладахъ. Для преподаванія восточныхъ языковъ былъ призванъ изъ Ростока профессоръ Френъ и проч. ([23]).

Академикъ Николай Яковлевичъ Озерецковскій, уроженецъ московской губерніи, учился въ Троицкой Лаврѣ и въ петербургской академической гимназіи, и довершилъ свое образованіе въ страсбургскомъ и лейденскомъ университетахъ, получивъ въ послѣднемъ ученую степень доктора медицины. Онъ путешествовалъ по Россіи для научныхъ изслѣдованій, издалъ Зоологію — сочиненіе весьма замѣчательное въ то время, когда естествознаніе находилось въ младенчествѣ, и въ должности члена главнаго правленія училищъ, по порученію начальства, занимался разсмотрѣніемъ учебныхъ руководствъ и редакціей офиціальнаго журнала, подъ названіемъ: „Періодическое изданіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія.“

Академикъ Николай Ивановичъ Фуссъ, базельскій уроженецъ, изучалъ математику въ тамошнемъ университетѣ, подъ руководствомъ Бернулли, который рекомендовалъ его своему другу Эйлеру, искав-

шему себѣ помощника по должности профессора математики. На двадцать второмъ году отъ рода, Фуссъ получилъ мѣсто адъюнкта, а спустя восемь лѣтъ — ординарнаго профессора по высшей математикѣ; въ 1800 году, будучи избранъ непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ, оставался въ сей должности двадцать пять лѣтъ, до самой смерти. Въ 1802 году, поступивъ членомъ въ коммиссію училищъ, Фуссъ принесъ существенную пользу своими трудами по устройству учебной части ([24]).

Въ числѣ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на успѣхи народнаго образованія въ Россіи, занималъ не послѣднее мѣсто членъ главнаго правленія училищъ, тайный совѣтникъ Ѳедоръ Ивановичъ Янковичъ де-Миріево, Сербъ по происхожденію, Русскій по языку и вѣрѣ, вызванный въ Россію, по указанію Императора Іосифа II, Императрицею Екатериною, въ 1782-мъ году, для устройства народныхъ школъ. Кромѣ того, Янковичъ занимался изданіемъ учебниковъ, картъ, и проч. ([25]).

Положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Россіи, составленное главнымъ правленіемъ училищъ и Высочайше утвержденное 24-го генваря 1803 года, заключало въ себѣ:

Во 1-хъ, *правила о заведеніи училищъ*, которыя, состоя въ веденіи министра, были поручены главному управленію, съ раздѣленіемъ ихъ вообще на четыре разряда: приходскія, уѣздныя, губернскія или гимназіи и университеты. Учреждены учебные округи, съ университетами для преподаванія высшихъ наукъ; кромѣ существовавшихъ прежде трехъ университетовъ, московскаго, виленскаго и дерптскаго, назначено учредить еще три: въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ, послѣдній въ уваженіе значительныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ дворянствомъ

и прочими сословіями харьковской губерніи. Затѣмъ — предположено, по мѣрѣ способовъ, основать университеты: въ Кіевѣ, Тобольскѣ, Устюгѣ-Великомъ и другихъ мѣстахъ. Каждый изъ учебныхъ округовъ, заключающій въ себѣ училища нѣсколькихъ губерній, былъ подчиненъ попечителю, который, по этому званію, былъ однимъ изъ членовъ главнаго правленія училищъ. Каждому изъ университетовъ дано собственное правленіе изъ профессоровъ, подъ предсѣдательствомъ ректора, избираемаго ихъ общимъ собраніемъ.

Во 2-хъ, *правила о распоряженіяхъ по учебной части*, коими опредѣлены предметы преподаванія въ училищахъ.

Въ 3-хъ, изложены главныя основанія управленія училищъ *по хозяйственной части* ([26]).

Въ 1803-мъ и 1804-мъ годахъ, Высочайше утверждены штаты университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ.

На каждый изъ четырехъ университетовъ, въ С.-Петербургѣ *), Москвѣ, Казани и Харьковѣ, назначено ежегодно по 130,000 рублей ([27]), всего же . . . . 520,000 р.

На содержаніе 42-хъ гимназій, въ округахъ сихъ университетовъ, по 5,250—5,750—6,250 рублей на каждую ([28]), всего-же 236,000 р.

На содержаніе 405-ти уѣздныхъ училищъ въ тѣхъ-же округахъ, по 1,250—1,410,—1,600 рублей на каждое, всего . . . 563,450 р.

На содержаніе виленскаго

*) Въ Петербургѣ, для приготовленія молодыхъ людей въ учители гимназій, устроено въ 1804 году отдѣленіе предположеннаго университета, подъ названіемъ «Педагогическаго Института».

университета (29) назначено ежегодно по . . . . 105,000 р. сер.

Каждой гимназіи виленскаго округа по . . . . 5,000 р.

Каждаго изъ уѣздныхъ училищъ . . . . 2,520 р.

Всего-же на виленскій округъ, кромѣ содержанія положеннаго университету, ежегодно . . . 91,756 р. 46 к. сер.

На содержаніе дерптскаго университета (30) ежегодно по . 126,000 р.

Каждой изъ четырехъ гимназій дерптскаго округа *) по . . 7,750 р.

Каждаго изъ тридцати уѣздныхъ училищъ . . . . . . 2,400 р.

Кромѣ того на содержаніе и разъѣзды пятнадцати смотрителей уѣздныхъ училищъ, каждому по . . . . 1,000 р.

Всего-же на дерптскій округъ, кромѣ суммы, положенной на содержаніе университета, назначено ежегодно по . . . . . 118,000 р. (31).

Вообще, на ежегодное содержаніе всѣхъ училищъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, было ассигновано около двухъ милліоновъ рублей. Независимо отъ штатныхъ суммъ, Императоръ Александръ подарилъ, въ 1802-мъ году, московскому университету знаменитый кабинетъ княгини Яблоновской, купленный у наслѣдниковъ ея Государемъ и заключавшій въ себѣ богатое собраніе различныхъ рѣдкостей. моделей машинъ, монетъ и

*) Митавская гимназія получала содержаніе отъ курляндскаго дворянства.

проч. ([32]). Въ апрѣлѣ 1803 года пожаловано дерптскому университету, на постройки и на покупку книгъ и другихъ учебныхъ пособій, 267,000 рублей, а виленскому — всѣ строенія и земли прежде принадлежавшія Іезуитамъ въ Вильнѣ ([33]) и въ октябрѣ того-же года 70,000 рублей серебромъ ([34]).

Въ 1805-мъ году, послѣдовало повелѣніе объ учрежденіи сельскихъ приходскихъ школъ, въ коихъ преподавателями назначено быть священникамъ, діаконамъ и причетникамъ, свободнымъ отъ исполненія церковныхъ требъ ([35]), но это распоряженіе, какъ и должно было ожидать, не имѣло удовлетворительныхъ послѣдствій. Кромѣ церковныхъ требъ, достаточно было заботы нашихъ духовныхъ лицъ о дневномъ пропитаніи для отнятія у нихъ всякой возможности къ просвѣщенію своей паствы. Да и вообще при Императорѣ Александрѣ I почти вовсе несуществовало приходскихъ школъ, и только лишь въ Петербургѣ учрежденіе ихъ шло съ такимъ успѣхомъ, что въ продолженіи года тамъ было основано 20 приходскихъ училищъ ([36]).

Соревнуя своему Государю, Русскіе всѣхъ сословій на-перерывъ содѣйствовали пользѣ наукъ и народному образованію. Нѣтъ возможности исчислить всѣ такія пожертвованія частныхъ лицъ, и по тому ограничусь важнѣйшими.

Статскій совѣтникъ Павелъ Григ. Демидовъ, довершившій свое образованіе въ гёттингенскомъ университетѣ и въ фрейбергской академіи, благодѣтель своихъ крестьянъ, увлеченный — по словамъ его — примѣромъ Государя, открывшаго свободный путь просвѣщенію въ Россіи, изъявилъ намѣреніе пожертвовать часть своего имущества — триста тысячъ рублей и ярославскія деревни, стоившія около полумилліона. Эти недвижимыя имѣнія и капиталъ въ

сто тысячъ рублей были назначены Демидовымъ для учрежденія и содержанія въ Ярославлѣ высшаго училища, въ коемъ преподавались-бы университетскіе предметы. Остальныя-же деньги, двѣсти тысячъ рублей, онъ предложилъ раздѣлить по-поламъ, и отдать сто тысячъ московскому университету, а остальныя положить въ государственный банкъ для приращенія процентами, въ пользу предположенныхъ университетовъ въ Кіевѣ и Тобольскѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ изъявилъ желаніе, чтобы московскій университетъ пользовался одними лишь процентами съ пожертвованнаго капитала, употребляя большую часть ихъ на содержаніе студентовъ, а остальные — на отправленіе достойнѣйшаго изъ нихъ въ лучшій иностранный университетъ. Кромѣ того, Демидовъ предоставилъ московскому университету принадлежавшія ему: библіотеку, кабинетъ натуральной исторіи, богатый минцъ-кабинетъ и собраніе разныхъ художественныхъ рѣдкостей, всего на сумму болѣе 200,000 рублей. Императоръ Александръ, одобривъ всѣ распоряженія Демидова, повелѣлъ: во 1-хъ, выбить золотую медаль, съ изображеніемъ лица Демидова и съ надписью, означающею его подвигъ (эта медаль была вручена ему въ Москвѣ, въ общемъ собраніи Сената); во 2-хъ, напечатать и обнародовать прошеніе Демидова ([37]). Тогда-же Демидовъ удостоился получить Высочайшій рескриптъ о пожалованіи его кавалеромъ 1-ой степени ордена Св. Владиміра.

Дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Безбородко ходатайствовалъ о заведеніи въ Нѣжинѣ гимназіи высшихъ наукъ, которой, онъ, сверхъ оставленныхъ по завѣщанію братомъ его, княземъ Безбородко, 210,000 рублей, изъявилъ желаніе уступить мѣсто съ садомъ въ городѣ Нѣжинѣ и жерт-

вовать на вѣчныя времена ежегодно по 15,000 рублей, обезпечивъ уплату сей суммы имѣніемъ съ 3,000 душъ въ Малороссіи. Тогда-же графъ Безбородко всеподданнѣйше просилъ, чтобы устроенное имъ училище было названо: „Гимназія высшихъ наукъ князя Безбородко." Императоръ Александръ I, утвердивъ всѣ распоряженія просвѣщеннаго благотворителя, повелѣлъ: 1) „Поставить въ главномъ залѣ собранія сего училища бюсты обоихъ учредителей его, съ надписью, что сіе сдѣлано отъ Насъ имъ въ память. Бюсты сіи — сказано въ указѣ Сенату — будутъ залогомъ общей признательности къ толь похвальному подвигу, предпринятому ко благу отечества. 2) Предавъ тисненію прилагаемое при семъ прошеніе графа Безбородко, издать его во всенародное извѣстіе (38). Въ тотъ-же день, 29 іюля 1805 года, Безбородко былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени.

Дворянство слободско-украинской (харьковской) губерніи ходатайствовало объ учрежденіи университета въ Харьковѣ и предложило на сей предметъ 400,000 рублей (39).

Дворянство екатеринославской губерніи обязалось, въ пользу харьковскаго университета, ежегодно вносить, въ продолженіи десяти лѣтъ, по десяти копѣекъ съ каждой ревизской души своихъ имѣній, что̀ составляло вообще сумму болѣе 100,000 рублей, и подарило гимназіи въ Екатеринославѣ каменный домъ, стоившій до 12,000 рублей (40).

Дворянство коропскаго, сосницкаго, нѣжинскаго и стародубскаго уѣздовъ предложило въ пользу училищъ и другихъ общественныхъ учрежденій около 100,000 рублей (41).

Дворянство и духовенство волынской губерніи

пожертвовало для кременецкой гимназіи до 200,000 рублей (42).

Московскіе купцы и мѣщане предложили устроить, въ пожалованныхъ имъ, на учрежденіе богадѣльни, зданіяхъ бывшаго Андреевскаго монастыря, и содержать на свой счетъ коммерческое училище, назначивъ для того, изъ общественныхъ своихъ доходовъ, ежегодно 15,000 рублей, и изъявивъ готовность, въ случаѣ, еслибы эти деньги оказались недостаточными, прибавлять нужную сумму. Императоръ Александръ утвердилъ докладъ министра народнаго просвѣщенія о семъ предметѣ, вмѣстѣ съ планомъ училища на сорокъ человѣкъ, предварительно разсмотрѣннымъ и одобреннымъ въ совѣтѣ московскаго городскаго общества. Основатели, купивъ за 108,000 рублей великолѣпный Еропкинскій домъ, жертвовали ежегодно, сначала по 29,000, а потомъ по 40 и 50-ти тысячъ рублей. Кромѣ этихъ общихъ взносовъ, многіе пожертвовали единовременно въ пользу заведенія значительныя суммы, какъ наприм. братья Куманины 75,000, Васильевъ 50,000, Четвериковъ 42,000 рублей и проч. (43).

Два бурятскихъ тайши и два шуленги (начальники племенъ), обратились къ иркутскому губернатору съ просьбою прислать имъ учителя русской грамоты. Губернаторъ немедленно исполнилъ ихъ желаніе и снабдилъ ихъ книгами для первоначальнаго обученія, за что въ благодарность они внесли въ иркутскій приказъ общественнаго призрѣнія тысячу рублей (44).

Въ 1804 году, по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, было 494 учебныхъ заведеній (изъ коихъ около ста преобразованныхъ по новому положенію), съ 33,484-мя учащимися. На содержаніе этихъ заведеній было отпущено правительствомъ

1,727,732 рубля. Кромѣ того, на ученыя и учебныя заведенія, не состоявшія въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, именно: Академіи Художествъ и Медико-хирургическую, кадетскіе корпуса, и проч. отпущено 1,025,620 рублей, слѣдовательно на общественное образованіе вообще было издержано въ семъ году 2,753,350 рублей. Съ перваго взгляда эта сумма кажется недостаточною для своего важнаго назначенія, но должно принять во вниманіе, что въ то время учебную часть пересоздавали вновь, и что, при всѣхъ усиліяхъ министерства народнаго просвѣщенія, по 1805 годъ включительно, изъ состоявшихъ по штату 576 учебныхъ заведеній было открыто вновь всего 112 ([45]).

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, вмѣстѣ съ основаніемъ народныхъ школъ, положено устроить гимназію, въ коей воспитанники семинарій довершали-бы пройденный ими учебный курсъ, для пріуготовленія себя къ учительской должности. Въ 1803 году, Высочайше повелѣно учредить учительскую гимназію, которая, будучи преобразована по плану попечителя петербургскаго округа, Новосильцова, должна была составить отдѣленіе петербургскаго университета, подъ названіемъ Педагогическаго Института. Въ это заведеніе, назначенное для приготовленія молодыхъ людей въ учители губернскихъ гимназій, положено принимать учениковъ съ отличными дарованіями и съ достаточными свѣдѣніями въ словесныхъ наукахъ и иностранныхъ языкахъ. Воспитанники института содержались и обучались, въ продолженіи трехъ лѣтъ, на счетъ правительства ([46]). Перестройка зданія прежней гимназіи стоила казнѣ около 20,000 рублей, жалованье служащимъ 18,700, содержаніе студентовъ 26,227 рублей, слѣдовательно ежегодныя издержки на пе-

дагогическій институтъ простирались до 45,000 рублей (47).

Въ 1804 году, по плану попечителя петербургскаго учебнаго округа, временно управлявшаго харьковскимъ округомъ, Новосильцова, была учреждена въ Одессѣ „Коммерческая гимназія," которая отличалась отъ прочихъ гимназій тѣмъ, что въ ней преподавались нѣкоторые предметы, спеціально полезные для образованныхъ негоціантовъ, именно: языки италіанскій и греческій, коммерческая географія, исторія коммерціи, коммерческое и морское право и бухгалтерія. На содержаніе гимназіи назначено было ежегодно по 6,500 рублей (48).

Императоръ Александръ, принявъ во вниманіе, что въ отдаленныхъ отъ городовъ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ врачей, неважныя болѣзни, отъ невѣжественнаго леченія, весьма часто сдѣлывались смертельными, возложилъ на духовенство обязанность пріобрѣсть нѣкоторыя медицинскія свѣдѣнія для поданія поселянамъ простой и близкой къ образу жизни ихъ помощи. Съ этою цѣлью было повелѣно Синоду: во 1-хъ, отправлять по нѣскольку человѣкъ изъ духовныхъ училищъ въ медицинскіе институты, для образованія въ врачебной наукѣ, чтобы, по обученіи ихъ и возвращеніи въ епархіи, могли они сами преподавать ее въ духовныхъ училищахъ; во 2-хъ, въ ожиданіи образованія сихъ учителей, медицинская коллегія должна была составить краткое, но ясное наставленіе о леченіи обыкновенныхъ простонародныхъ болѣзней и употребленіи такихъ лекарствъ, которыя моглибъ быть удобно составляемы въ селеніяхъ, и напечатавъ достаточное число экземпляровъ этого сочиненія, доставить ихъ въ Святѣйшій Синодъ, для разсылки по духовнымъ училищамъ и приходскимъ церквамъ (49).

Правительство обратило вниманіе на распространеніе необходимѣйшихъ свѣдѣній и въ недавно-присоединенной Грузіи. По представленію генералъ-лейтенанта, князя Циціанова, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ основаніи въ Тифлисѣ школы, сперва для 25-ти, а потомъ для 50-ти дворянъ, которыхъ назначено было обучать русскому и грузинскому языкамъ. По изученіи-же русскаго языка, лучшіе ученики, для довершенія ихъ образованія, отправлялись въ московскій университетскій пансіонъ (50).

Императоръ Александръ, въ самомъ началѣ своего царствованія, возстановилъ Россійскую Академію.

Это ученое общество было основано Императрицею Екатериною Второю въ 1783 году, для содѣйствія успѣхамъ словесныхъ наукъ, и въ особенности для усовершенствованія русскаго языка. Великая Монархиня не только приняла Россійскую Академію подъ свое покровительство, но участвовала сама въ трудахъ ея, подарила Академіи каменный домъ и назначила на содержаніе ея ежегодно по 6,250 рублей. Императоръ Павелъ отмѣнилъ выдачу этой суммы и повелѣлъ отдать вновь учрежденному военно-сиротскому заведенію каменный домъ, принадлежавшій Академіи, которая въ вознагражденіе получила деревянное строеніе на Васильевскомъ Островѣ. Академія, утративъ прежнее значеніе, продолжала однакоже свои занятія. Императоръ Александръ, по представленію президента Академіи, тайнаго совѣтника Нартова, повелѣлъ возобновить выдачу прежняго академическаго содержанія. Въ 1802 году, Академія, поднеся Государю, составленную трудами ея, русскую грамматику, ходатайство-

вала объ отпускѣ денегъ на постройку новаго каменнаго дома. Государь немедленно приказалъ выдать 25,000 рублей и домъ былъ окончепъ въ томъ же году. Тогда же приказано печатать на казенный счетъ всѣ сочиненія и переводы Академіи, предоставляя въ ея пользу выручаемыя отъ продажи ихъ деньги ([51]).

Императоръ Александръ, находя, что прежній уставъ Академіи Наукъ не соотвѣтствовалъ современнымъ потребностямъ, что назначенная для содержанія ея сумма была недостаточна и что самая дѣятельность ея отъ того ослабилась, повелѣлъ издать для сего ученаго общества новый Уставъ и штатъ, сообразные съ предначертанною Академіи цѣлью. На основаніи этого Устава, главнѣйшими обязанностями Академіи Наукъ было постановлено: „разширять предѣлы человѣческихъ знаній; совершенствовать и обогащать ихъ новыми открытіями; распространять просвѣщеніе; направлять, сколь возможно, познанія къ общему благу, приспособляя теорію, на основаніи опыта, къ практическому употребленію". Кромѣ этихъ обязанностей, общихъ съ другими Академіями, она долженствовала „обращать свои труды въ пользу Россіи, распространяя познанія естественныхъ произведеній Имперіи и изыскивая средства къ умноженію тѣхъ изъ нихъ, кои составляютъ предметъ народной промышленности, а равно къ улучшенію фабрикъ, ремеслъ и художествъ, сихъ источниковъ богатства и силы государствъ" (Ст. 1-я и 2-я). Императоръ Александръ, желая, чтобы Академія Наукъ была въ дѣйствительности *русскимъ* ученымъ обществомъ, постановилъ, что „она должна образовать опредѣленное число молодыхъ людей изъ русскихъ подданныхъ, для пріуготовленія ихъ къ занятію ученыхъ степеней

Академіи“ (Ст. 5-я). Академія была обязана: 1) ежегодно издавать томъ своихъ изслѣдованій, какъ на русскомъ, такъ и на латинскомъ или другомъ изъ извѣстнѣйшихъ европейскихъ языковъ, а равно одинъ томъ Записокъ, могущихъ принести практическую пользу, подъ названіемъ „Технологическаго журнала“ (Ст. 9-я). 2) Поддерживать и распространять сношенія съ другими Академіями и учеными обществами въ Европѣ (Ст. 10-я). 3) Какъ пріобрѣтеніе основательныхъ свѣдѣній о географіи Россійской Имперіи долженствовало быть однимъ изъ главныхъ предметовъ вниманія Академіи, то ей назначено посылать, отъ времени до времени, астрономовъ и натуралистовъ, для путешествія по тѣмъ губерніямъ, коихъ географическое положеніе и естественныя произведенія еще недовольно извѣстны. Правительство изъявило намѣреніе содѣйствовать такимъ предпріятіямъ (Ст. 11-я). 4) Академія должна была ежегодно предлагать задачи по различнымъ наукамъ, и за рѣшеніе вопросовъ присуждать награды (Ст. 12-я).

На содержаніе Академіи Наукъ, вмѣсто ежегодно получаемыхъ ею прежде 53,298 рублей, назначено 120,000 рублей, и кромѣ того, особая экономическая сумма, въ которую должны были поступать: во 1-хъ, проценты съ 70,000 рублей, положенныхъ въ Воспитательный Домъ; во 2-хъ, деньги, выручаемыя съ продажи календарей и книгъ, а равно доходъ съ академической типографіи, и въ 3-хъ, остатки штатной суммы (Статьи 122-я и 124-я) [52].

Президентомъ Академіи Наукъ былъ назначенъ, 27 февраля 1803 года, тайный совѣтникъ Новосильцовъ.

Для приготовленія молодыхъ людей по юридической части, вмѣсто бывшаго при Сенатѣ „Юнкерскаго института“, несоотвѣтствовавшаго своей спеціальной цѣли, было учреждено „Высшее училище правовѣдѣнія“, предметъ котораго состоялъ въ окончательномъ образованіи по сей части студентовъ, окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, либо въ университетахъ. Число кандидатовъ простиралось до 25-ти (ст. 1-я и 2-я). Весь курсъ ученія долженъ былъ продолжаться три года (ст. 4-я). Съ самаго вступленія въ училище студенты считались состоящими на дѣйствительной службѣ и получали ежегодно по 300 рублей (ст. 5-я) ([53]).

Еще при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, были учреждены въ Петербургѣ и Москвѣ, при главныхъ военныхъ госпиталяхъ, медико-хирургическія школы, въ 1799 году переименованныя въ Медико-хирургическія академіи и снабженныя учебными пособіями и средствами. Кромѣ того, въ 1783 году, былъ основанъ въ Петербургѣ „Медико-хирургическій институтъ“, въ которомъ науки преподавались на нѣмецкомъ языкѣ, преимущественно для уроженцевъ остзейскихъ губерній. Но въ этомъ институтѣ не было — ни библіотеки, ни анатомическаго театра, ни физическаго кабинета, ни ботаническаго сада, словомъ сказать — ни одного изъ тѣхъ богатыхъ средствъ, которыми обладали Медико-хирургическія академіи. И потому, окончившихъ курсъ въ Институтѣ переводили для окончательнаго образованія въ петербургскую медико-хирургическую академію. Это заставило Медицинскую Коллегію ходатайствовать о присоединеніи Института къ Академіи, на что послѣдовало Высочайшее соизволеніе

съ увеличеніемъ прежней штатной суммы вдвое, именно до 60,000 рублей ([54]).

Въ Петербургѣ, Москвѣ и Лубнахъ были заведены ветеринарныя школы (скотоврачебныя училища), и на содержаніе ихъ ежегодно ассигновано 68,445 рублей, кромѣ 12,000 рублей, отпущенныхъ на первоначальное устройство сихъ заведеній ([55]).

Императоръ Александръ I постоянно оказывалъ покровительство обществамъ, имѣвшимъ цѣлью распространеніе полезныхъ свѣдѣній. Въ числѣ ихъ были:

1) „Вольное общество любителей наукъ, словесности и художествъ", въ Петербургѣ, основанное 15-го іюля 1801 года. Оно издавало сочиненія и переводы, по части политическихъ и словесныхъ наукъ ([56]).

2) „Литературно-практическое общество" (Litterarisch-praktische Bürgerverbindung) въ Ригѣ. Предметами его занятій были: изслѣдованія и открытія, могущія послужить къ улучшенію физическаго благосостоянія и къ сохраненію здоровья людей; важнѣйшія изысканія по метеорологіи, естественной исторіи, химіи, ботаникѣ, сельскому хозяйству, садоводству, гражданской архитектурѣ, и проч. наконецъ — все клонящееся къ улучшенію земледѣлія, торговли и фабричной промышленности. Это общество, основанное въ 1802 году, было принято подъ Высочайшее покровительство въ началѣ 1803 г.

3) Императоръ Александръ — „признавая труды *Вольнаго Экономическаго Общества*, по намѣренію и послѣдствіямъ ихъ, достойными уваженія, и желая открыть путь вліянію ихъ на пользу общую", повелѣлъ отпускать на издержки общества ежегодно

по 1,000 рублей ([58]). Вслѣдъ за тѣмъ, по просьбѣ того-же общества, для опытовъ его по земледѣльческой части, пожаловано ему мѣсто съ садомъ на Петровскомъ острову ([59]).

4) При московскомъ университетѣ, въ бытность попечителемъ его Мих. Никит. Муравьева, основаны три ученыя общества: предметомъ занятій перваго изъ нихъ—„Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ“ — было изданіе древнихъ лѣтописей, относящихся къ Россіи; второе—„Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ“—имѣло въ виду распространять свѣдѣнія по этимъ наукамъ изданіемъ журнала на русскомъ и документовъ на латинскомъ языкѣ; третье— „Общество испытателей природы“ предполагало, неограничиваясь научными изысканіями, открыть такія произведенія, кои моглибы составить новую вѣтвь россійской торговли ([60]).

Въ Москвѣ прдполагалось учредить „Общество земледѣлія и механическихъ художествъ“. Оно должно было состоять изъ членовъ двухъ разрядовъ: въ первомъ - заплатившихъ единовременно за акцію общества тысячу рублей, а во второмъ — обязанныхъ ежегодно вносить въ кассу общества по тридцати рублей. Первыхъ предполагалось отъ ста до полутораста, а число вторыхъ не было опредѣлено уставомъ. Общество имѣло въ виду заниматься слѣдующими предметами: 1) рѣшать безотлагательно всѣ вопросы по земледѣлію, сельскому хозяйству, механическимъ художествамъ, а также по физикѣ и химіи. Такъ напр. еслибы кто пожелалъ ознакомиться съ свойствами растенія, либо другаго продукта своихъ имѣній, то, по требованію его, общество принимало на себя обязанность объяснить: названіе, свойства и употребленіе помянутаго

продукта. 2) Слѣдить за всѣми иностранными нововведеніями въ сельскомъ хозяйствѣ и примѣнять ихъ на опытѣ въ Россіи. 3) Продавать сѣмена хлѣбовъ и овощей по умѣренной цѣнѣ. 4) Способствовать продажѣ сельскихъ произведеній, если кто пожелалъ-бы по этому предмету войти въ сношеніе съ обществомъ. 5) Приготовлять по заказу и продавать по дешевой цѣнѣ земледѣльческія и прочія машины. 6) Выписывать изъ-за границы книги и журналы, по части сельскаго хозяйства и ремеслъ, переводить лучшія сочиненія и издавать журналъ.— Общество предполагало содержать: химика, минералога, ботаника, садовника, двухъ механиковъ, ветеринара и нѣсколько мастеровыхъ, для приготовленія въ школахъ, за сходную цѣну, кузнецовъ, слесарей, мѣдниковъ, столяровъ и другихъ рабочихъ.

Императоръ Александръ, желая поддержать это общество, повелѣлъ взять на свое имя пять акцій его ([61]), но вообще число членовъ оказалось недостаточнымъ для исполненія обширныхъ предположеній общества, и оно несостоялось.

Императоръ Александръ, находя недостаточными средства, назначенныя для содержанія Академіи Художествъ, при основаніи ея въ 1764 году, утвердилъ дополнительныя статьи къ уставу Академіи и новый штатъ ея. Положено: во 1-хъ, содержать на счетъ казны, по прежнему, триста воспитанниковъ, но вмѣсто раздѣленія ихъ на пять возрастовъ, составить четыре, по 75-ти человѣкъ. Во 2-хъ, чрезъ каждые три года, принимать дѣтей отъ 8-ми до 9-ти лѣтъ, обученныхъ русской грамотѣ. Эти дѣти должны были оставаться шесть лѣтъ въ пріугото-

вительномъ училищѣ, а потомъ, въ продолженіи также шести лѣтъ, довершать образованіе въ Академіи (статьи 1-я, 2-я, 3-я и 4-я). Въ послѣднемъ году, воспитанникамъ назначено учиться италіянскому языку, съ тѣмъ, чтобы заслужившіе при выпускѣ золотую медаль отправлялись въ чужіе краи, на три года, или болѣе, по усмотрѣнію Академіи (ст. 7-я, 8-я и 9-я). На содержаніе Академіи, кромѣ прежней штатной суммы и 18,000 рублей, ежегодно жалованныхъ Императоромъ Павломъ, на учрежденіе гравировальнаго ландшафтнаго класса, назначено еще по 60,000 руб. въ годъ, что̀ составило вообще 146,000 рублей ([62]).

Президентомъ Академіи Художествъ былъ назначенъ извѣстный любовью къ изящнымъ искусствамъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ.

Многіе изъ тогдашнихъ профессоровъ и учениковъ Академіи прославились своими произведеніями, какъ въ эту эпоху, такъ и въ послѣдующее время, именно: *по исторической живописи:* Угрюмовъ, Яненко, Волковъ и Кипренскій; *портретные живописцы:* Левицкій, Боровиковскій, Щукинъ, Муаньè и Варнекъ; *ландшафтные:* Щедринъ и Михаилъ Ивановъ; *декораторъ* Гонзаго; *граверы:* Галактіоновъ и Уткинъ; *ваятели:* Мартосъ, Шубинъ, Ѳедоръ Щедринъ, Прокофьевъ и Василій Якимовъ, отлившій памятникъ Суворову; *архитекторы:* Воронихинъ, строитель Казанскаго собора; Захаровъ, давшій новый видъ Адмиралтейству; Томонъ (Thomon), начертавшій планъ петербургской биржи и Академіи Наукъ, и Андрей Михайловъ, украсившій сѣверную Пальмиру многими великолѣпными зданіями ([63]).

———

Для распространенія полезныхъ свѣдѣній, Императоръ Александръ значительно облегчилъ дѣйствовавшія до того времени цензурныя постановленія.

Еще при Императорѣ Павлѣ, послѣдовалъ указъ: „Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ-бы языкѣ оныя не были, безъ изъятія, въ Государство Наше, равномѣрно и музыку“ (64). Тогда же повелѣно: запретить продажу типографскихъ буквъ частнымъ лицамъ, неимѣющимъ привилегій на содержаніе типографій (65). Такія привилегіи получались съ большимъ трудомъ, и многія типографіи были запечатаны.

Чрезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ Императора Александра I, обпародованъ указъ, въ коемъ сказано: „желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи распечатать, дозволяя какъ привозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства“ (66). Въ слѣдующемъ году повелѣно: во 1-хъ, допустить ввозъ иностранныхъ книгъ на основаніи тарифа 1782 года; во 2-хъ, разрѣшить открытіе типографій во всѣхъ городахъ Имперіи и печатаніе книгъ на всѣхъ языкахъ, наблюдая только, чтобы въ печатаемыхъ сочиненіяхъ не было ничего противнаго законамъ Божіимъ и гражданскимъ, или ведущаго къ явному соблазну. Разсмотрѣніе книгъ, печатаемыхъ въ частныхъ типографіяхъ, было поручено директорамъ народныхъ училищъ, подъ надзоромъ губернаторовъ;

въ типографіяхъ-же, состоящихъ при ученыхъ обществахъ и казенныхъ мѣстахъ, цензура возлагалась на попеченіе и отвѣтственность начальниковъ этихъ заведеній; въ 3-хъ, церковныя книги долженствовали печататься въ синодальныхъ типографіяхъ, либо издаваться, съ Высочайшаго разрѣшенія, отъ Коммисіи народныхъ училищъ, и въ 4-хъ, цензуры всякаго рода, при портахъ и въ городахъ учрежденныя, велѣно упразднить ([67]). Затѣмъ постановлено: всѣхъ, торгующихъ иностранными книгами, обязать подписками, чтобы они не продавали сочиненій противныхъ законамъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія ([68]). Главный надзоръ за типографіями и цензура были поручены министру народнаго просвѣщенія ([69]); въ послѣдствіи-же цензура всѣхъ книгъ, издаваемыхъ въ губерніяхъ, гдѣ учреждены университеты, возложена исключительно на сіи высшія учебныя заведенія ([70]).

Въ 1804 году былъ Высочайше утвержденъ представленный министромъ народнаго просвѣщенія, графомъ Завадовскимъ, Уставъ о цензурѣ. Попечитель С. Петербургскаго учебнаго округа и членъ главнаго правленія училищъ, Новосильцовъ, указалъ, какъ на образецъ, при составленіи такого Устава, постановленія о печати датскаго правительства. Король Христіанъ VII, вступивъ на престолъ семнадцати-лѣтнимъ юношею и руководясь вліяніемъ жаркаго приверженца новыхъ идей XVIII вѣка, графа Струэнзе, уничтожилъ всякаго рода цензуру и далъ неограниченную свободу книгопечатанію. Но съ паденіемъ датскаго министра, въ 1772 году, настала реакція, обнаружившаяся сперва преслѣдованіемъ талантливыхъ писателей и ученыхъ, а потомъ учрежденіемъ цензуры, на основаніи манифеста 27 сентября 1799 года. Нарушителямъ поста-

новленій о печати угрожали весьма строгія наказанія: такъ наприм., за клевету на правительство, либо за насмѣшки надъ нимъ, виновный подвергался вѣчной работѣ въ оковахъ; за внушеніе произвести перемѣну въ правленіи, либо за возбужденіе къ бунту, положена была смертная казнь. Для предупрежденія злоупотребленій печати, Новосильцовъ предложилъ поручить разсмотрѣніе рукописей цензорамъ, либо издать постановленія, по примѣру датскихъ, съ точнымъ обозначеніемъ, за что̀ именно сочинители или издатели, подлежатъ взысканіямъ. Коммисія правленія училищъ, на первый разъ, предпочла послѣдній способъ и поручила Новосильцову составить проектъ Положенія о книгопечатаніи. Въ его проектѣ были смягчены нѣкоторыя постановленія датскаго устава; главное правленіе и самъ министръ просвѣщенія считали изданіе положительныхъ правилъ по дѣламъ печати совершенно соотвѣтствующимъ духу либеральнаго правительства. Но академики Озерецковскій и Фуссъ, на коихъ было возложено окончательное разсмотрѣніе вопросовъ о печати, предпочли учрежденіе цензурныхъ комитетовъ, которое, по ихъ мнѣнію, надежнѣе обезпечивало отъ злоупотребленій, предупреждая вредъ, а не наказывая уже совершенное преступленіе. Составленный ими проектъ послужилъ главнымъ основаніемъ нашему первому цензурному уставу ([71]).

Главныя постановленія, въ немъ заключавшіяся, состояли въ слѣдующемъ: 1) Цензурный Комитетъ, при разсмотрѣніи сочиненій, долженствовалъ наблюдать, чтобы въ нихъ не было ничего противнаго Закону Божію, правительству, нравственности и личной чести кого-либо изъ граждань. Цензоръ, одобрившій сочиненіе, противное сему предписанію, подвергался отвѣтственности, какъ нарушитель закона

(Ст. 15-я). 2) Если цензоръ найдетъ въ рукописи нѣкоторыя мѣста подлежащими запрещенію, то не дѣлаетъ самъ никакихъ поправокъ, а отмѣтивъ такія мѣста, отсылаетъ рукопись къ издателю, чтобы онъ самъ измѣнилъ, либо исключилъ ихъ, и по исправленіи рукописи, одобряетъ ее къ напечатанію. Ежели въ цензуру будетъ прислана рукопись, оскорбляющая личную честь гражданина, благопристойность и нравственность, то Цензурный Комитетъ, отказавъ въ напечатаніи таковаго сочиненія, оставляетъ его у себя. Если же кто въ цензуру доставитъ рукопись, отвергающую бытіе Божіе, враждебную верховной власти, либо противную законамъ и общественному спокойствію, то Комитетъ немедленно доноситъ о томъ правительству, для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ (Статьи 16-я, 18-я и 19-я). 3) Впрочемъ, Цензурный Комитетъ, при разсмотрѣніи рукописей, руководствуется благоразумнымъ снисхожденіемъ, избѣгая всякаго пристрастнаго толкованія сочиненій или мѣстъ въ нихъ, которыя, по какимъ-либо мнимымъ причинамъ, окажутся подлежащими запрещенію. Когда мѣсто, подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, то лучше истолковать его выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать. Скромное и благоразумное обсужденіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, законовъ, управленія государственнаго, или какой-бы то ни было отрасли его, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою печатанія, способствующею успѣхамъ просвѣщенія (Статьи 21-я и 22-я). 4) Цензура не должна задерживать рукописей, присылаемыхъ на разсмотрѣніе, и въ особенности журналовъ и другихъ періодическихъ изданій, долженствующихъ выходить

въ срочное время (Ст. 23-я). Книги, выписываемыя книгопродавцами изъ-за границы, не разсматриваются цензурою, но каждый цензурный комитетъ, въ округѣ, университету подвѣдомственномъ, обязываетъ торгующихъ иностранными книгами, чтобы они не продавали книгъ и эстамповъ, противныхъ постановленіямъ въ семъ Уставѣ заключающихся. Тогда же, по докладѣ министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣно: до открытія въ С. Петербургѣ университета, учредить въ сей столицѣ цензурный комитетъ (72).

Приведенныя нами главныя статьи Цензурнаго Устава ясно высказываютъ его направленіе, нисколько невраждебное успѣхамъ науки и литературы. По свидѣтельству современныхъ иностранныхъ писателей, тогдашніе цензурные комитеты, дѣйствуя не въ буквальномъ смыслѣ Устава о цензурѣ, а въ снисходительномъ и просвѣщенномъ духѣ правительства, не возбуждали противъ себя ни малѣйшаго неудовольствія, и только лишь подчиненіе почтамтской цензурѣ заграничныхъ газетъ (73) подавало поводъ къ жалобамъ на вздорожаніе ихъ отъ выписки по почтѣ. Но въ продолженіи всей лѣтней навигаціи, періодическія изданія получались въ Петербургѣ мимо почтоваго управленія безъ цензуры, и къ тому-же это вѣдомство, при разсмотрѣніи иностранныхъ газетъ, нерѣдко пропускало даже такія статьи, которыя были ему враждебны, либо въ коихъ подвергались разбору важнѣйшія мѣры нашего правительства (74).

Ученые и литераторы постоянно пользовались покровительствомъ и милостями Императора Александра; ни одинъ изъ замѣчательныхъ трудовъ ихъ

не оставался безъ поощренія. Еще въ юности, до вступленія на престолъ, Александръ Павловичъ оказывалъ вниманіе къ ученымъ сочиненіямъ па отечественномъ языкѣ: въ числѣ многихъ примѣровъ тому, была награда, полученная академикомъ Гурьевымъ, за переводъ съ собственными объяснительными замѣчаніями дифференціальнаго и интегральнаго сочиненія Кузена. Великій Князь, назначивъ производить ему пенсію въ 500 рублей, удостоилъ его весьма лестнымъ рескриптомъ.

Въ послѣдствіи, во все продолженіе своего царствованія, Императоръ Александръ являлся покровителемъ наукъ и ученыхъ. Профессоръ московскаго университета, Страховъ, получилъ на изданіе переведеннаго имъ сочиненія Бартелеми „Путешествія младшаго Анахарсиса" 6,000 рублей, а дѣйствительный статскій совѣтникъ Политковскій — на изданіе перевода сочиненія Смита: „О богатствѣ народовъ" (Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations) 5,000 рублей. Коллежскому ассесору Пфейферу отпущено на изданіе нѣмецкой коммерческой газеты 1,000 рублей. Въ продолженіи одного года (1802), выдано изъ Кабинета Его Величества, на изданіе сочиненій и переводовъ, 160,000 рублей. Директоръ Заемнаго Банка, Поспѣловъ, за переводъ на русскій языкъ Тацитовой исторіи, былъ награжденъ обращеніемъ въ пенсію получаемаго имъ содержанія, въ 2,000 рублей. Знаменитый Карамзинъ, вмѣстѣ съ званіемъ „Исторіографа Имперіи", получилъ такую-же пенсію ([75]).

Правительство, употребляя всевозможныя средства для собранія полезныхъ свѣдѣній, отправляло въ чужіе края путешественниковъ, которымъ, большею частью, давались особыя порученія по различнымъ отраслямъ землевѣдѣнія и промышленности.

Въ началѣ царствованія Александра I совершено русскими моряками первое кругосвѣтное плаваніе. Поводомъ къ тому было чрезвычайное затрудненіе снабжать необходимѣйшими потребностями колоніи россійско-американской компаніи. Доставка туда хлѣба, вина и проч. производилась сухимъ путемъ, чрезъ Якутскъ и Охотскъ, и по значительному отдаленію сихъ пунктовъ сопряжена была съ необъятнымъ возвышеніемъ цѣны перевозимыхъ запасовъ. Такимъ образомъ въ Охотскѣ нельзя было купить пудъ муки дешевле пяти рублей, ведро горячаго вина доходило до 25-ти, а иногда даже до 50-ти рублей и т. д. Неменѣе затруднительно и ненадежно было сообщеніе Охотска съ россійско-американскими колоніями. И потому компанія, для избѣжанія сухопутной доставки чрезъ Охотскъ, рѣшилась, по плану, составленному капитанъ-лейтенантомъ Крузенштерномъ и одобренному министромъ морскихъ силъ, адмираломъ Мордвиновымъ, и министромъ коммерціи, графомъ Румянцовымъ, открыть сообщеніе съ своими колоніями морскимъ путемъ. Предполагалось отправить нужные запасы и вещи въ колоніи моремъ изъ Кронштадта, съ тѣмъ, чтобы, на обратномъ пути, вымѣнять часть мѣховъ въ Кантонѣ на китайскіе товары, которые могли быть проданы съ большою выгодою въ Россіи. Съ этою цѣлью были куплены въ Лондонѣ два корабля, стоившіе компаніи, вмѣстѣ съ мѣдною обшивкою и исправленіемъ ихъ, около 22,000 фунтовъ стерлинговъ (до 150,000 рублей серебр.), и одинъ изъ нихъ названъ „Надежда", а другой, „Нева". Командирами ихъ были назначены капитанъ-лейтенанты Крузенштернъ и Лисянскій ([76]). Правительство содѣйствовало этому предпріятію,

выдавъ компаніи заимообразно 250,000 рублей, на восемь лѣтъ, по пяти процентовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, положено отправить чрезвычайное посольство въ Японію, для открытія торговыхъ сношеній съ сею богатою страною. Посланникомъ назначили дѣйствительнаго статскаго совѣтника Резанова, въ званіи камергера Двора Его Величества. Кромѣ богатыхъ подарковъ для наиболѣе вліятельныхъ лицъ Японіи, онъ взялъ съ собою нѣсколько японцевъ, кои, потерпѣвъ кораблекрушеніе въ 1793 году близь Андреяновскихъ острововъ, находились въ Иркутскѣ. Какъ возвращеніе въ Россію корабля „Надежда", на которомъ находился Резановъ, могло замедлиться его посольствомъ, то всѣ издержки, въ продолженіи плаванія этого корабля, были приняты на счетъ правительства. Императоръ Александръ, желая воспользоваться благопріятнымъ случаемъ на пользу науки, приказалъ пригласить къ участію въ путешествіи многихъ ученыхъ, на весьма выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Въ числѣ ихъ были Тилезіусъ (Tilesius) изъ Лейпцига и Хорнеръ (Horner) изъ Гамбурга: первый отправился въ качествѣ естествоиспытателя, а второй — астронома. Профессоръ гёттингенскаго университета, Лангсдорфъ, прибывъ въ Копенгагенъ, также предложилъ экспедиціи свои услуги по части естественныхъ наукъ. Русскіе корабли, отплывъ съ кронштадтскаго рейда, 26 іюля ст. ст. 1803 года, достигли Фальмута, 15 сентября, оставались тамъ до 23-го, прибыли къ острову Тенерифу 8 октября и къ берегамъ Бразиліи 9 декабря. Тамъ оказалось, что мачты на „Невѣ" были очень плохи, и потому, для изготовленія новыхъ, Крузенштернъ оставался въ Бразиліи болѣе сорока дней. Снявшись съ якоря, 23 января 1804 года, корабли направились къ югу, обогнули мысъ

Горнъ, 20 февраля, и вошли въ Южный океанъ, но будучи тамъ встрѣчены бурными вѣтрами при пасмурной погодѣ, отдѣлились одинъ отъ другаго. 25 апрѣля, корабль „Надежда" достигъ острова Нукагивы, куда, спустя три дня, прибылъ также и другой корабль. 6 мая, русскія суда отплыли въ дальнѣйшій путь и, по достиженіи Оваиги, 26 мая, снова разлучились: Лисянскій съ „Невою" остался у Сандвичевыхъ острововъ, а Крузенштернъ продолжалъ плаваніе къ берегамъ Камчатки и сталъ на якорь въ Петропавловской гавани, 3 іюля. Прибытіе его имѣло благопріятныя послѣдствія для жителей всего полуострова: кизлярская водка упала въ цѣнѣ съ 20-ти на 6 рублей за штофъ: фунтъ сахару, прежде стоившій 7 рублей, продавался по полтора рубля, и т. д.

25 августа, Крузенштернъ и Резановъ, на кораблѣ „Надежда", отправились въ Японію, между тѣмъ какъ Лисянскій отплылъ отъ Сандвичевыхъ острововъ къ сѣверо-западному берегу Америки, на островъ Кадьякъ. Капитанъ Крузенштернъ вытерпѣлъ три жестокихъ шторма и, 26 сентября, прибылъ въ Нангасаки, гдѣ оставался до 6 апрѣля 1805 года, занимаясь опредѣленіемъ географическаго положенія города и метеорологическими наблюденіями. Что-же касается до посольства въ Японію, то оно не имѣло успѣха. Японцы встрѣтили Русскихъ недовѣрчиво и отказали посланнику въ необходимѣйшихъ удобствахъ жизни. Проходили дни за днями въ ожиданіи коммисаровъ отъ японскаго правительства, и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что Японцы не приняли подарковъ, присланныхъ изъ Петербурга, и отказались вести дальнѣйшіе переговоры. Капитанъ Крузенштернъ, оставя негостепріимные берега Японіи, поплылъ Японскимъ моремъ, опре-

дѣлилъ на пути многіе пункты и, 24 мая, возвратился въ Петропавловскій портъ, откуда, 23 іюня, опять вышелъ съ своимъ кораблемъ въ море, для окончанія описи береговъ острова Сахалина, а 18 августа, снова прибылъ въ Петропавловскъ. Здѣсь исправленіе корабля задержало Крузенштерна до 23 сентября. На пути къ китайскимъ берегамъ, онъ выдержалъ нѣсколько штормовъ и 8 ноября пришелъ въ Макао; а 21 числа того-же мѣсяца, когда корабль „Надежда“ уже изготовился къ выходу въ море, прибылъ къ нему корабль „Нева“ съ богатымъ грузомъ пушныхъ товаровъ.

Капитанъ Лисянскій, по достиженіи Кадьяка, въ началѣ сентября 1804 года, покушался овладѣть островомъ Ситхою, и хотя былъ отбитъ дикими Колошами, однакоже усмирилъ ихъ и заложилъ на островѣ укрѣпленный портъ „Новоархангельскъ.“ Въ августѣ 1805 года, онъ вышелъ оттуда съ богатымъ грузомъ пушныхъ товаровъ въ Китай и прибылъ въ Макао, гдѣ нашелъ Крузенштерна съ кораблемъ „Надежда.“ Часть мѣховъ, привезенныхъ Лисянскимъ, была выгодно продана Китайцамъ.

28-го генваря 1806 года, русскія суда отплыли отъ китайскихъ береговъ, а 3-го апрѣля, во время густаго тумана, разлучились. Лисянскій, обогнувъ мысъ Доброй-Надежды, рѣшился, незаходя на островъ Св. Елены, продолжать путь въ Англію, пришелъ туда 4-го іюля, пробывъ въ морѣ подъ парусами сряду 168 дней, и возвратился въ Кронштадтъ 12-го іюля. Крузенштернъ, достигнувъ 22-го апрѣля острова Св. Елены, узналъ тамъ о разрывѣ Россіи съ Франціей, и потому, для избѣжанія встрѣчи съ французскими крейсерами, пошелъ кругомъ Шотландіи, прибылъ къ Копенга-

гену 21-го іюля и возвратился въ Кронштадтъ 7-го августа. Такимъ образомъ первое кругосвѣтное плаваніе русскихъ моряковъ продолжалось три года. Во все это время не умеръ ни одинъ человѣкъ изъ экипажей обоихъ кораблей, да и больныхъ было очень мало. Экспедиція Крузенштерна, обогатившая науку многими открытіями и изслѣдованіями мало извѣстныхъ странъ, описана въ сочиненіи: „Путешествіе вокругъ свѣта въ 1803, 1804, 1805 и 1806 годахъ, на корабляхъ Надежда и Нева, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Крузенштерна. С.-Петербургъ. 1809 года.“ Оно переведено и издано на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, голландскомъ, шведскомъ, датскомъ и италіянскомъ языкахъ. — Императоръ Александръ I щедро наградилъ всѣхъ участвовавшихъ въ экспедиціи. Всѣ офицеры были произведены въ слѣдующіе чины; сверхъ того, командиры судовъ получили орденъ Св. Владиміра 3-й степени и по 3,000 рублей пенсіи *); лейтенантамъ пожаловано по 1,000, а мичманамъ — по 800 рублей пенсіи. Иностранные ученые награждены пенсіями въ 300 червонныхъ. Нижніе чины выпущены въ отставку съ пенсіей отъ 50-ти до 75-ти рублей (77).

Посольство, отправленное въ Китай, въ концѣ 1805 года, не имѣло успѣха. Русскій посланникъ графъ Головкинъ, по прибытіи въ Ургу, былъ встрѣченъ тамошними областными начальниками съ предложеніями несовмѣстными съ достоинствомъ представителя великой державы, что̀ заставило его возвратиться въ Иркутскъ. Тѣмъ не менѣе однакоже

*) Кромѣ того, капитанъ Лисянскій получилъ отъ Россійско-Американской Компаніи единовременно 10,000 рублей. Экипажъ поднесъ ему золотую шпагу съ надписью; «благодарность команды корабля Нева».

состоявшіе при посольствѣ ученые не оставались праздными. Адъюнктъ Редовскій совершилъ поѣздку въ Охотскъ, для изслѣдованія страны, лежащей между Леною, Байкаломъ и Охотскимъ заливомъ. Адъюнктъ Клапротъ изучилъ Китай по туземнымъ источникамъ. Академикъ Шубертъ опредѣлилъ географическое положеніе многихъ пунктовъ. Такимъ образомъ и это посольство послужило въ пользу науки ([78]).

Въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ царствованія Александра, ограждены были отъ произвола произведенія науки и литературы Цензурнымъ Уставомъ, составлено Положеніе объ устройствѣ учебныхъ заведеній на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи, преобразованы три и учреждены вновь два университета, основаны три высшихъ училища, 26 гимназій и 80 уѣздныхъ училищъ. Науки и художества были щедро ободряемы. Предприняты путешествія, обогатившія науку многими свѣдѣніями. Наконецъ — что̀ всего важнѣе — проявилась въ русскомъ народѣ жажда къ образованію — залогъ будущихъ успѣховъ: богатые приносили обильныя жертвы; прочіе возлагали съ усердіемъ лепту свою на алтарь народнаго просвѣщенія.

ГЛАВА V.

Преобразованія по военной части.

(1801—1805 г.)

При восшествіи на престолъ Императора Александра I, военно-сухопутныя силы Россіи состояли изъ слѣдующихъ войскъ.

Гвардія. Пѣхота: три полка и два баталіона; *кавалерія:* четыре полка; *артиллеріи* одинъ баталіонъ (1).

Армія. Пѣхота: 13 гренадерскихъ, 69 мушкетерскихъ и 19 егерскихъ полковъ; балаклавскій греческій баталіонъ; *кавалерія:* 13 кирасирскихъ, 11 драгунскихъ, 8 гусарскихъ, 2 конныхъ и 3 регулярныхъ казачьихъ полка; *артиллерія:* 7 пѣшихъ полковъ и одинъ конный; піонерный полкъ; 8 понтонныхъ депо (2).

Иррегулярныя казачьи войска: Донское, Черноморское, Оренбургское, Сибирское, Уральское и Астраханское. *Поселенные кавказскіе казаки:* Гребенскіе, Терскіе, Семейные, Хоперскіе, Волжскіе, Кизлярскіе и Моздокскіе; Ставропольскіе крещеные Калмыки.

Гарнизоны, осадныя депо инженернаго корпуса и крѣпостныя инженерныя команды (3).

Военно-учебныя заведенія: кадетскіе корпуса и военно-сиротскія отдѣленія ([4]).

Горно-заводскіе баталіоны и роты ([5]).

Число всѣхъ регулярныхъ войскъ простиралось до 270,000, а иррегулярныхъ до 70,000 человѣкъ ([6]).

Въ продолженіи времени отъ восшествія на престолъ Александра I до начала войны противъ Французовъ въ 1805-мъ году, послѣдовали многія преобразованія по военной части.

Полки, носившіе въ царствованіе Императора Павла I имена своихъ шефовъ, получили прежнія названія ([7]) *).

Сформированы вновь полки: 15 мушкетерскихъ, 4 егерскихъ, 6 драгунскихъ и 2 гусарскихъ; артиллерійскихъ баталіоновъ 5 пѣшихъ и одинъ конный, и потомъ два полка ([8]). Раздѣлены четыре десяти-эскадронныхъ полка на пяти-эскадронные ([9]).

Переименованы семь кирасирскихъ полковъ въ драгунскіе и одинъ гусарскій полкъ въ уланскій ([10]). Соединены восмнадцать артиллерійскихъ баталіоновъ въ девять артиллерійскихъ полковъ ([11]). Изъ понтонныхъ депо сформированъ артиллерійскій понтонный полкъ, въ составѣ двухъ 4-хъ ротныхъ баталіоновъ ([12]). Гвардейскимъ полкамъ повелѣно состоять: Преображенскому — изъ 4-хъ, а Семеновскому и Измайловскому — изъ 3-хъ гренадерскихъ четырехъ-ротныхъ баталіоновъ; всѣмъ-же полкамъ армейской пѣхоты изъ 3-хъ четырехъ-ротныхъ баталіоновъ: лейбъ-гренадерскому — изъ 3-хъ гренадерскихъ, гренадерскимъ — изъ одного гренадерскаго и двухъ фузелерныхъ, мушкетерскимъ — изъ

*) Слѣдующіе полки названы: бывшій князя Щербатова — Тенгинскимъ, Рупича — Навагинскимъ, Несвѣтаева — Саратовскимъ, Кашкина — Олонецкимъ, Миллера 1-го — Колыванскимъ, Аникеева — Полтавскимъ, Баклановскаго — Украинскимъ и Ушакова 1-го — Литовскимъ.

одного гренадерскаго и двухъ мушкетерскихъ, егерскимъ — изъ трехъ егерскихъ. Полкамъ гвардейской кавалеріи положено находиться въ пяти-эскадронномъ составѣ, полкамъ кирасирскимъ и драгунскимъ также изъ 5-ти, а полкамъ легкой кавалеріи — изъ 10-ти эскадроновъ ([13]). При полкахъ Л. Гв. Конномъ и Кавалергардскомъ и армейскихъ кирасирскихъ и драгунскихъ, для комплектованія ихъ учреждено по одному запасному полуэскадрону, а при полкахъ легкой армейской кавалеріи — по одному запасному эскадрону ([14]). Л. Гв. Артиллерійскому баталіону повелѣно состоять изъ двухъ батарейныхъ, двухъ легкой и одной конной ротъ, а всѣмъ прочимъ артиллерійскимъ баталіонамъ — каждому изъ двухъ батарейныхъ и двухъ легкихъ ротъ. Піонерный полкъ раздѣленъ на два полка, двухъ-баталіоннаго состава ([15]).

За тѣмъ, предъ открытіемъ войны 1805 года противъ Французовъ, гвардія и линейныя войска находились въ слѣдующемъ составѣ:

Пѣхота.

Гвардіи три полка и два баталіона (Лейбъ-Егерскій и Гарнизонный), всего	12 бат.
13 гренадерскихъ полковъ	39 „
84 мушкетерскихъ полка и балаклавскій баталіонъ	253 „
23 егерскихъ полка	69 „
Всего . . .	373 бат.

Кавалерія.

4 гвардейскихъ полка	20 эск.
6 кирасирскихъ полковъ	30 „
27 драгунскихъ „	135 „
1 уланскій полкъ	10 „

3 конныхъ полка	20 эск.
9 гусарскихъ полковъ	90 „
Всего . . .	305 эск.

Кромѣ того три регулярныхъ казачьихъ полка.

Артиллерія.

Гвардейской артиллеріи баталіонъ и конная рота (Л. Гв. конная артиллерія), всего . . . 5 ротъ
11 артиллерійскихъ полковъ . . . . . 88 „
2 конно-артиллерійскихъ баталіона . . 8 „
Артиллерійскій понтонный паркъ . . 8 „
Всего 101 артиллерійская и 8 понтонныхъ ротъ.
Два піонерныхъ полка.

Число гвардейскихъ и линейныхъ войскъ, по штатамъ 1803 года, полагалось (не считая офицеровъ):

въ гвардіи . . . . . 12,620 челов.
въ арміи . . . . . . 326,380 „.

Вообще-же около 340,000 человѣкъ [16].

Содержаніе войскъ было увеличено. Полковникамъ положено ежегодно жалованья, смотря по роду войскъ, отъ 1,040 до 1,250 рублей; подполковникамъ отъ 690 до 970-ти; маіорамъ отъ 530 до 620-ти; капитанамъ, штабсъ-капитанамъ, ротмистрамъ и штабсъ-ротмистрамъ отъ 400 до 495-ти; поручикамъ отъ 285-ти до 395-ти; подпоручикамъ, корнетамъ и прапорщикамъ отъ 236-ти до 325-ти; нижнимъ чинамъ: унтеръ-офицерамъ отъ 14-ти до 24-хъ, а рядовымъ — отъ 9 рублей 50 копѣекъ до 12-ти рублей, и сверхъ того на обмундированіе отъ 11 рублей 63 коп. до 15 р. 18½ к. и на конскую сбрую въ кавалеріи отъ 8 р. 10½ к. до 16 руб. 94⅓ коп. Вообще-же ежегодное содержаніе полка,

несчитая провіанта и фуража, (расходъ на которые зависѣлъ отъ справочныхъ цѣнъ), простиралось [17]:

кирасирскаго до	150,000	руб.
драгунскаго	124,000	„
гусарскаго	202,000	„
уланскаго	205,000	„
гренадерскаго	133,000	„
мушкетерскаго	131,000	„
егерскаго	80,000	„

Въ продолженіи первыхъ четырехъ лѣтъ царствованія Александра I, произведено было три рекрутскихъ набора, изъ коихъ первые два съ 500 душъ по два человѣка и третій по одному человѣку [18]. О числѣ всѣхъ набранныхъ рекрутъ можно судить потому, что наборъ по два рекрута съ 500 душъ, въ концѣ 1803 года, доставилъ 62,153 человѣка: слѣдовательно въ три набора вообще набрано около 155,000 человѣкъ. Число-же мужескихъ душъ народонаселенія подлежавшаго рекрутской повинности тогда простиралось до 15,538,000 [18].

Императоръ Александръ I, желая по возможности уменьшить издержки на продовольствованіе арміи, утвердилъ правила на открытіе въ губерніяхъ справочныхъ цѣнъ и на снабженіе войскъ провіантомъ и фуражемъ [20]. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣдовало запрещеніе полковымъ и баталіоннымъ командирамъ входить въ подряды для снабженія провіантомъ и фуражемъ ввѣренныхъ имъ частей войскъ [21].

Касательно пріема рекрутъ, повелѣно обращать болѣе вниманіе на здоровое и крѣпкое сложеніе, нежели на ростъ принимаемыхъ людей [22]. Запрещено помѣщикамъ продавать взаимно одинъ другому рекрутскія квитанціи, при чемъ однакоже было разрѣшено вносить ихъ въ казну по опредѣленной цѣнѣ,

именно по 360-ти рублей. Тогда-же приняты мѣры для искорененія подложныхъ увѣчій, съ цѣлью уклоненія отъ рекрутской повинности ([23]). Для точнѣйшаго опредѣленія правилъ пріема рекрутъ и обхожденія съ ними, на маршѣ къ полкамъ и другимъ частямъ войскъ, издано наставленіе командируемымъ съ сею цѣлью штабъ и оберъ-офицерамъ ([24]), и, въ ожиданіи составленія сенатомъ новаго рекрутскаго устава, начертаны правила для Коммиссіи, которой было поручено составленіе соображенія о рекрутской повинности въ губерніяхъ: московской, петербургской, новгородской, псковской и тверской ([25]).

На счетъ тактическаго образованія войскъ, послѣдовало Высочайше повелѣніе — обучать нижнихъ чиновъ стрѣльбѣ въ цѣль ([26]). Императоръ Александръ I, заботясь о содержаніи въ должномъ порядкѣ и о надлежащемъ обученіи войскъ, нерѣдко велъ переписку по этимъ предметамъ самъ съ начальниками инспекцій ([27]).

Порядокъ полевыхъ карауловъ и лагерныхъ разводовъ былъ опредѣленъ установленіемъ о лагерной службѣ ([28]). Утверждены правила инспекторскихъ смотровъ ([29]). Для осмотра войскъ посылались лично извѣстные Государю, удостоенные его довѣріемъ, генералы, и въ числѣ ихъ назначенный въ 1803 году инспекторомъ всей артиллеріи, графъ Аракчеевъ. Сохранившіяся въ дѣлахъ донесенія Аракчеева могутъ отчасти послужить къ познанію характера и способностей этого замѣчательнаго, еще по сю пору несовсѣмъ разгаданнаго человѣка, который, не ограничиваясь осмотромъ артиллеріи и относящихся къ ней заведеній, доводилъ до свѣдѣнія Государя о всемъ замѣченномъ имъ и по другимъ частямъ. Въ 1804-мъ году, обозрѣвъ Брянскій арсеналъ, (устроенный въ 1783 году и неинспектированный

съ 1785 года никакимъ артиллерійскимъ начальникомъ), графъ Аракчеевъ донесъ, что „люди были обмундированы хорошо, получали все слѣдуемое имъ сполна и никакихъ жалобъ необъявили; лазаретъ содержался въ исправности, но лекарь лѣнивъ и очень мало свѣдущъ. Мастеровые свое дѣло довольно знаютъ. Лафеты и зарядные ящики, сдѣланные со времени моего командованія, писалъ Аракчеевъ, оказались хороши и акуратны; образецъ новой оковки, одобренный Вашимъ Величествомъ, мною здѣсь показанъ. По сдѣланному мною предварительно распоряженію, вылито, въ присутствіи моемъ, нѣсколько орудій, но акуратной отдѣлкѣ ихъ препятствуетъ употребленіе старинной вертикальной сверлильной машины, и потому я вошелъ съ представленіемъ Вашему Величеству, чрезъ министра военныхъ силъ, какъ о новой горизонтальной сверлильной машинѣ, такъ и о другихъ предметахъ. Казенныя строенія, принадлежащія къ арсеналу, содержатся очень хорошо и не требуютъ почти никакихъ поправокъ. Казенныя лошади очень хороши.“ За тѣмъ, Аракчеевъ ходатайствовалъ о наградѣ начальника и служащихъ при арсеналѣ. Далѣе — онъ донесъ, что найдя въ городѣ собранныхъ съ уѣзда 84-хъ рекрутъ, которые оставались тамъ уже восьмой мѣсяцъ и „вѣроятно были забыты Военною Коллегіей“ — онъ представилъ военному министру о назначеніи ихъ на укомплектованіе артиллеріи. — Въ заключеніи графъ Аракчеевъ писалъ о встрѣченномъ имъ въ Брянскѣ Борисоглѣбскаго драгунскаго полка прапорщикѣ Путвинскомъ, который будучи выпущенъ изъ Гродненскаго кадетскаго корпуса, отправился въ полкъ расположенный на кавказской линіи, былъ опрокинутъ на пути, съ переломомъ лѣвой руки, и сдѣлался неспособнымъ

къ службѣ въ кавалеріи, по чему Аракчеевъ, ходатайствуя о переводѣ его въ пѣхоту, донесъ Государю, что, видя безпомощное состояніе этого офицера — „осмѣлился, Именемъ Вашего Величества, оставить ему изъ находящихся у меня вашихъ дорожныхъ денегъ.“ Кромѣ того, графъ Аракчеевъ писалъ, что „во время его проѣзда чрезъ городъ Рославль, гдѣ расположенъ Курскій пѣхотный полкъ, везли его, за неимѣніемъ другихъ лошадей, на полковыхъ подъемныхъ цѣлую станцію, и кажется, что ими правили полковые фурлейты въ ямскихъ кафтанахъ, и, повидимому, это у нихъ въ обыкновеніи“ (30).

Осмотрѣвъ Шостенскій пороховой заводъ, графъ Аракчеевъ „нашелъ его лучше еще, нежели себѣ представлялъ.“ — „Заводскія строенія, сооруженныя вновь съ 1799 года и стоющія казнѣ около полутораста тысячъ рублей, въ довольно хорошемъ положеніи, исключая самыхъ пороховыхъ фабрикъ, которыя совершенно ветхи и требуютъ неотлагательной перестройки, о чемъ въ будущемъ году сдѣлаю распоряженія. Бѣгуны, служащіе для стиранія пороховаго состава, каменные, отъ чего случаются частые взрывы.“ — „Еще въ 1799 году — пишетъ Аракчеевъ — предполагалъ я замѣнить ихъ чугунными, но и по сіе время это не исполнено. — Лазаретъ содержится хорошо, но я нашелъ въ немъ двухъ человѣкъ съ отмороженными ногами, въ 1802 году, на казенной работѣ. — Люди обмундированы сполна, получаютъ все положенное имъ закономъ и благословляютъ имя Вашего Императорскаго Величества, за положенную имъ десяти-копѣечную ежедневную порцію, которой они очень достойны по ежедневной тяжелой и опасной работѣ, да и мѣсто, занимаемое заводомъ, окруженное со всѣхъ сторонъ болотами, чрезвычайно дурно и нездорово. Изъ всего

мною найденнаго при осмотрѣ завода я заключилъ, что если начальникъ его будетъ ограниченъ, какъ я и надѣюсь сдѣлать, то долженъ имѣть какое-либо особое вознагражденіе отъ Вашего Императорскаго Величества, по совершенно уединенному и скучному мѣсту завода. — Пороха стараго нашелъ я на заводѣ только около пяти тысячъ пудъ, да и тотъ не хорошъ; новой-же работы нынѣшняго года, гораздо лучше, но все еще не такой, какой долженъ быть, на что надобно нѣсколько времени. Люди принесли мнѣ двѣ жалобы: первую, что, будучи въ 1802 году на постройкѣ при заводѣ плотины, не получили за то никакой платы, и вторую, что имѣющимъ дѣтей не даютъ провіанта полагаемаго всѣмъ солдатскимъ дѣтямъ. Первую предоставляю Вашему милосердному разрѣшенію, а о второй отнесся чрезъ военнаго министра...

„Осмѣлился бы просить у Вашего Императорскаго Величества симъ бѣднымъ людямъ (рабочимъ) по рублю, ежелибы не боялся онымъ наскучить; число-же ихъ 520 человѣкъ...“ (31).

Въ Кіевѣ, гдѣ графъ Аракчеевъ оставался для осмотра всѣхъ артиллерійскихъ частей и строеній 12 дней, онъ былъ недоволенъ тактическимъ образованіемъ 5-го артиллерійскаго полка и самъ занимался обученіемъ одной изъ ротъ три дня сряду. Прибывшій туда къ нему изъ Херсона шефъ 6-го артиллерійскаго полка, генералъ-маіоръ Сиверсъ, донесъ ему, что „между многими безпорядками, найденными имъ, при пріемѣ полка отъ генералъ-маіора Медема, оказался артиллерійскій лазаретъ въ такомъ дурномъ положеніи, что всѣ больные были одѣты, какъ исторія намъ сказываетъ объ одѣяніи Адама въ раю, то есть голые; но нынѣ уже увѣряю Ваше Величество, что оное исправлено“ (32).

Въ донесеніи военному министру графа Аракчеева „о заготовленіи и содержаніи пороха и о денежной суммѣ на то потребной“, сперва излагается ходъ этого дѣла. Въ послѣднюю шведскую войну, 1788—1790 годовъ, правительство отпустило въ артиллерійское вѣдомство на сей предметъ до двухъ милліоновъ рублей, но Артиллерійскій Департаментъ не нашелъ у русскихъ селитряныхъ заводчиковъ достаточнаго количества селитры, и потому недостающее ея количество было куплено за границею. Для ускоренія выдѣлки пороха, работали на заводахъ осенью безпрерывно, не только днемъ, но и ночью, съ нарочно сдѣланными къ тому „водяными“ фонарями, что̀, однакоже, не спасло отъ нѣсколькихъ взрывовъ и стоило жизни многимъ рабочимъ, да и порохъ былъ слабъ и недовольно проченъ. Въ 1798 году, былъ посланъ артиллерійскій генералъ съ искуснымъ селитроваромъ въ Сибирь, для учрежденія там заводовъ, но это предпріятіе не имѣло никакого успѣха. Самъ-же графъ Аракчеевъ, еще до вступленія въ званіе Инспектора всей артиллеріи, при Императорѣ Павлѣ, объѣхалъ въ 1797 и 1798 годахъ, часть возвращенныхъ отъ Польши областей и убѣдился въ существованіи тамъ селитряныхъ заводовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ открылись обстоятельства, затруднявшія заготовленіе селитры для артиллеріи, именно: во 1-хъ, вывозъ ея за границу, и во 2-хъ, недостатокъ въ деньгахъ и злоупотребленія при покупкѣ ея въ казну. Эти препятствія были устранены, но, чтобы не возвысить цѣны селитры и дать заводчикамъ способы увеличить ея производство, имъ, по представленію графа Аракчеева, были выданы вспоможенія, подъ вѣрные залоги.

Изъ краткой записки, приложенной къ сему рапорту, видно:

Во 1-хъ, что предъ войною 1805 года состояло пороху на лицо 317,970 пудъ.

Во 2-хъ, что въ мирное время ежегодно требовалось тогда слѣдующее количество пороху:

На обученіе артиллеріи	10,153 пуд.
Для прочихъ войскъ	24,000 „
Для пробы орудій	1,000 „
На продажу	10,000 „
Всего же	45,153 пуд.

На это количество требовалось литрованной селитры	33,865 „
Покупалось ежегодно въ казну литрованной селитры	51,000 „
Оставалось ежегодно селитры . . .	17,135 „

Заготовленіе и перевозка пороха, нужнаго въ мирное время, ежегодно стоили казнѣ до 600,000 рублей.

Въ 3-хъ, въ военное время, назначая къ дѣйствію двѣ трети всѣхъ войскъ, состоящихъ на лицо, именно 72 полка пѣхотныхъ, 28 кавалерійскихъ, 738 орудій и 26 иррегулярныхъ полковъ, нужно было, по мнѣнію графа Аракчеева, ежегодно 35,740 пуд.

Для балтійскаго и черноморскаго флотовъ, по примѣру послѣднихъ войнъ, шведской и турецкой	45,000 „
Всего же ежегодно	80,740 пуд.

Какъ въ случаѣ войны должны были остаться въ сбереженіи двѣ трети пороха, назначеннаго для обученія войскъ въ мирное время, т. е. 22,153 пуда, то потребуется въ военное время всего ежегодно	58,587 „

Состояло селитры въ запасѣ . . .	150,631	пуд.
Изъ этого запаса селитры можно было сдѣлать пороха	200,841	„
Къ запасу селитры нужно было имѣть сѣры 20,084 пудъ и угля 30,126 пуд., всего же на сумму	121,508	руб.
Да на содержаніе заводовъ и лошадей	502,102	„
Всего же на приготовленіе 200,841 пуда запаснаго пороха (не считая селитры) нужно было	623,610	руб.
А вмѣстѣ съ селитрою	2,356,000	„

Этого пороха, состоявшаго въ матеріалахъ, по разсчету графа Аракчеева, должно было стать на три года войны ([33]).

Въ 1802 году, Высочайше утвержденъ докладъ Военной Коллегіи, о правилахъ увольненія отъ службы дворянъ и вольноопредѣляющихся. По сему предмету повелѣно:

Дворянъ, не дослужившихся до перваго офицерскаго чина, увольнять не прежде, какъ по нахожденіи ихъ на службѣ 12-ти лѣтъ, либо когда они, за болѣзнію, по медицинскому свидѣтельству, продолжать службу не могутъ. При отставкѣ тѣхъ и другихъ, если они служили безпорочно и находились въ унтеръ-офицерскихъ строевыхъ чинахъ не менѣе трехъ лѣтъ, награждать чиномъ 14-го класса. Тяжело раненыхъ на войнѣ увольнять оберъ-офицерскими чинами, хотябы они находились на службѣ менѣе 12-ти лѣтъ и въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ менѣе 3-хъ лѣтъ; тѣхъ-же, кои, прослуживъ безпорочно 12 лѣтъ, и въ томъ числѣ унтеръ-офицерами три года, будутъ просить не объ отставкѣ,

а объ опредѣленіи къ статскимъ дѣламъ, награждать чиномъ 14-го класса.

Оберъ-офицерскимъ сыновьямъ, коихъ отцы имѣли право быть внесенными во 2-ю часть родословной дворянской книги, предоставить при отставкѣ преимущества на-равнѣ со всѣми дворянами, и потому означать ихъ въ формулярныхъ спискахъ не изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, а *изъ военнаго дворянства.*

Вольно-опредѣляющимися считать: во 1-хъ, дѣтей личныхъ дворянъ, либо тѣхъ, коихъ отцы дослужились до оберъ-офицерскихъ чиновъ по статской службѣ; во 2-хъ, окончившихъ курсъ въ училищѣ Академіи Художествъ, либо въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся такими-же преимуществами, и въ 3-хъ, иностранцевъ. Таковые всѣ, добровольно поступившіе въ военную службу, награждаются при отставкѣ оберъ-офицерскими чинами не прежде, какъ прослуживъ 15 лѣтъ и въ унтеръ-офицерскомъ чинѣ 4 года, и сверхъ того отъ иностранцевъ требуется, чтобы они состояли въ подданствѣ Россіи. Но раненыхъ и изувѣченныхъ на войнѣ повелѣно награждать чинами, хотя бы они и не выслужили помянутыхъ сроковъ.

Весьма замѣчательно совершенное Александромъ I-мъ преобразованіе медицинской части по арміи и флоту, до того времени бывшей въ распоряженіи министерства Внутреннихъ дѣлъ. Въ Высочайше утвержденномъ, по сему предмету, докладѣ министра Внутреннихъ дѣлъ, сказано: „Опытъ показываетъ, что столкновеніе между собою различныхъ властей всегда обращалось къ ущербу службы, и теченіе медицинскихъ дѣлъ подтверждаетъ эту истину. Единство цѣли требуетъ и единства власти, которое въ нынѣшнемъ медицинскомъ управленіи нару-

шено во многихъ отношеніяхъ. Въ военныхъ и морскихъ госпиталяхъ, средства къ пользованію больныхъ состоятъ въ вѣдѣніи Министерства Внутреннихъ дѣлъ, а помѣщеніе больныхъ и снабженіе ихъ одеждою и пищею зависятъ отъ военнаго начальства. Управленіе всѣми медицинскими дѣлами по военной части возложено на врачебныя управы, принадлежащія къ министерству Внутреннихъ дѣлъ. По предписаніямъ сего министерства опредѣляются, перемѣщаются, увольняются, награждаются и предаются суду всѣ медицинскіе чины, состоящіе при войскахъ; суммы-же на штатное содержаніе ихъ ассигнуются въ военное и морское министерства. Врачебныя управы включены въ штаты губернскіе; изъ заведеній-же одни содержатся на счетъ медицинскихъ, а другіе — на счетъ военныхъ суммъ, наприм. нѣкоторые госпитали и аптеки получаютъ содержаніе изъ военнаго и морскаго министерствъ, а другія — изъ министерства Внутреннихъ дѣлъ. Снабженіе врачебными припасами и инструментами вообще предоставлено высшему медицинскому управленію. Неудобства подобнаго положенія дѣлъ очевидны: то начальникъ части войскъ жалуется на дурное качество медикаментовъ, либо на неискусство и нерадѣніе лекаря, то лекарь ссылается на невыгоды помѣщенія больныхъ и на скудость продовольствія. Инспекторы врачебныхъ управъ, коимъ поручается изслѣдованіе принесенныхъ жалобъ, лишены возможности исполнить надлежащимъ образомъ сію обязанность; время длится и люди гибнутъ жертвами несогласія между военнымъ начальникомъ и лекаремъ. Въ особенности же эти неудобства оказываются въ пограничныхъ губерніяхъ, наполненныхъ войсками. Предоставленіе высшему медицинскому управленію всѣхъ пере-

мѣщеній медицинскихъ чиновъ сопряжено съ большими затрудненіями, и въ особенности въ сухопутныхъ войскахъ, по частымъ движеніямъ и разобщенному квартированію полковъ. Къ тому-же значительное число лекарей, по штату положенныхъ, отнимаетъ у главнаго медицинскаго начальника возможность занять всѣ вакансіи способными чиновниками, тѣмъ паче, что выгоды, получаемыя отъ вольной практики, неопредѣленность правъ и особенная подсудимость удаляютъ медиковъ отъ службы по военному вѣдомству."

Всѣ эти обстоятельства побудили министра внутреннихъ дѣлъ представить на благоусмотрѣніе Государя слѣдующія основанія „Положенія для Медицинскаго управленія по арміи и флоту."

1) Соединеніе управленія по каждой части въ рукахъ одного лица.

2) Подчиненіе начальникамъ частей войскъ медиковъ на-равнѣ съ воинскими чинами.

3) Привлеченіе медицинскихъ чиновъ къ военной службѣ: а) улучшеніемъ ихъ состоянія; в) наградами, и с) обезпеченіемъ судьбы вдовъ и сиротъ ихъ.

Общее управленіе медицинскою частью, по сухопутнымъ войскамъ, предполагалось раздѣлить на три степени: 1) главное или центральное, при министрѣ, въ вѣдѣніи генералъ-штабъ-доктора; 2) по инспекціямъ, въ вѣдѣніи медицинскихъ инспекторовъ и субъ-инспекторовъ, и 3) по полкамъ, въ вѣдѣніи полковыхъ шефовъ; а по флоту: 1) центральное, при министрѣ; 2) въ портахъ, и 3) на корабляхъ. Предположено увеличить содержаніе лекарей и уменьшить штатное число ихъ, дать имъ соотвѣтствующіе чины, подвергнуть ихъ подсудимости, на правахъ, одинаковыхъ съ военными офицерами, и по

мѣрѣ прослуженія ими отъ 15-ти до 30-ти лѣтъ, награждать ихъ увеличеніемъ окладовъ и пенсіями.

Положеніе, заключавшее въ себѣ помянутыя основанія, удостоилось Высочайшаго утвержденія 4-го августа 1805 года ([35]).

Тогда-же послѣдовало преобразованіе Генералъ-Аудиторіата.

Съ 1797 года, пересмотръ всѣхъ судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, по арміи и флоту, касающихся нижнихъ чиновъ изъ дворянъ, а равно штабъ и оберъ-офицеровъ и генераловъ, исключительно производился генералъ-аудиторомъ, подносившимъ свое окончательное мнѣніе, по всѣмъ этимъ дѣламъ, на Высочайшую конфирмацію. Стеченіе множества военно-судныхъ дѣлъ къ одному лицу было для него весьма обременительно. Комитетъ, учрежденный для образованія на новыхъ основаніяхъ Генералъ-Аудиторіата, составилъ правила порядка военно-судныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ, а также Положеніе и штатъ для Генералъ-Аудиторіата. На основаніи этихъ правилъ, всѣ приговоры военныхъ судовъ по дѣламъ, касающимся подсудимыхъ изъ дворянъ, либо по преступленіямъ, подлежащимъ смертной казни, вмѣстѣ съ мнѣніемъ инспекторовъ, либо другихъ начальниковъ, должны были поступать на ревизію Генералъ-аудиторіата, состоящаго изъ генералъ-аудитора, четырехъ генералъ-лейтенантовъ или генералъ-маіоровъ (въ томъ числѣ двухъ отъ арміи и двухъ отъ флота), и двухъ военныхъ совѣтниковъ; а наблюденіе за всѣмъ дѣлопроизводствомъ поручалось генералъ-аудиторъ-лейтенанту, не ниже 8-го и не выше 6-го классовъ, въ помощь коему назначались шесть оберъ-аудиторовъ и двѣнадцать аудиторовъ, и кромѣ того, для исполненія секретарской должности, еще одинъ оберъ-ауди-

торъ съ аудиторомъ. Вмѣстѣ съ преобразованіемъ Генералъ-Аудиторіата предполагалось упразднить учрежденный при государственной адмиралтейской коллегіи, въ 1801 году, генеральный кригерехтъ, и находящіяся въ немъ дѣла передать въ Генералъ-Аудиторіатъ. Всѣ эти предположенія и штатъ, составленные комитетомъ, были Высочайше утверждены (36).

Касательно иррегулярныхъ войскъ послѣдовали слѣдующія распоряженія.

Во 1-хъ, на счетъ устройства донскихъ казаковъ, опредѣленъ порядокъ производства ихъ въ офицерскихъ чинахъ и выдачи имъ жалованья въ походахъ и командировкахъ. Донское войско, состоявшее въ числѣ 115,695 душъ, не считая 6,050 татаръ и калмыковъ и 68,540 приписныхъ крестьянъ, обязано было, въ случаѣ надобности, высылать на службу до восьмидесяти пятисотенныхъ полковъ.✓ Постановлено имѣть въ каждомъ полку: одного полковника, въ чинѣ армейскаго маіора; 5 эсауловъ, въ чинѣ ротмистровъ; 5 сотниковъ, въ чинѣ поручиковъ, и 5 хорунжихъ, въ чинѣ корнетовъ. Представлять офицеровъ къ повышенію разрѣшено, въ мирное время, войсковому атаману; а въ военное — начальникамъ частей войскъ, при коихъ будутъ находиться казаки, но не иначе, какъ на вакансіи, по старшинству въ чинахъ, либо за отличіе. Въ полкахъ, состоящихъ на службѣ, офицерамъ давать содержаніе по штату армейскихъ гусарскихъ полковъ, но деньщиковъ имъ въ натурѣ не полагалось, а казакамъ — жалованья въ годъ 12 рублей, солдатскую дачу провіанта и фуражъ, смотря по климату, отъ 6 до 8 мѣсяцевъ, на двѣ лошади каждому. Въ случаѣ бытности въ походѣ самого войсковаго атамана, положено имѣть ему тысячный полкъ, подъ

названіемъ Атаманскаго, въ коемъ число всѣхъ чиновъ долженствовало быть вдвое противъ пятисотеннаго полка ([37]).

Для управленія донскимъ войскомъ была учреждена войсковая канцелярія, составленная подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана, изъ двухъ непремѣнныхъ членовъ и четырехъ ассесоровъ по выбору; для наблюденія-же за исполненіемъ законовъ во всей точности, повелѣно быть въ ней прокурору. Войсковая канцелярія, оставаясь въ зависимости по дѣламъ военнымъ отъ военной коллегіи, должна была по дѣламъ гражданскимъ, состоять въ вѣдомствѣ сената ([38]). На содержаніе канцеляріи назначено изъ земскихъ сборовъ 69,950 рублей, а на содержаніе полиціи въ городѣ Черкаскѣ 4,150 руб. ([39]).

Во 2-хъ, объ устройствѣ черноморскаго войска. Черноморскіе казаки, получивъ подъ поселеніе, въ 1792 году, таврической области островъ Тамань, были обязаны охранять ближайшую къ нимъ границу отъ набѣга закубанскихъ народовъ. Указомъ 25 февраля 1802 года повелѣно было имъ составить у себя войсковое правительство (войсковую канцелярію), но съ тѣмъ, чтобы они зависѣли по военной части отъ инспектора крымской инспекціи, а по гражданской — отъ управляющаго таврическою губерніей. Внутреннее управленіе ихъ, будучи основано, по образцу ихъ предковъ, запорожскихъ казаковъ, состояло изъ войсковаго коша, подъ главнымъ начальствомъ кошеваго атамана. Всѣ они были росписаны, каждый по добровольному выбору, по куренямъ, коихъ было 40, тѣхъ самыхъ названій, какія существовали въ запорожскомъ войскѣ. Число казаковъ, въ каждомъ изъ куреней, простиралось отъ ста до тысячи. При востребованіи войска на службу, кошевой и куренные атаманы дѣлали на-

рядъ людей изъ каждаго куреня, сообразно его силѣ, а потомъ изъ командированныхъ людей составляли пятисотенные полки. Черноморскіе казаки служили пѣшими, конными и на судахъ, и имѣли 20 трехъ-фунтовыхъ орудій.

По вѣдомости, 1 сентября 1802 года, состояло въ войскѣ, способныхъ къ службѣ около 15,500 и неспособныхъ 8,000 человѣкъ.

На основаніи мнѣнія военной коллегіи, Высочайше постановлено: (40).

Во 1-хъ, чтобы черноморское войско, въ случаѣ надобности, высылало на службу десять конныхъ и десять пѣшихъ пятисотенныхъ полковъ; во 2-хъ, каждому полку состоять: изъ 1 полковника, 5 эсауловъ, 5 сотниковъ, 5 хорунжихъ, 1 квартермистра, 1 писаря, 10 урядниковъ и 550 казаковъ; въ 3-хъ, чтобы офицеры были уравнены въ чинахъ съ армейскими, подобно тому, какъ сказано выше о донскомъ войскѣ. Сообразно тому, повелѣно утвердить въ армейскихъ чинахъ всѣхъ способныхъ и неспособныхъ чиновниковъ войска; въ 4-хъ, полкамъ, командируемымъ далѣе ста верстъ отъ мѣстъ ихъ сбора, поступать на казенное содержаніе.

Бугскіе казаки, образовавшіеся изъ христіанъ, жившихъ за Дунаемъ въ 1769 году, вѣрно служили въ послѣдующихъ войнахъ русскому правительству противъ Турокъ и Поляковъ и не воспользовались тридцати-лѣтнею льготою, дарованною имъ въ 1775 году, а въ 1797 и 1800 годахъ, по повелѣнію Императора Павла, были обращены въ крестьянъ и, вмѣстѣ съ приписанными къ нимъ шестью-стами душъ Болгаръ, въ числѣ около 6,400 мужескаго пола душъ, поселены въ херсонской губерніи. Но, по восшествіи на престолъ Императора Александра I, они ходатайствовали о возстановленіи ихъ въ перво-

бытное состояніе, и Государь, снисходя къ сей просьбѣ, повелѣлъ обратить ихъ, по прежнему, въ казаки, учредивъ изъ нихъ три конныхъ пятисотенныхъ полка, подъ названіемъ бугскихъ казачьихъ, въ такомъ-же числѣ чиновъ, какое состояло въ полкахъ донскаго и черноморскаго войскъ (41).

Оренбургское казачье войско, въ различныя времена составившееся изъ казенныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, торговыхъ и служивыхъ Татаръ, и проч., въ 1798 году, по повелѣнію Императора Павла, было расписано на кантоны и станицы, съ означеніемъ, какія крѣпости и части линіи долженъ былъ занимать каждый кантонъ. Всѣхъ кантоновъ было 5, съ 21,227 душъ, могшихъ выставить 7,500 казаковъ. По Высочайше утвержденному докладу военной коллегіи, положено содержать въ Оренбургѣ конный полкъ изъ 1,090 казаковъ (вмѣстѣ съ ихъ чиновниками) и на оренбургской линіи четыре гарнизонныхъ баталіона. Всѣмъ этимъ войскамъ назначено постоянное жалованье; а чиновникамъ ихъ присвоены армейскіе чины на-равнѣ съ черноморскимъ войскомъ (42).

Постановленія о внутреннемъ управленіи уральскаго войска Высочайше утверждены въ концѣ 1803 года (43).

Число уральскихъ казаковъ, вмѣстѣ съ крещеными Татарами и Калмыками, тогда простиралось до 30,000 душъ.

По части военной, положено сему войску высылать, въ случаѣ надобности, на службу десять конныхъ полковъ, въ такомъ-же числѣ чиновъ, какое находилось въ донскомъ и черноморскомъ полкахъ. Чиновникамъ войска присвоены армейскіе чины наравнѣ съ прочими казачьими полками. Производство ихъ въ слѣдующіе чины установлено на такихъ-же

правилахъ, какія были введены въ донскомъ и черноморскомъ войскахъ. Содержаніе назначено такое-же. Войсковая канцелярія была раздѣлена на двѣ экспедиціи: воинскую и гражданскую и состояла въ зависимости по дѣламъ военнымъ отъ инспектора оренбургской инспекціи, а по части гражданской—отъ оренбургскаго губернскаго начальства. На содержаніе канцеляріи было назначено 10,250 рублей (44).

Касательно устройства чугуевскихъ казаковъ, Императоръ Александръ, разсмотрѣвъ докладъ министровъ военнаго и внутреннихъ дѣлъ, повелѣлъ: во 1-хъ, изъ 7,646 коренныхъ казаковъ и людей другихъ сословій, изъявившихъ желаніе остаться въ казачьемъ состояніи, образовать десяти-эскадронный полкъ, подъ названіемъ „Чугуевскаго регулярнаго казачьяго", въ числѣ чиновъ равномъ съ гусарскими полками, съ производствомъ отъ казны жалованья и содержанія, по особому штату. Во 2-хъ, комплектовать полкъ изъ помянутыхъ 7,646 человѣкъ. Въ 3-хъ, люди, къ тому избранные, снаряжаются и снабжаются лошадьми отъ всего общества. Въ 4-хъ, шефъ полка всегда будетъ назначаемъ не изъ чугуевскихъ казаковъ, чтобы не допустить въ управленіи какого-либо пристрастія. Въ 5-хъ, для внутренняго управленія, составить войсковую канцелярію, подъ предсѣдательствомъ полковаго шефа, изъ двухъ непремѣнныхъ членовъ, въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, двухъ ассессоровъ, одного прокурора, состоящаго въ вѣдомствѣ губернскаго прокурора, двухъ секретарей и канцелярскихъ чиновъ, а для городской и земской полиціи: одного полиціймейстера, въ штабъ офицерскомъ чинѣ, двухъ оберъ-офицеровъ и 16 унтеръ-офицеровъ, съ жалованьемъ отъ казны, по штату (45).

По части учрежденія военныхъ училищъ, для образованія офицеровъ, еще въ 1801 году, былъ утвержденъ проектъ, представленный по сему предмету княземъ Зубовымъ, и тогда-же отправленъ генералъ-маіоръ Бегичевъ, для осмотра мѣстъ удобныхъ къ основанію сихъ училищъ и для приприведенія въ извѣстность суммъ необходимыхъ на нихъ построеніе и содержаніе. Русское дворянство, соревнуя просвѣщеннымъ видамъ правительства, изъявило готовность содѣйствовать имъ пожертвованіемъ значительныхъ денежныхъ суммъ *). Императоръ Александръ, принявъ во вниманіе, что первоначальное образованіе должно быть одинаково для всѣхъ родовъ службы, полагалъ, что три тысячи дворянскихъ дѣтей могли получить навыкъ къ дисциплинѣ и строевой службѣ въ военныхъ училищахъ, а науки и языки первоначально изучить въ гимназіяхъ, снабженныхъ всѣми къ тому нужными пособіями. Для соображенія-же отношеній военныхъ училищъ съ гимназіями, по учебной части, и для опредѣленія, какимъ порядкомъ должны поступать молодые люди изъ гимназій въ университеты и кадетскіе корпусы, была составлена коммисія, въ коей, кромѣ членовъ главнаго правленія училищъ, тайнаго совѣтника князя Чарторыскаго, дѣйствительнаго камергера Новосильцова и генералъ-маіора Клингера, находились генералъ отъ инфантеріи графъ Зубовъ, инженеръ-генералъ фонъ Сухтеленъ, вице-адмиралъ Чичаговъ и генералъ-маіоръ Бегичевъ ([46]). Въ послѣдствіи предсѣдате-

*) Наиболѣе важныя пожертвованія были сдѣланы дворянствомъ слѣдующихъ губерній: Тверской 200,000 рублей; Харьковской 100,000, Рязанской 87,450; Смоленской 65,000; Ярославской 63,584; Нижегородской 30,000 рублей. (Вѣдом. за подписью генералъ-маіора Бегичева, хранящаяся въ Архивѣ Военнаго Министерства).

лемъ сей коммисіи былъ назначенъ Цесаревичъ Великій Князь Константинъ Павловичъ.

Коммисія, окончивъ свой трудъ, представила Государю „Планъ военнаго воспитанія“, предпославъ докладъ, въ которомъ было объяснено, что, при назначеніи ею 10-ти губернскихъ военныхъ училищъ, вмѣсто 17-ти, показанныхъ въ проектѣ князя Зубова, имѣлось въ виду, съ одной стороны сократить расходы на постройку и содержаніе сихъ заведеній, а съ другой — облегчить пріисканіе для нихъ учителей и другихъ чиновниковъ. При назначеніи городовъ для военныхъ училищъ, коммисія предпочла тѣ изъ нихъ, которыхъ губерніи изъявили готовность къ пожертвованіямъ на сіи заведенія. Но, кромѣ того, были приняты во вниманіе и другія обстоятельства, какъ-то: выгоднѣйшее мѣстоположеніе городовъ, условіе, чтобы они по возможности находились въ центрѣ губерній причисленныхъ къ училищамъ, число дворянъ въ губерніяхъ и дешевизна припасовъ, и потому назначено нѣсколько городовъ, кои не были въ проектѣ князя Зубова. 1-й и 2-й кадетскіе корпусы долженствовали оставаться на прежнемъ основаніи до образованія губернскихъ военныхъ училищъ, а пріемъ воспитанниковъ въ корпусы предполагалось убавлять по мѣрѣ пріема воспитанниковъ въ эти училища.

Главныя основанія „Плана военнаго воспитанія“ заключались въ слѣдующемъ ([47]).

Военное образованіе молодыхъ людей должно было начинаться въ губернскихъ военныхъ училищахъ и оканчиваться въ кадетскихъ корпусахъ, 1-мъ и 2-мъ, въ С.-Петербургѣ (ст. 1-я).

Число воспитанниковъ во всѣхъ губернскихъ военныхъ училищахъ полагалось до трехъ тысячъ,

раздѣленныхъ на 15 ротъ, по 200 воспитанниковъ въ каждой (ст. 2-я).

Роты назначено расположить въ городахъ: С.-Петербургѣ, Москвѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ, Воронежѣ, Твери, Ярославлѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани и Тобольскѣ. Въ первыхъ пяти городахъ училищамъ состоять изъ двухъ ротъ, а въ прочихъ изъ одной (ст. 3-я).

Въ эти училища должны были поступать дѣти отъ 7-ми до 9-ти лѣтъ, изъ дворянъ ближайшихъ губерній ([48]), въ числѣ 430-ти, составляющемъ седьмую часть всего числа воспитанниковъ, и пробывъ тамъ семь лѣтъ, переводиться для довершенія воспитанія въ кадетскіе корпусы (ст. 4-я и 5-я).

Воспитаніе въ губернскихъ военныхъ училищахъ раздѣлялось на часть учебную и военныхъ упражненій (строевую). Первая должна была преподаваться два года въ училищахъ, учрежденныхъ, по примѣру уѣздныхъ, министерствомъ народнаго просвѣщенія, а потомъ пять лѣтъ въ губернской гимназіи. Строевой-же части полагалось обучать воспитанниковъ въ военныхъ училищахъ штабъ и оберъ-офицерамъ при нихъ находящимся. Начальству предоставлялось принять мѣры, чтобы разстояніе между гимназіями и военными училищами не было слишкомъ велико (ст. 6-я и 7-я).

Воспитанникамъ военныхъ училищъ обучаться въ гимназіяхъ всѣмъ предметамъ, на-равнѣ съ прочими учениками ихъ, кромѣ латинскаго языка, вмѣсто коего преподавать имъ начальныя основанія фортификаціи (ст. 8-я).

Въ каждомъ военномъ училищѣ, изъ одной либо двухъ ротъ состоящемъ, находиться одному штабъ-офицеру (директору) и нѣсколькимъ оберъ-офицерамъ, кои наблюдаютъ за благонравіемъ воспитан-

никовъ, пріучаютъ ихъ къ военной дисциплинѣ, а въ свободные часы и во время лѣтнихъ вакацій упражняются съ ними въ строевыхъ ученіяхъ (ст. 9-я).

По окончаніи гимназическаго курса, предполагалось производить воспитанникамъ публичное испытаніе, по выдержаніи коего они поступали-бы въ кадетскіе корпусы; тѣ-же, которые оказались-бы неспособными къ военной службѣ, могли поступать въ университеты (ст. 10-я).

Разрѣшалось принимать въ губернскія военныя училища пансіонеровъ, на собственномъ ихъ содержаніи (ст. 11-я).

По окончаніи гимназическаго курса, воспитанники губернскихъ военныхъ училищъ должны были, въ первые два года пребыванія ихъ въ корпусѣ, войти въ составъ баталіона при немъ находящагося. Общій курсъ ученія въ высшихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ долженъ былъ продолжаться четыре года, и потому число кадетъ въ обоихъ корпусахъ положено отъ 1,600 до 1,700 (ст. 13-я).

Въ 1-й годъ назначено преподавать: алгебру до уравненій 3-й степени, геометрію и прямолинейную тригонометрію, полевую фортификацію, исторію россійскую и всеобщую, географію, рисованіе и ситуацію; языки: русскій, нѣмецкій и французскій.

Во 2-й годъ: продолженіе алгебры и приложеніе ея къ геометріи, коническія сѣченія, статику и механику, физику, долговременную фортификацію, тактику, стратегію и военную исторію, статистику, логику и общую энциклопедію, краснорѣчіе, рисованіе, языки.

Воспитанники, по окончаніи двухъ-годичнаго курса, поступающіе къ слушанію курса послѣдующихъ двухъ годовъ, 3-го и 4-го, раздѣлялись, по способностямъ и склонностямъ ихъ, на три отдѣле-

нія: 1-е пѣхоты, 2-е кавалеріи и 3-е инженеровъ, артиллеристовъ и генеральнаго штаба. Всѣ три отдѣленія, подъ руководствомъ пѣхотныхъ, кавалерійскихъ, инженерныхъ и артиллерійскихъ офицеровъ, должны были особенно упражняться по тому роду службы, къ коему назначались.

Въ 3-й и 4-й годы положено преподавать: высшую математику, механику, примѣненіе правилъ фортификаціи къ мѣстности, поліорцетику, артиллерію, физическую и математическую географію. Право естественное, народное и военное; мораль, изъясненіе записокъ славныхъ полководцевъ. Исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ. Свѣдѣнія по технологіи, нужныя артиллеристу и инженеру. Рисованіе. Языки. Кромѣ того, для инженеровъ курсъ гидротехнической архитектуры, а для кавалеристовъ курсъ ветеринарной медицины*).

Курсы ученья, въ каждомъ изъ четырехъ годовъ, должны были продолжаться по десяти мѣсяцевъ, а въ остальные два мѣсяца воспитанникамъ назначено изучать на практикѣ полевую службу, строить укрѣпленія, снимать планы, и проч. (ст. 18-я).

По окончаніи четырехъ-годичнаго курса и по выдержаніи въ немъ испытанія, воспитанниковъ пѣхотнаго и коннаго отдѣленій положено выпускать прапорщиками и корнетами въ армію; наиболѣе-же отличавшіеся прилежаніемъ и добронравіемъ назначались въ гвардію (ст. 19-я).

Воспитанниковъ 3-го отдѣленія, посвящающихъ

---

*) По поводу предметовъ 3-го и 4-го курса, Императоръ Александръ замѣтилъ: «какъ нельзя предполагать, чтобы всѣ могли имѣть одинакія способности для продолженія высшихъ наукъ, то нахожу полезнѣе для тѣхъ изъ кадетъ, кои прочутъ себя въ пѣхоту и кавалерію, употребить послѣдніе два года на повтореніе пройденныхъ имъ наукъ, присовокупя къ нимъ тѣ курсы 3-го и 4-го годовъ, кои окажутся необходимыми».

себя инженерной и артиллерійской службѣ, предполагалось оставлять въ корпусахъ, для пріобрѣтенія высшихъ познаній, и съ этою цѣлью учредить два спеціальныхъ курса, одинъ для инженеровъ и генеральнаго штаба, а другой артиллеристовъ. Всѣ они должны были, кромѣ теоріи, довершить свое образованіе практическими упражненіями, подъ руководствомъ искусныхъ опытныхъ офицеровъ, и путешествіями для обозрѣнія крѣпостей въ Финляндіи и другихъ ближнихъ губерніяхъ. Срокъ выпуска ихъ зависѣлъ отъ успѣховъ ихъ. По выдержаніи экзамена, назначено выпускать ихъ на дѣйствительную службу подпоручиками и поручиками; если же кто изъ нихъ обратитъ на себя особенное вниманіе превосходными дарованіями, о таковомъ докладывать Государю (ст. 20-я и 21-я).

При корпусахъ положено имѣть: библіотеку, физическій кабинетъ, химическую лабораторію и кабинетъ моделей по части фортификаціи и артиллеріи (ст. 22-я).

Всѣмъ офицерамъ въ корпусахъ служащимъ полагалось назначить жалованье превосходнѣйшее противъ армейскаго, а профессоровъ высшихъ классовъ, въ отношеніи къ жалованью и пенсіонамъ, уровнять съ профессорами университетовъ (ст. 23-я).

Предполагалось принимать въ кадетскіе корпусы и тѣхъ молодыхъ людей изъ дворянъ, которые, получивъ образованіе у родителей, либо въ гимназіи, выдержатъ установленный экзаменъ (ст. 24-я).

Нѣсколько дней спустя, послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, на имя Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, объ учрежденіи непремѣннаго Совѣта, для устройства и главнаго управленія всѣхъ военно-учебныхъ заведеній ([49]).

Еще въ 1802 году, Пажескій корпусъ, на осно-

ваніи проекта, составленнаго генералъ-маіоромъ Клингеромъ, былъ преобразованъ въ военно-учебное заведеніе ([50]).

Императоръ Александръ I, убѣдясь, что положеніе Горнаго кадетскаго корпуса не вполнѣ удовлетворяло его назначенію -пріуготовлять чиновниковъ искусныхъ въ горномъ дѣлѣ, поручилъ извѣстному своими обширными свѣдѣніями по сей части, тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину, составить планъ для преобразованія помянутаго корпуса. Этотъ планъ былъ разсмотрѣнъ коммиссіей, изъ опытнѣйшихъ и искуснѣйшихъ чиновниковъ горнаго вѣдомства, которая, совершенно одобривъ научную часть проекта Мусина-Пушкина, измѣнила только его предположенія по хозяйственной части. Такимъ образомъ составленные уставъ и штатъ Горнаго корпуса были Высочайше утверждены 19-го января 1804 года. Главныя основанія ихъ заключались въ слѣдующемъ: ([51])

Директоромъ корпуса быть президенту бергъ-коллегіи. Помощникъ его, командиръ корпуса, завѣдываетъ всѣмъ его управленіемъ, какъ по учебной, такъ и по хозяйственной части (ст. 2-я и 3-я). Для наблюденія за кадетами состоятъ пять офицеровъ и инспекторъ классовъ, въ вѣдѣніи коего находятся: библіотека, физическій и минералогическій кабинеты, лабораторія, модели, и вообще всѣ учебныя пособія (ст. 4-я, 5-я, 6-я и 12-я).

Кадетъ, получающихъ воспитаніе на счетъ казны, полагается 60; преимущественно-же поступаютъ въ корпусъ дѣти горныхъ офицеровъ и чиновниковъ, имѣющіе отъ рода отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ и пріуготовленные въ первоначальныхъ свѣдѣніяхъ,

какъ то: ариѳметикѣ, языкахъ русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ, рисованьѣ, и проч. (ст. 9-я и 10-я).

Предметы преподаванія въ корпусѣ: Законъ Божій, языки русскій, нѣмецкій и французскій, географія, исторія, математика, ботаника, зоологія, гражданская архитектура, физика, химія, минералогія, геогнозія, горное дѣло, горная механика, горная архитектура, астрономія, ситуація и черченіе, фехтованіе и танцованіе (ст. 14-я). Кромѣ того, была введена въ объемъ преподаванія воспитанниковъ Горнаго корпуса музыка, по мысли самого Государя, который считалъ обученіе сему предмету въ особенности полезнымъ для будущихъ офицеровъ горнаго вѣдомства, долженствующихъ провести лучшіе годы своей жизни въ отдаленіи отъ общества.

По окончаніи курса ученія, положено оставлять воспитанниковъ въ корпусѣ еще на годъ, въ продолженіи коего они должны были заниматься химическими опытами, разборомъ и промывкою рудъ, и проч. обозрѣвать машины и работы на Монетномъ дворѣ, Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ, и т. п. (ст. 16-я). Затѣмъ назначено выпускать ихъ на заводы вѣдомства бергъ-коллегіи и кабинета практикантами. Въ этомъ званіи они долженствовали находиться два года, проходя весь служебный порядокъ, съ самыхъ нижнихъ степеней, дабы на самомъ дѣлѣ получить ясное и совершенное познаніе объ обязанностяхъ своихъ будущихъ подчиненныхъ и пріобрѣсть возможность руководить ихъ съ точностью. Практикантамъ назначено жалованье шихтмейстеровъ и они пользовались всѣми преимуществами этого званія, не нося однакоже наружныхъ знаковъ его, потому что это моглобы заставить ихъ уклоняться отъ исполненія обязанности нижнихъ

чиновъ. Старшинство въ чинѣ ихъ считалось со дня выпуска ихъ изъ корпуса. Обратившихъ на себя вниманіе начальства особенными дарованіями и прилежаніемъ, назначено было посылать на три года, за границу, на казенный счетъ, для обозрѣнія иностранныхъ горныхъ заводовъ и для усовершенствованія себя въ горномъ дѣлѣ (ст. 17-я, 19-я и 21-я).

Каждый изъ получившихъ образованіе въ корпусѣ, на казенномъ содержаніи, обязанъ былъ прослужить по горному вѣдомству не менѣе десяти лѣтъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которые, по болѣзни, не могли продолжать службы (ст. 24-я).

Кромѣ воспитанниковъ, образующихся на казенный счетъ, разрѣшалось принимать въ корпусъ пансіонеровъ, съ платою по 300 рублей въ годъ. Пансіонеры, по выпускѣ, могли избирать для себя родъ службы, по собственному усмотрѣнію; тѣ-же изъ нихъ, которые пожелали бы служить по горному вѣдомству, не только опредѣлялись на службу на-равнѣ съ прочими, но могли быть посланы въ чужіе краи, на казенномъ содержаніи; въ послѣднемъ случаѣ, они однако-же были обязаны прослужить по горному вѣдомству не менѣе пяти лѣтъ (ст. 11-я и 27-я).

На содержаніе корпуса положено отпускать ежегодно по 44,382 рубля (ст. 40-я) ([52]).

Изложивъ вкратцѣ всѣ распоряженія по военной части, сдѣланныя Александромъ I, до начала веденныхъ имъ войнъ, должно упомянуть о важнѣйшемъ изъ его преобразованій, котораго благотворное вліяніе оказалось уже въ послѣдствіи: я говорю о нравственномъ измѣненіи русскихъ войскъ, слѣдствіи примѣра, поданнаго самимъ Государемъ,

и его наставленій военнымъ начальникамъ. Въ семи-лѣтнюю войну и вообще въ войны веденныя русскими въ XVIII столѣтіи, войска наши нерѣдко были страшилищемъ мирныхъ граждань. Императоръ Александръ, дѣйствуя въ духѣ Небеснаго ученія, научилъ своихъ воиновъ считать ближнимъ обезоруженнаго ими непріятеля.

ГЛАВА VI.

Распоряженія по флоту.

(1801—1805.)

Въ „Примѣчаніяхъ на нѣкоторыя статьи, касающіяся до Россіи“, государственнаго канцлера, графа Александра Романовича Воронцова, писанныхъ имъ въ началѣ царствованія Александра I, сказано: „Россіи быть нельзя въ числѣ первенствующихъ морскихъ державъ, да и въ томъ ни надобности, ни пользы не предвидится. *Прямое могущество и сила наша должны быть въ сухопутныхъ войскахъ;* оба-жъ сіи ополченія въ большомъ количествѣ имѣть былобъ несообразно ни числу жителей, ни доходамъ государственнымъ. Довольно, есть ли морскія силы наши доставятъ намъ охраненіе береговъ и гаваней нашихъ на Черномъ морѣ, для чего нужно имѣть тамъ силы, соразмѣрныя турецкимъ, и достаточный флотъ на Балтійскомъ морѣ, чтобы на ономъ господствовать...“ ([1]). Нельзя не сознаться въ справедливости этого мнѣнія и въ настоящихъ обстоятельствахъ: конечно — Россія, стремясь господствовать на отдаленныхъ моряхъ, разстроила-бы окончательно свои финансы. и въ особенности нынѣ, когда сооруженіе морскихъ судовъ несравненно дороже, нежели прежде. Но мы въ состояніи сопер-

ничать на Балтійскомъ морѣ съ прибрежными ему государствами. Кромѣ того, нашъ флотъ можетъ принять дѣятельное участіе въ оборонѣ Кронштадта, прикрывающаго Петербургъ — средоточіе управленія Россіи. Наконецъ, намъ нуженъ военный флотъ, чтобы образовать матросовъ для купеческаго флота. Не всегда же наша торговля будетъ въ рукахъ иностранцевъ! За исключеніемъ Финляндіи, у насъ нѣтъ областей, коихъ жители имѣли-бы влеченіе къ мореплаванію. Въ Англіи, Голландіи, Франціи, торговое мореходство послужило разсадникомъ для военнаго флота; у насъ, напротивъ того, военный флотъ долженъ положить основаніе развитію нашей заграничной торговлѣ.

Русскій флотъ, обязанный бытіемъ своимъ Великому Петру, увеличился при Императрицѣ Екатеринѣ Второй болѣе нежели вдвое противъ прежняго (2) и блистательно вознесъ ея славу, побѣждая Турокъ и Шведовъ, подъ начальствомъ: Грейга, Эльфинстона, Спиридова, Орлова, Чичагова, Круза. Этотъ флотъ, созданный на-скоро словомъ Екатерины, былъ до того непроченъ, что, въ концѣ ея царствованія, изъ состоявшихъ тогда на лицо 60-ти линейныхъ кораблей не было и двадцати способныхъ держаться въ морѣ. Почти ни одинъ русскій корабль не служилъ долѣе десяти лѣтъ. Главною причиною тому была торопливость сооруженія судовъ: послѣ потери, понесенной нашимъ флотомъ въ 1790 году, близь Роченсальма, было построено въ Петербургѣ, въ продолженіи одного мѣсяца, сто канонерскихъ шлюбокъ, несмотря на то, что въ магазинахъ вовсе небыло запаснаго лѣса. Въ это время, иногда строили суда изъ сыраго дерева, на открытыхъ мѣстахъ, отъ чего нѣкоторыя изъ нихъ подвергались гнилости еще до спуска. При постройкѣ

судовъ, замѣняли мѣдные болты желѣзными, либо, вмѣсто длинныхъ сквозныхъ болтовъ, загоняли съ обѣихъ сторонъ короткіе, оставляя въ срединѣ пустое пространство. Въ Англіи, гдѣ суда всегда строятся изъ сухаго лѣса и съ большимъ раченіемъ, отправляли новые корабли въ дальнее плаваніе только въ продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ; слѣдующіе два года они употреблялись для близкихъ экспедицій, а потомъ ихъ вводили въ доки и отдѣлывали за-ново: такими лишь мѣрами объясняется долговѣчность англійскихъ кораблей, нерѣдко служившихъ по 50-ти лѣтъ. У насъ, напротивъ того, ходили корабли въ море безъ починки до тѣхъ поръ, пока погибали отъ сильной течи. Старый корабль „Густавъ" потонулъ въ Нѣмецкомъ морѣ, имѣя въ трюмѣ воды на 9 футовъ; фрегатъ „Венера", по прибытіи къ берегамъ Англіи, былъ наполненъ водою около 3 футовъ. Англичане удивлялись, видя, на какихъ судахъ рѣшались Русскіе пускаться въ море. Положеніе нашихъ гаваней и тогда было весьма неблагопріятно въ отношеніи къ сохраненію кораблей. Въ Кронштадтѣ вода почти прѣсна и корабли тамъ подвержены скорому гніенію; а въ черноморскихъ портахъ морскіе черви портили суда, несмотря на ихъ мѣдную обшивку.

Императоръ Павелъ имѣлъ особенное пристрастіе къ флоту. Еще будучи Великимъ Княземъ, онъ носилъ званіе генералъ-адмирала и удержалъ его по восшествіи на престолъ. Морскія науки были ему нечужды. Желая приблизить къ себѣ морской кадетскій корпусъ, онъ перевелъ его изъ Кронштадта въ Петербургъ, пожаловалъ 100,000 рублей на постройку для него зданія *), посѣщалъ корпусъ,

*) Какъ этой суммы не достало, то Адмиралтействъ-Коллегія отпустила на сей-же предметъ заимообразно еще 85,000 рублей.

оказывалъ вниманіе къ занятіямъ кадетъ, слушалъ лекціи учителей и спрашивалъ учениковъ, нерѣдко награждая преподавателей повышеніемъ въ слѣдующій чинъ, а воспитанниковъ — производствомъ въ унтеръ-офицеры. Въ музеумѣ корпуса хранятся восемь моделей полевыхъ орудій, которыми Павелъ Петровичъ игралъ въ дѣтствѣ, а потомъ пожаловалъ ихъ корпусу (3). Видя благосклонность Государя къ морякамъ, многіе изъ знатныхъ лицъ наперерывъ отдавали дѣтей своихъ въ морской корпусъ.

При Императорѣ Павлѣ, въ продолженіи 4-хъ-лѣтняго управленія графа Кушелева Морскою Коллегіей, подъ его наблюденіемъ, было спущено 15 линейныхъ кораблей и нѣсколько фрегатовъ, устроена верфь въ Галерной гавани и сооружены въ адмиралтействѣ каменные магазины. Онъ-же обратилъ вниманіе Государя на сохраненіе дубовыхъ лѣсовъ въ Россіи и учредилъ Ученый Комитетъ, для обсужденія нововведеній по части флота. Одному изъ извѣстнѣйшихъ кораблестроителей того времени, бывшему плотнику Катасанову, порученъ надзоръ за постройкою судовъ и за вновь учрежденною школою кораблестроенія. Утверждены для флота новые штаты и назначено отпускать на сей предметъ ежегодно 7 милліоновъ рублей. Укрѣпленія Кронштадта были усилены новыми постройками. Наконецъ, недостатокъ въ лѣсѣ для сооруженія кораблей заставилъ Государя поручить надзоръ за казенными лѣсами Адмиралтействъ-Коллегіи (4).

До восшествія на престолъ Александра I, русскій флотъ подвергался многимъ измѣненіямъ. То увеличивали его, сообразно обстоятельствамъ и средствамъ, то оставляли его въ небреженіи, въ мирное время, и потомъ, при наступленіи войны, строили

суда съ величайшею торопливостью. Разсмотрѣніе вопроса о величинѣ и силѣ нашихъ военныхъ судовъ было поручено Государемъ Комитету преобразованія флота, подъ предсѣдательствомъ графа Александра Романовича Воронцова (5). Комитетъ принялъ за главное основаніе: во 1-хъ, свѣдѣнія о флотахъ сосѣдственныхъ Россіи державъ, и во 2-хъ, средства Россіи для построенія флота, время, необходимое для сооруженія кораблей, и продолжительность ихъ службы.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ предсѣдателемъ комитета, о шведскомъ и датскомъ флотахъ, оказалось, что оба они вмѣстѣ тогда состояли изъ 35-ти кораблей, и что количество выбрасываемаго ими металла простиралось до 1,296 пудовъ.

За тѣмъ, перейдя къ изслѣдованію средствъ Россіи для сооруженія флота, комитетъ вывелъ заключеніе, что мы обладаемъ ими въ изобиліи. Изъ разсмотрѣнія-же мѣстнаго положенія нашихъ главныхъ портовъ въ Балтійскомъ морѣ, въ отношеніи къ постройкѣ кораблей, оказалось, что въ Петербургѣ и Кронштадтѣ можно строить одновременно восемь кораблей, оставляя достаточное пространство для сооруженія фрегатовъ и транспортныхъ судовъ. На прочное построеніе корабля, принявъ во вниманіе суровость нашего климата, не позволяющую работать зимою, требуется не менѣе трехъ лѣтъ. Какъ главное дѣло состояло въ томъ, чтобы противопоставить соединенному флоту прибалтійскихъ державъ, по возможности, равныя морскія силы, то комитетъ сдѣлалъ слѣдующіе выводы:

Во 1-хъ, имѣть во флотѣ артиллерію такихъ большихъ калибровъ, какіе только можно допустить, не затруднивъ дѣйствія изъ орудій, именно: во всѣхъ

нижнихъ декахъ 36-ти, во 2-хъ — 24-хъ и въ 3-хъ — 18-ти фунтовыя орудія.

Во 2-хъ, для опредѣленія, какихъ ранговъ имѣть корабли, комитетъ счелъ нужнымъ сообразить слѣдующія обстоятельства: а) относительную цѣну постройки кораблей различнаго ранга; б) взаимное отношеніе количествъ выбрасываемаго ими металла; в) отношеніе площадей, корпусами ихъ занимаемыхъ, и г) отношеніе экипажей, для нихъ нужныхъ. Принявъ въ соображеніе всѣ эти данныя, и въ особенности пользу, оказанную сто-пушечными кораблями въ послѣднюю шведскую войну, комитетъ счелъ полезнымъ имѣть въ балтійскомъ флотѣ значительную часть кораблей этого ранга, именно одну треть, другую — 74-хъ пушечныхъ, и остальную — 64-хъ пушечныхъ кораблей. При флотѣ, состоящемъ изъ 27-ми кораблей, по девяти каждаго изъ сихъ ранговъ, получалось количество бросаемаго ими металла 1,287 пудовъ, то есть девятью только пудами менѣе соединенныхъ флотовъ Швеціи и Даніи.

Извѣстно, что корабль, построенный изъ нашего лѣса, не могъ прослужить болѣе 10 или 15 лѣтъ, и что для сооруженія восьми кораблей нужно было три года. По этому разсчету, чрезъ 15 лѣтъ, въ балтійскомъ флотѣ было бы построено 40 кораблей, но какъ между тѣмъ первые 8 пришли бы въ ветхость, то осталось бы годныхъ только 32. Комитетъ полагалъ, содержа постоянно въ готовности 27 кораблей, по-ровну трехъ помянутыхъ ранговъ, имѣть, кромѣ того, въ запасѣ два 74-хъ и три 64-хъ-пушечныхъ корабля, изъ коихъ послѣдніе могутъ быть употребляемы и вмѣсто фрегатовъ. Число же фрегатовъ въ балтійскомъ флотѣ вообще, по мнѣнію комитета, надлежало довести до 26-ти, именно: восьми 44-хъ, восьми 36-ти и десяти 24-хъ пушечныхъ ([6]).

Въ дѣйствительности же положеніе балтійскаго флота, въ началѣ 1805 года, было слѣдующее:

Совершенно годныхъ кораблей состояло . 20
Посредственныхъ 7
Ветхихъ 5

Кромѣ того въ с.-петербургскомъ адмиралтействѣ было готоваго лѣса на пять кораблей.

Фрегатовъ вполнѣ годныхъ 4
Посредственныхъ 6

Сверхъ того четыре гребныхъ фрегата.

Катеровъ и шлюпокъ 6
Небольшихъ вооруженныхъ судовъ . . . 19

Гребной флотъ въ Балтійскомъ морѣ состоялъ изъ 189 судовъ съ 705 орудіями (7).

Въ отношеніи къ черноморскому флоту, Комитетъ предполагалъ составить его изъ трехъ 100-пушечныхъ, девяти 74-хъ пушечныхъ и девяти 64-хъ пушечныхъ кораблей и восьми фрегатовъ (8).

Въ дѣйствительности же въ немъ находилось:

Кораблей совершенно годныхъ 12
Фрегатовъ 4
Небольшихъ вооруженныхъ судовъ . . . 25

Гребной черноморскій флотъ состоялъ изъ сорока канонерскихъ ботовъ, съ 52 орудіями и 80 фальконетами (9).

Что касается до издержекъ на сооруженіе судовъ въ эту эпоху, мы имѣемъ слѣдующія свѣдѣнія:

64-хъ пушечный корабль, построенный въ Петербургѣ изъ казеннаго дубоваго лѣса, обходился въ 200,000 рублей; 70-ти пушечный — около 300,000; 130-ти пушечный „Благодать“ стоилъ до 500,000

рублей (64-хъ пушечный корабль, построенный въ Архангельскѣ изъ лиственницы, всего 60,000. руб.).

Въ Голландіи 70-ти пушечный корабль стоилъ отъ 600,000 до 700,000 голландскихъ гульденовъ, т. е. нѣсколько болѣе 300,000 рублей, а въ Англіи до 70,000 фунтовъ стерлинговъ, или, по тогдашнему курсу около 560,000 рублей ассигнаціями, слѣдовательно, почти вдвое дороже, нежели въ Петербургѣ, но за то англійскіе корабли были несравненно прочнѣе русскихъ ([10]).

Въ началѣ 1805 года, въ русскомъ флотѣ было около 700 офицеровъ и до 30,000 матросовъ. Морская артиллерія состояла въ числѣ 4,000 человѣкъ ([11]). Для высадокъ и для занятія гаваней, въ коихъ стоялъ флотъ, были учреждены четыре морскихъ полка, каждый въ составѣ трехъ баталіоновъ, (одного гренадерскаго и двухъ мушкетерскихъ), и въ числѣ 1,692 человѣкъ въ мирное время и 1,980 въ военное время ([12]).

Офицеры, служащіе во флотѣ, получали слѣдующее жалованье:

Адмиралъ	3,600 р.
Вице-адмиралъ	2,160 „
Контръ-адмиралъ и капитанъ-командоръ	1,800 „
Капитанъ 1-го ранга	820 „
„ 2-го „	600 „
Капитанъ-лейтенантъ	420 „
Лейтенантъ	300 „
Мичманъ	200 „
Матросъ 1-го класса	12 „
„ 2-го „	7 р. 50 к.

Въ продолженіи стоянки на сухомъ пути, ниж-

ніе чины получали провіантъ на-равнѣ съ прочими войсками; на морѣ же имъ отпускалось:

Ежедневно:	сухарей	по $1\frac{1}{2}$	фунт:
	солонины либо свѣжаго мяса	„ $\frac{1}{2}$	„
Ежемѣсячно:	масла коровьяго . .	„ $4\frac{1}{2}$	„
	крупъ	„ 12	„
	гороху	„ 3	„
	соли	„ $1\frac{1}{2}$	„

Ежедневно по чаркѣ вина, а при авральной работѣ — по двѣ чарки.

Офицеры производились въ слѣдующіе чины отъ капитанъ-командора до адмирала по старшинству и за отличіе, отъ лейтенанта до капитанъ-командора по старшинству и по баллотировкѣ, а изъ мичмановъ въ лейтенанты по экзамену.

Баллотировка кандидатовъ въ слѣдующіе чины, отъ лейтенанта до капитанъ-командора, была введена Петромъ Великимъ въ слѣдующемъ порядкѣ: на всякую вакансію предлагались два кандидата изъ офицеровъ, старшихъ въ чинѣ. Совѣтъ, составленный изъ членовъ Адмиралтействъ-Коллегіи и адмираловъ, наряжалъ для баллотировки не менѣе 15-ти офицеровъ различныхъ чиновъ, отъ капитанъ-лейтенанта до флагмана. Каждый изъ нихъ, получивъ шаръ, незамѣтно опускалъ его въ одинъ изъ отдѣловъ ящика, и тѣмъ означалъ свой голосъ: 1) въ пользу кандидата; 2) противъ его, либо 3) ни за, ни противъ. Треть черныхъ или болѣе половины сомнительныхъ шаровъ, устраняя каждаго изъ кандидатовъ, давали право на производство младшему; но ежели старшій получалъ болѣе двухъ третей бѣлыхъ шаровъ, то сохранялъ право на повышеніе, хотябы перевѣсъ голосовъ былъ на сторонѣ младшаго.

При Императорѣ Павлѣ баллотировка офицеровъ была отмѣнена и флотскіе офицеры повышались по старшинству, либо за отличіе, выходившее изъ круга ихъ прямыхъ обязанностей, какъ наприм. въ награду за исправный приводъ рекрутъ, что замедляло производство старыхъ моряковъ, неимѣвшихъ протекціи. Императоръ Александръ I, вскорѣ по восшествіи на престолъ, повелѣлъ возстановить прежній порядокъ повышенія въ чинахъ флотскихъ офицеровъ. На основаніи доклада товарища министра морскихъ силъ, баллотированіе было возобновлено съ нѣкоторыми однако-же измѣненіями, именно: во 1-хъ, оно ограничено чинами отъ лейтенанта до капитанъ-командора, наблюдая, чтобы для баллотировки всегда назначались чиновники, старшіе баллотируемыхъ въ чинахъ, какъ наприм. для выбора изъ капитановъ 1-го ранга въ контръ-адмиралы, одни лишь флагманы; изъ капитанъ-лейтенантовъ въ капитаны — флагманы и капитаны; изъ лейтенантовъ въ капитанъ-лейтенанты — флагманы, капитаны и капитанъ-лейтенанты. Во 2-хъ, для большей опредѣлительности въ баллотировкѣ, не допускалось выраженія мнѣнія сомнительными шарами, а дозволено означать его только избирая, либо не избирая предлагаемаго кандидата. Въ 3-хъ, повелѣно баллотировать въ присутствіи министра, либо старшаго по немъ, и Высочайше назначаемыхъ, по его представленію, чиновниковъ, при чемъ министру предоставлялось право на два шара. При выборѣ въ флагманы, положено было общее число балловъ не менѣе девяти, а въ прочіе чины не менѣе пятнадцати. Въ 4-хъ, для повышенія по баллотировкѣ требовалось не менѣе двухъ третей всего числа балловъ. Въ 5-хъ, положено, чтобы производить во флагманы на половину вакансій по Высочайшему

назначенію, а на другую — по баллотировкѣ; въ капитаны четвертую часть по Высочайшему усмотрѣнію, а три четверти по баллотировкѣ; въ капитанъ-лейтенанты повышались по баллотировкѣ на пять шестыхъ изъ открывшихся вакансій. Въ 6-хъ, офицеровъ морской артиллеріи, отъ 9-го до 4-го класса, производить въ слѣдующіе чины на такомъ-же основаніи, какъ и флотскихъ; штурмановъ 9-го класса — по балламъ, а капитанъ-лейтенантовъ и капитановъ на одномъ основаніи съ флотскими. Въ 7-хъ, забаллотированныхъ два раза сряду отставлять отъ службы съ половинною пенсіей, или на инвалидное содержаніе, если они то выслужили, но не обращать имъ полнаго жалованья въ пенсію, хотя бы они прослужили болѣе сорока лѣтъ ([13]).

Комитетъ для преобразованія флота, разсмотрѣвъ существовавшій въ Россіи способъ кораблестроительныхъ работъ, нашелъ, что построенные при С.-Петербургскомъ Адмиралтействѣ, въ продолженіи сорока лѣтъ, 35 кораблей и 51 меньшихъ парусныхъ судовъ, не считая лѣса и другихъ матеріаловъ, а равно жалованья мастерамъ и подмастерьямъ, стоили 4,361,945 рублей. По оцѣнкѣ, сдѣланной корабельными мастерами, во что обошлись-бы такія работы въ Англіи, гдѣ заработанная плата несравненно дороже, нежели въ Россіи, оказалось, что тамъ постройка помянутыхъ судовъ стоила-бы всего 3,294,547 рублей, слѣдовательно дешевле нашего 1,067,398-ю рублями. По мнѣнію комитета, дороговизна постройки кораблей въ Россіи, несмотря на скудную плату рабочимъ, происходила отъ того, что въ Англіи 74-хъ-пушечный корабль 150-ю человѣками строился въ одинъ годъ; а у насъ сооруженіе такого-же корабля шестьюстами человѣкъ требовало, по крайней мѣрѣ, два года, не говоря

уже о томъ, что наши суда не могли равняться съ англійскими ни въ прочности, ни въ чистотѣ отдѣлки. Причиною тому былъ недостатокъ искусства и опытности нашихъ рабочихъ, происходившій отъ вліянія многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Во 1-хъ, у насъ, въ распредѣленіи людей къ работамъ, не соблюдалось точности, ни въ числѣ, ни въ порядкѣ. Во 2-хъ, казенные плотничные инструменты, большею частью, были дурнаго качества и, небудучи собственностью мастеровыхъ, содержались ими въ неисправномъ состояніи. Въ 3-хъ, многія работы, которыя въ другихъ государствахъ производились машинами и лошадьми, у насъ дѣлались людьми. Въ 4-хъ, жалованье нашихъ мастеровыхъ было недостаточно для удовлетворенія ихъ необходимѣйшихъ потребностей, а одежда непрочна и недостаточна для предохраненія людей отъ стужи и сырости.

Для исправленія сихъ недостатковъ, Комитетъ призналъ полезнымъ:

Во 1-хъ, раздѣлить рабочихъ на десятки, изъ коихъ въ каждомъ были-бы: десятникъ, двое перво-классныхъ плотниковъ, трое второклассныхъ и четверо третьеклассныхъ, а изъ каждыхъ трехъ десятковъ составить компанію, подъ надзоромъ командора.

Во 2-хъ, во время жестокой стужи, работать въ сараяхъ.

Въ 3-хъ, всѣмъ хорошимъ плотникамъ выдавать казенный инструментъ въ собственность, но съ тѣмъ, чтобы сбереженіе и починка его лежали на ихъ отвѣтственности.

Въ 4-хъ, при всѣхъ верфяхъ и адмиралтействахъ устроить машины, какъ то: краны, шпили и проч. а въ ожиданіи того наряжать для подъема тяжестей

матросовъ, къ каждому строющемуся кораблю не менѣе ста человѣкъ.

Въ 5-хъ, увеличить оклады жалованья мастеровымъ, и вмѣсто одежды ихъ, дѣлаемой изъ канифаса и равендука, на нѣсколько лѣтъ, давать имъ ежегодно суконные мундиры, а на бѣлье и сапоги по 5-ти рублей.

Принявъ за основаніе Высочайше утвержденное правило, чтобы постройка каждаго корабля совершалась въ три года, комитетъ полагалъ, что для 100-пушечнаго корабля понадобится не болѣе 300 плотниковъ; для 74-хъ-пушечнаго — 210; для 64-хъ-пушечнаго — 180; для 44-хъ и 36-ти-пушечныхъ фрегатовъ по 120-ти, а для 24-хъ-пушечныхъ по 90. Вообще-же для сооруженія въ Петербургѣ и Кронштадтѣ трехъ 100-пушечныхъ и двухъ 64-хъ-пушечныхъ кораблей и четырехъ фрегатовъ нужно будетъ, вмѣсто содержимыхъ по прежнему положенію 4,175 человѣкъ, всего 2,450. Для строенія-же гребнаго флота, каспійской флотиліи и транспортовъ, комитетъ призналъ полезнымъ прибавить къ имѣющимся 415-ти рабочимъ еще 285, слѣдовательно содержать 700 человѣкъ, которые вмѣстѣ съ корабельными составятъ 3,150 мастеровыхъ. Раздѣливъ ихъ на 105 компаній, потребуется, вмѣсто прежнихъ 45-ти командоровъ, 105.

По мнѣнію комитета, слѣдовало увеличить жалованье мастеровъ и всѣхъ вообще чиновъ, находившихся въ составѣ кораблестроительной части.

На основаніи штата, составленнаго комитетомъ, требовалось на жалованье и одежду мастеровыхъ ежегодно 285,688 рублей, вмѣсто прежнихъ 198,489 рублей. Не смотря на возвышеніе цѣны на провіантъ, онъ обошелся-бы на меньшее число людей 9,441 рубл. дешевле, нежели прежде, слѣдо-

вательно, содержаніе рабочихъ вообще предполагалось только 77,558-ю рублями дороже прежняго. Но этотъ излишекъ, по мнѣнію комитета, могъ вознаградиться: во 1-хъ, оброкомъ съ Охтянъ и деньгами, положенными на довольствіе ихъ въ продолженіи работъ, всего-же до 59.000 рублей, и во 2-хъ, двадцатью тысячами рублей, которые употреблялись ежегодно на покупку плотничныхъ инструментовъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ доносилъ, что предполагаемое преобразованіе кораблестроительной части, безъ сомнѣнія, устранитъ надобность въ наймѣ вольныхъ мастеровыхъ для адмиралтейскихъ работъ, ежегодно стоившемъ казнѣ до 120,000 рублей.

Всѣ эти соображенія комитета были Высочайше утверждены 4-го мая 1804 года (14). Въ черноморскомъ-же флотѣ они подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Во 1-хъ, свойства климата, дозволяющаго заниматься плотничными работами большее время, способствовало уменьшить число мастеровыхъ: для 100-пушечныхъ кораблей до 243-хъ; для 74-хъ-пушечныхъ — 174; 64-хъ-пушечныхъ — 139; фрегатовъ 44-хъ-пушечныхъ — 98; 36-ти-пушечныхъ — 92 и корветтъ — 58 человѣкъ. Сооруженіе въ три года кораблей: одного 100-пушечнаго, трехъ 74-хъ-пушечныхъ и двухъ 64-хъ-пушечныхъ, вообще требовало 1,043-хъ человѣкъ; для строенія фрегатовъ и другихъ парусныхъ судовъ — 417; для строенія и починки гребныхъ судовъ, камелей, и проч. — 360; для браковки лѣса — 100; для исправленія судовъ въ севастопольскомъ и николаевскомъ портахъ — по 300: всего-же для плотничной работы 2,520 человѣкъ, съ раздѣленіемъ коихъ на 84 компаніи нужно было столько-же командоровъ.

Во 2-хъ, какъ цѣны всѣхъ припасовъ иногда бывали ниже въ черноморскихъ портахъ въ сравненіи съ балтійскими, то жалованье чинамъ всѣхъ званій по кораблестроительной части, въ черноморскомъ флотѣ, было назначено нѣсколько менѣе, нежели въ балтійскомъ ([15]).

Въ 1803 году было учреждено при черноморскомъ флотѣ Депо картъ, для собиранія и храненія: во 1-хъ, плановъ и чертежей всѣхъ судовъ этого флота, а также портовыхъ строеній; во 2-хъ, картъ и описей береговъ Чернаго моря; въ 3-хъ, книгъ математическихъ и относящихся къ мореплаванію, и въ 4-хъ, моделей кораблей и другихъ судовъ, а равно различныхъ инструментовъ ([16]).

Въ слѣдующемъ году, основана при С.-Петербургскомъ Адмиралтействѣ мастерская для дѣланія физическихъ и математическихъ инструментовъ. До того времени, въ учрежденной при С.-Петербургскомъ Адмиралтействѣ мастерской для дѣланія компасовъ, эти необходимые инструменты изготовлялись такъ несовершенно, что начальники судовъ, подвергаясь при употребленіи ихъ неизбѣжной опасности и не имѣя возможности на нихъ полагаться, доставали компасы изъ Даніи, Англіи и другихъ иностранныхъ государствъ. Какъ вмѣстѣ съ развитіемъ науки мореплаванія, не только одни компасы, но и многіе другіе физическіе и оптическіе инструменты вошли въ общее употребленіе у мореходовъ, то снабженіе этими инструментами сдѣлалось предметомъ первостепенной важности. Комитетъ, учрежденный для преобразованія флота, найдя удобнымъ учредить при Адмиралтействѣ мастерскую для дѣланія помянутыхъ инструментовъ, ходатайствовалъ о томъ, съ представленіемъ проекта и штата для

сего заведенія, вообще на сумму до 22,712 рублей въ годъ. Предположенія комитета удостоились Высочайшаго утвержденія ([17]).

Морской кадетскій корпусъ, пользовавшійся, (какъ уже мы видѣли), особеннымъ благоволеніемъ Императора Павла I, постоянно обращалъ на себя вниманіе его преемника. Назначенный, 2-го мая 1802 года, директоромъ корпуса, контръ-адмиралъ Карцовъ имѣлъ по учебной части достойнаго помощника, въ лицѣ незабвеннаго для флотскихъ офицеровъ Гамалѣя, исправлявшаго съ 1795-го года должность инспектора классовъ, но утвержденнаго въ ней уже въ 1802 году. Обладая глубокими свѣдѣніями по математикѣ, имѣя большую склонность къ сей наукѣ, онъ усовершенствовалъ математическій курсъ Морскаго корпуса и создалъ многія руководства не только по чистой математикѣ, но и по навигаціи, теоріи кораблестроенія и морской практикѣ. Нерѣдко случается, что специалисты, увлекаясь пристрастіемъ къ любимой и наиболѣе имъ знакомой наукѣ, забываютъ, что основаніемъ всякаго образованія должны быть обще-человѣческія свѣдѣнія. И Гамалѣя, сознавая важность математики для просвѣщеннаго моряка, былъ не совсѣмъ чуждъ такой односторонности: печатно высказанныя мысли его о воспитаніи и всѣ труды его показывали въ немъ писателя и педагога, ясно понимавшаго взаимную связь наукъ и относительную ихъ важность, но имѣя въ виду спеціальное назначеніе воспитанниковъ Морскаго корпуса, онъ отдавалъ преимущество математикѣ предъ другими науками, и потому первая шла блистательно, а прочія проходились слабо. За то почетное кадетское названіе *Зее-*

мана (Seeman), которымъ величали товарищи наиболѣе свѣдущихъ воспитанниковъ, считалось лестнѣе всякаго ученаго диплома. Изъ этихъ то „зеемановъ“ вышли наши ученые гидрографы, кругосвѣтные плаватели, неустрашимые моряки и многіе достойные служивые по различнымъ отраслямъ государственной службы ([18]). Самъ Государь, узнавъ отъ морскаго министра Павла Васил. Чичагова о блистательномъ экзаменѣ выпущенныхъ въ офицеры гардемаринъ, въ 1804-мъ году, удостоилъ нѣсколькихъ изъ нихъ подаркомъ прекраснаго секстана англійской работы. Директоръ корпуса Карцевъ, полагая полезнымъ, для практическаго изученія морскаго дѣла, послать нѣсколько хорошихъ воспитанниковъ, отъ 15-ти до 17-ти-лѣтняго возраста, волонтерами въ Англію и Францію, исходатайствовалъ, въ августѣ 1803 года, Высочайшее соизволеніе на отправленіе 30-ти гардемаринъ за границу. Въ числѣ ихъ были: славный Лазаревъ (Мих. Петр.), Дохтуровъ, Авиновъ, Станюковичъ ([19]).

Корпусъ штурмановъ (кораблевожатыхъ), учрежденный еще при Петрѣ Великомъ, въ послѣдствіи пришелъ въ упадокъ до того, что сдѣлался совершенно неспособенъ къ исполненію своихъ обязанностей.

Комитетъ, коему было поручено преобразованіе флота, полагалъ причинами тому: во 1-хъ, слишкомъ большое число штурмановъ, при весьма скудномъ ихъ содержаніи, и во 2-хъ, трудное производство ихъ въ высшіе чины, потому что въ обоихъ флотахъ, балтійскомъ и черноморскомъ, было положено для нихъ всего 5 штабъ-офицерскихъ вакансій. Какъ на каждомъ 100-пушечномъ кораблѣ состояло 3 штурмана и 3 подштурмана, (несчитая учениковъ), то въ одномъ балтійскомъ флотѣ было ихъ 464. Для комплектованія ихъ служило штур-

манское училище, въ которомъ полагалось до 800 воспитанниковъ. Эти молодые люди, неимѣя никакой надежды на успѣхъ по службѣ и находясь въ училищѣ на весьма скудномъ содержаніи, лишены были всякаго поощренія. Каждый изъ нихъ, по выпускѣ въ офицеры, старался пріискать себѣ какое-либо мѣсто, гдѣ молодые люди съ меньшими свѣдѣніями получали большее содержаніе.

Комитетъ находилъ большое число штурмановъ, состоявшихъ на корабляхъ, не только безполезнымъ, но вреднымъ. Каждый изъ нихъ велъ счисленіе по мѣрѣ своего искусства, навыка и глазомѣра, и потому случалось, что, при одномъ и томъ же вѣтрѣ и при тѣхъ же парусахъ, отъ перемѣны вахты и вмѣстѣ съ нею штурмана, совершенно измѣнялось счисленіе и происходили важныя ошибки. И потому комитетъ полагалъ полезнымъ имѣть на каждомъ кораблѣ по одному штурману, придавъ ему двухъ или трехъ помощниковъ, обязанныхъ вести счисленіе подъ его надзоромъ. Всѣ-же астрономическія наблюденія, служащія вѣрнѣйшею повѣркою счисленія, долженствовали производиться въ его присутствіи. На основаніи сихъ соображеній, предполагалось имѣть въ балтійскомъ флотѣ штурмановъ и помощниковъ ихъ вообще 222 человѣка; за тѣмъ оказалось возможнымъ ограничить штурманское училище 190 учениками, которые должны были оканчивать курсъ наукъ въ восемь лѣтъ, слѣдовательно — училище могло доставлять ежегодно не менѣе 23 молодыхъ путесчислителей. Какъ флотъ нуждался въ искусныхъ лоцманахъ, то комитетъ полагалъ прибавить къ помянутому числу 60 воспитанниковъ, изъ коихъ выходили-бы ежегодно 5 или 6 лоцмановъ, и потому комплектъ училища былъ опредѣленъ въ 250 человѣкъ.

До того времени содержаніе штурманскаго училища, вмѣстѣ съ жалованьемъ штурмановъ балтійскаго флота, ежегодно простиралось до 91,220 рублей, изъ коихъ на скудное содержаніе училища было назначено 60,681, а на жалованье штурманамъ 30,539 рублей. По мнѣнію комитета, надлежало, не увеличивая общей штатной суммы, раздѣлить ее такъ, чтобы на содержаніе 250 воспитанниковъ училища (вмѣсто прежнихъ 800) отпускалось 44,345 рублей (слѣдовательно болѣе, нежели вдвое на каждаго ученика), а на жалованье 222 штурманскихъ чиновниковъ — остальные 46,875 рублей. Для большаго-же поощренія ихъ къ службѣ, въ отношеніи къ производству, положено, чтобы на всѣхъ сто-пушечныхъ корабляхъ были штурмана штабъ-офицерскаго чина.

Какъ училище, такъ и корпусъ штурмановъ, долженствовали быть подчинены одному начальству, подъ вѣдѣніемъ котораго состояли-бы и лоціи. Такимъ образомъ назначеніе на мѣста штурманскихъ чиновниковъ предоставлялось лицамъ, коимъ ихъ способности и свѣдѣнія были извѣстны съ самаго пребыванія ихъ въ училищѣ.

Въ дополненіе преподававшихся доселѣ въ училищѣ предметовъ, именно: правописанія, математики, навигаціи, астрономіи, рисованія и черченія плановъ, комитетъ положилъ обучать: закону Божію грамматикѣ, риторикѣ, логикѣ, географіи, исторіи, англійскому, нѣмецкому и шведскому языкамъ. Кромѣ того, отличнѣйшимъ ученикамъ, по желанію ихъ, должны были преподаваться: высшая математика, механика, гидравлика и начала физики ([20]).

Нельзя оставить безъ замѣчанія успѣхи, сдѣланные у насъ въ первые годы царствованія Александра I по морской части, благодаря дѣятельности министра морскихъ силъ, Чичагова (Павла Вас.). Изъ

числа положенныхъ, по штату 1803 года, въ обоихъ флотахъ, балтійскомъ и черноморскомъ, 48 линейныхъ кораблей, 34-хъ фрегатовъ и готоваго лѣса на 5 кораблей, въ концѣ 1805 года недоставало только 11 кораблей, 16 фрегатовъ и лѣса на корабли. Хозяйственная часть значительно улучшилась. При Императрицѣ Екатеринѣ, поспѣшныя вооруженія, чрезвычайно сложное устройство администраціи и недостатокъ въ надзорѣ, ввели адмиралтейство въ большіе долги, изъ коихъ нѣкоторые не уплачивались въ продолженіе 13-ти лѣтъ. При Императорѣ Павлѣ, огромныя и быстрыя сооруженія не дозволяли и думать о погашеніи долга. Ассигнованныхъ на морскую часть 7 милліоновъ рублей ($4\frac{1}{2}$ милл. на балтійскій и $2\frac{1}{2}$ милл. на черноморскій флотъ) было недостаточно, и требовалось на ежегодныя издержки, по крайней мѣрѣ, 9 милліоновъ. Тѣмъ не менѣе однакоже, при Императорѣ Александрѣ I, адмиралтействъ-коллегія, съ помощью суммъ, полученныхъ изъ подвѣдомственнаго ей лѣснаго департамента, успѣла въ короткое время погасить часть долга, лежавшаго на морскомъ министерствѣ ([21]).

Безпрестанныя войны, веденныя Россіею съ 1805 по 1815 годъ, заставя правительство обратить исключительное вниманіе на умноженіе и содержаніе военно-сухопутныхъ силъ, были причиною тому, что нашъ флотъ тогда оставался въ небреженіи. Исправленіе старыхъ кораблей и постройка новыхъ почти совершенно прекратились, по недостаточности суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе флота. Наши моряки, выходя изъ портовъ съ ветхими судами, едва могшими держаться въ морѣ, дѣйствовали успѣшно противъ Шведовъ въ Балтикѣ и противъ Турокъ въ Архипелагѣ, но такое состояніе флота угрожало со-

вершеннымъ разрушенiемъ нашей морской силѣ. Императоръ Александръ не занимался этою частью, и мало цѣня подвиги моряковъ, благоволилъ только къ одному изъ нихъ, Павлу Васильевичу Чичагову, да и тотъ обратилъ на себя вниманiе Государя не заслугами на морскомъ поприщѣ, а многостороннимъ образованiемъ и твердостью характера.

ГЛАВА VII.

Сооруженія, общественныя работы и памятники. Каналы. Торговля.

(1801 — 1805 г.)

Съ самаго восшествія на престолъ Императора Александра I, Петербургъ замѣтно украшался великолѣпными зданіями и гульбищами: въ числѣ послѣднихъ былъ бульваръ, (нынѣ уничтоженный) отъ Полицейскаго до Аничкова моста, составлявшій часть нынѣшняго Невскаго проспекта, который, по замѣчанію одного иностранца, долженъ-бы называться „улицею терпимости", потому что тамъ, на пространствѣ менѣе версты, находятся нѣсколько храмовъ различныхъ вѣроисповѣданій, православный (Казанскій соборъ), лютеранскій, католическій и армянскій. Главнымъ украшеніемъ этой улицы служитъ „Казанскій соборъ". Императоръ Александръ I, положивъ основный камень сему зданію въ 1802 г., ассигновалъ на построеніе его въ восемь лѣтъ сумму, по смѣтѣ 2,843,434 рубл. Проектъ и планъ собора принадлежатъ надворному совѣтнику Воронихину, воспитаннику петербургской Академіи Художествъ, которому было поручено и сооруженіе храма, подъ наблюденіемъ президента академіи, извѣстнаго

любовью къ изящнымъ искусствамъ, графа Александра Сергѣевича Строгонова (1).

Въ первые-же годы царствованія Александра I, начато построеніе гранитнаго тротуара вдоль адмиралтейства, для взаимнаго соединенія набережныхъ лѣвой стороны Невы, Дворцовой и Англійской. О важности подобнаго рода работъ въ нашей сѣверной столицѣ можно судить по тому, что каждая сажень набережной, вмѣстѣ съ чугунною оградою, при тогдашней дешевизнѣ матеріаловъ и рабочихъ, обходилась въ 536 р. 50 к., а какъ въ то время уже были сдѣланы вдоль Невы и различныхъ каналовъ набережныя на пространствѣ около 35-ти верстъ, то сооруженіе ихъ, вмѣстѣ съ мостами, вообще стоило болѣе 12-ти мил. р.(2).

Украшенію Петербурга много послужило сооруженіе Биржи, на оконечности Васильевскаго острова, именуемой Стрѣлкою, тамъ, гдѣ Малая Нева, отдѣляется отъ Большой. Самый выборъ мѣста, открытаго со всѣхъ сторонъ, былъ весьма удаченъ. Биржевое зданіе заложено еще при Императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1784 году, по плану извѣстнаго архитектора Гваренги, но вслѣдъ за тѣмъ начавшіяся войны заставили прекратить неоконченную постройку наружныхъ стѣнъ, которыя, отъ вліянія сырости и стужи, пришли въ такое разрушеніе, что пришлось сломать ихъ. Императоръ Александръ I повелѣлъ соорудить новое биржевое зданіе, по плану строителя Большаго театра, (сгорѣвшаго въ 1810 году), архитектора Томона (Thomon), который умеръ въ 1805 году, неокончивъ построеніе новой биржи. Вмѣстѣ съ сооруженіемъ ея было перестроено архитекторомъ Захаровымъ зданіе Академіи Наукъ. Издержки на биржу, съ великолѣпною набережною на Стрѣлкѣ, и на Академію Наукъ, въ совокупности, простирались болѣе 4-хъ мил. рублей (3).

Говоря объ украшеніи сѣверной столицы величественными зданіями, нельзя умолчать о мѣрахъ, принятыхъ для основательнаго распредѣленія налоговъ, взимаемыхъ съ владѣльцевъ городскихъ недвижимыхъ имуществъ. При Императорѣ Павлѣ, эти сборы были весьма обременительны по неравномѣрному распредѣленію податей, которыя состояли: во 1-хъ, въ опредѣленной, сообразно стоимости имуществъ, суммѣ на постройку казармъ, либо въ отбываніи квартирной повинности въ натурѣ; во 2-хъ, въ содержаніи фонарей для освѣщенія улицъ; въ 3-хъ, въ содержаніи ночной стражи (будочниковъ) и пожарной команды, и въ 4-хъ, въ уплатѣ въ городскую кассу 5-ти процентовъ съ наемной цѣны жилыхъ домовъ и 10-ти процентовъ съ наемной же цѣны лавокъ, гостинницъ, и т. п. Послѣдній налогъ падалъ преимущественно на неимущихъ гражданъ, отдававшихъ въ наемъ большую часть своихъ домовъ, между тѣмъ какъ богатые люди, занимая сами цѣлые дома, были свободны отъ этой повинности, и къ тому-же, при безпрестанной перемѣнѣ жильцами квартиръ и при измѣненіи цѣнъ за наемъ ихъ, трудно было услѣдить за исправнымъ взносомъ налога. Императоръ Александръ I, желая облегчить бремя, лежавшее на столичныхъ домовладѣльцахъ, повелѣлъ отмѣнить: во 1-хъ, поставку будочниковъ натурою, тягостную для обывателей и неудобную для полиціи; во 2-хъ, налогъ на суда съ хлѣбомъ, сопряженный съ возвышеніемъ цѣны на сію необходимѣйшую потребность; въ 3-хъ, сборъ съ рабочихъ и состоящихъ въ услуженіи людей. — Для опредѣленія-же и уравненія городскихъ повинностей, по Высочайшему повелѣнію, въ обѣихъ столицахъ были учреждены комитеты, составленные изъ лицъ, избранныхъ отъ дворянства и

купечества, и двухъ членовъ, назначенныхъ отъ правительства. Комитету въ С.-Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ военнаго губернатора, графа Буксгевдена, было поручено: съ приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ денежныхъ и личныхъ повинностей, лежащихъ на обывателяхъ столицы, уравнять въ нихъ все городское населеніе такъ, чтобы каждый несъ налогъ соразмѣрный его состоянію и опредѣлительно зналъ свои обязанности, а мѣста, взыскивающія сіи повинности, требовали-бы исполненія ихъ не по собственному произволу, а по власти имъ ввѣренной правительствомъ (4).

Первоначальнымъ послѣдствіемъ занятій комитета былъ Именной указъ Сенату, 24-го іюля 1803 года, которымъ постановлено: во 1-хъ, въ отдаленныхъ городскихъ частяхъ, обыватели, не платящіе, квартирныхъ денегъ и отбывающіе сію повинность въ натурѣ, обязаны содѣйствовать небольшими денежными взносами сооруженію казармъ для войскъ, а до окончанія ихъ постройки, уплачивать квартирныя деньги офицерамъ и нижнимъ чинамъ, по особой табели; бѣднѣйшіе-же граждане были уволены отъ квартирной повинности; во 2-хъ, сформированы изъ отставныхъ солдатъ полицейскія и пожарныя команды и опредѣлено отпускать изъ городской казны на ихъ содержаніе ежегодно 31,130 рублей; въ 3-хъ, освѣщеніе улицъ возложено на хозяевъ домовъ; въ 4-хъ, сложены недоимки по сбору съ доходовъ, простиравшіяся въ 1802 году до 215,000 рублей; въ 5-хъ, положено вымостить камнемъ всѣ улицы, оставшіяся немощеными, очистить сточные каналы и настлать вдоль домовъ тротуары: на все это назначено выдавать ежегодно изъ городской казны по 45,000 рублей; въ 6-хъ, повелѣно очистить берега Невы и устроить для судовъ

удобныя пристани; въ 7-хъ, на всѣхъ рынкахъ и торговыхъ площадяхъ поставить для общественнаго употребленія вѣсы; въ 8-хъ, положено всѣ лежащія на городскихъ обывателяхъ денежныя повинности замѣнить ежегоднымъ сборомъ полупроцента съ стоимости домовъ; оцѣнку-же ихъ поручено сдѣлать избраннымъ на сей предметъ отъ города депутатамъ. Изъ Высочайше утвержденнаго доклада комитета, 19 января 1804 года, оказывается, что всѣ частныя недвижимыя имущества въ Петербургѣ тогда стоили по оцѣнкѣ, сдѣланной депутатами, 70,597,575 рублей, а полупроцентный сборъ составлялъ 352,987 рублей. Вообще же, по примѣрной смѣтѣ, доходы столицы простирались до 982,604, а расходы до 827,252 рублей. Въ числѣ главныхъ городскихъ расходовъ было назначено: 1) на содержаніе Полиціи 361,670 рубл. 2) на содержаніе Градской Думы 16,770 рублей; 3) на приходскія училища 25,000 рубл. 4) на содержаніе городскихъ казармъ 85,137 рубл. 5) на содержаніе шести плавучихъ мостовъ 33,710 рубл. 6)на тротуары, набережныя, подземныя трубы и мощеніе площадей 70,000 рубл. 7) на освѣщеніе улицъ 91,000 рубл. 8) на бутки, мостки на каналахъ, спуски къ Невѣ, и проч. 80,000 рублей (5).

Въ 1804 году, по изъявленному полтавскими гражданами желанію, назначить доходы съ деревень, состоявшихъ во владѣніи города Полтавы, на сооруженіе монумента въ память побѣды 27 іюня 1709 года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ сихъ доходовъ въ вѣдѣніе тамошняго генералъ-губернатора до сооруженія помянутаго памятника. Самъ Государь пожелалъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ (6).

По случаю утвержденія Императоромъ Александ-

ромъ правъ и преимуществъ обывателей Кіева, граждане этого города воздвигли въ честь святаго равноапостольнаго Князя Владиміра памятникъ, который былъ торжественно открытъ въ 1802 году, въ годовщину коронованія Государя ([7]).

Министръ коммерціи, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, соорудивъ знаменитому отцу своему, фельдмаршалу графу Задунайскому, памятникъ въ Кіевѣ, обязался, за себя и наслѣдниковъ своихъ, ежегодно жертвовать шесть тысячъ рублей, съ тѣмъ, чтобы эти деньги распредѣлялись по-ровну между шестью отставными офицерами, назначаемыми самимъ графомъ и братомъ его, а по смерти ихъ капитуломъ россійскихъ орденовъ. Отъ получающихъже помянутые пенсіоны требовалось, чтобы они жили въ Кіевѣ и постоянно присутствовали въ продолженіи священной литургіи и панихидъ за упокой души фельдмаршала. Эти распоряженія удостоились Высочайшаго утвержденія 17-го марта 1805 года ([8]).

Сооруженіе судоходныхъ каналовъ, столь необходимое для внутренней и внѣшней торговли, было предметомъ постоянной заботливости правительства въ царствованіе Александра I. Еще при Петрѣ Великомъ построены были Вышневолоцкій и Ладожскій каналы. Екатеринѣ II-й принадлежитъ заслуга значительнаго улучшенія Вышневолоцкой водной системы. Въ продолженіи кратковременнаго царствованія Императора Павла сооружались каналы: Сясскій, Новгородскій (въ послѣдствіи—Сиверсовъ), Березинскій, Маріинскій, Огинскій, Шлиссельбургскій, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, и приступлено къ очисткѣ днѣпровскихъ пороговъ. Въ первые годы нынѣшняго столѣтія построены слѣдующіе ка-

налы: 1) начатый еще въ 1766 году и оконченный въ 1801 году, по проекту графа Сиверса, *Сясскій* каналъ, служащій продолженіемъ Ладожскаго канала и простирающійся на 10 верстъ; 2) *Новгородскій* (въ послѣдствіи — *Сиверсовъ*, по имени главнаго директора путей сообщенія, графа Сиверса, при которомъ онъ былъ прорытъ), начатъ въ 1797, а оконченъ въ 1803 году, длиною 8½ верстъ; 3) *Огинскій* каналъ, по имени графа Огинскаго, исполнившаго сіи работы на собственный счетъ въ послѣдніе годы королевства польскаго, открытый въ 1784 году, но совершенно оконченный не прежде 1804 года, длиною 45 верстъ; въ различныхъ пунктахъ этого канала устроено 10 шлюзовъ; 4) *Маріинскій* каналъ, по имени Императрицы Маріи Θеодоровны, особенно покровительствовавшей его сооруженію, начатъ въ 1799, оконченъ въ 1803 году; длина его около 6-ти верстъ; *Березинскій* каналъ, начатый въ 1798 и оконченный въ 1805 году, прорытъ между озерами Плавіо и Берештою, на протяженіи 8-ми верстъ. Параллельно рѣкѣ Сергуту, вытекающей изъ Плавіо, сооруженъ обходный каналъ на 9 верстъ, а параллельно рѣкѣ Берештѣ, вытекающей изъ озера того-же имени, и рѣкѣ Эссѣ, два канала, длиною первый — въ 2½, а другой — въ ½ версты; кромѣ того, для спрямленія рѣки Уллы, построенъ при мѣстечкѣ Чашникахъ каналъ въ версту съ небольшимъ. На этой водной системѣ вообще устроено 11 шлюзовъ.

Въ первые-же годы царствованія Александра I вновь сооружались каналы: 1) *Свирскій*, служащій продолженіемъ Сясскаго канала, начатъ въ 1802 году, по проекту генерала де-Волана; 2) *Тихвинскій*, для соединенія рѣки Тихвинки, съ Горынью и Чагодощью, притокомъ Мологи, впадающей въ Волгу. Это

водное сообщеніе было предположено Петромъ Великимъ, а работы по сооруженію канала, проектированныя де-Воланомъ, начаты въ 1802 году ([9]).

Торговля годъ отъ году получала большее развитіе, чему было положено основаніе еще при Екатеринѣ Великой. Ея постоянство въ мѣрахъ, принятыхъ для увеличенія народнаго благосостоянія, отвращеніе отъ монополій, свобода государственныхъ учрежденій, и даже ея завоеванія, проложившія новые пути дѣятельности русскаго народа, все способствовало успѣхамъ нашей торговли. Въ продолженіи тридцати четырехъ лѣтъ, съ 1762 по 1796 годъ, заграничный торговый оборотъ Россіи возвысился отъ 21 до 109 милліоновъ рублей, и хотя въ 1797 году уменьшился до 91,600,000, однако же не на-долго, и по отчету министра коммерціи, графа Румянцова, въ 1803 году, простирался около 123-хъ милліоновъ. Перевѣсъ вывоза надъ привозомъ товаровъ въ бѣломорскихъ портахъ, въ этомъ году, доходилъ до 4,300,000 рублей, а въ Одессѣ и прочихъ портахъ Чернаго и Азовскаго морей — до 2 милліоновъ. Вообще-же вывезено товаровъ моремъ и сухимъ путемъ на 67,148,643, а ввезено — на 55,557,675 рублей, слѣдовательно вывезено болѣе на 11,590,968 рублей ([10]). Императоръ Александръ, желая способствовать только лишь возникавшей черноморской торговлѣ, повелѣлъ уменьшить въ тамошнихъ портахъ пошлины на 25 процентовъ. Внутренняя торговля, несмотря на затруднявшіе ее плохіе пути сообщенія, значительно развивалась, и въ особенности въ столицахъ и въ тѣхъ городахъ, гдѣ издавна учреждены большія ярмарки.

Императоръ Александръ всячески старался содѣйствовать успѣху торговыхъ предпріятій. Несмотря на возвышавшуюся цѣну акцій Россійско-Аме-

риканской компаніи, подписка на нихъ шла довольно медленно, чему, отчасти, была причиною значительная цѣнность ихъ, доходившая въ началѣ 1802 года до 3,727 рублей. Но когда, по распоряженію директоровъ, онѣ были раздѣлены на части (меньшія акціи) по 500 рублей, и вслѣдъ за тѣмъ, 25 мая, по Высочайшему повелѣнію, было взято, въ пользу богоугодныхъ заведеній, на имя Государя, 20 акцій, то въ короткое время онѣ были разобраны и быстро возвысились ([11]).

Въ началѣ царствованія Императора Александра I-го, была учреждена Бѣломорская компанія, съ цѣлью рыбной ловли на Бѣломъ морѣ и соленія сельдей на манеръ голландскихъ. Министръ коммерціи, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, испросивъ соизволеніе Государя, поручилъ всѣ предварительныя мѣры по этому дѣлу архангельскому купцу Дорбекеру и бухгалтеру заемнаго банка Книперу. Въ началѣ іюля 1803 года, выписали изъ-за границы 14 мастеровъ, искусныхъ въ соленіи сельдей и купили въ Голландіи нѣсколько неводовъ, по образцу коихъ приготовили достаточное количество сихъ рыболовныхъ снарядовъ въ Архангельскѣ. Правительство дозволило привозъ въ Архангельскъ необходимаго количества соли изъ Испаніи и Португаліи. Тогда-же были куплены и приспособлены къ лову сельдей новыя суда, а между тѣмъ издержки покрывались подпискою на акціи, шедшею съ большимъ успѣхомъ. 14 августа ст. ст., Государь, утвердивъ уставъ компаніи, соизволилъ подписаться на десять акцій, предоставя ихъ въ пользу общества. Компанія получила привиллегіи рыбной ловли на Бѣломъ и Ледовитомъ моряхъ въ продолженіи 25 лѣтъ. Въ 1806 году компанія уже имѣла 11 кораблей и транспортовъ ([12]).

По свидѣтельству знаменитаго Палласа, рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ и на нижней Волгѣ уступаютъ своимъ богатствомъ только тѣмъ, которыя производятся на Ньюфаундлендскихъ отмеляхъ. Но когда, въ царствованіе Императрицы Екатерины, въ противность Высочайшему указу 1763 года, предоставившему всѣ казенныя рыбныя ловли на Каспійскомъ морѣ въ пользу астраханскаго купечества, Межевая Канцелярія продала эти ловли частнымъ людямъ, тогда отъ монополіи вздорожали всѣ рыбные продукты, да и самый промыселъ сталъ приносить менѣе, нежели прежде. Нѣкоторыя изъ тоней, принадлежавшія генералъ-фельдмаршалу, графу Салтыкову, будучи въ послѣдствіи пожалованы Императоромъ Павломъ графу Кутайсову ([13]), подали поводъ къ тяжбѣ между Салтыковымъ и Кутайсовымъ. Замѣчательно, что изъ всего спорнаго владѣнія, пространствомъ болѣе 210 тысячъ десятинъ, были удобны къ обработыванію только 786, лежащія узкою полосою вдоль моря, а неудобной земли было 209,925 десятинъ; существенную-же цѣну имѣнію давали морскія рыбныя ловли, отъ коихъ графъ Кутайсовъ, внося ежегодно въ казну 7,500 рублей арендныхъ денегъ, получалъ дохода до 479,500 рублей. Императоръ Александръ, принявъ во вниманіе, что правительство, при раздачѣ сихъ земель, имѣло единственною цѣлью ихъ заселеніе, земледѣліе и скотоводство, а не исключительное право пользоваться морскими рыбными ловлями, долженствующими, въ силу древнѣйшихъ законовъ, оставаться въ общемъ употребленіи, повелѣлъ: въ замѣнъ 786 десятинъ удобной земли, правильно отданныхъ графу Салтыкову, но потомъ, силою Именнаго указа, поступившихъ во владѣніе графа Кутайсова, отвести ему, по его собственному выбору, такое-же число

десятинъ изъ казенныхъ земель въ другихъ губерніяхъ; въ отношеніи-же къ графу Кутайсову, замѣнить сію собственность единовременною выдачею капитала, соразмѣрно вносимой имъ въ казну арендной суммѣ, и потому, выдавъ ему 150,000 рублей, обратить всѣ промыслы, съ землями и урочищами ихъ, въ общее употребленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ на будущее время постановлено, чтобы эти рыбные промыслы и принадлежащія къ нимъ земли, ни кому не были отдаваемы, ни въ оброкъ, ни въ собственность, а оставались въ общемъ владѣніи, за исключеніемъ рыбныхъ промысловъ, присвоенныхъ Уральскому войску. О прочихъ-же рыбныхъ промыслахъ, состоящихъ во владѣніи частныхъ лицъ, поручено разыскать Сенату, различивъ неправильныя притязанія отъ законныхъ правъ, и положить мѣру вознагражденія за послѣднія, для обращенія всѣхъ такихъ владѣній въ общее государственное имущество ([14]).

Сенатъ, разсмотрѣвъ права помянутыхъ владѣльцевъ, вообще нашелъ три рода владѣнія: во 1-хъ, земли, проданныя на основаніи межевой инструкціи 1765 года; во 2-хъ, земли, отведенныя подъ заселеніе государственныхъ крестьянъ, и въ 3-хъ, земли, пожалованныя по особымъ Высочайшимъ указамъ. Признавъ законность только послѣднихъ владѣній, Сенатъ полагалъ, что земли, принадлежащія къ двумъ первымъ разрядамъ, долженствовали-бы обращены быть въ общее государственное имущество, но принялъ во вниманіе, что всѣ ихъ владѣльцы получили имѣнія съ дозволенія правительства, заплатя въ казну установленныя пошлины, а многіе заселили земли крестьянами и устроили разныя хозяйственныя заведенія, стоившія имъ значительныхъ издержекъ; къ тому-же, нѣкоторыя изъ

этихъ владѣній были обезпечены болѣе, нежели десятилѣтнею давностью и перешли къ другимъ помѣщикамъ, также употребившимъ на нихъ большія суммы. По всѣмъ этимъ причинамъ Сенатъ полагалъ: оставить во владѣніи Шамхала Тарковскаго пожалованныя ему, по Именному указу 11 марта 1803 года, земли и рыбныя ловли, а равно оставить во владѣніи государственныхъ крестьянъ села Александріи, земли, заселенныя ими на основаніи Высочайшаго рескрипта 1785 года. Изъ прочихъже имѣній, отвести владѣльцамъ земли, соразмѣрно съ числомъ ватагъ *), по одной квадратной верстѣ на каждую, обративъ все остающееся пространство въ общую пользу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Сенатъ упомянулъ о вредѣ, происходящемъ отъ введенія нѣкоторыхъ рыболовныхъ орудій и снастей, а равно учуговъ **), препятствующихъ изобильному ходу рыбы по протокамъ изъ Каспійскаго моря въ Волгу. По мнѣнію Сената, надлежало запретить, либо, по крайней мѣрѣ, ограничить употребленіе такихъ снастей и преградъ, а разрѣшить рыболовныя снасти, признанныя безвредными.

Всѣ эти предположенія, заключавшіяся въ докладѣ Правительствующаго Сената, отъ 30 іюня 1803 года, удостоились Высочайшаго утвержденія([15]).

---

*) *Ватага*, пристанище рыбаковъ, съ избами, землянками, ледниками, и проч.

**) *Учугъ*, рядъ свай, съ рыболовными снарядами, для задержанія рыбы.

ГЛАВА VIII.

Общественная и частная благотворительность. Подвиги добра.

(1801—1805).

Съ первыхъ дней царствованія Императора Александра I, попеченіе о всѣхъ имѣющихъ нужду въ общественной помощи сдѣлалось важною отраслью государственнаго управленія. Плодами административной дѣятельности по сей части, въ самомъ началѣ, были: возстановленіе и лучшее устройство приказовъ общественнаго призрѣнія и принятіе ихъ подъ особенное покровительство Государя; учрежденіе благотворительныхъ обществъ для пособія неимущимъ и постояннаго медико-филантропическаго комитета.

Императоръ Александръ, принявъ приказы общественнаго призрѣнія, установленные для покровительства и оказанія помощи вдовамъ, увѣчнымъ и убогимъ, въ свое особенное покровительство, повелѣлъ: во 1-хъ, чтобы гражданскіе губернаторы немедленно доставили на Высочайшее Имя подробныя свѣдѣнія о суммахъ. въ приказахъ состоящихъ, и о состояніи подвѣдомственныхъ имъ заведеній, и чтобы впредь такія свѣдѣнія были присылаемы за

каждую половину года; во 2-хъ, доносить о всѣхъ пожертвованіяхъ, вносимыхъ въ приказы частными лицами, для того — какъ сказано въ указѣ — „чтобы извѣстны были Намъ имена сихъ лицъ употребленіемъ избытковъ своихъ дѣлающихъ честь человѣчеству и успѣхамъ просвѣщенія", и въ 3-хъ, порученъ докладъ по всѣмъ дѣламъ приказовъ дѣйствительному камергеру Витовтову ([1]).

Въ отношеніи къ мѣрамъ, принятымъ для пособія неимущимъ, приведемъ подлинныя слова Императора Александра, изъ указа на имя Витовтова: „Обыкновенное подаяніе нищимъ, умножая только число оныхъ, не упокоя старца, отягощеннаго лѣтами, не возвратитъ здоровья юношѣ, увядающему на зарѣ дней своихъ, не избавитъ отъ смерти или порока младенца, долженствующаго быть подпорою отечества. Нерѣдко также наглый тунеядецъ похищаетъ отъ руки благодѣтельной то, что назначено было отцу семейства, томящемуся на одрѣ смерти и отчаянія. Изъ сего слѣдуетъ, что растрогану быть наружнымъ и весьма часто обманчивымъ видомъ нищеты и убожества, не есть еще благодѣяніе. Надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ — въ сей обители плача и страданія." Далѣе сказано, что Государь, взявъ подъ особливое и непосредственное покровительство свое всѣ благодѣтельныя общества, поручилъ занятіе и доклады по части государственнаго благодѣянія также камергеру Витовтову ([2]).

Тогда-же, вслѣдствіе записки, поданной Государю Витовтовымъ, по совѣщаніи его съ докторами медицины: Фрейгангомъ, Вельциномъ, Эллизеномъ, Уденомъ и Тимковскимъ, былъ учрежденъ медико-филантропическій комитетъ ([3]). Въ продолженіи перваго года, истекшаго со времени открытія коми-

тета, онъ представилъ Витовтову, для доклада Государю, слѣдующія предположенія: 1) объ улучшеніи петербургской градской больницы; 2) объ учрежденіи домовъ для помѣщенія мнимо-умершихъ; 4) объ институтѣ глухонѣмыхъ; 5) о родовспомогательныхъ заведеніяхъ; 6) объ учрежденіи конторы кормилицъ; 7) о прививаніи коровьей оспы; 8) о средствахъ для ослабленія венерическихъ болѣзней; 9) о новомъ устройствѣ народныхъ больницъ въ Петербургѣ; 10) объ изслѣдованіи причинъ увеличивающихся болѣзней и смертности въ Петербургѣ, и наконецъ 11) о средствахъ подавать своевременную помощь людямъ, подвергающимся внезапной опасности (4).

Во главѣ лицъ, посвятившихъ свою жизнь утѣшенію несчастныхъ, стояла вдовствующая Императрица Марія Ѳеодоровна, бывшая, во время царствованія трехъ Императоровъ — по счастливому выраженію одного изъ нашихъ писателей — *министромъ благотворительности*. Еще въ бытность Великой Княгиней, любимымъ ея дѣломъ было облегченіе, по возможности, бѣдствій гнетущихъ человѣчество. Императоръ Павелъ, желая доставить ей средства удовлетворять влеченіямъ ея сердца, немедленно по вступленіи на престолъ, ассигновалъ ей милліонъ рублей и поручилъ ея верховному наблюденію женскія учебныя заведенія и воспитательные домы въ обѣихъ столицахъ. Подвиги Августѣйшей Благотворительницы достойны жить въ памяти потомства не только по щедрости, но и по мудрому употребленію даровъ ея. Не мѣсто здѣсь говорить о всемъ ею сдѣланномъ по этой части, тѣмъ болѣе, что многія изъ ея благодѣяній, совершенныя втай-

нѣ, извѣстны только Верховному Сердцевѣдцу. Но, чтобы дать хотя нѣкоторое понятіе о характерѣ ея распоряженій по сей части, скажу нѣсколько словъ о совершенныхъ подъ ея руководствомъ преобразованіяхъ женскихъ учебныхъ заведеній.

Въ концѣ 1796 года, когда попеченіе о сихъ заведеніяхъ было ввѣрено Императрицѣ Маріи, главное изъ нихъ — *воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ* находилось въ упадкѣ. Назначенная за-долго предъ тѣмъ на содержаніе училища ежегодная сумма, отъ возраставшей постоянно цѣны припасовъ, сдѣлалась недостаточною, и заведеніе вошло въ долги, простиравшіеся до 73,000 рублей, что̀ заставляло помышлять о значительномъ уменьшеніи числа воспитанницъ. Самое воспитаніе требовало измѣненій: дѣти поступали въ заведеніе въ столь нѣжномъ возрастѣ и оставались тамъ такъ долго, что теряли всякое воспоминаніе о своихъ родныхъ и дѣлались имъ совершенно чужими. Нельзя также оставить безъ замѣчанія, что дочери мѣщанъ, получая тамъ одинаковое образованіе съ дѣвицами знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, не рѣдко, по возвращеніи въ родительскіе домы, были поставлены своимъ воспитаніемъ въ положеніе, несоотвѣтственное ихъ состоянію, что̀ не могло служить къ ихъ счастію.

Императрица Марія начала преобразованіе заведенія съ улучшенія финансовой части. Благодаря богатымъ дарамъ Императора Павла и собственной щедрости Императрицы, ежегодные доходы воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ увеличились на 39 тысячъ, а съ 1813 года, кромѣ того, еще на 68 тысячъ рублей, не считая особаго основаннаго Императрицею капитала, подъ названіемъ *кассетной суммы*, возросшей въ продолженіи ея

управленія, до 1,289,315 рублей. По прежнему штату положено было воспитывать 200 дѣвицъ дворянскаго и 240 мѣщанскаго сословія; но большое количество первыхъ, просившихъ о принятіи въ заведеніе, заставило совѣтъ общества помѣстить 50 сверхъ-комплектныхъ благородныхъ дѣвицъ на мѣщанской половинѣ, гдѣ содержаніе было нѣсколько дешевле. Императрица нашла возможнымъ имѣть въ заведеніи 300 дѣвицъ дворянскаго и 200 мѣщанскаго происхожденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она преобразовала воспитаніе послѣднихъ, ограничивъ его предметами, сообразными съ будущимъ положеніемъ воспитанницъ, при чемъ отличнѣйшимъ изъ нихъ была предоставлена возможность довершать свои научныя свѣдѣнія, посѣщая лекціи наравнѣ съ благородными дѣвицами, для пріуготовленія себя въ классныя дамы, либо въ частныя наставницы.

До принятія воспитательнаго общества подъ покровительство Императрицы, поступали туда дѣти въ возрастѣ отъ пяти или шести лѣтъ, и оставались тамъ 12 лѣтъ, что не только было безполезно для ихъ научнаго развитія, но оказывало вредное вліяніе на здоровье дѣтей и совершенно отчуждало ихъ отъ родительскаго дома. Императрица, принявъ во вниманіе эти соображенія, постановила, чтобы благородныя дѣвицы поступали въ заведеніе въ возрастѣ отъ 8-ми до 9-ти, а прочія отъ 11-ти до 12-ти лѣтъ, и чтобы первыя оставались въ институтѣ девять, а послѣднія — шесть лѣтъ.

Предметы обученія, по распоряженію Императрицы, были слѣдующіе:

Для благородныхъ дѣвицъ:	Для прочихъ дѣвицъ:
Законъ Божій и священная исторія.	тоже.

Для благородныхъ дѣвицъ:	Для прочихъ дѣвицъ:
Языки: русскій, нѣмецкій и французскій. Исторія, географія и ариѳметика.	тоже.
Геометрія и алгебра. Логика и естественная исторія. Рисованіе и живопись. Музыка и пѣніе. Танцованіе. Шитье и другія женскія работы.	женскія работы.

Попеченіе благодѣтельной Государыни о своихъ воспитанницахъ не ограничивалось ихъ образованіемъ; бѣднѣйшія изъ нихъ получали при выпускѣ небольшую сумму, могшую, на первое время, обезпечить ихъ будущность: дѣвицамъ дворянскаго происхожденія выдавалось отъ 300 до 500, а прочимъ отъ 50 до 100 рублей.

Пансіонерки принимались въ институтъ, съ ежегодною уплатою по 503 р. 78½ к. на дворянской и 203 р. 78½ к. на мѣщанской половинѣ.

Въ 1804 году, въ заведеніи состояло, кромѣ положенныхъ по штату воспитанницъ, 25 сверхъ-комплектныхъ и 80 пансіонерокъ, всего-же 605 дѣвицъ ([5]).

Училища ордена св. Екатерины. Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ было преимущественно назначено для дѣтей родоваго дворянства, и потому Императрица Марія сочла нужнымъ основать для прочихъ дѣвицъ другое заведеніе, что̀ и было исполнено въ 1799 году. Какъ необходимыя къ тому суммы поступили большею частью отъ ко-

мандорствъ ордена Св. Екатерины, то кавалерственнымъ дамамъ сего ордена было предоставлено право помѣщать въ заведеніе, по ихъ выбору, недостаточныхъ дѣвицъ, и самый институтъ получилъ названіе училища ордена Св. Екатерины. Въ началѣ было положено обучать 60 дѣвицъ, но въ послѣдствіи число ихъ значительно увеличено. Онѣ принимались въ институтъ въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ и оставались тамъ въ продолженіи шести лѣтъ, обучаясь: закону Божію, русскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, исторіи, географіи, логикѣ, рисованію, танцованію и пѣнію. За обученіе инструментальной музыкѣ требовалась отъ родителей или родственниковъ дѣвицъ особая плата. (Императрица, зная, что многія изъ воспитанницъ института, по выпускѣ оттуда, не имѣли средствъ пріобрѣсть фортепіано, ограничила ихъ общее музыкальное образованіе пѣніемъ).

Воспитанницы были обязаны шить для себя бѣлье и дежурили по-очереди, для ознакомленія съ домашнимъ хозяйствомъ.

За содержаніе сверхъ-штатныхъ пансіонерокъ полагалась ежегодная плата 441 р. 85 к. (въ послѣдствіи 900 руб). Онѣ могли поступать въ заведеніе, начиная съ 8-лѣтняго возраста и оставались тамъ столько лѣтъ, сколько желали ихъ родные.

Ежегодные расходы на содержаніе училища вообще простирались сперва до 28,000, а въ 1803 году до 43,000 рублей, кромѣ пожалованной Императоромъ Александромъ, на построеніе новаго дома, суммы 267,000 рублей.

Въ томъ-же году, 10 февраля, былъ открытъ такой-же институтъ въ Москвѣ. Императрица Марія пожаловала на покупку дома для института 17,000 рублей, а Императоръ Александръ повелѣлъ отпу-

стить 30,000 рублей на приведеніе этого зданія въ надлежащее состояніе. Московскій институтъ получалъ содержаніе отъ щедротъ Августѣйшихъ Особъ Императорскаго Дома, жертвовавшихъ на сей предметъ ежегодно 35,000 рублей. Кромѣ штатныхъ воспитанницъ, поступило въ институтъ, въ первый-же годъ по открытіи заведенія, болѣе сорока пансіонерокъ.

Вслѣдъ за тѣмъ общественное воспитаніе дѣвицъ, по представленію Высокой Благотворительницы, получило еще большее развитіе. Императоръ Александръ утвердилъ предположеніе объ основаніи пяти подобныхъ-же институтовъ, изъ коихъ три были назначены для дворянскаго и два — для прочихъ сословій. Первоначально было учреждено такое училище (Александровское) въ Москвѣ, для воспитанія дочерей разночинцевъ (6).

Трогательный примѣръ благотворительности явила Императрица Марія, по случаю бракосочетанія Великой Княжны Маріи Павловны, пожертвовавъ 10,000 рублей, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы, ежегодно, 22 іюля, выдавались шести дѣвушкамъ, именно тремъ солдатскимъ дочерямъ и тремъ — мѣщанскаго сословія. Правами на полученіе такой награды были: недостаточное состояніе, заслуги и похвальныя качества ихъ родителей, собственное отличное поведеніе дѣвицъ, и въ особенности любовь и уваженіе ихъ къ родителямъ.

Въ 1797 году, Императрица Марія, по волѣ и просьбѣ супруга своего, приняла подъ свое покровительство воспитательные домы: Петербургскій и Московскій. Положеніе этихъ благотворительныхъ учрежденій тогда было очень жалко: доходы ихъ, которыхъ главная часть заключалась въ оборотѣ учрежденной при каждомъ домѣ Сохранной и Ссуд-

ной казны, отъ безпорядочнаго управленія, находились въ величайшемъ упадкѣ. Императрица, принявъ въ свое вѣдѣніе разстроенную массу людей и дѣлъ, учредила *опекунскій совѣтъ* изъ людей опытныхъ по хозяйственной части. сама приняла участіе въ ихъ занятіяхъ и тѣмъ возбудила ихъ готовность трудиться. Менѣе, нежели въ одинъ годъ, всѣ дѣла были приведены въ порядокъ, а въ 1799 году, Императрица уже могла ссудить казну, изъ суммъ воспитательнаго дома, двумя милліонами рублей, для начатія работъ канала на рѣкѣ Вытегрѣ.

Но эта сумма и послѣдующія, пріобрѣтенныя попеченіемъ Государыни, не значили почти ничего въ сравненіи съ просвѣщенными и трогательными заботами ея о судьбѣ тысячъ дѣтей, *Своихъ дѣтокъ*, какъ выражалась сама Императрица, поручая сиротъ крестьянкамъ, принимавшимъ на себя обязанности кормить и воспитывать ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Государыня облегчила положеніе помѣщиковъ, закладывавшихъ имѣнія въ ссудной казнѣ, и бѣдныхъ людей, занимавшихъ деньги подъ залогъ вещей въ ломбардѣ, многими льготами: увеличены сроки, на кои закладывались недвижимыя имущества и уменьшены проценты (8).

Какъ благодѣтельные лучи солнца согрѣваютъ окружающій его міръ, такъ благотворительность Высокихъ Особъ приноситъ двойную пользу, возбуждая общество къ добродѣтельнымъ поступкамъ. Утвердительно можно сказать, что ни одна эпоха нашей исторіи не представляла дотолѣ такого множества подвиговъ добра, какое встрѣчается въ первые годы царствованія Александра I. Не берусь исчислить дѣла благотворительности, но и самое поверхност-

ное указаніе ихъ можетъ украсить не одну страницу нашихъ лѣтописей.

Однимъ изъ полезнѣйшихъ учрежденій въ Москвѣ, столь богатой памятниками частнаго человѣколюбія, есть Голицынская больница, основанная на капиталъ, завѣщанный, въ 1793 году умершимъ въ Вѣнѣ, бывшимъ посломъ при тамошнемъ дворѣ, княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ. Уважаемый и любимый Императрицею Екатериною и императоромъ Іосифомъ II, за прямодушіе и благородство своего характера, меценатъ ученыхъ и художниковъ, князь Голицынъ, довершилъ свои великодушные подвиги, оставя, на построеніе и содердержаніе больницы въ Москвѣ: 850,000 рублей, внесенныхъ въ воспитательный домъ; доходы съ двухъ имѣній, въ коихъ числилось около двухъ тысячъ душъ, и драгоцѣнную картинную галлерею, проданную въ пользу той-же больницы. Священная для друзей человѣчества воля завѣщателя была отлично исполнена его родственникомъ, оберъ-камергеромъ княземъ Александромъ Михайловичемъ Голицынымъ. Въ продолженіи семи лѣтъ, на сухомъ, здоровомъ мѣстѣ, сооружено огромное зданіе, вмѣщающее въ себѣ, кромѣ больницы на сто человѣкъ, родо-вспомогательное заведеніе и богадѣльню. Несмотря на то, что издержки на постройку и снабженіе всѣмъ нужнымъ сихъ учрежденій простирались до шестисотъ тысячъ рублей, строитель сохранилъ неприкосновеннымъ капиталъ 850,000 рублей, завѣщанный его родственникомъ. Со времени открытія больницы, 22 іюля 1802 года, въ день Ангела Императрицы Маріи, заведеніе содержалось процентами съ этого капитала, простиравшимися до сорока тысячъ рублей.

При поступленіи больныхъ въ сіе заведеніе, не

обращается вниманіе ни на что, кромѣ бѣдности и нездоровья, подающихъ неотъемлемое право на помощь. Больные помѣщаются въ небольшихъ комнатахъ, отъ четырехъ до шести человѣкъ въ каждой, и содержатся превосходно. Прахъ благодѣтеля ихъ покоится подъ сводами великолѣпнаго храма, сооруженнаго среди больницы; тамъ стоитъ мраморный памятникъ, трудъ профессора Петербургской Академіи Художествъ Гордеева (9).

Братья умершаго въ цвѣтущихъ лѣтахъ, въ 1804 году, генерала, графа Валеріана Александровича Зубова, оберъ-шталмейстеръ, графъ Николай, генералъ отъ инфантеріи князь Платонъ и генералъ-маіоръ Дмитрій Зубовы, желая увѣковѣчить воспоминаніе о графѣ Валеріанѣ богоугодными и человѣколюбивыми учрежденіями, подали Государю проектъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія, 3-го іюля 1805 года (10).

На основаніи этого проекта, они построили при Троицко-Сергіевской пустынѣ, гдѣ погребено тѣло ихъ брата, церковь, во имя святаго мученика Валеріана, и инвалидный домъ для содержанія тридцати человѣкъ, преимущественно изувѣченныхъ въ сраженіяхъ. Въ церкви сооруженъ памятникъ усопшему. Поминовеніе по немъ совершается два раза въ недѣлю, и сверхъ того въ дни его рожденія, Ангела и кончины. Учредители постановили принимать въ инвалидный домъ исключительно русскихъ мужескаго пола, въ числѣ коихъ:

Дворянъ, либо оберъ-офицеровъ		4
Унтеръ-офицеровъ	либо разночинцевъ.	6
Рядовыхъ		20

Постройку церкви и дома, а равно и первоначальное снабженіе ихъ всѣмъ нужнымъ, приняли на

себя учредители, обязавшись вмѣстѣ съ тѣмъ, за себя и своихъ наслѣдниковъ, вносить ежегодно, съ 22 ноября 1806 года (дня освященія обоихъ зданій), по шести тысячъ рублей на содержаніе призрѣваемыхъ и на прочія издержки ([11]).

Въ февралѣ 1803 года скончался рижскій негоціантъ фонъ-Фишеръ. Въ день похоронъ этого, извѣстнаго благотворительностью человѣка, оказалось изъ письма его къ одному изъ своихъ друзей, пастору Зонтагу, что, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, онъ открылся ему въ намѣреніи завѣщать сорокъ тысячъ талеровъ и домъ, для призрѣнія и обученія сиротъ, лишенныхъ возможности получить воспитаніе ([12]).

Бывшій членъ рижскаго магистрата, Самуилъ Штраухъ пожертвовалъ тридцать тысячъ талеровъ на разныя благотворительныя учрежденія ([13]).

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ внесъ въ ломбардъ десять тысячъ рублей, назначивъ проценты съ сего капитала на содержаніе четырехъ вдовъ въ учрежденномъ щедротами Императрицы Маріи вдовьемъ домѣ. Вслѣдъ затѣмъ онъ принялъ на себя обязательство вносить въ астраханскій приказъ общественнаго призрѣнія, изъ доходовъ отъ каспійскихъ рыбныхъ ловлей, ежегодно по четыре тысячи рублей. Половина этой суммы была назначена имъ въ пользу народныхъ школъ, а остальныя деньги на содержаніе астраханскихъ больницъ ([14]).

Масальскій помѣщикъ Хлюстинъ раздалъ казеннымъ крестьянамъ гжатскаго и сычевскаго уѣздовъ, страдавшимъ отъ неурожая, пятьсотъ четвертей ржи и уступилъ весьма дешево двѣ тысячи четвертей овса, въ которомъ они нуждались для посѣва. Онъже построилъ въ Масальскѣ богадѣльню на 26 человѣкъ, одѣвъ ихъ и принявъ, отчасти, на себя

ихъ содержаніе. Въ продолженіи пяти лѣтъ, онъ ежегодно жертвовалъ по 250 рублей на обученіе нѣсколькихъ молодыхъ людей въ пансіонѣ при масальскомъ народномъ училищѣ, а потомъ внесъ, на сей-же предметъ, три тысячи рублей въ калужскій приказъ общественнаго призрѣнія ([15]).

Кіевскій помѣщикъ фонъ-Гольстъ учредилъ нѣсколько сельскихъ школъ для крестьянскихъ дѣтей, ввелъ въ свои и сосѣдственныя деревни прививаніе коровьей оспы, и основалъ кредитную кассу, изъ которой каждый изъ крестьянъ могъ получать вспоможеніе, уплачивая ничтожные проценты. Эта касса была ввѣрена выборному, назначенному самими крестьянами. Кромѣ того, фонъ-Гольстъ старался распространять понятія о земледѣліи и прочихъ родахъ промышленности, бесѣдуя съ своими крестьянами, подавая имъ полезные совѣты и сообщая новѣйшія открытія по части сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, въ 1804 году, когда почти вся губернія была опустошена саранчею, ему удалось предохранить отъ этого бѣдствія поля собственныя и своихъ сосѣдей ([16]).

Архангельскій градской голова, купецъ Поповъ ознаменовалъ свое управленіе, увеличивъ благоразумными распоряженіями учрежденные въ Архангельскѣ городскіе хлѣбные магазины, на сумму двадцать восемь тысячъ рублей. Ему-же городъ былъ обязанъ мостомъ, служащимъ для сообщенія съ островомъ „Соломбалъ“. Желая прекратить нищенство, онъ предложилъ городскому обществу назначить содержаніе бѣднѣйшимъ гражданамъ, составилъ планъ богадѣльни и открылъ подписку на сей предметъ, пожертвовавъ тысячу рублей ([17]).

Дѣйствительный камергеръ, сенаторъ, тайный совѣтникъ графъ Ильинскій. пожертвовалъ милліонъ

польскихъ злотыхъ (150.000 руб. сер.) на учрежденіе, въ принадлежащемъ ему мѣстечкѣ Романовѣ, волынской губерніи, института глухонѣмыхъ, на 50 воспитанниковъ, не считая пансіонеровъ. Графъ Ильинскій обязался, за себя и за своихъ наслѣдниковъ, содержать въ институтѣ комплектное число учениковъ, надзирателей, учителей и прислуги, и при опредѣленіи дѣтей, принимать во вниманіе общественныя заслуги ихъ родителей и родственниковъ. Всѣ эти распоряженія удостоились Высочайшаго утвержденія ([18]).

Многіе изъ частныхъ людей и городскихъ обществъ сдѣлали значительныя пожертвованія на учрежденіе богадѣленъ и больницъ ([19]). Тверское дворянское собраніе, по случаю неурожая въ 1803 году, сдѣлало подписку на 50,000 рублей и внесло эту сумму въ приказъ общественнаго призрѣнія, для раздачи тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые были не въ состояніи кормить крестьянъ своихъ. Осташковская городская управа, получивъ отъ неизвѣстнаго 3,000 рублей, для продовольствія бѣднѣйшихъ гражданъ, немедленно открыла подписку на сей же предметъ, и, въ продолженіе одного мѣсяца, успѣла собрать болѣе двухъ тысячъ рублей ([20]). Правительство поощряло подвиги добра наградами и изъявленіемъ Монаршаго благоволенія, что̀ побуждало многихъ праздновать торжественные царскіе дни новыми благотвореніями. Въ 1801 году, рижскіе граждане ознаменовали день Св. Коронованія утѣшеніемъ несчастныхъ. Первый тому примѣръ подалъ баронъ Ферзенъ: по его желанію, всѣ содержавшіеся въ рижской тюрьмѣ за долги не только были выкуплены, но получили небольшое пособіе. Нѣкоторые изъ гражданъ, сложившись между собою, послали довольно значительную сумму въ Николаевскую град-

скую богадѣльню; другіе щедро угостили бѣдныхъ. Многіе изъ лицъ купеческаго сословія собрали нѣсколько тысячъ рублей и, получивъ отъ пасторовъ списки недостаточныхъ гражданъ, нуждавшихся въ пособіи, но непросившихъ о немъ, оказали имъ помощь и обѣщали постоянно заботиться объ ихъ участи. Жители Петрозаводска отпраздновали, въ 1802 году, день Ангела Государя учрежденіемъ народнаго училища, сиротскаго дома, больницы и богадѣльни. Жители прочихъ городовъ олонецкой губерніи приняли живое участіе въ этомъ дѣлѣ: губернскіе чиновники пожертвовали единовременно 1,000 рублей; городское общество Петрозаводска — ежегодно 800; Каргополя, Вытегры и Олонца — по 500; прочія — по 100 рублей ([21]). Въ 1804 году, смольяне встрѣтили сей-же день учрежденіемъ сиротскаго дома, собравъ на содержаніе его болѣе полуторы тысячи рублей; тогда-же отставной маіоръ Барышниковъ, извѣстный своею щедростью на пользу просвѣщенія и благотворительности, пожертвовалъ на богоугодныя и воспитательныя заведенія 6,000 рублей ([22]).

Въ 1805 году, на пожарѣ въ Муромѣ, у купеческой вдовы Ирины Зварыкиной, сгорѣлъ домъ со всѣмъ ея имуществомъ. Только лишь небольшой узелокъ съ жемчугомъ удалось спасти ей, да и тотъ потеряла она, подавая помощь другимъ несчастнымъ. Отправясь искать пристанище въ другую часть города, она нашла узелокъ, похожій на тотъ, который принадлежалъ ей, но заключавшій въ себѣ несравненно болѣе цѣнное жемчужное ожерелье. Первымъ долгомъ безкорыстной Зварыкиной было — возвратиться на пожарище и отыскать владѣльца потерянной вещи. За тѣмъ — лишась совершенно средствъ къ жизни, она была принуждена просить

милостыню. Но испытаніе ея продолжалось недолго. По докладѣ Государю министра юстиціи, князя Лопухина, о поступкѣ Зварыкиной, повелѣно выдать ей тысячу рублей (23).

И полудикія племена, подвластныя Россіи, занесли не одинъ подвигъ въ лѣтописи благотворительности. Буряты, въ верхнеудинскомъ уѣздѣ (иркутской губерніи), дали, вновь поселеннымъ, забайкальскимъ колонистамъ 630 штукъ рогатаго скота и 350 пудъ ржи для посѣва. Оберъ-тайша (старшина) бурятскій Галсанъ-Марадаевъ, вмѣстѣ съ другими иркутскими гражданами, пожертвовалъ въ пользу сихъ-же колонистовъ значительное количество хлѣба, скота и прочихъ необходимѣйшихъ потребностей. Въ иркутскомъ уѣздѣ, бурятскіе оберъ-тайши внесли въ приказъ общественнаго призрѣнія, для раздачи неимущимъ, тысячу рублей. Въ березовскомъ уѣздѣ (тобольской губерніи) богатый самоѣдъ раздалъ своимъ землякамъ, питавшимся исключительно охотою и рыбною ловлею, и терпѣвшимъ, отъ неудачи этихъ промысловъ въ 1805 году, крайнюю нужду, 400 оленей, на сумму до двухъ тысячъ рублей (24).

Благотворительность общественная и частныхъ лицъ не ограничивалась удовлетвореніемъ вещественныхъ потребностей меньшей братіи. Многіе, сочувствуя видамъ правительства, доставляли крѣпостнымъ людямъ драгоцѣнный даръ свободы. Крестьянинъ, уроженецъ московской губерніи, Логиновъ, принадлежавшій помѣщику Ерошкину, съ самаго дѣтства выказалъ способности къ музыкѣ, и пріѣхавъ въ Петербургъ, усовершенствовалъ свой талантъ въ игрѣ на скрипкѣ. Находясь въ столицѣ, онъ сдѣлался извѣстнымъ князю Платону Зубову, страстному любителю музыки, который приглашалъ

его на свои концерты, и наконецъ, купивъ у Еропкина за 12,000 рублей небольшую деревню, къ которой былъ приписанъ Логиновъ, устроилъ концертъ въ его пользу, и при входѣ, вмѣсто билета, вручилъ кассиру отпускную даровитаго артиста.

Одному изъ лучшихъ воспитанниковъ Академіи Художествъ, Александрову, три года сряду, единогласно была присуждаема, по портретной и исторической живописи, большая золотая медаль; но даровитый художникъ, будучи крѣпостнымъ, не могъ, на основаніи устава академіи, получить ни этой почетной награды, ни соединенныхъ съ нею преимуществъ — патента на чинъ и командировки за границу на казенный счетъ. Наконецъ, великодушный покровитель художествъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, принявъ участіе въ судьбѣ талантливаго юноши, исходатайствовалъ ему отпускную отъ его господина, графа Шереметева. Вмѣстѣ съ свободою, Александровъ получилъ всѣ три медали, шпагу и патентъ на чинъ, и вскорѣ затѣмъ былъ отправленъ на три года въ Италію.

Подобно тому, крѣпостной человѣкъ князя Хованскаго, Серебряковъ, оказавшій необыкновенныя способности по части счетоводства, былъ отпущенъ на волю со всѣмъ своимъ семействомъ.

Крѣпостной латышъ Вилліамсъ, изучивъ въ юности ремесло отца своего слесаря, возымѣлъ страстное желаніе учиться математикѣ; но какъ на латышскомъ языкѣ не было ни одной математической книги, то надлежало Вилліамсу, прежде всего, изучить нѣмецкій языкъ. Такое дѣло было для него очень трудно: никто изъ его родныхъ не зналъ по-нѣмецки, и бѣдный труженикъ былъ принужденъ учиться самъ, безъ посторонней помощи и безъ всякихъ руководствъ. Купивъ нѣмецкую Библію, онъ

сталъ разбирать ее по складамъ сравнительно съ латышскою, и такимъ образомъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ усидчиваго труда, добился до того, что могъ читать и нѣсколько понимать изъ прочитаннаго по-нѣмецки. Въ это время пріѣхалъ на родину Вилліамса землемѣръ, которому онъ былъ приданъ въ качествѣ помощника. Узнавъ отъ землемѣра о существованіи латышскаго лексикона, Вилліамсъ пріобрѣлъ эту драгоцѣнную для него книгу, сталъ заниматься еще прилежнѣе прежняго и сдѣлалъ такіе успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ, что могъ понимать математическіе учебники. Къ сожалѣнію, не кому было руководить его, и по тому онъ учился безъ всякаго плана, что̀ затрудняло его занятія, такъ наприм. онъ изучалъ тригонометрію прежде геометріи и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Вилліамсъ образовалъ себя и по другимъ предметамъ: семейство его господина и жившій въ помѣщичьемъ домѣ учитель приняли въ томъ участіе, снабжая его сочиненіями Геллерта, Клейста и множествомъ книгъ, относящихся къ математикѣ, естественной исторіи и сельскому хозяйству. Кончина Вилліамсова отца измѣнила его положеніе: сдѣлавшись главою семьи и владѣльцемъ крестьянскаго участка, онъ съ усердіемъ взялся за плугъ, занимаясь въ свободные часы изготовленіемъ математическихъ инструментовъ и употребляя выручаемыя отъ продажи ихъ деньги на покупку книгъ и на содержаніе двухъ меньшихъ братьевъ, которыхъ хотѣлъ образовать въ слесарномъ ремеслѣ до такой степени, чтобы они могли дѣлать землемѣрскія орудія. Отличныя способности и примѣрное поведеніе Вилліамса наконецъ побудили его господина, барона Врангеля, дать ему свободу, отправить въ дерптскій университетъ и снабдить платьемъ, бѣльемъ и деньгами. Выдержавъ испытаніе въ ма-

тематическихъ свѣдѣніяхъ и получивъ свидѣтельство въ томъ, что могъ изучать курсъ прикладной математики, Вилліамсъ поступилъ въ число студентовъ. Товарищи его, отдавая справедливость способностямъ и постоянству молодаго латыша, открыли подписку въ его пользу и вручили ему собранныя деньги, не оскорбивъ чувства его достоинства. Университетъ выдалъ ему изъ своей резервной кассы полугодовую стипендію. Само собою разумѣется, что онъ получилъ безвозмездно университетское образованіе ([25]).

Въ числѣ пожертвованій на пользу общую была покупка въ Англіи спасительной лодки рижскимъ купцомъ Мичелемъ (John Mitschel), приславшимъ ее въ распоряженіе рижскаго магистрата ([26]).

Нельзя не упомянуть здѣсь о поступкѣ дочери сосланнаго въ Сибирь, отставнаго прапорщика, Прасковьи Лупаловой. При отправленіи туда, его сопровождали жена и дочь: первая переносила тоску и лишенія ссылки съ безмолвною покорностью; напротивъ того, молодая „Параша“, одаренная необыкновенною силою воли, рѣшилась освободить своихъ родителей и дала обѣтъ, въ случаѣ успѣха въ задуманномъ ею намѣреніи, посвятить Богу остальную жизнь свою. Увѣщанія отца и матери ея — отказаться отъ безнадежнаго предпріятія — были напрасны; имъ оставалось напутствовать обреченную, по ихъ мнѣнію, гибели молодую дѣвушку, послѣднимъ благословеніемъ. Осѣненная ихъ крестнымъ знаменіемъ, съ однимъ рублемъ въ карманѣ, Параша пустилась пѣшкомъ въ дальній путь изъ ишимскаго уѣзда (тобольской губерніи) въ Петербургъ. Надлежало пройти болѣе трехъ тысячъ верстъ безъ всякихъ средствъ къ существованію: такое чудо возможно только въ Россіи. Юность и нищета безпомощной

дѣвушки возбуждали на всемъ пути ея общее участіе; почти вездѣ находила она и гостепріимный кровъ, и пищу; нерѣдко попутчики предлагали подвезти даромъ утомленную пѣшеходку. Наконецъ, послѣ тринадцати-мѣсячнаго странствованія, она пришла въ Петербургъ. Но ей оставалось совершить труднѣйшую часть своего подвига. Среди обширнаго города, дочь ссыльнаго, въ нищенской одеждѣ, безъ покровительства, должна была обратиться къ самому Императору и просить его не о справедливомъ вознагражденіи невиннаго, а о помилованіи преступника. Къ счастію, случайно узнавъ о нѣкоторыхъ чертахъ благотворительности княгини Дарьи Александровны Трубецкой. Параша обратилась къ ней съ мольбою о помощи. Эта великодушная женщина дала пріютъ у себя въ домѣ бѣдной странницѣ и написала о ней къ тайному совѣтнику Козодавлеву, одному изъ членовъ коммисіи, учрежденной для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ. Слѣдствіемъ ходатайства княгини была поданная Государю предсѣдателемъ коммисіи записка, на основаніи которой, отецъ Параши, будучи прощенъ, возвратился изъ Сибири (27).

Одинъ изъ мѣщанъ города Чистополя (казанской губерніи), Бараевъ, жившій у самаго берега Камы, услыша въ ночи сильный крикъ переправлявшихся въ лодкѣ людей, отправился имъ въ помощь, въ небольшомъ челнокѣ, и несмотря ни на темноту, ни на страшную бурю, успѣлъ спасти восемь человѣкъ (прочіе трое погибли прежде, нежели отважный Бараевъ успѣлъ выручить ихъ). Нѣсколько времени спустя, тридцать человѣкъ въ баркѣ, желавшіе переправиться черезъ рѣку, почти сплошь покрытую шедшимъ по ней льдомъ, были затерты имъ, и опасаясь замерзнуть, перебрались на окружавшія барку огромныя льдины, кромѣ трехъ кресть-

янъ, которые упали въ воду и гибли уже. когда Бараевъ въ своемъ челнокѣ, подвергаясь явной опасности, проплылъ между льдинами, спасъ утопавшихъ и, съ помощью ихъ, успѣлъ переправить и всѣхъ остальныхъ на берегъ, къ своему дому ([28]).

ГЛАВА IX.

Финансы.

(1801 — 1805 г.)

Россія представляетъ рѣдкій примѣръ быстраго возрастанія государственныхъ доходовъ и расходовъ, причемъ однакоже увеличенію ихъ цифры много содѣйствовало пониженіе цѣнности нашей монеты и представителя ихъ — бумажныхъ денегъ. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, доходы Россіи не превышали пяти милліоновъ рублей (тогда равнявшихся 25-ти милліонамъ франковъ), и несмотря однакоже на то, дворъ русскаго царя славился великолѣпіемъ, его армія была многочисленна, и при кончинѣ его остались въ казнѣ значительныя суммы. Въ послѣдніе годы царствованія Петра I доходы Россіи увеличились вдвое, именно до 10,186,000 рублей серебромъ. Въ 1770-мъ году, они возрасли до 25-ти милліоновъ рублей (болѣе 100 милліоновъ франковъ), а въ концѣ царствованія Екатерины II-й до 60-ти милліоновъ рублей ассигнаціями (около сорока милліоновъ рублей серебромъ, или 170-ти милліоновъ франковъ) (1). Слѣдовательно — въ продолженіи ста двадцати лѣтъ доходы государства увеличились почти въ семь разъ *).

---

*) Мы говоримъ *почти*, потому что внутреннее достоинство и цѣна серебрянаго рубля уменьшилась около 20%.

Дальнѣйшее возвышеніе доходовъ еще изумительнѣе. Въ послѣдній годъ царствованія Императора Павла (въ 1800 году), они простирались до 77-ми милліоновъ рублей ассигнаціями (около 55-ти милліоновъ рублей серебромъ, или 225-ти милліоновъ франковъ), а вмѣстѣ съ остатками, взысканными недоимками, субсидіями, и проч. до 105-ти милліоновъ рублей ассигнаціями (около 75-ти милліоновъ руб. сер. 307-ми милл. франковъ). Расходы въ это время равнялись такой-же суммѣ, но въ числѣ ихъ показаны: остатокъ 4,990,467 р. 5½ к. и отчисленные въ неприкосновенный капиталъ 7,160,000 руб. ассигнаціями: вообще-же оставалось 12,150,467 руб. 5½ коп. Издержки на военную и морскую части въ семъ году вообще простирались до 43,400,000 руб. ассигнаціями: слѣдовательно поглощали болѣе половины годоваго дохода, или 2/5 всѣхъ суммъ поступившихъ въ государственную казну (2). Несмотря на мѣры, принятыя Императоромъ Павломъ для сокращенія расходовъ, война, веденная противъ французской республики, заставила прибѣгнуть къ новому выпуску ассигнацій, которыхъ общее количество къ концу 1800 года возрасло до 213 милліоновъ рублей.

Въ слѣдующіе два года, 1801-й и 1802-й, доходы ежегодно простирались отъ 77-ми до 78-ми милліоновъ рублей ассигнаціями, а съ недоимками. взысканіями и прочими суммами отъ 83-хъ до 84-хъ милліоновъ рублей ассигнаціями, присоединивъ къ которымъ суммы, оставшіяся отъ прежнихъ лѣтъ и заимствованныя изъ ассигнаціоннаго банка, заемнаго банка, ломбарда и главнаго почтоваго управленія, на покрытіе текущихъ расходовъ, оказывается, что въ сіи годы поступило въ казну по 107-ми милліоновъ рублей ассигнаціями, а расходы равня-

лись такой-же суммѣ; но въ концѣ 1802 года оставались въ распоряженіи государственнаго казначейства около 132.000 рублей, неприкосновеннаго капитала 2.614.285 руб. 70 коп. сер. или (считая по курсу рубль серебромъ въ 1 р. 40 к. ассигнаціями) 3.660,000 руб. ассигнаціями, да въ залогѣ ассигнаціонному банку 4,208.000 рублей, всего-же, кромѣ недопущенныхъ за прежнее время, до 8,000,000 руб. а вмѣстѣ съ недопущенными за прежніе годы около 17½ милліоновъ рублей ([3]).

Главные расходы, какъ и всегда, были по военно-сухопутной и морской частямъ. Издержки на первую простирались: въ 1801-мъ году болѣе 34-хъ милліоновъ рублей (24½ милл. руб. серебр.) и въ 1802-мъ году до 31½ милліоновъ рублей (22½ милл. руб. серебр.): (въ числѣ этихъ суммъ были отпущенные въ оба года на снабженіе арміи артиллеріей и оружіемъ 800,000 рублей и выданные генералу Спренгпортену, на препровожденіе изъ Франціи русскихъ плѣнныхъ, около 240,000 рублей). По морскому вѣдомству издержано: въ 1801-мъ году болѣе 12-ти милліоновъ рублей (8,640.000 рублей серебромъ) и въ 1802-мъ году 10 милліоновъ рублей (около 7½ милл. руб. серебр.), и въ томъ числѣ на постройку кораблей 717.000 р. и на черноморскую гребную флотилію въ оба года до 250.000 рублей. На содержаніе Высочайшаго двора отпущено: въ 1801-мъ году 11,300,000 рублей (болѣе 8-ми милл. руб. сереб.), въ числѣ коихъ на издержки при Священнѣйшемъ Короновании 473.000 (338,000 руб. серебромъ). Всемилостивѣйше пожаловано разнымъ лицамъ 436.000 р. (болѣе 300.000 руб. сер.). Въ 1802-мъ году, на содержаніе Высочайшаго Двора отпущено около 9½ милліоновъ (до 6,800.000 р. с.) и Всемилостивѣйше пожаловано до 330,000 руб.

(235,000 руб. сер.). На общественныя постройки и водяныя сообщенія въ оба года издержано болѣе 6-ти милліоновъ (4,420,000 руб. серебр.), въ числѣ коихъ: на построеніе Казанскаго Собора 260,000 р. и на работы по сооруженію Маріинскаго канала 800,000 руб. ассигнаціями *). На училища, воспитательныя заведенія и больницы въ эти два года, отпущено около 2,200,000 руб. (до 1,570,000 р. с.); на покупку въ казну населенныхъ имѣній болѣе 2½ милліоновъ руб. (1,800,000 руб. сереб.). Въ числѣ временныхъ пенсій въ 1802-мъ году выдано: Королю Сардинскому 37,500 рублей, братьямъ Французскаго Короля Людовика XVI-го 37,734 руб. и грузинскимъ царевичамъ до 130,000 рублей. На платежъ внѣшнихъ долговъ въ 1801-мъ и 1802-мъ годахъ отпущено 7,660,000 рублей (5,470,000 руб. серебр.), а на платежъ внутреннихъ долговъ въ оба года 9,600,000 рублей (около 7,000,000 руб. сер.).

За 1803-й годъ, доходъ простирался болѣе 95½ милліоновъ рублей ассигнац. (72,300,000 р. с.) **), а вмѣстѣ съ недоимками и проч. до 101,280,000 руб. (76,700,000 руб. серебр.). Присоединивъ къ тому суммы, остававшіяся къ 1-му генваря сего года и заимствованныя изъ ассигнаціоннаго и заемнаго банковъ, опекунскаго совѣта, и проч. оказывается, что вообще было въ приходѣ около 128½ милліоновъ рублей ассигнац. (до 97,300,000 руб. серебр.) Расходовъ было до 109,112,000 рублей ассигнац. (около 82,900,000 руб. серебр.). За тѣмъ къ 1-му генваря 1804 года оставалось 19,135,118 рублей ассигнац. (около 14½ милл. серебр.).

*) Въ это время рубль серебромъ по курсу равнялся 1 р. 40 к. ассигнаціями.

**) По курсу рубль серебромъ въ 1 р. 32 к. ассигнаціями.

Въ 1803-мъ году, расходы по военному министерству, простирались почти до 34½ милліоновъ руб. (около 26-ти милл. руб. серебр.), въ числѣ коихъ: на снабженіе арміи артиллеріей и оружіемъ до 742.500 рублей, на постройку казармъ 433,000 и на укрѣпленіе Роченсальма 100,000 рублей ассигнаціями. По морскому министерству, издержано около 11-ти милліоновъ рублей (8,260,000 руб. серебромъ), и въ томъ числѣ: на черноморскую гребную флотилію около 125,000 рублей, на постройки въ Кронштадтѣ болѣе 170,000 и на постройки въ Архангельскомъ портѣ 100,000 рублей ассигнаціями. На содержаніе Высочайшаго Двора около 8,684,000 руб. (6,579,000 руб. серебр.). На духовный штатъ около 1½ милл. руб. (1,130,000 руб. серебр.). По министерству внутреннихъ дѣлъ 9,715,000 (7,360,000 р. с.). По министерству иностранныхъ дѣлъ около 1,200,000 рублей (900.000 руб. серебр.). По министерству народнаго просвѣщенія 1,616,000 рублей (1,224,000 руб. сер.), и въ томъ числѣ на содержаніе дерптскаго университета 165,000 рублей ассигнаціями. По министерству коммерціи и на устройство водяныхъ сообщеній 2,400,000 (1,800,000 руб. серебр.), и въ томъ числѣ на сооруженіе Маріинскаго канала 400.000 рублей ассигнаціями. По министерству финансовъ до 23.800,000 рублей (около 18-ти милл. руб. серебр.), и въ томъ числѣ: на пенсіи 2 милліона; по горной части около 2,300,000; виннымъ поставщикамъ 3,400,000, и сверхштатныхъ по винной и соляной частямъ болѣе 2-хъ милліоновъ; на покупку населенныхъ имѣній 1,300,000 рублей; на уплату процентовъ и капиталовъ по внѣшнимъ займамъ до 3,152,000 руб. (2,380,000 руб. серебр.); на уплату внутренняго долга 3,400,000 рублей. На временныя пенсіи 412.000 рублей. и въ томъ числѣ гру-

зинскимъ царевичамъ 16.000 рублей и на содержаніе грузинскаго царскаго дома 44,000 рублей (4).

Въ слѣдующемъ 1804-мъ году доходъ простирался до 97-ми милліоновъ рублей ассигнаціями (77,583,000 руб. серебр.) *), а вмѣстѣ съ недоимками и проч. около 103-хъ милліоновъ ассигнаціями (82½ милліона руб. серебр.). Присоединивъ къ тому суммы остававшіяся къ 1-му генваря сего года и заимствованныя изъ банковъ и опекунскаго совѣта, оказывается, что въ распоряженіи государственнаго казначейства вообще было 132½ милл. руб. ассигнац. (106 милл. руб. серебр.). Израсходовано 122.160,000 руб. ассиг. (97,728.000 руб. серебр.) Оставалось къ 1-му генваря 1805 года 10.370,771 рубль ассигнац. (около 8,300,000 руб. серебр.).

Несогласіе съ французскимъ правительствомъ, въ семъ году возникшее, заставило увеличить наши вооруженныя силы и вмѣстѣ съ тѣмъ издержки на военное вѣдомство, которыя потребовали 41.820,000 рублей (33,450,000 руб. серебр.), и въ томъ числѣ: на артиллерію до 1,234,000 рублей и на снабженіе арміи оружіемъ 400,000 рублей ассигнаціями. По морскому министерству нѣсколько болѣе 10½ милліоновъ рублей (8,400,000 руб. серебр.), и въ томъ числѣ: на устройство Ревельской гавани 400,000 и на Черноморскую гребную флотилію около 125.000 рублей ассигнаціями. На содержаніе Высочайшаго двора 9,678,000 рублей (7,743.000 руб. серебр.). На духовный штатъ около 1½ милліона руб. (1,200.000 руб. серебр.). По министерству внутреннихъ дѣлъ издержано 16,700,000 рублей (13.360.000 руб. серебр.). По министерству юстиціи 2,565,000 руб. (2,052,000 руб. серебр.). По министерству иностранныхъ дѣлъ

*) По курсу рубль серебромъ въ 1 р. 25 к. ассигнаціями.

1,430,000 рублей (1,150,000 руб. серебр.). По министерству народнаго просвѣщенія около 2,900,000 рублей (2,320,000 руб. серебр.), и въ томъ числѣ: на устройство харьковскаго университета 67,000 и на содержаніе виленскаго учебнаго округа до 188,000 руб. ассигнаціями. По министерству коммерціи и на устройство водяныхъ сообщеній 3,720,000 рублей (около 3-хъ милліоновъ руб. серебр.), и въ томъ числѣ на сооруженіе каналовъ 1,448,000 руб. ассигнаціями. По министерству финансовъ около 26,280,000 рублей (21,000,000 руб. серебр.), въ числѣ коихъ: пенсіи 1,830,000; по горной части 2,240,000; поставщикамъ вина 5,213,000; приданое Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ 1 милліонъ рублей серебромъ, или по курсу 1,250,000 рублей ассигнаціями; выданные министру внутреннихъ дѣлъ графу Кочубею заимообразно на 10 лѣтъ 100,000 рублей (80,000 р. серебр.); на уплату долговъ и процентовъ 7,880,000 рублей (6,300,000 руб. серебр.) (5).

Въ 1805-мъ году, доходы простирались около 100,800,000 рублей (80,640,000 руб. серебр.), а вмѣстѣ съ недоимками и проч. до 106¼ милліоновъ рублей (85 милліоновъ руб. серебр.); съ присоединеніемъ-же остатка къ 1-му генваря сего года и различныхъ суммъ, поступившихъ въ распоряженіе государственнаго казначейства изъ ассигнаціоннаго банка и опекунскаго совѣта, и проч. въ приходѣ было 147,238,852 р. 52½ коп. (117,791,082 рубля серебр.). Расходы вообще равнялись суммѣ 125,448,927 руб. 89 коп. (100,359,142 рубля серебр.). Оставалось къ 1-му генваря 1806 года 21,789,924 р. 63¾ коп. (17,431,940 руб. серебр.), а за исключеніемъ заимствованныхъ изъ ассигнаціоннаго банка, для безостановочной выдачи Провіантскому и Морскому департаментамъ опредѣленныхъ имъ суммъ, и слѣдующихъ на удо-

влетворепіе расходовъ за прошедшее время, чистый остатокъ къ 1806-му году простирался до 3,636,631 рубля 44 копѣекъ.

Война съ Франціей, возгорѣвшаяся въ 1805 году, увеличила издержки по военному министерству до 43,184,000 рублей (34,547,000 рубл. серебр.). Экспедиціи въ сѣверную Германію и южную Италію и содержаніе эскадры въ республикѣ Семи-Острововъ были причиною тому, что по морскому министерству издержано болѣе 14-ти милліоновъ рублей (11,200,000 рубл. серебр.). На содержаніе Высочайшаго двора отпущено около 9,800,000 рублей (7,840,000 рубл. сер.). На духовный штатъ $1\frac{1}{2}$ милліона рублей (1,200,000 рубл. серебр.) По министерству внутреннихъ дѣлъ расходы простирались до 18-ти милліоновъ рублей ($14\frac{1}{2}$ милліоновъ рубл. серебр.), изъ коихъ: по соляной части болѣе 8-ми милліоновъ рублей (6,400,000 рубл. серебр.), на постройку Казанскаго Собора 433,000 рублей (347,000 рубл. серебр.). По министерству юстиціи 2,737,000 рублей (2,190,000 рублей серебромъ). По министерству иностранныхъ дѣлъ около 1,760,000 рублей (1,400,000 рублей серебромъ). По министерству народнаго просвѣщенія 2,600,000 рублей (2,080,000 рубл. серебр.), и въ томъ числѣ отпущенные изъ доходовъ іезуитскихъ имѣній, поступившихъ въ 1804 — 1805 годахъ въ общую сумму государственныхъ доходовъ, на содержаніе виленскаго учебнаго округа 240,000 рублей. По министерству коммерціи около 4-хъ милліоновъ рублей (3,200,000 рубл. серебр.), и въ томъ числѣ: на постройку въ Петербургѣ биржи 490,000 рублей (392,000 рубл. серебр.); на постройку тамъ-же сальнаго и поташнаго буяновъ 165,000 рублей (132,000 рубл. сер.); на окончаніе Маріинскаго канала 300,000 рублей (240,000 рубл. серебр.); въ число 1,230,000 рублей

назначенныхъ на устройство въ Петербургѣ Обводнаго канала 200,000 рублей (160,000 рубл. серебр.) и на разныя сооруженія по водянымъ коммуникаціямъ 4.720,000 рублей (1,376,000 рубл. серебр.). По министерству финансовъ до 27,360,000 рублей (около 22-хъ милліоновъ рубл. серебр.), и въ числѣ ихъ: пенсіи и аренды 6,750,000 рублей (5,400,000 рубл. серебр.); на горные заводы около 1,900,000 рублей (1,520,000 рубл. серебр.); поставщикамъ вина 5,350,000 рублей (4,280,000 рубл. серебр.); отпущенныя заимообразно эстляндскому дворянскому банку 655,000 рублей; сложенная съ откупщиковъ Головина съ товарищами, слѣдовавшая съ нихъ по тобольскому и пермскому откупамъ 1792 — 1799 годовъ, сумма до 300,000 рублей; проценты съ капиталовъ пожалованныхъ грузинскимъ царевичамъ 32,000 рублей; на уплату по внѣшнимъ займамъ капитала и процентовъ 4 милліона рублей (3.200,000 рубл. серебр.); на уплату внутренняго долга 3,250,000 рубл. (2,600,000 рубл. серебр.) (6).

Въ концѣ 1805 года, количество выпущенныхъ въ обращеніе ассигнацій вообще простиралось до 292,200,000 рублей (7).

— — —

ГЛАВА X.

Водвореніе русскаго владычества въ Закавказьѣ и на Кавказѣ.

(1801—1805).

Съ давняго времени, богатое дарами природы, но неустроенное Закавказье, обращало на себя вниманіе русскаго правительства. Въ особенности-же Петръ I оцѣнилъ вполнѣ выгоды, которыя могло доставить обладаніе симъ краемъ. Онъ хотѣлъ проложить торговый путь въ Индію, вдоль западныхъ береговъ Каспійскаго моря, и съ этою цѣлью, въ 1711 году, основалъ первыя русскія поселенія на лѣвомъ берегу Терека, что̀ послужило началомъ Кавказской линіи, а въ 1722 году, повелѣлъ построить крѣпость Св. Креста, на р. Сулакѣ. Вслѣдъ затѣмъ, наши войска покорили Дагестанъ, ханства, сопредѣльныя этой странѣ, и персидскія области: Гилянь, Мазандеранъ и Астерабадъ. Но при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ всѣ русскія завоеванія за Кавказомъ были уступлены Персіи, и граница Россіи съ Персіей постановлена по рукаву Терека, именуемому Старый Терекъ.

Въ первые годы царствованія Екатерины II, Терская линія, начавшаяся устроиваться еще при

Аннѣ Іоанновнѣ, была доведена до Моздока; лѣвый флангъ этой линіи упирался въ Каспійское море, а правый не былъ прикрытъ никакою естественною преградою отъ жившихъ впереди линіи непокорныхъ горцевъ, которые, впрочемъ, тогда были несравненно менѣе воинственны, нежели въ послѣдующее время. Весь бассейнъ Кубани былъ населенъ горцами, признававшими надъ собою власть турецкаго султана, за получаемые отъ него подарки, но въ дѣйствительности независимыми и соблюдавшими многіе обряды христіанскіе; эти народы сдѣлались дѣйствительными поклонниками исламизма уже въ концѣ XVIII столѣтія.

Первыя русскія поселенія на равнинѣ по сѣверную сторону Кавказа возникли въ 1770 году, безъ содѣйствія правительства; русскіе выходцы основали нѣсколько селъ и множество хуторовъ, и жили тамъ, не подвергаясь ни переписямъ по ревизіямъ, ни платѣ государственныхъ повинностей. Между тѣмъ, для прикрытія восточной части Кавказской области, приступили въ 1777 году къ устройству, въ степи между Терекомъ и Дономъ, Моздоко-Азовской линіи, состоявшей изъ укрѣпленій, занятыхъ небольшими гарнизонами; а чтобы усилить линію, начали съ 1780 года селить на ней государственныхъ крестьянъ. Съ 1791 года возникли и по рѣкѣ Кубани первыя наши казачьи станицы и поселенія.

Одновременно съ тѣмъ, стали жаловать землями въ кавказской области частныхъ людей. Къ сожалѣнію, вмѣстѣ съ пустопорожними землями, были раздаваемы и заселенныя, что̀ не только остановило колонизацію края, но подало поводъ къ бунтамъ переселенцевъ, до того времени бывшихъ свободными, и къ другимъ безпорядкамъ: такимъ образомъ были пожалованы значительные участки Каспійскаго при-

брежья, съ образовавшимися на нихъ поселеніями, Всеволожскому и графу Александру Романовичу Воронцову, (который продалъ свой участокъ генералъ-маіору Бекетову), что̀ лишило кизлярскихъ казаковъ и прибрежныхъ туземцевъ возможности пользоваться рыбными ловлями, составлявшими единственное средство къ ихъ пропитанію, и обратило рыбный промыселъ въ монополію. Императоръ Александръ, (какъ мы уже имѣли случай сказать), отчасти исправилъ это важное неудобство, ограничивъ права нѣкоторыхъ изъ владѣльцевъ пожалованныхъ земель; тѣмъ неменѣе однакоже переписка объ этомъ дѣлѣ длилась около 60-ти лѣтъ, пока, наконецъ, въ 1855 году, казна, довольно дорогою цѣною, пріобрѣла участокъ Всеволожскихъ.

Императоръ Александръ I, переставъ, съ самаго начала своего царствованія, жаловать частныхъ лицъ населенными землями, разсѣялъ опасенія свободныхъ поселенцевъ, и тѣмъ способствовалъ колонизаціи сѣверныхъ предгорій Кавказскаго хребта. Въ 1801 году, крѣпостные люди составляли около 25% всего населенія этой страны, а въ 1861 году только 7%.

При восшествіи на престолъ Императора Александра, Терская линія была доведена до устья Малки; а на Кубани начинали селиться бывшіе запорожцы и другіе казаки; обѣ линіи, Терская и Кубанская, были разобщены значительнымъ пространствомъ, обитаемымъ независимыми племенами, которыя могли производить неожиданно набѣги въ равнину. Въ двадцати-пятилѣтіе царствованія Александра, Кавказская линія была совершенно окончена, всего на протяженіи болѣе тысячи верстъ: казачьи поселенія достигли верховій Кубани, Малки и Терека, устроено нѣсколько передовыхъ кордон-

ныхъ линій и значительно обезпечена военно-грузинская дорога перенесеніемъ съ праваго берега Терека на лѣвый. По прикрытіи обширной плоскости, лежащей къ сѣверу отъ Кавказа, можно было перенести театръ дѣйствій за Кубань и Терекъ и перейти отъ обороны къ наступленію, что и было началомъ періода нашей борьбы съ горцами, окончившагося совершеннымъ покореніемъ Кавказскаго края ([1]).

1796—1801. Въ концѣ царствованія Екатерины II, русскія войска, подъ начальствомъ графа Валеріана Зубова, посланныя на защиту Грузіи противъ Персіянъ, заняли Кубу, Баку, Шемаху, Ганжу и перешли чрезъ Араксъ; уже имъ былъ открытъ путь къ Тегерану, но едва лишь взошелъ на престолъ Императоръ Павелъ, какъ послѣдовало повелѣніе нашимъ войскамъ — немедленно возвратиться въ свои предѣлы. Тѣмъ не менѣе однако-же безвыходное положеніе Грузіи, волнуемой внутренними смутами и разоряемой сосѣдями, заставило царя Георгія XIII (Иракліевича) настоятельно просить Императора Павла о принятіи Грузіи въ подданство Россіи. По смерти-же Георгія, въ 1800 году, хотя и назначенъ былъ правителемъ этой страны старшій сынъ его, царевичъ Давидъ, генералъ-лейтенантъ русской арміи, однакоже, вслѣдъ за тѣмъ, манифестомъ отъ 18 января 1801 года, Грузинское царство „на вѣчныя времена“ присоединено къ Россіи ([2]). Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы ограничиться усиленіемъ Кавказской линіи, вступить съ горцами въ мирныя сношенія, защищать ихъ отъ азіятскихъ державъ и пріобрѣсти въ этихъ народахъ преграду отъ враждебныхъ покушеній Турціи и Персіи, мы, силою об-

стоятельствъ, были увлечены за Кавказъ и для спокойнаго обладанія Закавказьемъ принуждены вести многолѣтнюю войну съ кавказскими горцами.

1801.

Императоръ Александръ I, прежде принятія рѣшительныхъ мѣръ для утвержденія въ Грузіи своего владычества, желалъ знать мнѣніе опытныхъ государственныхъ людей о выгодахъ и неудобствахъ, сопряженныхъ съ присоединеніемъ Закавказья. Графъ Валеріанъ Александровичъ Зубовъ, который велъ войну въ этой странѣ и зналъ хорошо всѣ тамошнія обстоятельства, полагалъ, что охраненіе нашихъ границъ отъ набѣговъ дикихъ горскихъ племенъ и долгъ человѣколюбія къ народу, искавшему наше покровительство, обязывали Россійскаго Монарха принять Грузію подъ свою державу. По его мнѣнію, Грузины имѣли полное право надѣяться на защиту Россіи, и въ особенности послѣ обѣщаній, имъ данныхъ нашимъ правительствомъ. Дѣло о присоединеніи Грузіи, будучи внесено въ непремѣнный (Государственный) Совѣтъ было рѣшено въ такомъже духѣ: совѣтъ счелъ полезнымъ пріобрѣсть Грузію, какъ для пользы ея жителей, угнетаемыхъ своими владѣтелями, такъ и для спокойствія собственныхъ границъ Россіи ([3]).

Императоръ Александръ все еще колебался въ рѣшеніи вопроса о присоединеніи Грузіи и вторично поручилъ его разсмотрѣть Государственному Совѣту, которому при семъ было заявлено: „о крайнемъ отвращеніи Е. И. В. принять это царство въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой земли.“ Совѣтъ остался при прежнемъ своемъ мнѣніи, основываясь: во 1-хъ, на изъявленномъ всѣми жителями желаніи — быть россійскими подданными, и во 2-хъ, на слѣдствіяхъ, которыя могло имѣть оставленіе Грузіи въ томъ по-

1801. loженіи, въ коемъ она находилась при кончинѣ царя Георгія Праклієвича ([4]). Государь, на этотъ разъ, согласясь съ мнѣніемъ Совѣта, повелѣлъ генералъ-лейтенанту Кноррингу отправиться въ Грузію, чтобы удостовѣриться въ необходимости и пользѣ присоединенія сей страны къ Имперіи ([5]).

Дѣйствительно, Грузія и вообще Закавказье находились въ бѣдственномъ положеніи: князья угнетали народъ и присвоили себѣ право располагать произвольно имуществомъ и жизнью своихъ крестьянъ; многочисленные члены царскихъ фамилій потворствовали этимъ безпорядкамъ и враждовали между собою, а извнѣ эта страна подвергалась безпрестанно вторженіямъ горцевъ, Персіянъ и Турокъ ([6]).

Уже по отъѣздѣ Кнорринга, при обсужденіи вопроса о Закавказьѣ, въ неоффиціальномъ комитетѣ, молодыми сотрудниками Государя, графъ Кочубей подалъ голосъ противъ присоединенія Грузіи: по словамъ его, „желаніе ея жителей находиться въ россійскомъ подданствѣ было весьма сомнительно;“ что-же касается до притѣсненій, коимъ они подвергались, то для защиты Грузинъ было достаточно покровительства Россіи, которое не требовало значительныхъ пожертвованій: небольшое число войскъ, употребленное къ достиженію этой цѣли, могло быть содержимо на счетъ страны. По мнѣнію графа Кочубея, Совѣтъ преувеличивалъ доходы Грузіи, страны, населенной скудно и необладавшей никакою промышленностью; изъ всѣхъ имѣющихся документовъ оказывалось, что тамошніе рудники, въ продолженіи трехъ-лѣтней разработки, доставили не болѣе 90,000 рублей. Что-же касается донесеній Кнорринга о богатствѣ страны, то они, по мнѣнію Кочубея, были внушены желаніемъ угодить Го-

сударю. Прочіе сотрудники Государя также полагали, что слѣдовало совершенно отказаться отъ обладанія симъ краемъ (7). 1801

Несмотря однакоже на то, Императоръ Александръ послѣдовалъ рѣшенію Совѣта. По манифесту 12 сентября 1801 года, опредѣлены правила внутренняго управленія Грузіи (8), страны, заключавшей въ себѣ, на пространствѣ 300 верстъ, отъ главнаго Кавказскаго хребта до Эриванскаго ханства, и 280 верстъ, отъ рѣкъ Алазани и Джагара до Имеретіи и турецкихъ пашалыковъ, Ахалцыхскаго и Карскаго, около 160,000 жителей. За нѣсколько дней до изданія помянутаго манифеста, были также приняты подъ покровительство Россіи ханства: Дербентское, Кубинское и Бакинское (9).

9 апрѣля 1802 года, былъ торжественный въѣздъ въ Тифлисъ главнокомандующаго въ Грузіи, генерала Кнорринга (10) и управляющаго гражданскою частью въ сей странѣ, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коваленскаго. Восторгъ жителей, при встрѣчѣ ихъ, подавалъ самыя свѣтлыя надежды, но радость народа, непостояннаго, не могшаго отдать самому себѣ отчетъ въ своихъ желаніяхъ, была непродолжительна. Въ маѣ того-же года, объявленіе манифеста объ управленіи Грузіи (11), вмѣстѣ съ устраненіемъ отъ участія въ немъ всѣхъ лицъ грузинскаго царскаго дома, возбудило неудовольствіе, которое еще болѣе усилилось приказаніемъ Кнорринга — арестовать нѣсколько знатнѣйшихъ князей, отказавшихся присягать на подданство Россіи. Вслѣдъ за тѣмъ Кноррингъ уѣхалъ въ Георгіевскъ, поручивъ начальство надъ войсками въ Грузіи генералъ-маіору Лазареву. Въ Тифлисѣ и во всѣхъ областяхъ Грузіи жители роптали и волновались; многіе изъ кахетинскихъ князей ушли къ бѣжавшему въ Эри- 1802.

1802. ванъ царевичу Александру. Въ довершеніе безпорядка, Коваленскій поссорился съ Лазаревымъ и перестать посѣщать главное управленіе. Не было ни суда, ни расправы.

Пользуясь этими неустройствами, бѣжавшіе изъ Тифлиса члены грузинскаго царскаго дома готовили сильныя вооруженія противъ Русскихъ въ Имеретіи, Душетѣ и Эривани. Въ то-же время, Лезгины продолжали обычные свои набѣги, которымъ грузинскіе князья нисколько не сопротивлялись, желая выказать безсиліе Русскихъ. Потерявъ возможность грабить народъ, какъ прежде, князья выражали свое неудовольствіе на русское управленіе, говоря: „мы теперь сами крестьяне". Наибольшая-же опасность Лазареву грозила со стороны Персіи. Посланный шахомъ изъ Тегерана Пиръ-Кули-Ханъ, прибывъ съ десятью тысячами человѣкъ въ Нахичевань, направился къ Шушѣ и предпринялъ идти къ Бѣлоканамъ, чтобы соединиться тамъ съ Лезгинами и сторонниками царевича Александра и вторгнуться въ Кахетію, надѣясь возбудить къ возстанію жителей этой области. Но они оставались въ покоѣ, ограничиваясь присягою на вѣрность царевичу Іулону и прошеніемъ на имя Государя о возстановленіи на престолѣ ихъ царскаго рода, подъ покровительствомъ Россіи. Генералы Тучковъ 2-й и Лазаревъ, дѣйствуя съ осторожностью и благоразуміемъ, заставили Кахетинцевъ отказаться отъ ихъ намѣренія и обратиться къ покорности. Напротивъ того, Коваленскій, не разбирая правыхъ съ виноватыми, арестовалъ многихъ Грузинъ. Крутыя мѣры и злоупотребленія Коваленскаго уничтожили довѣріе туземцевъ къ русскому правительству. Грузины подвергались несноснымъ оскорбленіямъ; чиновники и офицеры увозили ихъ женъ и дочерей

и насильственно безчестили ихъ ([12]). Бѣдные туземцы обращались съ жалобами то къ одному, то къ другому изъ русскихъ правителей, и нигдѣ не находили себѣ защиты. Станемъ-ли послѣ всего этого удивляться озлобленію людей, привыкшихъ къ скорой, хотя и невсегда безукоризненной, азіятской юстиціи?

1802.

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣнія о всѣхъ безпорядкахъ грузинскаго управленія, отозвалъ Кнорринга и Коваленскаго и возложилъ на генералъ-лейтенанта, князя Цціанова, всѣ обязанности, соединенныя съ званіями инспектора Кавказской линіи, астраханскаго военнаго губернатора и главноуправляющаго въ Грузіи.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ князю Цціанову заключалась полная программа предстоявшихъ ему дѣйствій. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ, между прочимъ, сказано, что „присоединяя Грузію къ Россіи, Государь искалъ не удовлетвореніе властолюбія и не собственныя пользы своей Имперіи, а спокойствіе народа, волнуемаго внутренними и внѣшними смутами, издавна Россіи преданнаго и заслужившаго ея участіе своею преданностью...“ „Сверхъ общей справедливости — писалъ Александръ — вамъ предстоитъ убѣдить сей народъ, что ни отдаленность его, ни трудность сношеній съ нимъ, не воспрепятствуютъ ему участвовать въ благости россійскаго управленія, и что, ввѣривъ свою судьбу Россіи, онъ никогда не будетъ имѣть причинъ раскаяваться...“ Повелѣвъ Цціанову неотлагательно удовлетворить всѣ справедливыя жалобы туземцевъ на его предмѣстника, Государь писалъ: „...Если заключеніе карталинскихъ князей не имѣло никакого другаго повода, кромѣ вынужденія отъ нихъ присяги, то вы сами почувствуете, какъ подобное сред-

1802. ство противно предположенной цѣли, и немедленно ихъ освободите, принявъ мѣры предосторожности на случай какихъ-либо ихъ покушеній противъ настоящаго образа правленія…“ Повелѣно было также привести въ извѣстность доходы Грузіи. По словамъ Государя: „…хотя устроеніе грузинскаго народа содѣлалось предметомъ попеченія правительства, однако-же не слѣдуетъ, чтобы тяжесть сего управленія пала единственно на Россію.“ Наконецъ, было предписано выслать изъ Грузіи въ Россію всѣхъ лицъ грузинскаго царскаго дома, издавна подававшихъ поводы къ крамоламъ и смутамъ ([13]).

Князь Павелъ Дмитріевичъ Цидіановъ, во всѣхъ отношеніяхъ, былъ достоинъ довѣрія Государя. Потомокъ карталинскихъ владѣтелей, онъ съ дѣтства былъ записанъ на службу въ Преображенскій полкъ, и, подъ надзоромъ отца своего, изучалъ военныя науки, что не мѣшало ему заниматься и литературою, въ особенности-же переводами съ французскаго на русскій языкъ военныхъ сочиненій. Въ 1788 году, Цидіановъ, полковникъ и командиръ С.-Петербургскаго гренадерскаго полка, отличился при отбитіи сильной вылазки Турокъ подъ Хотиномъ и заслужилъ похвалу Румянцова, предрекшаго въ немъ отличнаго генерала. Послѣдующія за тѣмъ дѣйствія Цидіанова доставили ему такую извѣстность, что когда его произвели въ генералъ-маіоры и ему пришлось, по новому росписанію, ѣхать на Кавказскую линію, Императрица Екатерина оставила *своего генерала* при С.-Петербургскомъ полку, въ Гроднѣ. Въ продолженіи возстанія Польши въ 1794 году, онъ дѣйствовалъ столь-же рѣшительно, сколь и удачно; Суворовъ, въ одномъ изъ своихъ приказовъ, предписывалъ войскамъ: „сражаться такъ, какъ сражается храбрый генералъ Цидіановъ“. Въ 1796

году, князь Цыціановъ, по выбору самой Императрицы, отправился, подъ начальствомъ графа Зубова, въ Закавказье и провелъ послѣдніе мѣсяцы этого года и почти весь слѣдующій въ званіи бакинскаго коменданта. Находясь въ Баку, онъ сдружился съ Гуссейнъ-Кули-Ханомъ (въ послѣдствіи виновникомъ его смерти). Разстроенное здоровье Циціанова заставило его выдти въ отставку, но Императоръ Александръ I снова принялъ его въ службу, назначилъ экспедиторомъ по военной части въ канцелярію непремѣннаго совѣта и 15 сентября 1801 года, въ день коронаціи, произвелъ въ генералъ-лейтенанты, со старшинствомъ, въ сравненіи съ сверстниками, съ 14 февраля 1798 года. Назначеніе князя Циціанова главнокомандующимъ въ Закавказьѣ открыло ему, хотя и кратковременное, но блистательное поприще. Прежняя служба въ этой странѣ ознакомила его съ положеніемъ дѣлъ и дала ему возможность узнать людей, съ которыми довелось имѣть дѣло, что̀ обнаружилось изъ его отзыва къ министру иностранныхъ дѣлъ, графу Воронцову. По мнѣнію Циціанова: „Шихъ-Али-ханъ дербентскій и кубинскій былъ властолюбивъ, предпріимчивъ, довольно храбръ и стремился къ новымъ пріобрѣтеніямъ. Связи его съ Мегдіемъ, шамхаломъ тарковскимъ, искренни, какъ по родству съ нимъ, такъ еще болѣе по тому, что шамхалъ простъ и не можетъ препятствовать видамъ дербентскаго владѣтеля. Напротивъ того, Шихъ-Али-Ханъ недоброжелательствуетъ казыкумыцкому хану Сурхаю, одному изъ храбрѣйшихъ и сильнѣйшихъ дагестанскихъ владѣльцевъ. Польза Россіи требовала ослаблять Шихъ-Али-Хана, покровительствовать имѣющаго притязанія на Дербентъ Агу-Али-бека и, по возможности, стараться ввести гарнизонъ въ Дербентъ и

1802.

1802. назначить туда менѣе предпріимчиваго владѣтеля. Бакинскій и талышинскій ханы оба ничтожны: „о свойствахъ послѣдняго — писалъ Цицiановъ — говорить нечего, потому что, сравнивъ его съ бабою, о немъ все сказано". Для русскаго правительства было выгодно оставить на мѣстѣ, по прежнему, бакинскаго хана; талышинскій также не могъ — ни принести намъ пользы, ни причинить вреда. Ширванскій ханъ Мустафа, по мнѣнію князя Цицiанова, былъ храбръ, лукавъ, умѣренъ въ расходахъ, страстенъ къ охотѣ, славолюбивъ, предпріимчивъ и довольно искусенъ въ военномъ дѣлѣ. Онъ находился въ сношеніяхъ съ аварскимъ ханомъ и съ карабахскими владѣтелями, и могъ-бы принести пользу Россіи, еслибы не питалъ къ намъ непримиримой вражды. Впрочемъ, онъ, какъ обладатель Шемахи, всегда имѣетъ возможность вредить русской торговлѣ на Каспійскомъ морѣ. Сурхай-Ханъ казыкумыцкій весьма храбръ, уважаемъ во всемъ Дагестанѣ, остороженъ и непримиримый врагъ христіанъ. Его слѣдовало привлечь въ подданство Россіи, хотябы для этого пришлось пожертвовать нѣкоторою денежною суммою" (14).

По прибытіи въ Георгіевскъ, князь Цицiановъ приступилъ къ переговорамъ съ явившимися туда, по призыву Кнорринга, уполномоченными хановъ и горскихъ племенъ, для заключенія съ ними общаго договора, имѣвшаго цѣлью огражденіе безопасности нашихъ владѣній и русской торговли съ Персіею отъ грабежей и неумѣренно взимаемыхъ пошлинъ. Средствомъ къ тому считали образованіе федеративнаго союза закавказскихъ владѣтелей и народовъ, подъ покровительствомъ Россіи. Но самъ Цицiановъ полагалъ, что подданство нашему правительству не могло удержать ихъ отъ хищничества

1802.

и притѣсненія торговли. „Всѣ они враждуютъ между собою — писалъ онъ. — Въ Азіи политика есть — *сила;* лучшая добродѣтель владѣльца — *храбрость*, способы для найма войскъ — *деньги.* И такъ, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ покойнѣе“ ([15]). Едва лишь, въ концѣ декабря 1802 года, былъ заключенъ помянутый договоръ, какъ возникли жалобы и просьбы корыстолюбивыхъ владѣльцевъ. Но князь Циціановъ, противникъ введенной до него системы денежныхъ выдачъ, полагалъ, что единственная польза отъ содержанія на жалованьѣ закавказскихъ владѣтелей ограничивалась возможностью наказывать ихъ за дурные поступки удержаніемъ положеннаго имъ жалованья. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что наше правительство, раздавая деньги за Кавказомъ, не пріобрѣтало ни преданности туземцевъ, ни ручательства въ соблюденіи принесенной ими присяги ([16]).

Князь Циціановъ, пользуясь предложеніемъ дербентскаго хана, просившаго объ оказаніи ему помощи русскими войсками, намѣревался ввести гарнизоны въ Дербентъ и другіе приморскіе пункты. Императоръ Александръ желалъ знать мнѣніе о семъ предметѣ графа Зубова, который полагалъ, что занятіе всѣхъ прибрежныхъ Каспію городовъ было преждевременно; но для окончательнаго рѣшенія считалъ необходимымъ имѣть точныя свѣдѣнія: о числѣ нужныхъ къ тому войскъ, о средствахъ къ ихъ продовольствію, объ устройствѣ и управленіи занятыхъ пунктовъ. По мнѣнію графа Зубова, такая экспедиція, требуя значительныхъ приготовленій, не могла быть предпринята прежде мая 1804 года. Къ тому-же занятіе Дербента и ослабленіе тамошняго хана подорвали-бы довѣріе горскихъ владѣтелей къ русскому правительству ([17]). Графъ Але-

1802—1804. ксандръ Романовичъ Воронцовъ, вообще возставая противъ военныхъ предпріятій, старался отклонить Государя отъ покушеній на занятіе Прикаспійской страны ([18]). Императоръ Александръ, принявъ въ уваженіе эти мнѣнія, повелѣлъ отложить до 1804 года предположенныя княземъ Циціановымъ дѣйствія, но предоставилъ ему распоряжаться, сообразно обстоятельствамъ, по собственному его усмотрѣнію ([19]).

Между тѣмъ князь Циціановъ, прибывъ въ Тифлисъ, 1-го февраля 1803 года, убѣдился въ необходимости высылки въ Россію лицъ бывшаго владѣтельнаго грузинскаго дома. 19-го февраля, царевичи Вахтангъ Иракліевичъ и Давидъ Георгіевичъ были увезены изъ Тифлиса по владикавказской дорогѣ. Это распоряженіе побудило къ бѣгству нѣсколькихъ грузинскихъ князей, а въ ночь съ 24-го на 25-е февраля ушелъ изъ Тифлиса царевичъ Теймуразъ. Царевичи Іулонъ и Парнаосъ, оставаясь въ Имеретіи, льстили себя надеждою возстановленія въ Грузіи прежнихъ властителей, и не смотря на настойчивыя требованія князя Циціанова, отказывались ѣхать въ Тифлисъ.

Тогда-же князь Циціановъ получилъ свѣдѣніе о намѣреніи вдовы царя Георгія, царицы Маріи, бѣжать изъ Тифлиса со всѣмъ своимъ семействомъ. Какъ всѣ настоянія о выѣздѣ ея въ Россію оставались напрасны, то Циціановъ приказалъ генералъ-маіору Лазареву вывезти ее силою. Но едва лишь Лазаревъ подошелъ къ царицѣ и сталъ уговаривать ее, чтобы она исполнила распоряженіе правительства, какъ пораженъ былъ скрытымъ у ней кинжаломъ и палъ мертвъ у дверей ея комнаты. Въ тотъ-же день, 19-го апрѣля, она была отправлена, подъ стражею, по дорогѣ въ Владикавказъ, и далѣе въ

Воронежъ, и заключена въ монастырь, гдѣ оставалась восемь лѣтъ, а потомъ, въ 1811 году, по просьбѣ сына ея Михаила, получила отъ Государя дозволеніе жить въ Москвѣ ([20]). 1803.

Въ началѣ 1803 года, носились въ Тифлисѣ слухи о предстоявшемъ вторженіи въ Грузію джаро-бѣлоканскихъ Лезгинъ, усиленныхъ дагестанскими скопищами, подъ общимъ начальствомъ царевича Александра. Желая предупредить непріятеля, князь Циціановъ выслалъ генералъ-маіора Гулякова съ отрядомъ къ рѣкѣ Алазани и далѣе въ Джарскую область. 2-го марта, Гуляковъ, съ тремя баталіонами, восемью орудіями, двумя казачьими сотнями и пятитысячнымъ туземнымъ ополченіемъ ([21]), выступилъ къ Алазани, переправился чрезъ эту рѣку и 8-го марта взялъ приступомъ селеніе Бѣлоканы, что̀ заставило джарцевъ вступить съ нимъ въ переговоры. Генералъ Гуляковъ потребовалъ отъ жителей области, чтобы они покорились Россіи и выдали царевича Александра; но онъ между тѣмъ ушелъ въ Карабахъ. По занятіи русскими войсками селенія Чаръ (Джаръ), жители окрестной страны изъявили готовность поступить въ подданство Россіи и обязались платить дань шелкомъ, ежегодно по двѣсти пудовъ ([22]). Конечно — такія обязательства были дѣйствительны только до тѣхъ поръ, пока ихъ поддерживала сила, и по тому Циціановъ счелъ нужнымъ построить на Алазани, при бродѣ Урдо, укрѣпленіе. подъ названіемъ Александровскаго редута, и занять его однимъ баталіономъ Кавказскаго гренадерскаго полка ([23]).

Получивъ рапортъ князя Циціанова о покореніи Джаро-бѣлоканской области, Императоръ Александръ писалъ ему:

„Донесеніе ваше, отъ 18-го апрѣля, здѣсь 7-го

1803. мая полученное, извѣстило меня объ успѣшномъ окончаніи предпріятія вашего на Чарскую область. Удовольствіе мое за возвращеніе сей древней собственности царства грузинскаго, нынѣ оружіемъ россійскимъ паки къ оному присоединенной, тѣмъ для меня пріятнѣе вамъ изъявить, что благоразумнымъ распоряженіемъ вашимъ учинено сіе завоеваніе съ столь малою съ нашей стороны потерею и предупреждены гибель жителей и разореніе ихъ селеній. Я надѣюсь, что грузинскія войска будутъ впредь воздерживаться отъ свирѣпства овладѣвшаго ими при взятіи Бѣлоканъ, и что научатся они отъ Россіянъ, новыхъ ихъ соотчичей, поражая воюющаго непріятеля, миловать его по покореніи" (24).

Въ томъ-же году, были открыты переговоры съ бакинскимъ ханомъ о подданствѣ его русскому правительству, но вѣроломный ханъ, обѣщавъ покориться Россіи, нарушилъ данное имъ слово. Князь Циціановъ, не имѣя достаточныхъ силъ для покоренія бакинской области, отложилъ на время это предпріятіе (25).

Императоръ Александръ, слѣдуя божественному ученію — воздавать за зло добромъ, не обращалъ вниманія на недобросовѣстные поступки закавказскихъ владѣтелей и могучимъ покровительствомъ своимъ спасалъ слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ: такъ, по настоянію русскаго правительства, послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ имеретинскимъ царемъ Саломономъ, былъ освобожденъ томившійся въ заключеніи цѣлые десять лѣтъ, царевичъ Константинъ, сынъ бывшаго царя Давида.

Исполняя волю Государя, князь Циціановъ обратилъ вниманіе на управленіе страны. Однимъ изъ главныхъ предметовъ его заботливости было улучшеніе путей, и въ особенности важнѣйшаго сообще-

1803.

нія между Тифлисомъ и Владикавказомъ, соединяющаго Грузію съ Кавказскою линіей. По представленному проекту, надлежало, для обезпеченія работъ на этомъ пути, построить шесть укрѣпленій; главное-же затрудненіе въ сооруженіи прочной дороги чрезъ кавказскія ущелья и чрезъ кайшаурскую гору до Душета заключалось въ томъ, чтобы исполнить всѣ работы въ теченіи 6-ти весеннихъ и осеннихъ мѣсяцевъ; въ противномъ случаѣ, разлитіе Терека, съ іюня до половины августа, могло уничтожить весь трудъ до основанія. Для исполненія составленнаго проекта, было необходимо 200,000 рублей, но, неговоря уже о предстоявшихъ въ будущемъ видахъ развитія торговли, правительство, устроивъ помянутую дорогу, немедленно сократило-бы издержки на доставку изъ Моздока въ Тифлисъ артиллерійскихъ снарядовъ и аммуниціи, ежегодно требовавшую не менѣе 50,000 рублей. Представляя всѣ эти соображенія на Высочайшее усмотрѣніе, князь Циціановъ просилъ о дозволеніи назвать предположенный трудъ именемъ „Александрова пути." Императоръ Александръ, считая, по тогдашнему состоянію государственныхъ финансовъ неудобнымъ исполнить эти работы, повелѣлъ отложить ихъ до другаго времени. Въ заключеніе рескрипта, сказано:.... „одобряя сей планъ вообще, я одно только именованіе сего пути, съ позволенія вашего, отмѣняю" ([26]).

Обладавшій многосторонними свѣдѣніями, знавшій цѣну просвѣщенія, князь Циціановъ не могъ оставаться равнодушнымъ свидѣтелемъ невѣжества въ странѣ, ввѣренной его управленію. Еще 22 сентября 1802 года, Коваленскій доносилъ Кноррингу объ учрежденіи въ Тифлисѣ школы для желающихъ учиться, которыхъ тогда-же оказалось сорокъ пять.

1803. Програма ученія была составлена весьма широко: грубыхъ, ничего не знавшихъ мальчиковъ задумали учить не только грамотѣ, но и математикѣ, географіи, исторіи, и проч. Рядомъ съ азбукою и складами набивали ихъ головы геометрическими фигурами. Преподавателями служили канцелярскіе чиновники, не имѣвшіе ни малѣйшаго понятія о педагогикѣ. За то — завели въ школѣ большую тетрадь правилъ для учителей и учащихся. Слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ было то, что какъ тѣ, такъ и другіе, перестали ходить въ школу, и существованіе ея прекратилось. Князь Циціановъ, понимавшій потребности страны, поступилъ иначе: въ новомъ училищѣ, имъ основанномъ, преподаваніе ограничивалось изученіемъ русскаго и грузинскаго языковъ; лучшіе-же ученики, пріобрѣвъ эти начальныя свѣдѣнія, были отправляемы, для довершенія своего образованія, въ московскій университетскій пансіонъ ([27]). Вновь учрежденное училище получило въ распоряженіе типографію, заведенную въ Тифлисѣ грузинскимъ царемъ Иракліемъ.

Какъ устройство удобнаго сообщенія Грузіи съ Россіею требовало много времени, а между тѣмъ доставка одежды и обуви для войскъ, стоявшихъ въ Закавказьѣ, обходилась весьма дорого, то князь Циціановъ предполагалъ, для обмундированія нижнихъ чиновъ, завести въ Тифлисѣ суконную и кожевенную фабрики, на которыхъ могли-бы обучаться мастерствамъ ученики изъ туземцевъ, и такимъ образомъ, со-временемъ, распространились-бы суконное и кожевенное производства ([28]).

Одною изъ важнѣйшихъ заботъ князя Циціанова было принятіе мѣръ для прекращенія чумы, появившейся въ Грузіи еще до прибытія его въ Тифлисъ. Невѣжество туземцевъ затрудняло дѣй-

1803

ствительность обычныхъ средствъ противъ сей страшной болѣзни; тѣмъ не менѣе однако-же она прекратилась, вмѣстѣ съ наступленіемъ зимы, въ концѣ 1803 года ([29]).

Во время переговоровъ объ освобожденіи царевича Константина, владѣтельный князь Мингреліи, Дадіанъ, тѣснимый своимъ сосѣдомъ имеретинскимъ царемъ Саломономъ, писалъ къ князю Циціанову, изъявляя желаніе состоять подъ покровительствомъ и въ подданствѣ Россіи. Циціановъ, донося о томъ Государю, изложилъ выгоды занятія опустошенной, но богатой природными произведеніями Мингреліи, и получивъ соизволеніе Императора Александра на открытіе переговоровъ съ княземъ Дадіаномъ, объявилъ ему условія, на которыхъ его страна могла поступить подъ русскую державу. Князь Циціановъ требовалъ, чтобы мингрельскій владѣтель прислалъ грамату на подданство Россіи, и обязался поставлять за опредѣленную плату провіантъ и фуражъ для полутора тысячи человѣкъ русскихъ войскъ, долженствовавшихъ охранять его область. Что-же касается до внутренняго управленія страны, то оно, по прежнему, предоставлялось князю Дадіану, за исключеніемъ однако-же смертной казни, нетерпимой въ Россіи. На всѣ эти условія послѣдовало согласіе Дадіана, и затруднялся онъ только тѣмъ, какъ поступать съ убійцами и другими важными преступниками. „Доселѣ — писалъ онъ — у насъ, сообразно законамъ Моисея, казнили смертью, отрубали руки и ноги, выкалывали глаза, да и нѣтъ у насъ отдаленныхъ мѣстъ, подобныхъ вашей Сибири, куда моглибы мы удалять преступниковъ." Для убѣжденія-же въ своей искренней преданности русскому правительству, онъ предложилъ самъ прислать своего сына, въ качествѣ ама-

1803. ната, въ Тифлисъ. Императоръ Александръ, получивъ донесеніе о томъ князя Циціанова, повелѣлъ: „Дадіанова сына отправить въ Россію, не въ качествѣ аманата, а въ знакъ особеннаго Высочайшаго благоволенія, съ тою цѣлью, чтобы онъ, получивъ приличное его роду воспитаніе, могъ пройти съ честію и славою поприще, открытое всѣмъ русскимъ подданнымъ.“ Въ началѣ декабря 1803 года, князь Дадіанъ и всѣ мингрельскіе жители присягнули на подданство Россіи. Тогда-же, непосредственно послѣ присяги, Дадіанъ возложилъ на себя пожалованные ему знаки ордена Св. Александра Невскаго. Князь Циціановъ удостоился получить такую-же награду (30).

Царь имеретинскій Саломонъ также изъявилъ желаніе вступить съ нашимъ правительствомъ въ переговоры о принятіи его въ подданство Россіи, и съ этою цѣлью отправилъ князя Леонидзе въ Петербургъ, къ Императору Александру, съ письмомъ, въ которомъ изложены были его просьбы. Но въ поступкахъ его обнаружилось обычное азіятскимъ владѣльцамъ двуличіе: одновременно съ порученіемъ, даннымъ князю Леонидзе, Саломонъ послалъ другаго агента въ Константинополь, домогаясь о защитѣ противъ Русскихъ, которые, по словамъ его, угрожали ему непріязненными дѣйствіями. Самое покровительство Россіи онъ хотѣлъ пріобрѣсть не для защиты собственныхъ владѣній, а для угнетенія своихъ сосѣдей. Узнавъ, что Дадіанъ искалъ поступить въ подданство русскаго правительства, Саломонъ совѣтовалъ ему оставить это намѣреніе, предлагая свою дружбу; когда-же Дадіанъ не послѣдовалъ его совѣту, онъ сталъ собирать войска, для возобновленія дѣйствій противъ Мингреліи, и перехватывая посланныхъ отъ Дадіана къ князю Циціанову, поступалъ съ ними жестоко (31).

Императоръ Александръ, убѣдясь въ коварствѣ царя Саломона, повелѣлъ отправить его посланца обратно въ Тифлисъ и предписалъ князю Цицianову немедленно приступить къ покоренію Имеретіи, остерегаясь однакоже нарушить неприкосновенность сосѣдственныхъ съ нею владѣній Оттоманской Порты, а за тѣмъ уже занять Баку и Сальянъ: совершивъ эти предпріятія и соединивъ удобными сообщеніями моря Черное и Каспійское, можно было — по мнѣнію Государя — открыть новые пути нашей торговлѣ (32). Но какъ въ это время уже были окончены всѣ приготовленія для похода въ Ганжу, то князь Цицiановъ отложилъ, до совершенія этой экспедиціи, дѣйствія противъ Имеретіи, и назначенные туда два полка обратилъ къ Ганжѣ.

1803.

Главною причиною, побуждавшею князя Цицiанова предпринять покореніе Ганжи, было то, чтобы, при движеніи нашихъ войскъ къ бакинской крѣпости, не оставлять у нихъ въ тылу безпокойное скопище ганжинцевъ. Во времена грузинской царицы Тамары, Ганжа съ окрестною страною принадлежала Грузіи и въ послѣднюю войну Россіи съ Персіей, при Императрицѣ Екатеринѣ, была занята нашими войсками и присягнула на подданство Россійской Имперіи. Когда-же Цицiановъ потребовалъ отъ ганжинскаго хана въ заложники его сына, коварный Джаватъ отвѣчалъ, что онъ не смѣетъ прислать своего сына въ Тифлисъ, опасаясь персидскаго шаха. Къ тому-же ганжинцы производили безпрестанные разбои и незадолго предъ тѣмъ, ограбивъ тифлисскихъ купцовъ, не помышляли о возвращеніи захваченныхъ у нихъ товаровъ (33).

Отрядъ, назначенный для экспедиціи въ Ганжу, состоялъ изъ шести баталіоновъ и трехъ эскадроновъ (34). Одинъ изъ бывшихъ въ немъ полковъ,

1803. Севастопольскій, пришедшій за нѣсколько дней передъ тѣмъ въ Грузію, по объявленію его командира, находился въ плохомъ состояніи: солдаты его никогда не слышали свиста пуль, не умѣли ходить, и сдѣлавъ переходъ въ 15 верстъ, уставали и падали. Но экспедиція въ Ганжу подтвердила давно извѣстную истину, что посредственныя войска, подъ начальствомъ хорошаго генерала, могутъ совершать геройскіе подвиги.

Отрядъ, собравшись близъ Тифлиса, выступилъ, подъ личнымъ начальствомъ Циціанова, 22 ноября 1803 года, по дорогѣ къ Ганжѣ, и прибылъ, 28-го, въ Шамшадиль. На слѣдующій день, князь Циціановъ, прійдя въ Шамхоръ, отправилъ письмо Джаватъ-хану, требуя сдачи крѣпости. Джаватъ отвѣчалъ высокомѣрнымъ отказомъ: „...вы гордитесь своими пушками — писалъ онъ — и я также, по благости Божіей, могу дать отпоръ не меньшими пушками. Ваши пушки въ одинъ аршинъ, а мои въ четыре; побѣда зависитъ отъ Божіей власти... Гдѣ это видано, чтобы вы были храбрѣе персіянъ?“ и проч. (35). Послѣ такого отвѣта, оставалось прибѣгнуть къ силѣ. 2 декабря, русскія войска овладѣли предмѣстьями и обложили крѣпость. Потеря непріятеля убитыми простиралась до 250 человѣкъ, а съ нашей стороны убито и ранено 38 человѣкъ. Въ тотъ-же день обложена крѣпость, устроены батареи и открыто бомбардированіе (36). Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца, князь Циціановъ велъ переговоры съ Джаватъ-ханомъ о безусловномъ покореніи Ганжи, и наконецъ рѣшился штурмовать крѣпость. „Позднее время года, умноженіе больныхъ и недостатокъ фуража, а при всемъ томъ небывалое дѣло для непобѣдимыхъ войскъ Вашего Императорскаго Величества, чтобъ отступить отъ крѣпости, не взявъ ее,

поставили меня въ обязанность прибѣгнуть къ штурму“ — писалъ Государю Циціановъ. — 3-го января, послѣ кровопролитнаго приступа, русскіе овладѣли Ганжею. Множество защитниковъ крѣпости пали жертвою упорства Джавата, который самъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ своихъ сыновей, былъ убитъ. Женщины, въ числѣ болѣе восьми тысячъ, и дѣти не только спаслись отъ гибели, но были отпущены, по приказанію князя Циціанова, что̀ возбудило удивленіе азіятцевъ, не привыкшихъ къ такому человѣколюбивому обращенію. Уронъ русскихъ войскъ не превосходилъ 250 человѣкъ (37). Въ числѣ офицеровъ, особенно отличившихся при штурмѣ крѣпости, былъ Л.-Гв. Преображенскаго полка поручикъ (въ послѣдствіи фельдмаршалъ), графъ Воронцовъ.

1804.

Получивъ свѣдѣніе Циціанова о взятіи Ганжи, Императоръ Александръ произвелъ его въ генералъ-отъ инфантеріи (38), но это не удовлетворило честолюбиваго воина, надѣявшагося получить орденъ Св. Георгія 2-го класса. По представленію Циціанова, крѣпость, покоренная русскимъ оружіемъ, получила и русское имя: „Елисаветполь“.

Паденіе Ганжи, считавшейся сильнѣйшею твердынею Адербиджана, было громовымъ ударомъ для всѣхъ закавказскихъ владѣтелей. Царь Саломонъ, узнавъ о томъ, а равно о движеніи Кавказскаго гренадерскаго полка къ имеретинской границѣ и предстоявшемъ вскорѣ прибытіи Циціанова въ Сурамъ, снова обратился къ его покровительству и предложилъ покориться, если только его удостовѣрятъ, что онъ останется царемъ Имеретіи. Главнокомандующій, съ своей стороны, потребовалъ, чтобы царь прислалъ въ Сурамъ князя Церетели, съ поздравленіемъ о взятіи Ганжи и съ полномочіемъ на веденіе переговоровъ. По мнѣнію князя Цiціанова, оставленіе на

1804. мнимомъ царствѣ прежнихъ владѣтелей, въ совершенномъ подданствѣ и на выгодныхъ для Россіи условіяхъ, было весьма полезно, потому что, при такомъ способѣ дѣйствій, сберегались издержки, сопряженныя съ учрежденіемъ русскаго управленія. Царь Саломонъ, исполняя требованіе главнокомандующаго, прислалъ въ Гори, гдѣ тогда находилась наша главная квартира, князя Церетели, съ большою свитою. Въ письмѣ, доставленномъ имъ, Саломонъ упрекалъ князя Циціанова въ томъ, что „онъ не извѣстилъ его о столь знаменитой побѣдѣ, въ коей, по единовѣрію и по преданности къ Россіи, онъ принимаетъ живое участіе“. Что-же касается до переговоровъ, то главною помѣхою ихъ успѣха было требованіе Циціанова о возвращеніи Дадіану отнятой у него Саломономъ Лечгумской области. Рѣшеніе спора объ этой землѣ между имеретинскимъ и мингрельскимъ владѣтелями было весьма затруднительно: оба они предъявляли равно сомнительныя доказательства на право владѣнія Лечгумомъ. Поѣздка графа Воронцова, вмѣстѣ съ посланцами царя Саломона, въ Кутаисъ, не имѣла успѣха; князь Циціановъ уже готовился идти съ войсками въ Имеретію, но желая испытать послѣднее средство къ мирному покоренію этой страны, согласился прибыть, для свиданія съ Саломономъ, на грузинскую границу. Переговоры, происходившіе 16 (28) апрѣля, не повели ни къ чему, но едва лишь русскія войска перешли чрезъ границу, какъ малодушный имеретинскій владѣтель изъявилъ готовность покориться и 25 апрѣля (7 мая) присягнулъ „на вѣчное и вѣрное рабство Россійской Державѣ“, согласился принять въ Кутаисъ наши войска, доставлять имъ провіантъ и фуражъ, повиноваться русскимъ властямъ и оставить враждебныя

покушенія на Мингрелію. Съ своей стороны, царь Саломонъ просилъ о сохраненіи ему и его потомству, а за недостаткомъ прямыхъ наслѣдниковъ — царевичу Константину Давидовичу, правъ на царство имеретинское. Совершивъ присягу, Саломонъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго ([39]). Что-же-касается до спорнаго Лечгумскаго округа, то это дѣло было оставлено до пріѣзда имеретинской депутаціи, посланной въ Петербургъ, гдѣ воля Государя долженствовала рѣшить всѣ сомнительные вопросы; а для соглашенія между царемъ Саломономъ и княземъ Дадіаномъ, до прибытія въ ихъ владѣнія полка изъ Крыма, былъ командированъ въ Кутаисъ статскій совѣтникъ Литвиновъ ([40]). 1804.

Поведеніе царя Саломона, и послѣ присяги его на подданство Россіи, было двулично. Онъ находился въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ персидскимъ шахомъ Баба-ханомъ и съ Оттоманскою Портою и распускалъ ложные слухи объ истребленіи Русскихъ, о смерти князя Циціанова, и проч. ([41]). По свидѣтельству Дадіана, Саломонъ склонялъ его къ возстанію противъ русскаго правительства; когда же послѣдовала внезапная смерть Дадіана, имеретинскій царь подвергся подозрѣнію въ его отравленіи ([42]). Впрочемъ - по мнѣнію князя Циціанова — „оба они были одинаковой вѣрности, но Дадіанъ, по слабости своей, покорнѣе“ ([43]). Для утвержденія господства Россіи надъ вновь пріобрѣтенпымъ прибрежьемъ Чернаго моря, надлежало содержать тамъ нѣкоторую часть войскъ, при чемъ снабженіе ихъ военными и жизненными припасами представляло важныя затрудненія. Доставка-же туда всего нужнаго изъ черноморскихъ портовъ была возможна только въ такомъ случаѣ, еслибы мы имѣли на мингрельскомъ берегу удобную гавань, для склада за-

1804. пасовъ и для высадки войскъ. Турецкая крѣпость Поти, при устьѣ Ріона, могла принести намъ большую пользу, но занятіе силою этого пункта подвергало насъ столкновенію съ Турками, чего мы тогда всячески избѣгали, и по тому, для пріобрѣтенія Поти, предполагалось войти въ сношенія съ турецкимъ комендантомъ крѣпости, либо побудить мингрельцевъ къ нападенію на тамошній гарнизонъ, и воспользоваться ихъ успѣхомъ. Но какъ всѣ такія средства оказались неудовлетворительными, то приступили къ возведенію новаго укрѣпленія при устьѣ рѣки Хопи (44).

Покореніе княземъ Циціановымъ Ганжи имѣло важныя политическія послѣдствія. Почти всѣ ханства, къ востоку отъ Грузіи, изъявили покорность Россіи; съ другой стороны — не только Имеретія и Мингрелія, но и владѣтели Абхазіи искали ея покровительства. Все это возбудило опасенія и непріязнь властителя Персіи Баба-хана. Весною 1804 года, дошли до нашей главной квартиры слухи о сборѣ сорока тысячъ человѣкъ персидскихъ войскъ у Тавриса, куда прибыли сынъ Баба-хана, Аббасъ-мирза и грузинскій царевичъ Александръ. Еще въ началѣ года, эриванскій ханъ изъявилъ намѣреніе вступить въ подданство Россіи, но въ дѣйствительности желалъ сдѣлаться независимымъ владѣтелемъ, и съ этою цѣлью, извѣстивъ князя Циціанова о предстоявшемъ прибытіи Баба-хана съ сильною арміей, сталъ усиливать укрѣпленія своего города. Когда-же Баба-ханъ дерзко потребовалъ очищенія Грузіи отъ русскихъ войскъ, князь Циціановъ не отвѣчалъ ему ни слова, а на письмо эриванскаго хана, который вздумалъ стращать его гнѣвомъ властителя Персіи, послалъ отвѣтъ, въ коемъ, между прочимъ, было сказано: „Симъ объявляется Мамадъ-

хану эриванскому, что на глупыя, дерзкія письма, каково было ханское, съ прописаніемъ повелѣнія, словами льва, а дѣлами телёнка, Баба-хана сардаря, Русскіе привыкли отвѣчать штыками" ([45]). Имѣя въ виду предупредить покушенія Персіянъ на Закавказье, князь Цицiановъ рѣшился идти къ Эривани, покорить эту крѣпость, и распространивъ господство Россіи до Аракса, пріобрѣсть надежную границу съ Персіею. Средства его были весьма ограничены, и по тому онъ могъ назначить въ эту экспедицію только 3,400 человѣкъ пѣхоты и 1,200 человѣкъ кавалеріи съ 12 орудіями ([46]). Готовясь къ движенію противъ непріятеля въ десять разъ сильнѣйшаго, князь Цицiановъ далъ посланцу эриванскаго хана, *на память*, записку, въ коей, между прочимъ, было сказано:

1804.

„Я никогда не лгалъ, и въ цѣлый годъ моего пребыванія здѣсь, кажется, доказалъ, что вывезу царскую фамилію, разорившую Грузію междоусобною войною — и вывезъ; сказалъ, что покорю Джарскую провинцію — и покорилъ; сказалъ, что возьму Ганжу — и взялъ; сказалъ, что введу въ россійское подданство Мингрелію — и ввелъ. Говорю, что то-же сдѣлаю съ Имеретіею — и сдѣлаю *) ...Говорю, что Эривань заставлю платить мнѣ дань — и заставлю; говорю, что изъ Эривани возьму аманата — и возьму. Я не словами стращаю, а штыками дѣйствую и дѣлами доказываю..."

Поручивъ управленіе Грузіей генералъ-лейтенанту, князю Волконскому, а оборону страны отъ набѣговъ лезгинъ — генералъ-маіору, князю Орбеліани, князь Цицiановъ, въ началѣ (въ половинѣ)

---

*) Записка посланцу хана вручена еще до покоренія Имеретіи, именно въ февралѣ 1804 года.

1804. іюня, выступилъ къ Эривани, выславъ двумя днями ранѣе впередъ генералъ-маіора Тучкова 2-го съ Кавказскимъ гренадерскимъ полкомъ.

10 (22) іюня, Тучковъ, съ своими гренадерами, поддержанными частью кавалеріи, съ 8-ю орудіями, подошелъ къ позиціи у Гумры, на которой былъ расположенъ сильный отрядъ Персіянъ и разбилъ ихъ. Два дня спустя, князь Цыціановъ, съ остальными войсками, достигнувъ Гумры, отправилъ лишніе обозы и больныхъ въ Бомбахію. 15 (27) іюня, поручивъ авангардъ генералъ-маіору Портнягину, пѣхоту съ артиллеріей Тучкову и арріергардъ генералъ-маіору Леонтьеву, главнокомандующій двинулся далѣе и прибылъ 19-го (1 іюля) къ Эчміадзинскому монастырю; но утомленіе пѣхоты, прошедшей въ этотъ день 35 верстъ по безводной степи, заставило насъ отложить нападеніе на Персіянъ, занимавшихъ монастырь. 20 іюня (2 іюля), когда русскія войска готовились къ бою, получено было извѣстіе о прибытіи къ Эчміадзину Аббаса-мирзы съ 20-ю тысячами человѣкъ. Построивъ вагенбургъ и оставя для охраненія его одинъ баталіонъ Саратовскаго полка, князь Цыціановъ приблизился къ Эчміадзину, но замѣтивъ обходное движеніе непріятеля, угрожавшаго окрылить оба наши фланга, остановилъ войска и расположилъ ихъ въ нѣсколько каре. Аббасъ-мирза атаковалъ нашу позицію и былъ отраженъ удачнымъ дѣйствіемъ русской артиллеріи. Обычная стойкость нашей пѣхоты, отнявъ у Персіянъ надежду на успѣхъ, заставила ихъ три дня оставаться въ бездѣйствіи. Князь Цыціановъ, не желая напрасно терять людей при взятіи крѣпкаго Эчміадзинскаго монастыря, обратился къ Эривани, и 25 іюня (7 іюля) прибылъ на рѣку Зангу, къ деревнѣ Кавагери. Между тѣмъ, Аббасъ-мирза, уси-

ливъ свой корпусъ до 27 тысячъ человѣкъ, оставался по сю сторону Аракса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Эривани. 1804.

Князь Циціановъ, простоявъ у Кавагери трое сутокъ, для приведенія тамошняго замка въ оборонительное состояніе, устроилъ въ немъ вагенбургъ, и 30 іюня (12 іюля), переправясь черезъ Зангу, двинулъ пѣхоту, въ четырехъ каре, противъ непріятеля и выбилъ его изъ сильной позиціи. Персіяне бѣжали чрезъ Эривань за Араксъ, оставя побѣдителямъ въ добычу весь свой лагерь, 7 фалконетовъ и 4 знамени. Съ нашей стороны потеря была ничтожна (47).

Въ началѣ (въ половинѣ) іюля, князь Циціановъ обложилъ Эривань. Самъ Баба-ханъ, узнавъ о пораженіи, понесенномъ его сыномъ, присоединился къ нему съ 15-ю тысячами человѣкъ. Какъ только пришло о томъ чрезъ лазутчиковъ свѣдѣніе въ нашу главную квартиру, князь Циціановъ принялъ мѣры для отраженія непріятеля, не снимая однако-же блокады крѣпости. 15 (27) іюля, на разсвѣтѣ, Персіяне атаковали нашъ малочисленный отрядъ, раздробленный на нѣсколько постовъ; эриванскій гарнизонъ, сдѣлавъ вылазку, также принялъ участіе въ дѣлѣ. Сраженіе продолжалось цѣлые десять часовъ и окончилось совершеннымъ пораженіемъ непріятеля; уронъ его одними убитыми простирался до полуторы тысячи человѣкъ, а съ нашей стороны до 70-ти убитыми и 120-ти ранеными (48). Послѣ сраженія, Персіяне заняли два отдѣльныхъ лагеря. Князь Циціановъ, пользуясь этою ошибкою, рѣшился напасть ночью на одинъ изъ лагерей и поручилъ исполненіе этого предпріятія шефу Нарвскихъ драгунъ, генералъ-маіору Портнягину, съ 900-ю человѣкъ и 6-ю орудіями (49). Нападеніе въ ночи на 24-е

1804. іюля, произведенное недостаточными силами, не имѣло успѣха, но храбрый Портнягинъ, атакованный несмѣтными полчищами, нанесъ имъ чувствительный уронъ и возвратился къ Эривани, потерявъ убитыми и ранеными всего 64 человѣка ([50]). Персіяне, испытавъ силу русскаго оружія, не отваживались предпринять что-либо для освобожденія крѣпости; но положеніе князя Циціанова день-ото-дня дѣлалось затруднительнѣе. Жестокій зной изнурялъ войска; сообщеніе съ Тифлисомъ было прервано и доставка оттуда припасовъ прекратилась. Главнокомандующій, узнавъ о выступленіи изъ Тифлиса къ Эривани обоза съ провіантомъ и о движеніи ему на перерѣзъ къ Караклису царевича Александра съ 6-ю тысячами человѣкъ, выслалъ на встрѣчу обозу маіора Монтрезора, съ 350-ю человѣками пѣхоты и тремя орудіями. Этотъ небольшой отрядъ, атакованный, 21 августа, всѣми силами царевича Александра, послѣ упорной обороны, былъ истребленъ. Самъ Монтрезоръ погибъ ([51]). Обозъ съ провіантомъ былъ принужденъ остановиться у Караклиса.

Въ такихъ обстоятельствахъ, князь Циціановъ счелъ нужнымъ собрать военный совѣтъ изъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ, состоявшихъ въ отрядѣ. На совѣтѣ былъ предложенъ вопросъ: „штурмовать ли Эривань, или отступить.“ Изъ семи лицъ, призванныхъ на совѣщаніе, только князь Циціановъ и генералъ Портнягинъ предложили штурмъ; прочіе же были противнаго мнѣнія: рѣшено отступить ([52]). Снявъ осаду крѣпости, 4 (16) сентября, Циціановъ на слѣдующій день, прибылъ къ Эчміадзину, а 15 (27) въ Караклисъ, гдѣ давъ четырехъ-суточный отдыхъ войскамъ, продолжалъ дальнѣйшее движеніе къ Тифлису и пришелъ туда, 22 сентября.

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе

князя Циціанова объ отступленіи отъ Эривани, удостоилъ его рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: „...Одно неудовольствіе, которое Я въ семъ происшествіи имѣю, есть то огорченіе, въ коемъ вы находитесь. Никто, конечно, кромѣ васъ, сравнивать не станетъ происшествія подъ Хотиномъ бывшаго съ настоящимъ случаемъ, но многіе, безъ сомнѣнія, отдавать всегда будутъ справедливость, какъ въ предпріимчивости духа вашего, такъ и тому, что вы, съ столь малыми силами, многое въ одну кампанію привели въ дѣйствіе. Я желаю, чтобы сіе искреннее изложеніе мыслей Моихъ успокоило васъ и утвердило въ постоянномъ Моемъ къ вамъ благоволеніи...“ Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь, вполнѣ сознавая необходимость покоренія Эривани, разрѣшилъ отправленіе изъ севастопольскаго порта въ Мингрелію Бѣлевскаго мушкетерскаго полка съ полуротою артиллеріи и выступленіе съ Кавказской линіи въ Грузію шести ротъ Казанскаго и трехъ ротъ Вологодскаго полковъ, двухъ ротъ артиллеріи и трехъ тысячъ рекрутъ; кромѣ того, повелѣно послать туда-же два полка донскихъ казаковъ ([53]). Несмотря однако-же на предстоявшее усиленіе закавказскихъ войскъ, князь Циціановъ отложилъ на время экспедицію къ Эривани, полагая вѣрнѣйшимъ средствомъ къ усмиренію тамошняго хана приведеніе въ подданство Россіи окрестныхъ владѣній. Мѣры, имъ принятыя, заставили покориться русскому правительству ханства карабахское и шекинское и султанство Шурагель, а равно изъявилъ готовность къ тому ханъ нахичеванскій ([54]). Въ такомъ положеніи были дѣла въ Закавказьѣ, при открытіи военныхъ дѣйствій между Россіею и Франціей въ 1805 году.

1804—1805.

ГЛАВА XI.

Дипломатическія сношенія Россіи съ иностранными дворами. Разрывъ съ Франціей.

(1801—1803 г.)

Съ самаго вступленія на престолъ Императора Александра I, виды внѣшней политики россійскаго двора вообще были устремлены къ достиженію мира, необходимаго для преобразованій въ управленіи Имперіи, и къ возстановленію въ Европѣ общественнаго порядка, поколебленнаго въ самомъ основаніи бурею французской революціи и властолюбіемъ Бонапарта. Первоначально, Императоръ Александръ предполагалъ не заключать отдѣльныхъ союзныхъ трактатовъ ни съ одною изъ европейскихъ державъ: Государь и молодые его сподвижники думали, что Россія, по своему мѣстному положенію, могла не принимать участія въ спорныхъ вопросахъ Европы, обративъ всю свою дѣятельность на внутреннія реформы ([1]). Въ послѣдствіи, однако-же, самый опытъ показалъ, что это предположеніе было не что иное, какъ утопія, несбыточная при международныхъ отношеніяхъ державъ въ новѣйшее время.

Изъ наставленій, данныхъ представителямъ Россіи въ Берлинѣ и Парижѣ, очевидно, что Импера-

торъ Александръ имѣлъ твердое намѣреніе — не вмѣшиваться во внутреннее управленіе другихъ державъ, какая бы ни была его форма, пока не вынудили-бы насъ къ тому чьи-либо посягательства на общее спокойствіе.

Что-же касается до тогдашнихъ отношеній россійскаго двора къ иностраннымъ державамъ, они также ясно выказываются изъ инструкцій, данныхъ нашимъ резидентамъ. По мнѣнію Императора Александра, вѣнскій кабинетъ, несмотря на вліяніе партіи министра Тугута, императрицы Маріи-Терезы и эрцгерцога Карла, непремѣнно долженъ былъ сблизиться съ Россіею, чего требовали собственныя пользы Австріи, враждебной къ Франціи, недовѣрчивой къ Пруссіи и потерявшей попытками къ расширенію своихъ границъ довѣріе Германіи. Точно также Пруссія, для охраненія своей безопасности, долженствовала упрочить союзъ съ Россіею. По словамъ Императора Александра, онъ, принявъ бразды правленія, находился въ необходимости исполнить обязанности, явно противныя выгодамъ своихъ подданныхъ и отчасти несообразныя съ географическимъ положеніемъ и съ пользою своихъ союзниковъ. Тѣмъ неменѣе однако-же, онъ, желая дать примѣръ уваженія къ международнымъ правамъ, принялъ на себя бремя прежнихъ трактатовъ и исполнилъ обязательства русскаго правительства, на сколько то допускалъ непреложный, священный законъ — соблюденія блага собственныхъ подданныхъ. Когда-же Всевышній благословилъ его усилія — окончить несогласія съ Англіею мирнымъ путемъ — онъ старался, по возможности, соблюсти выгоды союзныхъ съ нимъ державъ, и вывести ихъ изъ опаснаго положенія, въ которое онѣ поставили себя собственною неосмотрительностью. Его постоянное участіе

въ судьбѣ Короля Сардинскаго, безъ всякой себялюбивой цѣли, также могло служить свидѣтельствомъ тому, что онъ подавалъ собою примѣръ исполненія обязанностей, имъ требуемаго отъ другихъ державъ.

Въ отношеніи къ Франціи, Государь полагалъ, въ случаѣ, если Первый консулъ станетъ, по прежнему, искать утвержденіе своей власти въ раздорѣ и смутахъ, волнующихъ Европу, если онъ не убѣдится въ непрочности могущества, возбуждающаго ненависть и оправдывающаго возстаніе, если онъ, увлеченный потокомъ революціи, возложитъ все свое упованіе на прихотливую благосклонность Фортуны, то представитель русскаго правительства при тюльерискомъ дворѣ долженъ ограничиться наблюденіемъ, въ ожиданіи, пока обстоятельства позволятъ прибѣгнуть къ мѣрамъ болѣе дѣйствительнымъ. Если-же Первый консулъ пожелаетъ заключить искренній союзъ съ Россіею и остаться въ предѣлахъ, указываемыхъ благоразуміемъ и справедливостью, то успѣхъ общаго дѣла будетъ зависѣть отъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ. Еще до назначенія графа Маркова (Аркад. Иван.) посланникомъ въ Парижъ, предмѣстникъ его, Колычевъ, получилъ приказаніе предложить французскому министерству секретныя статьи, могшія послужить къ водворенію общаго мира. По мнѣнію Императора Александра, сговорчивость Бонапарта на многія изъ этихъ условій еще не представляла надежнаго ручательства въ его искренности. „Быть можетъ — писалъ Государь графу Маркову — Первый консулъ, въ послѣдствіи, убѣдясь въ Моемъ прямодушіи и безкорыстіи, будетъ искренно содѣйствовать Мнѣ, но не подлежитъ сомнѣнію, что, угождая въ Бозѣ почившему Императору, онъ преимущественно имѣлъ въ виду пріобрѣсти въ немъ опору противъ Англіи, а

въ настоящее время, можетъ статься, желаетъ только выиграть время. Тѣмъ не менѣе однако-же, чтобы не упустить ничего, могущаго обратить французское правительство на путь правды, необходимо, чтобы вы изложили Бонапарту основанія всѣхъ Моихъ сношеній съ иностранными державами... Полагая, что истинное величіе престола должно имѣть основами прямодушіе и справедливость, Я убѣжденъ неменѣе въ томъ, что эти качества должны быть сопровождаемы непоколебимостью, и потому всякое нарушеніе трактатовъ, заключенныхъ со ввѣренною Мнѣ, по волѣ Всевышняго, Имперіею, положитъ предѣлъ принятой Мною системѣ умѣренности" ([2]).

Между тѣмъ, какъ полковникъ Дюрокъ, одинъ изъ довѣренныхъ людей Перваго консула французской республики, прибылъ съ привѣтствіемъ отъ него къ новому Императору и былъ очарованъ его пріемомъ, графъ Марковъ отправился въ Парижъ съ письмомъ нашего Государя къ Бонапарту, которое должно было замѣнить русскому резиденту кредитивную грамату. Графъ Марковъ, испросивъ частную аудіенцію для врученія этого письма, изъявилъ, отъ имени своего Государя, чувства уваженія Первому консулу. Бонапарте отвѣчалъ увѣреніями въ такихъ-же чувствахъ къ Императору Александру, выказалъ сожалѣніе, что переговоры между французскимъ и россійскимъ правительствами затрудняются требованіями петербургскаго кабинета, основанными на минувшихъ сношеніяхъ обѣихъ державъ, и сказалъ: „Обязательства мои съ Императоромъ Павломъ, коего обширныя и великодушныя соображенія совершенно согласовались съ видами Франціи, были таковы, что я не поколебался-бы принять на себя роль его намѣстника (de se faire

lieutenant de Paul premier), но, въ настоящее время, когда Императоръ Александръ ограничился предѣлами политики, благоразумной и умѣренной, но не выходящей изъ обычной колеи, надлежитъ мнѣ идти по другой дорогѣ. Теперь мы должны заботиться только о мирѣ, не обращая вниманія на такія побочныя обстоятельства, какое вижу я въ участіи вашего Государя къ сардинскому *царьку* (roitelet de Sardaigne); если бы даже рѣшились мы возстановить его власть въ Піемонтѣ, то пришлось-бы поддерживать ее штыками, потому что его бывшіе подданные вовсе не желаютъ его возвращенія. Затѣмъ, Бонапарте жаловался, что россійское правительство, въ сношеніяхъ съ нимъ, выказываетъ неуваженіе и поступаетъ съ Франціей, какъ съ Лукскою республикою, напомнилъ о снисхожденіи своемъ, въ угоду Россіи, къ курфирсту баварскому и къ герцогу виртембергскому, и окончилъ рѣчь словами: „прежде всего заключимъ миръ, а потомъ уже будемъ говорить о прочемъ“ (faisons la paix d'abord et puis nous parlerons d'autre chose).

Графъ Марковъ сказалъ въ отвѣтъ, что, по его мнѣнію, обязательства, принятыя Россіею и Франціею при покойномъ Императорѣ, не потеряли силы съ его кончиною, и что виды его преемника стольже обширны и великодушны, объемля спокойствіе и благополучіе всего свѣта. По словамъ нашего резидента: „желаніе Императора Александра дѣйствовать за-одно съ французскимъ правительствомъ для достиженія столь высокой цѣли было несовмѣстно съ понятіемъ объ умышленномъ неуваженіи къ Франціи; что-же касается до участія Государя въ судьбѣ Короля Сардинскаго, то оно было внушено столько же чувствами справедливости и дружбы къ сему государю, сколько и тѣмъ, что россійское прави-

тельство не можетъ оставаться равнодушнымъ въ отношеніи къ жребію какой-бы то ни было изъ европейскихъ державъ.“ Далѣе — графъ Марковъ замѣтилъ, что миръ между Россіею и Франціею давно уже существуетъ *de facto*, что заключеніе мирнаго трактата было чистою формальностью, и что цѣль даннаго ему порученія состояла въ утвержденіи условій, могущихъ повести къ общему миру. Въ заключеніе своихъ словъ, онъ изъявилъ глубокое сожалѣніе, что надежды русскаго правительства на такой благопріятный исходъ дѣла повидимому напрасны.

Бонапарте отвѣчалъ увѣреніями въ своей наклонности къ соглашенію съ Россіею: „tout peut entre nous s'arranger à l'amiable — сказалъ онъ — et l'esprit de conciliation, pour le quel le comte est reputé, m'en inspire principalement la confiance.“ (Все между нами можетъ уладиться дружески, и сговорчивость, которою вы славитесь (?), всего болѣе служитъ мнѣ въ томъ ручательствомъ).

Затѣмъ начались переговоры графа Маркова съ Талейраномъ о заключеніи мирнаго трактата, коего камнемъ преткновенія, по-прежнему, было возвращеніе Піемонта законному его владѣтелю. Извѣстіе о подписаніи предварительныхъ статей мира между Франціей и Англіей еще болѣе затруднило домогательства русскаго резидента. На всѣ настоянія графа Маркова, Талейранъ отвѣчалъ, что въ трактатѣ съ Англіей не было и помину о Королѣ Сардинскомъ. Дѣйствительно — какъ уже въ послѣдствіи узналъ Марковъ — въ инструкціи, данной англійскимъ министерствомъ послу лондонскаго двора въ Парижѣ, лорду Корнваллису, было предписано: „не запутывать собственныхъ интересовъ Англіи посторонними притязаніями, а касательно Сардинскаго Ко-

роля ограничиться одними дружескими внушеніями."
Въ такихъ обстоятельствахъ, графъ Марковъ былъ принужденъ довольствоваться неопредѣлительнымъ обѣщаніемъ французскаго правительства — вознаградить Короля Сардинскаго (3).

8 октября н. ст. 1801 года былъ подписанъ мирный трактатъ между Россіей и Франціей, а три дня спустя, 11 числа того-же мѣсяца, заключена между ними секретная конвенція — одинъ изъ важнѣйшихъ дипломатическихъ актовъ сей эпохи. На основаніи условій помянутой конвенціи, постановлено:

Распредѣлить съ обоюднаго согласія земли, коими будутъ вознаграждены по Люневильскому трактату князья, потерявшіе владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна (Статья 1-я).

Устроить, также со взаимнаго согласія обѣихъ державъ, дѣла въ Италіи (Ст. 2-я).

Россія принимала на себя посредничество для возстановленія мира между Франціей и Оттоманскою Портою (Ст. 3-я).

Франція обязалась соблюдать неутралитетъ неаполитанскихъ владѣній и очистить ихъ, какъ только французскія войска оставятъ Египетъ (Ст. 4-я и 5-я).

Императоръ Всероссійскій и Первый консулъ займутся дружелюбно, съ обоюднаго согласія, вознагражденіемъ Е. В. Короля Сардинскаго, сообразно настоящимъ обстоятельствамъ (Ст. 6-я).

Курфирстъ баварскій и герцогъ виртембергскій получатъ соотвѣтствующія вознагражденія (Ст. 7-я и 8-я). (Такое-же обязательство, въ отношеніи къ маркграфу баденскому, было условлено особою статьею).

Обѣ державы признали независимость и конституцію республики Семи-Острововъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ

условлено, чтобы на этихъ островахъ не было никакихъ иностранныхъ войскъ (Ст. 9-я).

Россійское правительство обѣщало ходатайствовать объ освобожденіи французскихъ плѣнныхъ, находившихся въ Константинополѣ (Ст. 10-я).

Непосредственно по ратификаціи мирнаго трактата и секретныхъ статей, обѣ стороны принимали на себя обязательство употребить зависящія отъ нихъ средства, чтобы водворить общій миръ на условленныхъ основаніяхъ, возстановить равновѣсіе въ различныхъ частяхъ свѣта и обезпечить свободу мореплаванія, обѣщая дѣйствовать за-одно убѣжденіемъ и силою для блага человѣчества, спокойствія общаго и независимости державъ (Ст. 11-я) (4).

Въ тотъ-же день, уполномоченные обѣихъ державъ, подписали декларацію, на основаніи которой постановлено, чтобы условія секретной конвенціи не могли послужить къ нарушенію трактатовъ, заключенныхъ въ Толентино, Люневилѣ и Флоренціи, въ отношеніи къ Италіи (5).

Еще до заключенія мирныхъ условій между Россіей и Франціей, были возстановлены дружескія сношенія первой изъ сихъ державъ съ Испаніей трактатомъ, подписаннымъ 4 октября н. ст. 1801 года, со стороны Россіи — графомъ Марковымъ, а со стороны Испаніи — посломъ мадритскаго двора въ Парижѣ, кавалеромъ Азара (6).

Казалось — конвенція 11 октября, предоставляя Россіи и Франціи диктатуру въ Европѣ, должна была упрочить связь между сими державами; но, вмѣсто того, она подавала поводъ къ новымъ несогласіямъ. Не говоря уже о неопредѣлительности нѣкоторыхъ условій конвенціи, виды заключившихъ ее державъ были совершенно различны: Императоръ Александръ, не требуя ничего въ свою пользу, домогался очи-

щенія неаполитанскихъ владѣній отъ французскихъ войскъ, вознагражденія Короля Сардинскаго и признанія созданной Россіею республики Семи-Острововъ, а Наполеонъ считалъ эти справедливыя уступки потерею того, чѣмъ надѣялся овладѣть по праву сильнаго. Что-же касается до обѣщанія Россіи — содѣйствовать Франціи къ достиженію политическаго равновѣсія въ различныхъ частяхъ свѣта и свободнаго мореплаванія — Первый консулъ нисколько не дорожилъ этимъ обязательствомъ, считая его излишнимъ, какъ только были подписаны предварительныя статьи союзнаго трактата между Франціею и Англіей, 1 октября н. ст. 1801 года (7).

Такимъ образомъ секретная конвенція, 11 октября н. ст. не могла служить русскому правительству ручательствомъ продолжительнаго спокойствія въ Европѣ. Личныя свойства нашего резидента въ Парижѣ также не подавали къ тому большой надежды. Графъ Марковъ, о которомъ старый Воронцовъ (Алекс. Роман.) говаривалъ, что „онъ не позволитъ никому наступить себѣ на ногу", былъ человѣкъ смѣлый до запосчивости, ненавидѣвшій Перваго консула и обращавшійся съ нимъ совершенно свободно, что̀ не могло нравиться уже привыкшему къ угожденіямъ и ласкательствамъ повелителю Франціи.

Съ другой стороны, англійское правительство, получивъ свѣдѣніе о содержаніи условій секретной конвенціи, 11 октября *), отказалось на-время отъ цѣли своей — уничтожить быстро возраставшее мо-

---

*) Биньонъ упоминаетъ, хотя и неутвердительно, о 60,000 фунт. стерлинговъ, заплаченныхъ англійскимъ министерствомъ за сообщеніе ему секретной конвенціи двумя лицами, пользовавшимися довѣріемъ Талейрана (Histoire de France depuis le 18 brumaire jusqu' à la paix de Tilsitt. II. 92—93).

гущество Бонапарта. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что вѣнскій и берлинскій дворы также не остались въ совершенномъ невѣдѣніи о главныхъ статьяхъ конвенціи, и этимъ отчасти можно объяснить недовѣріе къ Россіи, въ послѣдствіи выказанное прусскимъ правительствомъ.

Извѣстно, что Наполеонъ уважалъ святость заключенныхъ имъ договоровъ, когда соблюденіе ихъ согласовалось съ его выгодами, и потому весьма вѣроятно, что онъ исполнилъ-бы условія мирнаго трактата съ Англіей, заключеннаго въ Аміенѣ, еслибы не нарушило его англійское правительство. Но слабое министерство Аддингтона, утвердивъ опрометчиво невыгодный для Англіи миръ, возбудило противъ себя общее неудовольствіе, и не нашло никакого выхода изъ созданныхъ имъ затрудненій, кромѣ отказа въ исполненіи важнѣйшихъ статей аміенскаго трактата.

Пока происходили безплодные переговоры между французскимъ и англійскимъ правительствами, Первый консулъ рѣшилъ дѣло о вознагражденіи германскихъ князей, потерявшихъ владѣнія на лѣвой сторонѣ Рейна. На основаніи 1-й статьи секретной конвенціи, 11 октября н. ст. 1801 года, постановлено удовлетворить владѣтелей, потерявшихъ земли на лѣвой сторонѣ Рейна, распредѣливъ вознагражденія съ обоюднаго согласія Россіи и Франціи. Но Бонапарте и его министръ иностранныхъ дѣлъ Талейранъ распорядились раздѣломъ этихъ земель безъ участія Россіи. Сами германскіе владѣтели подали къ тому поводъ притѣснителю ихъ общаго отечества. Прусскій резидентъ въ Парижѣ, маркизъ Луккезини хитрилъ и велъ скрытно отъ графа Маркова переговоры съ Талейраномъ, несмотря на дружественныя отношенія Короля Фридриха-Вильгельма къ Им-

ператору Александру ([8]), а герцогъ виртембергскій также хлопоталъ о заключеніи отдѣльнаго трактата съ французскимъ правительствомъ. Впрочемъ, Баварія, Виртембергъ и Баденъ, согласно желанію Императора Александра, были надѣлены щедро ([9]). Владѣнія короля прусскаго были увеличены на 170 квадр. мил. съ 400,000 жителей ([10]). Напротивъ того, Австрія, въ замѣну потеряннаго ею округа Ортенау съ 16,000 жителей, хотя и получила по акту вознагражденій епископства тріентское и бриксенское съ 180,000 жителей, однако-же, въ дѣйствительности не пріобрѣла ничего, потому что оба владѣльца этихъ епископствъ и прежде были австрійскими ленниками (soumis à la suzeraineté autrichienne). Великому герцогу тосканскому, въ замѣну 432 квадр. миль съ 1,436,000 жителей, даны епископства зальцбургское и эйштедтское и княжество берхтольсгаденское, всего 220 квадр. миль съ 286,000 жителей, а герцогу моденскому, вмѣсто 380,000 подданныхъ, Брисгау съ 167,000 жителей ([11]). Несмотря на сопротивленіе Австріи, всѣ эти распоряженія были одобрены депутаціей германскихъ владѣтелей, и въ слѣдующемъ году (1803) признаны вѣнскимъ дворомъ, съ весьма незначительными измѣненіями ([12]).

Въ продолженіи переговоровъ о вознагражденіи Австріи, Талейранъ, желая разсорить вѣнскій и петербургскіе дворы, сказалъ австрійскому резиденту въ Парижѣ графу Кобенцелю, будтобы Первый консулъ желалъ доставить Австрійцамъ большія выгоды, но Императоръ Александръ помѣшалъ тому, дѣйствуя въ пользу своихъ родственниковъ и союзниковъ. Графъ Марковъ, узнавъ объ этихъ извѣтахъ отъ самаго Кобенцеля, убѣдилъ его въ лживости французскаго дипломата ([13]).

Аміенскій трактатъ, 15-го (27-го) марта 1802

года, какъ легко было предвидѣть, не надолго успокоилъ Европу. Англійское министерство, покоряясь общественному мнѣнію, недовольному условіями этого мирнаго договора, отлагало, подъ различными предлогами, ихъ исполненіе. Англичане, по прежнему, занимали мысъ Доброй-Надежды, Мальту и Александрію; въ то-же время лондонскіе журналисты безпощадно нападали на французское правительство и на Перваго консула, обвиняя его въ стремленіи къ преобладанію въ Европѣ. Французскія періодическія изданія отвѣчали на эти выходки упреками англійскому министерству въ коварствѣ и въ нарушеніи между-народныхъ правъ. Самъ Первый консулъ принялъ участіе въ бумажной борьбѣ, помѣщая свои собственныя статьи въ Монитёрѣ, официальной газетѣ французскаго правительства. Главнымъ поводомъ къ раздраженію его былъ отказъ Англіи исполнить 10-ю статью аміенскаго трактата, на основаніи которой Сенъ-Джемскій кабинетъ обязался возвратить Ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго острова: Мальту, Гоццо и Комино. Независимость Мальты долженствовала быть гарантирована Франціею, Великобританіею, Австріею, Испаніею, Россіею и Пруссіею (14). Въ ожиданіи устройства дѣлъ Малтійскаго Ордена, предполагалось занять Мальту двумя тысячами человѣкъ неаполитанского войска; когда-же Король Обѣихъ-Сицилій, не желая войти въ столкновеніе съ Англичанами, отлагалъ, подъ разными предлогами, отправленіе туда своихъ войскъ, Бонапарте, желая изъявить свое довѣріе къ Императору Александру, предложилъ ему занять Мальту русскимъ гарнизономъ; со стороны Россіи послѣдовало согласіе на это предложеніе, но англійское министерство, опасаясь выпустить изъ своихъ рукъ важный пунктъ, доставлявшій ему вмѣстѣ съ Гиб-

ралтаромъ господство на Средиземномъ морѣ, явно отказалось уступить спорный островъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ служить Англіи вознагражденіемъ за пріобрѣтенія сдѣланныя Франціей по заключеніи аміенскаго трактата. Эти притязанія лорда Hawkesbury (Гаукѐсбюри) относились къ распоряженіямъ Перваго консула въ Италіи, возбудившимъ противъ него неудовольствіе не только Англіи, но и прочихъ европейскихъ державъ ([15]).

Въ началѣ марта н. ст. 1803 года, было получено въ Парижѣ извѣстіе о сообщеніи (message) Короля Великобританскаго парламенту, 8-го марта н. ст. на счетъ объясненій между Тюльерискимъ и Лондонскимъ дворами, по поводу Мальты. Въ этомъ документѣ Король Георгъ возвѣстилъ, что, какъ во французскихъ и голланскихъ портахъ производились значительныя военныя приготовленія, то правительство нашло приличнымъ принять мѣры для безопасности государства.

Нѣсколько дней спустя, именно 1 (13) марта, Первый консулъ, встрѣтивъ на вечерѣ у своей супруги англійскаго посла лорда Витворта (Whitworth), сказалъ ему, что „по извѣстіямъ полученнымъ изъ Лондона, казалось, что Франціи и Англіи, послѣ пятнадцати-лѣтней борьбы, суждено воевать между собою еще другія пятнадцать лѣтъ.“ Лордъ Витвортъ изъявилъ надежду, что дѣло не дойдетъ до такой крайности, и сказалъ, что объявленіе Короля было послѣдствіемъ англійской конституціи, а отнюдь не вызовомъ къ разрыву съ Франціей, и что, по его мнѣнію, все кончится дружескими объясненіями. „Не нужно ихъ — отвѣчалъ Первый консулъ — и безъ того условія аміенскаго трактата столь-же ясны, сколько и точны“ и обратясь къ стоявшему вблизи графу Маркову, сказалъ: „ну, мы будемъ драться

еще 15 лѣтъ!“ (eh bien, nous nons battrons encore 15 ans). На это Марковъ замѣтилъ, что „и прежнихъ 15-ти было слишкомъ много“ и что „для блага человѣчества лучше было-бы уладить дѣло.“ — „Я ничего болѣе не желаю — продолжалъ Бонапарте — но Мальта, или война!“ (Je ne demande pas mieux, mais Malte ou la guerre), и съ негодованіемъ продолжалъ: „послѣ этого слѣдуетъ покрыть мрачною завѣсою трактаты и правду.“ (il faudrait après cela étendre un crêpe noir sur les traités et sur la statue de bonne foi). За тѣмъ, спросивъ англійскаго посла, гдѣ онъ намѣренъ провести лѣто, сказалъ ему: „вы были у насъ въ дурную пору; желаю, чтобы вы остались здѣсь въ хорошую, но едвали это сбудется послѣ того, что̀ случилось. Франція не думаетъ устрашить Англію, но и Англія также не устрашитъ Францію. Вы можете убѣдить ее, но вы не заставите ее отказаться отъ правъ, которыя намъ предоставлены трактатами, и мы рѣшились требовать ихъ, хотя намъ пришлось-бы отправиться къ вамъ за ихъ исполненіемъ.“ (Vous avez passé ici une mauvaise saison; je souhaite que vous restiez la bonne, mais il n'y a pas d'apparence après ce qui vient d'arriver. La France n'est pas faite pour intimider l'Angleterre, mais l'Angleterre n'intimidera pas non plus la France. Vous pouvez la tuer, mais vous ne la ferez pas plier sur les droits que lui donnent les traités, et nous sommes résolus à les aller reclamer jusqu'à chez vous). Вслѣдъ за тѣмъ, Первый консулъ ушелъ, повторивъ громко нѣсколько разъ: „Мальта или война, и горе нарушителямъ трактатовъ!“ (Malte ou le guerre, et malheur à ceux qui violent les traités). Болѣе пятидесяти человѣкъ были свидѣтелями этой странной выходки (16).

Въ продолженіи марта и апрѣля 1803 года тя-

нулись переговоры между французскимъ и англійскимъ правительствами, а 10-го мая н. ст. лордъ Витвортъ вручилъ Талейрану проектъ конвенціи, заключавшій въ себѣ слѣдующія условія: 1) французское правительство обяжется не препятствовать уступкѣ Англіи Королемъ Обѣихъ-Сицилій острова Лампедузы; 2) въ ожиданіи устройства тамъ гавани, Англичанамъ предоставляется занимать Мальту въ теченіи десяти лѣтъ. (Эта статья должна остаться въ тайнѣ). 3) французскія войска очистятъ владѣнія Батавской республики въ продолженіи мѣсяца; 4) Королевство Этрурійское и республики Италіянская и Лигурійская будутъ признаны великобританскимъ правительствомъ; 5) французскія войска выступятъ изъ Швейцаріи; 6) Король Сардинскій получитъ приличное вознагражденіе въ Италіи. Согласіе, либо отказъ, на три послѣднія статьи въ совокупности, были предоставлены на волю французскаго правительства.

Не получивъ удовлетворительнаго отвѣта на сей ultimatum, Витвортъ уѣхалъ изъ Парижа ввечеру 30-го апрѣля (12-го мая). 4-го (16-го) мая, было наложено въ Англіи амбарго на всѣ французскія и батавскія суда. Бонапарте, недовольствуясь такою-же мѣрою въ отношеніи англійскихъ судовъ, приказалъ арестовать всѣхъ Англичанъ находившихся во Франціи и Голландіи. 6 (18) мая великобританское правительство объявило войну: таково было начало одиннадцати-лѣтней борьбы окончившейся паденіемъ Наполеона (17).

Разрывъ аміенскаго трактата возбудилъ жалобы на Англію всѣхъ европейскихъ державъ: притязаніе Англичанъ на Мальту признавалось — и несправедливымъ, и нестоившимъ новой войны. Тѣмъ не менѣе однакоже Россія, Австрія и Пруссія, для ко-

ихъ преобладаніе Англіи на морѣ было менѣе тягостно, нежели господство Франціи на материкѣ Европы, сочувствовали лондонскому двору и желали обуздать властолюбіе Перваго консула. Говорятъ, будтобы австрійскій посолъ въ Парижѣ, Филиппъ Кобенцель *), въ разговорѣ съ адмираломъ Декрè, сказалъ: „дѣйствительно, Англичане виноваты кругомъ; ихъ домогательства неосновательны. Но — сказать вамъ правду — васъ слишкомъ боятся всѣ, чтобы опасаться Англіи" ([18]). Пруссія, желая предупредить вторженіе Французовъ въ сѣверную Германію, предложила обѣимъ воюющимъ державамъ занять временно своими войсками Ганноверъ. Россія изъявила готовность принять на себя посредничество между Франціею и Англіею, и вмѣстѣ съ тѣмъ надежду, что французское правительство пощадитъ ея союзниковъ, Неаполь и Ганноверъ. Бонапарте, стараясь выказать уваженіе къ Императору Александру, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желая разсорить его съ Англіей, предоставилъ ему рѣшить всѣ вопросы, заключавшіеся въ окончательномъ требованіи (ultimatum) лорда Витворта. Но это не могло склонить Русскаго Монарха въ пользу Франціи. Вознагражденіе германскихъ владѣтелей, потерявшихъ за-рейнскія земли, не соотвѣтствовало видамъ нашего правительства, и хотя ходатайство Императора Александра въ пользу Баваріи, Виртемберга и Бадена не осталось напраснымъ, однако-же, Бонапарте, противъ воли нашего Государя, сдѣлался единственнымъ распорядителемъ судебъ Германіи. Дѣла въ Италіи также подавали поводъ къ несогласію между Россіею и Франціей: настойчивыя требованія Императора Александра

*) Братъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Людовика Кобенцеля.

о вознагражденіи Короля Сардинскаго отклонялись неумѣстными предложеніями тюльерискаго двора, а между тѣмъ, 9 (21) сентября 1802 года, Первый консулъ обнародовалъ декретъ о присоединеніи къ Франціи части Піемонта. Когда-же послѣдовалъ разрывъ аміенскаго трактата, Бонапарте, не обращая вниманія на внушенія русскаго правительства, немедленно послалъ войска въ неаполитанскія владѣнія; корпусъ генерала Гувіонъ-Сенъ-Сира, собранный въ Римини, занялъ Отрантъ и Бриндизи: такимъ образомъ явно было нарушено условіе неутралитета южной Италіи. Съ другой стороны, генералъ Мортье, съ 16-тысячнымъ французскимъ корпусомъ, непосредственно послѣ разрыва съ Англіею, въ маѣ 1803 года, вторгнулся въ Ганноверское курфиршество, ввелъ гарнизонъ въ Гамбургъ, наложилъ значительную контрибуцію на ганзеатическіе города и захватилъ всѣ англійскія суда и капиталы въ гаваняхъ и прочихъ пунктахъ, наводненныхъ его войсками. Вторженіе Французовъ въ сѣверную Германію поразило страхомъ Данію и Швецію. Пруссія, несмотря на благорасположеніе къ ней Перваго консула, не могла оставаться спокойною. Такое-же дѣйствіе на Россію и Австрію имѣло занятіе Французами южной Италіи. Вѣнскій кабинетъ не даромъ опасался утвержденія власти Бонапарта на Апеннинскомъ полуостровѣ; Россія справедливо негодовала за нарушеніе заключеннаго съ нею трактата. Императоръ Александръ нѣсколько разъ писалъ Первому консулу о вознагражденіи Короля Сардинскаго; графъ Марковъ безпрестанно напоминалъ о томъ-же, какъ самому Бонапарту, такъ и Талейрану; но они оба старались длить время, не давая опредѣлительнаго отвѣта. Только лишь однажды, Первый консулъ, вѣроятно, желая избавиться отъ докучливыхъ

настояній нашего резидента въ пользу изгнаннаго короля, сказалъ ему: „это дѣло рѣшеное: денегъ — сколько вы хотите и сколько онъ хочетъ, и ничего болѣе„ (C'est un parti pris; de l'argent — tant que vous voudrez et tant qu'il voudra, et rien de plus). На предложеніе графа Маркова — отдать Королю Парму и Піаченцу, Бонапарте отвѣчалъ, что онъ о томъ подумаетъ, и что, не сдѣлавъ еще никакого распоряряженія на счетъ сихъ герцогствъ, онъ не приступитъ къ тому, не согласясь предварительно съ Императоромъ Александромъ (et que n'ayant pas encore disposé de ces duchés, même dans sa pensée, il n'en disposerait pas sans s'entendre avec l'Empereur Alexandre). Но въ послѣдствіи онъ не скрывалъ своего неудовольствія всякій разъ, когда Марковъ заводилъ рѣчь о Сардинскомъ Королѣ, и даже однажды сказалъ русскому резиденту, что это дѣло не должно было-бы занимать Императора Александра болѣе, нежели сколько занимаютъ его Перваго консула дѣла въ Персіи (...que cette affaire ne devrait pas intéresser plus l'Empereur Alexandre, que ne l'interessaient lui, premier consul, les affaires de Perse). Когдаже послѣдовала смерть герцога пармскаго, и графъ Марковъ, по этому случаю, напомнилъ Первому консулу его обѣщаніе, онъ отвѣчалъ, что, уступивъ Парму и Піаченцу Испаніи за нѣкоторыя изъ ея колоніальныхъ владѣній, онъ можетъ дать Королю, въ замѣну этихъ герцогствъ, только Сіенну и Орбителло, да, кромѣ того, назначить ему пенсію въ полмилліона франковъ ([19]). Это предложеніе было до того неумѣстно, что Императоръ Александръ, предоставя на волю самаго Короля, принять или не принять такое скудное вознагражденіе, отказался отъ всякаго участія въ подобной сдѣлкѣ.

А между тѣмъ не было недостатка въ мелоч-

ныхъ поводахъ къ неудовольствію Бонапарта на нашего резидента. По случаю смерти зятя Перваго консула, генерала Леклерка, наложенъ былъ при тюльерискомъ дворѣ трауръ на десять дней. Какъ послы австрійскій и англійскій (тогда еще находившійся въ Парижѣ) ограничились однодневнымъ трауромъ, то и графъ Марковъ не счелъ нужнымъ носить его долѣе, несмотря на то, что прочіе резиденты облеклись въ траурный костюмъ на все время, положенное при дворѣ Перваго консула. Когда-же послѣдовалъ разрывъ между Франціей и Англіей, Талейранъ, основываясь на сплетняхъ испанскаго и прусскаго посланниковъ, Аццара и Луккезини, приписывалъ неудачу переговоровъ съ Англичанами проискамъ Маркова и русскаго посла въ Лондонѣ, графа Семена Романовича Воронцова. Несмотря на неосновательность такого обвиненія, Первый консулъ, 25 мая (6 іюня), въ Тюльери, при всемъ дипломатическомъ корпусѣ, осыпалъ упреками нашего резидента. Не трудно было Маркову доказать ложь клеветы, взводимой на него и графа Воронцова; но какъ Бонапарте, повидимому, не убѣдился въ томъ, и, не отвѣчая ему, сталъ говорить съ другими послами, то графъ Марковъ повернулся къ нему спиною и уѣхалъ ([20]).

Въ такихъ обстоятельствахъ, каждый поступокъ русскаго резидента перетолковывался при тюльерискомъ дворѣ въ дурную сторону. Бонапарте вздумалъ напечатать въ Монитёрѣ, будтобы Россія и Пруссія ручались въ исполненіи статьи амьенскаго трактата, относившейся къ Мальтѣ. Прусскій посолъ Луккезини спросилъ о томъ графа Маркова, который отвѣчалъ ему, что Императоръ Александръ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе гарантировать эту статью, нѣсколько измѣнивъ ее съ обоюднаго согласія

сентъ-джемскаго и тюльерискаго кабинетовъ, но какъ они не согласились на требуемое измѣненіе, то и не существовало никакого ручательства со стороны Россіи. Талейранъ, узнавъ отъ Луккезини о сказанномъ Марковымъ, сталъ обвинять его въ недоброжелательствѣ къ Франціи и въ пристрастіи къ Англіи ([21]). Извѣты французскаго министра иностранныхъ дѣлъ очернили русскаго посла въ глазахъ и безъ того уже неблаговолившаго къ нему Перваго консула. 17 (29) іюля, Бонапарте писалъ собственноручно къ Императору Александру, прося его отозвать графа Маркова. Дѣйствительно, русскій посолъ нисколько не скрывалъ своей ненависти къ Первому консулу, а секретарь Байковъ позволялъ себѣ еще болѣе нескромныя сужденія о французскомъ правительствѣ. Бонапарте, озлобленный ихъ выходками, приказалъ арестовать въ Швейцаріи и посадить въ Тампль состоявшаго при нашей миссіи чиновника Кристена (Christin), котораго французская полиція обвиняла въ сношеніяхъ съ роялистами. Этому бѣдняку угрожала ссылка на островъ Св. Маргариты, когда графъ Марковъ, возвратясь съ барежскихъ водъ, сталъ ходатайствовать объ его освобожденіи. Бонапарте, немогшій или несчитавшій нужнымъ скрыть свой гнѣвъ, разразился на аудіенціи дипломатическаго корпуса горькими упреками: „Зачѣмъ — сказалъ онъ Маркову — ваше правительство покровительствуетъ Антрèга, сочиняющаго пасквили противъ Франціи? Зачѣмъ вы держите при себѣ Кристена, сообщника моихъ непріятелей? Мы не обабились до того, чтобы терпѣть подобные поступки; у меня будутъ арестованы всѣ тѣ, которые дѣйствуютъ противъ Франціи“ (...Nous ne sommes pas tellement à la quenouille que de souffrir patiemment de pareils procédés, et je continuerai de faire ar-

rêter tous ceux qui agissent contre les intérêts de la France). Послѣ этой сцены, графъ Марковъ пересталъ являться на публичныхъ выходахъ Перваго консула. но оставался на своемъ посту, потому что Императоръ Александръ, согласно съ мнѣніемъ канцлера графа Воронцова. считалъ неумѣстнымъ поспѣшный отзывъ нашего посла изъ Парижа. Только тогда, когда самъ Марковъ сталъ просить объ увольненіи своемъ, Государь исполнилъ его просьбу, наградивъ его орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, при весьма лестномъ рескриптѣ ([22]). Марковъ, возложивъ на себя этотъ орденъ, явился въ Тюльери и громко увѣрялъ всѣхъ, встрѣченныхъ имъ на публичной аудіенціи Перваго консула, что считаетъ удаленіе изъ Парижа за величайшую милость своего Государя ([23]). Императоръ Александръ, не желая подвергать представителей Россіи грубымъ выходкамъ Бонапарта, не послалъ никого вмѣсто Маркова, по отъѣздѣ коего повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи остался старшій изъ чиновниковъ русскаго посольства, Убри (Oubril). Мелочныя придирки французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ не прекратились. Въ началѣ (въ половинѣ) января 1804 года, Талейранъ. пригласивъ къ себѣ Убри, изъявилъ ему неудовольствіе Перваго консула на состоявшаго при русской миссіи чиновника Байкова, который — по словамъ французскаго министра — распускалъ слухи о непріязни и предстоящей войнѣ между Россіей и Франціей: основываясь на томъ. Талейранъ требовалъ. чтобы велѣно было Байкову выѣхать изъ Парижа. На замѣчаніе Убри, что Байковъ состоялъ при миссіи секретаремъ, и что, безъ Высочайшаго разрѣшенія. онъ не смѣетъ его выслать изъ Парижа, Талейранъ сказалъ, что, по установленнымъ французскимъ правительствомъ правиламъ, одни

лишь послы иностранныхъ державъ могутъ держать при своихъ миссіяхъ секретарей; а повѣреннымъ въ дѣлахъ предоставлялось имѣть только чиновниковъ частнымъ образомъ для переписки бумагъ. Затѣмъ Талейранъ сталъ доказывать, будтобы самъ Убри былъ акредитованъ не при Первомъ консулѣ, а при французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ; Убри отвѣчалъ ему, что графъ Марковъ, оставляя ввѣренный ему постъ, получилъ отъ Государя повелѣніе поручить исполненіе своихъ обязанностей повѣренному въ дѣлахъ Россіи, на такомъ-же основаніи, на какомъ самъ исполнялъ ихъ. Впрочемъ, Байковъ оставался при миссіи, пока встрѣтилась надобность послать его съ важными бумагами въ Петербургъ, и потомъ опять былъ отправленъ въ Парижъ (24). По этому случаю, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, князь Чарторыскій извѣстилъ нашего повѣреннаго въ дѣлахъ, что Государь былъ недоволенъ отъѣздомъ Байкова изъ Парижа. „...Прибытіе господина Байкова не мало меня удивило — писалъ Чарторыскій — и я сожалѣю крайне, что до отъѣзда его не дошла моя къ вамъ депеша, о немъ писанная, содержаніе коей заставило-бы васъ удержать его въ Парижѣ, и тѣмъ избѣгнуть вида податливости съ нашей стороны желаніямъ Перваго консула, каковую съ вѣроятностью теперь намъ приписать могутъ.

„Неосновательное и всѣмъ правамъ народнымъ противное требованіе министра внѣшнихъ сношеній Французской Республики, о высылкѣ изъ Франціи чиновника, къ нашей миссіи принадлежащаго, будучи вами отринуто единожды, надлежало оставаться твердымъ въ пребываніи г. Байкова въ Парижѣ, и не прежде употребить его въ отправленіе по службѣ, какъ тогда, когда-бы дѣло, о немъ за-

чавшееся, пришло въ совершенное забвеніе. Изъ опыта дознано, что малѣйшая податливость, оказанная единожды къ прихотямъ Перваго консула, служила ему поводомъ къ дальнѣйшимъ настоятельнымъ требованіямъ по важнѣйшимъ предметамъ..." ([25]).

Французское правительство, вмѣсто того, чтобы утушить искры несогласія съ Россіей, угрожавшія пожаромъ, не упускало случаевъ къ изъявленію неудовольствія и неуваженія къ петербургскому двору. По настоянію Перваго консула, въ началѣ 1804 года, состоявшій въ русскомъ подданствѣ эмигрантъ Вернегъ (Vernègues) былъ арестованъ въ Римѣ и выданъ Французамъ слабымъ папскимъ правительствомъ, несмѣвшимъ ослушаться приказаній, насылаемыхъ изъ Парижа. Еслибы папа сознался откровенно, что онъ былъ принужденъ къ тому силою, то русское правительство, быть можетъ, оставило-бы безъ вниманія его поступокъ. Но, вмѣсто того, папскій нунцій при петербургскомъ дворѣ сталъ утверждать, будтобы эмигрантъ, объявленный лишеннымъ гражданскихъ правъ во Франціи и водворившійся въ качествѣ подданнаго другой державы, не переставалъ быть Французомъ. Впрочемъ, не столько эти софизмы, сколько мелочная политика и неловкія ухищренія папскаго нунція, въ отношеніи къ дѣламъ католическаго вѣроисповѣданія въ Россіи, подали поводъ къ неудовольствію нашего правительства. Въ іюнѣ 1804 года, сдѣлано было внушеніе нунцію— оставить Петербургъ, подъ предлогомъ отпуска, и тогда-же повѣренный въ дѣлахъ Россіи при папскомъ дворѣ получилъ повелѣніе выѣхать изъ Рима ([26]).

Французское правительство также потребовало высылки изъ Дрездена состоявшаго тамъ при русской миссіи графа д'Антрѐгъ (d'Antrégues), по тому только, что онъ не нравился Первому консулу. Фран-

цузскій посланникъ генералъ Гедувиль (Hedouville) сообщилъ нашему министерству иностранныхъ дѣлъ, что назначеніе графа д'Антрегъ дипломатическимъ чиновникомъ въ Дрезденѣ было непріятно тюльерискому двору. Императоръ Александръ приказалъ отвѣчать, что удивляется важности, придаваемой такимъ мелочамъ французскимъ правительствомъ, и что Россія, не вмѣшиваясь въ назначеніе чиновниковъ французскихъ миссій, не признаетъ и въ отношеніи себя справедливости такихъ притязаній ([27]).

Французскіе агенты въ Константинополѣ старались поселить въ Туркахъ недовѣріе къ Россіи и поставить Диванъ въ зависимость отъ Бонапарта: такимъ образомъ, уже господствуя въ Голландіи, Швейцаріи и Италіи, Французы простирали виды своей властолюбивой политики на отдаленныя страны. Неуваженіе къ народнымъ правамъ и насилія Бонапарта сопровождались неслыханною дерзостью. Когда наслѣдный датскій принцъ, желая предохранить отъ нашествія Французовъ Голштинію, сосредоточилъ тамъ большую часть своей арміи, Бонапарте приказалъ напечатать въ Монитёрѣ статью, въ которой, между прочимъ, было сказано: „...Пристало-ли наслѣдному принцу вызывать Францію?.. Безъ сомнѣнія, онъ хочетъ воспользоваться случаемъ для маневровъ своихъ войскъ, но это будетъ стоить ему большихъ денегъ, которыя могли-бъ послужить съ большею пользою для возстановленія его флота. Довольно странно видѣть такое военное увлеченіе у небольшихъ князьковъ (la manie militaire est une étrange manie chez les petits princes); оно болѣе разорительно для ихъ подданныхъ, нежели страсть къ игрѣ...“ ([28]). Въ отвѣтъ на эту ругательную статью, наслѣдный принцъ помѣстилъ въ нѣсколькихъ нѣмецкихъ газетахъ полуофиціальный от-

зывъ, въ заключеніе коего писалъ: „...Къ неумѣстнымъ и несправедливымъ упрекамъ *редакторъ* присоединилъ неприличное выраженіе *небольшаго князька*, не имѣющее точнаго смысла. Монархъ, обладатель значительнаго государства, истощающій средства своей страны, дающій произвольныя приказанія, гнетущій собственныхъ подданныхъ, возмутивъ противъ себя общее мнѣніе и потерявъ любовь своего народа, можетъ сдѣлаться небольшимъ князькомъ; напротивъ того, государь, владѣющій тремя милліонами подданныхъ, котораго власть основана на привязанности подданныхъ, котораго прямодушіе и мужество извѣстны всему его народу и служатъ ручательствомъ спокойствія его сосѣдей — такой государь не можетъ быть названъ небольшимъ князькомъ“ (29).

Высокомѣріе и заносчивость Перваго консула возбуждали справедливыя опасенія Европы. Россія, по своему положенію, была обезпечена отъ его покушеній болѣе другихъ державъ, но уже наставало время, когда онъ — съ одной стороны могъ запереть Зундъ, а съ другой — пріобрѣсть господство на Черномъ морѣ, что̀ поставило-бы русскую торговлю въ совершенную зависимость отъ его произвола. Въ такихъ обстоятельствахъ, Императору Александру не оставалось ничего болѣе, какъ войти въ сношеніе съ прочими государями и соединиться съ ними, чтобы обуздать властолюбіе Бонапарта (30).

ГЛАВА XII.

Разрывъ съ Франціею. Образованіе коалиціи (3-й) противъ Франціи.

(1804—1805 г.)

Въ началѣ 1804 года, когда всѣ домогательства россійскаго правительства, касательно исполненія Франціей условій мира, остались напрасны, приступлено было, въ глубочайшей тайнѣ, къ открытію переговоровъ съ европейскими державами, наиболѣе могшими опасаться дальнѣйшаго развитія замысловъ Бонапарта. Самъ онъ облегчилъ образованіе союза враждебнаго Франціи дерзкимъ нарушеніемъ народнаго права.

Въ то время, въ сосѣдствѣ французской границы, въ небольшомъ баденскомъ городкѣ Эттенгеймѣ, проживалъ спокойно потомокъ знаменитаго дома Кондè, герцогъ ангіенскій (d'Enghien). Привлеченный туда страстью къ принцессѣ Роганъ-Рошефоръ (de Rohan-Rochefort), чуждый честолюбивыхъ видовъ, принцъ посвящалъ свою жизнь любви и дружбѣ, въ кругу немногихъ лицъ, оставшихся ему преданными въ изгнаніи изъ отечества. Нерѣдко проводя цѣлые дни на охотѣ, напоминавшей ему военные подвиги, совершенные имъ подъ началь-

ствомъ своего дѣда, принца Кондè, герцогъ посѣщалъ берега Рейна, откуда могъ бросить взглядъ на враждебную, но дорогую ему родину.

А, между тѣмъ, Бонапарте, уже простирая руку къ царственному вѣнцу Франціи, но. снѣдаемый опасеніями грозившихъ ему заговоровъ, полагалъ, что причиною пребыванія принца въ Баденѣ были сношенія его съ заговорщиками укрывавшимися во Франціи. Подозрѣнія Перваго консула были подтверждены донесеніями Савари и шпіоновъ его, постоянно слѣдившихъ за принцемъ: говорили, будтобы онъ нѣсколько разъ скрытно пріѣзжалъ въ Страсбургъ, и даже побывалъ въ Парижѣ. Для разъясненія этихъ слуховъ, Бонапарте пригласилъ на совѣщаніе приближенныхъ къ нему лицъ, Лебрюна, Камбасереса, Талейрана, Дальберга, Фушè, и проч. и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи — захватить принца. Напрасно нѣкоторые изъ нихъ старались доказать Первому консулу несправедливость и опасность такого поступка; напрасно Камбасересъ заклиналъ его, именемъ собственной его славы, чести его политики, воздержаться отъ поступка, могшаго поставить его правительство въ рядъ тѣхъ самыхъ революціонныхъ управленій, съ которыми онъ нехотѣлъ имѣть ничего общаго. Бонапарте отвѣчалъ, что нельзя сносить терпѣливо заговоры эмигрантовъ на границѣ Франціи, что надлежало дать урокъ не только имъ, но и мелкимъ германскимъ владѣтелямъ (petits princes allemands), наконецъ — что захватъ принца, безъ вѣдома курфирста баденскаго, выводилъ сего владѣтеля изъ затрудненія — отказать въ выдачѣ изгнанника французскому правительству, либо навлечь на себя опалу всей Европы. Въ послѣдствіи, по низложеніи Наполеона, Талейранъ, Дальбергъ и другіе, старались отклонить отъ себя вся-

кое участіе въ вопіющемъ убійствѣ герцога ангіенскаго, и, дѣйствительно, ихъ голосъ не имѣлъ ни малѣйшаго вѣса въ этомъ дѣлѣ. Участь несчастнаго уже была рѣшена Первымъ консуломъ. Онъ хотѣлъ поразить ужасомъ роялистовъ, показавъ имъ, что священная для нихъ кровь Бурбоновъ не имѣла особой цѣны въ глазахъ будущаго властителя Франціи, что онъ былъ готовъ скорѣе принять на себя роль Кромвеля, нежели Монка. Говорятъ, будтобы онъ сказалъ Камбасересу: „вы стали очень скупы на кровь Бурбоновъ.“ Подъ вліяніемъ отуманившихъ его страстей, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженія къ захвату принца ([1]). По его повелѣнію, военный министръ составилъ инструкцію, для разбойничьяго набѣга, въ видѣ военной экспедиціи, полковникамъ Коленкуру (въ послѣдствіи представителю Наполеона при россійскомъ дворѣ) и Орденеру. Первый изъ нихъ получилъ приказаніе перейти съ отрядомъ чрезъ Рейнъ въ Страсбургѣ, двинуться отъ Келя къ Офенбургу, чтобы отвлечь къ этому пункту вниманіе эмигрантовъ, и оставаться тамъ, пока полковникъ Орденеръ съ тремя стами драгунъ, командою понтонеръ и нѣсколькими взводами жандармовъ, перейдя черезъ Рейнъ у Рейнау, окружитъ Эттенгеймъ и арестуетъ принца со всѣми находящимися при немъ лицами. За тѣмъ Коленкуръ долженъ былъ отправиться къ курфирсту баденскому и вручить ему ноту, въ которой французское правительство старалось оправдать вторженіе въ неутральныя владѣнія необходимостью собственной защиты отъ покушеній эмигрантовъ. Всѣ эти распоряженія были исполнены въ точности. 3-го (15-го) марта 1804 года, драгуны Орденера, переправясь черезъ Рейнъ, окружили городъ Эттенгеймъ, арестовали принца, съ находившимися при немъ Францу-

зами, и привезли его ночью въ Страсбургъ, но не нашли — ни бумагъ, которыя моглибы послужить къ его обвиненію, ни генерала Дюмурье, по донесенію шпіоновъ находившагося въ Эттенгеймѣ; вмѣсто его захватили какого-то Тюмери (Thumery). Такимъ образомъ обнаружилось, что пребываніе герцога ангіенскаго въ сосѣдствѣ французской границы неимѣло никакой связи съ враждебными Первому консулу покушеніями эмигрантовъ, и по тому французское правительство должно было-бы, исполняя долгъ справедливости, возвратить свободу принцу. Но Бонапарте опасался, что сознаніе въ опрометчивости сдѣланнаго имъ насилія возбудитъ насмѣшки роялистовъ и унизитъ его въ общественномъ мнѣніи. Онъ рѣшился прикрыть злодѣяніемъ сдѣланную имъ ошибку. На донесеніе Коленкура, объ удачѣ даннаго ему порученія, послѣдовало, 6 (18) марта, повелѣніе привести герцога въ Парижъ. Тогда-же Первый консулъ отправился въ Мальмезонъ. Тамъ, волнуемый мрачною думою, но скрывая душевное смятеніе подъ личиною спокойствія, онъ оставался нѣсколько дней въ совершенномъ бездѣйствіи: въ продолженіи цѣлой недѣли, онъ — говорятъ — не продиктовалъ почти ни одной депеши, и только лишь консулы, министры и братья его имѣли къ нему доступъ. Его супруга, узнавъ о задержаніи принца, старалась отклонить пагубное событіе, но ни слова ея, ни рыданія, не могли смягчить сердце Перваго консула. „Ты женщина — отвѣчалъ онъ — ты ничего неразумѣешь въ моей политикѣ: твое дѣло — молчать.“

Получивъ приказаніе — немедленно доставить плѣнника въ Парижъ, Коленкуръ везъ его безъ отдыха и прибылъ съ нимъ къ дому Талейрана, 8 (20) марта, въ полдень. Тамъ у воротъ, принцъ оста-

вался въ каретѣ цѣлые пять часовъ подъ наблюденіемъ сторожившихъ его жандармовъ. Вечеромъ отвезли его въ венсенскій замокъ, гдѣ для суда надъ нимъ уже была собрана коммиссія, подъ предсѣдательствомъ тамошняго коменданта генерала Гюлена; командиры полковъ, стоявшихъ въ Парижѣ, были членами беззаконнаго судилища; невѣжество бывшихъ солдатъ республики, въ отношеніи къ подсудимому, простиралось до того, что они едва знали о происхожденіи его отъ дома Кондè. Герцогу не дали защитника, и даже не позволили — ни отдохнуть — ни обдумать свои отвѣты (2).

На вопросы, сдѣланные принцу, объ участіи его въ замыслѣ Жоржа-Кадудаля и другихъ заговорщиковъ, онъ изъявилъ съ негодованіемъ удивленіе, что его могли счесть участникомъ въ такихъ поступкахъ. По словамъ его, онъ никогда не видалъ — ни Пишегрю, ни Дюмурье. Что-же касается до обвиненія въ дѣйствіи вооруженною рукою противъ республики, онъ отвѣчалъ, что сперва служилъ волонтеромъ въ корпусѣ Кондè, а потомъ — командовалъ его авангардомъ. „И теперь — продолжалъ онъ — я состою на жалованьѣ Англіи, и получаемыя мною отъ англійскаго правительства ежемѣсячно полтораста гиней составляютъ для меня единственное средство къ существованію.“ Великодушный принцъ нескрылъ даже отъ своихъ судей, что онъ намѣренъ былъ поступить въ англійскую службу и принять участіе въ войнѣ противъ Франціи. На замѣчаніе президента о важности такого признанія, герцогъ гордо отвѣчалъ: „я поддерживалъ права моего дома; потомокъ Кондè могъ возвратиться во Францію не иначе, какъ съ оружіемъ въ рукѣ. Мой родъ, мои убѣжденія, содѣлываютъ меня навѣки врагомъ вашего правительства.“ На вопросъ — имѣлъ-ли онъ

намѣреніе опять вооружиться противъ Франціи — принцъ сказалъ: „да! я просилъ англійское правительство опредѣлить меня въ его армію, и мнѣ отвѣчали, чтобы я оставался на Рейнѣ, гдѣ вскорѣ мнѣ откроются дѣйствія. Я ожидалъ этого.“ Когда поднесли ему къ подписи актъ допроса, онъ прибавилъ къ нему: „требую настоятельно испросить мнѣ частную аудіенцію Перваго консула: мое имя, мое званіе, мой образъ мыслей и мое ужасное положеніе, подають мнѣ надежду, что онъ не откажетъ въ этой просьбѣ.“

По окончаніи допроса, въ два часа ночи, отвели плѣнника въ одну изъ комнатъ замка, гдѣ, утомленный физически и нравственно, онъ заснулъ крѣпко, между тѣмъ какъ беззаконное судилище рѣшало его участь. Единогласно его приговорили къ смерти, и только лишь одинъ изъ членовъ, полковникъ Баруà (Barrois) предложилъ отсрочить исполненіе приговора, до утвержденія его Первымъ консуломъ. Въ шесть часовъ утра, полковникъ Гаррель (Harrel), разбудивъ принца, приказалъ свести его въ глубокій ровъ зàмка. Тамъ стояла команда отборныхъ жандармовъ полковника Савари, которому было поручено исполнить приговоръ судной коммиссіи. Выслушавъ сентенцію и вознеся къ Богу краткую молитву, принцъ не позволилъ завязать себѣ глаза и мужественно встрѣтилъ смерть подъ пулями жандармовъ ([3]).

Извѣстіе о гибели герцога энгіенскаго было встрѣчено въ Парижѣ и во всей Франціи общимъ охлажденіемъ къ Первому консулу. Только лишь немногіе республиканцы, участники ужасовъ терроризма, были довольны, убѣдясь въ вѣчномъ разрывѣ Бонапарта съ Бурбонами. Но всѣ молчали, и самое осужденіе убійства однимъ изъ знаменитѣйшихъ со-

временниковъ выразилось безмолвно: Шатобріанъ, назначенный представителемъ Франціи при Валезской республикѣ, узнавъ о гибели герцога ангіенскаго, подалъ въ отставку (4).

Несравненно болѣе взволновалось общественное мнѣніе прочихъ державъ Европы. Ударъ, постигшій потомка одной изъ царственныхъ династій, какъ будтобы поразилъ въ лицѣ его всѣ прочія. Но сомнѣніе въ собственныхъ силахъ, слѣдствіе неудачъ понесенныхъ непріятелями Франціи въ прежнихъ войнахъ съ Бонапартомъ, ослабило эти впечатлѣнія, и загробный голосъ о мести, взывавшій къ европейскимъ дворамъ, былъ заглушенъ внушеніями осторожной политики. Въ Берлинѣ, духъ общества едва не увлекъ самаго Короля и весь Домъ его. Злополучное венсенское событіе прервало переговоры между Пруссіею и Франціею, о заключеніи союзнаго оборонительнаго трактата, долженствовавшаго освободить отъ французскихъ войскъ устья Везера и Эльбы. Но Первый консулъ ни мало не смутился охлажденіемъ къ нему прусскаго правительства. Онъ зналъ, что Король Фридрихъ-Вильгельмъ, по характеру своему, питалъ отвращеніе къ рѣшительнымъ мѣрамъ, и по тому со стороны Бонапарта выказано было презрительное равнодушіе къ Пруссіи. 9-го (21-го) апрѣля, Французы, занявъ герцогство арембергское, прервали внутреннюю навигацію, служившую, за прекращеніемъ судоходства по Эльбѣ и Везеру, важнымъ путемъ сообщенія для прусской торговли. На представленія берлинскаго двора, по сему предмету, не было обращено ни малѣйшаго вниманія. Недовольствуясь тѣмъ, Бонапарте приказалъ, 5 (17) мая, объявить, что „какъ раздраженіе Россіи противъ Франціи заставляетъ его принять мѣры предосторожности, то онъ находится въ необ-

ходимости усилить двадцатью пятью тысячами человѣкъ корпусъ, стоявшій въ Ганноверѣ, *если Пруссія не обяжется формально, что, ни въ какомъ случаѣ, не будетъ дозволено русскимъ войскамъ пройти чрезъ ея владѣнія.* Король Фридрихъ-Вильгельмъ, желавшій сохранить дружественныя сношенія со всѣми своими сосѣдями, былъ чрезвычайно встревоженъ домогательствомъ Перваго консула, но изъявилъ согласіе на его требованіе, хотя и зналъ, что такая уступчивость не могла нравиться Императору Александру. Замѣтить надобно, что въ это самое время, именно 12 (24) мая 1804 года, прусское правительство заключило съ Россіей секретную конвенцію, по которой обѣ державы взаимно обязались содѣйствовать одна другой, въ случаѣ дальнѣйшихъ покушеній Франціи противъ сѣверо-германскихъ владѣній. Но это не помѣшало Королю Фридриху-Вильгельму подписать 1-го іюня н. ст. другую конвенцію, на основаніи коей онъ обязался преградить путь войскамъ, направляемымъ чрезъ сѣверную Германію противъ Франціи, съ тѣмъ, чтобы не былъ усиленъ французскій корпусъ занимавшій ганноверское курфиршество, и чтобы сѣверо-германскія владѣнія (конечно — за исключеніемъ Ганновера) были свободны отъ бремени войны. Уступчивость Фридриха-Вильгельма Франціи простиралась до того, что, получивъ отъ Перваго консула конфиденціальное увѣдомленіе о намѣреніи его возстановить въ своемъ лицѣ наслѣдственную монархію, Король тотчасъ согласился безусловно признать его въ императорскомъ санѣ. Желая изгладить и послѣдніе слѣды недоразумѣній, возникшихъ между Пруссіею и Франціей, Фридрихъ-Вильгельмъ извѣстилъ Бонапарта объ усиліяхъ Императора Александра образовать коалицію противъ Франціи (5).

Всѣ эти угожденія прусскаго правительства Первому консулу вызвали новыя домогательства Франціи и уронили Короля Фридриха-Вильгельма во мнѣніи не только прочихъ европейскихъ державъ, но и собственныхъ его подданныхъ.

Политика Австріи была искуснѣе. Тамъ во всѣхъ сердцахъ также пылала ненависть къ Франціи; Императоръ, Императрица, эрцгерцогини, были сильно огорчены убійствомъ герцога ангіенскаго, но скрывали свои чувства, и вѣнское высшее общество послѣдовало ихъ примѣру. Австрійскій посланникъ въ Парижѣ, графъ Филиппъ Кобенцель, нимало не колеблясь, гласно выразилъ въ присутствіи Перваго консула свое мнѣніе, сказавъ, что „бываютъ обстоятельства, когда правительство поставлено въ необходимость принять для своей безопасности мѣры, неподлежащія вмѣшательству другихъ державъ“ (6).

Россійское правительство поступило иначе. Получивъ извѣстіе о неслыханномъ поступкѣ Перваго консула, Императоръ Александръ поручилъ обсужденіе послѣдующихъ мѣръ нашего двора Государственному Совѣту, который, большинствомъ голосовъ, постановилъ изложить явно, предъ лицемъ Европы, образъ мыслей нашего правительства. Опираясь на отзывъ Совѣта и на голосъ общественнаго мнѣнія Россіи, Государь наложилъ при дворѣ трауръ по герцогѣ ангіенскомъ и выразилъ свои чувства въ двухъ нотахъ. Въ первой, поданной русскимъ резидентомъ барономъ Клюпфелемъ въ Регенсбургѣ германскому сейму, 7-го мая н. ст. Императоръ Александръ приглашалъ всѣ нѣмецкія державы протестовать, по поводу нарушенія неприкосновенности предѣловъ Германіи, и требовать настоятельно, чтобы французское правительство согласилось на принятіе мѣръ, требуемыхъ оскорбленнымъ достоинствомъ Имперіи

и необходимыхъ для обезпеченія ея будущей безопасности. Нѣсколько дней спустя, 12-го мая н. ст. повѣренный въ дѣлахъ Россіи при тюльерискомъ дворѣ, г. Убри вручилъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ другую ноту, въ коей Императоръ Александръ изъявлялъ ожиданіе, что Первый консулъ приметъ самыя дѣйствительныя мѣры для успокоенія германскихъ державъ и прекратитъ положеніе дѣлъ, угрожающее ихъ безопасности и независимости (7).

Въ отвѣтъ на эту ноту, Талейранъ писалъ, что Первый консулъ съ сожалѣніемъ видитъ петербургскій кабинетъ дѣйствующимъ по внушеніямъ непріятелей Франціи. По словамъ его: „Императоръ Германскій и Король Прусскій, долженствующіе принимать наибольшее участіе въ судьбѣ Германской Имперіи, сообразили, что крайность и важность обстоятельствъ давали право французскому правительству захватить въ нѣсколькихъ верстахъ отъ своей границы (à deux lieues de ses frontières) мятежныхъ Французовъ, злоумышлявшихъ противъ своего отечества, которые, по свойству и очевидности своихъ преступленій, поставили себя сами внѣ народнаго права. Какъ германскіе государи неизъявили, по сему поводу, неудовольствія, то Первый консулъ могъ-бы оставить безъ объясненія дѣло совершенно чуждое Е. В. Россійскому Императору, но онъ всегда готовъ отвѣчать съ обычною ему откровенностью, извѣстною Европѣ и приличною великимъ державамъ.“ За тѣмъ, французскій министръ, упрекая россійское правительство въ намѣреніи образовать новую коалицію, писалъ, что для этого не было никакой надобности прибѣгать къ пустымъ предлогамъ и домогаться объ успокоеніи германскихъ державъ на счетъ ихъ безопасности и независимости.

„Что касается до безопасности державъ, — продолжалъ Талейранъ — то не нарушаетъ-ли ее Россія тѣмъ, что въ Дрезденѣ и Римѣ покровительствуетъ и содержитъ заговорщиковъ, употребляющихъ во зло присвоенныя имъ права̀ и волнующихъ сосѣднія страны? Тѣмъ, что русскіе резиденты хотятъ распространить покровительство народнаго пра̀ва на уроженцевъ государствъ, при дворахъ коихъ они акредитованы, какъ думалъ поступить господинъ Марковъ съ какимъ-то Женевцемъ въ Парижѣ? Вотъ истинныя нарушенія независимости государствъ; что-же касается до событія, противъ котораго возстаютъ, — это совершенно иное дѣло.

„На основаніи Люневильскаго трактата, Германія и Франція взаимно обязались не давать убѣжища никому изъ тѣхъ, кои могли бы нарушить спокойствіе сосѣдней державы. Германскіе владѣтели не должны были терпѣть, чтобы французскіе выходцы проживали въ Баденѣ, Фрибургѣ, Дрезденѣ, и это служитъ очевиднымъ доказательствомъ, какъ неумѣстны притязанія Россіи. Мы требуемъ, чтобы эмигранты, состоявшіе въ русской службѣ, въ то время, когда велась война между Россіею и Франціею, были удалены изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они извѣстны своими происками противъ нашего правительства, а Россія упорно содержитъ ихъ тамъ....“ Далѣе во французской нотѣ дерзко наносилось оскорбленіе Императору Александру, вмѣстѣ съ клеветою на англійское правительство (8).

За тѣмъ — французскій министръ, отъ имени Перваго консула, изъявлялъ надежду, что наше правительство, рано или поздно, замѣтитъ коварство людей, желающихъ возжечь войну, которая можетъ быть выгодна только Англіи. — По словамъ его: „Первый консулъ не искалъ войны, но всегда

готовъ скорѣе вести ее, нежели позволить кому-либо оскорбить достоинство Франціи. И какъ онъ не присвоиваетъ себѣ никакого преобладанія и невмѣшивается въ дѣйствія россійскаго кабинета, то и требуетъ, чтобы въ отношеніи къ нему поступали такимъ-же образомъ (9)".

Въ отвѣтѣ на эту, въ высшей степени неприличную, ноту, повѣренный въ дѣлахъ Россіи, исчисливъ всѣ условія, заключенныя между обѣими державами и нарушенныя Первымъ консуломъ, писалъ:

„....Послѣдній насильственный поступокъ, учиненный французскими войсками во владѣніяхъ Курфирста Баденскаго *), довершившій прежнія оскорбленія, убѣдилъ Его Величество, что французское правительство неизмѣнно рѣшилось принять способъ дѣйствій, совершенно противный справедливости и народному праву, и потому несовмѣстный съ чувствами и правилами Его Величества.

„Какъ, по сей причинѣ, Его дальнѣйшія сношенія съ Первымъ консуломъ сдѣлались совершенно безполезны, то нижеподписавшійся, повѣренный въ дѣлахъ Е. И. В. получилъ приказаніе извѣстить министерство внѣшнихъ сношеній французской республики о прекращеніи своихъ обязанностей. Е. В. Россійскій Императоръ, по полученіи извѣстія о выѣздѣ своей миссіи изъ Парижа, объявитъ генералу Гедувилю, что онъ можетъ оставить Его столицу...." (10).

Не получивъ опредѣлительнаго отвѣта на эту ноту, Убри оставался въ Парижѣ до 19-го (31-го) августа, а потомъ переѣхалъ въ Майнцъ, гдѣ тогда

*) На основаніи постановленія (recès) германскаго сейма, получили курфиршеское достоинство: эрцгерцогъ, бывшій владѣтель Тосканы, маркграфъ баденскій, герцогъ виртембергскій и ландграфъ гессенъ-кассельскій.

находился Бонапарте, и получивъ наконецъ извѣстіе о выѣздѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи, г. Реневаля (Rayneval) изъ Петербурга, отправился туда 2-го октября н. ст. (11).

Изъ всѣхъ европейскихъ Государей, только одинъ Король Шведскій послѣдовалъ примѣру Императора Александра. Находясь въ Баденѣ у своего тестя Курфирста, во время убіенія герцога ангіенскаго, и узнавъ о содержаніи русской ноты 7-го мая, онъ приказалъ объявить германскому сейму, что хотя шведское правительство, по вестфальскому трактату, ручалось въ неприкосновенности германскихъ владѣній, однакожъ онъ доселѣ не считалъ нужнымъ возвѣстить свои убѣжденія по сему предмету, полагая, что глава Имперіи не оставитъ обнародовать, какимъ образомъ онъ предполагалъ дѣйствовать; впрочемъ — по словамъ Короля — его собственный образъ мыслей былъ такъ извѣстенъ, что не было надобности напоминать о томъ въ настоящемъ случаѣ (12).

Король Густавъ принялъ живое участіе въ судьбѣ непризнанной супруги герцога ангіенскаго, принцессы Роганъ-Рошефоръ. Эта несчастная женщина обратилась къ Королю, прося его ходатайствовать о возвращеніи ей завѣщанія герцога, которое, по словамъ принцессы, находилось въ числѣ бумагъ его, захваченныхъ французскимъ правительствомъ, и было для ней въ особенности важно, потому что въ этомъ документѣ она признавалась законною супругою погибшаго принца. Король, по сему поводу, писалъ къ Первому консулу и приказалъ шведскому резиденту въ Парижѣ г. Эренсверду (Ehrensward) домогаться о томъ-же у Талейрана. Но Бонапарте оставилъ письмо Короля безъ отвѣта, приказавъ Талейрану извѣстить Эренсверда, что Первый кон-

сулъ принялъ за правило не вмѣшиваться во внутреннія дѣла европейскихъ державъ, и потому, съ своей стороны, надѣется, что такимъ-же образомъ будутъ поступать и въ отношеніи къ Франціи. Нѣсколько дней спустя, Эренсвердъ, по случаю отъѣзда въ Стокгольмъ, откланиваясь Первому консулу, спросилъ у него, не поручитъ-ли онъ ему передать что̀-либо Королю? Бонапарте, не отвѣчая на его вопросъ, завелъ рѣчь о его здоровьѣ, намекая, что шведскій климатъ для него не такъ благопріятенъ, какъ климатъ Франціи ([13]). Все это происходило до сообщенія германскому сейму ноты Короля Густава, которая еще болѣе озлобила Бонапарта. 2-го (14-го) августа, появилась въ Мопитёрѣ ругательная статья противъ Короля Шведскаго, а 5-го сентября н. ст. повѣренный въ дѣлахъ Швеціи при тюльерискомъ Дворѣ г. Синьо̀ль (Signeul) получилъ отъ своего правительства приказаніе выѣхать изъ Парижа. Два дня спустя, 7-го числа того-же мѣсяца, шведское министерство иностранныхъ дѣлъ сообщило повѣренному въ дѣлахъ Франціи при стокгольмскомъ дворѣ ноту, въ коей поставлены были на видъ „неприличныя и дерзкія до смѣшнаго замѣчанія *господина* Наполеона Бонапарта“. Далѣе сказано, что „Король не понимаетъ цѣли такого сумасброднаго поступка (le but d'un tel acte d'extravagance politique). Если хотѣли сбить съ пути истины общественное мнѣніе, на счетъ дѣйствій Короля, то подобная попытка была и будетъ всегда безуспѣшна въ народѣ, который, постоянно соединяя свою судьбу съ судьбою своего Государя, поставляетъ собственное благополучіе въ содѣйствіи его славѣ и счастью“. Въ заключеніи ноты объявлено о прерваніи всѣхъ дипломатическихъ сношеній между обоими дворами ([14]).

Послѣдствіемъ этого разрыва было заключеніе,

3-го декабря н. ст. 1804 года, секретной конвенціи между шведскимъ и англійскимъ правительствами, составившей первое звѣно цѣпи союзовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ 3-ей коалиціи противъ Франціи. Король Густавъ согласился, въ продолженіи войны между Швеціей и Франціей, либо, по крайней мѣрѣ, въ продолженіи 18-ти мѣсяцевъ, дозволить Англичанамъ устроить въ Стральзундѣ, или на островѣ Рюгенѣ, склады для ганноверскаго корпуса, а великобританское правительство обязалось выплатить Швеціи 80,000 фунт. стерл. (около шестисотъ тысячъ рублей) для усиленія стральзундскихъ укрѣпленій (15).

2-го (14-го) января 1805 года, былъ подписанъ въ Петербургѣ трактатъ между Россіею и Швеціею, на слѣдующихъ условіяхъ:

Въ случаѣ, если дальнѣйшія покушенія французскаго правительства противъ владѣній сѣверной Германіи заставятъ Россію послать въ защиту ихъ армію, въ числѣ отъ сорока до пятидесяти тысячъ человѣкъ, Король Шведскій обязывается присоединить къ нимъ отъ двадцати до двадцати пяти тысячъ человѣкъ своихъ войскъ (Ст. 1-я).

Король Шведскій предоставляетъ своему Августѣйшему союзнику произвести высадку тѣхъ русскихъ войскъ, которыя отправятся моремъ, въ одной изъ гаваней Шведской Помераніи, именно въ Стральзундѣ, и зафрахтовать, для доставки туда войска, шведскія купеческія суда за умѣренную цѣну (Ст. 2-я).

По соединеніи союзныхъ войскъ, они приступятъ къ дѣйствіямъ, по предварительно составленному плану, съ тою цѣлью, чтобы вытѣснить Французовъ изъ Германіи (Ст. 3-я).

Россійскія войска, въ продолженіи пребыванія въ Шведской Помераніи, будутъ располагаться по

квартирамъ и получать топливо, на-равнѣ съ шведскими войсками. Что-же касается до провіанта и фуража, то эти припасы будутъ доставлены для русскаго корпуса моремъ, и только лишь въ томъ случаѣ, когда плаваніе нагруженныхъ ими судовъ замедлится противными вѣтрами, Король Шведскій обязывается продовольствовать Русскихъ изъ своихъ магазиновъ запасами, которые, по прибытіи судовъ, немедленно будутъ пополнены (Ст. 6-я).

Каждый изъ союзныхъ корпусовъ будетъ состоять подъ начальствомъ своего командира; въ случаѣ-же соединенія корпусовъ, либо отрядовъ различныхъ націй, положено командовать тому изъ начальниковъ, у кого болѣе войскъ (Ст. 8-я).

Какъ только начнутся военныя дѣйствія, Союзныя Державы принимаютъ на себя формальное обязательство—не прекращать ихъ иначе, какъ съ обоюднаго согласія (Ст. 9-я).

По секретнымъ условіямъ сего-же трактата, постановлено: во 1-хъ, принимать прочія державы въ союзъ со взаимнаго согласія договаривающихся дворовъ; во 2-хъ, если Король Шведскій будетъ находиться въ Помераніи, Императоръ Всероссійскій предоставляетъ ему начальство надъ всѣми русскими войсками дѣйствующими въ сѣверной Германіи; въ 3-хъ, если россійское правительство заключитъ союзъ съ какою-либо изъ первостепенныхъ державъ, для обузданія насильственныхъ покушеній Франціи, то союзники, не выжидая вторженія французскихъ войскъ изъ Ганновера въ Померанію, сами откроютъ наступательныя дѣйствія; въ 4-хъ, Императоръ Александръ обязался употребить зависящія отъ него средства для доставленія отъ Англіи субсидій шведскому правительству; наконецъ—въ 5-хъ, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій кого-либо противъ одной изъ

договаривающихся державъ, другая обязывалась помогать ей, по первому востребованію, достаточными силами ([16]).

Французское правительство, получивъ свѣдѣніе о переговорахъ, происходившихъ между Англіею и Швеціею, побудило берлинскій кабинетъ объявить, что Пруссія не допуститъ перенесенія войны въ Шведскую Померанію, и что, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій Швеціи противъ Франціи, Король Фридрихъ-Вильгельмъ сочтетъ себя обязаннымъ принять самыя рѣшительныя мѣры въ отношеніи къ защитѣ помянутой области ([17]). Настоящій смыслъ этой ноты заключался въ томъ, что, въ случаѣ усиленія шведскихъ войскъ въ Помераніи, Пруссія была намѣрена занять сію область, подъ предлогомъ сохраненія ея для Швеціи и отвращенія бѣдствій войны отъ сѣверной Германіи; въ дѣйствительности-же такіе виды были враждебны Швеціи, и по тому нравились Франціи, желавшей разсорить сѣверныя державы. Густавъ, еще не отвѣчая на прусскую ноту, сообщилъ ее Императору Александру, который немедленно послалъ въ Берлинъ генералъ-адъютанта барона Винцингероде, съ собственноручнымъ своимъ письмомъ и съ порученіемъ объявить изустно Королю Фридриху-Вильгельму, что русское правительство, свято исполняя принятыя имъ на себя обязательства, не допуститъ никакого покушенія противъ Швеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Чарторыскій, по волѣ Государя, сообщилъ русскому послу при берлинскомъ дворѣ, тайному совѣтнику Алопеусу, инструкцію и проектъ письма, для взаимнаго размѣна между Императорами Россійскимъ и Германскимъ и Королемъ Прусскимъ, заключавшаго въ себѣ условія секретнаго оборонительнаго союза противъ общаго врага. Императоръ Александръ, съ своей стороны,

изъявилъ готовность выставить сто-тысячную армію. Чтò-же касается до обстоятельствъ, которыя, по мнѣнію Государя, должны были вызвать ополченіе Союзныхъ Державъ противъ Франціи, то все касающееся къ этому предмету излагалось опредѣлительно въ инструкціи данной русскому резиденту въ Берлинѣ, тайному совѣтнику Алопеусу, именно—Императоръ Александръ предложилъ вооружиться: во 1-хъ, если французскія войска перейдутъ чрезъ Рейнъ, гдѣ-либо на пространствѣ отъ Клева до Базеля и Констанца; во 2-хъ, ежели Французы вторгнутся въ Швейцарію; въ 3-хъ, если они займутъ столицу Неаполитанскаго Королевства, Калабрію, Капуу и Гаэту; въ 4-хъ, если сдѣлаютъ какое-либо покушеніе противъ Турціи, или Республики Семи-Острововъ; въ 5-хъ, если Бонапарте присоединитъ къ Франціи Батавскую Республику, или страны въ Германіи и Италіи, или—наконецъ—провозгласитъ себя Императоромъ Германскимъ (?) ([18]).

Король Прусскій, съ своей стороны, послалъ въ Петербургъ генерала Цастрова, поручивъ ему объяснить положеніе и виды берлинскаго кабинета. Въ отвѣтъ на то, 16 (28) мая 1805 года, была вручена Цастрову нота, въ которой наше правительство, изъявивъ откровенно свои предположенія, убѣдительно приглашало Пруссію содѣйствовать благой цѣли — водворенію прочнаго мира и политическаго равновѣсія въ Европѣ — и обѣщало принять самыя дѣятельныя мѣры для защиты своихъ союзниковъ, еслибы имъ угрожала какая-либо опасность. Изложивъ всѣ прежнія безуспѣшныя покушенія россійскаго правительства побудить Пруссію къ принятію участія въ общемъ дѣлѣ Европы, Императоръ Александръ писалъ:

„....Какъ общая польза, такъ и дружескія связи

Государей между собою—все побуждает Россію и Пруссію скрѣпить существующій между ними союз, который, для достиженія благодѣтельных послѣдствій, должен быть основан на совершенном согласіи правил руководящих оба правительства. Безопасность, независимость европейских государств и возстановленіе между ними политическаго равновѣсія: таковы цѣли Е. В. Императора, которых Он желает достигнуть переговорами, либо, при безуспѣшности их, силою оружія. Если придется вести войну, Россія, безопасная от непріятельских покушеній, и потому наименѣе долженствующая принимать участіе въ общей борьбѣ, первая подаст примѣр содѣйствія прочим Державам весьма значительными средствами и опредѣлительно обяжется продолжать свои усилія во все время войны. Вмѣстѣ съ тѣм, русское правительство примет самыя дѣйствительныя мѣры для отклоненія опасности угрожающей его союзникам. Россія, отвергая всякіе властолюбивые виды, станет охотно содѣйствовать Державам, участвующим въ войнѣ против Франціи, въ пріобрѣтеніях, могущих послужить къ их безопасности и къ справедливому вознагражденію понесенных ими убытков. Для избѣжанія всякаго недоразумѣнія по сему поводу, россійское правительство за-ранѣе взойдет въ соглашеніе съ каждою из воюющих Держав, на счет желаемых ими пріобрѣтеній, предоставляя, во всяком случаѣ, общему конгресу раздѣл завоеваній, сообразно условіям охраненія общественнаго спокойствія и политическаго равновѣсія“ ([19]).

Король Густав IV-й, съ своей стороны, отвѣчал на прусскую ноту 12-го (24-го) декабря 1804 года, что он не считает себя зависимым от системы неутралитета принятой берлинским дво-

ромъ, и не признаетъ ни чьего превосходства надъ собою, кромѣ Германскаго Императора, въ качествѣ главы Имперіи; что Король Прусскій, убѣдясь въ основательности такихъ мнѣній, вѣроятно, не предприметъ несправедливой войны, и что, впрочемъ, въ случаѣ нападенія на Померанію, у Швеціи не будетъ недостатка въ союзникахъ, которые станутъ въ защиту праваго дѣла ([20]).

Настоянія Императора Александра хотя и не успѣли побудить прусское правительство къ принятію участія въ общемъ дѣлѣ, однако-же заставили его оставить въ покоѣ Швецію, не смотря на то, что поступки Короля Густава были въ высшей степени оскорбительны для берлинскаго двора. Получивъ свѣдѣніе, что Фридрихъ-Вильгельмъ обмѣнялся орденами съ Первымъ консуломъ, принявшимъ санъ мператора Французовъ, Густавъ возвратилъ орденъ Чернаго Орла Королю Прусскому, написавъ ему, что считаетъ для себя постыднымъ носить одинаковые знаки отличія съ Бонапартомъ: непосредственнымъ слѣдствіемъ того было прерваніе дипломатическихъ сношеній между Пруссіею и Швеціей ([21]).

Такимъ образомъ Пруссія, признавъ Бонапарта Императоромъ Французовъ, не помышляла требовать отъ него удовлетвореніе за насильственный поступокъ его въ Баденѣ. Прочіе германскіе князья, получивъ ноту баденскаго курфирста, въ которой онъ изъявлялъ желаніе, чтобы не было дано дальнѣйшаго хода протесту Императора Александра, также уклонились отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, несмотря на представленія австрійскаго резидента при германскомъ сеймѣ ([22]).

Предметами особой заботливости Императора Александра были тѣснѣйшій союзъ Россіи съ Англіей и соединеніе способовъ обѣихъ державъ про-

тивъ Франціи. Для достиженія столь важныхъ цѣлей, былъ посланъ, въ сентябрѣ 1804 года, въ Лондонъ, дѣйствительный камергеръ Новосильцовъ. При отъѣздѣ туда, онъ получилъ инструкцію, въ которой было изложено, что порученіе ему данное имѣло цѣлью присутствіе въ Англіи лица, обладающаго издавна совершеннымъ довѣріемъ Государя и усвоившаго мнѣнія и виды его, что̀ подавало возможность — съ одной стороны получить свѣдѣніе, въ какой мѣрѣ лондонскій дворъ склоненъ содѣйствовать имъ, а съ другой—дать переговорамъ направленіе вполнѣ согласное съ Монаршею волею. По мнѣнію Государя, самымъ опаснымъ оружіемъ Французовъ было распространенное ими убѣжденіе, будтобы они ратуютъ за свободу и благосостояніе народовъ. И потому казалось необходимо, прежде всего, вырвавъ это оружіе изъ рукъ правительства, недостойнаго подвизаться за столь правое дѣло, принять на себя защиту независимости и блага державъ угнетенныхъ Французами. Не желая во̀все замедлять преуспѣяніе человѣчества, (что̀ впрочемъ — по мнѣнію Императора Александра — не только былобы напрасно, но повело-бы къ собственному вреду), Государь предполагалъ, во всѣхъ странахъ освобожденныхъ отъ ига Бонапарта, искоренить прежнія злоупотребленія и обезпечить свободу. Участіе союзниковъ въ судьбѣ Короля Сардинскаго, въ отношеніи къ коему Россія и Англія приняли на себя обязательства, должно было подать тому полезный примѣръ: безопасность Европы требовала не только его возстановленія, но и увеличенія его владѣній. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обѣ державы могли предложить ему совокупно убѣдительный совѣтъ—даровать своимъ подданнымъ благоразумную и свободную конституцію. Король, безъ сомнѣнія, долженъ былъ сознаться, что этого тре-

бовали его собственныя выгоды, и что только дѣйствуя такимъ образомъ, онъ могъ принести пользу общему дѣлу.

Касательно Швейцаріи и Голландіи, Государь полагалъ предоставить ихъ жителямъ такой образъ правленія, какой они пожелаютъ сами. Въ отношеніи-же къ Франціи, одержавъ успѣхи силою оружія и пріобрѣвъ уваженіе общее, соблюденіемъ справедливости и снисхожденія, можно было надѣяться, что всякое обѣщаніе союзниковъ будетъ съ довѣріемъ встрѣчено французскимъ народомъ. Пользуясь, тѣмъ, они должны были объявить, что война веденная ими направлена не противъ Франціи, а противъ правительства, столь-же тягостнаго для ней, сколько и для прочихъ державъ Европы, и что они обращаются къ Французамъ не съ вызовомъ къ бунту, либо къ ослушанію законамъ, а съ приглашеніемъ оставить несогласія раздѣлявшія ихъ на партіи и учредить такой образъ правленія, какой они сами сочтутъ лучшимъ для блага Франціи. Предполагая, что Французы пожелаютъ ввести у себя конституціонную монархію, Государь изъявлялъ намѣреніе предоставилъ имъ выборъ главы правительства. Что-же касается до формы правленія въ различныхъ странахъ освобожденныхъ оружіемъ союзниковъ, то Императоръ Александръ, отлагая впредь рѣшеніе этого вопроса, полагалъ, что „началами учрежденій вездѣ долженствовали быть священныя права человѣчества, но что самыя учрежденія будутъ различны, сообразно свойствамъ странъ и жителей ихъ“.

По мнѣнію Государя, великая цѣль — утвержденія на прочномъ основаніи будущаго спокойствія Европы—могла быть достигнута, съ одной стороны, преданностью народовъ правительствамъ, руководящимся благомъ своихъ подданныхъ, а съ другой—

опредѣленіемъ между-народныхъ отношеній болѣе точными правилами. По словамъ его: „Внимательное обсужденіе этихъ предметовъ и опытъ прежнихъ вѣковъ доказываютъ, что такіе результаты возможны только тогда, когда внутренній общественный бытъ основанъ на благоразумной свободѣ, которая одна лишь скрѣпляетъ правительства и служитъ преградою страстямъ, либо необузданному властолюбію правителей, и когда, въ тоже время, народное право утверждено на незыблемыхъ началахъ“. Средствомъ къ упроченію спокойствія Европы, по мнѣнію Императора Александра, могло быть заключеніе общаго договора, подобнаго Вестфальскому трактату. Здѣсь дѣло шло не о мечтѣ вѣчнаго мира, но о томъ, чтобы достигнуть приблизительно его послѣдствій, и для этого было достаточно опредѣлить ясно взаимныя между-народныя обязательства, которыя имѣли-бы силу закона для всѣхъ европейскихъ державъ и, въ случаѣ нарушенія ихъ кѣмъ-либо, обращали противъ него общія силы всего союза. Въ особенности-же, по мнѣнію Государя, такой порядокъ дѣлъ могъ быть упроченъ на-долго искреннимъ союзомъ С.-Петербургскаго и Лондонскаго Дворовъ. По словамъ Государя: „Россія и Англія были единственныя державы въ Европѣ, неимѣющія враждебныхъ между собою интересовъ“.

Далѣе — въ инструкціи сказано, что, для упроченія безопасности, какъ всѣхъ державъ вообще, такъ и каждой изъ нихъ въ частности, слѣдовало установить имъ наиболѣе свойственныя границы, преимущественно соображаясь съ тѣми, которыя начертаны самою природою, вдоль горныхъ хребтовъ, морскаго берега, и проч. и принявъ во вниманіе пункты для выпуска произведеній государственной промышленности. Необходимо также, чтобы всякая держава

состояла изъ однородныхъ племенъ: послѣдствія должны были показать, въ какой степени возможно осуществить эту идею.

Императоръ Александръ былъ убѣжденъ въ необходимости усилить второстепенныя государства, чтобы онѣ имѣли средства выдержать первый ударъ и выждать помощь, которую дадутъ имъ прочія союзныя державы. Очевидно, что существованіе слишкомъ малыхъ владѣній было несообразно съ предположенною цѣлью, потому что онѣ, не обладая собственною силою, служатъ приманкою властолюбію другихъ державъ и не могутъ содѣйствовать общей пользѣ. Такія неудобства нельзя отстранить ничѣмъ, кромѣ присоединенія ихъ къ государствамъ болѣе обширнымъ, либо составленія федеративныхъ союзовъ. Необходимость обуздать Францію заставляетъ обратить вниманіе на эти соображенія въ отношеніи къ Италіи и еще болѣе къ Германіи, которая, повидимому, подаетъ удобства къ измѣненію своего политическаго устройства, несоотвѣтствующаго пользамъ ея народовъ и всей Европы. Но отнятіе владѣній у многихъ германскихъ князей было-бы столь несправедливо, что нельзя о томъ и думать. Не лучше-ли отдѣлить эти владѣнія совершенно отъ преобладающихъ надъ ними державъ, Австріи и Пруссіи, и образовать изъ второстепенныхъ германскихъ государствъ болѣе тѣсный союзъ? Таковъ былъ вопросъ, требовавшій, по мнѣнію Государя, зрѣлаго обсужденія, коль скоро настанетъ время устроить судьбу Германіи.

„Руководимыя одними и тѣми-же видами и чувствами, обѣ союзныя державы легко могли согласиться между собою, на счетъ образа дѣйствій въ отношеніи къ прочимъ государствамъ, которыя примутъ участіе въ войнѣ. Австрія будетъ дѣйствовать

по ихъ внушеніямъ, изъ опасенія лишиться помощи Россіи и англійскихъ субсидій. Но едвали можно надѣяться на добровольное присоединеніе Пруссіи къ союзу противъ Франціи. и потому предстоялъ вопросъ—не лучше-ли заставить ее силою пристать къ одной изъ воюющихъ сторонъ, нежели признать ея неутралитетъ? Впрочемъ, каковы-бы ни были сподвижники коалиціи, великобританское министерство, убѣдясь въ пользѣ предлагаемыхъ видовъ, согласится въ необходимости сохранять ихъ въ тайнѣ, ограничиваясь направленіемъ общихъ усилій къ желаемой цѣли“.

По мнѣнію Государя, Россія и Англія должны были войти въ искреннее соглашеніе на счетъ судьбы Оттоманской Порты. Неподлежало сомнѣнію, что слабость сей державы, безначаліе ея управленія и безпрестанно возрастающее неудовольствіе христіанъ, ея подданныхъ, постоянно угрожали спокойствію Европы, и потому слѣдовало принять какія-либо мѣры, сообразныя съ благомъ человѣчества и съ правами здравой политики. Конечно — главнымъ препятствіемъ тому было прамодушіе, отъ котораго обѣ союзныя державы не захотятъ отклониться даже въ отношеніи къ столь тиранскому правительству; тѣмъ не менѣе, однакоже, еслибы Турки вошли въ союзъ съ Французами, или еслибы, по другимъ обстоятельствамъ, дальнѣйшее существованіе Турецкой Имперіи въ Европѣ содѣлалось невозможно, то союзныя державы должны были распорядиться устройствомъ различныхъ частей ея. По мнѣнію Государя, надлежало обсудить основательно всѣ помянутыя соображенія, прежде нежели Россія и Турція рѣшатся на возобновленіе союзныхъ трактатовъ, предлагаемое Портою, и, по крайней мѣрѣ, при заключеніи новыхъ условій, слѣдовало обезпе-

чить и улучшить бѣдственное положеніе христіанъ, состоящихъ подъ турецкимъ игомъ, и извлечь всевозможную пользу изъ слабаго правительства Оттоманской Порты въ предстоявшей войнѣ Союзныхъ державъ съ Франціею. По этому предмету, Новосильцовъ получилъ особую инструкцію для веденія переговоровъ съ англійскимъ министерствомъ..

Далѣе было упомянуто „о вознагражденіи по окончаніи войны обѣихъ державъ за сдѣланныя ими пожертвованія, могущемъ послужить свидѣтельствомъ, что пользы ихъ народовъ не были ими оставлены безъ вниманія".

По мнѣнію Императора Александра, изъ всѣхъ предметовъ негоціаціи съ великобританскимъ правительствомъ наиболѣе затруднительнымъ былъ Морской Кодексъ, въ измѣненіи коего настояла неотлагательная необходимость. Нарушеніе Англичанами народнаго права въ отношеніи неутральныхъ державъ подавало Франціи возможность возбуждать общественное мнѣніе въ защиту началъ свободной торговли, и потому нѣкоторое снисхожденіе со стороны Англіи по этому предмету могло внушить довѣріе къ Союзникамъ и послужить въ пользу общему дѣлу ([23]).

Императоръ Александръ, поручивъ открытіе переговоровъ по всѣмъ помянутымъ предметамъ, (какъ уже сказано), Новосильцову, повелѣлъ однакоже ему дѣйствовать такъ, чтобы нашъ посолъ при лондонскомъ дворѣ, графъ Сем. Роман. Воронцовъ не счелъ себя оскорбленнымъ его поступками. Для этого онъ долженъ былъ наводить графа Воронцова на тѣ идеи, которыя заключались въ инструкціи, и даже внушать ихъ графу чрезъ англійскихъ министровъ. „Долговременныя заслуги и личныя достоинства графа Воронцова - писалъ Государь - требуютъ отъ

Меня въ отношеніи къ нему особеннаго благоволенія, и Я не хочу огорчить его. Поэтому, Я желалъ-бы, насколько это совмѣстно съ успѣхомъ дѣла, чтобы онъ велъ, и даже окончилъ, переговоры" (24). Такимъ образомъ, несмотря на полномочіе, втайнѣ данное Новосильцову, гласная цѣль его поѣздки въ Англію ограничивалась знакомствомъ съ извѣстнѣйшими юристами сей страны, для пріобрѣтенія отъ нихъ свѣдѣній и данныхъ, могущихъ принести пользу при составленіи нашего новаго уложенія. Что-же касается до офиціальнаго веденія переговоровъ о заключеніи союза между Россіею и Англіею, то оно было предоставлено графу Воронцову, и Новосильцовъ, входя въ прямыя сношенія съ англійскими министрами, долженъ былъ вести себя такъ, чтобы не возбудить неудовольствія Воронцова. Въ числѣ предметовъ, порученныхъ негоціаціи Новосильцова, находились совершенно неизвѣстныя нашему послу-резиденту сообщенія великобританскому министерству: во 1-хъ, проектъ перемѣнъ и дополненій, которыхъ Императоръ Александръ былъ намѣренъ домогаться отъ Турціи, при возобновленіи трактата съ сею державою, и во 2-хъ, соглашеніе съ Сенъ-Джемскимъ Кабинетомъ, на счетъ Іонической Республики (Семи-Островов) и Греціи. На основаніи помянутой инструкціи, Новосильцовъ сообщилъ документы по этимъ дѣламъ Питту, секретно отъ графа Воронцова. Великобританскій министръ, найдя всѣ предложенныя измѣненія удобными, завелъ самъ разговоръ о нихъ съ Воронцовымъ, выдавъ сдѣланныя ему сообщенія за собственныя идеи, пришедшія будтобы ему въ голову послѣ разговора съ Новосильцовымъ: такимъ образомъ графъ Воронцовъ получилъ возможность вести офиціально переговоры по всѣмъ предметамъ. Впрочемъ, по мнѣнію самаго

Новосильцова, несмотря на готовность англійскаго министерства усвоить всѣ виды Императора Александра и заключить союзъ съ Россіей на предложенныхъ основаніяхъ, надлежало довершить это дѣло въ Петербургѣ,—такъ сказать — подъ глазами Государя ([25]).

Въ первомъ-же разговорѣ съ Питтомъ, Новосильцовъ, бесѣдуя о различныхъ предметахъ, коснулся необходимости образовать общую коалицію, для введенія Франціи въ ея древніе предѣлы и для отнятія у ней средствъ къ посягательству на спокойствіе и самостоятельность прочихъ державъ. Сознавая пользу такой цѣли, Питтъ сказалъ, что для достиженія ея надлежало открыть глаза тѣмъ государственнымъ людямъ, кои, несмотря на уроки опыта, не видятъ, что возрастаніе могущества Франціи, вмѣстѣ съ необузданнымъ властолюбіемъ Бонапарта, угрожали разрушеніемъ Европѣ. По его мнѣнію, слѣдовало убѣдить всѣхъ и каждаго, что Россія и Англія, ополчась противъ Бонапарта и его правительства, и составляя съ этою цѣлью союзъ, не руководились никакою себялюбивою цѣлью, а желали избавить прочія самостоятельныя государства отъ постыднаго ига и возстановить основанія народнаго права. Онъ полагалъ, что коалиція не должна была ограничиться освобожденіемъ странъ занятыхъ Французами, и что надлежало упрочить общую безопасность, положивъ преграду покушеніямъ Франціи. По мнѣнію Питта, достиженію сей цѣли могло содѣйствовать возстановленіе въ сей странѣ прежней монархіи, но этотъ вопросъ былъ такъ щекотливъ, что неслѣдовало касаться его, пока того не пожелала-бы сама Франція. Конечно, союзники вошли-бы въ соглашеніе съ Бурбонами скорѣе и легче, нежели со всякимъ другимъ французскимъ прави-

тельствомъ, но только тогда, когда возстановленіе прежней династіи было-бы вызвано желаніемъ народа. Какъ эти идеи великобританскаго министра совершенно совпадали съ видами Императора Александра, то Новосильцову оставалось только объяснить опредѣлительнѣе цѣль и средства предполагаемой коалиціи.

Въ отношеніи къ субсидіямъ, Питтъ обѣщалъ, что Англія сдѣлаетъ все, невыходящее изъ предѣловъ возможности. „Мы дадимъ *) 5 милліон. фунтовъ стерлинговъ (около 35-ти милліоновъ рублей), и даже можетъ статься нѣсколько болѣе"—сказалъ онъ. „Мы не въ состояніи значительно увеличить эти субсидіи, но за то станемъ уплачивать ихъ съ 1-го января, слѣдовательно — тремя или четырьмя мѣсяцами прежде, нежели откроется кампанія, и это составитъ довольно значительную сумму, которая послужитъ для приуготовленій къ войнѣ".

По соглашеніи съ Питтомъ, на счетъ всѣхъ важнѣйшихъ пунктовъ заключавшихся въ инструкціи, (кромѣ Морскаго Кодекса, коего обсужденіе было отложено впредь на неопредѣленное время), Новосильцовъ завелъ рѣчь о недовѣріи къ русскому правительству, выказанномъ англійскимъ министерствомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и однимъ изъ примѣровъ тому—сказалъ онъ—можетъ служить внезапное открытіе враждебныхъ дѣйствій противъ Испаніи безъ сообщенія Петербургскому Двору настоящихъ причинъ, побудившихъ Англію къ такому поступку. По словамъ Новосильцова: Обычная подозрительность Сенъ-Джемскаго Кабинета въ отношеніи къ Россіи подала поводъ ему вывести изъ депеши князя Чарторыскаго графу Воронцову, будто-бы наше прави-

*) Ежегодно.

тельство намѣревалось расширить свои владѣнія на счетъ Турціи. (Дѣло шло о покровительствѣ Россіи надъ христіанами — подданными Порты, съ тою цѣлью, чтобы удержать ихъ въ предѣлахъ повиновенія Султану). Въ отвѣтѣ Питта замѣтно было нѣкоторое смущеніе; по словамъ его, помянутая русская депеша была написана въ какомъ-то особенномъ тонѣ, и къ тому-же было много примѣровъ, что покровительство надъ страною оканчивалось ея покореніемъ. На это Новосильцовъ замѣтилъ, что Императоръ Александръ весьма далекъ отъ подобныхъ видовъ и рѣшился-бы овладѣть Константинополемъ только въ такомъ случаѣ, еслибы всѣ усилія его — обезпечить Турцію отъ господства другой какой-либо державы, остались напрасны. „Но, еслибы даже продолжалъ Новосильцовъ – депеша была дѣйствительно составлена въ иномъ духѣ, то вамъ-ли, лучшимъ друзьямъ нашимъ, тревожиться нашими успѣхами? Развѣ Англія отъ того понесла-бы потерю? Развѣ торговля ея не была-бы лучше обезпечена?" Сознавая, что страна много выиграла-бы въ случаѣ присоединенія ея къ Россіи. Питтъ замѣтилъ, что было-бы весьма неосновательно помышлять объ осуществленіи подобныхъ плановъ въ такое время, когда всѣ усилія должны быть исключительно устремлены къ одной цѣли — возстановить самостоятельность державъ, угнетенныхъ Франціей, и когда слѣдуетъ убѣдить всѣ державы до какой степени гнусны (atroces) подобныя нарушенія народнаго права. По словамъ Новосильцова, именно такимъ образомъ слѣдовало отвѣчать Государю, но, вмѣсто того, англійская депеша была преисполнена опасеніями на счетъ Россіи, ея необъятной обширности, и т. п. „Сознайтесь сами—сказалъ онъ—что вашъ отзывъ, ослабляя достоинство безкорыстія нашего Государя, былъ

несообразенъ съ вашею цѣлью". Дѣйствительно — Питтъ, совершенно убѣдясь въ безкорыстіи видовъ русскаго правительства, изъявилъ готовность участвовать въ нихъ. Новосильцовъ, желая упрочить его расположеніе, вручилъ ему черновой проектъ новаго трактата съ Оттоманскою Портою. Нѣсколько дней спустя, англійскій министръ, возвращая сей документъ Новосильцову, сказалъ ему, что всѣ намѣренія Е. В. Императора были совершенно сообразны съ общимъ благомъ, и что англійское правительство всевозможно будетъ содѣйствовать ихъ успѣху ([26]).

Переговоры между двумя государствами, державшими въ рукахъ своихъ судьбу Европы, были облегчены тогдашними обстоятельствами. Въ то время Бонапарте дѣлалъ огромныя приготовленія къ высадкѣ въ Англію; войска его, несравненно многочисленнѣйшія легіоновъ Цезаря, были собраны на французскихъ берегахъ Ламанша. Не входя въ изслѣдованіе на счетъ возможности и вѣроятности успѣха замысловъ властителя Франціи противъ Англіи, ограничусь замѣчаніемъ, что сами Англичане опасались высадки и, для отклоненія угрожавшаго имъ нашествія, старались возжечь войну на материкѣ Европы. Неудача прежнихъ коалицій противъ Франціи побуждала великобританское министерство искать преимущественно содѣйствія Россіи, которое, повидимому, было необходимо для успѣха; а Россія и прочія континентальныя державы, съ своей стороны, нуждались въ англійскихъ субсидіяхъ, безъ коихъ, по состоянію своихъ финансовъ, не могли рѣшиться на вооруженіе противъ Бонапарта, обладавшаго средствами не только Франціи, но и занятыхъ его войсками областей Германіи и Италіи. Министерство Питта не жалѣло денежныхъ средствъ,

но, сознавая ихъ необходимость для союзныхъ державъ, искусно воспользовалось выгодными для себя обстоятельствами и отклонило щекотливый вопросъ о морскомъ правѣ (Code maritime), отложивъ рѣшеніе его впредь до заключенія общаго мира ([27]).

7-го (19-го) января 1805 года, англійское министерство сообщило Новосильцову мемуаръ, заключавшій въ себѣ изложеніе видовъ Сенъ-Джемскаго кабинета, согласныхъ съ предположеніями Императора Александра ([28]). Послѣдствіемъ переговоровъ, веденныхъ русскимъ правительствомъ въ Лондонѣ, былъ союзный трактатъ между Россіею и Англіею.

Главныя условія этого трактата, заключеннаго, по возвращеніи Новосильцова, въ Петербургѣ, 30-го марта (11-го апрѣля) 1805 года, состояли въ слѣдующемъ:

Ихъ Величества, Императоръ Всероссійскій и Король Великобританскій, руководимые желаніемъ прекратить бѣдствія Европы, не выжидая новыхъ насилій французскаго правительства, постановили принять самыя скорыя и дѣйствительныя мѣры для образованія общаго союза европейскихъ державъ и для соединенія съ помянутою цѣлью вооруженныхъ силъ, въ числѣ 500,000 человѣкъ на лицо, независимо отъ тѣхъ, которыя будутъ выставлены Англіей, и дѣйствовать ими энергически, чтобы побудить французское правительство къ согласію на возстановленіе мира и политическаго равновѣсія въ Европѣ (Ст. 1-я).

Предметами Союза будутъ:

a) Очищеніе отъ французскихъ войскъ Ганновера и Сѣверной Германіи.

b) Независимость Голландской и Швейцарской Республикъ.

c) Возстановленіе Короля Сардинскаго въ Піе-

монтѣ, съ расширеніемъ, по возможности, его владѣній.

d) Обезпеченіе впредь Королевства Неаполитанскаго и совершенное очищеніе Италіи, со включеніемъ острова Эльбы.

e) Установленіе въ Европѣ порядка, могущаго служить надежнымъ ручательствомъ общаго спокойствія и ограждающаго всѣ государства на будущее время отъ всякихъ насилій (Ст. 2-я).

Е. В. Король Великобританскій, желая оказать сильное содѣйствіе успѣху союза, обязывался употребить къ тому свои сухопутныя и морскія силы, а также помогать Союзнымъ державамъ субсидіями, въ размѣрѣ 1,250,000 фунт. стерл. *) ежегодно на каждые сто тысячъ человѣкъ (ежели не послѣдуетъ какихъ-либо другихъ условій). Эти деньги будутъ уплачиваться помѣсячно. Его В. Король изъявилъ готовность выдать часть этой суммы впередъ для первоначальныхъ военныхъ издержекъ (Ст. 3-я и 4-я).

Ихъ Величества обязались, коль скоро послѣдуетъ образованіе союза, незаключать мира съ Франціею иначе, какъ съ общаго согласія всѣхъ союзныхъ державъ (Ст. 6-я).

Особою статьею (article séparé) условлено, чтобы по сообщеніи Россійскимъ Императоромъ Его Великобританскому Величеству о своихъ сдѣлкахъ (Ses arrangements) съ Императоромъ Германскимъ и Королемъ Шведскимъ, Англія обязалась исполнить постановленія настоящаго трактата въ отношеніи каждой изъ ихъ державъ, ежели, въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ со дня подписанія сего акта, они откроютъ дѣйствія противъ Франціи (1-я отд. статья).

---

*) Около 8-ми милліоновъ рублей.

Изъ этого условія очевидно, что Императоры Александръ I и Францъ тогда уже вошли въ соглашеніе между собою противъ Франціи. И дѣйствительно — 6-го ноября п. ст. 1804 года была подписана ими конвенція, по коей Австрія обязалась, въ случаѣ новыхъ покушеній Франціи на независимость Италіи, либо на занятіе Египта, выставить 235,000 человѣкъ *), за что, въ случаѣ успѣха дѣйствій коалиціи, союзники хотѣли вознаградить Австрійцевъ въ Италіи уступкою пространства до Адды и По, и возвративъ эрцгерцогамъ Тоскану и Модену, отдать Австріи Зальцбургъ и Брисгау. Король Сардинскій долженъ былъ получить Піемонтъ съ миланскою и генуэзскою областями ([29]). Замѣтимъ, при этомъ случаѣ, что Вѣнскій кабинетъ дѣйствовалъ съ обычнымъ ему двуличіемъ. Въ 1803-мъ году, при окончаніи дѣла о вознагражденіи великаго герцога тосканскаго, австрійское правительство признало всѣ перемѣны, насильственно произведенныя Французами въ Италіи. Юридическое убійство герцога ангіенскаго и нарушеніе неутралитета Германіи были оставлены безъ вниманія главою Имперіи. Настоянія русскаго правительства о дружномъ ополченіи противъ общаго врага долго были безуспѣшны. Вмѣсто того, Вѣнскій дворъ исключительно обратилъ вниманіе на признаніе всѣми европейскими державами принятаго Францомъ II-мъ титула *Императора Австрійскаго*, что побудило его признать, съ своей стороны, Бонапарта Императоромъ Французовъ, несмотря на то, что Австрія въ то время уже вела переговоры съ Россіей о вооруженіи противъ Франціи и дѣятельно готовилась къ войнѣ.

Въ 4-й отдѣльной статьѣ сказано:

*) Со стороны Россіи обѣщано было выставить 115,000 человѣкъ.

„Какъ соединеніе пятисотъ тысячъ человѣкъ, помянутыхъ въ 1-й статьѣ союзнаго трактата, представляетъ затрудненія, то ихъ Величества согласились открыть дѣйствія, коль скоро союзники успѣютъ собрать четыреста тысячъ человѣкъ, изъ числа коихъ Австрія выставитъ 250,000, а Россія не менѣе 115,000*), кромѣ ополченій набранныхъ въ Албаніи, Греціи, и проч. Остальныя-же войска будутъ собраны въ неаполитанскихъ, гановерскихъ и сардинскихъ владѣніяхъ.“

Сверхъ того русское правительство обязалось выдвинуть на границы Австріи и Пруссіи особые наблюдательные корпусы (5-я отд. ст).

Союзныя державы приняли за неизмѣнныя правила: не стѣснять общественнаго мнѣнія, на счетъ формы правительства, во Франціи, ни въ другихъ странахъ занятыхъ ихъ арміями, не присвоивать себѣ до заключенія мира сдѣланныхъ ими завоеваній и занимать города и земли отнятыя у врага общаго не иначе, какъ отъ имени ихъ законныхъ владѣтелей, либо отъ имени всѣхъ членовъ союза; наконецъ — по окончаніи войны, созвать конгрессъ для утвержденія на прочномъ основаніи общей системы европейскихъ государствъ (6-я отд. статья).

Императоръ Всероссійскій и Король Великобританскій, принявъ дѣйствительныя мѣры для неотлагательнаго возстановленія тишины и благоденствія Европы, но считая нужнымъ удостовѣрить всѣ державы въ своей наклонности къ миру, рѣшились предложить главѣ французскаго правительства, (въ отвѣтъ на письмо его къ Королю Георгу, въ которомъ

*) Въ послѣдствіи, на основаніи прибавочной статьи (article additionel), подписанной 10-го мая н. ст. число войскъ обѣщанныхъ Россіей было увеличено до 180,000 человѣкъ, а Великобританское правительство обязалось, соразмѣрно тому, увеличить субсидіи.

онъ изъявлялъ желаніе заключить миръ), условія, умѣренныя и направленныя къ достиженію общаго спокойствія. Съ этою цѣлью, Е. В. Императоръ принялъ на себя веденіе переговоровъ, отъ имени обоихъ дворовъ, съ французскимъ правительствомъ, а Е. В. Король обязался утвердить всѣ предложенія принятыя Россіей (10-я отд. статья) (30).

Высокія договаривающіяся Державы, сознавая необходимость поддерживать предложенія, которыя они намѣрены были сдѣлать Бонапарту, энергическими демонстраціями, положили пригласить Е. В. Германскаго Императора немедленно привести свои арміи на военное положеніе и сосредоточить ихъ близъ границъ Франціи. Король Великобританскій обязался уплатить Императору, немедленно по присоединеніи его къ союзу, въ счетъ субсидій, милліонъ фунт. стерл.*), которые не будутъ обратно востребованы, въ случаѣ успѣха предлежащихъ переговоровъ, съ тѣмъ, чтобы, въ противномъ случаѣ, Австрійцы тотчасъ открыли военныя дѣйствія (11-я отд. статья).

Императоръ Александръ, принявъ предложеніе Сенъ-Джемскаго кабинета послать русскаго негоціатора во Францію, для веденія переговоровъ отъ имени обоихъ союзныхъ дворовъ, признавалъ тѣмъ самымъ справедливость предложеній Англіи и принялъ на себя обязательство поддерживать ихъ оружіемъ. Но онъ не могъ отклониться отъ такого посредничества, не подвергнувъ себя упреку, что онъ не воспользовался единственнымъ — и быть можетъ невозвратнымъ — случаемъ для возстановленія мира въ Европѣ. Англійское министерство не сомнѣвалось въ томъ, что посредничество Россіи обратится въ

*) Около 7-ми милліоновъ рублей.

содѣйствіе его видамъ — возжечь войну на материкѣ Европы. Иначе — что̀ могло-бы побудить его къ пожертвованію столь значительными субсидіями, безъ коихъ ни одна изъ континентальныхъ державъ не могла-бы открыть военныя дѣйствія? Что̀ побудило его выказать уступчивость въ угожденіе Россіи и согласиться, чтобы наше правительство предложило Франціи, отъ имени обѣихъ союзныхъ державъ, довольно умѣренныя условія, на которыя однако-же нельзя было ожидать согласія со стороны французскаго правительства, если-бы Англія не была увѣрена въ рѣшимости Императора Александра поддерживать ее не только участіемъ въ переговорахъ, но и силою оружія? ([31]).

Россійскій Монархъ, изъявивъ согласіе сообщить французскому правительству условія мира, предложенныя Англіею, и пожертвованія, которыя она располагала сдѣлать для достиженія благотворной цѣли — общаго спокойствія, былъ убѣжденъ, что вѣрнѣйшимъ средствомъ къ тому было открытіе переговоровъ непосредственно съ властелиномъ судебъ Франціи, незадолго предъ тѣмъ возвѣстившимъ о своей готовности къ миру. Это важное дѣло было поручено Новосильцову, „обладавшему совершеннымъ знаніемъ видовъ русскаго правительства и обязанному довѣріемъ Императора Александра прямодушію своего характера“. Какъ недавняя поѣздка Новосильцова въ Лондонъ дала ему возможность узнать въ точности намѣренія и желанія англійскаго министерства, то Государь полагалъ, что никто лучше его не могъ исполнить такого порученія. Получивъ чрезъ посредство берлинскаго двора согласіе французскаго правительства открыть переговоры на предложенномъ основаніи и паспорты для проѣзда въ Парижъ, Императоръ Александръ отправилъ

Новосильцова въ Берлинъ, въ началѣ іюня 1805 года ([32]).

Въ кредитивной грамотѣ (полной мочи), ему данной, повелѣно было сообщить прусскому правительству о предстоявшемъ открытіи переговоровъ съ Франціей и предложить Королю, въ случаѣ неудачи этого послѣдняго покушенія къ сохраненію мира, соединиться съ Россіей и принять мѣры къ достиженію спасительной цѣли—обузданія честолюбивыхъ замысловъ Бонапарта и возстановленія политическаго равновѣсія ([33]).

Союзныя державы, убѣжденныя въ томъ, что Бонапарте не согласится добровольно принять предложенныхъ ему условій, и чрезъ то потерять вліяніе на страны сосѣднія Франціи, надѣялись побудить его къ сговорчивости, съ одной стороны — угрожая ему континентальною войною, а съ другой— предложивъ ему уступку многихъ колоній, со времени открытія войны захваченныхъ Англичанами. Пожертвованія Англіи долженствовали быть соразмѣрны съ ручательствами спокойствія и независимости Европы, данными главою французскаго правительства.

Эти ручательства, по мнѣнію Союзныхъ Монарховъ, заключались: во-1-хъ, въ преградѣ между Франціей и Италіей; во-2-хъ, въ преградѣ между Франціей и Голландіей; въ 3-хъ, въ неутралитетѣ и совершенной независимости: Швейцаріи, Голландіи, Италіи и Германской Имперіи. Достиженіе такихъ ручательствъ считалось невозможнымъ, пока Франція не была ограничена: Мозелемъ, Рейномъ, Альпами и Пиренеями.

Союзные Государи, полагая, что, не смотря на умѣренность сдѣланныхъ ими предложеній, французское правительство не приметъ ихъ, и желая

высказать явно свою наклонность къ миру, предполагали, въ случаѣ необходимости, согласиться на нѣкоторыя уступки. Какъ въ Италіи всего важнѣе было возстановленіе Короля Сардинскаго, съ расширеніемъ по возможности его владѣлій, то. достигнувъ этой цѣли, союзники не считали опаснымъ образованіе въ сѣверной Италіи государства для кого-либо изъ родственниковъ Бонапарта—„съ тѣмъ однакоже, чтобы оно было какъ можно менѣе". Если-же нельзя былобы достигнуть возвращенія Піемонта Королю Сардинскому, то Союзныя державы изъявляли готовность на уступку сей страны въ удѣлъ кому-либо изъ братьевъ, или родныхъ Бонапарта, но требовали: во 1-хъ, признать это владѣніе совершенно отдѣльнымъ и независимымъ отъ Франціи, и во 2-хъ, дать Королю Сардинскому самостоятельное владѣніе (un établissement solide) въ Италіи, именно: Парму, Піаченцу и Генуу, съ землями Италіянской Республики, или съ областью между рѣкою По и Тосканою, либо наконецъ съ крѣпостью Тортоною, Луккою, Масса-Каррарою и съ частью Болоньи и Модены. Во всякомъ случаѣ, Союзныя державы хотѣли настаивать, чтобы Мантуа была уступлена Австріи.

Что касается Голландіи, то предполагалось, расширивъ ея предѣлы, образовать сильное государство, либо, по крайней мѣрѣ, присоединить къ ней Антверпенъ и всю страну, ограниченную чертою отъ сего города до Мастрихта, огражденною рядомъ крѣпостей. На счетъ Голландіи, Германіи, Швейцаріи и Италіи, союзники полагали, что эти страны могутъ быть дѣйствительно независимы только тогда, когда французское правительство подпишетъ слѣдующія условія: 1) совершенное очищеніе крѣпостей занятыхъ французскими войсками; 2) признаніе независимости сихъ странъ вообще, и въ особенности

Швейцаріи, и 3) согласіе на возведеніе ими крѣпостей для своей защиты. Наконецъ — союзные Монархи предполагали, для упроченія всѣхъ помянутыхъ распоряженій, созвать общій европейскій конгресъ.

Король Великобританскій, съ своей стороны, предложилъ уступить: 1) въ пользу Франціи: острова Табаго и Сентъ-Люччіа, а также Сенъ-Пьеръ, Микелонъ и Пондишери, и въ пользу Голландіи: Суринамъ, Бербисъ, Демерари и Эссеквибо. Въ отношеніи къ Мальтѣ, Союзныя державы условились между собою, что, ежели не послѣдуетъ согласія Франціи на уступку сего острова Англичанамъ, то они скорѣе отъ него откажутся, нежели прервутъ переговоры: въ такомъ случаѣ, предполагалось вывести изъ Мальты англійскія войска, смѣнивъ ихъ русскимъ гарнизономъ, въ ожиданіи послѣдующаго устройства управленія, согласно съ потребностями и удобствомъ туземцевъ *).

Въ случаѣ, еслибъ Бонапарте сталъ домогаться очищенія отъ русскихъ войскъ Семи-Острововъ, Новосильцову разрѣшалось согласиться на его требованіе, съ тѣмъ однакоже, чтобы оставить тамъ первый гарнизонъ, занявшій сію страну, по желанію Оттоманской Порты и съ вѣдома Франціи, для охраненія внутренней безопасности. Императоръ Александръ допускалъ даже совершенное очищеніе владѣній Іонійской республики отъ русскихъ войскъ, ежели это было-бы поставлено непремѣннымъ условіемъ (sine qua non) мира.

Наконецъ — Союзные Монархи предполагали распространить благотворныя послѣдствія мира на всѣ прочія державы ([34]).

Не трудно было предвидѣть безуспѣшность по-

---

*) Условіе объ уступкѣ Англичанами Мальты не было ратификовано Сенъ-Джемскимъ кабинетомъ.

ученія даннаго Новосильцову: съ одной стороны, нельзя было надѣяться, чтобы Наполеонъ сдѣлалъ значительныя уступки въ Италіи, которую считалъ своею вѣрною добычею, а съ другой — англійское министерство, выказывая на словахъ неограниченное довѣріе къ Императору Александру, не рѣшалось однакоже ни отказаться отъ Мальты — ни утвердить начала между-народнаго морскаго права. Не смотря на эти затрудненія, Новосильцовъ, получивъ въ Берлинѣ паспорты для проѣзда въ Парижъ, уже готовился отправиться туда, какъ вдругъ пришло извѣстіе о новомъ похищеніи, сдѣланномъ Франціей въ Италіи. По просьбѣ генуэзскаго народа, вызванной корсиканцемъ Саличетти, Наполеонъ возвѣстилъ, 4-го іюня н. ст. 1805 года, о присоединеніи Генуи къ Французской Имперіи. Вслѣдъ за тѣмъ, Лукка была отдана имъ во владѣніе своей сестрѣ, Элизѣ, принцессѣ Баччіокки. Эти нарушенія народнаго права возбудили неудовольствіе русскаго правительства: «on agit avec nous comme avec des polissons», (съ нами поступаютъ какъ съ мальчишками) писалъ князь Чарторыскій къ Новосильцову. Но присоединеніе Генуи къ Франціи, весьма незначительное въ сравненіи съ прочими насильствами Наполеона, оказало менѣе вліянія на нашу политику, нежели отказъ Англичанъ въ очищеніи Мальты и желаніе ихъ, при веденіи переговоровъ, неупоминать о морскомъ кодексѣ. Какъ легко было предвидѣть, что безъ уступки со стороны Англіи, по симъ предметамъ, немогло быть рѣчи о мирѣ, то Императоръ Александръ приказалъ Новосильцову возвратить присланные ему изъ Парижа паспорты и отправиться обратно въ Петербургъ. Извѣщая о томъ прусскаго министра, барона Гарденберга, Новосильцовъ писалъ: „присоединеніе Лигурійской республики къ Франціи есть

новое нарушеніе наиболѣе торжественныхъ трактатовъ. Обстоятельства, сопровождавшія это событіе, образъ дѣйствій, принятый для его ускоренія, и самое время къ тому избранное, долженствуютъ положить послѣдній предѣлъ уступчивости, оказанной Его Императорскимъ Величествомъ, по настоянію Англіи, и надеждѣ возстановить переговорами спокойствіе Европы" ([35]). А, между тѣмъ, было приступлено въ Вѣнѣ къ составленію общаго плана дѣйствій противъ Франціи, на совѣщаніяхъ, въ коихъ участвовали князь Шварценбергъ, генералъ Маккъ, извѣстный неудачными дѣйствіями въ южной Италіи, и русскій генералъ Винцингероде. Этотъ планъ, предложенный австрійскими генералами, исправленный по замѣчаніямъ россійскаго кабинета и утвержденный 4-го (16-го) іюля 1805 года, заключалъ въ себѣ слѣдующія соображенія.

Австрійское правительство предполагало выставить въ поле до трехъ сотъ тысячъ человѣкъ, независимо отъ войскъ оставленныхъ для наблюденія Пруссіи. Для ускоренія столь значительныхъ вооруженій, она потребовала отъ Англіи, на первый разъ, полтора милліона фунт. стерл. (около 10-ти милліоновъ рублей) и три милліона фунт. стерл. ежегодныхъ субсидій. Предполагая дѣйствовать рѣшительно въ Италіи и ограничиваясь въ Германіи обороною до прибытія русской вспомогательной арміи, Австрійцы раздѣлили свои войска на три арміи: первая, въ числѣ 90,000 человѣкъ должна была перейти черезъ Иннъ, расположиться на Лехѣ и оставаться тамъ въ ожиданіи наступленія прочихъ и присоединенія русскихъ войскъ; а потомъ пройдя Швабію и Швейцарію, вторгнуться, чрезъ слабѣйшую часть французскихъ границъ, въ Франшконте; вторая и главная, силою болѣе 140,000 человѣкъ,

была назначена для наступательныхъ дѣйствій въ Италіи, съ обычною однакоже тогдашнему австрійскому генеральному штабу осторожностью, именно: перейдя черезъ Адижъ и отрядивъ корпусъ къ нижнему По, для наблюденія южной Италіи, она должна была обложить Мантуу и Пескіеру, занять линію на Аддѣ, для прикрытія осады или блокады сихъ крѣпостей, и оставаться въ такомъ расположеніи до сдачи ихъ, а потомъ, чрезъ Швейцарію проникнуть въ Франшконте, совокупно съ арміей направленною по долинѣ Дуная; наконецъ, третія австрійская армія, въ числѣ 53,000 человѣкъ, должна была, наступая чрезъ Тироль и Форарльбергъ, сохранять связь между арміями дѣйствующими въ Германіи и Италіи. Австрійскіе генералы, полагая, что Франція могла противопоставить Союзникамъ не менѣе полумилліона человѣкъ и не надѣясь на содѣйствіе Пруссіи, хотѣли отложить открытіе войны до слѣдующаго года. но русскій кабинетъ, напротивъ того, считалъ дальнѣйшее медленіе опаснымъ, потому что Наполеонъ, пользуясь имъ, могъ еще болѣе усилиться. По мнѣнію Императора Александра: „доселѣ французское правительство пріобрѣтало болѣе выгодъ переговорами, нежели оружіемъ. Въ послѣднія войны, Французы потеряли столько-же сраженій, сколько и выиграли, но въ промежуткѣ между войнами, въ продолженіи такъ-называемаго мира, расширили свое владычество.“ Россія, какъ уже сказано, обязалась содѣйствовать Австріи сто пятнадцатью тысячами человѣкъ, изъ коихъ 55,000 должны были, перейдя границу Галлиціи около 20-го августа н. ст. направиться въ долину Дуная, на соединеніе съ дѣйствовавшею тамъ австрійскою арміей; 40,000 человѣкъ русскихъ-же войскъ, выступивъ въ слѣдъ за первыми, назначены были сперва для демонстраціи противъ Прус-

сіи, а потомъ — для содѣйствія Австрійцамъ; наконецъ 20,000 Русскихъ, находившихся на Іоническихъ островахъ, и 5,000 Англичанъ съ острова Мальты должны были, совершить высадку въ Неаполѣ, соединиться съ туземными войсками и идти въ долину По. на соединеніе съ главною австрійскою арміей (36).

Выше уже сказано, что Союзники намѣревались сдѣлать сильную диверсію на сѣверѣ Германіи, направя россійско-шведскій корпусъ, въ числѣ до 40,000 человѣкъ, изъ Стральзунда въ Гановеръ. По мнѣнію Питта, какъ только Пруссія оставалась нейтральною, и Союзники лишались возможности противопоставить непріятелю значительныя силы въ сѣверной Германіи, слѣдовало отказаться отъ дѣйствій въ этой странѣ и обратить всѣ войска въ Италію, Швейцарію и южную Германію, что̀ заставилобы Французовъ очистить и сѣверную Германію (37).

Какъ на присоединеніе Пруссіи къ коалиціи, судя по всѣмъ прежнимъ поступкамъ берлинскаго двора и по характеру Короля Фридриха-Вильгельма, нельзя было надѣяться, а содѣйствіе Швеціи немогло оказать замѣтнаго вліянія на успѣхъ дѣйствій, то развитіе Союзныхъ силъ зависѣло исключительно отъ средствъ состоявшихъ въ распоряженіи Россіи, Англіи и Австріи. Россія, по своему отдаленію отъ предполагаемаго театра войны, имѣла возможность принять участіе въ борьбѣ только съ частью своихъ многочисленныхъ армій; Англія располагала незначительными сухопутными силами, да и тѣ были необходимы для собственной защиты, и по тому какъ тяжесть, такъ и опасность войны, преимущественно должны были пасть на Австрію. Ей предстояло, въ ожиданіи содѣйствія прочихъ державъ, встрѣтить противника, не разъ уже торжествовавшаго надъ нею побѣду, и встрѣтить его—еще не успѣвъ при-

готовиться къ войнѣ. Австрійская армія оставалась на мирномъ положеніи, да и по матеріальной части многаго недоставало. Войска, уже не разъ испытавшія неудачу въ бояхъ съ Французами, лишились той самоувѣренности, которая служитъ залогомъ побѣды. Не надѣясь на своихъ вождей, они не питали къ нимъ чувствъ преданности и глубокаго уваженія, связующихъ тысячи людей въ одно стройное цѣлое. Управленіе арміей, представлявшее жалкую картину борьбы главнокомандующаго съ придворнымъ Военнымъ Совѣтомъ (Гофкригсратомъ), ускользало отъ полководца, стѣсняло его соображенія и содѣлывало его игралищемъ дворскихъ происковъ.—Что-же касается до русскихъ армій, то ближайшая изъ нихъ—армія Кутузова перешла австрійскую границу, у Бродъ, только-лишь 10 (22) августа и могла соединиться съ Австрійцами на Лехѣ не прежде половины (конца) октября. Къ тому-же часть этой арміи была отряжена въ Подолію, а прочія войска, пройдя тысячу верстъ отъ Бродъ до рѣки Леха, неминуемо должны были значительно ослабиться. Австрійскіе генералы разсчитывали, что наполеоновы войска, собранныя на берегахъ Ламанша, не могли придти къ Леху до прибытія русской арміи, но послѣдствія показали, что при этомъ разсчетѣ не была принята во вниманіе быстрота дѣйствій Наполеона. Да и къ чему было Австрійцамъ выдвигать свою армію въ Баварію? Не достигая чрезъ то никакихъ выгодъ, они подвергались опасности скорѣе встрѣтиться съ превосходными въ силахъ Французами. Не лучше-ли было выждать въ окрестностяхъ Вѣны русскую армію и вмѣстѣ съ нею предпринять наступленіе? Что-же касается до содѣйствія Баваріи, Виртемберга и Бадена, то едвали могли на него разсчитывать Союзники, какъ по тому, что эти гер-

манскіе князья были обязаны Франціи расширеніемъ своихъ владѣній, такъ и по сосѣдству ихъ съ этою державою, которой они опасались еще болѣе, нежели Австріи. По всей вѣроятности, австрійскіе генералы, выдвинувъ преждевременно свою армію къ Леху, имѣли въ виду расположить ее на-равнѣ съ главною арміей, дѣйствовавшею въ Италіи. Такое соображеніе согласовалось съ тогдашними стратегическими идеями о необходимости держать на одной высотѣ арміи разобщенныя между собою пространствомъ въ нѣсколько сотъ верстъ и значительными мѣстными преградами. При этомъ забывали, что дѣйствія такихъ армій хотя и оказываютъ взаимное вліяніе, однако-же не вдругъ, а по истеченіи значительнаго времени.

Несмотря на приготовленія Австріи къ войнѣ, дипломатическія сношенія между вѣнскимъ и тюльерійскимъ дворами все еще имѣли видъ согласія и дружбы. Пользуясь тѣмъ, Императоръ Францъ, подъ разными предлогами, усилилъ войска на италіянской границѣ до 80,000 человѣкъ. Наполеонъ, съ своей стороны, образовалъ въ Италіи учебные лагери (camps de plaisance), но вдругъ, въ іюнѣ 1805 года, приказалъ распустить собранныя въ нихъ войска, пригласивъ вѣнскій кабинетъ послѣдовать его примѣру. 5-го августа н. ст. Императоръ Францъ предложилъ свое посредничество петербургскому и тюльерійскому дворамъ, вмѣстѣ съ сообщеніемъ ноты русскаго посла въ Вѣнѣ, графа Разумовскаго, въ которой было объявлено:

1) что Императоръ Александръ готовъ возобновить переговоры прерванные отзывомъ Новосильцова, коль скоро глава французскаго правительства (chef du gouvernement français) выкажетъ расположеніе къ миру;

2) что для поддержанія переговоровъ вооружен-

нымъ посредничествомъ, онъ направитъ двѣ арміи, каждую въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, къ Дунаю, для прикрытія Австріи отъ чьего-либо нападенія.

и 3) что онъ рѣшился пригласить Императора Германскаго и прочихъ Государей къ принятію участія въ семъ правомъ дѣлѣ (38).

Французское правительство, отклонивъ посредничество Австріи, потребовало, чтобы австрійская армія была приведена на мирное положеніе, и чтобы Императоръ Францъ объявилъ лондонскому двору о своемъ твердомъ намѣреніи — соблюдать неутралитетъ (39).

Но еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ, Австрія формально приступила къ союзу съ Россіею и Англіей, на основаніи нѣсколькихъ декларацій, размѣненныхъ въ Петербургѣ, 28-го іюля (9-го августа) (40).

Какъ участіе Пруссіи въ предстоявшей борьбѣ могло оказать первостепенное вліяніе на успѣхъ дѣйствій, то обѣ стороны усиливались вывести берлинскій кабинетъ изъ пассивнаго положенія. Союзныя державы, Великобританія, Россія и Австрія, предполагали достигнуть этой цѣли, усиленными демонстраціями, направя одну изъ русскихъ армій къ границамъ познанскаго герцогства, между тѣмъ какъ другая, составленная изъ русскихъ, шведскихъ и англійскихъ войскъ, должна была высадиться въ Стральзундѣ и въ устьяхъ Везера, для вторженія въ Ганноверъ. Союзники надѣялись, что Король Фридрихъ-Вильгельмъ, видя свои владѣнія охваченными съ двухъ сторонъ, приметъ ихъ сторону, либо, по крайней мѣрѣ, не осмѣлится сдѣлать диверсіи въ пользу Франціи. И дѣйствительно — Король, желая, по прежнему, оставаться въ неутральномъ положеніи, хотя и объявилъ о намѣреніи своемъ — преградить доступъ въ сѣверную Германію

всѣмъ чужеземнымъ войскамъ, однакоже призналъ, что Англичане имѣли полное право высаживать войска въ курфиршество ганноверское, принадлежавшее ихъ Государю. Наполеонъ, недовольный такимъ ограниченіемъ неутралитета Пруссіи, предлагалъ Фридриху-Вильгельму отдать Ганноверъ ему въ залогъ, если онъ станетъ оборонять сію страну отъ покушеній Англіи, и даже изъявилъ согласіе на совершенную уступку Ганновера Пруссіи, въ случаѣ заключенія союзнаго трактата между берлинскимъ и тюльерійскимъ кабинетами. Несмотря на родственную связь Короля съ брауншвейгъ-люнебургскимъ домомъ и на преданность прусскаго министра Гарденберга Англіи, послѣднее предложеніе Наполеона было заманчиво до такой степени, что прусское правительство согласилось заключить союзъ съ Франціею, принявъ во владѣніе Ганноверъ, но съ условіемъ, чтобы Наполеонъ обязался признать независимость Голландіи, Швейцаріи и тѣхъ владѣній апеннинскаго полуострова, которыя находились внѣ предѣловъ Франціи и Королевства Италійскаго, а равно- отдѣленіе послѣдняго отъ Французской Имперіи. Король, сдѣлавъ эти предложенія, согласныя съ требованіями Императора Александра, надѣялся отклонить войну, въ которой вò-все не желалъ принять участіе.

Наполеонъ, напротивъ того, полагая, что уже настало время, когда онъ могъ вовлечь Пруссію въ лабиринтъ своей политики, немедленно послалъ, 11-го (23-го) августа, изъ Булони въ Берлинъ, облеченнаго совершеннымъ его довѣріемъ, гофмаршала тюльерійскаго двора, генерала Дюрока, съ собственноручнымъ письмомъ своимъ и словеснымъ порученіемъ. Въ письмѣ къ Королю, онъ старался возбудить его опасенія въ отношеніи къ Россіи и изъ-

являлъ намѣреніе увеличить прусскія владѣнія для образованія преграды господству державы,—по словамъ его—„обнимающей собою пространство отъ Балтики до Средиземнаго Моря“. Въ инструкціи, данной Дюроку, дано было приказаніе сказать Королю, что: „Баварія угрожаема нашествіемъ Австрійцевъ, у коихъ въ Тиролѣ собрано болѣе двадцати полковъ, и что необходимо, въ продолженіи настоящихъ переговоровъ, сдѣлать со стороны Пруссіи демонстрацію движенія въ Богемію, либо, по крайней мѣрѣ, сообщить австрійскому правительству рѣшительную ноту. Я не хочу—продолжалъ Наполеонъ—вести рѣчь о Неаполѣ: это не касается Пруссіи (Je ne veux pas qu'il soit question de Naples; cela ne regarde pas la Prusse). Въ настоящее время не могу принять на себя ручательство въ независимости Батавской и Гельветійской республикъ, но я поручусь за цѣлость Голландіи и за исполненіе акта о посредничествѣ Швейцаріи (acte de médiation de la Suisse), а равно не отказываюсь отъ короны Италіи. Я согласенъ постановить, чтобы Франція ни пріобрѣла ничего изъ завоеваній, которыя она можетъ сдѣлать въ Германіи“. Далѣе — Наполеонъ, сказавъ, что онъ не требуетъ отъ Пруссіи вступить въ борьбу съ Англіею, либо съ Австріею, приказалъ доложить Королю, что для содѣйствія ему готовы 80,000 человѣкъ хорошихъ войскъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Наполеонъ предлагалъ ему подписать два трактата, одинъ явный и другой секретный. „Въ первомъ, заключенномъ для вида, Пруссія обяжется остаться нейтральною и получитъ Ганноверъ въ залогъ, а во второмъ, дѣйствительномъ трактатѣ, она приметъ на себя обязательство, въ случаѣ войны, содѣйствовать Франціи и вступитъ во владѣніе ганноверскимъ курфиршествомъ“ ([41]).

Но Фридрихъ-Вильгельмъ, хотя и желалъ пріобрѣсть Ганноверъ, однакоже еще болѣе желалъ оставаться въ покоѣ. Пользуясь тѣмъ, Меттернихъ высказалъ Королю, въ какія безвыходныя затрудненія могло вовлечь его участіе въ замыслахъ Наполеона; съ другой стороны—не трудно было Императору Александру убѣдить Фридриха-Вильгельма въ своей искренней наклонности къ миру и въ намѣреніи Союзниковъ—привести войска на мирное положеніе, коль скоро Наполеонъ согласится дать требуемыя ими ручательства, на счетъ независимыхъ владѣній Италіи. Ко всему этому присоединилось непреодолимое вліяніе лицъ окружавшихъ Фридриха-Вильгельма: Королевы Луизы, ненавидѣвшей Наполеона и преданной Императору Александру; принца Людовика и всего военнаго дворянства, сочувствовавшихъ Россійскому Монарху и видѣвшихъ въ Наполеонѣ исчадіе гнусной для нихъ французской революціи. Прибытіе Дюрока въ Берлинъ не измѣнило требованій Короля, въ отношеніи независимости южной Италіи, Швейцаріи и Голландіи. Отказавшись отъ присоединенія къ Пруссіи Ганновера, Король изъявилъ согласіе принять сію страну, въ видѣ залога, но потомъ, узнавъ, что Русскіе, Англичане и Шведы готовились сдѣлать высадку въ Стральзундѣ и въ устьяхъ Везера, объявилъ что онъ не хочетъ принять на себя никакого обязательства, могущаго вовлечь его въ войну.

Императоръ Александръ, полагая, что Король склонялся на сторону Союзниковъ, но не приступалъ къ коалиціи изъ опасенія навлечь на себя мщеніе Франціи, надѣялся побудить его силою къ большей рѣшимости. Съ этою цѣлью, нашъ резидентъ въ Берлинѣ Алопеусъ получилъ повелѣніе объявить прусскому правительству, что русская армія двинется

чрезъ Силезію, чтобы предупредить Французовъ на верхнемъ Дунаѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императоръ Александръ, (тогда прибывшій въ Вильно), желая ослабить неблагопріятное впечатлѣніе такого отзыва, послалъ къ Королю собственноручное письмо, въ которомъ убѣждалъ, его, именемъ дружбы, дозволить русскимъ войскамъ пройти чрезъ его владѣнія, кратчайшимъ путемъ, къ Инну, и просилъ о свиданіи съ нимъ. Генералъ графъ Мерфельдтъ, присланный съ порученіемъ Императора Франца въ Берлинъ, настоятельно просилъ Короля присоединиться къ коалиціи, либо, по крайней мѣрѣ, изъявить согласіе на открытіе пути Союзнымъ войскамъ въ Мекленбургъ и Гановеръ. Король, видя что нерѣшительность его нисколько не способствовала ему остаться въ сторонѣ отъ столкновенія его сосѣдей, внезапно вышелъ изъ своего обычнаго бездѣйствія, отказалъ въ пропускѣ Союзныхъ войскъ чрезъ Силезію и Мекленбургъ и немедленно приступилъ къ сильнымъ вооруженіямъ: повелѣно было сдѣлать наборъ 80,000 человѣкъ, призвать на службу всѣхъ отпускныхъ и составить четыре арміи: одну въ Силезіи, другую на русской границѣ, третью — въ Мекленбургѣ и четвертую въ окрестностяхъ Берлина. Вмѣстѣ съ тѣмъ Король объявилъ французскому правительству, что заключитъ съ нимъ союзъ при первомъ шагѣ русскихъ войскъ въ его владѣнія, а русскому — что приметъ его сторону, какъ только Наполеонъ позволитъ себѣ малѣйшее нарушеніе нейтралитета Пруссіи. Таково было положеніе дѣлъ въ Берлинѣ, когда раздались громы войны въ южной Германіи (42).

Графъ Гаугвицъ, посланный для объясненія намѣреній Короля Фридриха-Вильгельма вѣнскому двору, прибывъ въ Вѣну, 18 (30) сентября, тотчасъ отправился къ вице-канцлеру графу Кобенцелю,

пробылъ у него два часа, много говорилъ и не сказалъ ничего (il a beaucoup parlé et n' a rien dit), изъявивъ желаніе доложить о всемъ относящемся къ его порученію лично Императору Францу. 20-го сентября (2-го октября), будучи призванъ къ Императору въ Гетцендорфъ (Getzendorf) и приглашенъ къ столу ихъ Величествъ, Гаугвицъ оставался передъ обѣдомъ болѣе часа на-единѣ съ Австрійскимъ Монархомъ, говорилъ много и не сказалъ ничего (parla beaucoup et ne dit rien), а въ семь часовъ вечера пріѣхалъ къ графу Кобенцелю, сидѣлъ у него до полуночи и объявилъ ему о своемъ намѣреніи — немедленно возвратиться въ Берлинъ: въ продолженіи пяти часовъ, онъ опять „говорилъ много и не сказалъ ничего". Изъ протокола этого совѣщанія, присланнаго Кобенцелемъ въ Петербургъ, къ австрійскому посланнику графу Стадіонъ, можно было сдѣлать только два замѣчательныхъ вывода: во 1-хъ, что Прусскій Король, ни въ какомъ случаѣ, неуклонится отъ принятой имъ системы неутралитета, и во 2-хъ, что онъ предлагалъ свое посредничество между Австріей и Франціей. Что-же касается до сказаннаго ему въ отвѣтъ, то самъ Императоръ и министръ его изъявили графу Гаугвицу опредѣлительныя и многократно повторенныя увѣренія, что „Вѣнскій дворъ, ни въ мирѣ, ни въ войнѣ, никогда не станетъ дѣйствовать отдѣльно отъ своего искренняго друга, Россійскаго Императора, къ которому Австрійскій Монархъ гласно изъявлялъ чувства, не только дружбы и сердечной привязанности, но и глубокой, неизмѣнной признательности...." ([34]).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВВЕДЕНІЮ.

---

(1) Masson. Mémoires secrets sur la Russie. I. 182.

(2) Изъ записокъ Порошина, состоявшаго при Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ, видно, что, при воспитаніи его, не обращали надлежащаго вниманія на исправленіе недостатковъ его характера, и вмѣсто полезныхъ занятій теряли много времени на куртаги, балы, и проч.

(3) Masson. I. 269—271.

(4) Изъ Собственноручной записки Императрицы Екатерины II-й, о рожденіи и первоначальномъ воспитаніи В. К. Александра Павловича (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ).

(5) «Бабушкина Азбука» (Архивъ Минист. Иностр. Дѣлъ).

(6) Наставленія воспитателю Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича, Николаю Ивановичу Салтыкову, при Высочайшемъ Рескриптѣ отъ 13 (24-го) марта 1784 года.

А.

НАСТАВЛЕНІЕ

КАСАТЕЛЬНО ЗДРАВІЯ И СОХРАНЕНІЯ ОНАГО.

Объ одеждѣ.

Да будетъ одежда Ихъ Высочествъ лѣтомъ и зимою не слишкомъ теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь.

Чтобъ платье ихъ было какъ возможно простѣе и легче.

О пищѣ.

Кушать и пить нужно; но чтобы кушать и пить, и сколько, сіе опредѣлять, смотря на то, что Ихъ Высочествамъ въ какихъ обстоятельствахъ здорово.

Пища и питіе да будутъ простыя, и просто заготовленныя, безъ пряныхъ зелій, или такихъ кореній, кои кровь горячатъ, и безъ многой соли.

Буде кушать захотятъ между обѣда и ужина, давать имъ кусокъ хлѣба.

Запрещается имъ давать вина инако, какъ развѣ по докторскому предписанію.

Лѣтомъ, вмѣсто завтрака, и между обѣда и ужина, давать можно вишень, земляники, смородины, яблоковъ и грушъ спѣлыхъ.

Чтобъ не кушали, когда сыты, и не пили, не имѣя жажды, и чтобъ когда сыты, ихъ не подчивали пищею или питіемъ; чтобъ не пили холоднаго вспотѣвши, или когда разгорячены, и вспотѣвши не пили инако какъ скушавъ напередъ кусокъ хлѣба.

О воздухѣ.

Чтобъ въ покояхъ Ихъ Высочествъ зимою, по крайней мѣрѣ, дважды въ день, перемѣненъ былъ воздухъ открытіемъ оконъ воздушныхъ.

Чтобъ какъ можно Ихъ Высочества лѣтомъ и зимою чаще были на вольномъ воздухѣ, когда сіе не можетъ вредить ихъ здоровью.

Зимою-же колико возможно рѣже быть имъ возлѣ огня, и чтобъ зимою покои Ихъ Высочествъ не были теплѣе натоплены какъ отъ 13-ти до 14-ти градусовъ, по термометру Реомюра.

Чтобъ лѣтомъ играли на свѣжемъ воздухѣ, на солнцѣ, на вѣтру.

На огаръ лица и рукъ отъ солнца не смотрѣть.

Вспотѣвши не ложиться на мокрой травѣ.

О мыльнѣ и купаньѣ.

Ихъ Высочества привыкли лѣтомъ и зимою ходить въ мыльву, париться и купаться въ холодной водѣ. По опытамъ оказалось, что то и другое здравіе ихъ подкрѣпляетъ; и для того зимою и лѣтомъ недѣли черезъ четыре, или пять, водить ихъ въ баню, и дозволять имъ париться и купаться.

Баню-же пріуготовить должно по предписаніямъ доктора Санхеса то есть: мокрымъ паромъ, поддавая холодною водою на горячіе каменья прежде, нежели войдутъ въ мыльну, дабы Ихъ Высочества сухой паръ не глотали.

За весьма нужно и полезно почитается, чтобы Ихъ Высочества учились плавать.

Сверхъ того поваживать ихъ, чтобъ часто ноги мыли въ холодной водѣ, для избѣжанія простуды и мозолей на ногахъ, и чтобъ не опасались мочить ноги. Сіе, начавъ съ весны или лѣта, и продолжая во всякое время года, предупредитъ многія простуды.

Лѣтомъ-же купаться сколько сами пожелаютъ, лишь-бы предъ симъ не вспотѣли.

О постелѣ и снѣ.

Чтобъ Ихъ Высочества спали не мягко, но на тюфякахъ, какъ привыкли; а отнюдь не на перинахъ, и чтобъ одѣяла ихъ были легкія, лѣтомъ простыя ситцовыя, подшитыя простынею; зимою стеганыя.

Спать имъ, чтобъ ночью голова не была покрыта или закутана, колико хотятъ: понеже сонъ дѣтямъ здоровъ; но какъ вставать рано здорово-же, и для того поваживать Ихъ Высочествъ ложиться рано.

За семь лѣтъ отъ осьми до девяти часовъ сна, кажется довольно быть можетъ.

Когда-же ихъ будить нужно, тогда оное чинить не вдругъ, но съ осторожностію, дабы не испугались, кликая ихъ по имени негромко.

О дѣтскихъ забавахъ и веселости нрава.

Веселость нрава Ихъ Высочествъ ни унимать, ни уменьшать не должно; напротивъ того поощрять ихъ нужно ко всякому движенію и игрѣ, лѣтамъ и полу ихъ сходственнымъ, ибо движеніе даетъ тѣлу и уму силы и здоровье. Не запрещать имъ играть сколько хотятъ, лишь-бы въ игру не входило имъ самимъ, или жизнь имѣющему, вредное, и сохраняли-бы при игрѣ благопристойность къ людямъ, при оной находящимся.

Малыхъ неисправностей при игрѣ не унимать.

Въ игрѣ ихъ приставникамъ не мѣшаться, развѣ сами попросятъ, чтобъ въ оной участвовали.

Игры должны быть въ волѣ дѣтей, лишь-бы тѣ игры невинны были, и здоровье ихъ отъ оныхъ не претерпѣло вреда.

Давъ дѣтямъ въ игрѣ совершенную свободу, скорѣе узнать можно нравы и склонности ихъ.

Дѣтскія игры не суть игры, но прилежное упражненіе дѣтей.

Вообще дѣти не любятъ быть праздными.

Разнообразіе упражненія и свободность въ упражненіи дѣтямъ всегда пріятны и питаютъ въ нихъ веселость нрава.

Питая въ дѣтяхъ веселость нрава надлежитъ отдалять отъ глазъ и ушей ихъ все тому противное, какъ то: печальныя воображенія, или унынія наносящіе разсказы, и малодушія, привлекающія нѣгу, такожде и ласкательства.

Не оставлять Ихъ Высочествъ никогда въ праздности. Буде не играютъ и не учатся, тогда начать съ ними какой ни есть разговоръ, сходственный ихъ лѣтамъ и понятію, чрезъ который получили-бы умноженіе знанія.

Дѣти любятъ быть упражнены, они-же любопытны. Всякое пріобрѣтеніе знанія имъ пріятно тогда, когда оное получаютъ безъ принужденія: слѣдовательно, не принуждая, наставить можно, а принужденно ихъ учить не должно и не здорово.

О болѣзни и лекарствахъ.

Кто рожденъ со здоровымъ тѣломъ и умомъ, тому не много помощи нужно и понеже Ихъ Высочества, благодаря Бога, въ самомъ желаемомъ расположеніи находятся, то единственно требуетъ бдѣніе о сохраненіи толь дражайшихъ дарованій здравія, и для того предписывается, яко ненарушимое правило къ сохраненію и умноженію здравія ихъ: колико возможно рѣже приступать къ употребленію имъ лекарства, и отнюдь не давать имъ лекарства, аки ради осторожности, и будто для упрежденія болѣзни тогда, когда здоровы; словомъ, вовсе не давать имъ лекарства безъ крайней нужды.

Употребленіе лекарствъ не ко времени, дѣтямъ болѣе притягивать можетъ болѣзни, нежели отвращать оныя.

Въ дѣтяхъ часто малые припадки озноба, либо жара, или боли въ членѣ, дѣлается къ росту, или иному какому естественному приращенію, которые пройдутъ безъ лекаря, безъ лекарства, и безъ врача и врачебства; употребленіе-же лекарства въ тѣхъ случаяхъ отъиметъ силы нужныя къ производству того естественнаго дѣйствія; и такъ, какъ безъ дѣйствительной болѣзни не нужно употребленіе лекарственныхъ предписаній, такъ въ случаѣ дѣйствительной болѣзни, и когда легчайшіе способы не предъуспѣли, тогда уже совѣтъ врача потребовать полезно быть можетъ.

Когда дѣти больны, надлежитъ ихъ поважнвать преодолѣвать болѣе болѣзни терпѣніемъ, сномъ и воздержаніемъ отъ излишней по обстоятельствамъ или вредной пищи.

Боль отъ болѣзни, отъ ранъ, голодъ, жажду, стужу, жаръ, сонъ, усталь, всякій человѣкъ чувствуетъ, но для того неприлично оказывать нетерпѣливости сердца, или инаго неприличнаго движенія.

Помощь въ подобныхъ нуждахъ надобна; но когда здоровье дѣтей отъ того вреда не потерпитъ, то помощь имъ подать безъ торопливости по всякомъ случаѣ.

Б.

НАСТАВЛЕНІЕ

КАСАТЕЛЬНО ПРОДОЛЖЕНІЯ И ПОДКРѢПЛЕНІЯ УМОНАКЛОНЕНІЯ КЪ ДОБРУ.

Кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ. Доброе сердце, нравъ тихой, въ обхожденіи учтивость, привѣтливость и снисхожденіе всѣмъ людямъ нравится; гордость, нахальство, надменность и притворство равно всѣмъ людямъ несносны.

Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному, суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу; а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе.

Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со стыдомъ, что учинили дурно; кольми паче такимъ дѣтямъ, въ душахъ коихъ стыдъ къ дурному вселенъ отъ младенчества, и для того предписывается:

Твердить воспитанникамъ и давать имъ чувствовать, при всякомъ удобномъ случаѣ, что тѣ, кои прилѣжаніемъ и радѣніемъ исполняютъ отъ нихъ требуемое, у всѣхъ людей выигрываютъ любовь и хвалу; а за неприлежаніе и нерадѣніе воспослѣдуетъ презрѣніе, нелюбовь, и никто ихъ не похвалитъ.

При всѣхъ случаяхъ вселять и напоминать Ихъ Высочествамъ правила человѣколюбія и благоволенія ко всякой твари, и поощрять ихъ тому похвалою за тѣ качества, въ людяхъ пріобрѣтаемую.

Когда въ чемъ который провинится и охужденъ будетъ, тогда никто да не дерзнетъ хвалить, дондеже провинившійся не будетъ просить

прощенія, и не увидятъ, что старается поправить свое поведеніе; къ прощенію-же не надлежитъ приступать вдругъ.

Заставлять воспитанниковъ дѣлать съ точностію и ласкою то во всякомъ случаѣ, что дѣлать имъ надлежитъ.

Приставникамъ не дѣлать при воспитанникахъ того, чего не желаютъ, чтобъ дѣти переняли, и вовсе отдалить отъ зрѣнія и слуха Ихъ Высочествъ дурные и порочные примѣры; да не повадятся они въ игрѣ и при оной быть несправедливы, и да не употребятъ въ оной несправедливости или обмана и неправды. Буде таковое примѣтится, да уймутъ ихъ, сказавъ имъ, что обманъ и неправда есть безчестное и стыдное дѣло.

Буде окажутъ несправедливость или обманъ, тогда лишить ихъ имъ принадлежащаго, дабы почувствовали, какова несправедливость.

О слезахъ.

Отъ младенчества дѣти обыкновенно плачутъ отъ двухъ причинъ: 1-е, отъ упрямства, 2-е, отъ чувствительности и склонности къ жалобѣ. Различить и тѣ и другія слезы можно по голосу, взгляду и по наружности дѣтей; но тѣ и другія слезы не должно дозволять, а надлежитъ запрещать всякія слезы.

Когда плачутъ отъ чувствительности, какъ то въ болѣзни, тогда стараться надлежитъ имъ дать облегченіе, не уважая много при нихъ боли, слезъ и болѣзни; сказать имъ, что слѣзы умножаютъ болѣзнь и нѣгу, и для того оныя унимать и отъ нихъ воздерживаться надлежитъ, а болѣе болѣзни сносить и преодолѣвать прилично бодростію духа и терпѣніемъ. Мысли-же ихъ стараться обратить на иное что, или-же обращая слезы въ шутки.

Буде единожды приставники дѣтямъ отказали въ чемъ, то чтобъ крикомъ и плачемъ не могли выпросить. Когда упадутъ или ударятся обо что, не много то уважать, и слезы запрещать, стыдя ихъ ими, ибо твердость духа и разума подкрѣпляетъ добродѣтель.

Поваживать дѣтей боли сносить съ терпѣніемъ и безъ роптанія.

Буде они вдадутся въ опасность какую, тогда ихъ ввести въ разсужденіе, сказавъ имъ, чтобъ употребили разсудокъ.

В.

НАСТАВЛЕНІЕ

касательно добродѣтели и того, что́ отъ дѣтей требуется.

Приготовляя здравіе тѣла, аки временное жилище души, надлежитъ приступить и къ основанію добродѣтелей полезныхъ душѣ отъ самаго младенчества; слѣдствія того простираться будутъ на времена настоящія и будущія.

Первая добродѣтель по христіанской должности, есть истинное познаніе Бога, Творца Видимаго и Невидимаго, отъ Котораго зависитъ наше благополучіе, отъ человѣколюбія Котораго получаемъ все благое

и Которому достодолжную любовь и почтеніе приносить подобаетъ, какъ совершеннѣйшему Существу, дѣлами и молитвою.

Касательно Закона Христіанскаго, наставленіе въ немъ любезнѣйшіе внуки наши получить имѣютъ отъ Софійскаго Протоіерея Самбурскаго, котораго для того здѣсь и именуемъ. Онъ несомнѣнно въ сей важной части соразмѣрно дѣтскому понятію поступать будетъ. Для народныхъ школъ сочиненный Катехизисъ тутъ весьма полезенъ быть можетъ, ибо составленъ, какъ удобенъ быть можетъ для дѣтей.

Приставники, при которыхъ сіи наставленія даваемы будутъ, имѣютъ въ разговорахъ и при удобныхъ случаяхъ сообразжаться съ сими постановленіями.

Когда о Законѣ рѣчь идетъ, тогда не инако отзываться при дѣтяхъ, какъ съ достодолжнымъ почтеніемъ

О хотѣніи.

Тѣлесная сила оказывается въ преодолѣніи какого труда ни есть и затрудненія; душевная-же крѣпость оказывается въ преодолѣніи собственныхъ хотѣній и подчиненіи хотѣній здравому разсудку; и для того отъ младенчества надлежитъ хотѣніе дѣтей подчинить здравому разсудку и справедливости, дабы отъ молодости поважены были повиноваться совѣту здраваго разсудка и справедливости прежде еще, нежели умъ созрѣетъ.

Буде Ихъ Высочества чего пожелаютъ, что имъ самимъ, или другимъ, вредно быть можетъ, или чего дать не должно, или не можно: въ томъ имъ отказывать, и отнюдь не давать и не дозволять.

Буде чего будутъ просить со слезами, или съ упрямствомъ, или упорно: то запрещается имъ давать, а притомъ сказывать надлежитъ, что не дается для того, что упорно, или со слезами, или съ упрямствомъ просятъ.

О послушаніи.

Поваживать воспитанниковъ къ непрекословному послушанію Намъ и Императорской Нашей власти. Да будетъ то, что Бабушка приказала, непрекословно исполнено; что запретила, того отнюдь не дѣлать, и чтобъ имъ казалось столько-же трудно то нарушить, какъ перемѣнить погоду по ихъ хотѣнію; въ чемъ приставники да дадутъ имъ примѣръ, держася съ точностію въ семъ наказѣ предписаннаго.

Кто съ младенчества не поваженъ повиноваться приказанію и совѣту родителей и приставниковъ, тотъ, созрѣвъ, не въ состояніи будетъ слушать совѣта здраваго разсудка и справедливости.

Чего дѣти повелительнымъ голосомъ требовать будутъ, того не давать; но поваживать воспитанниковъ просить того, чего желаютъ, и благодарить за то, что получили.

Объ упрямствѣ.

Кто не слушается, тотъ болѣнъ, слѣдовательно лишенъ выгодъ здороваго. Его содержать, аки больнаго, и болѣзнь его не кончится инако какъ съ возвращеніемъ здраваго разсудка, т. е. съ послушаніемъ и покорностію и когда надежда видится, что умнѣе быть хочетъ.

Буде кто, паче чаянія, при дѣтяхъ, окажетъ упрямство или непослушаніе, того, аки больнаго, послать домой, дабы остался дома до выздоровленія.

Что̀ запрещать и до чего не допускать.

Запрещать и не допускать до того, чтобъ Ихъ Высочества учиняли вредъ себѣ или жизнь имѣющему; слѣдовательно бить или бранить при нихъ не надлежитъ, и ихъ не допускать, чтобъ били, щипали или бранили человѣка или тварь, или какой вредъ и боль причиняли.

Не допускать Ихъ Высочествъ до того, чтобъ мучили, или убивали невинныхъ животныхъ, какъ то: птицъ, бабочекъ, мухъ, собакъ, кошекъ, или иное подобное, или портили что̀ умышленно; но поваживать ихъ чтобъ попеченіе имѣли о принадлежащей имъ собакѣ, птицѣ, бѣлкѣ, или иномъ животномъ, и онымъ доставляли выгоды свои, и даже до цвѣтовъ въ горшкахъ, поливая оные. Буде-же что имъ принадлежащее оставятъ безъ попеченія, или призрѣнія, то оное отобрать отъ нихъ, ибо все въ свѣтѣ требуетъ попеченія; сіи-же способы суть легчайшіе, которыми дѣтей повадить можно къ попеченію, благоволенію, жалости и кротости ко всему.

Ложь и обманъ запрещать.

Ложь и обманъ запрещать надлежитъ, какъ дѣтямъ самимъ, такъ и окружающимъ ихъ, даже и въ шуткахъ не употреблять; но отвращать ихъ отъ лжи. Буде кто изъ воспитанниковъ, или при нихъ кто солжетъ, то представить ему, что лгать есть дѣло стыдное и безчестное, влекущее за собою презрѣніе и недовѣріе всѣхъ людей. Буде кто изъ нихъ солжетъ, то на первый разъ оказывать о томъ удивленіе, какъ о поступкѣ странномъ, неожиданномъ, неслыханномъ и неприличномъ. Буде-же паки найденъ будетъ во лжи, то чинить ему выговоръ и смотрѣть на него и обходиться съ нимъ холодно и съ презрѣніемъ всѣмъ тѣмъ, кои о томъ знаютъ. Буде, паче чаянія, неуймется, то почесть ложь за упрямство; упрямство-же влечетъ за собою наказаніе, которое совокупнено быть имѣетъ со стыдомъ и съ опасеніемъ пониженія.

О худыхъ и порочныхъ примѣрахъ.

Отдалять отъ глазъ и ушей Ихъ Высочествъ всѣ худые и порочные примѣры.

Чтобы никто при дѣтяхъ не говорилъ грубыхъ, непристойныхъ и бранныхъ словъ, и не сердился.

Отдалять отъ воспитанниковъ всякіе разговоры, разсказы и слухи, умаляющіе любовь къ добру и добродѣтели, или умножающіе пороки.

Въ чемъ главныя достоинства наставленія состоятъ.

Главное достоинство наставленія дѣтей состоять должно въ любви къ ближнему, (не дѣлай другому, чего не хочешъ, чтобъ тебѣ было сдѣлано), въ общемъ благоволеніи къ роду человѣческому, въ доброжелательствѣ ко всѣмъ людямъ, въ ласковомъ и снисходительномъ обхож-

деніи ко всякому, въ доброправіи непрерывномъ, въ чистосердечіи и благодарномъ сердцѣ, въ истребленіи горячности сердца, пустаго опасенія, боязливости, подозрѣнія невмѣстнаго вездѣ, гдѣ усмотрится.

Требуется, чтобъ съ возрастомъ питомцы утвердились въ добродѣтели, чтобъ вкоренялась въ душахъ ихъ справедливость, которая состоитъ въ томъ, чтобъ не дѣлать законами запрещеннаго, въ любви къ истинѣ, въ щедрости, воздержаніи, умѣ, основанномъ на размышленіи, здравомъ о вещахъ понятіи и разсужденіи, совокупленномъ съ трудолюбіемъ.

Когда дѣти исполнены повиновеніемъ къ верховной власти, почтеніемъ къ родителямъ, довѣренностію къ приставникамъ, совокупленными съ любовію и съ опасеніемъ прогнѣвать ихъ, и къ тому соединяютъ благоволеніе ко всѣмъ людямъ, тогда уже много сдѣлано. Чѣмъ болѣе дѣти укрѣпятся въ добродѣтели, тѣмъ болѣе приготовятся къ познанію того, что роду ихъ прилично.

О смѣлости и о пустомъ страхѣ и опасеніи.

Пороки вообще уменьшаютъ смѣлость и храбрость; добродѣтели-же умножаютъ твердость духа и укрѣпляютъ разсудокъ, истинную смѣлость и храбрость.

Истинная смѣлость состоитъ въ томъ, чтобъ пребывать въ томъ, что̀ долгъ человѣку предписываетъ.

Отдалять надлежитъ отъ глазъ и слуха во младенчествѣ и отъ отроковъ въ первые годы все то, что̀ мысли устрашать можетъ, какъ то: всякія пугалища, душу и умъ утѣсняющія, которыми обыкновенно дѣтей стращаютъ, и отъ коихъ дѣлаются они робки, такъ, что не могутъ остаться одни, боятся своей тѣни, или дрожатъ въ темнотѣ. Всѣ таковыя пугалища и въ рѣчахъ употреблять не надлежитъ.

Буде, паче чаянія, дѣти чего боятся или опасаются, то поваживать ихъ исподоволь ко зрѣнію того прежде издали, потомъ отъ времени до времени ближе, уменьшая въ нихъ опасность словами и доказательствами, сходственными дѣтскому понятію, основанными на истинѣ; или отвращая вниманіе дѣтей отъ того, чего опасаются или боятся, или обращая опасеніе ихъ въ смѣхъ, или шутку, или представляя имъ то, чего опасаются, въ пріятномъ видѣ, и заставляя на то смотрѣть сперва издали, потомъ поближе.

Поваживать Ихъ Высочества ходить по такимъ мѣстамъ, гдѣ могутъ споткнуться безъ опасныхъ слѣдствій.

Буде который упадетъ, чтобъ никто того не пугался и не спѣшилъ безъ нужды на помощь, дабы самъ всталъ.

Буде помощь которому нужна, то подать не торопясь.

Буде который отъ неосторожности упадетъ, тогда сказать, чтобъ впредь осторожнѣе былъ, и что человѣкъ не выростетъ безъ такихъ приключеній.

Г.

НАСТАВЛЕНІЕ

касательно учтивости и того, что по тому отъ дѣтей требуется.

Поваживать дѣтей къ учтивости; учтивость основана на томъ, чтобъ неимѣть худаго мнѣнія ни о себѣ, ни о ближнемъ.

Отдалять Ихъ Высочества отъ высокомѣрія, и имъ почести принимать съ умѣренностію. Что дѣлать должно дѣтямъ предъ кѣмъ бы то ни было, дѣлать съ пристойною смѣлостію, безъ замѣшательства, сохраняя почтеніе и уваженіе, къ кому надлежитъ.

Поваживать дѣтей, чтобъ кланялись тѣмъ, кто имъ кланяется, и чтобъ глядѣли на того, кто съ ними говоритъ; но учтивость не въ однихъ поклонахъ состоитъ, но въ томъ, чтобъ рѣчи, взгляды, поступки, движеніе и поведеніе вести по тому, съ какими людьми и въ какомъ случаѣ человѣкъ находится.

Чтобъ ни въ какомъ случаѣ питомцы съ умыслу не обижали ни кого, не показывали никому презрѣнія и неучтивости; чтобъ искали пріобрѣтать благоволеніе людей къ себѣ ласковымъ и ловкимъ обхожденіемъ.

Учтивость много зависитъ отъ ловкости и благопристойности, которая замыкается и соединяется во взглядѣ, голосѣ, словахъ, поступкѣ, движеніи, обращеніи человѣка, почему пріятно съ нимъ обходиться, и обхожденіемъ тѣмъ онъ дѣлаетъ то, что другіе имъ довольны.

Учтивый человѣкъ есть тотъ, который словами и обхожденіемъ своимъ дѣлаетъ то, что люди имъ довольны, хвалятъ его, а не охуждаютъ.

Благоволеніе къ роду человѣческому, человѣколюбіе, уваженіе ближняго, почтеніе къ человѣчеству, осторожность въ поведеніи, чтобъ не пренебрегать, не презирать никого; но показывать каждому учтивость и приличное уваженіе, бдѣніе, чтобъ поведеніе никому не обратилось въ тягость, и обхожденіе съ людьми добровоспитанными, да служатъ въ основаніе учтивости.

Поваживать дѣтей, чтобъ обходились учтиво словами и поступками со служителями и простолюдинами, чтобъ съ ними не говорили повелительно и съ пренебреженіемъ, или возвышая голосъ, или со спѣсью; но съ благоволеніемъ пристойнымъ человѣчеству вообще.

Четыре вещи суть совершенно противны учтивости:

1) Природная грубость та, которая безъ снисхожденія къ другимъ людямъ, не смотритъ ни на склонности, ни на сложеніе, ни на состояніе человѣка.

Неучтивый человѣкъ не смотритъ на то, что другимъ, которые съ нимъ, нравится или не нравится.

2) Пренебреженіе къ людямъ, непочтеніе, которое оказывается взглядами, словами, поступками и движеніями.

3) Осужденіе словами и насмѣшкою поступковъ ближняго, умышленные споры и непрерывное противорѣчіе.

4) Нравъ, занимающійся мѣлкостями, который находитъ въ оныхъ всегда, что ни есть, къ чему привязаться, осуждать и пересужать; также и лишняя учтивость несносна въ обществѣ.

Въ обществѣ и въ разговорахъ дѣтей поважливать должно оказывать почтеніе, уваженіе и благоволеніе къ людямъ, обходился со всѣми учтиво, чтобъ не перебивали рѣчи ни кому, чтобъ не спѣшили сказывать своего мнѣнія, а ждали, чтобъ у нихъ спросили; чтобъ не говорили весьма громко или утвердительно, или повелительнымъ голосомъ; но говорили просто, безъ притворства, и не возвышая голоса.

Д.

НАСТАВЛЕНІЕ

КАСАТЕЛЬНО ПОВЕДЕНІЯ И ТОГО, ЧТО ПО ТОМУ ОТЪ ДѢТЕЙ ТРЕБУЕТСЯ.

Понеже желается видѣть въ дѣтяхъ сердце доброе, почтеніе къ истинѣ, склонность ко всякому добру, нравъ, исполненный учтивостію и благоволеніемъ къ людямъ и всякой твари, для того поведеніе дѣтей не должно быть основано на ничего незначущей тонкости.

Поведеніе Ихъ Высочествъ да не будетъ притворное; учтивость-же да будетъ аки природная и свойственная; и для того ни въ какомъ случаѣ отъ младенчества не отдаляться отъ предписанныхъ правилъ, показывая вещи въ прямомъ видѣ, отдаляя умъ Ихъ Высочествъ отъ лжи и тонкости, поважливая къ откровенному поведенію, почитать правду, повиноваться здравому разсудку, обходиться съ людьми и въ обществѣ вѣжливо.

Дѣти вообще неосторожны, забывчивы, непостоянны и рѣзвы, и для того, когда провинятся отъ сихъ причинъ, а не отъ упрямства, то унимать ихъ съ тишиною, и мало по малу приводить къ поправленію.

Буде-же окажется явное въ нихъ упрямство, либо непослушаніе, или презрѣніе къ напоминаніямъ, тогда уже унимать ихъ не мѣшкая.

Поведеніе много зависитъ отъ того общества, съ которымъ будутъ имѣть обращеніе, и для того надлежитъ быть весьма осторожнымъ въ выборѣ тѣхъ людей, коихъ допускать до общества, или обращенія, или обхожденія съ дѣтьми.

Изъ сего не слѣдуетъ, чтобы въ дѣтяхъ застѣнчивость и отдаленіе отъ людей питать нужно было; напротивъ того, да поощрятся въ нихъ ласковый пріемъ всѣхъ людей, разговоры и привѣтливость съ людьми, наипаче съ тѣми, кои достоинства, заслуги, знаніе, пріятство и учтивое обхожденіе имѣютъ; заставлять и поощрять дѣтей говорить съ людьми къ нимъ приходящими, наипаче съ благородными.

Ихъ Высочества младенчество проводили почти въ женскихъ рукахъ, гдѣ вниманіе ихъ непримѣтно старались обратить на то, чего отъ нихъ требовалось.

Выходя изъ младенчества, утвердить въ сердцахъ питомцевъ правила добродѣтели.

Приближаясь къ юношеству, показать имъ надлежитъ по малу, исподоволь, свѣтъ каковъ есть, ограждая сердца ихъ, колико возможно,

отъ порочнаго; показать имъ порядокъ, связь, намѣреніе и сообщества въ людяхъ, и вложить тогда въ нихъ тѣ осторожности, кои нужны, чтобъ пороки и порочные не выиграли у питомцевъ неприличную довѣренность. Сказывать дѣтямъ на словахъ примѣры, дабы узнать могли, что тѣ, кои стараться будутъ уменьшить въ нихъ довѣренность къ приставникамъ, послушаніе къ Намъ и законамъ, почтеніе къ родителямъ—сіе дѣлаютъ не въ иномъ намѣреніи, какъ для того, что сами хотятъ ими управлять или властвовать, обманывая и увѣряя, будто дѣти уже могутъ дѣлать по своей головѣ и смыслу.

Способъ не быть обманутымъ въ свѣтѣ, есть тотъ, чтобъ знать свѣтъ.

И для того приготовить умъ питомцевъ къ терпѣнію спора и упорства съ холодною кровію. Показать имъ, отъ чего упорство явное происходитъ, и отъ чего потаенное; какъ принимать ласкательства, и отъ какого сложенія людей ожидать можно добрыхъ заслугъ.

Добро зѣло, чтобъ различали свойства людей, и въ какихъ случаяхъ прилично не примѣчать.

Кто не имѣетъ ни добродѣтели, ни учтивости, ни поведенія добраго, ни знанія людей и вещей, тотъ не будетъ никогда въ людяхъ человѣкъ достойный почтенія.

Е.

НАСТАВЛЕНІЕ

КАСАТЕЛЬНО ЗНАНІЯ, И ТОГО, ЧТО̀ ПОТОМУ ОТЪ ДѢТЕЙ ТРЕБУЕТСЯ.

Знать обращеніе въ свѣтѣ и обхожденіе сходственное рожденію Ихъ Высочествъ, и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ.

И для того наивящшее дѣло приставниковъ есть питомцамъ дать обращеніе учтивое, здравое понятіе о вещахъ, поваживать ихъ къ обычаямъ добрымъ при всякомъ случаѣ, вложить въ нихъ правила добродѣтели, послушаніе къ Намъ, почтеніе къ родителямъ, любовь къ истинѣ, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхожденіе къ ближнему; неподоволь показывать имъ вещи, каковы суть, и каковы быть должны. Поощрять въ нихъ охоту перенимать лучшее, любить достойное, почитать заслуживающее почтеніе, вселять въ нихъ стремленіе и прилежаніе, нужное къ полученію успѣховъ и къ преодолѣнію препятствій, безъ чего счастливо достигнуть ни до чего неможно.

Ученіе-же, или знаніе, да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ спознанію естественныхъ ихъ способностей, и дабы привыкли къ труду и прилежанію.

Буде въ дѣтяхъ свободность духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать они будутъ столько-же охотно какъ къ игрѣ, и для того отнюдь Ихъ Высочествъ не принуждать къ ученію; но представлять имъ, что учатся ради себя и для своей пользы. Буде неприлежно пишутъ, читаютъ или иному учатся, тогда отобрать на тотъ часъ перья, чернила, бумагу, книги и прочее, то сами уже просить будутъ, чтобъ возвратили.

Когда учиться будутъ непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ, какъ играть. Не принуждая Ихъ Высочествъ къ ученію, сами просить будутъ и приходить къ ученію, какъ къ игрушкамъ.

Буде къ которой новой наукѣ охоты не имѣютъ, тогда при нихъ посадить учить приставленныхъ къ нимъ молодыхъ людей, Клавдія съ товарищами, какъ и по сію пору при нихъ заведено.

Когда къ какому ученію, въ которое время, или часы, охоты не имѣютъ, тогда Ихъ Высочествъ къ тому не принуждать; но прилежно избирать иной часъ, или время, когда охоту къ тому имѣть будутъ.

При всякомъ ученіи не держать дѣтей болѣе получаса сряду, и кончить всегда прежде, нежели они станутъ скучать. Къ ученію не принуждать дѣтей и за ученіе не бранить. Буде учатся хорошо, своею охотою, тогда похвалить.

Дѣтямъ трудно имѣть прилежаніе.

Страхомъ научить нельзя, ибо въ душу, страхомъ занятую, не болѣе вложить можно ученія, какъ на дрожащей бумагѣ написать.

Не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить свое знаніе.

Нарочитыя книжицы, а именно:

1) Россійская азбука съ гражданскимъ начальнымъ ученіемъ,
2) Китайскія мысли о совѣсти,
3) Сказка о Царевичѣ Хлорѣ,
4) Разговоръ и разсказы,
5) Записки,
6) Выбранныя Россійскія пословицы,
7) Продолженіе начальнаго ученія,
8) Сказка о Царевичѣ Февеѣ,

составлены для Ихъ Высочествъ, по которымъ учились читать и писать, въ коихъ включены правила перваго ихъ воспитанія отъ младенчества. Тѣ начертанныя правила и впредь во многихъ случаяхъ годиться могутъ, и приставники оныя правила, при удобныхъ случаяхъ, дѣтямъ напоминать съ пользою могутъ и на оныя книжицы ссылаться могутъ, къ чему-же дѣти привыкли, ибо женщины также дѣлали; дѣти-же читали и перечитывали тѣ книжицы, и правила тѣ уже въ нихъ вселены и имъ свойственны и привычны. Тѣ-же отборныя правила со временемъ могутъ быть и выучены наизусть.

Любопытство дѣтей въ знаніи удовольствовать надобно; и для того, выслушивая терпѣливо ихъ вопросы, отвѣтствовать имъ ясно, точно и кратко съ тишиною.

Прочихъ знаній основанія въ досужіе часы Ихъ Высочествамъ показывать можно, буде охоту окажутъ, дозволяя имъ избирать по ихъ вкусу, къ которому болѣе прилежанія употребить желаютъ, и тогда для онаго избрать человѣка знающаго.

О походкѣ и наружности.

Доброй походкѣ и наружности ни чѣмъ лучше выучиться не можно, какъ танцованіемъ.

О языкахъ.

Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія Ихъ Высочествъ. Добродѣтели и добронравіе, состоянію и рожденію ихъ приличныя, составлять должны главнѣйшую часть ихъ наставленія. Когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее придетъ ко времени.

Языкамъ иначе учить, какъ разговаривая съ ними на тѣхъ языкахъ, но чтобъ при томъ не позабывали своего языка русскаго, и для того читать и говорить съ дѣтьми и по Русски, и стараться, чтобъ говорили по Русски хорошо.

Къ знанію какого иностраннаго языка присоединить знаніе какое ни есть полезное на томъ языкѣ, какъ-то напримѣръ: минералогію на латинскомъ, произращеніе на нѣмецкомъ, звѣрей на французскомъ; по немногу вдругъ, а одинъ за другимъ безъ принужденія. Чтеніе Евангелія на разныхъ языкахъ, и сличая съ русскимъ, дѣтямъ дастъ довольное знаніе нѣкоторыхъ въ разговорахъ необычайныхъ языковъ, какъ-то напримѣръ: греческаго, который долженъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ языковъ, кои Ихъ Высочествамъ полезны быть могутъ, ибо посредствомъ его могутъ они пріобрѣсть многое знаніе. Сверхъ великаго числа писателей, коихъ красота въ переводахъ потеряна, не столько отъ неискусства переводчиковъ, сколько слабостію и недостаткомъ другихъ языковъ, сей имѣетъ преимущество предъ другими, столько-же своею пріятною гармоніею и игрою мыслей, сколько и изобиліемъ. Техническія его слова, къ наукамъ и художествамъ принадлежащія, означаютъ существо самой вещи и приняты во всѣ другіе языки.

Пока дѣти учатся языкамъ, начать Географію общую и частную Россійской Имперіи.

О ученіи.

Привлекать любопытство дѣтей къ ученію ласкою, а не принужденіемъ; ученіе ихъ первое: читать, писать, рисовать, ариѳметикѣ; продолжать нехудо учиться и писать подъ титлами, или abréviation. За симъ:

Географія, начавъ съ Россіи, астрономія, хронологія, математика.

Искусство учителей будетъ состоять въ томъ, чтобъ всякую науку облегчить ученикамъ колико возможно.

Виршамъ и музыкѣ учить не для чего; тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства.

Запрещается принуждать дѣтей твердить много наизустъ. Сіе памяти не подкрѣпляетъ, ибо добрая память отъ добраго сложенія, а не отъ инаго чего происходитъ.

Наизусть вытвердить развѣ выбранныя краткія правила изъ писателей, кои служить могутъ дѣтямъ для украшенія ума и основаніемъ въ поведеніи.

Потомъ слѣдовать можетъ: исторія, нравоученіе, правила закона гражданскаго. Къ сему служить можетъ Наказъ Коммиссіи, уложенія и учрежденія для управленія губерній Россійской Имперіи и вообще законы россійскіе, ибо, незнавъ оныхъ, и порядка, коимъ правится Россія, знать не могутъ.

На каждомъ языкѣ для чтенія избрать книги писанныя лучшія, и изъ нихъ выбрать то, что дѣтямъ читать, или предъ ними читать, то есть: все то, что можетъ умножить въ нихъ знаніе и просвѣщеніе то, которое имъ нужно; напримѣръ: естественная исторія, математика, художества, какъ снять чертежи, или дѣлать разные опыты.

Всеобщая исторія, древность, миѳологія, географія, генеалогія, о Россіи и ея произведствахъ, торговля и прочее, также физика и исторія художествъ, которая воспитанниковъ водила-бы отъ легкаго до искуснѣйшаго, доказавъ опытами.

Русское письмо и языкъ, надлежитъ стараться, чтобъ знали, какъ возможно лучше.

Въ то-же время могутъ прилежать къ ученію правилъ верховой ѣзды, фехтованія, вольтижированія, плавать, бороться, ружьемъ метать, изъ лука стрѣлять и всему тому, что тѣлу придаетъ силу и поворотливость.

Желательно, чтобъ военной сухопутной и конной, также и морской службы, всѣ части, отъ нижней службы до верхняго искуства, прошли, дабы основательное понятіе о тѣхъ частяхъ получить могли.

Учителямъ наставленія свои давать Ихъ Высочествамъ при приставникахъ, чтобъ свободное время употреблено было на забавы приличныя возрасту Ихъ Высочествъ, и въ движеніи содержаны были; нѣсколько-же часовъ дня совершенно оставить на собственную ихъ волю, какъ сами захотятъ оные употребить.

Склонность всякаго человѣка влечетъ его къ какому ни есть дѣлу или ремеслу.

Буде Ихъ Высочества окажутъ охоту точить, или къ иному рукодѣлію, или ремеслу, то отъ онаго ихъ не отвращать, чрезъ что отъ праздности отвращены будутъ и время займется, питая въ Ихъ Высочествахъ добрую волю, свободность духа, веселость нрава и прилежаніе.

Предписывается, отъ одиннадцати лѣтъ до пятнадцати, употреблять по нѣскольку часовъ въ день для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ. Сіе знаніе столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой Имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно; прочія знанія лишь примѣняясь къ оной представлять надлежитъ, и для того приказать по временамъ составить таблицы частей, водя Ихъ Высочества отъ части до части.

Карты всея Россіи и особо каждой губерніи съ описаніемъ, каковы присланы отъ генералъ-губернаторовъ, къ тому служить могутъ, чтобъ знать слой земли, произрастенія, животныхъ, торги, промыслы и рукодѣлія; также рисунки и виды знаменитыхъ мѣстъ, теченіе рѣкъ судоходныхъ съ назначеніемъ береговъ, гдѣ высоки, гдѣ поемны, большія и проселочныя дороги, города и крѣпости и строенія знаменитыя, описаніе народовъ, въ каждой губерніи живущихъ, одежда и нравы ихъ, обычаи, веселія, вѣра, законы и языки.

При исторіи естественной дѣлать опыты и примѣчанія, какія употребленія, ремесла и рукодѣлія дѣлать можно изъ произрастеній и естественныхъ произведствъ.

Недолго дѣтей останавливать при всѣхъ тѣхъ знаніяхъ, для которыхъ только единая память надобна, и которыми лишь память отягощается.

Миѳологію и древность имъ не болѣе знать нужно, какъ только чтобъ не могли сказать, что о томъ несвѣдущи.

Исторію Россійскую имъ знать нужно, и для нихъ сочиняется.

Познаніе человѣка еще нужнѣе.

А за симъ:

Законы своей земли и правосудіе, употребленіе доходовъ, военное искусство въ защищеніи и наступленіи, о переходѣ рѣкъ и горъ, собраніе войскъ, ученіе, движенія, прокормленіе, содержаніе, попеченіе о больныхъ, дряхлыхъ и неимущихъ.

Военное искусство содержитъ двѣ части: одну, которую можно узнать, не бывъ въ полѣ; а другую иначе, какъ бывъ въ полѣ. Первая есть военное устроеніе, а другая полководительство.

Изъ древней исторіи примѣры добродѣтельные, также причины приращеній, уменьшеній и паденій государствъ и народовъ, выбрать можно съ пользою для чтенія, краткое извѣстіе о всякомъ государствѣ: 1) о его началѣ; 2) о знатныхъ происшествіяхъ; 3) о важнѣйшихъ и похвальныхъ дѣлахъ Государей; 4) о несчастіи послѣдствій порочныхъ дѣлъ; 5) наслѣдственное или нѣтъ; 6) ограничена-ли власть Государя; 7) какъ правится; 8) и какими мѣстами; 9) о военной силѣ сухопутной и морской, и въ чемъ примѣчательна; 10) о многолюдствѣ 11) о доходахъ, богатствахъ, торговлѣ, естественномъ положеніи; имѣетъ-ли всѣ выгоды природныя, либо получаетъ оныя изъ иныхъ странъ; 12) о законахъ каждой земли; 13) какія намѣренія имѣть могутъ въ разсужденіи своихъ сосѣдовъ?

Понеже сіе иногда перемѣняется, то и о томъ упоминать. Чтеніе похвальныхъ дѣлъ въ исторіи отличившихся людей полезнымъ быть можетъ, аки поощреніе къ подражанію; также права и должности правительства, попеченіе о богослуженіи, о наставленіи вообще, о умноженіи знанія, искуства и художествъ, о удобреніи земли и разработованіи оныя, о умноженіи людей, торговли, рукодѣлій, ремесла, правосудія, порядка, доходовъ, о содержаніи силъ сухопутныхъ и морскихъ, о мирѣ и войнѣ, союзахъ и посольствахъ.

Ж.

НАСТАВЛЕНІЕ

ПРИСТАВНИКАМЪ КАСАТЕЛЬНО ИХЪ ПОВЕДЕНІЯ СЪ ВОСПИТАННИКАМИ.

О подчиненности приставниковъ.

Приставники всѣ подчинены генералу Салтыкову, равномѣрно и всѣ служители, находящіеся при Ихъ Высочествахъ любезнѣйшихъ Нашихъ внукахъ; и ему имѣть главное надзираніе, чтобъ всѣ добропорядочно исполняли свои должности, исправляли требующее исправленія, и представлять Намъ объ отличившихся въ отправленіи должности по предписаннымъ отъ Насъ правиламъ.

О качествахъ приставниковъ.

Качества приставниковъ да будутъ: осторожность, воздержаніе умѣренность, любовь нѣжная къ дѣтямъ, здравый разсудокъ, учтивость и добрая воля.

О единодушіи приставниковъ.

Приставникамъ единодушно и единогласно поступать въ разсужденіи дѣтей, сходственно Нашимъ предписаніямъ, чтобъ другъ другу помогали дружелюбно, а не препятствовали въ исполненіи Нашихъ предписаній, и чтобъ каждый изъ нихъ воздерживался отъ зависти, ненависти, нерадѣнія или инаго порока общему дѣлу вредъ наносить могущаго; другъ про друга дурно не говорили при дѣтяхъ; но добропорядочно, согласно, любовно и единодушно поступали-бы въ отправленіи своего служенія, и старались единомышленно поступать по силѣ сего наставленія.

Буде-же въ комъ противное сему усмотрится, то доложить Намъ, да отдаленъ отъ дѣтей и перемѣщенъ тотъ будетъ, въ комъ окажется неспособность; ибо воля Наша есть, чтобъ всѣ приставники, такъ какъ и служители, единодушно поступали на пользу дѣтей по Нашимъ наставленіямъ, и ни единой изъ нихъ не раздиралъ того, что другіе сшиваютъ, и не хвалилъ въ дѣтяхъ и при оныхъ, что другіе хулятъ, либо хулилъ то, что другіе хвалятъ; радѣтельные-же да будутъ благонадежны на милость и покровительство Наше, которыхъ знаки неоставимъ оказать имъ въ свое время.

Единожды въ недѣлю приставники имѣютъ собираться у генерала Салтыкова, чтобъ онъ отъ нихъ могъ узнать о успѣхахъ Ихъ Высочествъ, и чтобъ условиться могли, какъ поступать согласно, дабы разногласія и недоразумѣнія между ими не было.

О служителяхъ.

Служителямъ запрещать, чтобъ дѣтямъ не давали ничего, не доложивъ приставникамъ.

О добромъ примѣрѣ приставниковъ.

Если приставники будутъ сами исполнены любовію къ ближнему, общимъ благоволеніемъ къ роду человѣческому, доброжелательствомъ ко всѣмъ людямъ, будутъ ласково, снисходительно и учтиво обходиться между собою и со всякимъ, окажутъ добронравіе непрерывное, воздержатся отъ горячности сердца, опасенія, подозрѣнія и боязливости, тогда дѣти, видя добрые примѣры, будутъ несомнѣнно таковы, какъ желается.

Приставники ни въ какомъ случаѣ да не окажутъ пустыхъ опасеній и страха, какъ-то напримѣръ: отъ грома, молніи, вѣтра, дождя или иной чрезвычайности; и чтобъ повадили дѣтей не опасаться пауковъ, мышей, собачья воя, качки кареты или лодки; также, чтобъ видѣли, какъ лошади лягаютъ, топаютъ ногами и ржатъ, и чтобъ ко всему подходили.

О образѣ жизни Ихъ Высочествъ.

Образъ жизни Ихъ Высочествъ устроить, какъ они привыкли и имъ пріятно, не лишая ихъ ни единой невинной забавы, лѣтамъ, возрасту и годовому времени сходственной, и когда дѣти ведутъ себя такъ, что приставники ими довольны, т. е. исполняютъ то, что отъ нихъ требуется.

Какъ обходиться приставникамъ съ дѣтьми.

Приставникамъ быть неотлучно всегда при дѣтяхъ, и ни въ какомъ случаѣ не оставлять ихъ однихъ съ служителями.

Приставникамъ обходиться съ дѣтьми вообще какъ со взрослыми людьми; и для того, говоря съ ними, употреблять здравый разсудокъ и выраженія, съ лѣтами воспитанниковъ сходныя и понятію ихъ понимательныя. Содержать въ воспитанникахъ веселость духа и нрава, которая у нихъ есть; и для того во всѣхъ тѣхъ вещахъ, кои ни имъ, ни другимъ, не вредны, но совершенно невинны, поступать съ ними снисходительно; и вообще съ дѣтьми имѣть снисходительное обращеніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ отъ снисхожденія ни дѣтямъ самимъ, ни другому кому, не воспослѣдуетъ вреда или оскорбленія.

Приставникамъ въ игру Ихъ Высочествъ не мѣшаться, развѣ увидятъ, что въ оной происходитъ что-либо запрещенное или непристойное, или при оной дѣти сердятся; тогда унимать или отымать, сказавъ, что отымаютъ для того, что сердятся, или неприлично поступаютъ.

Дѣтямъ играть и забавляться при приставникахъ.

Буде приставники увидятъ или примѣтятъ, что дѣтямъ говорить не хочется, то съ ними не говорить; но оставлять ихъ иногда играть, будто за ними не примѣчаютъ.

Вообще избѣгать надлежитъ частыхъ при игрѣ униманій, дабы не уменьшилась дѣтская веселость нрава и откровенность съ приставниками.

Буде дѣти при комъ разшумятся болѣе, нежели благопристойность дозволяетъ, то напомнить имъ съ тишиною, что причинить могутъ тѣмъ людямъ безпокойство.

Дѣтей не должно унимать или выговоры имъ чинить ради ихъ дѣтской забавы и игры, или дѣтскихъ малыхъ неисправностей, и за все то, что само время и разсудокъ исправятъ.

Однимъ словомъ: погрѣшности дѣтскія, въ коихъ не усмотрится дурнаго или порочнаго умоположенія, или явной охоты къ непослушанію, суть ошибки лѣтамъ ихъ сходственныя, и кои пропускать иногда приличнѣе, подъ видомъ, будто отъ непримѣчанія, или-же поправленіемъ тихимъ.

Неосторожность, небреженіе и рѣзвость суть свойства ребяческихъ лѣтъ, въ которыя нужно къ дѣтямъ имѣть снисхожденіе и терпѣніе. Поправленіе чинить тихое и пріятное, основанное на истинной пользѣ дѣтей и совокупленное съ разсужденіемъ краткимъ и дѣтямъ понимательнымъ.

Ихъ Высочества отъ младенчества привыкли къ таковымъ разсужденіямъ, совокупленнымъ съ тихимъ и пріятнымъ видомъ.

Надлежитъ поощрять въ дѣтяхъ любопытство, и для того приставл-

никамъ вопросы дѣтей выслушивать должно терпѣливо, на вопросы ихъ отвѣтствовать съ точностію, и объяснять имъ то, что желаютъ знать, такъ, чтобъ лѣтамъ и понятію ихъ внятно было.

О вещахъ сверхъ понятія ихъ, о коихъ спросятъ, сказать надлежитъ, что со временемъ свѣдаютъ, или что то не по ихъ лѣтамъ. Вообще болѣе надлежитъ смотрѣть на то, что знать желаютъ, нежели на дѣтскія слова; и потому размѣрять должно отвѣты, основывая оные на правдѣ, и необманывая дѣтей никогда, напримѣръ: когда дѣти увидятъ что нибудь такое, чего не видѣли и спросятъ: что такое? тогда сказать имя той вещи. Когда-же спросятъ: на что? тогда просто сказать, къ чему служитъ.

Также приставникамъ съ терпѣніемъ слушать надлежитъ дѣтскія рѣчи и разговоры дѣтей, разговаривая съ воспитанниками дружелюбно, и разсуждая съ ними, о чемъ дѣло идетъ, дабы дѣти повадились къ разсужденію. Разговаривая съ дѣтьми, стараться непримѣтно обратить рѣчь на что ни есть полезное.

Иногда въ разговорахъ вопрошать ихъ: какъ бы они поступали или разсуждали въ томъ или иномъ случаѣ? поправляя исподоволь и нестрого дѣтскія разсужденія, буде оныя не основаны на справедливости и благопристойности. Таковые разговоры иногда могутъ приносить не менѣе плода, какъ и самое ученіе; но на то избирать время когда дѣтямъ говорить хочется, либо приставникамъ, говоря между собою, ввести дѣтей въ разговоры съ разсужденіями, кои служить могутъ къ наставленію.

Когда-же примѣтятъ, что дѣти неохотно говорятъ или слушаютъ, то сократить разговоръ. И понеже нужно, чтобъ дѣти находили удовольствіе быть и обходиться съ приставниками, для того приставникамъ обходиться съ воспитанниками ласково, но безъ ласкательства и излишней потачки.

Въ спорѣ и разговорахъ приставники имѣютъ при дѣтяхъ воздерживаться отъ горячности, неучтивости, упрямства и иныхъ пристрастныхъ словъ, движеній и мнѣній. Съ дѣтьми-же говорить и разсуждать съ точностію, простотою, правдою и чистосердечіемъ.

Прилѣжно сохранять въ дѣтяхъ свободность духа, добрую волю дѣтей и ловкость обхожденія, которая въ нихъ вложена отъ младенчества тѣмъ, что отвращали ихъ отъ худаго, приводили ихъ къ хорошему и къ тому, что нужно и надобно было, исподоволь и непримѣтно.

Напоминать дѣтямъ съ ласковостію. Буде дѣтямъ надлежитъ сказать что-либо къ поправленію ихъ служащее, то сіе чинить, не смѣючись, но съ степеннымъ видомъ и голосомъ, безъ сердца и вспыльчивости, говорить самую правду и приводить имъ на память слѣдствія дурнаго поведенія.

Унимать иногда дѣтей можно, отвращая ихъ понятіе или вниманіе на иной предметъ.

Когда дѣтей унимать, тогда сіе чинить безъ сердца, безъ брани, безъ пристрастія, съ холодною кровію, представлять имъ сущее здравое разсужденіе, и для того употреблять слова умѣренныя, голосъ тихой и видъ степенной.

Выговоры чинить дѣтямъ на единѣ и всегда съ степеннымъ видомъ и голосомъ; а хвалить когда того достойны, при свидѣтеляхъ.

Стыдъ и похвалу употреблять къ стати и къ случаю; угрозы-же да будутъ: сказать Родителямъ и Намъ.

Что дѣтямъ приказывается или запрещается, то надлежитъ быть исполнено отъ дѣтей тотчасъ безъ прекословія.

Твердое поведеніе приставниковъ произведетъ въ дѣтяхъ почтеніе къ нимъ, но точность приказаній такихъ, отъ коихъ предвидѣть можно, что послѣдуетъ упрямство или непослушаніе, употреблять какъ возможно рѣже, и неинако, какъ когда окажется въ такихъ приказаніяхъ необходимость.

Когда приставники усмотрятъ, что дѣти дѣлаютъ инако, нежели надлежитъ, тогда заставить ихъ такъ дѣлать, какъ должно, изъ чего они усмотрятъ, въ состояніи-ли дѣти дѣлать такъ, какъ отъ нихъ требуется, или нѣтъ, и пріучать дѣлать то, что требуется.

Различить весьма нужно: первое, гдѣ или когда дѣтямъ напоминать то, что отъ нихъ требуется; второе, когда унимать; третіе, когда и за что выговоръ чинить прилично.

Когда дѣти провинятся въ чемъ, тогда болѣе смотрѣть на то, изъ какой причины и какая изъ того привычка родиться можетъ, и потому размѣрять съ ними поступокъ, смягчая оный, когда ненарочно и безъ умышленія учинено. Что-же съ умысла, того не прощать.

Воздерживать дѣтей отъ лжи и обмана, и оныхъ не употреблять при нихъ ниже въ шуткахъ; ложь представлять имъ какъ дѣло безчестное и влекущее за собою презрѣніе и недовѣріе всѣхъ людей.

Говорить правду, быть благодѣтельнымъ и нрава добраго, есть отъ младенчества основаніе всѣхъ прочихъ добродѣтелей.

Всѣ неправды происходятъ отъ порочнаго самолюбія и недовольной любви къ ближнему.

Буде кто изъ дѣтей извинится, тогда смотрѣть, говоритъ-ли правду, или закрываетъ вину ложью. Буде вину ложью закрываетъ, тогда уговаривать его тихо къ сказанію истины. Буде-же не скажетъ, то стыдить его. Буде-же скажетъ правду, и неправды не усмотрится, тогда, ради чистосердечія, простить ему вину, и о томъ что прощено, уже не упоминать, дабы тѣмъ чистосердечіе поощрять и къ оному повадить дитя, да и во всѣхъ случаяхъ хвалить дѣтей за чистосердечіе.

Когда приставники утвердили свою поверхность, давъ дѣтямъ чувствовать, что они въ ихъ зависимости, тѣмъ, что до порочнаго не допустили, и при томъ давали имъ волю и свободу во всѣхъ невинныхъ и лѣтамъ дѣтей свойственныхъ забавахъ, дозволяя имъ играть и веселиться оными безпрепятственно, (что дѣтямъ столько-же нужно, какъ ѣсть и пить).

Когда дѣти привыкнутъ къ обращенію съ приставниками, и отъ сихъ увидятъ любовь и попеченіе, тогда дѣти уже будутъ имѣть любовь, почтеніе и опасеніе не дѣлать приставникамъ противное; и тогда уже единаго слова или взгляда приставниковъ будетъ довольно, чтобъ привести дѣтей къ тому, что отъ нихъ требуется, и приставники въ состояніи найдутся съ прилежаніемъ спознавать склонность дѣтей, съ природы они смѣлы или боязливы, дерзки или воздержны, гибки

или негибки, прилѣжны или нерадѣтельны, живы или неповоротливы, чистосердечны или скрыты, жалостливы или нѣтъ, упрямы или снисходительны.

Склонностей, происходящихъ отъ сложенія, хотя перемѣнить неможно правилами и упорствомъ, но можно обратить ихъ въ пользу дѣтей; познавая склонности, пороки и качества, надлежитъ поступать, воспрещая и стыдя ихъ за порочное, и поощряя къ добродѣтельному похвалою.

Буде одинъ братъ надъ другимъ всегда захочетъ взять поверхность, то до того не допускать, обвиняя зачинающаго, и заставлять братьевъ обходиться другъ съ другомъ учтиво и снисходительно, уступая одинъ другому.

Старшему надлежитъ твердить, чтобъ онъ меньшаго брата ни чѣмъ не обижалъ и поступалъ съ нимъ снисходительно, справедливо и по братской любви.

Меньшему твердить надлежитъ, чтобъ онъ брата старшаго любилъ и почиталъ, и первенства надъ нимъ не бралъ, но уступалъ.

Буде братья станутъ жаловаться другъ на друга, то таковыхъ жалобъ не принимать и не слушать.

Смотрѣть прилѣжно и унимать поступки и дѣйствія, въ коихъ дерзость и лукавство кроется, и за оныя чинить выговоръ при обиженномъ.

Буде жалоба котораго брата на другаго основательна, то чинить выговоръ на единѣ, а не при жалобщикѣ, и принудить виноватаго просить прощенія у обиженнаго.

Обоимъ братьямъ твердить надлежитъ, чтобъ каждый изъ нихъ старался превзойти другаго учтивостію, щедростію, справедливостію, снисходительностію и иными добродѣтелями, за что послѣдуетъ для нихъ честь и собственное удовольствіе, понеже человѣкъ никогда не бываетъ довольнѣе, какъ тогда, когда онъ самъ собою доволенъ, то есть когда чувствуетъ, что дѣлалъ то, что̀ долженъ былъ дѣлать.

Понеже дѣтямъ надлежитъ быть щедрыми, для того повадживать ихъ къ дѣлежу между собою и съ окружающими, похваляя ихъ за то и, увѣряя, что щедрый не останется безъ награжденія, и въ самомъ дѣлѣ щедрѣйшему дать вдвое.

Не давать дѣтямъ того, чего они повелительнымъ голосомъ или словами, или со слезами, требовать будутъ; а давать дѣтямъ то, что̀ имъ нужно, и отъ прихотей отваживать ихъ колико можно.

Нужнымъ называется здѣсь все то, чего человѣческое сложеніе требуетъ и безъ чего пробыть невозможно, напримѣръ:

Когда надобны дѣтямъ платья, то оныя дѣлать; но есть-ли станутъ требовать такого-то цвѣта, матеріи или покроя, то въ томъ имъ отказывать, и надлежитъ повадживать, чтобъ довольствовались тѣмъ, что̀ имъ даютъ, по разсужденію тѣхъ, кому воспитаніе ихъ поручено, и дабы равнодушны были къ бездѣлицамъ и умѣли воздерживать свои желанія. Въ чемъ-же имъ отказано, того чтобъ никто уже не давалъ.

Тоже чинить въ кушаньѣ и питьѣ, и ко всему тому повадживать и приводить ихъ неподоволь и непримѣтно, представляя имъ, что частыми требованіями можно наскучить; но повадживать ихъ быть довольными тѣмъ, что̀ даютъ, и что къ бездѣлицамъ имъ не должно привязываться.

Когда-же поведеніемъ дѣтей приставники довольны, и дѣти повадены къ воздержанію своихъ желаній, тогда не запрещается дать дѣтямъ то, что̀ имъ пріятно, аки награду, и что̀ разсудится; но вообще учить ихъ, что то, что̀ имъ дается, для того дается, что оно имъ полезно; а не для того, что имъ нравится или не нравится.

Все, что̀ приставники дѣтямъ предоставятъ, аки награду, въ дѣтяхъ возметъ видъ награжденія, ибо дѣти сами свое понятіе устрояютъ по мнѣнію, каковое другіе о вещахъ имѣютъ; и буде приставники воспитанниковъ будутъ питать добрую волю и свободность духа, то столько-же охотно будутъ на одной ногѣ прыгать, какъ учиться танцовать, и охотно оставятъ игры ради книгъ и ученія, какъ и ученіе ради волчка или кубаря, лишь-бы все то дѣлалось собственнымъ ихъ движеніемъ и безъ принужденія.

Старшій изъ братьевъ, бывъ къ тому поваженъ, меньшій легко послѣдуетъ его примѣру.

По сію пору игрушки, кои даваны дѣтямъ, служили ко умноженію ихъ знаній, и чрезъ опыя познакомились они со многими въ свѣтѣ вещьми.

Полезно будетъ дѣтямъ вдругъ не давать болѣе одной вещи, и когда захотятъ имѣть другую, тогда отбирать первую.

Послѣ семи лѣтъ, буде захотятъ новыхъ игрушекъ, то пускай сами сдѣлаютъ или помогаютъ дѣлать; но кубари, волчки, токарные станки и подобныя игры и вещи, кои тѣло въ движеніи содержатъ, дать имъ можно.

Приставникамъ надлежитъ стараться самою игрою довести дѣтей иногда до чего ни есть для нихъ полезнаго, не допуская, чтобъ полезное наскучило, и отнимая у нихъ то, кой часъ примѣтится, что они не съ охотою онымъ упражняются, дабы въ иное время охотнѣе за оное принялись; ибо дѣти не могутъ быть на пути истины, пока сами не находятъ удовольствія въ томъ, что̀ имъ полезно.

Дѣти, перемѣняя упражненія тѣлесныя съ упражненіемъ ума, проводить будутъ время пріятно, заслуживая сверхъ того похвалы.

Вообще, какъ дѣти не любятъ быть праздными, то надлежитъ стараться, чтобъ то, въ чемъ ихъ упражнять нужно, для нихъ обратилось въ родъ забавы. И такъ:

Отъ искусства приставниковъ зависитъ, чтобы дѣти упражнялись съ пользою, ибо дѣти весьма любятъ упражненіе, и имъ почти все равно, въ чемъ бы тѣ упражненія ни состояли, лишь-бы не столь долго сряду продолжались, чтобъ скуку навести могли; ибо нѣжное и живое сложеніе отроковъ не дозволяетъ имъ имѣть долго прилѣжанія къ одному предмету,

Молодые люди, къ нимъ приставленные, какъ-то Клавдій съ товарищи, играя могутъ иногда дать дѣтямъ такое знаніе, какое отъ приставниковъ не такъ скоро переняль-бы могли. Въ чемъ всегда къ стати тѣхъ наставить можно.

Къ ученію не принуждать дѣтей, и за оное ихъ не бранить, и не много времени сряду употреблять къ одной наукѣ.

Языкамъ учить такъ, чтобъ изъ приставниковъ одинъ говорилъ съ

Ихъ Высочествами по нѣмецки, другой по французски, а другіе по русски.

Съ старшимъ питомцемъ Англичанамъ говорить по англійски, а съ младшимъ Грекамъ по гречески.

Въ правилахъ подъ буквою Е, сказано уже, что греческій языкъ долженъ почитаться главнѣйшимъ изъ тѣхъ, кои Ихъ Высочествамъ полезны быть могутъ; буде со временемъ окажутъ охоту и къ другимъ языкамъ, можно прибавить латинскій и италіянскій.

При дѣтяхъ приставникамъ иногда вести разговоры съ примѣчаніями, полезными для дѣтей.

Буде приставники примѣтятъ иногда въ которомъ изъ воспитанниковъ равнодушіе ко всему, неохоту или пренебреженіе къ знанію или упражненію, тогда смотрѣть, таковъ-ли ко всему, и къ игрѣ, или только въ ученію; если-же къ одному ученію безъ охоты, а въ игрѣ живъ, движимъ и продолжителенъ въ своихъ намѣреніяхъ и не лѣнивъ, и неприлежаніе къ ученію происходитъ отъ одной неохоты, тогда можно ему съ доброжелательствомъ тихо и безъ пени говорить: колико здравому разсудку противно терять время на бездѣлушки тогда, когда могъ оное употребить съ пользою, и что послѣ малаго труда сама забава ему будетъ пріятнѣе. Буде сіе не поможетъ, тогда стыдить, обращая въ смѣхъ лѣнь и нерадѣніе, испрашивая у него безъ людей, но почаще, сколько времени употребилъ онъ на ученіе, чему учился и во сколько времени? и обходиться съ нимъ похолоднѣе на то время, грозя отнять у него книги, учителей и ученіе, дабы по напрасну не терять время и досугъ учителей на его наставленіе, и что его оставятъ съ одними игрушками; и въ самомъ дѣлѣ заставить его играть по утру и ввечеру въ уреченный часъ, и въ то время за нимъ смотрѣть, чтобъ заподлинно игралъ до тѣхъ поръ, пока игры наскучатъ ему и самъ проситься будетъ учиться.

Стараться узнать главную склонность лѣниваго, и узнавъ ее употребить въ пользу. Буде любитъ похвалы или играть, или наряды, или опасаться боли, или гнѣва, и тѣмъ разбудить отъ сна лѣности или нерадѣнія.

Буде и сіе не успѣло, тогда предпринимать съ нимъ какую ни есть работу въ уреченные часы, чтобъ привести въ движеніе по малу. Соскучивъ оною, охотнѣе примется за книги и ученіе, наипаче, когда та работа съ трудомъ и стыдомъ соединена, и по мѣрѣ какъ примется за ученіе, уменьшать и работу.

Буде желательно дѣтей отвадить отъ игры, то на то вѣрный способъ есть, принуждать ихъ нѣсколько часовъ сряду ежедневно играть тою игрушкою.

(7) Николай Ивановичъ Салтыковъ родился въ 1736-мъ году, началъ службу двѣнадцати лѣтъ рядовымъ Л.-Гв. Семеновскаго полка, отличился въ Семилѣтнюю войну и будучи посланъ къ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ съ донесеніемъ о побѣдѣ при Кунерсдорфѣ, произведенъ въ полковники, а за отличіе при осадѣ Кольберга въ генералъ-маіоры, въ 1762-мъ году, двадцати шести лѣтъ отъ рода. Съ 1763-го по 1768-й годъ, командовалъ русскими войсками въ Польшѣ; въ 1769-мъ году дѣйствовалъ подъ Хотиномъ. Съ 1770-го по 1773-й годъ путеше-

ствовалъ за границею и провелъ нѣкоторое время при дворѣ Фридриха Великаго. Въ 1773-мъ году, уже въ чинѣ генералъ-аншефа, онъ былъ назначенъ вице-президентомъ Военной Коллегіи, а вскорѣ потомъ поступилъ, на мѣсто графа Никиты Ивановича Панина, къ Великому Князю Павлу Петровичу, находился при немъ десять лѣтъ и сопровождалъ его въ заграничномъ путешествіи, которое Великій Князь совершилъ подъ именемъ Сѣвернаго Графа. Въ 1783-мъ году порученъ Николаю Ивановичу надзоръ за воспитаніемъ Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича, и вслѣдъ за тѣмъ онъ назначенъ въ генералъ-адъютанты Императрицы Екатерины, произведенъ въ подполковники Семеновскаго полка и пожалованъ сенаторомъ и членомъ Государственнаго Совѣта. Съ 178?-го года до кончины Императрицы Екатерины, управляя Военнымъ Департаментомъ послѣ князя Потемкина, въ продолженіи войнъ противъ Шведовъ и Турокъ, награжденъ графскимъ достоинствомъ и пятью тысячами душъ, а за воспитаніе Великихъ Князей получилъ единовременно сто тысячъ рублей, годовую пенсію въ 25,000 рублей, домъ въ Петербургѣ и серебряный сервизъ. Въ 1796-мъ году, по восшествіи на престолъ Императора Павла I, графъ Николай Ивановичъ былъ произведенъ въ генералъ-фельдмаршалы и назначенъ президентомъ Военной Коллегіи, а въ 1799-мъ году— гофмейстеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго. При короновапіи Императора Александра I, Государь пожаловалъ ему свой портретъ, алмазами украшенный. Въ 1806-мъ году Николай Ивановичъ управлялъ комитетомъ земскаго войска (милиціи), а въ 1812-мъ году былъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта и комитета министровъ, и занималъ сіи должности до возвращенія Государя изъ-за границы въ 1815 году. Въ 1814-мъ году, 30-го августа, графъ Николай Ивановичъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, и Высочайшимъ приказомъ назначенъ къ нему офицерскій караулъ. Скончался въ присутствіи Государя, благословивъ его, 16-го мая 1816 года, на 80-мъ году жизни и на 68-мъ службы. (Изъ записокъ о жизни князя Ник. Иван. Салтыкова. Соч. Павла Свиньина).

(8) Учебныя тетради В. К. Александра Павловича. Картонъ 3-й. — Masson. II. 160—165.

(9) Alph. Rabbe. Histoire d'Alexandre I-r. II. 434—436.

(10) Изъ записокъ барона М. А. Корфа.

(11) Alexandre I-r et le prince Czartoryski. Introduction. XXV—XXVI.

(12) Mémoires politiques et correspondance diplomatique de Jos. de Maistre. 88 et 97. — Grimm. Alexandra Feodorowna, Kaiserinn von Russland. I. 30.

(13) Переписка графа П. А. Строганова съ Н. Н. Новосильцовымъ.— Caractère et bonne volonté de l'Empereur. (Изъ бум. графа П. А. Строганова).

(14) Неизданныя сочин. Н. М. Карамзина. 1862 г. Для потомства. 9—10. — M. J. von Crusenstolpe. Der russische Hof u. s. w. IV. 238.

(15) Показанія современниковъ.

(16) M. J. von Crusenstolpe. Der russische Hof u. s. w. IV. 252—253.— Schnitzler. Histoire intime de la Russie. II. 23 et 246—247.

(17) Schnitzler Histoire intime de la Russie. II. 249—250.

(18) Слышано отъ Д. К. Тарасова.

([19]) Императоръ Александръ и его сподвижники. 1812—1815. IV.—Показанія современниковъ. — Lebedef. Le maréchal prince Volkonsky. 1852.

([20]) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. IV. 337—349.—Michel Oginski. Mémoires. II. 330.

([21]) Alph. Rabbe. Histoire d'Alexandre I-r. II. 438—440.—A. E. (Egron). Vie d'Alexandre I-r. 91—93.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ I.

---

(1) Генералъ Милютинъ. Исторія войны 1799 года. Т. I. Глава I.

(2) H. Storch. Historisch-statistische Gemälde des Russischen Reichs am Ende des XVIII Jahrhunderts. III. 137.

(3) Высочайшій Манифестъ отъ 28-го іюня ст. ст. 1786 года.

(4) Ассигнаціи промѣнивались на серебряную монету съ потерею отъ 30 до 49 процентовъ.

(5) Генералъ Милютинъ. Исторія войны 1799 года. Т. I. Глава I.

(6) Въ концѣ царствованія Императрицы Екатерины II, Россійская Имперія раздѣлялась на 50 намѣстничествъ, а при Императорѣ Павлѣ на 41 губернію.

(7) Болѣе трехъ сотъ гвардейскихъ офицеровъ, считая для себя оскорбительнымъ предпочтеніе оказываемое гатчинскимъ офицерамъ, подали въ отставку и получили ее, но съ запрещеніемъ пребыванія въ Петербургѣ.

(8) Въ 1798 году, изданы новые штаты, на основаніи коихъ прибавлено годоваго жалованья, въ мушкетерскихъ полкахъ: полковнику 111 (всего 900) рублей, подполковнику 117 (всего 600) маіору 36 (всего 460); капитану и штабсъ-капитану 46 (всего 340); поручику 41 (всего 245); подпоручику и прапорщику 28 (всего 200) рублей. H. Storch. III. 83—84, 85, 87—89.

(9) По указу Императрицы Екатерины II, отъ 18-го декабря ст. ст. 1763 года, били серебряную монету 72 пробы по 17 рублей $6^2/_3$ коп. въ фунтѣ; а мелкой монеты по 17 рублей $15^{40}/_{96}$ коп. и по 17 рублей $25^{10}/_{96}$ коп. въ фунтѣ. По указу Императора Павла I, отъ 24-го января ст. ст. 1797 года, повелѣно бить серебряную монету $83^1/_3$ пробы, по 14 рублей въ фунтѣ, что значительно возвысило цѣнность рубля (болѣе 50 голландскихъ штиверовъ, или $5^1/_2$ франковъ). Но въ послѣдствіи, по указу отъ 3-го октября ст. ст. 1797 года, стали бить сію-же монету $83^1/_3$ пробы, по 19 рублей $75^{25}/_{81}$ коп. въ фунтѣ. Какъ по дѣйствительной цѣнности такой рубль равнялся екатерининскому, то они ходили оба по $36^1/_2$ голландскихъ штиверовъ, или около 4 франковъ.

(10) Генералъ Милютинъ. Исторія войны 1799 года. Т. I. Глава I.

(11) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи. Книжка II. Исто-

рическій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи 1656—1817 г.—Das russische Papiergeld. Zw. Aufl. 18.

(¹²) Генералъ Милютинъ. Исторія войны 1799 года. Изд. 1-е. Т. V. 285—286. Mémoires posthumes du comte de Stedingk. II. 7.

(¹³) Изъ записокъ Андрея Тимоф. Болотова.

(¹⁴) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,779.

(¹⁵) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,795.

(¹⁶) М. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I. 89—92. -Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,806. Въ составъ Совѣта первоначально были назначены: генералъ-фельдмаршалъ Салтыковъ (воспитатель Государя), генералы отъ инфантеріи: князь Зубовъ и графъ Зубовъ, вице-канцлеръ князь Куракинъ, генералъ отъ инфантеріи Ламбъ, генералъ-прокуроръ Беклешовъ, генералъ отъ кавалеріи графъ фонъ-деръ-Паленъ, дѣйствительные тайные совѣтники: государственный казначей баронъ Васильевъ, князь Лопухинъ, князь Гагаринъ, адмиралъ графъ Кушелевъ и тайный совѣтникъ Трощинскій.

(¹⁷) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,813.

(¹⁸) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,904. Именной указъ Сенату, отъ 5-го іюня 1801 года, съ приложеніемъ Высочайшаго рескрипта на имя графа Завадовскаго.

(¹⁹) H. Storch. Russland unter Alexander dem I-sten. I. 18—20.

(²⁰) Именной указъ Сенату, отъ 15-го марта (Полн. Собр. Закон. т. XXVI. № 19,784). По сему указу освобождено всего 146 человѣкъ: въ числѣ ихъ былъ сосланный въ Кострому артиллеріи подполковникъ Ермоловъ (Алексѣй Петровичъ). – Полн. Собр. Зак. № 19,814. Манифестъ отъ 2-го апрѣля, о облегченіи участи преступниковъ и сложеніи казенныхъ взысканій.

(²¹) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,022. Указъ Сенату, отъ 27-го сентября 1801 года.

(²²) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,023. Именной указъ генералъ-прокурору, отъ 28-го сентября.

(²³) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,801. Именной указъ Сенату, отъ 22-го марта.

(²⁴) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,783, отъ 14 марта, и № 19,791, отъ 16-го марта.

(²⁵) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,810 и Высочайше утвержденный докладъ Сената, отъ 5-го мая за № 19,856. Права дворянства, возстановленныя Императоромъ Александромъ: 1) «Тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго; 2) разрѣшеніе дѣтямъ дворянъ вступать въ гражданскую службу, не входя о томъ съ докладомъ къ Государю; 3) отставнымъ военнымъ дозволено поступать въ гражданскую службу; 4) разрѣшены губернскія собранія; 5) отмѣнена высылка чрезъ мѣстную полицію дворянъ, уклоняющихся отъ должностей по выборамъ; 6) отмѣнено запрещеніе: «не принимать ни отъ кого ни въ какихъ мѣстахъ прошеній, многими подписанныхъ», и 7) возобновлены составленіе въ каждой губерніи дворянской родословной книги и право разсматриванія доказательствъ о дворянствѣ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ.

(²⁶) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,811, и Высочайше утвержденный докладъ Сената, отъ 3-го іюня, за № 19,901. Возстановлены

слѣдующія права: 1) первая и вторая гильдіи, также и именитые граждане освобождаются отъ тѣлеснаго наказанія; 2) отмѣнено запрещеніе: «ни отъ кого и ни въ какихъ мѣстахъ прошеній, многими подписанныхъ, не принимать»; 3) записавшіеся въ гильдію увольнялись отъ казенныхъ службъ; 4) дозволено казеннымъ крестьянамъ записываться въ купечество и мѣщанство, но съ тѣми условіями, чтобы они были уволены отъ главныхъ своихъ начальствъ, получили согласіе обществъ и представили надежное поручительство въ исправномъ платежѣ государственныхъ повинностей по обоимъ состояніямъ до будущей ревизіи, и 5) предоставлены въ пользу городовъ казенныя торговыя бани.

(27) Именной указъ Синоду, отъ 22-го мая 1801 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,885).

(28) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,815. Именной указъ Адмиралтействъ-Коллегіи, отъ 2-го апрѣля 1801 г.

(29) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,901.—Современникъ 1865. VII. Городское хозяйство Петербурга.

(30) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,809, отъ 31-го марта 1801 года.

(31) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,826, отъ 9-го апрѣля.

(32) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,926. Именнымъ указомъ отъ 24-го іюня, въ Военную Коммиссію, подъ предсѣдательствомъ Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, назначены членами: генералы отъ инфантеріи: князь Прозоровскій, Ламбъ, Татищевъ, Голенищевъ-Кутузовъ и генералъ-провіантмейстеръ Свѣчинъ; генералъ-лейтенанты: Тормасовъ, князь Волконскій и князь Долгорукій.

(33) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,980. Именной указъ генералъ-маіору Бегичеву, отъ 15-го августа. Проектъ учрежденія сихъ училищъ былъ составленъ княземъ Зубовымъ.

(34) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,984. Именной указъ тульскому гражданскому губернатору Иванову, отъ 19-го августа.

(35) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,995. Именной указъ Монетному Департаменту, отъ 31-го августа.—Полн. Собр. Закон. № 20,026. Именной указъ Сенату, отъ 1-го октября.

(36) Rabbe. Histoire d'Alexandre 1-r. I. 44.

(37) Garden. Histoire générale des traités de paix depuis la paix de Westphalie. VI. 375—376.

(38) Garden. Hist. etc. VI. 279—281.—Инструкція дѣйствительному тайному совѣтнику, графу Маркову (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(39) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,907. Конвенція, заключенная іюня 5 (17) въ Петербургѣ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ графомъ Панинымъ и лордомъ барономъ Сентъ-Геленсомъ.

(40) Garden. VI. 381.

(41) Bignon. Histoire de France, depuis le 18 brumaire jusqu'à la paix de Tilsitt. I. 452.

(42) Договоръ 11-го (23-го) октября 1801 года.

(43) Конвенція, заключенная 13-го (25-го) іюля 1803 года и ратификованная Королемъ Шведскимъ 13-го (25-го) августа и Королемъ Великобританскимъ 11 (23) сентября того-же года.

(44) Воспоминанія Вигеля.

(45) Церемоніалъ шествія отъ Петровскаго до Слободскаго дворца.

1) Отрядъ Конной гвардіи.

2) Парадные экипажи.

3) Парадныя лошади особъ первыхъ пяти классовъ.

4) Экипажи сенаторовъ.

5) Шталмейстеръ верхомъ; за нимъ 60 придворныхъ лакеевъ и 6 скороходовъ.

6) Придворные экипажи.

7) Два церемоніймейстера въ коляскѣ.

8) Оберъ-церемоніймейстеръ.

9) Камергеры.

10) Первые чины Двора, въ каретахъ.

11) Совѣтъ.

12) Два гофмаршала въ открытой коляскѣ.

13) Верховный по Коронаціи маршалъ съ своимъ штабомъ.

14) Взводъ Кавалергардовъ.

15) Императоръ верхомъ; по лѣвую руку Его — Великій Князь Константинъ Павловичъ; за ними — свита.

16) Вдовствующая Императрица, въ каретѣ, съ короною на имперіалѣ, запряженной въ восемь лошадей; каждую лошадь велъ придворный конюхъ. Съ каждой стороны экипажа ѣхалъ шталмейстеръ верхомъ и шли четыре гайдука; впереди и позади кареты были посажены 4 пажа; позади экипажа ѣхали верхомъ 6 камеръ-пажей.

17) Императрица Елисавета Алексѣевна, въ такой-же каретѣ, и проч.), но безъ короны на имперіалѣ.

18) Великія Княжны, въ каретѣ запряженной шестерикомъ; съ боку экипажа шталмейстеръ и 4 гайдука; позади кареты 2 пажа; сзади экипажа 2 камеръ-пажа, верхомъ.

19) Взводъ Кавалергардовъ.

20) Штатсъ-дамы и фрейлины Двора въ придворныхъ экипажахъ.

21) Отрядъ Конной гвардіи.

Шествіе замыкали 12 почталіоновъ и дорожные экипажи Императорской фамиліи.

([46]) Воспоминанія Вигеля.

([47]) На основаніи Высочайше утвержденнаго Церемоніала, въ день Священнаго Коронованія, шествіе въ Успенскій Соборъ происходило въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Взводъ Кавалергардовъ, который, остановясь у церковныхъ воротъ, построился по обѣ стороны пути.

2) Два церемоніймейстера, кои, указавъ всѣмъ участвовавшимъ въ священной церемоніи ихъ мѣста, стали, вмѣстѣ съ прочими церемоніймейстерами, впереди трона приготовленнаго для Императора.

3) Депутаты отъ русскаго и иностраннаго купечества, атаманы казачьихъ войскъ, члены различныхъ сословій и учрежденій.

4) Губернскіе предводители и депутаты отъ дворянства различныхъ губерній.

5) Сенатъ.

6) Совѣтъ.

7) Два оберъ-церемоніймейстера.

8) Два герольдмейстера.

9) Государственныя регаліи: знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго, государственное знамя (Паниръ), государственная печать, государственный мечъ, Порфира для Императрицы, Порфира для Императора, скипетръ, держава, меньшая и большая Императорскія короны. При каждомъ изъ лицъ, несшихъ сіи регаліи, находились ассистенты.

10) Взводъ Кавалергардовъ.

11) Верховный маршалъ съ двумя гофмаршалами.

12) Императоръ, въ сопровожденіи двухъ ассистентовъ, двухъ генералъ-адъютантовъ и шефа Кавалергардовъ съ обнаженнымъ палашемъ.

13) Императрица Елисавета, съ двумя ассистентами.

14) Штатсъ-дамы, камеръ-фрейлины и фрейлины Двора.

15) Взводъ Кавалергардовъ.

16) Дворянство.

17) Купечество.

18) Взводъ Кавалергардовъ.

([48]) Рѣчь Митрополита Платона, по совершеніи Коронованія Е. В. Императора Александра I.

И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего вѣнчанна и превознесенна. Что-же теперь возглаголемъ мы? Что сотворимъ, о Россійскіе сынове? Возблагодаримъ-ли вышнему Царю царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. Вознесемъ-ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. Принесемъ-ли что-либо въ даръ Господу? И онъ благихъ нашихъ не требуетъ: а сей самый Вѣнецъ, и Скипетръ, и Державу, и Россію, и всѣхъ насъ сердца и утробы, приносимъ Ему и вручаемъ Ему. Привѣтствовать-ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. Изъявлять-ли намъ Вашему Величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего алтаря и предъ лицемъ Бога и Ангеловъ его. Пожелать-ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтнаго царствованія? О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ! Молить-ли, да Богъ самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце? О! прилипни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ, а не на таковыя токмо моленія. Пасть-ли намъ предъ престоломъ величества Божія, да находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго Отца, будемъ мы къ Нему привержены любовію, яко чада? И мы падемъ, и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый художникъ, мы предъ Тобою бреніе. Сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь! Таковымъ образомъ многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто особаго вниманія и озабочиванія достойное.

Вселюбезнѣйшій Государь! Сей Вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша; но Твой подвигъ. Сей Скипетръ есть нашъ покой; но Твое бдѣніе. Сія Держава есть наша безопасность; но Твое попеченіе. Сія Порфира есть наше огражденіе; но Твое ополченіе. Вся сія утварь Царская есть намъ утѣшеніе, но Тебѣ бремя.

Бремя по истинѣ, и подвигъ! Предстанетъ-бо лицу Твоему про-

страннѣйшая въ свѣтѣ Имперія, каковую едва-ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства. Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли, да судиши судъ правый, и вѣсы его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. Узриши въ лицѣ благаго Бога, сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ Достигнутъ-бо Престола Твоего вдовицы и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію и лицепріятіемъ, и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопіть не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши ихъ слезы, и да устроеши ихъ вездѣ проповѣдовать Твою промыслительную державу. Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ великаго отличія по рожденіи и происхожденіи: взирай! возопіетъ, общій Отецъ, на права человѣчества! Мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. Наконецъ—благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренную кровію единороднаго Сына Божія. Сія Августѣйшая дщерь неба, хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой Главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его. Но и къ Тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, простретъ она свои руки, и ими обнявъ выю, умолять не престанетъ, да сохраниши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для себя токмо, но паче явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ суевѣрія.

Но съ Ангелами Божіими не усумнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися, и ласкательство, и клевета, и пронырство со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что якобы, подъ видомъ раболѣпности, можно имъ возобладать Твоею прозорливостію. Откроютъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появятся безстыдство и роскошь со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ, и къ пожертвованію всего единой плоти и крови, въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ тя истина и правда, и мудрость, и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою, вкупѣ съ Тобою, желать и молить, да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ и расточатся врази Твои.

Се подвигъ Твой, Державнѣйшій Государь! Се брань, требующая, да препояшеши мечъ Твой по бедрѣ Твоей. О герой! и наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго.

Дивно—глаголемъ; ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе нежели человѣческихъ. Почему, судя по Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны-бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

Удержать! Но что-же означаетъ сіе днесь надъ Тобою совершив-

шееся дѣйствіе? Состоитъ-ли оно въ одной наружности? Составляетъ-ли только одинъ простой обрядъ? Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, егда избранъ былъ онъ Богомъ въ Царя Израилю, и святымъ елеемъ помазанъ, Слово Божіе гласитъ: «и понашееся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ». Сіе Духа Господня нашествіе въ день сей осѣнило и освятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи, не тщетны моленія всея Церкви. Призритъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничижитъ моленія ихъ.

Да и самое души Твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне. Ибо точно можемъ мы о Тебѣ, Государь, тоже сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ, «и Давидъ красенъ и добръ очами и благъ взоромъ Господеви». И нашъ любезнѣйшій Давидъ красенъ лицемъ, добръ очами, и благъ взоромъ Господеви. Что само по себѣ не толикобъ было важно, ежелибъ оно не было точнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечной.

И такъ, великодушнѣйшій Государь, симъ укрѣпися и ободрися! Съ таковою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ владычнимъ, подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя легко и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно.

Но се еще подаетъ Тебѣ Богъ своего о державѣ Твоей промышленія печать видимую. Вложилъ онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую свою супругу, Ея Императорское Величество, сотворити участну своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупилъ васъ во едино, и когда уставлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу; то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе-же и добродѣтели Ея Величества оправдятъ благую всѣхъ насъ о ней надежду; конечно оправдитъ она Слово Господне, дабы быть вѣрною Вашему Величеству, въ ношеніи общественнаго бремяни, помощницею.

Видя таковымъ образомъ отвсюду огражденна и укрѣпленна Тебя, Великій Государь, и радуемся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господу, и вопіемъ: Благословенъ Господь, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ и вознесе рогъ Христа своего!

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ, да возрадуется душа Твоя, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ Твой! Святая Твоя кровь течетъ по жиламъ Его и все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и Ему. Давно Апостолъ провозгласилъ: «Аще корень святъ, то и вѣтви». Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть-ли сіе въ сердцѣ Твоемъ, Благочестивѣйшая Государыня, живоноснымъ источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь, не доволенъ-ли источникъ сей оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачали мысль Твою, сіе возсіявшее отъ Тебя свѣтило не довольно-ли разогнать весь мракъ сей? И такъ, видя днесь, яко матерь Соломонова, сына своего вѣнчанна и превознесенна, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посѣтившему!

А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя Тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріамѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ предъ священнѣйшимъ лицемъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего, возъиграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли, «съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся; могущіе покаряйтеся! Аще-бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!»

(49) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,011, отъ 15-го (27-го) сентября. Манифестъ о Коронованіи Его Императорскаго Величества и о дарованныхъ по сему случаю разныхъ народу милостяхъ. Главныя изъ нихъ заключались въ слѣдующемъ: 1) отъ рекрутскаго набора на сей (1801) годъ освобождены всѣ подлежащія ему сословія; 2) сложены многіе штрафы и казенные долги; 3) всякаго рода взысканія по дѣламъ казеннымъ или уголовнымъ, долѣе десяти лѣтъ продолжающіяся, повелѣно оставить, и содержащихся по такимъ дѣламъ въ тюрьмѣ немедленно освободить; 4) отмѣненъ сборъ четвертной пошлины, при справкѣ и отказѣ недвижимыхъ имѣній, и 5) всѣмъ офицерамъ до полковничьяго чина включительно увеличено жалованье, противъ прежнихъ окладовъ, еще четвертью.

(50) Heinr. Storch. Russland unter Alaxander dem Ersten. II. 413—415.

(51) Именной указъ Сенату, отъ 31-го октября 1801 года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,038).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ II.

(1) Bignon. Histoire de France depuis le 18 brumaire jusqu'à la paix de Tilsit. III. 205—206.

(2) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. 1801.

(3) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,406.

(4) Трощинскій остался, по прежнему, главнымъ директоромъ почтъ и членомъ Государственнаго Совѣта, и вскорѣ за тѣмъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ министромъ Удѣловъ.

(5) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. 1802.

(6) Жизнь графа Сперанскаго. Соч. барона Корфа. I. 92—94. - Jos. de Maistre. Mémoires politiques. 80.—Alexandre I-r et le prince Czartoryski. 59.

(7) Разсмотрѣніе проектовъ по различнымъ предметамъ было возложено Государемъ на Новосильцова, 7-го августа 1801 года.

(8) Доклады по дѣламъ Сената, Синода и рекетмейстерской части поручены Новосильцову въ 1802 году.

(9) Новосильцовъ назначенъ Товарищемъ Министра Юстиціи 21-го октября 1803 года.

(10) Новосильцовъ назначенъ предсѣдателемъ Коммисіи составленія законовъ 28-го февраля 1804 года

(11) Записки Л. Н. Кутузова.—Записки барона Корфа.—Записки Вигеля.—Записки И. И. Дмитріева.

(12) Записки барона Корфа.—Записки Вигеля.—Записки Розенкампфа.—Записки Л. Н. Кутузова.

(13) Mémoires posthumes du feldmaréchal comte de Stedingk. II. 179.

(14) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. VI. Edit. de Brux. p. 55.

(15) Mémoires d'un homme d'état. (Comte d'Alonville). II. 393.

(16) Jos. de Maistre. Correspondance diplomatique. I. 34.

(17) Графъ Нессельродъ.—Графъ Блудовъ.—Дружининъ.—Записки барона Корфа.—Державинъ.—Андр. Афанас. Никитинъ по разсказу Неплюева.

(18) Записки барона Корфа.—Записки Вигеля

(19) Записки барона Корфа.

(20) Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Бантышъ-Каменскаго. 1847. I.

(21) Записки барона Корфа. — Записки Вигеля.

(22) Изъ записокъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité.

(23) Бар. М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго.

(24) Записки Дмитріева и Шишкова.

(25) Записки барона Корфа.

(26) Jos. de Maistre. Mémoires politiques. 269.

(27) Mémoires historiques sur Alexandre I-r, par la comtesse de Choiseul-Gouffier. p. 314.

(28) Записки барона Корфа.

(29) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строгонова. Séances du Comité.

(30) Манифестъ 16-го марта 1801 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,794).

(31) Манифестъ 12-го декабря 1801 года (Полн Собр. Закон. Т. XXVI № 20,074).

(32) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. Conférence du 25 novembre 1801.

(33) Именной указъ Сенату, отъ 5-го іюня 1801 года, о сочиненіи особаго доклада о правахъ и обязанностяхъ его (Полн. Собр Закон Т. XXVI. № 19,908).

(34) Записки Державина.

(35) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. Conférences du 6 janvier, 16 et 17 mars. 1802.

(36) Именной указъ Сенату, отъ 8-го сентября 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,405). Этотъ указъ послѣдовалъ по докладѣ Сената, о сущности его должностей, правъ и обязанностей, представленномъ Государю, во исполненіе Высочайшаго указа, отъ 5-го іюня 1801 года.

(37) Сенатскій указъ. отъ 27-го февраля 1802 года (Полн. Собр Зак. Т. XXVII. № 20,162).

(38) Именной указъ Сенату, отъ 8-го октября 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,449).—Сенатскій указъ, отъ 31-го августа 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,923).

(39) Именной указъ Сенату, отъ 26-го февраля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,183).

(40) Именной указъ литовскому военному губернатору барону Беннигсену, отъ 28-го ноября 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,057). Именные указы подольскому и литовскому военнымъ губернаторамъ, отъ 15-го іюля и 15-го августа 1805 года (Полн Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,835 и № 21,871).

(41) Отчетъ Министра Внутреннихъ дѣлъ за 1805 годъ.

(42) Докладъ отъ 24-го февраля 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,636).

(43) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. №№ 21,637, 21,718 и 21,930.

(44) Отчетъ Министра Внутреннихъ дѣлъ за 1803 годъ.

(45) Высочайше утвержденный докладъ министра Внутреннихъ дѣлъ 20-го февраля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,163).

(46) Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,163.

(47) Отчетъ министра Внутреннихъ дѣлъ за 1804 годъ.

(48) Отчетъ министра Внутреннихъ дѣлъ за 1805 годъ.

(49) Отчеты министра Внутреннихъ дѣлъ за 1803 и 1804 годы.

(50) Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Ник. Тихонравовымъ. IV. Нѣкоторыя черты объ обществѣ духоборцевъ.

(51) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. №№ 20,260 и 20,442.

(52) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,964.

(53) Именной указъ Сенату, отъ 4-го апрѣля 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,217).

(54) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII 20,576.

(55) Протоколъ Государственнаго Совѣта, 1802 года 22-го сентября.

(56) Записки Г. Р. Державина. 1860. Стран. 485 — 490.—Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей россійскихъ. 1859. III. Возраженіе графа Растопчина на книгу Стройновскаго: «объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами».—Мнѣніе адмирала Мордвинова: «одна изъ мѣръ освобожденія крестьянъ отъ зависимости», написанное въ 1818 году.

(57) Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова. Séances du Comité. Conférence du 11 novembre 1801.

(58) Крестьяне помѣщика Петрово-Солово обязались уплатить ему:

въ первые четыре года, ежегодно по 100,000 рублей	400,000 рубл.
въ слѣдующіе четырнадцать лѣтъ, по 75,000 рублей	1,050,000 »
въ послѣдній 19-й годъ	50,000 »
Всего-же .	1,500,000 рубл.

С. Петерб. Журн. 1805 г. Ч. I. Кн. 1. стр. 14—25.

(59) Крестьяне князя Куракина обязались уплатить ему:

въ первые четыре года по 60,000 рублей.	240,000 рубл.
въ слѣдующіе шесть по 50,000.	300,000 »
въ послѣдующіе десять по 40,000.	400,000 »
въ остальные пять по 32,000	160,000 »
Всего-же .	1,100,000 рубл.

С. Петерб. Журн. 1805 г.

(60) С. Петерб. Журн. 1805 г.

(61) Именной указъ Сенату, отъ 20-го февраля 1803 года, объ отпускѣ помѣщиками крестьянъ на волю, по заключеніи условій на обоюдномъ согласіи основанныхъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,620).

(62) Именной указъ министру Внутреннихъ дѣлъ, отъ 11-го мая 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,758).

(63) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,162.

(64) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. VII. 316 — 353. Подстрочныя примѣчанія къ «Положенію» принадлежатъ профессору Эверсу.

(65) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,123.

(⁶⁶) Варадиновъ. Исторія Министерства Внутреннихъ дѣлъ. I. 126. Коммерціи совѣтнику Рувье было выдано заимообразно 100,000 рублей и назначено отвести въ степной части Крыма 25,000 десятинъ и въ нагорной части, если найдутся свободныя отъ пастбищъ мѣста, 5,000 десятинъ. Съ своей стороны, Рувье обязался: распространить свои заводы до 100.000 овецъ, выписать изъ Испаніи до 500 лучшихъ барановъ, и овецъ улучшенной породы по умѣренной цѣнѣ и содержать до ста учениковъ, которые будутъ отдаваться правительствомъ, либо частными людьми, для обученія пастушьему ремеслу. Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,610. *а*.

Иностранцу Миллеру выдано заимообразно, безъ процентовъ, на пятнадцать лѣтъ, 20,000 рублей, куплена для него дача помѣщика Альтести, близь Одессы, въ 7,000 десятинъ, и велѣно, кромѣ того, отвести ему 6.000 десятинъ на рѣчкѣ Барабоѣ; съ своей-же стороны, онъ обязался завести, въ продолженіи трехъ лѣтъ, до 30,000 овецъ, имѣть на продажу до тысячи барановъ и приготовить тридцать учениковъ. Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,637 *а*.

(⁶⁷) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,992.

(⁶⁸) Именной указъ Сенату, отъ 27-го августа 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,388).

(⁶⁹) Именной указъ Сенату, отъ 11-го сентября 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,933).

(⁷⁰) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,116.—Отчетъ министра Внутреннихъ дѣлъ за 1804 годъ.

(⁷¹) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,076.

(⁷²) Всѣ обязанныя фабрики были раздѣлены, по количеству пособій ими отъ казны получаемыхъ, на два класса: фабрикамъ 1-го класса, получившимъ отъ казны значительное вспоможеніе, положено платить за цвѣтное сукно, вмѣсто 84 копѣекъ, по 92, а за бѣлое и сѣрое, вмѣсто 72, по 80 копѣекъ за аршинъ; фабрикамъ-же, состоявшимъ во 2-мъ классѣ, платить за цвѣтное по 98, а за бѣлое и сѣрое по 88 копѣекъ. Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. №№ 20,805 и 20,892.

(⁷³) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,826.

(⁷⁴) Именной указъ Медицинской Коллегіи, отъ 9-го апрѣля 1802 года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,226). H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. VIII. 44—45.

(⁷⁵) Высочайше утвержденный докладъ министра Юстиціи, 21-го октября 1802 года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,477).

(⁷⁶) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,561. Въ находящійся въ Петербургѣ 4-й департаментъ Сената назначено поступать дѣламъ изъ губерній: с. петербургской, новгородской, тверской, псковской, смоленской, олонецкой, архангельской, костромской, ярославской, вологодской, вятской, казанской, оренбургской, пермской, тобольской и иркутской, да сверхъ того изъ войсковыхъ канцелярій донской и черноморской. Въ 5-й департаментъ, состоящій въ Москвѣ, изъ губерній: московской, астраханской, кавказской, владимірской, воронежской, калужской, курской, нижегородской, слободско-украинской (харьковской), орловской, пензенской, рязанской, саратовской, симбирской, тамбовской, тульской, екатеринославской, таврической и николаевской (херсонской).

(77) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,605.

(78) Высочайше утвержденный докладъ генералъ-аудитора князя Салагова, 18-го іюля 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,335).

(79) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,075 и Т. XXVII. № 20,244.

(80) Именной указъ Сенату отъ 6-го мая 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 20,256).

(81) Именной указъ Сенату, отъ 23-го февраля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,170).

(82) Именной указъ Сенату, отъ 20-го августа 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,381).

(83) Членами Комитета для составленія Положенія объ устройствѣ Евреевъ были назначены: министръ Юстиціи Державинъ (потомъ Лопухинъ), министръ Внутреннихъ дѣлъ графъ Кочубей, князь Адамъ Чарторыскій и графъ Северинъ Потоцкій.

(84) Именной указъ Сенату, отъ 9-го декабря 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,547).

(85) Именной указъ Сенату, отъ 4-го октября 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,966).

(86) Именной указъ Главному директору почтъ Трощинскому, отъ 12-го сентября 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,936).

(87) Указъ Синоду, отъ 28-го апрѣля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,276).

(88) Собраніе постановленій по части раскола, по вѣдомству святѣйшаго синода. 1858. стран. 27.

(89) Именной указъ бѣлорусскому военному губернатору Михельсону, отъ 4-го іюля 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,837). Именной указъ, объявленный министромъ Внутреннихъ дѣлъ митрополиту Римскихъ церквей въ Россіи Сестренцевичу, отъ 6-го іюля того-же года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,838). — Именной указъ, объявленный государственнымъ канцлеромъ митрополиту Римскихъ церквей въ Россіи, отъ 13-го декабря 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,078).

ИЗВЛЕЧЕНІЯ

ИЗЪ «ЗАСѢДАНІЙ НЕОФИЦІАЛЬНАГО КОМИТЕТА».

Существованіемъ этого замѣчательнаго историческаго памятника мы обязаны любознательности одного изъ членовъ «Комитета» графа Павла Александр. Строганова, который, послѣ каждаго совѣщанія, записывалъ у себя дома все, о чемъ шли пренія въ Комитетѣ. Въ манускриптѣ нѣтъ общаго заглавія; авторъ какъ будтобы предпринялъ эту работу, неимѣя въ виду составить изъ нея что-либо цѣлое. Извлеченія написаны на французскомъ языкѣ; въ началѣ помѣщены слова, относящіяся только къ первому совѣщанію: Resultat d'une conférence avec l'Empereur, le 24 juin, 1801. (Результатъ совѣщанія съ Императоромъ, 24-го іюня, 1801 г.).

Это было первое засѣданіе Комитета, но, какъ видно изъ замѣтокъ на поляхъ рукописей, Императоръ и его приближенные давно уже готовились къ правильному веденію дѣла. Еще 9-го мая того-же года, графъ Строгановъ представилъ Государю записку о началахъ, на которыхъ долженствовали быть основаны предположенныя реформы.

Вотъ, въ какихъ словахъ описываетъ графъ Строгановъ первое засѣданіе:

«Лица, удостоенныя довѣріемъ Его Величества *), по участію, нѣкоторымъ образомъ, въ систематической работѣ надъ реформою безобразнаго зданія государственной администраціи (reforme de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire), испросили соизволеніе Е. В. на утвержденіе той идеи, что прежде всего необходимо имѣть предъ глазами картину настоящаго состоянія Имперіи, во всѣхъ ея частяхъ, чтобы получить возможность судить болѣе сознательно—если смѣю такъ выразиться—о болѣзни и о методѣ леченія, которому должно слѣдовать. Г. Новосильцовъ взялъ на себя эту работу, и какъ подобный трудъ требовалъ много времени, то Государь согласился разсматривать его по частямъ».

---

*) Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, Николай Николаевичъ Новосильцовъ, князь Адамъ Чарторыскій и графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ.

Только послѣ такой предварительной работы опредѣлено было приступить къ тому, чтобы «начать реформу различныхъ частей администраціи *), и наконецъ довершить всѣ эти учрежденія ручательствомъ, какое можетъ представить уложеніе, установленное на основаніи истиннаго народнаго духа».

Такимъ образомъ Комитетъ, раздѣливъ всю свою колоссальную работу на три части, предположилъ: 1) изучить дѣйствительное состояніе государства въ настоящемъ его видѣ; 2) совершить административныя реформы по различнымъ частямъ управленія, и наконецъ 3) увѣнчать всѣ преобразованія составленіемъ уложенія, которое ручалось-бы за прочность реформъ. Въ первое засѣданіе начали съ первой работы и положили, прежде всего, составить планъ ея выполненія. Рѣшено подраздѣлить первоначальный трудъ слѣдующимъ образомъ: 1) вопросъ о защитѣ страны съ суши и съ моря; 2) о политическихъ отношеніяхъ ея къ другимъ государствамъ, и 3) о внутреннемъ состояніи страны, преимущественно въ статистическомъ и административномъ отношеніяхъ. Къ статистикѣ государства были отнесены: торговля, пути сообщенія, земледѣліе и фабричная промышленность, а къ администраціи: сперва—собственно администрація, какъ общая связь (clef de la voute) всѣхъ прочихъ статей; потомъ—юстиція, финансы и законодательство.

По составленіи общаго плана занятій Комитета, въ первое-же засѣданіе коснулись разсмотрѣнія одного изъ отдѣловъ первой части, именно защиты страны съ моря, т. е. флота. Дурное состояніе нашихъ морскихъ силъ наиболѣе приписывали тому, что морское вѣдомство находилось въ рукахъ такого человѣка, какъ Кушелевъ, неимѣвшій, по мнѣнію самаго Государя, никакихъ достоинствъ, кромѣ того, что былъ лично угоденъ Императору Павлу. Е. В. полагалъ, что надлежало уволить его отъ занимаемой имъ должности, соблюдая, при назначеніи ему преемника, чтобы хорошъ былъ выборъ. Кончили тѣмъ, что остановились въ выборѣ на Мордвиновѣ, какъ человѣкѣ, который долго управлялъ прибрежьемъ Чернаго моря, представилъ нѣсколько проектовъ по сему предмету и былъ извѣстенъ своими свѣдѣніями по морской части, но, прежде всего, предположили навести о немъ справки у опытныхъ моряковъ.

«Государь выразилъ нетерпѣніе перейти прямо къ административному отдѣлу и началъ говорить о Сенатѣ». На первый разъ положили поручить графу Завадовскому, чтобы онъ подготовилъ это дѣло, представя настоящую картину Сената; за тѣмъ — предполагали, на основаніи такихъ свѣдѣній, пріискать вѣрнѣйшія средства къ приведенію въ надлежащій порядокъ этого учрежденія. «Императоръ завелъ рѣчь о необходимости назначать въ сенаторы людей, кои были-бы дѣйствительно способны къ выполненію обязанностей, сопряженныхъ съ симъ званіемъ, и присоединилъ къ тому, что затрудненія выбора лицъ на такія мѣста весьма значительны; по мнѣнію Государя, надлежало, чтобы каждый изъ губернаторовъ представлялъ отъ себя двухъ кандидатовъ для со-

*) «Его Величество, по видимому, одобрилъ эти основанія, мною указанныя въ запискѣ представленной Государю 9-го мая». *Замѣтка графа П. А. Строганова.*

ставленія общаго списка лицъ, изъ которыхъ потомъ будутъ избираться сенаторы».

Новосильцовъ, одобривъ эту мысль, указывалъ только на одно неудобство: «положимъ—сказалъ онъ—что всѣ лица, указанныя губернаторами, будутъ честные люди, но можно-ли ручаться, что всѣ они будутъ способны къ такой важной должности». По видимому, Государь былъ пораженъ этимъ замѣчаніемъ. «Совѣщаніе кончилось общимъ выводомъ, что прежде нежели приступить къ выбору лекарствъ, слѣдовало ознакомиться съ свойствами болѣзни».

Слѣдующее засѣданіе, назначенное въ ближайшій понедѣльникъ, 1-го іюля, открылось сужденіемъ объ одномъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые возникли въ первомъ совѣщаніи, но были прерваны, какъ мы видѣли, отклоненіемъ отъ плана занятій. Говорили объ арміи; Новосильцовъ утверждалъ, будтобы въ войскахъ упалъ духъ и исчезло чинопочитаніе. Императоръ возразилъ на первое обвиненіе, сославшись на мужество, выказанное нашими войсками въ Италіи, но призналъ справедливость втораго замѣчанія. Какъ преобразованіе военной части было поручено особому Комитету, то, нераспространяясь объ этомъ предметѣ, положили, для рѣшенія всѣхъ вопросовъ относящихся къ спеціальнымъ родамъ войскъ, составить особыя коммисіи *ad hoc*, изъ экспертовъ. Послѣ того перешли къ обсужденію нашей внѣшней политики, причемъ Государь высказался въ пользу коалиціи противъ Англіи; когда-же предложили посовѣтоваться о томъ съ людьми свѣдущими по дипломатической части и назвали въ числѣ ихъ графа Сем. Мих. Воронцова, Е. В., казалось, не одобрялъ этого выбора, замѣтивъ, что Воронцовъ навѣрно изъявитъ мнѣніе благопріятное для Англіи.

За тѣмъ Новосильцовъ представилъ составленный имъ докладъ: «о способѣ работъ Его Величества съ министрами».

«Этотъ докладъ, пишетъ графъ П. А. Строгановъ, содержалъ въ себѣ нѣкоторыя указанія на недостатки, которые уже были нами замѣчены. Эти недостатки преимущественно заключались въ обычномъ методѣ министровъ подсовывать указы (de surprendre des oukazes), что̀ происходило отъ той поспѣшности, съ которою Е. В. соглашается подписывать ихъ представленія. Какъ это случается всего чаще съ дѣлами судебными, то мы пришли къ заключенію—всѣми признанному—что Государь никогда не долженъ непосредственно вмѣшиваться въ рѣшенія такихъ дѣлъ, подвергающія его неизбѣжнымъ ошибкамъ. Е. В. по видимому, согласился съ этимъ принципомъ, и, сколько можно было судить, затруднялся только относительно способовъ его выполненія, потому что тяжбы, восходившія къ нему по апелляціямъ на рѣшенія въ Сенатѣ, побуждали его невольно вмѣшиваться въ дѣла подобнаго рода».

Все третье засѣданіе, 10-го іюля, было посвящено почти исключительно внѣшней политикѣ.

Новосильцовъ, въ своемъ докладѣ по этому предмету, указалъ въ прошедшей практикѣ на неудобство личныхъ сношеній Государя съ иностранными послами. Поводомъ къ тому были бесѣды съ ними Императора Александра и постоянное пребываніе нѣкоторыхъ лицъ, изъ числа резидентовъ небольшихъ германскихъ государствъ, при Высочайшемъ Дворѣ, въ Павловскѣ. Чтобы придать нашей внѣшней политикѣ

постоянный, непоколебимый происками иностранных агентов, ходъ, Государь поручилъ графу Кочубею составить проектъ новаго порядка дѣлъ по внѣшнимъ сношеніямъ. Кочубей, желая положить въ основаніе записки о семъ предметѣ собственныя мысли Государя, просилъ Е. В. высказать свое мнѣніе о нашей иностранной политикѣ. Государь въ нѣсколькихъ словахъ сдѣлалъ очеркъ нашихъ настоящихъ сношеній съ Даніей и Швеціей и коснулся послѣднихъ условій, заключенныхъ съ англійскимъ правительствомъ. Когда дѣло дошло до Франціи, князь Чарторыскій сказалъ, что «лучшая политика съ Французами состоитъ въ томъ, чтобы, внушивъ въ нихъ довѣріе прямотою собственныхъ дѣйствій, дать имъ почувствовать, что мы вовсе непрочь противодѣйствовать силою оружія ихъ властолюбивымъ замысламъ». Всѣ единогласно высказались въ пользу мнѣнія Чарторыскаго и самъ Государь, одобривъ его, замѣтилъ, что «мы не имѣемъ надобности въ союзахъ съ иностранными государствами». Графъ Кочубей, въ такомъ-же смыслѣ, полагалъ, что слѣдовало «поступать такъ, чтобы всѣ дорожили нашею дружбою, но не связывать себя никакими обязательствами, подобно тому, какъ сдѣлала покойная Императрица, заключивъ въ одно и тоже время союзные трактаты съ Вѣнскимъ и Берлинскимъ Дворами, коихъ интересы противоположны между собою. По мнѣнію графа Кочубея, съ Англичанами слѣдовало заключить только торговый трактатъ, но Государь нашелъ, что и въ этомъ не было особенной надобности. Наконецъ положили:

«Быть искренними въ иностранной политикѣ, но не связывать себя никакими договорами; стараться обуздать Францію, не принимая крайнихъ мѣръ, и быть въ согласіи съ Англіей, потому что Англичане — наши естественные друзья».

Говоря о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Англіей, Государь сказалъ, что «предполагавшаяся экспедиція казаковъ въ Индію *) имѣла въ настоящее время послѣдствіемъ прерваніе торговли со всѣми народами, живущими въ сосѣдствѣ Оренбургскаго края; хотя можно было опасаться того-же и въ отношеніи торговли на Балтійскомъ морѣ, однако-же послѣдовало иное, судя по отчету о таможенныхъ доходахъ, представленному директоромъ департамента Коммерціи, княземъ Гагаринымъ» **). На это сотрудники Его Величества замѣтили, что выводъ Гагарина весьма неоснователенъ, потому что о состояніи торговли нельзя судить по одному лишь ввозу товаровъ. Подобный докладъ, по мнѣнію членовъ Комитета, обнаруживалъ недобросовѣстность министра, выказывающаго порученную ему часть въ превратномъ видѣ.

Въ концѣ засѣданія предложено было выслушать замѣчанія на проектъ Высочайшаго манифеста, по случаю предстоявшей коронаціи, со-

---

*) Императоръ Павелъ, задумавъ нанести ударъ владычеству Англичанъ въ Индіи, въ генварѣ 1801 года, повелѣлъ атаману Донскаго войска, генералу отъ кавалеріи Орлову-Денисову, собрать казаковъ съ артиллеріей и выступить къ Оренбургу, откуда двинуться, чрезъ Хиву и Бухару, къ Инду и Гангу. Генер. Милютинъ. Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799 году. 1-е Изд. V. 285.

**) Князь Гавріилъ Петров. Гагаринъ.

ставленнаго, по повелѣнію Государя, Александромъ Воронцовымъ, но за позднимъ временемъ это дѣло было отложено до понедѣльника, 15-го іюля.

Въ засѣданіи 15-го іюля, дѣйствительно было приступлено къ обсужденію манифеста. Хотя онъ въ сущности былъ повтореніемъ Грамоты дворянства, отъ 1782-го года, однакоже возбудилъ продолжительныя пренія. По поводу исключенія неслужащихъ дворянъ изъ дворянскихъ собраній, Новосильцовъ предложилъ замѣнить это постановленіе другимъ, на основаніи коего не имѣли-бы права присутствовать въ собраніяхъ дворяне безграмотные и неимѣющіе понятія о своихъ правахъ и обязанностяхъ, а равно тѣ, кои сдѣлались недостойны такой чести жестокимъ обращеніемъ съ своими крестьянами. Напротивъ того, Государь хотѣлъ положить рѣзкое различіе между приносящими пользу странѣ своею службою и проводящими жизнь въ праздности; онъ полагалъ, что особенными преимуществами должны были пользоваться только тѣ, кои пріобрѣли на то право личными заслугами, а не цѣлое сословіе, и прибавилъ къ тому, что «онъ возстановилъ Дворянскую грамату противъ собственной своей воли, и что исключительность дарованныхъ ею правъ всегда была ему противна».

Ему отвѣчали, что «служба давала чины, которыхъ неимѣли неслужившіе дворяне; что-же касается до исключительныхъ преимуществъ, то ничто не мѣшало современемъ распространить ихъ на прочія сословія». Государь, казалось, былъ доволенъ этимъ замѣчаніемъ.

По поводу неблаговоленія Его Величества къ проекту Воронцова и къ самому составителю проекта, князь Чарторыскій, въ концѣ засѣданія, сказалъ:

«Желательно было-бы, чтобы Государь почаще видался и бесѣдовалъ съ Воронцовымъ; хотя онъ старъ, однакоже идеи его молоды и онъ не держится старинныхъ предразсудковъ. Е. В. возразилъ, что онъ съ нимъ видится, но что хотя Воронцовъ кажется свободнымъ отъ предразсудковъ, однако упорно держится своихъ идей. Словомъ сказать, Государь далъ почувствовать, что онъ не раздѣлялъ мнѣнія своихъ сотрудниковъ о графѣ Воронцовѣ. Чарторыскій не соглашался съ Императоромъ и замѣтилъ, какъ опасно оскорблять такого человѣка, какъ Воронцовъ». Продолженіе разбора представленнаго имъ проекта было назначено на 23-е іюля.

«Сегодня, во вторникъ, 23-го іюля 1801 года — пишетъ графъ Строгановъ — послѣ обѣда у Императора, мы взошли въ его кабинетъ. По порядку дѣлъ, приступлено было къ обсужденію замѣчаній Новосильцова на проектъ графа Воронцова».

«По прочтеніи ихъ, преніе перешло на тѣ статьи проекта, которыя относились къ предоставленію крестьянамъ права пріобрѣтать общинныя земли (de pouvoir faire l'acquisition de communes). Государь полагалъ, что въ настоящемъ положеніи дѣлъ помѣщики всегда имѣли возможность присвоить земли купленныя ихъ крестьянами. Ему отвѣчали, что это былъ только первый шагъ, не могшій повлечь за собою никакихъ неудобствъ, потому что и прежде крестьяне пріобрѣтали недвижимую собственность на чужое имя, и чрезъ то подвергались потерѣ ея (on fesait des pareilles acquisitions avec des prête-noms qui souvent en

alibaicet). Отъ этого вопроса перешли къ другому предложенію Воронцова, именно—уничтожить *шлагбаумы* (въ подлинникѣ это слово написано по русски) и паспортныя формальности, которыя, по замѣчанію членовъ Комитета, затрудняя честныхъ людей въ ихъ полезной дѣятельности, нисколько нестѣсняли преступниковъ. По этому предмету возникъ довольно жаркій споръ, который не привелъ ни къ какимъ результатамъ, и потому члены Комитета, замѣтивъ утомленіе Государя, перешли къ другому вопросу. Предметомъ его были статьи проекта графа Воронцова, относившіяся къ судебному порядку и заимствованныя изъ *Habeas corpus* *). Новосильцовъ замѣтилъ, что прежде утвержденія такого права, надлежало подумать, не будетъ-ли правительство иногда вынуждено его нарушать, и въ такомъ случаѣ лучше не давать его. Е. В. сказалъ, что онъ уже сдѣлалъ это замѣчаніе графу Воронцову».

Какъ этимъ предложеніемъ, ввести въ наше законодательство Habeas corpus, заключался проектъ Воронцова, то члены Комитета обратились къ Государю съ просьбою сообщить всѣ ихъ замѣчанія, какъ свои собственныя, графу Воронцову, и предложить ему посовѣтоваться съ Новосильцовымъ и Кочубеемъ, чтобы, вмѣстѣ съ ними, составить новый проектъ, на основаніи замѣчаній Комитета.

Въ концѣ засѣданія, графъ Кочубей заговорилъ о невыгодѣ назначать военныхъ губернаторовъ, съ подчиненіемъ имъ гражданской части, о которой они иногда не имѣютъ понятія, и выразилъ мысль, что было-бы полезно возстановить прежнихъ генералъ-губернаторовъ. Это предложеніе встрѣтило такое сильное противорѣчіе со стороны самаго Императора, что дѣло было оставлено. Государь прервалъ разговоръ, показавъ своимъ сотрудникамъ проектъ князя Зубова, на счетъ крестьянскаго сословія, заключавшій въ себѣ отвлеченныя идеи, безъ примѣненія къ дѣйствительному положенію страны, и потому члены Комитета, не сдѣлавъ никакихъ замѣчаній, предпочли изложить письменно свое мнѣніе по сему предмету. Какъ они давно уже отступили отъ своей первоначальной программы, то рѣшено было, съ слѣдующаго-же засѣданія, возвратиться къ принятому порядку преній.

На этомъ засѣданіи дѣло нисколько неподвинулось впередъ. Въ понедѣльникъ, 29-го іюля, послѣ обѣда у Государя, сошлись, какъ обыкновенно, въ его кабинетѣ, всѣ члены Комитета. Оказалось, что Новосильцовъ еще не успѣлъ исполнить порученія на него возложеннаго въ первомъ совѣщаніи; графъ Кочубей также ничего не приготовилъ, и потому перешли къ текущимъ дѣламъ. Кочубей разсказалъ, какъ неудачна была попытка его—склонить Кушелева къ добровольному выходу въ отставку. Кушелевъ не хотѣлъ понимать намековъ графа Ко-

*) Такъ называется узаконенное въ Англіи, въ 1680-мъ году, при Королѣ Карлѣ II-мъ, право каждаго гражданина требовать своего освобожденія отъ ареста, который онъ считаетъ несправедливымъ, подавъ просьбу о томъ лорду-канцлеру, либо, за отсутствіемъ его, одному изъ лордовъ королевскаго суда. — Это право составляетъ до сихъ поръ краеугольный камень личной свободы въ Англіи. Названіе его происходитъ отъ двухъ начальныхъ словъ латинскаго текста, на которомъ была написана форма ордера (writ) объ освобожденіи напрасно подвергшагося аресту. *Замѣч. авт.*

чубея, а Кочубей не смѣлъ говорить прямо отъ имени Государя. Начался споръ, какимъ образомъ выжить Кушелева; Императоръ не рѣшался на то, чтобы не выказать въ своихъ дѣйствіяхъ произвола, (pour ne pas passer pour arbitraire), но наконецъ поручилъ Кочубею переговорить съ Кушелевымъ отъ его имени.

За тѣмъ шло дѣло о предстоявшей коронаціи Государя въ Москвѣ. Е. В. изъявилъ желаніе, чтобы торжества по сему случаю были непродолжительны, что было одобрено его сотрудниками. Полагали ограничить время пребыванія въ Москвѣ шестью недѣлями, потому что, находясь въ Москвѣ и обращая тамъ на себя всѣ взоры, Императоръ былъ принужденъ удѣлять много времени на безполезныя и тягостныя для него представленія и церемоніи. Государь, по этому случаю, шутя, сказалъ: «quand on fait voir un fantôme, il ne faut pas le montrer trop longtemps, car il pourrait venir à crever». Потомъ, говоря о наградахъ, которыя былъ намѣренъ раздать, онъ прибавилъ, что никому не дастъ крестьянъ, и что въ этомъ отношеніи онъ не отступитъ отъ принятаго имъ намѣренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь пожелалъ, чтобы представленія о наградахъ были сдѣланы заблаговременно, чтобы собрать нужныя свѣдѣнія—дѣйствительно-ли представляемыя лица того достойны.

Только въ концѣ засѣданія зашла рѣчь о проектѣ Зубова. Новосильцовъ неуспѣлъ прочесть его и замѣтилъ лишь то, что предложенный княземъ Зубовымъ выкупъ дворовыхъ людей потребовалъ-бы огромныхъ суммъ. Но Императоръ приказалъ сдѣлать подробный разсчетъ нужной для этого суммы и сказалъ, что проектъ Зубова заслуживаетъ быть разсмотрѣннымъ по статьямъ въ Комитетѣ.

Хотя въ послѣдующихъ засѣданіяхъ, до самаго конца 1801 года, члены Комитета постоянно продолжали уклоняться отъ начертаннаго ими-же плана работъ, однако вниманіе ихъ преимущественно было обращено на преобразованіе Сената и на крестьянскій вопросъ, и только-лишь въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій шло дѣло о народномъ образованіи.

Первое совѣщаніе въ августѣ изложено графомъ П. А. Строгановымъ въ слѣдующемъ видѣ:

«Сегодня, въ понедѣльникъ, 5-го августа, мы собрались, какъ обыкновенно, у Его Величества. Нѣкоторыя нетерпѣвшія отлагательства дѣла, порученныя намъ Императоромъ, не дозволили Комитету продолжать своихъ занятій на основаніи первоначальнаго плана, и по тому они были снова отсрочены.

«Дѣла, о которыхъ мы должны были разсуждать въ нынѣшнее засѣданіе, заключались въ докладѣ Сената, относительно возстановленія его правъ, и въ меморіи графа Николая Румянцова, по поводу наслѣдства доставшагося вдовѣ оберъ-шенка (la Grande Echanson) *).

---

*) 1801 года апрѣля 13-го, въ Государственномъ Совѣтѣ, обсуждалось тяжебное дѣло гофмейстерины Анны Никитишны Нарышкиной съ оберъ-гофмаршаломъ Александромъ и гофмейстеромъ Дмитріемъ Нарышкиными, племянниками покойнаго мужа ея, оберъ-шенка Александра Нарышкина, о правахъ на его родовое имѣніе, котораго половину онъ завѣщалъ женѣ своей. Императрица Екатерина подтвердила распоряженіе завѣщателя, а Импера-

«По первому дѣлу, Новосильцовъ, въ докладѣ Его Величеству, изложилъ сперва начала, служившія руководствомъ Комитету, а потомъ, выбравъ изъ отдѣльныхъ мнѣній сенаторовъ то, что было въ нихъ лучшаго, предложилъ Государю слить все это вмѣстѣ, чтобы составить общее законоположеніе (un corps d'ordonnance). Главнымъ основаніемъ началъ изложенныхъ Новосильцовымъ было то, что неслѣдовало считать Сенатъ законодательнымъ учрежденіемъ, что, при самомъ основаніи его, Петръ I предоставлялъ ему власть не иначе какъ для пользованія ею подъ своимъ председательствомъ, т. е. подъ своимъ руководствомъ, потому что самодержавный президентъ можетъ имѣть съ подчиненными ему членами только сношенія владѣльца съ управляющими. Подобная организація не позволяетъ и думать о врученіи столь важной власти собранію, которое, по самому составу своему, не можетъ пользоваться довѣріемъ народа, и которое, состоя исключительно изъ лицъ, назначенныхъ верховною властью, не допускало-бы участвовать обществу въ составленіи законовъ, выходящихъ изъ рукъ этого собранія. Съ другой стороны, Императоръ, давъ Сенату значительныя права, кромѣ вышеуказаннаго неудобства, связалъ-бы себѣ руки такъ, что не могъ-бы выполнить всего задуманнаго имъ на общую пользу, и встрѣтилъ-бы въ невѣжествѣ этихъ людей помѣху, которая имѣла-бы опасныя послѣдствія въ случаѣ борьбы между верховною властью и правительственными учрежденіями. Все это привело Новосильцова къ выводу, что слѣдуетъ ограничить Сенатъ судебною властью, но въ широкомъ размѣрѣ, съ полною независимостью отъ опеки генералъ-прокурора и оберъ-прокуроровъ. Предоставя такимъ образомъ свободный ходъ правосудію и учредивъ верховную палату суда, правительство обезпечиваетъ гражданамъ величайшее благо, котораго цѣну они познаютъ непосредственно, и тѣмъ внушаетъ къ себѣ довѣріе общее. Въ заключеніи донесенія было сказано, что въ *Докладѣ* и присоединенныхъ къ нему мнѣніяхъ сенаторовъ не заключалось ничего могущаго нарушить эти основанія, и что Е. В. могъ утвердить *Докладъ*, пополнивъ его сообразно съ мнѣніями графа Воронцова и Державина.

«По прочтеніи этого донесенія, Е. В. спросилъ: не лучшели отложить рѣшеніе этого дѣла, пока Державинъ представитъ обѣщанное имъ объясненіе относительно организаціи Сената? Мы думали иначе — пишетъ графъ Строгановъ. — Послѣ мнѣнія Державина, представленнаго письменно въ Сенатъ имъ самимъ, гдѣ онъ предлагаетъ весьма ошибочное раздѣленіе властей, нельзя ничего ожидать отъ его работы, и даже въ слѣдствіе его ложныхъ идей Новосильцовъ былъ принужденъ распространиться объ истинныхъ началахъ раздѣла властей, которыя Державинъ думалъ соединить въ Сенатѣ. Впрочемъ, какъ начертаніе

торъ Павелъ повелѣлъ оставить за нею только часть слѣдовавшую по законамъ. Государственный Совѣтъ, принявъ во вниманіе, какъ волю завѣщателя, такъ и болѣе нежели десятилѣтнюю давность владѣнія имѣніемъ Нарышкиной рѣшилъ: оставить за нею завѣщанную ей половину до смерти, а потомъ принадлежащее по законамъ племянникамъ, обратить въ ихъ родъ, на что, какъ въ дѣлѣ родственномъ, склонить къ соглашенію обѣ стороны.

Прим. автора.

указа на основаніи *Доклада* требовало нѣкотораго времени, то предложили Императору, чтобы Трощинскій занялся этимъ дѣломъ, а между тѣмъ могла явиться и работа Державина.

«Государь, казалось, одобрялъ эту идею, но не высказался рѣшительно и, предложивъ намъ прослушать меморію, представленную ему на ту-же тему графомъ Воронцовымъ, сталъ читать ее самъ. Въ этой меморіи, графъ говорилъ о предѣлахъ, которые необходимо положить произволу властей, но говорилъ неудовлетворительно, и Императоръ остался недоволенъ его трудомъ, находя, что предложенныя имъ средства были изложены неточно и не съ достаточною ясностью. Къ тому-же онъ впалъ въ общій недостатокъ, котораго слѣдовало тщательно избѣгать, именно онъ облекалъ всею властью Сенатъ, упустивъ изъ вида, что этому собранію надлежитъ предоставить судебную часть, и ничего болѣе. Какъ меморія Воронцова не измѣнила нисколько нашихъ понятій, то мы перешли къ другимъ дѣламъ. Е. В. не могъ однакоже не высказать съ нѣкоторою грустью мысли, что все это не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной имъ цѣли — обуздать произволъ нашего управленія. Ему дали почувствовать, что если онъ устроитъ хотя одну лишь судебную часть, то и это будетъ хорошо и что онъ напрасно отчаявается такъ скоро.»

За тѣмъ разсмотрѣнныя дѣла, совершенно частнаго характера, являютъ сильное стремленіе Государя — учредить строгій порядокъ въ государственномъ управленіи и устранить вредъ, происходящій отъ произвола. Новосильцовъ читалъ докладъ графа Румянцова по дѣлу о наслѣдствѣ вдовы оберъ-шенка Нарышкиной. Главнымъ изъ доводовъ ея просьбы на Высочайшее Имя, о рѣшеніи этого дѣла не на основаніи законовъ, было то, что Императоръ уже рѣшилъ въ такомъ смыслѣ подобное завѣщаніе генерала Талызина. Графъ Кочубей и князь Чарторыскій подали мнѣнія въ пользу предложенія Румянцова. «Но Государь — пишетъ графъ П. А. Строгановъ — остался твердо при своемъ мнѣніи, что между двумя рѣшеніями верховной власти, однимъ — въ противность закону, и другимъ — въ силу закона, должно руководиться послѣднимъ. Онъ сказалъ, что, при утвержденіи завѣщанія Талызина, его обманули (la confirmation du testament de Talyzin était une surprise qu'on lui avait faite), и что это его весьма огорчило.»

Потомъ зашла рѣчь о какой-то гдовской помѣщицѣ, которая своими притѣсненіями довела крестьянъ до крайности и обратилась къ военной силѣ для ихъ усмиренія. Императоръ, по разсмотрѣніи этого дѣла въ нижней инстанціи, хотѣлъ преслѣдовать виновную, какъ преступницу, но члены Комитета замѣтили ему, что, по всей вѣроятности, онъ не имѣлъ намѣренія наказать ее по всей строгости законовъ, основываясь единственно на слѣдствіи произведенномъ уѣзднымъ исправникомъ, а хотѣлъ только обратить вниманіе присутственныхъ мѣстъ на поступки, подобные тому, который сдѣлала эта женщина. По мнѣнію сотрудниковъ Государя, внезапное ограниченіе помѣщичьей власти могло подать поводъ къ неповиновенію крестьянъ и къ большимъ безпорядкамъ. «Е. В. по видимому почувствовалъ силу такихъ доводовъ».

Въ концѣ совѣщанія, члены Комитета просили Государя дѣйствовать рѣшительно съ Кушелевымъ, все еще не подавшимъ въ отставку.

Императоръ обѣщалъ послать своего флигель-адъютанта князя Петра Долгорукова спросить у Кушелева — скоро-ли онъ представитъ просьбу объ отставкѣ?

Слѣдующее засѣданіе, 13-го августа, не представляло никакого интереса въ отношеніи къ главной задачѣ Комитета, потому что, за болѣзнью Новосильцова, не было ничего подготовлено. Все это засѣданіе прошло въ преніяхъ по вопросу о присоединеніи Грузіи, которая еще при Императорѣ Павлѣ изъявила желаніе поступить подъ покровительство Россіи. Это дѣло было сперва разсмотрѣно въ Совѣтѣ, а потомъ передано на обсужденіе Воронцову и Кочубею.

Наканунѣ засѣданія Комитета, Государь, получивъ отъ графа Валеріана Зубова записку по сему-же предмету, послалъ ее Новосильцову, для разсмотрѣнія вмѣстѣ съ Строгановымъ. Графъ Зубовъ старался доказать необходимость присоединенія Грузіи, во 1-хъ, тѣмъ, что, отказавшись отъ занятія сей страны, мы подвергнули-бы опасности наши собственныя владѣнія, и во 2-хъ, единогласнымъ желаніемъ жителей страны поступить подъ защиту Россіи, непозволявшимъ нашему правительству оставаться равнодушнымъ къ бѣдствіямъ, постоянно грозившимъ Грузіи со стороны Турокъ и Персіянъ.

При обсужденіи этого дѣла въ Совѣтѣ, большинство членовъ его было въ пользу присоединенія Грузіи, какъ для охраненія ея жителей отъ непріятельскаго вторженія и отъ притѣсненій ихъ настоящихъ властителей, такъ и во вниманіе къ тѣмъ выгодамъ, кои могла получить Россія отъ обладанія столь богатымъ краемъ. (Совѣтъ полагалъ, что доходы Грузіи простирались отъ 8-ми до 10-ти милліоновъ рублей). Сотрудники Государя были противнаго мнѣнія; самъ-же Императоръ, все еще оставаясь въ нерѣшимости по сему предмету, сталъ склоняться на сторону Совѣта.

Послѣдующія засѣданія въ августѣ (безъ означенія числа) были посвящены преимущественно внѣшней политикѣ. Графъ Кочубей читалъ составленную имъ записку о сношеніяхъ съ иностранными державами. Государь вполнѣ согласился съ нимъ, что намъ не нужно заключать никакихъ трактатовъ, кромѣ коммерческихъ, да и въ тѣхъ, по его мнѣнію, не было особенной надобности. Далѣе, въ запискѣ Кочубея, была начертана картина нашихъ отношеній къ сосѣдственнымъ государствамъ. По его мнѣнію: «Турки и Шведы были нашими природными непріятелями, но по своей слабости не могли намъ быть опасны, и потому надлежало, оставляя ихъ въ нынѣшнемъ положеніи, наблюдать только, чтобы, въ случаѣ раздѣла Турціи, Молдавія и Валахія не достались Австріи, а составили отдѣльное государство».

«Австрія и Пруссія, постоянно враждебныя между собою, будутъ искать союза съ нами, для достиженія своихъ видовъ, и намъ остается, соблюдая нейтралитетъ, отклоняться отъ него въ пользу одной изъ сихъ державъ только лишь тогда, когда того потребуютъ наши собственныя выгоды».

Наконецъ, въ отношеніи къ Германіи, графъ полагалъ, сохраняя вліяніе на сію страну, не заботиться о тѣхъ измѣненіяхъ во внутреннемъ ея устройствѣ, которыя могутъ случиться въ послѣдствіи.

Слѣдующее засѣданіе, 26-го августа, прошло въ чтеніи списка на-

градъ, по случаю коронаціи, что подало поводъ къ большимъ преніямъ: Государь не раздѣлялъ мнѣнія своихъ сотрудниковъ о графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ и неохотно рѣшался произвести его въ 1-й классъ; тогда-же изъявилъ онъ свое неудовольствіе на управлявшаго департаментомъ иностранныхъ дѣлъ графа Панина, который, по словамъ Государя, затруднялъ его занятія своимъ упрямствомъ.

Въ сентябрѣ, во время пребыванія Государя въ Москвѣ, было всего одно засѣданіе, въ квартирѣ графа П. А. Строганова, и въ немъ участвовали, кромѣ самаго Императора, только Новосильцовъ и Строгановъ. Вся первая часть совѣщанія прошла въ обсужденіи наградъ по случаю коронаціи. Государь изъявилъ намѣреніе выразить свою признательность графу Никол. Иван. Салтыкову и прочимъ лицамъ участвовавшимъ въ его воспитаніи; за тѣмъ, когда зашла рѣчь о производствѣ въ 1-й классъ Воронцова, онъ затруднялся сдѣлать для него слишкомъ много, либо слишкомъ мало, и сказалъ, что посовѣтуется о томъ съ Трощинскимъ. Императоръ спросилъ, что слѣдовало дать Кочубею. Ему отвѣчали, что можно было пожаловать ему домъ тысячъ въ шестьдесятъ рублей; но это показалось ему слишкомъ много.

За тѣмъ обратились къ дѣлу о преобразованіи Сената. Когда зашла рѣчь о запискахъ представленныхъ Державинымъ и Зубовымъ, Императоръ высказался въ пользу идей послѣдняго. Новосильцовъ и Строгановъ сослались на Лагарпа, котораго мнѣніе по сему предмету согласовалось съ ихъ собственнымъ убѣжденіемъ. Императоръ, говоря о Лагарпѣ, сказалъ: «онъ не хочетъ, чтобы я отказался отъ власти». Сотрудники Государя также полагали, что только такимъ образомъ онъ могъ достигнуть благой цѣли, и что предоставленіе Сенату *законодательной власти* клонилось къ затрудненію правительства. «Императоръ согласился съ этимъ мнѣніемъ, но стоялъ твердо за врученіе Сенату *исполнительной власти*. Ему замѣтили, что не слѣдуетъ себѣ связывать руки, и что лучше предоставить какую либо часть администраціи одному человѣку, съ возложеніемъ на него извѣстной доли отвѣтственности, нежели отдать ее въ руки многихъ лицъ. Казалось— пишетъ гр. Строгановъ — не слѣдовало Государю слишкомъ распространять эти права, чтобы не стѣснять самаго себя, и сохранивъ власть, устроить эту вѣтвь управленія по собственному усмотрѣнію.

«На всѣ эти замѣчанія Е. В. отвѣчалъ, что характеръ власти, которую предполагалось предоставить Сенату, состоялъ въ томъ, что онъ могъ получать свѣдѣнія о всемъ происходящемъ и слѣдить за администраціей, а не имѣть на нее вліяніе. Хотя такая идея была весьма сомнительна, тѣмъ не менѣе, вступивъ въ преніе съ Императоромъ, слѣдовало опасаться, чтобы онъ не заупрямился (il était à craindre qu'il ne s'entêta), и потому сочли благоразумнымъ отложить до другаго времени попытку возраженія на его идею.

«Относительно *охранительной власти*, произошла таже исторія. Государь такъ настаивалъ на своемъ, что пришлось на сей разъ отложить и по этому дѣлу возраженіе до другаго времени. Онъ привелъ въ опроверженіе нашихъ доводовъ нѣсколько плохихъ основаній, ссылаясь на медленность хода дѣлъ при совѣщаніяхъ съ подобнымъ Совѣтомъ. Мы замѣтили ему, что такая охранительная власть будетъ

призрачна, что истинная охрана заключается въ организаціи политическаго строя и въ общественномъ мнѣніи; онъ отвѣчалъ, что все это справедливо, но что предполагаемая имъ мѣра была сближеніемъ къ цѣли. Все это, какъ я уже замѣтилъ выше, говоритъ Строгановъ, не имѣло вѣрнаго основанія, но указанныя мною причины не дозволили намъ оспаривать такія идеи.

«Наконецъ Е. В. заключилъ совѣщаніе, возложивъ на насъ составленіе проекта, въ которомъ были-бы выражены всѣ помянутыя соображенія».

Въ октябрѣ Комитетъ не собирался. Засѣданія 4-го, 11-го и 18-го ноября, всѣ три были посвящены крестьянскому вопросу, и гр. П. А. Строгановъ записалъ довольно подробно ходъ преній по этому предмету.

«Сегодня (4-го ноября) — пишетъ онъ — мы возобновили наши конференціи послѣ продолжительнаго перерыва. Е. В. часто выражалъ намъ желаніе снова приступить къ нашимъ работамъ, и потому, собравшись къ нему; мы послѣ обѣда перешли въ его кабинетъ. Вотъ, каковъ былъ ходъ нашего совѣщанія.

«Въ послѣднее время, многія лица, и въ особенности Гг. Лагарпъ и Мордвиновъ, преимущественно-же послѣдній, говорили Императору о необходимости сдѣлать что-нибудь въ пользу крестьянъ, которые были доведены до самаго плачевнаго положенія, не имѣя никакого гражданскаго существованія. Это могло быть исправлено не иначе, какъ постепенно, незамѣтно, и первымъ шагомъ къ тому, по мнѣнію Мордвинова, могло быть позволеніе тѣмъ изъ нихъ, которые не были крѣпостными, покупать земли.

«Императоръ былъ согласенъ съ нимъ, но желалъ, чтобы эти люди имѣли право покупать не только земли, но вмѣстѣ съ землями и крестьянъ, и чтобы крестьяне, которыми будутъ владѣть не дворяне, подчинялись постановленіямъ болѣе умѣреннымъ и не были рабами (esclaves) своихъ владѣльцевъ, какъ принадлежащіе дворянамъ, что будетъ первымъ шагомъ къ ихъ благоденствію. Такимъ образомъ Государь шелъ далѣе Мордвинова, дозволяя мѣщанамъ покупать крестьянъ. На это мы сдѣлали слѣдующія замѣчанія.

«Прежде всего намъ казалось, что будетъ слишкомъ много — позволить разночинцамъ вдругъ пріобрѣтать и земли, и крестьянъ: съ другой стороны, крестьяне, купленные мѣщанами, съ меньшею властью надъ ними покупателей, представятъ имъ и менѣе выгодъ, и потому такія продажи будутъ рѣдки, тѣмъ болѣе, что помѣщики никогда не захотятъ продавать своихъ крестьянъ по пониженной цѣнѣ, имѣя возможность продать ихъ выгоднѣе полноправнымъ лицамъ (дворянамъ), слѣдовательно — такая мѣра не осуществится въ практикѣ. Напротивъ того, множество людей, сдѣлавшись собственниками ненаселенныхъ имѣній, увеличитъ цѣну земли, и направитъ свою дѣятельность такимъ образомъ, чтобы извлекать выгоды изъ своихъ имѣній независимо отъ крѣпостныхъ людей, что послужитъ въ пользу промышленности.

«По видимому Е. В. сочувствовалъ этимъ соображеніямъ. За тѣмъ зашла рѣчь о личной продажѣ крѣпостныхъ людей и о необходимости отмѣнить такой варварскій обычай. Императоръ снова обратился къ проекту Зубова по сему предмету и прочелъ его въ цѣлости.

«Въ этомъ проектѣ, Зубовъ говоритъ *о дворовыхъ* особо отъ крестьянъ: предлагая запретить продажу людей безъ земли, онъ считаетъ полезнымъ записать дворовыхъ въ цѣхи (les corps de metiers), и потомъ, если собственники пожелаютъ продавать ихъ, то выкупать ихъ на счетъ казны, опредѣливъ цѣну выкупа, а при раздѣлѣ наслѣдства не раздѣлять членовъ одной и той-же семьи. Казалось — для выкупа онъ указалъ не слишкомъ достаточныя средства; на такой предметъ потребовались-бы отъ казны огромные расходы. Записка дворовыхъ въ цѣхи также показалась намъ неудобною и несообразною съ духомъ народа, который вслѣдствіе того получилъ бы весьма ложныя понятія о повиновеніи дворовыхъ людей господамъ ихъ; могли подумать, что первые ничѣмъ не обязаны въ отношеніи къ послѣднимъ, и это повлекло-бы за собою съ одной стороны опасныя крайности, а съ другой — слишкомъ большое неудовольствіе для перваго шага къ освобожденію крѣпостныхъ людей. Тѣмъ не менѣе Е. В. принялъ начала запрещенія личной продажи (la vente individuelle) и дозволенія мѣщанамъ и казеннымъ крестьянамъ покупать недвижимую собственность. Вообще-же онъ приказалъ гр. Кочубею составить проектъ указа по симъ двумъ предметамъ, на основаніи идей Зубова, исключивъ только то, что̀ было признано неудобнымъ».

Въ слѣдующее засѣданіе, 11-го ноября, надлежало выслушать помянутый проектъ, но различныя обстоятельства не позволили членамъ Комитета явиться въ обычное время, а графъ Кочубей, заключивъ изъ того, что совѣщаніе было отложено, уѣхалъ, но когда собрались прочіе члены, Государь приказалъ Новосильцову прочесть свои замѣчанія по этому предмету. По его мнѣнію, надлежало, въ началѣ проекта, указать, что причиною такихъ мѣръ было желаніе развить народное богатство. Допуская, подобно Зубову, выкупъ дворовыхъ, онъ, для облегченія казны въ уплатѣ денегъ, предложилъ, чтобы департаментъ финансовъ производилъ ее, въ теченіи шести мѣсяцевъ, рекрутскими квитанціями, либо наличными деньгами. Но даже и въ такомъ случаѣ, если-бы не стало дѣло за деньгами, надлежало рѣшить вопросъ: что̀ дѣлать съ выкупленными дворовыми людьми? Оставаясь праздными, не сдѣлаются ли они бродягами? На предложеніе выселить ихъ отвѣчали: такое переселеніе требуетъ большихъ средствъ, а всѣмъ извѣстно, что у насъ переселенія совершаются весьма дурно, по причинѣ плохихъ чиновниковъ, которымъ вынуждены мы повѣрять такія предпріятія, имѣющія большею частью самыя неудовлетворительныя послѣдствія. Переселять дворовыхъ — значило-бы обречь этихъ несчастныхъ вѣрной гибели.

Е. В. желалъ знать мнѣніе своихъ сотрудниковъ — не лучше-ли исполнить предлагаемыя мѣры отдѣльно одну отъ другой, т. е. удовольствоваться на первый разъ предоставленіемъ разночинцамъ права покупки земель. Ему отвѣчали, что какъ каждая изъ этихъ мѣръ могла возбудить неудовольствіе, то лучше покончить дѣло вдругъ. Но Государь остался при своемъ мнѣніи и выразилъ желаніе, чтобы Новосильцовъ посовѣтовался съ Гг. Лагарпомъ и Мордвиновымъ и далъ въ первое засѣданіе отчетъ, какъ они думаютъ: объявить ли о помянутыхъ двухъ мѣрахъ вмѣстѣ, или отдѣльно?

Въ слѣдующее засѣданіе, ноября 18-го, Новосильцовъ читалъ свой докладъ о совѣщаніи съ Лагарпомъ и Мордвиновымъ: оба они нашли необходимымъ привести въ исполненіе отдѣльно предположенныя мѣры, отложивъ на время выкупъ крѣпостныхъ людей, во избѣжаніе неудовольствій и опасеній дворянства и возбужденія слишкомъ большихъ надеждъ въ крестьянахъ. Графъ Мордвиновъ весьма одобрялъ свободную покупку земли, и даже думалъ, что она поведетъ къ личному выкупу. Новосильцовъ соглашался съ ихъ мнѣніемъ, полагая, что «выкупъ дворовыхъ людей могъ поселить въ помѣщичьемъ сословіи опасеніе немедленнаго освобожденія крестьянъ». По словамъ его «уже и безъ того ходили слухи, тѣмъ болѣе опасные, что общественное мнѣніе считало Государя слишкомъ склоннымъ къ освобожденію» (d'être trop porté pour la liberté). Императоръ согласился отсрочить личный выкупъ, но «гр. Кочубей, кн. Чарторыскій и я—пишетъ гр. Строгановъ—мы были иного мнѣнія».

Графъ Кочубей полагалъ, что былобы несправедливо и неблагоразумно дать новыя льготы свободнымъ людямъ и казеннымъ крестьянамъ, ничего не сдѣлавъ въ пользу крѣпостныхъ, кои живутъ бокъ-о-бокъ съ первыми, нерѣдко ихъ друзьями и родными, и видя новыя преимущества сосѣдей, еще болѣе станутъ тяготиться своимъ положеніемъ. Дворяне—говорилъ Кочубей—будутъ также недовольны рядомъ отдѣльныхъ мѣръ, очевидно клонящихся къ освобожденію крестьянъ, находясь постоянно въ опасеніи новыхъ распоряженій: изъ всего этого онъ выводилъ заключеніе, что лучше рѣшить предложенные вопросы однимъ разомъ.

Князь Чарторыскій, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, сказалъ, что право помѣщиковъ на крестьянъ столь ужасно, что не слѣдовало ничѣмъ удерживаться при нарушеніи его, да и всѣ опасенія по сему предмету были неосновательны. Графъ Кочубей къ тому замѣтилъ, что запрещеніе личной продажи крестьянъ во-все у насъ не новость, что «въ Малороссіи, въ Польшѣ, въ Литвѣ, въ Бѣлоруссіи, Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи никогда не было отдѣльной продажи крѣпостныхъ людей, и что стоитъ только теперь распространить это постановленіе на всю Россію».

«Что касается до меня — пишетъ гр. П. А. Строгановъ — то вотъ какимъ образомъ я оспоривалъ мнѣнія тѣхъ господъ» (Лагарпа, Мордвинова и Новосильцова).

«Главнымъ доводомъ ихъ служила мысль, что не слѣдуетъ слишкомъ оскорблять обще-принятыя убѣжденія, изъ опасенія подать поводъ къ неудовольствію и опасному волненію. Этотъ доводъ такъ очевиденъ, что нельзя не согласиться съ нимъ, но, всматриваясь ближе въ причины могущія привести къ подобнымъ послѣдствіямъ, убѣдимся, что нѣтъ необходимости въ отдѣльномъ исполненіи двухъ помянутыхъ мѣръ. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть причиною опаснаго волненія? Или партіи, или недовольныя лица? Какія у насъ къ тому элементы? Народъ и дворянство. Что такое это дворянство, каковъ составъ его, каковъ его духъ? Дворянство у насъ составилось изъ множества людей, сдѣлавшихся дворянами только службою, неполучившихъ никакого воспитанія, которыхъ всѣ мысли направлены къ тому, чтобы не пости-

гать ничего выше власти Императора; ни право, ни законъ, ничто не можетъ породить въ нихъ идеи о самомалѣйшемъ сопротивленіи. Это — сословіе самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу—наиболѣе тупое; вотъ приблизительная картина большей части нашего сельскаго дворянства. Тѣже, которые получили нѣсколько тщательное воспитаніе, немногочисленны и по большей части проникнуты духомъ нисколько несклоннымъ противодѣйствовать какимъ-бы то ни было мѣрамъ правительства. Дворяне, усвоившіе настоящее понятіе о справедливости, будутъ сочувствовать предположенной мѣрѣ; прочіе-же, хотя въ большинствѣ, не подумаютъ ни о чемъ, а только поболтаютъ. Большая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастью, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды, и очень часто служитъ, плутуя, но не сопротивляясь. И такъ — одна часть нашего дворянства живетъ по деревнямъ, пребывая въ грубѣйшемъ невѣжествѣ, а другая — на службѣ — проникнута духомъ вовсе неопаснымъ. Значительныхъ собственниковъ нечего бояться *). Что-же остается послѣ того, и гдѣ-же элементы опаснаго неудовольствія? Боятся-ли унынія (le découragement)? Но могутъ-ли люди, равнодушные къ общественному благу, придти въ уныніе отъ мѣры, оскорбляющей только нѣсколькихъ частныхъ лицъ? Чего не было сдѣлано въ прошедшее царствованіе противъ правъ этихъ людей, противъ ихъ личной безопасности? Если когда нибудь представлялся поводъ бояться чего-либо, то именно въ эту эпоху. Пришло-ли имъ это на мысль? Напротивъ — всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностью, и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія»...

«И такъ, картина, представляемая нашимъ дворянствомъ, показываетъ, что оно не можетъ быть опасно. Обратимся къ изслѣдованію другой стороны».

«Эта другая сторона — девять милліоновъ людей, размѣщенныхъ въ разныхъ частяхъ Имперіи. По необходимости, они слѣдуютъ различнымъ обычаямъ и, сообразно ихъ мѣстопребыванію, проникнуты различнымъ духомъ. А потому нельзя сказать, чтобы преобладающій духъ этихъ людей былъ вездѣ одинъ и тотъ же; тѣмъ не менѣе они вездѣ одинаково чувствуютъ тяжесть своего рабства; вездѣ мысль о неимѣніи собственности подавляетъ ихъ способности и производитъ то, что промышленная дѣятельность этихъ девяти милліоновъ людей, для народнаго благоденствія, ничтожна. Единственное различіе между ними то, что въ однихъ мѣстахъ они болѣе вялы, болѣе тупы, менѣе чувствуютъ нужду развить свою промышленность, а въ другихъ — дѣятельность ихъ духа не позволяетъ имъ оставаться неподвижными, но имъ при-

*) Великое дѣло освобожденія крѣпостныхъ людей, задуманное нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ и исполненное, по Его мановенію, дворянскимъ сословіемъ, съ пожертвованіями достойными высокой цѣли этого подвига, доказали на дѣлѣ несостоятельность подобныхъ опасеній.

Прим. авт.

ходится на каждомъ шагу встрѣчать препятствія; ихъ способности не получаютъ полнаго развитія, остаются подавленными, но даютъ имъ чувствовать вполнѣ тягость бремени, ихъ гнетущаго. Всѣ они обладаютъ здравымъ смысломъ, поражающимъ тѣхъ, которые видѣли ихъ вблизи. Съ самаго дѣтства они преисполняются ненавистью къ помѣщикамъ, своимъ притѣснителямъ. Народъ всегда преданъ правительству; онъ вѣритъ, что Императоръ постоянно готовъ защищать его, и если является какая-либо стѣснительная мѣра, то ее приписываютъ не Государю, а его министрамъ, которые, по словамъ народа, употребляютъ во зло довѣріе Императора, потому что они изъ дворянъ и тянутъ въ пользу своихъ личныхъ выгодъ. Если-бы кто вздумалъ сдѣлать малѣйшее покушеніе противъ правъ верховной власти, они первые станутъ въ защиту ея, считая ее опорою противъ своихъ естественныхъ враговъ. Во всѣ времена, у насъ, принимали участіе въ волненіяхъ крестьяне, дворянство-же никогда»...

Изъ фактовъ нашей исторіи, графъ Строгановъ выводилъ заключеніе, что если надлежитъ бояться чьего-нибудь неудовольствія, и затѣмъ возстанія, то, конечно, со стороны крестьянъ, а не дворянъ; касательно-же опасенія, что могутъ найтись низкіе люди, которые, злоупотребляя милостями правительства, станутъ волновать народъ, чтобы произвести смуты, графъ сослался на ближайшее время, когда, несмотря на общее неудовольствіе и на повсемѣстное разстройство, никто не могъ вооружить народъ противъ верховной власти.

Рѣчь гр. П. А. Строганова заключилась обстоятельнымъ развитіемъ мысли, прямо противоположной мнѣнію Новосильцова, именно графъ доказывалъ, что если въ этомъ дѣлѣ есть опасность, то она заключается не въ освобожденіи крестьянъ, а въ удержаніи крѣпостнаго состоянія.

«Таково было мое мнѣніе — пишетъ гр. Строгановъ. — Тѣмъ не менѣе эти господа остались при своемъ, и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, перешли къ другому предмету; но мнѣ казалось, что Императоръ тогда уже рѣшился раздѣлить помянутыя двѣ мѣры.»

Отъ крестьянскаго вопроса перешли къ Совѣту. Многіе, и въ особенности графъ Семенъ Роман. Воронцовъ, подали мнѣніе, что всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны быть обсуживаемы въ Совѣтѣ, состоящемъ изъ всѣхъ министровъ, и указывали на Англію, гдѣ всякая важнѣйшая мѣра рѣшается ими вообще, и по тому никто изъ нихъ не можетъ ввести правительство въ заблужденіе. По мнѣнію гр. Строганова, гр. Воронцовъ настаивалъ на томъ изъ личнаго неудовольствія на графа Панина, тогда завѣдывавшаго дѣлами внѣшнихъ сношеній. Новосильцовъ составилъ по этому предмету записку, о которой гр. Строгановъ отзывается съ величайшею похвалою. По мнѣнію Новосильцова, заимствовавшаго свои доводы изъ Бекона, выгода такого веденія дѣлъ состояла именно въ томъ, что всякая мѣра, будучи плодомъ общей опытности и способностей Государя и его министровъ, являлась-бы какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера. Впрочемъ неудобства подобной системы, въ примѣненіи ея къ нашей администраціи, не укрылись отъ членовъ Комитета. «Замѣтили, что въ Англіи всѣ министры, составляющіе Кабинетъ, руководятся одною и тою-же

мыслью, однимъ и тѣмъ же политическимъ взглядомъ; напротивъ того, у насъ, министры весьма часто несогласны между собою въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ. И по тому, при отсутствіи единства въ нашемъ кабинетѣ, слѣдуетъ ограничиться тѣмъ, чтобы отнять у министровъ возможность употреблять во зло довѣренность Государя, но, съ другой стороны, надлежитъ избѣгать, чтобы не сочли Государя состоящимъ подъ опекою такого Совѣта, потому что у насъ не довѣряютъ министрамъ, а вѣрятъ только одному государю».

Вслѣдствіе того предложили Его Величеству, чтобы Трощинскій и Беклешовъ вносили, по его указанію, дѣла въ Совѣтъ, куда являлся-бы временемъ и самъ Государь; дѣла-же требующія особенной тайны, предполагалось обсуживать въ особомъ комитетѣ. Государь, казалось, одобрилъ эти мѣры, но хотѣлъ знать, собственно для себя, болѣе опредѣлительно, какія дѣла надлежало вносить въ Совѣтъ, и какія разсматривать въ Комитетѣ? Чтобы облегчить такое раздѣленіе работъ, онъ обѣщалъ дать роспись своихъ занятій, съ обозначеніемъ докладчиковъ по дѣламъ.

За тѣмъ, разсужденіе о государственныхъ дѣлахъ обратилось въ простую бесѣду; говорили о различныхъ предметахъ, и между прочимъ о назначеніи въ Казань губернаторомъ бывшаго полиціймейстера въ Петербургѣ, *Алмечеева*, удаленнаго отъ мѣста, за четыре мѣсяца предъ тѣмъ, за плохое исполненіе своей должности и страсть къ картамъ. Комитетъ видѣлъ въ этомъ дѣлѣ примѣръ тому, какъ легко *подсовывать* указы, и какъ человѣкъ, котораго слѣдовало-бы отстранить отъ всякой должности, является во главѣ управленія губерніей. Потомъ зашла рѣчь о дѣлѣ князя Радзивила, назначеннаго, по Высочайшему повелѣнію, въ противность мнѣнію сената, опекуномъ своего малолѣтнаго племянника. Государь старался доказать, что нельзя было иначе сдѣлать, но повидимому, самъ не раздѣлялъ этого убѣжденія.

Слѣдующее засѣданіе, 21-го ноября, было посвящено исключительно вопросу о Совѣтѣ. Сперва разсуждали о томъ, какія дѣла вносить туда; потомъ графъ Кочубей читалъ записку Лагарпа о порядкѣ преній въ Совѣтѣ. Получивъ свѣдѣніе отъ Новосильцова о неустройствѣ общемъ всѣмъ нашимъ большимъ собраніямъ, гдѣ говорятъ въ одно и тоже время нѣсколько человѣкъ, не слушая другъ друга, Лагарпъ предложилъ: «назначить вице-президента Совѣта, который, въ отсутствіи Императора, долженъ былъ наблюдать за сохраненіемъ порядка совѣщаній, предлагать на обсужденіе вопросы, дѣлать окончательные выводы изъ предложенныхъ мнѣній и смотрѣть за составленіемъ протоколовъ. Министры долженствовали быть непремѣнными членами Совѣта, но имѣть только совѣщательный голосъ». По мнѣнію Лагарпа, которое раздѣлялъ и самъ Государь: у насъ такой Совѣтъ кончитъ тѣмъ, что въ немъ между министрами образуется сословная связь (un esprit de corps), и каждый изъ нихъ будетъ соглашаться на всякую мѣру своего сотоварища, съ тѣмъ, чтобы и онъ, при случаѣ, не противорѣчилъ ему». На это замѣтили въ Комитетѣ, что у насъ нѣтъ опасности отъ какого-бы то ни было соглашенія между министрами, и что мы терпимъ только отъ ихъ несогласія. Графъ Строгановъ выразилъ мнѣніе, что мы не могли желать ничего лучшаго, какъ согласное министерство, коего члены

стремились-бы къ одной и той-же цѣли, указанной Государемъ. Е. В. наконецъ рѣшилъ, чтобы министры засѣдали въ Совѣтѣ на-равнѣ съ его прочими членами, и поручилъ Кочубею составить, на основаніи всѣхъ замѣчаній, окончательный планъ состава Совѣта и его занятій.

Въ заключеніе совѣщанія, Императоръ сказалъ, что онъ имѣлъ намѣреніе поручить особому комитету изслѣдованіе мѣръ для приведенія въ лучшее положеніе Крыма, предполагая составить сей комитетъ изъ Гг. Мордвинова, князя Зубова, Габлица и генералъ-прокурора (Беклешова). Государь хотѣлъ было присоединить къ нимъ пятаго члена — генерала Михельсона, но ему напомнили, что онъ, управляя Новороссійскимъ краемъ, очевидно выказалъ свою неспособность по гражданской части. Е. В., признавъ справедливость этого замѣчанія, назначилъ въ комитетъ графа Кочубея, который «во время своего пребыванія въ Константинополѣ, изучивъ положеніе черноморской торговли, могъ сообщить весьма полезныя свѣдѣнія».

Въ засѣданіи 25-го ноября, разсматривались проекты указовъ, по крестьянскому вопросу и по учрежденію Совѣта, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обсуждались и другіе предметы: такъ, между прочимъ, графъ Кочубей завелъ рѣчь объ уничтоженіи удѣльныхъ имѣній, установленныхъ въ началѣ царствованія Павла I-го, по плану, составленному еще до восшествія его на престолъ княземъ Алексѣемъ Борисов. Куракинымъ и приведенному въ исполненіе, не смотря на безполезность этого учрежденія, которое потребовало образованія лишняго департамента и усложнило сборъ податей. Государь призналъ справедливымъ это замѣчаніе. Сотрудники Императора предложили внести указъ о разрѣшеніи покупки земель крестьянами на обсужденіе Совѣта, собственно только для опредѣленія формы указа и нѣкоторыхъ поясненій, но Государь изъявилъ мнѣніе, что «надлежало или предоставить это дѣло вполнѣ рѣшенію Совѣта, или вовсе не спрашивать его мнѣнія», прибавя, что «внесеніе уже рѣшеннаго дѣла въ Совѣтъ — имѣло-бы видъ лукавства (aurait un air de fausseté)». За тѣмъ Е. В. сказавъ, что онъ намѣренъ обнародовать этотъ указъ въ день своего рожденія, присовокупилъ, что желаетъ также въ сей день возстановить ордена Св. Георгія и Св. Владиміра. Сотрудники Государя, вполнѣ одобряя это предположеніе, считали приличнымъ отмѣнить различныя степени ордена Св. Анны, но Императоръ не изъявилъ на то согласія, изъ угожденія вдовствующей Императрицѣ, питавшей глубокое уваженіе къ учрежденіямъ Павла I-го. На предложеніе членовъ Комитета, чтобы Государь возложилъ на себя орденъ Св. Владиміра, заслуженный имъ за всѣ полезныя учрежденія, коими ему обязана Имперія, Государь отвѣчалъ: «не могу согласиться, чтобы я заслужилъ его. Ежели, послѣ двадцати-лѣтняго труда, я усмотрю, что Россія будетъ на такой степени благосостоянія, на какой я желалъ-бы ее видѣть, и духъ общественный возвысится, тогда я приму съ благодарностью подобную награду, но пока не настанетъ это время, я не могу принять ее».

Все засѣданіе 2-го декабря было посвящено чтенію проекта указа по крестьянскому дѣлу, составленнаго Новосильцовымъ. Какъ главныя основанія этого документа были опредѣлены, то пренія касались только редакціи: наприм., Императоръ не хотѣлъ допустить въ манифестѣ вы-

раженія *наши подданные,* котораго, по словамъ его, онъ избѣгалъ во всѣхъ своихъ указахъ, и изъявилъ намѣреніе замѣнить его словами *русскіе подданные.* Зашла рѣчь о томъ, что Мордвиновъ предлагалъ обнародовать указъ въ видѣ манифеста, написаннаго торжественнымъ слогомъ; но члены Комитета, напротивъ того, думали, что неслѣдовало придавать слишкомъ значительную гласность реформамъ. Опредѣлено внести проектъ указа въ Совѣтъ, не допуская однакоже никакихъ измѣненій ни въ содержаніи, ни въ формѣ, а только для редакціи. «Такъ—пишетъ гр. П. А. Строгановъ—кончилось это великое дѣло».

За тѣмъ совѣщаніе обратилось въ бесѣду о дипломатическомъ предметѣ, именно о домогательствѣ нашемъ у Франціи въ пользу Короля Сардинскаго. Какъ Первый Консулъ (Наполеонъ Бонапарте) явно отказалъ нашему послу Маркову въ исполненіи обѣщанія даннаго имъ Императору Павлу, то члены Комитета старались убѣдить Государя, чтобы онъ выказалъ большую твердость въ сношеніяхъ съ Первымъ Консуломъ.

Засѣданіе 9-го декабря открылось случайнымъ вопросомъ, возбужденнымъ по поводу замѣщенія князя Гагарина въ занимаемыхъ имъ должностяхъ. «Графъ Кочубей спросилъ у Государя, кого онъ намѣренъ назначить на открывшуюся вакансію директора банка. Императоръ колебался въ выборѣ между графомъ Сергѣемъ Румянцовымъ и Колычевымъ, только-что возвратившимся изъ Парижа; Государь еще назвалъ Державина, но члены Комитета, отдавая справедливость уму Румянцова и Державина, считали ихъ неуживчивыми и склоняли Императора въ пользу Колычева, на что онъ по видимому и согласился». За тѣмъ, по порядку дѣлъ (à l'ordre du jour), графъ П. А. Строгановъ прочелъ свою записку о реформѣ сената.

«Я началъ—говоритъ графъ—историческимъ изложеніемъ предмета и напомнилъ Е. В. весь ходъ этого дѣла почти въ слѣдующемъ смыслѣ. Императору больно видѣть сенатъ въ томъ унизительномъ состояніи, въ какое онъ впалъ въ послѣднее время, и потому Е. В. считая это учрежденіе необходимымъ противовѣсомъ произволу (voyant dans ce corps le contrepoid qui devrait exister au pouvoir absolu), желаетъ пріискать мѣры къ возвращенію ему прежняго значенія, какъ то было при Петрѣ Великомъ, и утвердить его авторитетъ на такомъ прочномъ основаніи, чтобы онъ могъ сохранить его. Императоръ, полагая, что подобный трудъ могъ выполнить лучше всѣхъ самъ сенатъ, поручилъ ему, именнымъ указомъ 5-го іюля, изслѣдовать причины своего упадка и средства къ своему возстановленію. Сенатскій докладъ заключалъ въ себѣ изложеніе правъ въ различныя времена дарованныхъ сенату, и кои, не будучи отмѣнены, потеряли силу: предлагая утвердить эти права, сенатъ присоединилъ къ тому нѣкоторыя постановленія о порядкѣ веденія дѣлъ. Хотя этотъ докладъ невполнѣ соотвѣтствовалъ мыслямъ Государя, однакоже онъ приказалъ Трощинскому извлечь изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мнѣній, приложенныхъ къ Докладу, одобренныя Его Величествомъ статьи и дополнить ими Докладъ сената. Между тѣмъ князь Зубовъ и Державинъ представили проекты совершеннаго преобразованія сената, которые заключали въ себѣ идеи, издавна нравившіяся Государю. Императоръ приказалъ принять въ соображеніе и эти проекты при составленіи новаго Доклада. Проектъ кн. Зубова отличался

отъ проекта Державина тѣмъ, что въ немъ сенатъ обращался въ законодательное собраніе, и потому предполагалось ограничиться державинскимъ проектомъ». Но молодые сотрудники Государя доложили ему, что они сочли нужнымъ отклониться отъ идей, заключавшихся въ обоихъ проектахъ, съ тѣмъ, чтобы во 1-хъ, не отнять у правительства свободы въ его дальнѣйшихъ распоряженіяхъ, и во 2-хъ, поставить сенатъ, въ отношеніи къ судебной части, въ большую независимость отъ его канцеляріи, что̀ неможетъ подать поводъ къ опасеніямъ, ибо у насъ будетъ высшее судилище. Въ заключеніе гр. Строгановъ предложилъ Государю отложить, впредь до всеобщаго преобразованія государственной администраціи, два распоряженія, заключавшіяся въ проектѣ Зубова, а именно: учрежденіе сословія присяжныхъ адвокатовъ, для изготовленія экстрактовъ изъ дѣлъ, и составленіе списка чиновниковъ, для выбора изъ нихъ лицъ на вакантныя мѣста.—Е. В., по поводу статьи, въ которой сказано, что жалующіеся напрасно на Сенатъ подлежатъ взысканію, замѣтилъ, что надлежало опредѣлить, какому именно они подвергаются наказанію. По мнѣнію Новосильцова, невозможно назначить такого денежнаго штрафа, либо ареста, которые были-бы равно чувствительны для каждаго изъ тяжущихся: самая незначительная сумма для одного — будетъ весьма тягостна для другаго; тюремное заключеніе имѣетъ такое-же неудобство. Государь предложилъ назначить штрафъ въ половину тяжебнаго иска, но по этому предмету не послѣдовало никакого рѣшенія. По выслушаніи записки гр. Строганова, Е. В. закрылъ засѣданіе.

Въ слѣдующее засѣданіе, 23-го декабря, Государь объявилъ своимъ сотрудникамъ, что, не успѣвъ еще окончить работы по реформѣ сената, онъ отлагаетъ дальнѣйшее совѣщаніе объ этомъ дѣлѣ до слѣдующаго засѣданія. А между тѣмъ зашла рѣчь о различныхъ предметахъ, внѣ программы. Е В. предложилъ заняться чтеніемъ полученной имъ отъ Лагарпа записки о народномъ образованіи. На основаніи этого проекта, надлежало учредить, по сей части государственнаго управленія, особый комитетъ, поставя во главѣ его министра. Такое центральное учрежденіе должно было имѣть свои вѣтви въ губерніяхъ и инспекторовъ назначаемыхъ отъ дворянства. Далѣе—Лагарпъ указывалъ на необходимость имѣть школы и учителей въ селеніяхъ, что̀ трудно вездѣ, и въ особенности у насъ, но—замѣчаетъ онъ—не начавъ ничего, нельзя ничего достигнуть. Въ письмѣ, приложенномъ къ проекту, онъ просилъ сообщить ему свѣдѣнія о настоящемъ положеніи народнаго образованія въ Россіи. Государь приказалъ коммисіи училищъ доставить требуемыя свѣдѣнія, но она ограничилась историческимъ изложеніемъ учрежденія самой коммисіи и указаніемъ цѣли своихъ занятій. Сотрудники Государя обратили его вниманіе на то, что у насъ дѣло народнаго образованія представляетъ необычайную смѣсь и пестроту, что еще недавно были учреждены въ разныхъ губерніяхъ военныя школы, имѣвшія разнообразное устройство, и что за нѣсколько дней предъ симъ преобразована школа сенатскихъ юнкеровъ, на весьма неопредѣленныхъ основаніяхъ. По мнѣнію графа Строганова, общественное образованіе должно заключать въ себѣ всѣ общія свѣдѣнія, которыя надлежало распространить въ народѣ, въ различной

степени; за тѣмъ слѣдовало образованіе специальное, для лицъ, которыя, уже получивъ общее образованіе, готовятъ себя къ извѣстному поприщу общественной дѣятельности: морской службѣ, артиллеріи, инженерному дѣлу, а также правовѣдѣнію. Подобнымъ образомъ — сказалъ онъ — устроены учебныя заведенія во Франціи. Но Государь возразилъ, что «не все то удобно вводить у насъ, что хорошо за границею, что надлежало измѣнить для насъ многое изъ существующаго во Франціи, сообразно обстоятельствамъ, и что у насъ есть старинныя учрежденія, къ коимъ слѣдовало примѣнять новыя». Положено было составить на сей предметъ особую коммисію. Новосильцовъ замѣтилъ къ тому, что мы вообще нуждаемся въ систематическомъ устройствѣ.

Послѣ того Государь прочелъ другое письмо къ нему отъ Лагарпа, по поводу слуха о предположеніи Его Величества назначить Канцлера (Grand Chancelier). Лагарпъ отклонялъ Государя отъ такого намѣренія, считая это званіе весьма опаснымъ, по причинѣ той власти и того вліянія, которыя ему присвоены. На это гр. Строгановъ возразилъ, что у насъ того не можетъ случиться, что̀ бываетъ въ другихъ странахъ, и въ доказательство указалъ на кн. Потемкина и Кутайсова, которые были обязаны всѣмъ своимъ вліяніемъ не должностямъ ими занимаемымъ, а довѣрію верховной власти.

«Лагарпъ присоединилъ къ тому нѣкоторыя замѣчанія о лицѣ, которое въ публикѣ прочили на мѣсто Канцлера, не упоминая его имени, но, вѣроятно, имѣя въ виду графа Александра Воронцова. По словамъ Лагарпа, это былъ человѣкъ, пропитанный старыми началами, противными реформамъ замышляемымъ Его Величествомъ, и по своему характеру склонный къ произволу (son caractère le portait à despotiser); Лагарпъ полагалъ, что его слѣдовало щадить только по причинѣ той пользы, которую можно извлечь изъ его обширныхъ познаній и привычки къ дѣламъ». Въ заключеніи этого письма, Лагарпъ далъ почувствовать Императору необходимость не терпѣть надъ собою опеки и распоряжаться самостоятельно, а чтобы внушить въ немъ увѣренность къ собственнымъ силамъ, писалъ, что Моро, Бонапарте, и пр. и пр. были не старше его при начатіи своего блестящаго поприща, которое возвысило ихъ на такую степень славы и положило основаніе французской имперіи *), и что необходимо разстаться съ мыслью, будтобы однѣ только сѣдыя головы способны сдѣлать что-либо дѣльное.

«Совѣщаніе окончилось предложеніемъ графа Кочубея — внести въ Совѣтъ давно уже порученный ему проектъ нашихъ внѣшнихъ сношеній. Графъ Строгановъ замѣтилъ, что, въ такомъ случаѣ, трудно будетъ сохранить это дѣло въ тайнѣ и самъ Государь былъ такого-же мнѣнія; когда-же Кочубей сталъ настаивать на необходимости обсудить основательно столь важный предметъ, Е. В. сказалъ, что можно разобрать его въ нашемъ маленькомъ Комитетѣ.

Въ засѣданіи 30-го декабря, по порядку дѣлъ, продолжались пренія о преобразованіи сената. Е. В. читалъ представленный графомъ П. А.

*) Замѣтимъ, что, какъ тогда Франція еще была республикою, то эти слова имѣли значеніе пророчества. *Прим. авт.*

Строгановымъ проектъ, вмѣстѣ съ своими замѣчаніями, изъ коихъ главныя относились къ распредѣленію дѣлъ въ различныхъ департаментахъ и къ жалобамъ на сенатъ. Нѣкоторыя замѣчанія касались только редакціи, какъ наприм. въ статьѣ, гдѣ сенатъ былъ названъ «собраніемъ, составленнымъ изъ лицъ достойныхъ общественнаго уваженія», Государь счелъ это опредѣленіе излишнимъ.

На счетъ распредѣленія дѣлъ, Е. В. одобривъ сдѣланное графомъ Строгановымъ раздѣленіе властей административной и судебной, исчислилъ дѣла, подлежащія, по его мнѣнію, вѣдѣнію каждаго департамента, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудилъ вопросъ — нельзя-ли изъять изъ числа дѣлъ принадлежащихъ сенату тѣ, которыя относятся къ военной части и къ народному образованію? Всѣ члены Комитета единогласно одобрили это предположеніе. Государь предполагалъ устроить занятія сената такъ, чтобы административныя дѣла были раздѣлены между двумя департаментами, а судебныя между всѣми прочими; но гр. Строгановъ замѣтилъ, что слѣдовало-бы посовѣтоваться о томъ съ кѣмъ-либо свѣдущимъ по части изстари заведеннаго порядка дѣлъ (la routine des affaires), и предложилъ къ тому оберъ-прокурора 1-го департамента Резанова. Императоръ, казалось, былъ доволенъ этимъ предложеніемъ, но сотрудники его нашли нужнымъ сперва показать проектъ графу Воронцову. — Статья, на основаніи которой каждый изъ сенаторовъ подлежалъ исключительно лишь суду сената, была уничтожена. — На счетъ взысканій за напрасныя жалобы на сенатъ, не было постановлено ничего опредѣлительнаго. Прочіе-же вопросы были отложены до слѣдующаго засѣданія.

Потомъ зашла рѣчь о военной части и о множествѣ относившихся къ ней мелочей, которыя безпрестанно поступали на разрѣшеніе Государя, что отнимало у него много времени. По мнѣнію членовъ Комитета, большая часть такихъ дѣлъ моглабъ быть поручена инспекторамъ войскъ, какъ лицамъ облеченнымъ въ извѣстной степени Монаршимъ довѣріемъ. Е. В. полагалъ, что эти занятія не требовали продолжительнаго времени, и что если поручить ихъ инспекторамъ, то отъ послабленія ихъ произойдутъ безпорядки.

Засѣданіе 3-го генваря 1802 года открылось чтеніемъ двухъ проектовъ, которые Е. В. въ предыдущее совѣщаніе приказалъ составить Новосильцову. Въ первомъ, по поводу подтвержденія правъ, предоставленныхъ прежними указами сенату, были изложены вкратцѣ его обязанности, а во второмъ, нѣсколько пространнѣе, исчислены права сената. Въ заключеніе поставлено ему на видъ, чтобы онъ самъ наблюдалъ за охраненіемъ своихъ правъ и требовалъ отъ всѣхъ подвѣдомственныхъ ему судебныхъ мѣстъ повиновенія на основаніи законовъ. Чтобы упростить дѣло, предложили отмѣнить раздѣленіе проекта на главы, распредѣливъ статьи въ надлежащемъ порядкѣ и обозначивъ на поляхъ ихъ содержаніе. Этотъ способъ редакціи былъ принятъ Комитетомъ, и только, по замѣчанію Государя, выпущены изъ проекта нѣкоторыя высокопарныя выраженія, подававшія поводъ къ преувеличенію значенія сената. Въ отношеніи къ распредѣленію статей, поручено графу Строганову снестись съ старшимъ прокуроромъ 1-го департамента Резановымъ.

«За тѣмъ Е. В. изъявилъ желаніе знать, кого члены Комитета считали способнымъ занять должность малороссійскаго военнаго губернатора Вязмитинова, назначеннаго президентомъ Военной Коллегіи, на мѣсто Ламба. Послѣ нѣсколькихъ лицъ, названныхъ самимъ Государемъ, предложили князя Алексѣя Куракина, что было вполнѣ одобрено Императоромъ. Графъ Кочубей. сдѣлавшій это предложеніе, завелъ рѣчь о необходимости назначить кого-либо вмѣсто Кутузова *), о которомъ отнесся весьма невыгодно. Е. В. признавъ справедливость этого мнѣнія, сказалъ, что не было въ виду никого лучшаго, и что по тому не слѣдовало смѣнять Кутузова.»

Въ засѣданіи 6-го генваря, былъ читанъ проектъ указа, исправленнаго по замѣчаніямъ Императора въ предъидущее совѣщаніе. По утвержденіи сего проекта, графъ Строгановъ доложилъ, что, касательно распредѣленія предметовъ, онъ не успѣлъ достаточно переговорить съ Резановымъ, но что сущность сдѣланныхъ имъ замѣчаній заключалась въ слѣдующемъ. Во 1-хъ, онъ предлагалъ составить 1-й департаментъ сената исключительно изъ членовъ Совѣта, потому что такіе сановники, будучи вполнѣ ознакомлены съ основаніями, на счетъ различныхъ отраслей управленія, могли удобно примѣнять ихъ ко всѣмъ случаямъ, встрѣчающимся въ практикѣ. По его мнѣнію, слѣдовало распредѣлить дѣла между двумя правительственными департаментами (départements administratifs), сообразно важности частей администраціи. Но такое раздѣленіе дѣлъ не было одобрено Государемъ, который предпочелъ болѣе основательную систему распредѣленія ихъ, такъ чтобы въ одномъ департаментѣ стекалось все, относящееся къ исполнительной части, а въ другомъ — дѣла по управленію. Касательно судебной части, Резановъ полагалъ, что одного департамента было для ней недостаточно, а слѣдовало учредить ихъ три, изъ коихъ разсмотрѣнію одного подлежали-бы всѣ дѣла губерній, состоящихъ на особыхъ положеніяхъ, а прочихъ двухъ — дѣла въ остальныхъ губерніяхъ, и кромѣ того онъ предложилъ учредить одинъ департаментъ для уголовныхъ и одинъ для межевыхъ дѣлъ: такимъ образомъ, съ прибавкою одного лишь департамента, теченіе дѣлъ сдѣлалось-бы гораздо быстрѣе. Это предположеніе было одобрено. Вслѣдъ за тѣмъ Государь предложилъ перейти къ опредѣленію избранія лицъ въ должности по Герольдіи и прочелъ проектъ Державина, по мнѣнію коего надлежало: предоставить выборъ кандидатовъ изъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ, въ каждомъ уѣздѣ, дворянамъ первыхъ восьми классовъ, а потомъ уже назначать сенаторовъ изъ общаго списка кандидатовъ. Это предположеніе было отвергнуто: во 1-хъ, по тому, что лица первыхъ 4-хъ классовъ недовольно извѣстны избирателямъ, чтобы можно было ожидать отъ нихъ дѣльнаго выбора и во 2-хъ, дворянскіе выборы всегда у насъ много зависятъ отъ произвола губернаторовъ; въ особенности-же это окажется при выборѣ кандидатовъ на важныя мѣста сенаторовъ. По мнѣнію членовъ Комитета, подобныя мѣры въ Россіи еще были несвоевременны и — кажется — самъ Государь раздѣлялъ такое убѣжденіе.

*) Мих. Илар. Кутузовъ былъ уволенъ отъ должности С.-Петербургскаго военнаго губернатора 29 августа 1802 года. *Прим. авт.*

Далѣе—зашла рѣчь о военныхъ губернаторахъ. Графъ Кочубей доложилъ Его Величеству, что онъ слышалъ отъ вице-канцлера объ отказѣ его брата, князя Алексѣя Куракина, принять предложенную ему должность малороссійскаго военнаго губернатора. Государь, еще не знавшій о томъ, сказалъ, что онъ употребитъ всевозможныя средства, чтобы побудить Куракина къ принятію этой должности. Говорили опять о необходимости смѣнить Кутузова, но всѣ лица, предложенныя на его мѣсто, были отвергнуты, наиболѣе-же изъ нихъ одобряли Тормасова. Когда-же Новосильцовъ назвалъ Буксгевдена, Государь отвѣчалъ, что «это невозможно; нельзя ручаться за однѣ сутки, еслибы онъ занималъ это мѣсто.» За тѣмъ—онъ, между прочимъ, сказалъ, что, по словамъ Кутузова, съ нѣкотораго времени, князь Зубовъ и графъ Панинъ сблизились между собою.

Какъ не было указано никакого предмета для засѣданія 20-го генваря, то оно началось общею бесѣдою. Г. Новосильцовъ сказалъ, что два лифляндскихъ помѣщика подали ему проекты, на счетъ опредѣленія правъ господъ надъ ихъ крестьянами: одинъ изъ нихъ изъявилъ желаніе, чтобы его проектъ былъ утвержденъ Высочайшимъ указомъ; другой просилъ только утвердить частный договоръ, заключенный имъ съ своими крестьянами. Въ Лифляндіи, отъ времени до времени, созывались дворянскія собранія (Landtag), для совѣщанія о финансовыхъ и прочихъ дѣлахъ страны. По случаю предстоявшаго вскорѣ такого собранія, лифляндскіе дворяне желали, чтобы имъ было дозволено заняться улучшеніемъ быта ихъ крестьянъ, увѣряя въ согласіи на то большей части своихъ сочленовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, просили, чтобы о такомъ дозволеніи заявлено было рижскому военному губернатору, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ, по всей вѣроятности, тому препятствовать.

По вопросу—дозволить-ли, или нѣтъ, ландтагу совѣщаться объ этомъ дѣлѣ—голоса раздѣлились. Новосильцовъ полагалъ, что слѣдовало дать желаемое разрѣшеніе, тѣмъ болѣе, что—рано или поздно—придется сдѣлать первый шагъ къ освобожденію крестьянъ; вездѣ начинали его помѣщики; если-же подастъ тому примѣръ цѣлая область, то это будетъ имѣть вліяніе на всю Россію, и ежели сами помѣщики желаютъ улучшить положеніе своихъ крестьянъ, то препятствовать имъ въ томъ было-бы нарушеніемъ права собственности, на основаніи котораго они могли заключать съ своими крестьянами всякія сдѣлки, не нарушающія общественнаго порядка, и потому слѣдовало приступать къ такому дѣлу неиначе, какъ съ общаго согласія владѣльцевъ. По мнѣнію Новосильцова, Государь долженъ былъ, невмѣшиваясь формально во взаимныя отношенія обоихъ сословій, дозволить помѣщикамъ заняться этимъ дѣломъ. Князь Чарторыскій изъявилъ такое-же мнѣніе.

Напротивъ того, графъ Кочубей считалъ вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ весьма щекотливымъ и требующимъ основательнаго обсужденія. Онъ полагалъ, что, при сильномъ общественномъ убѣжденіи въ наклонности Государя къ освобожденію крестьянъ, былобы опасно обратить вниманіе на этотъ предметъ въ одной изъ областей, откуда движеніе могло бы распространиться на прочія, и потому слѣдовало внести это дѣло на обсужденіе въ Совѣтъ. Ему возразили, что:

во 1-хъ, тамъ, по всей вѣроятности, не одобрятъ такого предложенія, и тогда будетъ неудобно не послѣдовать мнѣнію Совѣта; во 2-хъ, что какъ только это дѣло поступитъ въ Совѣтъ, то молва о томъ разнесется по всему городу, въ такомъ видѣ, что Государь самъ отъ себя приступилъ къ этой мѣрѣ, и потому лучше обсудить дѣло въ небольшомъ комитетѣ.

«Что касается меня, — пишетъ графъ Строгановъ — я изъявилъ рѣшительно несогласіе на дозволеніе ландтагу заниматься этимъ предметомъ» По мнѣнію графа, не слѣдовало запрещать автору проекта привести его въ исполненіе у себя, но самое дѣло долженствовало быть разсмотрѣно здѣсь, а не въ многочисленномъ собраніи, подобномъ ландтагу. Онъ удивлялся увѣренности составителей проектовъ въ общемъ сочувствіи лифляндскаго и эстляндскаго дворянства, извѣстнаго строгостью къ своимъ крестьянамъ; если ландтагъ отвергнетъ эти предположенія, то они не могутъ быть приведены въ исполненіе, не смотря на представляемую ими пользу. Изъ всего сказаннаго онъ вывелъ заключеніе, чтобы это дѣло обсудить у себя (que la chose soit examinée à la maison), позволить то, что окажется безопаснымъ и запретить остальное, не допуская вмѣшательства ландтага. Какъ члены Комитета оставались при своихъ мнѣніяхъ, то Государь рѣшилъ, чтобы Новосильцовъ посовѣтовался о томъ съ нѣсколькими лицами, и въ числѣ ихъ съ графомъ Воронцовымъ.

Графъ Кочубей привезъ общій планъ политическихъ сношеній нашего правительства, исправленный на основаніи всѣхъ данныхъ, собранныхъ имъ со вступленія его въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ. Онъ предполагалъ прочесть этотъ проектъ, но какъ уже было поздно и записка была обширна, то Е. В. назначилъ для чтенія ея особое засѣданіе въ слѣдующую среду.

Въ совѣщаніи 22-го генваря была читана записка графа Кочубея. Его новый проектъ не имѣлъ большаго различія съ тѣмъ, который представилъ онъ лѣтомъ, кромѣ нѣкоторыхъ подробностей, основанныхъ на свѣдѣніяхъ имъ полученныхъ въ послѣднее время. По прежнему, предлагалъ онъ оставаться въ бездѣйствіи, потому что положеніе Россіи способствовало намъ не безпокоиться о ходѣ дипломатическихъ сношеній Европы. Сознавая вполнѣ, что невозможно принять неизмѣнную систему (système immuable), онъ однакоже допускалъ пользу нѣкоторыхъ началъ, могущихъ служить общими правилами, и происходящихъ отъ географическаго положенія государствъ, ихъ силы, коммерческихъ сношеній, и проч. За тѣмъ, начертавъ картину политической системы при Екатеринѣ II-й и разстройства ея въ послѣдующее время, онъ перешелъ къ изслѣдованію настоящаго положенія Россіи въ отношеніи къ прочимъ державамъ. По словамъ его: «наклонность Европы къ миру побуждаетъ всѣ государства къ бездѣйствію, такъ что если-бы мы рѣшились на какое-либо предпріятіе, то не могли-бы надѣяться ни на чье содѣйствіе. Но еслибы Франція, или Австрія, задумали усилиться на счетъ Турціи, то и намъ не слѣдовало-бы оставаться, сложа руки, и мы могли-бы сдѣлать пріобрѣтенія, которыя поставили-бы насъ въ выгодное положеніе (dans une attitude respectable). Въ отношеніи-же къ Франціи, наше вліяніе не обѣщало важныхъ послѣдствій».

Дальнѣйшее чтеніе записки графа Кочубея было отложено до слѣдующаго засѣданія.

«По мнѣнію графа Строганова, надлежало положить преграду властолюбивымъ видамъ Франціи и стараться, чтобы Турція оставалась въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, не допуская ее — ни усилиться, ни подвергнуться окончательному раздробленію.

«Графъ Кочубей сказалъ, что въ дѣйствительности Франція нестерпимо угнетала прочія государства Европы, и что это могло повести къ войнѣ. По его мнѣнію, Россія, въ такомъ случаѣ, должна была стать во главѣ европейскихъ державъ, но въ настоящее время мы не могли ничего сдѣлать.

«Князь Чарторыскій и графъ Строгановъ, признавая истину сказаннаго Кочубеемъ, замѣтили, что намъ надлежало вести себя въ отношеніи къ Французамъ такъ, чтобы они никогда не забывали, что мы можемъ сдѣлать болѣе вреда имъ, нежели они намъ. По поводу-же возгласовъ австрійскаго и италіянскаго дворовъ, на счетъ бездѣйствія Россіи, графъ Кочубей назвалъ такіе толки нелѣпыми; но Чарторыскій и Строгановъ возразили ему, что слѣдовало-бы поставить на видъ Бонапарту, что мы имѣемъ средства поддержать нашъ голосъ въ дѣлахъ Европы».

За тѣмъ, Государь сказалъ, что онъ получилъ отъ княгини Куракиной письмо, въ коемъ она умоляла его отмѣнить отправленіе ея мужа въ Малороссію, и желалъ знать мнѣніе членовъ Комитета по этому дѣлу. Они отвѣчали, что слѣдовало настоять на исполненіи Высочайшей воли, извѣстивъ княгиню, что мужъ ея назначенъ не навсегда, и напомнивъ ей, что частные разсчеты должны уступить требованіямъ общей пользы.

«Потомъ — графъ Кочубей сталъ говорить о событіи, случившемся въ Грузіи. Императоръ даровалъ сей области, незадолго предъ тѣмъ присоединенной къ Россіи, особое уложеніе, на основаніи котораго была присвоена большая власть губернатору, что не нравилось туземнымъ вельможамъ. Нѣкоторые изъ нихъ, награжденные чинами, отказывались присягать и хотѣли жаловаться Государю. Съ другой стороны, извѣстно, что главнокомандующій войсками Кноррингъ и управляющій гражданскою частью Коваленскій сѣяли раздоръ между туземцами, чтобы удобнѣе ихъ грабить. Государь отвѣчалъ графу Кочубею, что если извѣстія о такихъ безпорядкахъ будутъ подтверждены документами, то онъ можетъ внести это дѣло на обсужденіе Совѣта».

Въ засѣданіи 27-го генваря, предполагали продолжать чтеніе записки графа Кочубея, но прежде того зашла рѣчь о надзорѣ надъ Зубовымъ и Панинымъ. «Тайная полиція военнаго губернатора давала ложныя свѣдѣнія о мѣрахъ принятыхъ для наблюденія за помянутыми лицами, но не было сомнѣнія въ томъ, что она, въ этомъ случаѣ, дѣйствовала глупо и неловко. Такъ напр. оказалось, что люди графа Зубова, стоявшіе на запяткахъ его экипажа, задѣвали полицейскихъ, слѣдовавшихъ за ними въ саняхъ (qui sans autres façons les suivaient en traîneau)». По этому поводу, Валеріанъ Зубовъ, испросивъ Высочайшее соизволеніе представиться Его Величеству, жаловался на оказываемое къ нему недовѣріе; графъ Панинъ также говорилъ многимъ о замѣ-

ченномъ имъ надзорѣ за собою, да и не трудно было это замѣтить, по обычной неловкости тайной полиціи. Изъ всего этого Комитетъ вывелъ заключеніе о необходимости положить предѣлъ наглымъ поступкамъ тайной полиціи, которая безпрестанно мѣшала распоряженіямъ оберъ-полиціймейстера (lieutenant de police), дѣйствовавшаго стольже ревностно, сколько и разсудительно. Государь — казалось — самъ, сознавая истину этихъ замѣчаній, сказалъ, что какъ только измѣнятся обстоятельства требующія предохранительныхъ мѣръ, то слѣдуетъ отставить чиновника стоявшаго во главѣ тайной полиціи». За тѣмъ — продолжали чтеніе записки графа Кочубея, представлявшей дальнѣйшее развитіе идей, изложенныхъ имъ въ прежнее совѣщаніе.

Въ засѣданіи 3-го февраля, не разсматривалось отдѣльно никакое дѣло, а совѣщаніе открылось бесѣдою о различныхъ предметахъ. Графъ Кочубей представилъ отчетъ о дѣлахъ внесенныхъ утромъ на обсужденіе Совѣта. Въ числѣ ихъ, тамъ разсуждали о преобразованіи московскаго университета. Многое въ немъ неудовлетворяло современнымъ требованіямъ. Такъ напр. суммы на содержаніе университета отпускались по штатамъ, утвержденнымъ при его основаніи, что, по вздорожанію всѣхъ вообще предметовъ, оказывалось весьма недостаточно. Жалованье профессорамъ оставалось такое-же, какое получали ихъ предшественники, и было весьма скудно. По этому поводу, суммы на содержаніе университета были увеличены и къ жалованью профессоровъ сдѣлана прибавка. Положено купить домъ для помѣщенія профессоровъ и прочихъ чиновъ служащихъ при университетѣ. За тѣмъ — графъ Кочубей изложилъ разсмотрѣнное особымъ комитетомъ дѣло — о правѣ владѣнія русскихъ помѣщиковъ землями въ Крыму, которыя были имъ пожалованы. При завоеваніи сей страны, было объявлено о ненарушимости правъ, на основаніи коихъ владѣли землями туземные жители — Татары, и только лишь имѣнія хана, Турецкаго Султана и выходцевъ изъ края, сдѣлавшіяся ipso facto (на самомъ дѣлѣ) собственностью правительства, могли быть раздаваемы русскимъ владѣльцамъ. Но въ числѣ пожалованныхъ помѣстій было много имѣній, принадлежавшихъ туземцамъ оставшимся въ странѣ, что подало поводъ къ жалобамъ, и хотя для разбора обоюдныхъ притязаній была учреждена коммисія, но злоупотребленія не прекратились. Крымскій генералъ-губернаторъ Михельсонъ донесъ о томъ Государю, и для изслѣдованія дѣла повелѣно было назначить особый комитетъ. Какъ Мордвиновъ владѣлъ нѣкоторыми изъ крымскихъ имѣній, то произошла размолвка между нимъ и Михельсономъ. По мнѣнію графа Кочубея, слѣдовало возвратить земли прежнимъ владѣльцамъ, обязавъ ихъ платить аренду въ пользу нынѣшнихъ помѣщиковъ, потому что послѣдніе, большею частью, издержали значительныя суммы на улучшеніе пожалованныхъ имъ имѣній.

Послѣ того графъ Кочубей напомнилъ Государю, что Его Величество имѣлъ намѣреніе учредить комитетъ для преобразованія морской части. Государь отвѣчалъ, что прежде всего надлежало составить инструкцію для сего комитета, и что онъ поговоритъ о томъ съ Чичаговымъ. Далѣе — онъ сказалъ, что, въ началѣ занятій неофиціальнаго комитета, былъ предпринятъ весьма полезный трудъ, именно — начертаніе нынѣшняго порядка управленія и системы, коей надлежало слѣ-

довать при реформѣ неудовлетворительныхъ учрежденій. По словамъ Государя, этотъ трудъ былъ прерванъ нетерпѣвшими отлагательства дѣлами, но въ настоящее время слѣдовало-бы снова обратиться къ нему. Само собою разумѣется, что всѣ члены Комитета сознали пользу такого намѣренія, и только графъ Строгановъ замѣтилъ, что не должно предпринимать ничего новаго прежде составленія общаго плана, чтобы не нарушить его систему. Государь, по видимому, одобривъ эту идею, предложилъ прочесть въ слѣдующее засѣданіе записку князя Чарторыскаго о предполагаемой имъ реформѣ государственнаго управленія.

Въ совѣщаніи 10-го февраля, читана записка Чарторыскаго, о порядкѣ управленія, къ которому должны были привести предположенныя Его Величествомъ реформы

Въ началѣ записки, Чарторыскій излагалъ недостатки нашей администраціи. По словамъ его, «она представляла картину величайшаго неустройства: съ одной стороны, видѣлъ онъ столкновеніе между сенатомъ и генералъ-прокуроромъ; съ другой — между совѣтомъ и сенатомъ, который, обладая административною властью, не рѣдко занимался такими-же дѣлами, какія вносятся на обсужденіе совѣта.

«Министры, ни въ какомъ отношеніи, не подвергаются отвѣтственности.

«Наблюденіе прокуроровъ за должностными лицами недостаточно.

«Изъ всего этого заключивъ, что надлежало преобразовать всю администрацію, князь Чарторыскій представилъ слѣдующій планъ новыхъ учрежденій:

«Административную власть раздѣлить между нѣсколькими министрами, въ рукахъ коихъ находились-бы всѣ нити управленія: народное образованіе, дѣла внутреннія, финансы, юстиція, военная часть, морская часть, и проч. Подъ вѣдѣніемъ министровъ учредить совѣты, изъ старшихъ чиновниковъ министерствъ.

«Судебную власть раздѣлить на гражданскую, уголовную и полицейскую части, устроивъ первыя двѣ такъ, чтобы въ каждой изъ нихъ были двѣ инстанціи и кассаціонный судъ.

«Сенату предоставить надзоръ за дѣйствіями всѣхъ чиновниковъ. Министры ежегодно представляютъ въ сенатъ свои отчеты; его-же вѣдѣнію подлежатъ жалобы на губернаторовъ и предводителей дворянства, и вообще всякія незаконныя превышенія власти».

Государь — казалось — былъ весьма доволенъ трудомъ князя Чарторыскаго, говоря, что онъ еще никогда не видѣлъ ничего столь яснаго, какъ эта записка, и что его восхищала увѣренность въ томъ, что слѣдуя этою стезёю, можно было достигнуть желаемой имъ реформы. Всѣ члены Комитета были того-же мнѣнія.

Когда Государь изъявилъ желаніе знать, какимъ образомъ надлежало составить Совѣтъ, Комитетъ полагалъ назначить въ составъ Совѣта министровъ, чтобы дать общему ходу дѣлъ необходимое единство. По мнѣнію Комитета, слѣдовало: «при выборѣ министровъ, назначать въ эти должности только такихъ людей, коихъ образъ мыслей былъ-бы одинаковъ, дабы они составляли изъ себя какъ-бы одно нераздѣльное: въ такомъ случаѣ промахи одного будутъ поставлены въ упрекъ всѣмъ прочимъ, и всѣ министры будутъ отвѣтственны за одну и туже ошиб-

ку. Такое управленіе, руководимое одною общею волею и направленное къ одной и той-же цѣли, на основаніи раціональной системы, поставило-бы Россію въ короткое время на высшую степень благосостоянія; въ настоящее-же время, по сознанію самаго Государя, разногласіе существующее между министрами было весьма вредно для государства».

Князь Чарторыскій изъявилъ мнѣніе о необходимости генералъ-губернаторовъ, изъ коихъ каждому было-бы ввѣрено управленіе двумя или тремя губерніями. Государь, признавая ихъ пользу, замѣтилъ, что недоставало способныхъ къ тому людей. Ему отвѣчали, что такіе люди были нужны и для занятія губернаторскихъ мѣстъ, и что при хорошихъ генералъ-губернаторахъ плохіе губернаторы будутъ менѣе вредны. «Это правда — сказалъ Государь — но найдите-же мнѣ людей», и получилъ отвѣтъ: «ихъ можно найти, но для этого нужно время». Положили: разослать всѣмъ членамъ копіи записки Чарторыскаго и обсудить ее въ слѣдующее совѣщаніе.

Въ началѣ засѣданія 10-го марта, была рѣчь о дѣлѣ Маркова и объ отвѣтѣ Первому Консулу. Въ это время уже начались недоразумѣнія нашего правительства съ Бонапартомъ, который жаловался Императору Александру на русскаго посланника. Графъ Строгановъ, по сему поводу, прочелъ записку, въ коей сначала обсудилъ — былъ-ли въ чемъ-либо виноватъ Марковъ, и рѣшивъ этотъ вопросъ отрицательно, перешелъ къ изслѣдованію дѣла, въ отношеніи значенія Маркова, въ качествѣ представителя Имперіи и поступка съ нимъ французскаго правительства *): по мнѣнію графа Строганова, такіе поступки были въ высшей степени несоотвѣтственны съ званіемъ Маркова и оскорбительны для Россіи, и потому Государь не могъ умолчать о томъ безъ нарушенія народной чести — драгоцѣннаго залога, ему ввѣреннаго. Эта записка была вполнѣ одобрена Государемъ и членами комитета.

Потомъ графъ Кочубей донесъ Государю о — такъ названной имъ — *дипломатической плутнѣ*: по поводу принятія Швеціей условій трактата 5-го іюня 1801 года, они были изложены въ договорѣ съ Англіей просто въ надлежащемъ видѣ; а въ договорѣ съ Россіей шведскій посолъ добавилъ: «соблюдая прежніе договоры, заключенные съ русскимъ правительствомъ.» Какъ въ прежнихъ договорахъ заключался также и вооруженный нейтралитетъ, то трактатъ Швеціи съ Англіей сдѣлывался обманчивымъ. Князь Куракинъ, ведя переговоры съ шведскимъ посломъ, не понялъ дѣла, вдался въ обманъ (avait donné dedans à plein collier) и изъявилъ согласіе на все повѣренному въ дѣлахъ Швеціи. Государь, убѣдясь въ сдѣланномъ промахѣ, сказалъ графу Кочубею, что надлежало поправить его. Графъ отвѣчалъ, что онъ завтра-же пригласитъ къ себѣ шведскаго посла и скажетъ ему, что помянутое недоразумѣніе, по всей вѣроятности, произошло отъ ошибки переписчика;

---

*) Дѣло шло о статьѣ, оскорбительной для Маркова, появившейся въ періодическомъ изданіи: Courrier de Londres. Общее мнѣніе приписывало эти нападки недоброжелательству Перваго Консула къ русскому посланнику.
Прим. авт.

если-же Стедингк будетъ настаивать на этомъ условіи, то ему объявить, что Государь не можетъ на то согласиться. Графъ Кочубей прибавилъ, что какъ только будутъ окончены переговоры, то онъ формально откажетъ Шведамъ въ субсидіяхъ, обѣщанныхъ имъ Россіею по трактату о вооруженномъ неутралитетѣ.

За тѣмъ шло дѣло объ учрежденіи министерствъ. Графъ Кочубей имѣлъ при себѣ «Народный французскій календарь» (l'Almanach national de France), гдѣ былъ показанъ составъ всѣхъ тамошнихъ министерствъ, съ обозначеніемъ занятій каждаго изъ ихъ отдѣловъ (bureaux). Государь нашелъ, что у Французовъ было слишкомъ много подраздѣленій, и сказалъ, что работа порученная Оленину (проектъ образованія министерствъ) подвинулась впередъ, и что какъ только она будетъ готова, онъ отдастъ ее на разсмотрѣніе комитета.

Князь Чарторыскій завелъ рѣчь о письмѣ, которое онъ, по повелѣнію Государя, долженъ былъ составить, для сообщенія всѣмъ знаменитѣйшимъ юристамъ Европы, съ просьбою принять участіе въ составленіи кодекса русскихъ законовъ. По отзыву Чарторыскаго, онъ уже составилъ проектъ такого письма, но посовѣтовавшись о томъ съ своими сочленами, убѣдился, что въ настоящее время трудно было приступить къ окончательному кодексу, потому что все относящееся къ гражданскому праву подвергнется большимъ измѣненіямъ; князь Чарторыскій полагалъ, что на сей разъ слѣдовало ограничиться собраніемъ всѣхъ существующихъ у насъ законовъ, по предметамъ, въ такомъ порядкѣ, какой найдется удобнѣйшимъ. Новосильцовъ изъявилъ желаніе, чтобы рѣшено было это дѣло скорѣе, потому что онъ охотно принялъ-бы въ немъ участіе. Государь, по видимому, хотѣлъ составить собраніе законовъ, по предметамъ ихъ содержанія, но все-таки считалъ полезнымъ прибѣгнуть къ совѣтамъ знаменитѣйшихъ юристовъ, на счетъ предполагаемаго кодекса.

«16-го марта, Е. В. приказалъ членамъ комитета собраться для совѣщанія о сенатѣ. Наканунѣ, Новосильцовъ прочелъ Государю проектъ указа по сему предмету, коего нѣкоторыя статьи не удостоились Высочайшаго одобренія. По выходѣ отъ Императора, Новосильцовъ показалъ свой проектъ князю Чарторыскому и графу Строганову, которые оба были весьма довольны его содержаніемъ. По словамъ Новосильцова, Е. В. неодобрилъ статьи, на счетъ права сената — повѣрять дѣйствія министровъ, и, если бы они ввели въ заблужденіе Государя — представлять о томъ ему на усмотрѣніе: такое право непонравилось Императору Александру, и потому онъ предоставилъ обсудить его неофиціальному комитету. Чарторыскій и Строгановъ полагали, что права сената будутъ мнимы безъ отвѣтственности министровъ. По ихъ мнѣнію, это значило-бы дать просторъ самому неограниченному произволу, и по тому слѣдовало настаивать на помянутой отвѣтственности, уступивъ во всемъ прочемъ».

И въ дѣйствительности — когда всѣ члены собрались у Государя и Новосильцовъ прочелъ 14-ю статью, въ коей было объяснено, что безъ этого условія не могутъ существовать права̀ сената, указанныя въ IX-мъ § указа, Императоръ спросилъ: «можно-ли предоставить сенату право, по утвержденіи доклада Высочайшею подписью, входить съ представ-

ленiемъ къ Государю?» По мнѣнiю Комитета «нельзя было отнять у сената права поставлять на видъ несоотвѣтственныя общей пользѣ дѣйствiя министровъ, и чрезъ то непозволять, чтобы Государь былъ обманутъ. Графъ Кочубей, сперва оспаривавшiй мнѣнiе своихъ товарищей, наконецъ призналъ необходимость предложенной мѣры и самъ Государь на то изъявилъ согласiе». Новосильцовъ, продолжая чтенiе своего проекта, обсуждалъ — не нарушаются-ли сенатскимъ докладомъ о военной коллегiи права дворянскаго сословiя, и доказавъ, что они небыли нарушены, заключилъ обращенiемъ къ сенату, въ коемъ сказалъ, что Императоръ считаетъ все это дѣло неиначе, какъ выраженiемъ усердiя къ общему благу, и не сомнѣвается въ томъ, что сенаторы впредь выкажутъ его съ большею осмотрительностью. Государь не соглашался на такое заключенiе, считая докладъ не совсѣмъ благонамѣреннымъ. Напрасно сотрудники Императора покушались убѣдить его, что слова, помѣщенныя въ проектѣ Новосильцова, были не что иное какъ урокъ сенату; Государь не хотѣлъ о томъ и слышать. Нѣсколько дней спустя, Новосильцовъ, по совѣту прочихъ сотрудниковъ Государя, поднесъ ему новый проектъ, въ коемъ, неупоминая о прошломъ, выражено было увѣщанiе сенату на будущее время. Императоръ одобрилъ это измѣненiе. «За тѣмъ зашла рѣчь о мнѣнiи Потоцкаго, но какъ оно не было помѣщено въ сенатскомъ докладѣ, то члены комитета полагали, что напоминанiе о немъ не принесло-бы ни малѣйшей пользы, а только стѣснило-бы свободу мнѣнiй. Государь все-таки хотѣлъ проучить его, но наконецъ согласился не сказать о томъ ни слова» *).

Далѣе—князь Чарторыскiй изложилъ ходъ переговоровъ съ Швецiей. Извѣстно, что Король Густавъ IV-й, нерѣдко удивлявшiй свѣтъ своими прихотями, вздумалъ приказать, чтобы мостъ на рѣкѣ Кюмени, составлявшей границу его владѣнiй съ Россiей, былъ окрашенъ нацiональными цвѣтами Швецiи. Въ то время, когда послѣдовало своенравное распоряженiе Густава, одна половина моста была окрашена русскими, а другая—шведскими цвѣтами. По этому поводу, наше правительство сообщило, чрезъ повѣреннаго въ дѣлахъ Россiи при стокгольмскомъ дворѣ, ноту, на которую Король отвѣчалъ весьма неудовлетворительно. Императоръ Александръ изъявилъ намѣренiе послать другую ноту, съ требованiемъ опредѣлительнаго отвѣта. Но графъ Кочубей, вмѣсто того, предложилъ послать мастеровыхъ, для окраски моста, по прежнему, поддержавъ ихъ двумя ротами; въ случаѣ-же, еслибы Шведы вздумали помѣшать этой работѣ, встрѣтить ихъ ближайшими войсками. Императоръ Александръ отвѣчалъ, что ежели взбалмошный Король Шведскiй (le roi de Suède, fou comme on le connait), озлобленный наступленiемъ нашихъ войскъ, вздумалъ-бы вторгнуться въ принадлежащую намъ часть Финляндiи, то мы, по превосходству его въ силахъ (?), не могли-бы остановить Шведовъ и были-бы поставлены въ затруднительное положенiе. Напротивъ того, пославъ ноту, будемъ имѣть время собрать

*) Къ сожалѣнiю — въ архивахъ не отыскалось ни сенатскаго доклада, ни мнѣнiя Потоцкаго, о которыхъ упоминается въ бумагахъ графа Строганова. *Прим. авт.*

войска, и въ случаѣ неудовлетворительнаго отвѣта, произведемъ вторженіе въ предѣлы Швеціи. Князь Адамъ замѣтилъ, что такой способъ дѣйствій представлялъ болѣе затрудненій для возстановленія согласія съ Королемъ Шведскимъ, потому что онъ долженъ будетъ сознаться формально (en toutes lettres) въ своемъ промахѣ, и что всего лучше послать къ мосту однихъ рабочихъ, которые, по всей вѣроятности, перекрасятъ его безъ препятствія, и тогда Шведы оставятъ безъ вниманія эту передѣлку, какъ совершившійся фактъ. Но Государь, разгоряченный споромъ, отстаивалъ свое мнѣніе и — казалось — хотѣлъ возбудить войну: дѣйствительно, у Шведовъ было болѣе войскъ, нежели у насъ въ Финляндіи, и къ тому-же Императоръ Александръ желалъ выказать твердость въ глазахъ публики, которая доселѣ полагала, что онъ неспособенъ къ сколько-нибудь нибудь рѣшительному поступку. Въ продолженіи совѣщанія, Государь, по видимому, оставался при своемъ мнѣніи, и когда князь Чарторыскій доложилъ ему, что канцлеръ (графъ Воронцовъ) не согласится на такой поступокъ безъ Высочайшаго указа, который освободилъ-бы его отъ всякой отвѣтственности по этому дѣлу, Императоръ гнѣвно сказалъ: «что̀ это значитъ? Мнѣ уже нельзя будетъ дѣлать того, что̀ считаю нужнымъ. Прошу васъ — напишите все мною сказанное и передайте канцлеру; скажите, что такова моя воля». Когда-же князь Чарторыскій сказалъ Государю, что ему немѣшало-бы поговорить съ канцлеромъ, Императоръ отказалъ въ томъ и только по просьбѣ князя согласился написать къ графу Воронцову записку, въ коей довольно сухо извѣстилъ его, что Чарторыскій сообщитъ ему Высочайшую волю, и что она должна быть исполнена въ точности. «Какъ, между тѣмъ, князь Адамъ продолжалъ уговаривать Государя, чтобы онъ уважилъ мнѣніе канцлера, то онъ, опасаясь, что князь не передастъ врученной ему записки, взялъ ее у него и вышелъ въ другую комнату, чтобы отослать ее съ фельдъегеремъ, и только лишь по неотступной просьбѣ Чарторыскаго отказался отъ своего намѣренія». Потомъ зашла рѣчь о внесеніи этого дѣла въ совѣтъ. Императоръ не рѣшался — сдѣлать-ли это тотчасъ, или тогда уже, когда должны будутъ выступить войска. Всѣ члены Комитета полагали, что неотлагательное внесеніе дѣла въ совѣтъ непредставляло никакого неудобства, и Государь на то изъявилъ согласіе. Но нѣсколько дней спустя, князь Адамъ передалъ прочимъ членамъ, что Императоръ измѣнилъ свое намѣреніе и не хотѣлъ вносить въ совѣтъ помянутое дѣло. А, между тѣмъ, войска получили приказаніе — находиться въ готовности къ выступленію въ 24 часа.

Въ концѣ совѣщанія, графъ Кочубей говорилъ о городскихъ учрежденіяхъ Риги. Одни изъ тамошнихъ гражданъ желали введенія у нихъ городоваго положенія 1785-го года, а другіе — сохраненія старинныхъ правъ города. Послѣдніе однакоже сознавали, что надлежало подвергнуть эти права пересмотру, предлагая поручить это дѣло комитету, составленному изъ трехъ членовъ, по одному изъ каждаго сословія, подъ предсѣдательствомъ гражданскаго губернатора. Императоръ не согласился на назначеніе предсѣдателемъ губернатора и приказалъ составить комитетъ изъ шести членовъ, по два отъ каждаго сословія, съ тѣмъ, чтобы они изъ среды своей избрали президента, съ двойнымъ голосомъ.

За тѣмъ предстоялъ вопросъ — гдѣ надлежало находиться комитету? Графъ Строгановъ предложилъ собрать его въ Петербургѣ, для устраненія вліянія мѣстныхъ партій, но Государь замѣтилъ, что, находясь въ столицѣ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ правительства, комитетъ не могъ-бы быть достаточно самостоятеленъ. Наконецъ, графъ Кочубей предложилъ, чтобы комитетъ занимался у себя, въ Ригѣ, и, по окончаніи своего труда, представилъ его чрезъ трехъ членовъ на Высочайшее утвержденіе.

Засѣданіе 17-го марта открылось чтеніемъ бумаги, касательно сената, въ которой были сдѣланы нѣкоторыя измѣненія, предложенныя графомъ Воронцовымъ и одобренныя Императоромъ. Кромѣ того, въ ней находились замѣчанія, на счетъ такихъ статей, кои хотя и неподавали повода къ важнымъ неудобствамъ, однакоже противорѣчили предположенному плану учрежденія министерствъ. Сотрудники Государя предлагали исключить нѣкоторыя статьи, какъ наприм. восьмую, на основаніи коей губернаторы и председатели присутственныхъ мѣстъ, въ чрезвычайныхъ либо сомнительныхъ случаяхъ, должны были испрашивать разрѣшеніе сената; вмѣсто того, комитетъ постановилъ, чтобы помянутыя лица, обращались къ сенату, по всѣмъ дѣламъ подлежащимъ его вѣдомству, при чемъ не могло произойти столкновенія между сенатомъ и министерствами. Другая статья, въ коей графъ предлагалъ, чтобы сенатъ вѣдалъ о всѣхъ донесеніяхъ присылаемыхъ генералъ-прокурору отъ губернскихъ прокуроровъ, также была уничтожена, чтобы не возникло столкновеніе правъ сената съ отношеніями министра юстиціи къ его довѣреннымъ лицамъ; равнымъ образомъ уничтожили двѣ статьи, касательно раздѣленія сената на департаменты и опредѣленія дѣлъ подлежащихъ каждому изъ сихъ департаментовъ.

За тѣмъ были читаны два проекта указовъ, представленные графомъ Воронцовымъ: первый изъ нихъ заключалъ въ себѣ повелѣніе сенату заняться положеніемъ объ устройствѣ своей канцеляріи, сообразно начертаннымъ правиламъ; вторымъ указомъ предписывалось сенату преобразовать Герольдію, по части назначенія ею чиновниковъ въ различныя должности, и постановить день для еженедѣльнаго слушанія такихъ дѣлъ, кромѣ дня опредѣленнаго для общихъ собраній. Государь, одобривъ первый изъ сихъ указовъ, указалъ, что онъ не считаетъ удобнымъ утвердить второй, потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ надлежало согласить назначеніе на мѣста по Герольдіи, съ предположеннымъ учрежденіемъ министерствъ. Какъ всѣ члены комитета были того-же мнѣнія, то утвержденъ лишь указъ о преобразованіи сенатской канцеляріи.

«Императоръ сказалъ, что онъ былъ намѣренъ отдать эти бумаги на разсмотрѣніе совѣта, но, прежде того, поручилъ Новосильцову показать ихъ графу Воронцову, которому онъ обѣщалъ сообщить ихъ до внесенія въ совѣтъ. Графъ Кочубей замѣтилъ, что совѣтъ выскажется противъ предполагаемой реформы, потому что найдетъ ее весьма недостаточною, и къ тому-же имѣющееся въ виду учрежденіе министерствъ доставитъ случай сдѣлать преобразованія болѣе существенныя, непосредственно за предлагаемыми въ настоящее время, что окажется неудобнымъ. Государь отвѣчалъ графу, что онъ можетъ подать голосъ

въ совѣтѣ противъ этой мѣры, и что это послужитъ къ отвращенію подозрѣній на счетъ участія въ ней неофиціальнаго Комитета. За тѣмъ Новосильцовъ говорилъ въ пользу проекта, замѣтивъ, что хотя въ немъ были выражены довольно неопредѣлительно права и обязанности сената, однакоже онъ согласовался съ рескриптомъ 5-го іюня, который, доселѣ оставаясь безъ исполненія, подавалъ поводъ толковать, что правительство сдѣлало необдуманный поступокъ, и не знало, какъ изъ него вывернуться».

Далѣе—Новосильцовъ доложилъ о совѣщаніи, которое онъ и князь Чарторыскій имѣли съ Лагарпомъ. Они показали ему планъ предположенныхъ министерствъ и Лагарпъ вполнѣ одобрилъ его. Государь сказалъ, что онъ получилъ отъ Лагарпа письмо, въ коемъ онъ восхвалялъ эту работу и находилъ весьма счастливою идею учрежденія министерствъ.

Новосильцовъ также сообщилъ Лагарпу начертаніе организаціи общаго управленія — «въ такомъ видѣ, какъ понималъ его въ будущемъ, когда у насъ окажется возможнымъ ввести представительный образъ правленія». Лагарпъ изъявилъ весьма выгодное мнѣніе и объ этомъ проектѣ. За тѣмъ Новосильцовъ сказалъ, что онъ говорилъ съ графомъ Воронцовымъ о министерствахъ, и что Воронцовъ былъ въ восторгѣ отъ этой идеи. Раздѣленіе занятій въ министерствахъ также имъ было вполнѣ одобрено.

На вопросъ Новосильцова — можетъ-ли онъ показать то, что уже было готово по сему предмету, Государь отвѣчалъ, что слѣдовало-бы подождать, пока будетъ что-либо болѣе обработаннаго, и всѣ члены изъявили такое-же мнѣніе.

«За тѣмъ, князь Чарторыскій читалъ составленную имъ для «Лондонскаго Курьера» статью, съ тою цѣлью, чтобы осмѣять статью, помѣщенную французскимъ правительствомъ въ этомъ журналѣ. Чарторыскій притворился, будтобы онъ считаетъ помянутую статью произведеніемъ публициста враждебнаго французскому правительству и желающаго выставить его въ такомъ видѣ, что оно дѣлаетъ много шума изъ пустяковъ. Онъ старался выказать вполнѣ странность поступка Перваго Консула—придавать такую цѣну глупымъ выходкамъ журналиста, обращалъ въ шутку дѣятельность парижской полиціи и насмѣхался надъ трусостью французскаго правительства, не позволяющаго писать то, что свободно печатается въ другихъ странахъ. Въ заключеніи статьи, князь Адамъ поздравлялъ редактора съ тѣмъ, что онъ не находится въ Парижѣ, откуда Фуше на-вѣрно послалъ-бы его побесѣдовать съ Фульономъ (Fouillon) *). Все это было изложено весьма удачно, въ шутливомъ тонѣ, и одобрено всѣми членами. Графъ Кочубей получилъ приказаніе послать статью въ Лондонъ, для напечатанія въ одномъ изъ тамошнихъ журналовъ».

Далѣе—князь Чарторыскій прочелъ проектъ программы для извѣстнѣйшихъ европейскихъ юристовъ, съ предложеніемъ изложить ихъ идеи на счетъ плана русскаго кодекса. Въ этой программѣ, князь Адамъ объяснялъ, что вся наша юриспруденція основана на огромной массѣ

---

*) Въ Кайену.

указовъ, изданныхъ безъ всякой послѣдовательности и нерѣдко противорѣчащихъ одинъ другому. Это побудило Императора къ составленію систематическаго собранія законовъ, но онъ, неограничиваясь тѣмъ, предложилъ приступить къ изданію общаго кодекса, могущаго служить постояннымъ руководствомъ. Его Величество, желая воспользоваться участіемъ въ этомъ трудѣ иностранныхъ юристовъ, желалъ, чтобы они изложили свои идеи по тремъ слѣдующимъ предметамъ:

Во 1-хъ, на счетъ методы самаго труда, чтобы достигнуть по возможности его совершенства.

Во 2-хъ, касательно размѣщенія предметовъ, долженствующихъ войти въ кодексъ, такимъ образомъ, чтобы въ немъ могли быть помѣщены въ послѣдствіи всѣ узаконенія, требуемыя измѣненіями въ правахъ, обычаяхъ, и проч. словомъ сказать — полный конспектъ труда (table raisonnée des matières).

Наконецъ, въ 3-хъ, Государь желалъ знать мнѣніе сихъ спеціалистовъ, на счетъ различныхъ частей юриспруденціи.

Въ заключеніи этой программы, князь Чарторыскій поставилъ условіемъ неиздавать въ свѣтъ ничего по предлагаемому труду безъ разрѣшенія Его Величества. Если, въ продолженіи сихъ занятій, кто-либо изъ участвующихъ въ нихъ имѣлъ-бы надобность въ справкахъ, то онъ получитъ ихъ отъ назначеннаго къ тому лица. Всѣ, принявшіе участіе въ предлагаемомъ трудѣ, могутъ быть увѣрены въ вознагражденіи сообразномъ съ достоинствомъ ихъ занятій.

Императоръ Александръ, одобривъ эту программу, приказалъ графу Кочубею разослать ее нашимъ посламъ, предписавъ имъ поставить о томъ въ извѣстность знаменитѣйшихъ юристовъ. Князь Чарторыскій спросилъ, будетъ-ли послана программа въ Парижъ. Онъ находилъ это неудобнымъ по духу Французовъ, которые не преминутъ интриговать въ семъ дѣлѣ. Императоръ рѣшилъ, чтобы послать программу во Францію, и въ числѣ прочихъ — Порталису, приказавъ Маркову развѣдать, не найдется-ли еще кто-либо способный къ занятіямъ по этой части. Графъ Кочубей вызвался собрать справки на счетъ достойнѣйшихъ юристовъ въ Германіи.

Потомъ Государь сталъ говорить съ графомъ Кочубеемъ о дѣлѣ внесенномъ въ совѣтъ и требовавшемъ — по словамъ его — самаго разборчиваго обсужденія: оно относилось къ торговлѣ, по поводу какого-то банкрутства.

«Далѣе — зашла рѣчь о С.-Петербургскомъ военномъ губернаторѣ. Сотрудники Государя дѣлали ему самыя настойчивыя представленія на счетъ поступковъ Кутузова, и въ особенности отношеній его къ Агерштрему (Agerström), который, будучи агентомъ тайной полиціи, былъ принимаемъ у военнаго губернатора, какъ другъ дома, а совсѣмъ не такъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ подобными людьми, находясь въ тяжкой необходимости имѣть съ ними дѣло.»

Государь сказалъ, что «дѣйствительно слѣдовало-бы отъ него избавиться (отъ военнаго губернатора), но только спустя нѣкоторое время, потому что онъ былъ въ явномъ разладѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, и если-бы его теперь уволить, то сказали-бы, что это сдѣлано для моего брата». Говоря о людяхъ, которые могли-

бы занять мѣсто Кутузова, Государь сказалъ, что онъ знаетъ человѣка способнаго къ этой должности, но къ сожалѣнію мало извѣстнаго въ публикѣ, именно — Бахметева, оренбургскаго военнаго губернатора. Ему отвѣчали, что онъ имѣлъ очень хорошую репутацію. — При этомъ графъ Строгановъ отнесся съ весьма хорошей стороны о полиціймейстерѣ Овсовѣ, который, не смотря на свое усердіе къ службѣ, былъ безпрестанно преслѣдуемъ (chicané) и терпѣлъ отъ военнаго губернатора множество непріятностей, и проч.

Въ началѣ совѣщанія 24-го марта, графъ Кочубей прочелъ проектъ поясненія (considérant) къ указу объ учрежденіи министерствъ. Въ началѣ его были изложены причины сего учрежденія; за тѣмъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ, исчислены вкратцѣ обязанности каждаго изъ министровъ; потомъ – преобразованія сената, и наконецъ, въ видѣ заключенія, сказано, что Императоръ, вводя новый порядокъ вещей, желаетъ и надѣется дать управленію ходъ наиболѣе сообразный къ упроченію общаго благоденствія (le bien-être de tous les citoyens). Излагая причины учрежденія министерствъ, графъ Кочубей писалъ, что Петръ Первый, занятый введеніемъ многихъ преобразованій, не успѣлъ учредить въ управленіи постояннаго и удобнаго порядка, что всѣ преемники его чувствовали необходимость реформъ, и что это подало поводъ, въ царствованія Анны Ивановны и Елисаветы Петровны, къ учрежденію «Конференціи» и «Кабинета». Сама Екатерина Вторая имѣла намѣреніе преобразовать государственное управленіе, и графъ Панинъ представилъ ей планъ, въ который входило образованіе нѣсколькихъ министерствъ. Въ настоящее-же время — по словамъ графа Кочубея — безпорядокъ, господствовавшій во многихъ отрасляхъ управленія, побудилъ Его Величество къ слѣдующимъ постановленіямъ, и т. д. Обсужденіе проекта не могло имѣть ни малѣйшей важности, потому что онъ, заключая въ себѣ только первоначальную идею графа Кочубея, долженъ былъ, по сознанію самаго составителя, подвергнуться окончательной передѣлкѣ.

Въ одной изъ статей проекта было сказано, что коллегій не будетъ и что онѣ замѣнятся канцеляріями министровъ (bureaux des ministres). Государь полагалъ, что нельзя было уничтожить разомъ всѣ эти старинныя формы, и что, можетъ быть, достаточно подчинить ихъ министрамъ, и въ послѣдствіи уже, когда онѣ на опытѣ окажутся безполезны, замѣнить ихъ другими учрежденіями. Таково было мнѣніе князя Чарторыскаго; напротивъ того, графъ Кочубей, Новосильцовъ и графъ Строгановъ полагали, что коллегіи могли затруднить ходъ дѣлъ въ министерствахъ, и что придется сдѣлать цѣлое Положеніе, для примѣненія этихъ устарѣлыхъ формъ къ новымъ учрежденіямъ. По сему поводу возникъ споръ, но не было рѣшено ничего.

Въ другой статьѣ, графъ предлагалъ, чтобы указы давались на имя сената, который сообщалъ-бы ихъ министрамъ, по принадлежности. При семъ онъ замѣтилъ, что, по мнѣнію членовъ Комитета, выраженному въ прежнихъ совѣщаніяхъ, такой порядокъ передачи указовъ министрамъ слагалъ съ нихъ ту отвѣтственность, которую налагало-бы на нихъ скрѣпленіе указовъ ихъ подписью (la contresignature). На этомъ основаніи, Комитетъ предлагалъ, чтобы указы давались на имя

министровъ, которые доносили-бы о томъ Сенату. И на этотъ вопросъ также не послѣдовало никакого рѣшенія.

Далѣе — Государь хотѣлъ знать мнѣніе членовъ: нужно ли было имѣть особое министерство Коммерціи? Ему отвѣчали, что пока г. Оленинъ не доставитъ свѣдѣній на счетъ настоящаго распредѣленія отраслей управленія между властями, до тѣхъ поръ нельзя приступить, на основаніи одной теоріи, къ рѣшенію такого вопроса; но что, по всей вѣроятности, не было особенной надобности въ учрежденіи особаго министерства по такому предмету, коего всѣ части принадлежали министерству финансовъ.

Государь полагалъ, что было бы очень прилично имѣть министра Коммерціи, и сослался на Лагарпа, который былъ того-же мнѣнія.

Впрочемъ — и этотъ вопросъ остался нерѣшеннымъ. Комитетъ перешелъ къ соображеніямъ графа Кочубея на счетъ сената. Государь замѣтилъ, что его проектъ отчасти не согласуется съ предполагаемою реформою. Прочіе-же члены комитета, признавая достоинство этихъ идей, полагали отложить исполненіе ихъ, чтобы не предпринимать вдругъ двухъ дѣйствій, первостепенной важности, что было-бы слишкомъ щекотливо. Графъ Кочубей самъ изъявилъ такое-же мнѣніе. Затѣмъ, всѣ стали просить Государя, чтобы онъ поторопилъ г. Оленина и передалъ членамъ то, что уже было имъ сдѣлано, потому что неимѣніе этихъ свѣдѣній было единственнымъ препятствіемъ къ изложенію подробностей учрежденія министерствъ. Государь обѣщалъ исполнить желаніе членовъ.

Затѣмъ шло дѣло по дипломатическому предмету. Графъ Кочубей доложилъ Его Величеству, что многія обстоятельства убѣдили его въ существованіи предположенія, имѣвшаго цѣлью союзъ между Россіею, Франціей и Пруссіей, и потому онъ осмѣливается спросить — нѣтъ ли какихъ либо признаковъ тому въ перепискѣ съ Королемъ Прусскимъ? Государь отвѣчалъ, что онъ получилъ отъ Короля только то письмо, которое показывалъ графу, въ коемъ ничего не сказано по этому предмету. Графъ Кочубей замѣтилъ, что желательно былобы знать, какой отзывъ слѣдуетъ сдѣлать въ случаѣ подобнаго предложенія. «Прежде всего—сказалъ Государь—надлежитъ изслѣдовать, можетъ ли произойти какой вредъ отъ этого союза? Я не предвижу никакого (Je n'en vois aucun). Кочубей отвѣчалъ, что подобный союзъ поселитъ опасенія во всѣхъ прочихъ государствахъ Европы, въ особенности-же встревожитъ Англію и Австрію, потому что Франція, и безъ того уже могущественная, будучи поддерживаема Россіей, сдѣлается еще болѣе опасною, что поведетъ къ нарушенію политическаго равновѣсія, безъ сомнѣнія несогласному съ видами Государя».

Императоръ сказалъ, что «Англія напрасно тревожилась-бы такимъ союзомъ, потому что единственнымъ средствомъ удержать Францію въ предѣлахъ умѣренности и не позволить ей увеличиться было обузданіе ея трактатомъ, коего условія былибы противны расширенію ея предѣловъ. Россія дѣйствительно не имѣла надобности въ подобномъ союзѣ для своихъ собственныхъ выгодъ, но еслибы она могла пріобрѣсти полезное вліяніе на дѣла Европы, то это былобы весьма прилично, и потому онъ полагалъ, что намъ слѣдовало выждать предло-

женій французскаго правительства, и давъ ему почувствовать, что мы вовсе не нуждались въ союзѣ съ нимъ, войти въ соглашеніе не иначе, какъ на такихъ условіяхъ, которыя былибы желательны для достиженія помянутой цѣли.

Новосильцовъ и князь Чарторыскій, совершенно одобряли такой образъ дѣйствій, но по ихъ мнѣнію, можно было заранѣе предвидѣть, что Французы никогда не согласятся связать себя какими-либо условіями. Графъ Строгановъ сказалъ, что онъ не понимаетъ, зачѣмъ Россія и Франція стали-бы стѣснять себя взаимно трактатомъ, что это нисколько не послужитъ къ охраненію политическаго равновѣсія въ Европѣ, и что обѣ Державы будутъ всегда дѣйствовать, руководясь своими собственными выгодами: слѣдовательно — находясь въ союзѣ съ Французами, мы потеряли-бы въ общемъ мнѣніи, потому что еслибы они не исполнили принятыхъ ими условій, то мы не могли-бы имъ ничего сдѣлать и только обнаружили-бы свое безсиліе. Если-же мы вздумали-бы поддерживать оружіемъ заключенный нами трактатъ, то намъ пришлось-бы взволновать всю Европу; судя по минувшимъ событіямъ, нельзя ожидать, чтобы Пруссія, Баварія и другія державы руководились не личными своими разсчетами, а стремленіемъ къ общей пользѣ. Изъ всего сказаннаго онъ сдѣлалъ выводъ, что неслѣдовало заключать никакого трактата съ Франціей.

Государь, по видимому, все еще склонялся въ пользу сего союза, но не настаивалъ на томъ. Казалось, замѣчаніе графа Строганова — о невозможности побудить Францію къ исполненію условій трактата — сдѣлало впечатлѣніе на его образъ мыслей.

Затѣмъ Государь сообщилъ, что его занимало намѣреніе — найти русскихъ негоціантовъ для занятія консульскихъ должностей за границею. Доселѣ всѣ наши консулы были иностранцы, что не нравилось Его Величеству. Графъ Кочубей изъявилъ сомнѣніе, чтобы въ нашемъ купеческомъ сословіи нашлись люди желающіе и способные занять эти мѣста. Новосильцовъ сказалъ, что въ Лондонѣ былъ русскій торговый домъ, издавна существующій и снискавшій уваженіе; онъ полагалъ, что одинъ изъ членовъ сего семейства, въ случаѣ упраздненія тамъ консульской должности, могъ-бы занять ее; за тѣмъ онъ сталъ говорить о другомъ негоціантѣ Пономаревѣ, съ которымъ онъ познакомился въ Лондонѣ, молодомъ человѣкѣ, получившемъ весьма хорошее воспитаніе и теперь находившемся въ Россіи. Государь, по видимому, восхищенный всѣмъ слышаннымъ отъ Новосильцова, приказалъ ему, чтобы онъ предложилъ Пономареву мѣсто торговаго агента въ какомъ-либо изъ городовъ Франціи. Новосильцовъ отвѣчалъ, что онъ постарается отыскать его. Графъ Строгановъ сказалъ Его Величеству, что онъ слышалъ, будтобы, по распоряженію нашего правительства, былъ основанъ въ Лондонѣ русскій торговый домъ, получившій нѣкоторыя награды, о чемъ сдѣлалось извѣстно въ публикѣ. По мнѣнію Строганова, это могло быть непріятно Англичанамъ и причинить вредъ нашему торговому дому, и потому слѣдовало бы учредить его безъ огласки. Государь отвѣчалъ, что эти купцы испрашивали у него поселиться въ Лондонѣ, и что онъ имъ на то далъ разрѣшеніе, а все прочее — чистая выдумка.

Въ засѣданіи 31-го марта неучаствовалъ Новосильцовъ, по болѣзни. Государь открылъ совѣщаніе положеніемъ тяжебнаго дѣла между фельдмаршаломъ Никол. Иван. Салтыковымъ и графомъ Кутайсовымъ. При Императрицѣ Екатеринѣ Второй графу Салтыкову были пожалованы земли на берегу Каспійскаго моря, близь устья рѣки Эмбы, на протяженіи 600 верстъ, заключавшія въ себѣ 200,800 десятинъ, изъ коихъ только восемьсотъ способныхъ къ земледѣлію. Фельдмаршалу отведены были эти земли областнымъ правителемъ генераломъ Гудовичемъ, который имѣлъ право раздавать имѣнія въ опредѣленномъ количествѣ; но въ этомъ случаѣ онъ превысилъ ввѣренную ему власть, отведя, вмѣстѣ съ восемьюстами десятинами удобной къ обработкѣ земли, лежавшими узкою полосою вдоль моря, огромное безплодное пространство. При Императорѣ Павлѣ, графъ Кутайсовъ выпросилъ всѣ эти земли и принадлежащія къ нимъ рыбныя ловли. По кончинѣ-же Императора, фельдмаршалъ сталъ домогаться, чтобы онѣ были возвращены ему, какъ прежнему владѣльцу. По внесеніи этого дѣла въ совѣтъ, голоса раздѣлились, но вообще преобладало мнѣніе, что фельдмаршалъ получилъ земли отъ лица неимѣвшаго права отдать ихъ, и что, напротивъ того, онѣ пожалованы графу Кутайсову Высочайшимъ указомъ Императора Павла: слѣдовательно — права перваго были столь-же сомнительны, сколько права втораго неоспоримы. Но, съ другой стороны, совѣтъ, находя монополію рыбныхъ ловлей, коею пользовался Кутайсовъ, вредною для казны, полагалъ, что слѣдовало отмѣнить исключительное рыболовство и сдѣлать этотъ промыселъ свободнымъ для всѣхъ, а, чтобы не нарушить право собственности, надлежало, по мнѣнію совѣта, вознаградить семейство Кутайсова другими землями, либо денежною суммою, и проч. Императоръ желалъ знать мнѣніе неофиціальнаго комитета на счетъ этого дѣла.

Графъ Кочубей уже предлагалъ въ совѣтѣ отобрать отъ Кутайсовыхъ помянутыя земли и дать, въ замѣну ихъ, другія. Императоръ думалъ, что пришлось-бы отвести слишкомъ обширныя земли, и что лучше вознаградить ихъ деньгами. Графъ Строгановъ и князь Чарторыскій полагали болѣе удобнымъ отвести такое-же пространство въ другихъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что въ Бозѣ почившій Императоръ очевидно былъ обманутъ въ этомъ дѣлѣ. Государь, однакоже — казалось, остался при прежнемъ своемъ намѣреніи, вознаградить Кутайсовыхъ единовременно уплаченною суммою. — За тѣмъ графъ Кочубей завелъ рѣчь о присланной, по повелѣнію Его Величества, въ Каспійскій комитетъ запискѣ, графа Валеріана Зубова, которая была довольно хорошо составлена. По мнѣнію графа Кочубея, комитетъ былъ неспособенъ къ основательному обсужденію ея содержанія. Она относилась — сказалъ Государь—къ пріобрѣтеніямъ, которыя графъ Зубовъ считалъ необходимыми для Россіи. Въ ней также были изложены виды Императрицы Екатерины, совершенно сходные съ проектомъ графа, на счетъ овладѣнія землями между Грузіей и Каспійскимъ моремъ, отъ тогдашнихъ нашихъ границъ до рѣки Куры, что со временемъ моглобы принести большую пользу для нашей торговли. Графъ Кочубей полагалъ, что, какъ мы уже заняли Грузію, то слѣдовало извлечь изъ этого пріобрѣтенія наибольшія выгоды, но что для достиженія подоб-

ной цѣли необходимо имѣть тамъ способнаго человѣка, а не такого, каковъ былъ Кнорингъ. Въ особенности-же надлежало щадить горскія племена, живущія, между нашими владѣніями и Грузіей, которыя, по неприступности обитаемыхъ ими горъ, могутъ быть покорены иначе какъ снисходительнымъ съ ними обращеніемъ. Его Величество сказалъ, что въ дѣйствительности Кнорингъ не имѣлъ большихъ способностей, но, что, по видимому, въ его поступкахъ не было ничего предосудительнаго. Что-же касается до овладѣнія помянутою страною, Его Величество считалъ это предпріятіе полезнымъ, и въ особенности въ военномъ отношеніи. При этомъ Государь объяснилъ на картѣ, какъ растянута была наша настоящая граница, и какъ много она требовала войскъ для защиты, замѣтивъ, что вновь предполагаемая линія, находясь на кратчайшемъ пространствѣ между Чернымъ и Каспійскимъ морями, можетъ быть занята несравненно меньшими силами.

Далѣе — графъ Кочубей сталъ говорить о князѣ Александрѣ Борисовичѣ Куракинѣ, полагая необходимымъ, чтобы онъ велъ протоколы своихъ совѣщаній съ генераломъ Гедувилемъ. Императоръ спросилъ у графа, не можетъ-ли онъ присутствовать при совѣщаніяхъ Куракина съ Гедувилемъ. Кочубей отвѣчалъ, что онъ не видитъ въ томъ пользы, и что это заставило-бы его потерять много времени. Государь не настаивалъ на своей идеѣ. Графъ Кочубей сталъ доказывать Его Величеству, что князь Куракинъ былъ не на своемъ мѣстѣ и оказался совершенно неспособенъ къ занимаемой имъ должности *), предлагая назначить его воспитателемъ Великихъ Князей, что польстило-бы его самолюбію и было-бы пріятно вдовствующей Императрицѣ, а, между тѣмъ, не дало-бы ему никакого вліянія на воспитаніе царственныхъ питомцевъ. Государь отвѣчалъ, что лучше оставить его на мѣстѣ, гдѣ онъ не дѣлаетъ никакого вреда, и что пришлось-бы дать ему въ новой должности огромное содержаніе. На этомъ и окончилось дѣло, однакоже казалось, что со временемъ можно было убѣдить Его Величество въ пользѣ помянутаго назначенія. За симъ графъ Кочубей доложилъ, что Тамара просилъ объ увольненіи его отъ занимаемой имъ должности въ Константинополѣ, и что надлежало подумать о назначеніи кого-либо на его мѣсто; по мнѣнію графа, можно было послать туда Татищева. Государь спросилъ, способенъ-ли онъ къ занятію такого поста? Князь Чарторыскій рекомендовалъ на это мѣсто нашего резидента въ Неаполѣ Италинскаго, замѣтивъ, что на первый разъ можно назначить туда Татищева. Это предложеніе, казалось, было одобрено всѣми членами.

Засѣданіе 11-го апрѣля открылось чтеніемъ проекта, составленнаго Новосильцовымъ, о раздѣленіи Министерства **) и распредѣленіи дѣлъ между его отдѣлами. Онъ предлагалъ раздѣлить всю администрацію на восемь частей порученныхъ министрамъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, государственнаго казначейства (trésor), иностранныхъ дѣлъ,

---

*) Вице-канцлера.

**) Первоначально было предназначено *одно* министерство, съ подраздѣленіемъ его на части подвѣдомственныя министрамъ.

военное, морское и народнаго просвѣщенія, при чемъ доложилъ Государю, что «въ числѣ ихъ онъ не рѣшился помѣстить отдѣла Коммерціи, (какъ по видимому угодно было Его Величеству), потому что эта отрасль управленія не могла составить особенной части; впрочемъ, если Государь оставался при своемъ мнѣніи, можно было отдѣлить въ вѣдѣніе министра коммерціи таможни и коммерческую коллегію, и такимъ образомъ прибавить девятую часть министерства».

За тѣмъ, Новосильцовъ продолжалъ чтеніе своего проекта.

«Министру юстиціи предоставлялись всѣ прежнія права, кромѣ того, что всѣ административныя дѣла его вѣдомства отнесены къ прочимъ министерствамъ.

«Въ вѣдомствѣ министра внутреннихъ дѣлъ состоитъ все относящееся къ содержанію въ порядкѣ и къ удобству сообщеній, къ промышленности и управленію: для этого ему подчинены: всѣ генералъ-губернаторы и губернаторы, департаментъ путей сообщеній, мануфактуръ-коллегія, экспедиція государственнаго хозяйства, гражданскіе землемѣры (les bureaux d'arpentage), соляная контора: онъ сносится съ министерствомъ финансовъ по части публичныхъ зданій и общественнаго продовольствія; онъ-же завѣдуетъ обойными мануфактурами (manufactures des Gobelins) и строительною коммиссіей кремлевскаго дворца. Государь приказалъ вычеркнуть двѣ послѣднія статьи, замѣтивъ, что одна войдетъ въ общій разрядъ мануфактуръ, а другая въ департаментъ Двора Его Величества».

«Къ министерству финансовъ принадлежатъ всѣ статьи доходовъ и ассигнованіе источниковъ для отпуска суммъ въ различныя мѣста государственнаго управленія. Въ первый разрядъ войдутъ: управленіе удѣльными имѣніями, староствами, мызами, и проч. лѣса, винные откупы, почты, и т. д. Во второй-же разрядъ: банки, банкиры и придворные коммиссіонеры. Онъ сносится съ финансъ-камерами (les chambres de finances) по тѣмъ дѣламъ, кои принадлежатъ къ управленію различными статьями государственнаго дохода.»

«Министръ государственнаго казначейства (ministre de la trésorerie) долженъ вести счетъ расходамъ и наблюдать за порядкомъ дохода и расхода, сообразно распоряженіямъ министра финансовъ, или, другими словами, онъ завѣдываетъ механическою частью государственныхъ финансовъ. Онъ сносится съ финансъ-камерами, по части порядка въ счетоводствѣ.

«Министры иностранныхъ дѣлъ, военный и морской остаются на прежнемъ основаніи, имѣя подъ своимъ управленіемъ коллегіи завѣдывающія дѣлами по симъ вѣдомствамъ.

«Министерство народнаго просвѣщенія, занявъ мѣсто коммиссіи правленія училищъ, будетъ имѣть въ управленіи: библіотеки, коллекціи минераловъ и проч. академіи и всѣ воспитательныя заведенія».

За тѣмъ — въ нѣсколькихъ параграфахъ были правила опредѣлявшія образъ занятій министровъ. Каждому изъ нихъ предполагалось придать помощника, подъ названіемъ товарища министра. Каждый изъ министровъ долженъ былъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ инструкціей, опредѣляющею въ точности права ему предоставленныя. Все-же выходящее изъ предѣловъ его власти подлежало рѣшенію Государя, на

основаніи доклада, представляемаго ему министромъ, и мнѣнія совѣта, а за тѣмъ уже указъ, скрѣпленный подписью министра, долженствовалъ быть обнародованъ обычнымъ порядкомъ.

По вопросу — слѣдовало-ли указы предварительно вносить на разсмотрѣніе въ совѣтъ, голоса раздѣлились.

Графъ Кочубей сказалъ, что это было-бы у насъ нововведеніемъ, потому что совѣтъ есть учрежденіе частное, совершенно зависимое отъ Императора, слѣдовательно — постановленіе — отдавать всякое дѣло на рѣшеніе совѣта — противорѣчило-бы общему порядку нашего управленія.

Государь изъявилъ мнѣніе, что не было никакого неудобства опредѣлить случаи, въ которыхъ дѣла вносились-бы въ совѣтъ, вмѣсто предоставленія ихъ рѣшенія Верховной власти.

Графъ Кочубей настаивалъ на сдѣланномъ имъ замѣчаніи, но какъ предполагалось передѣлать весь проектъ, то положили обсудить этотъ предметъ въ послѣдствіи. Государь казался вообще доволенъ заключавшимися въ немъ предположеніями и только хотѣлъ, чтобы посовѣтовались съ Лагарпомъ. Новосильцовъ отвѣчалъ, что онъ самъ имѣлъ это намѣреніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ дозволеніе Е. В. поговорить о нѣкоторыхъ подробностяхъ проекта съ нѣсколькими дѣльцами (routiniers), которые могли принести пользу своею опытностью. Государь согласился.

За нѣсколько дней до сего совѣщанія, Его Величество сообщилъ членамъ комитета проектъ Лагарпа, объ устройствѣ министерства народнаго просвѣщенія, и проектъ директора кадетскаго корпуса, генерала Клингера, объ устройствѣ народныхъ училищъ. Какъ оба проекта имѣли связь съ проектомъ учрежденія министерствъ, то Новосильцовъ доложилъ Государю, что слѣдовало-бы принять во вниманіе въ общемъ постановленіи довольно основательныя идеи Лагарпа. Его Величество отвѣчалъ, что Лагарпъ желалъ, чтобы это было сдѣлано неотлагательно, и что онъ самъ раздѣлялъ это мнѣніе, потому что положено было-бы начало дѣлу (puisque cela serait déjà autant de fait).

Но члены комитета замѣтили ему, что отъ такого отдѣльнаго исполненія одной изъ частей проекта могла произойти несвязность (incohérence) прочихъ, весьма вредная для успѣха дѣлъ, и что лучше было подождать двѣ или три недѣли, нежели торопиться съ несвоевременнымъ учрежденіемъ одного вѣдомства. Государь — казалось — сознавалъ справедливость этого мнѣнія.

Касательно-же проекта, составленнаго генераломъ Клингеромъ, Новосильцовъ доложилъ Его Величеству, что онъ оказался неудобнымъ во многихъ отношеніяхъ. Во первыхъ, Клингеръ предлагалъ имѣть учителей въ каждомъ изъ селеній, по числу коихъ въ Имперіи, потребовалось-бы несмѣтное множество учителей, и къ тому-же въ иныхъ мѣстахъ у насъ населеніе такъ разсыпано, что нерѣдко пришлось-бы имѣть учителя на два или на три крестьянскихъ дома; если-же предполагалось ограничиться учрежденіемъ приходскихъ школъ, то всего лучше ввѣрить обученіе дѣтей прихожанъ священникамъ, какъ ближайшимъ наставникамъ своей духовной паствы.

«Генералъ Клингеръ предлагалъ брать школьныхъ учителей изъ

семинаристовъ, либо унтеръ-офицеровъ. Чтò касается до первыхъ, сказалъ Новосильцовъ, если мы устранимъ ихъ отъ вступленія въ духовное званіе, то и безъ того уже значительное число несвѣдущихъ священниковъ еще болѣе умножится, и, напротивъ того, ежели они будутъ идти по тому пути, который для нихъ былъ назначенъ отъ самой колыбели, это послужитъ въ пользу, доставя, мало по малу, духовенству надлежащее уваженіе». На замѣчаніе Государя, что «это будетъ нескоро», Новосильцовъ отвѣчалъ: «лучше подвигаться медленно, но вѣрно, нежели торопиться, жертвуя достоинствомъ предполагаемыхъ учрежденій». Когда-же Государь сказалъ, что немногіе лишь семинаристы захотятъ быть священниками, Новосильцовъ замѣтилъ, что это было весьма естественно. Съ нѣкотораго времени, многіе изъ нихъ поступили въ гражданскую службу и быстро возвысились, чтò побуждало ихъ товарищей оставлять духовное званіе; но если-бы имъ былъ закрытъ выходъ оттуда, то они по необходимости держались-бы своего первоначальнаго назначенія. За тѣмъ — рѣшеніе всѣхъ возбужденныхъ вопросовъ было отложено до учрежденія министерствъ».

Императоръ открылъ совѣщаніе 21-го апрѣля, сказавъ, что онъ получилъ письмо отъ князя Алексѣя Куракина, съ просьбою объ отставкѣ, и что причиною тому, какъ ему извѣстно, было неудовольствіе князя, по поводу назначенія графа Сергѣя Румянцова въ совѣтъ, между тѣмъ какъ самъ онъ не былъ туда назначенъ. Государь, показавъ письмо, сообщилъ членамъ, что, по его мнѣнію, надлежало Куракина уволить отъ службы, потому что назначеніе въ совѣтъ выражаетъ довѣріе, и никто не можетъ домогаться, чтобы къ нему непремѣнно имѣли довѣріе; вмѣстѣ съ тѣмъ Государь желалъ знать мнѣніе членовъ по сему предмету. Они отвѣчали, что въ дѣйствительности было-бы хорошо уволить его, потому что отказъ въ просимой имъ отставкѣ имѣлъ-бы видъ испрашиванія у него, какъ милости, чтобы онъ остался на службѣ, чтò, по мнѣнію членовъ, было неприлично. Императоръ сказалъ, что онъ уволитъ его.

За тѣмъ, по порядку дѣлъ, перешли къ учрежденію министерствъ. Новосильцовъ показалъ Государю нѣкоторыя поправки въ проектѣ, преимущественно относившіяся къ редакціи. Онъ также доложилъ, что видѣлъ Лагарпа и воспользовался его замѣчаніями для исправленія статей еще неподнесенныхъ Его Величеству. По мнѣнію Лагарпа, чтобы осуществить весь этотъ проектъ (pour mettre en activité toute cette machine), надлежало составить положеніе о канцелярскомъ порядкѣ. Новосильцовъ замѣтилъ, что хотя эта часть въ иностранныхъ государствахъ находилась несравненно въ лучшемъ состояніи, нежели у насъ, однакоже мы имѣли по сему предмету собраніе правилъ въ Генеральномъ Регламентѣ Петра Великаго, могшемъ на первый случай послужить руководствомъ; въ послѣдствіи-же мы могли воспользоваться свѣдѣніями, которыя Лагарпъ вызвался собрать во Франціи, а также получить въ Пруссіи, пославъ туда надежнаго чиновника, извѣстнаго самому Лагарпу. Новосильцовъ считалъ порядокъ дѣлъ, существовавшій въ нашихъ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ, неудовлетворительнымъ, и думалъ, что преобразованіе его долженствовало быть однимъ изъ первыхъ предметовъ попеченія правительства.

«Государь замѣтилъ, что нельзя было завести одного и того-же канцелярскаго порядка въ судебныхъ мѣстахъ и административныхъ учрежденіяхъ. Онъ согласился съ членами комитета, что министерства должны были начать свои дѣйствія непосредственно по ихъ учрежденіи, потому что ежели бы они приступили къ занятіямъ спустя мѣсяцъ или полтора послѣ ихъ учрежденія, то нынѣшніе чиновники, полагая, что ихъ вскорѣ смѣнятъ, исполняли-бы свои обязанности съ нерадѣніемъ и подавали-бы Государю поводъ къ неудовольствію. Первоначально новые министры составятъ свои канцеляріи изъ прежнихъ чиновниковъ и будутъ рѣшать дѣла, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, а между тѣмъ, укомплектуютъ и улучшатъ свои вѣдомства, потому что нельзя надѣяться чтобы съ разу устроить дѣло такъ превосходно, чтобы въ немъ не потребовалось измѣненій».

Далѣе—продолжалось чтеніе проекта объ учрежденіи министерствъ. Опредѣливъ, какъ было сказано, въ предъидущемъ совѣщаніи, образъ дѣйствій министровъ, на основаніи данныхъ имъ инструкцій, и проч., Новосильцовъ перешелъ къ способу составленія докладовъ Государю: въ началѣ надлежало излагать предметъ, о которомъ испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе, потомъ — причины побуждающія къ тому и выгоды могущія быть послѣдствіемъ разрѣшенія. Эти доклады долженствовали подвергаться обсужденію комитета, составленнаго изъ всѣхъ министровъ, и, въ случаѣ несоблюденія сей формальности, каждый изъ нихъ имѣлъ право дѣлать отъ себя представленія, по предмету доклада.

Какъ Государь изъявилъ нѣкоторое сомнѣніе въ пользѣ такихъ распоряженій, то ему доложили о необходимости ихъ, потому что всѣ отрасли управленія были какъ-бы звенья цѣпи, слѣдовательно — всякое новое распоряженіе долженствовало быть обсуживаемо совокупно всѣми лицами участвующими въ управленіи, дабы дѣйствія одного изъ нихъ не мѣшали другому, и чтобы всѣ части государственной администраціи были направлены къ общей цѣли. Мѣра сія могла также предупредить, чтобы министры не вводили въ заблужденіе Государя и будучи связаны между собою взаимною отвѣтственностью, оставались въ точныхъ предѣлахъ своихъ обязанностей. Государь одобрилъ это мнѣніе.

За тѣмъ предполагалось, чтобы текущія дѣла рѣшались въ комитетѣ министровъ, а важнѣйшіе вопросы вносились на обсужденіе въ совѣтъ.

Государь спросилъ — почему не вносить-бы въ совѣтъ всѣ дѣла? Ему отвѣчали, что отъ воли Его Величества зависѣло отсылать туда на разсмотрѣніе дѣла, которыя, по его мнѣнію, того потребуютъ. Но еслибы пришлось вносить въ совѣтъ всякое дѣло, то это потребовало-бы много времени, замедлило-бы ходъ управленія и затруднило-бы министровъ, которые, кромѣ того, подлежатъ важной отвѣтственности. Императоръ утвердилъ помянутую статью проекта.

Далѣе — шло дѣло объ отвѣтственности министровъ въ отношеніи къ сенату.

На основаніи проекта, каждый министръ ежегодно долженъ былъ представлять Е. В. отчетъ о своемъ управленіи. Этотъ отчетъ подлежалъ предварительному разсмотрѣнію сената, который, сличивъ его съ донесеніями, полученными въ теченіи года, а равно съ Высочайше утвержденными докладами и указами по вѣдомству, состоящему въ

управленіи министра, подносилъ-бы Государю свое о всемъ заключеніе, въ формѣ доклада. Императоръ замѣтилъ, что «такихъ правъ никогда не было предоставлено сенату, и что это противорѣчитъ назначенію сената, какъ высшаго судилища».

Въ слѣдующей статьѣ, о товарищѣ министра, было сказано, что онъ долженствовалъ содѣйствовать въ занятіяхъ министра, по его указанію. Его Величество полагалъ, что слѣдовало-бы опредѣлить точнѣе обязанности товарищей министровъ.

Далѣе — предполагалось, чтобы министры были непремѣнными членами совѣта. Въ засѣданіяхъ совѣта должны были участвовать министры, и въ особенности тѣ, къ вѣдомству коихъ относилось дѣло подлежащее разсмотрѣнію, а также министры: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Совѣтъ долженъ былъ собираться не иначе, какъ получивъ повѣстки адрессованныя на имя каждаго изъ членовъ. Государь замѣтилъ, что для засѣданій совѣта были положены постоянные дни, и что еслибы не случилось дѣлъ требующихъ собраніе совѣта, то можно-бы извѣщать членовъ объ отмѣнѣ совѣщанія. Эта поправка была одобрена.

Положено, чтобы у министровъ было еженедѣльно по два пріемныхъ дня. Государь, предоставя самимъ министрамъ назначеніе такихъ дней, желалъ только, чтобы эти дни были постоянны.

Далѣе — опредѣлены правила, на основаніи коихъ предполагалось устроить канцеляріи министровъ. Его Величество полагалъ болѣе удобнымъ помѣстить эти статьи въ инструкціяхъ министрамъ.

По прочтеніи проекта, Новосильцовъ спросилъ у Государя, можетъ-ли это дѣло быть исполнено до отъѣзда Его Величества *). Императоръ отвѣчалъ, что онъ не считаетъ того возможнымъ, что слѣдовало составить инструкціи министрамъ, и что это было не легко. Графъ Строгановъ замѣтилъ, что слѣдовало-бы опредѣлить предметъ инструкцій. Государь сказалъ въ отвѣтъ, что въ нихъ надлежало изложить механизмъ занятій и обязанности каждаго изъ министровъ, и хотя сотрудники Императора полагали, что эта работа не требуетъ много времени, однакоже онъ не согласился съ ихъ мнѣніемъ.

Предъ окончаніемъ совѣщанія, Государь сообщилъ свое намѣреніе посѣтить западныя губерніи. Онъ желалъ сдѣлать нѣкоторыя постановленія, полезныя для этого края и могущія послужить къ искорененію злоупотребленій; но полагалъ, что, прежде всего, надлежало узнать ихъ: для этого онъ хотѣлъ послать довѣреннаго человѣка, который, подъ какимъ-либо, предлогомъ, не открывая цѣли даннаго порученія, ознакомился-бы на мѣстѣ со всѣмъ заслуживающимъ привлечь на себя вниманіе правительства. Какъ по этому поводу возникло разногласіе, то Государь отложилъ дальнѣйшее обсужденіе до слѣдующаго собранія.

«Въ засѣданіи 5-го мая Его Величество, прежде всего, сталъ говорить о своей бесѣдѣ съ Лагарпомъ, на счетъ выбора министровъ. Когда Императоръ сказалъ ему о намѣреніи своемъ — поручить министер-

---

*) Государь выѣхалъ въ Мемель 20-го мая ст. ст. 1802 года.

ство финансовъ графу Николаю Румянцову, а юстиціи — Васильеву, Лагарпъ отвѣчалъ, что было-бы опасно перемѣстить Васильева, который, по своей долгой опытности, былъ способнѣе кого-бы то ни было, по части финансовъ; къ тому-же общественное мнѣніе признавало его единственнымъ человѣкомъ у насъ, знавшимъ кое-что по этой части, и по тому Лагарпъ полагалъ, что не слѣдовало съ самаго начала идти на-перекоръ общему голосу. Въ отвѣтъ Государю, члены комитета выразили мнѣніе, что дѣйствительно публика была благосклонна къ Васильеву; что-же касается до опытности его, то едвали можно согласиться съ общимъ мнѣніемъ, потому что онъ никогда не управлялъ никакою изъ частей входящихъ въ предполагаемое министерство финансовъ, за исключеніемъ государственнаго казначейства. Предлагая-же назначеніе Николая Румянцова на мѣсто министра финансовъ, члены имѣли въ виду, что ему придадутъ одного или нѣсколькихъ способныхъ чиновниковъ.

«По словамъ Его Величества, Лагарпъ сказалъ ему, что можетъ быть въ началѣ было-бы хорошо соединить государственное казначейство съ министерствомъ финансовъ, подъ управленіемъ Васильева, который, будучи знакомъ съ обоими вѣдомствами, въ послѣдствіи сдѣлалъ-бы приличное ихъ раздѣленіе. По мнѣнію Лагарпа, въ началѣ не слѣдовало гоняться за тѣмъ, предоставя себѣ въ послѣдствіи удобнѣйшее размѣщеніе частей по министерствамъ, какъ это было сдѣлано въ Швейцаріи и Франціи. Сотрудники Государя считали такое перемѣщеніе возможнымъ только въ подробностяхъ; главные-же предметы управленія имѣютъ между собою взаимную связь, опредѣляющую въ точности ихъ мѣсто въ различныхъ вѣдомствахъ.»

«Государь сообщилъ сказанное имъ Лагарпу, что Николая Румянцова прочили министромъ финансовъ, потому что онъ завѣдывалъ вѣдомствомъ коммерціи. Лагарпъ отвѣчалъ, что онъ оставался при своемъ прежнемъ убѣжденіи, о необходимости образовать отдѣльное министерство коммерціи. И дѣйствительно — продолжалъ Императоръ — хотя вы увѣряли, что нѣкоторыя части управленія имѣютъ свое въ точности опредѣленное мѣсто, однакоже не знаю, почему вы полагаете, что сообщенія принадлежатъ болѣе къ министерству внутреннихъ дѣлъ, нежели къ министерству коммерціи? Ему отвѣчали, что улучшеніе путей сообщенія находится въ тѣсной связи съ народнымъ благосостояніемъ, составляющимъ предметъ занятій министерства внутреннихъ дѣлъ; что отъ удобства сообщеній зависитъ равномѣрное распредѣленіе произведеній между различными частями Имперіи; что оно-же можетъ оказать вліяніе на развитіе народной промышленности и послужить къ увеличенію общественнаго богатства; что вѣдомство коммерціи, принадлежащее къ министерству финансовъ, имѣетъ отношенія къ вѣдомству сообщеній только по таможеннымъ сборамъ, и наконецъ — что, по части земледѣлія и народнаго продовольствованія, сообщенія (въ самомъ обширномъ значеніи этого слова) представляются самымъ дѣйствительнымъ средствомъ (l'instrument le plus essentiel).»

Государь замѣтилъ, что это было единственное доказательство въ пользу помянутаго мнѣнія. Графъ Строгановъ сказалъ, что его весьма достаточно, и потомъ изъявилъ сожалѣніе, что Лагарпъ, при совѣщаніи съ членами комитета, не изложилъ своихъ идей по сему предмету. Им-

ператоръ отвѣчалъ, что никто не имѣлъ повода сердиться на Лагарпа, и что члены поставлены въ извѣстность о его мнѣніи. На это графъ Строгановъ возразилъ, что какъ члены несоглашались съ Лагарпомъ, то полезно было-бы заранѣе знать его идеи, чтобы обсудить ихъ, что, по краткости времени остающагося до отъѣзда Его Величества, сдѣлалось невозможно.

За тѣмъ — графъ Кочубей доложилъ о нѣсколькихъ мнѣніяхъ, читанныхъ въ Совѣтѣ по поводу Сената. Вообще — голоса раздѣлились: одни полагали, что предположенныя мѣры безполезны и что онѣ надѣлаютъ много шума по пустому; что права и преимущества Сената произведутъ броженія умовъ, нисколько неускоривъ хода дѣлъ. Другіе, и въ числѣ ихъ Завадовскій и графъ Александръ Воронцовъ, сильно стояли за проектъ указа и не находили въ немъ никакихъ недостатковъ, кромѣ излишней умѣренности и неудовлетворительнаго утвержденія правъ и достоинства Сената. Графъ Кочубей поддерживалъ тоже мнѣніе, которое излагалъ и прежде, именно: что лучше всего было-бы обнародовать указъ, въ коемъ излагалась-бы только процедура занятій Сената, не упоминая о его правахъ и преимуществахъ, и оставя это впредь до того времени, когда русскіе законы будутъ приведены въ порядокъ.

Императоръ въ заключеніе совѣщанія сказалъ, что онъ прикажетъ переписать всѣ предложенныя мнѣнія, чтобы сообщить ихъ комитету въ послѣдствіи.

Засѣданіе 12-го мая открылось чтеніемъ шести бумагъ, присланныхъ графомъ Александромъ Воронцовымъ, заключавшихъ въ себѣ: 1-е, замѣчанія на проектъ указа объ учрежденіи министерствъ; 2-е, причины (les motifs) этихъ замѣчаній; 3-е, о лѣсномъ департаментѣ; 4-е, о краткихъ запискахъ (des courtes notices), ежемѣсячно представляемыхъ Государю министромъ финансовъ; 5-е, о ревизіи счетовъ, и наконецъ 6-е, особенная записка о различныхъ предметахъ тѣсно связанныхъ съ учрежденіемъ министерствъ. При этихъ бумагахъ было приложено письмо, въ коемъ графъ Воронцовъ весьма одобрялъ намѣреніе Императора, на счетъ этого новаго учрежденія, находя его необходимымъ и совершенно сообразнымъ съ настоящими обстоятельствами. По свидѣтельству графа, Императрица Екатерина II-я, въ началѣ своего царствованія, имѣла туже мысль, но въ послѣдствіи ее оставила.

За тѣмъ — читали самыя бумаги: въ первой изъ нихъ, на счетъ раздѣленія государственной администраціи на восемь частей, графъ предлагалъ: во 1-хъ, прибавить къ нимъ девятую — министерство коммерціи, включивъ въ составъ его вѣдомство путей сообщенія; во 2-хъ, чтобы государственный казначей не состоялъ въ числѣ министровъ и не присутствовалъ въ Совѣтѣ, и въ 3-хъ, чтобы соединены были въ одномъ лицѣ обязанности министра юстиціи и генералъ-прокурора.

По поводу этихъ замѣчаній, Государь сказалъ, что онъ всегда раздѣлялъ убѣжденіе въ пользѣ министерства коммерціи и въ порученіи ему вѣдомства сообщеній. Е. В-во изъявилъ желаніе образовать это министерство, и потому было рѣшено замѣнить учрежденіемъ его предположенное прежде министерство государственнаго казначейства, что было одобрено Государемъ. Касательно-же генералъ-прокурора, члены

замѣтили, что о томъ уже было изложено въ проектѣ, и потому постановили изложить точнѣе статью относящуюся къ сему предмету.

По поводу статьи о министрѣ внутреннихъ дѣлъ, въ которой было сказано, что предводители дворянства относятся къ нему по всѣмъ дѣламъ своихъ обязанностей, графъ замѣтилъ, что изложенное такимъ образомъ постановленіе затруднило-бы министерство множествомъ частныхъ подробностей, и что слѣдовало ограничить помянутыя сношенія дѣлами, могущими оказать вліяніе на общее благоденствіе, и распоряженіями, клонящимися къ предупрежденію злоупотребленій вкравшихся въ ходъ администраціи. Это измѣненіе редакціи было утверждено комитетомъ. Въ той-же статьѣ, графъ Воронцовъ сдѣлалъ замѣчаніе, на счетъ мануфактурной коллегіи, которая находилась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, за исключеніемъ отдѣла по заготовленію гербовой бумаги. Графъ полагалъ такое исключеніе излишнимъ, но комитетъ не согласился съ его замѣчаніемъ.

Въ статьѣ о министрѣ финансовъ, гдѣ сказано, что въ его вѣдѣніи будетъ горная коллегія, а равно и горные заводы подвѣдомственные кабинету Е. В-ва, графъ замѣтилъ, на счетъ послѣднихъ, что не было никакой пользы подчинять ихъ кабинету. Государь полагалъ, что кабинетъ и всѣ зависѣвшія отъ него учрежденія составляютъ собственное имущество Императора, такъ сказать — средства предоставленныя на содержаніе Его Дома (liste civile), и потому не должны входить въ общій разрядъ государственнаго управленія. На этомъ основаніи, замѣчаніе графа Воронцова было отринуто.

Въ статьѣ о министрѣ государственнаго казначейства (ministre du trésor), графъ повторилъ сказанное имъ объ отмѣнѣ сего министерства и о назначеніи завѣдующаго имъ лица директоромъ казначействъ Имперіи (directeur des trésoreries de l'Empire). Послѣднее предложеніе не было принято.

Въ статьѣ о министрѣ народнаго просвѣщенія, графъ предложилъ исключить изъ этого вѣдомства всѣ учебныя заведенія, состоящія подъ покровительствомъ вдовствующей Императрицы. Государь сказалъ, что это уже было рѣшено комитетомъ и будетъ постановлено особымъ указомъ. По мнѣнію графа, слѣдовало также исключить изъ помянутаго министерства всѣ кадетскіе корпусы, долженствующіе находиться въ вѣдѣніи военнаго и морскаго министровъ. Его Величество изъявилъ мнѣніе, что нѣтъ причины исключать ихъ изъ вѣдомства учебныхъ заведеній. Князь Чарторыскій возразилъ, что кадетскіе корпусы имѣли спеціальное назначеніе, и потому не слѣдовало ихъ подчинять министерству имѣющему цѣлью общее образованіе. По мнѣнію графа Строганова, надлежало на первый разъ оставить ихъ въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, сообразно съ общею системою управленія. Онъ замѣтилъ, что во Франціи спеціальныя школы были подчинены различнымъ министерствамъ, потому что воспитанники этихъ школъ, получивъ приготовительное (общее) образованіе въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и поступивъ въ спеціальныя училища, считались на службѣ и только довершали тамъ курсъ наукъ пріобрѣтеніемъ знаній необходимыхъ по ихъ части. И по тому, если у насъ будетъ принята эта система, то слѣдовало — по его мнѣнію — предоставить окончательное

образованіе молодыхъ людей въ спеціальныхъ заведеніяхъ тѣмъ министерствамъ, въ вѣдѣніи которыхъ они будутъ состоять на службѣ; въ противномъ-же случаѣ, спеціальныя учебныя заведенія должны быть поручены министерству народнаго просвѣщенія. По видимому, Государь одобрилъ эту идею.

Кромѣ того обсуждали вопросъ — какъ назвать это вѣдомство? Министерствомъ *общественнаго образованія,* либо *воспитанія.* Графъ Кочубей полагалъ, что слѣдовало предпочесть слово: *воспитаніе,* потому что оно менѣе громко, и напротивъ того слово: *образованіе* поведетъ къ ложнымъ толкамъ, по господствующему у насъ предразсудку, будтобы просвѣщеніе опасно. Но прочіе члены думали, что слово *образованіе* болѣе точно, что *воспитаніе* совершенно иное дѣло, о которомъ нельзя и помышлять, и что не слѣдовало смѣшивать этихъ понятій; къ тому-же терминъ: *образованіе* не могъ повести ни къ чему дурному, потому что просвѣщеніе распространяемое правительствомъ не возбудитъ ни чьихъ сомнѣній. Графъ Строгановъ сказалъ, что не было никакого неудобства не только употребить терминъ: *воспитаніе,* но даже въ послѣдствіи давать общественное воспитаніе. По его мнѣнію, слово: *воспитаніе* имѣло болѣе обширный смыслъ и заключало въ себѣ также и обученіе; онъ полагалъ ошибочнымъ возставать противъ общественнаго воспитанія, замѣтивъ, что его не слѣдовало смѣшивать съ народнымъ воспитаніемъ, которое, по его мнѣнію, въ дѣйствительности было невозможно. Общественное воспитаніе есть то, коимъ могутъ пользоваться всѣ граждане, а народное то, которое давалось-бы всѣмъ гражданамъ безъ различія, и проч. Наконецъ — послѣ довольно продолжительнаго обсужденія, утвердили названіе: «министерства народнаго просвѣщенія».

За тѣмъ прочли вторую бумагу, заключавшую въ себѣ изложеніе причинъ побудившихъ къ помянутымъ замѣчаніямъ. Пользу министерства коммерціи графъ Воронцовъ доказывалъ тѣмъ, что министръ финансовъ долженъ постоянно имѣть въ виду умноженіе государственныхъ доходовъ, что̀ иногда противорѣчило выгодамъ коммерціи и требовало отъ нея пожертвованій. Въ подтвержденіе своего мнѣнія, графъ приводилъ многіе примѣры, но комитетъ возразилъ, что, при изложеніи въ проектѣ обязанностей министра, именно требуется, чтобы мѣры, принимаемыя для умноженія доходовъ казны, не истощали народнаго богатства, а напротивъ того клонились къ его преуспѣянію. Сверхъ того, какъ всякая новая мѣра должна разсматриваться въ комитетѣ министровъ, то все могущее причинить вредъ какой-либо изъ отраслей управленія встрѣтитъ сопротивленіе министра, къ вѣдомству коего эта отрасль принадлежитъ, и по тому будутъ принимаемы такія лишь мѣры, какія послужатъ къ общему благу. Но Государь, какъ уже сказано, настаивалъ на учрежденіи особаго министерства коммерціи.

Въ этой-же бумагѣ, графъ, говоря о министрѣ финансовъ, сказалъ, что тамъ, гдѣ упоминается о порученіи министру финансовъ банковъ, надлежало опредѣлительно выразить, что правительство не станетъ пользоваться этими учрежденіями для спекуляцій въ выгоду казны, потому что такая мѣра уничтожила-бы довѣріе къ нимъ публики. Комитетъ одобрилъ сіе мнѣніе.

Приводя причины къ наименованію государственнаго казначея директоромъ казначействъ, потому что въ дѣйствительности на него возлагались такія обязанности, графъ Воронцовъ предлагалъ назначать его на три года и оставлять на мѣстѣ долѣе только въ такомъ случаѣ, когда имъ будутъ довольны. Это замѣчаніе показалось страннымъ стольконе Государю, сколько сотрудникамъ его, тѣмъ болѣе, что въ этой должности требовалась сноровка (routine), которую можно пріобрѣсть неиначе, какъ оставаясь на мѣстѣ продолжительное время.

Въ заключеніи этой бумаги графъ писалъ, что слѣдовало снабдить каждаго изъ министровъ двумя инструкціями: въ одной изъ нихъ, секретной, онъ предлагалъ изложить систему преобразованій; другая-же, гласная, могла быть напечатана для всеобщаго свѣдѣнія.

Въ запискѣ № 3-го, о лѣсномъ департаментѣ, графъ полагалъ, что нельзя было ввѣрить завѣдываніе всѣми вообще лѣсами министру финансовъ, и что, на основаніи послѣдняго сенатскаго указа, надлежало, прежде всего, отдѣлить лѣса годные для кораблестроенія отъ прочихъ, кои моглибъ поступить въ вѣдѣніе министра финансовъ. Его Величество не одобрилъ этого мнѣнія. Ему очень хорошо извѣстно, что этотъ сенатскій указъ былъ послѣдствіемъ недоразумѣнія съ адмиралтейскою коллегіей, объявившею формально, что такое раздѣленіе лѣсовъ невозможно, потому что деревья годныя для кораблестроенія растутъ не вмѣстѣ, а разсѣяны въ различныхъ мѣстахъ: слѣдовательно — управленіе лѣсною частью должно находиться въ однѣхъ рукахъ. По сенатъ не обратилъ вниманія на представленія коллегіи и упорно поддерживалъ свое мнѣніе.

Въ четвертой запискѣ графъ предложилъ, чтобы министръ финансовъ представлялъ Государю ежемѣсячно вѣдомость объ издержанныхъ деньгахъ и объ остающейся на лицо суммѣ, что способствовало-бы Его Величеству во всякое время судить о состояніи финансовъ. Комитетъ, сознавъ пользу этого требованія, замѣтилъ, что помянутая вѣдомость долженствовала быть составлена на основаніи частныхъ вѣдомостей всѣхъ министерствъ, потому что расходы ихъ опредѣляются предварительною годовою смѣтою, и сами они обязаны представлять отчеты своимъ расходамъ. По этой причинѣ, предложеніе графа небыло одобрено.

Въ запискѣ № 5-го, (которая была прочтена въ слѣдующее засѣданіе), графъ предложилъ учредить при сенатѣ ревизіонную коммисію, для повѣрки счетовъ, представляемыхъ министрами. Подобное учрежденіе въ прежнія времена существовало во Франціи, а въ Англіи назначались палатами 21 коммисаръ, для исполненія этой обязанности. Сотрудники Государя одобрили эту идею; въ особенности-же поддерживалъ ее Новосильцовъ, сообщившій графу Воронцову мысли, совершенно сходныя съ его предложеніемъ. Государь, по видимому, также одобрилъ помянутое мнѣніе.

Въ запискѣ № 6-го, графъ предлагалъ вопросы на счетъ различныхъ предметовъ, кои, вмѣстѣ съ учрежденіемъ министерствъ, подлежали нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ числѣ нихъ, онъ спрашивалъ: что сдѣлаютъ съ статсъ-секретарями? Государь сказалъ, что они останутся при немъ секретарями, и что трехъ или четырехъ такихъ лицъ будетъ достаточно.

Вообще комитетъ не могъ прейти молчаніемъ, какъ удивила его ничтожность замѣчаній графа Воронцова.

По прочтеніи сихъ бумагъ, уже было поздно, и потому прекратили дальнѣйшее ихъ обсужденіе. Графъ Кочубей прочелъ записку о томъ, какъ Государь предполагалъ поступать въ продолженіи своего заграничнаго путешествія. Императоръ самъ разрѣшилъ графу изложить его виды по сему предмету.

Въ началѣ, графъ Кочубей старался начертать, какую важность имѣли всѣ дѣйствія столь могущественнаго Монарха и какъ взоры всѣхъ будутъ обращены на свиданіе Его Величества съ Королемъ Прусскимъ. Какъ Государь гласно изъявилъ свое намѣреніе — соблюдать неутралитетъ, то графъ не сомнѣвался въ томъ, что помянутое свиданье будетъ (какъ предполагалъ Самъ Государь), не что иное какъ дружеское посѣщеніе, при коемъ устраняется политическія совѣщанія. И по тому графъ Кочубей полагалъ, что пятидневное пребываніе Государя въ Мемелѣ было-бы слишкомъ продолжительно, и что на это стало-бы трехъ дней. Въ концѣ записки, графъ излагалъ, какъ, по его мнѣнію, слѣдовало Государю объясниться съ принцемъ мекленбургскимъ, (котораго также ожидали въ Мемелѣ), чтобы дать ему почувствовать, что при этомъ свиданіи о дѣлахъ не будетъ и въ помпнѣ. Государь отвѣчалъ, что, конечно, его поѣздка не имѣетъ никакой дипломатической цѣли, и обѣщалъ, что онъ не коснется ничего по дѣламъ политики.

Въ засѣданіи 26-го октября, обсуждались два дѣла. Первое, относящееся къ Малороссіи, именно о давности казачьихъ правъ, произвело большое волненіе между помѣщиками и крестьянами, и по тому надлежало принять мѣры для водворенія спокойствія въ тамошнихъ губерніяхъ. Совѣтъ предлагалъ отмѣнить просто сенатскій указъ; но Государь не согласился на то, говоря, что это явно противорѣчило-бы освобожденію крестьянъ. Графъ Строгановъ, Новосильцовъ и князь Чарторыскій полагали, что нельзя было отмѣнить указъ основанный на правѣ, потому что правá сословныя не отмѣняются просрочкою времени (un droit politique n'est pas prescriptible), но что надлежало найти уловку, которая успокоила-бы крестьянъ и помѣшала-бы имъ бросить свои полевыя работы. Графъ Кочубей былъ противнаго мнѣнія; онъ поставилъ на видъ, что 1783 года Малороссія была устроена на одномъ положеніи съ прочими областями, и по тому не могла имѣть особыхъ правъ: слѣдовательно — не было никакого неудобства въ отмѣнѣ сенатскаго указа. Всѣ согласились въ томъ, что всему виною былъ Державинъ, который не остановилъ сего дѣла. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго пренія, Императоръ убѣдился въ необходимости успокоить умы и приказалъ членамъ ознакомиться со всѣми подробностями дѣла и доложить въ будущую среду о мѣрахъ, кои будутъ найдены наиболѣе приличными для водворенія порядка.

Засѣданія неофиціальнаго комитета продолжались и въ 1803-мъ году. Но, по всей вѣроятности, графъ Строгановъ, занимаясь дѣлами по министерству внутреннихъ дѣлъ, не имѣлъ времени продолжать веденіе протоколовъ помянутаго комитета, и потому въ бумагахъ его остались только: 1) изложеніе различныхъ мнѣній по устройству военно-учеб-

ныхъ заведеній и 2) протоколъ комитета по дѣлу объ улучшеніи состоянія крестьянъ.

Въ первой изъ этихъ записокъ, говорится о происхожденіи коммисіи военно-учебныхъ заведеній. Одновременно съ образованіемъ общей системы народнаго обученія, убѣдились, что если не будетъ устроено обученіе военныхъ на-равнѣ съ прочими, то армія останется въ невѣжествѣ, что̀ могло имѣть весьма невыгодныя послѣдствія. Чтобы пособить тому, первоначально предполагали присоединить военныя школы, для научнаго образованія, къ губернскимъ гимназіямъ; въ отношеніи-же къ воспитанію — совершенно подчинить эти школы военной дисциплинѣ, заставляя молодыхъ людей исполнять обязанности солдатъ. По окончаніи гимназическаго курса, они выходили-бы офицерами въ армію; тѣже изъ нихъ, которые по призванію и успѣхамъ своимъ, оказались-бы способны служить въ спеціальныхъ родахъ войскъ, должны были пріѣзжать въ Петербургъ для поступленія въ высшія военныя училища.

Въ одномъ изъ засѣданій Комитета (dans un des petits comités), говорили Императору о необходимости обратить вниманіе на сей предметъ, и какъ у него былъ проектъ князя Зубова, предлагавшаго учредить военныя школы въ нѣсколькихъ губернскихъ городахъ, то онъ поручилъ Новосильцову разсмотрѣть всѣ эти бумаги и приложить къ нимъ собственное мнѣніе. Въ запискѣ, имъ поданной Государю, онъ выказалъ мѣлочность видовъ князя Зубова, ограничившаго научное образованіе воспитанниковъ въ корпусахъ: чтеніемъ, письмомъ, арифметикою и нѣкоторыми изъ иностранныхъ языковъ. Существенное различіе обоихъ плановъ заключалось въ томъ, что Зубовъ предлагалъ присылать въ Петербургъ всѣхъ воспитанниковъ до производства ихъ въ офицеры, а Новосильцевъ — выпускать ихъ въ офицеры прямо изъ гимназій Императоръ вполнѣ видѣлъ неудобства плана Зубова и предпочиталъ тотъ, который былъ составленъ Новосильцовымъ, но и въ послѣднемъ многое ему неправилось: во первыхъ, онъ находилъ страннымъ общее обученіе въ гимназіяхъ. «Какимъ образомъ — говорилъ онъ — ходить туда такъ часто изъ корпуса? Это будетъ напрасная трата времени, разстроитъ военныя упражненія». и т. п. Его старались успокоить на сей счетъ, убѣждая, что̀ отдѣливъ воспитаніе отъ научнаго образованія, и сдѣлавъ первое, на основаніи положенія о корпусахъ, совершенно военнымъ, можно было расположить учебные часы такъ, чтобы оставалось достаточно времени для занятій по фронтовой части. Государь, сознавъ истину этихъ доводовъ, остался однакоже непоколебимъ на счетъ выпуска молодыхъ людей офицерами прямо изъ гимназій. Онъ не хотѣлъ о томъ и слышать, основываясь на томъ, что въ войскахъ необходимо единообразіе, которое могли усвоить воспитанники лишь въ Петербургѣ, въ присутствіи Императора. «Какимъ образомъ — сказалъ онъ — узнать ихъ способности къ артиллеріи, или къ инженерному дѣлу, о коихъ они не имѣютъ понятія? Здѣсь только можно сдѣлать такой выборъ, когда эти молодые люди пробудутъ нѣкоторое время въ высшемъ военномъ училищѣ»..........................
Напрасно представляли Государю, что обученіе фронтовой службѣ стольже удобно въ губернскомъ городѣ, и что пребываніе воспитанниковъ въ Петербургѣ повлечетъ за собою напрасную трату времени и

денегъ; что съ большею пользою можно употребить эти средства для спеціальныхъ училищъ. Онъ постоянно обращался къ своимъ прежнимъ возраженіямъ и къ необходимости довершать образованіе кадетъ въ Петербургѣ. Наконецъ ему предложили учредить комитетъ военныхъ училищъ, и онъ на то согласился. Новосильцову было поручено написать рескриптъ графу Завадовскому, назначенному предсѣдателемъ комитета. Великій Князь Константинъ Павловичъ, въ качествѣ главнаго начальника кадетскихъ корпусовъ, изъявилъ желаніе участвовать въ занятіяхъ комитета, что̀ не понравилось членамъ, незнавшимъ какой оборотъ примутъ совѣщанія въ его присутствіи. Новосильцовъ и князь Чарторыскій взялись ознакомить Великаго Князя съ ходомъ дѣлъ и поручили эту щекотливую обязанность одному изъ членовъ комитета генералу Клингеру....

Комитетъ, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній, поручилъ Клингеру составить проектъ преобразованія военно-учебныхъ заведеній. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что, сообразно Высочайшей волѣ, всѣ воспитанники военныхъ школъ должны были пріѣзжать въ Петербургъ, прежде нежели изъ нихъ былъ сдѣланъ выборъ въ спеціальныя училища, и слушать въ продолженіи нѣкотораго времени общій курсъ наукъ, безполезный для тѣхъ, которые желали поступить въ армію, и недостаточный для предназначавшихъ себя въ спеціальные роды службы. Надлежало найти средства—съ одной стороны, возвысить научное образованіе спеціальныхъ училищъ и съ другой—дать возможность армейскимъ офицерамъ пріобрѣсть необходимѣйшія для нихъ свѣдѣнія. Предполагали раздѣлить высшую военную школу (l'école centrale militaire) на нѣсколько отдѣленій: артиллерійское, инженерное, и проч. и, кромѣ того, учредить большую школу, съ раздѣленіемъ ея на два класса: пѣхотный и кавалерійскій. По прибытіи гимназистовъ въ столицу и по испытаніи ихъ въ наукахъ, предполагалось выбрать способнѣйшихъ изъ нихъ въ высшее военное училище; прочіе-же должны были поступить частью въ пѣхотный, частью въ кавалерійскій классъ: воспитанниковъ, назначенныхъ въ пѣхоту, предполагалось обучать: начальной тактикѣ, полевой фортификаціи, свѣдѣніямъ относящимся къ солдатской гигіенѣ и всему тому, что́ требуется при обученіи солдата; воспитанники-же, поступившіе въ кавалерію, должны были обучаться тѣмъ-же предметамъ, и еще другимъ относящимся къ лошади (гиппологія), какъ то: знанію свойствъ лошади, ветеринарному искусству, ковкѣ лошадей и проч. Кромѣ того предполагалось, въ лѣтнее время, занимать, какъ пѣхотныхъ, такъ и кавалерійскихъ кандидатовъ въ офицеры, фрунтовыми ученіями и знакомить ихъ съ практическими работами воспитанниковъ высшаго военнаго училища.

«Засѣданіе 9-го ноября 1803 года—пишетъ графъ Строгановъ—продолжалось добрыхъ полтора часа, и намъ удалось многое». (nous eûmes une séance d'une bonne heure et demie pendant la quelle nous fîmes de bonnes affaires). Во 1-хъ, сотрудники Государя исходатайствовали, чтобы разрѣшено было купеческому сословію покупать населенныя земли, но съ тѣмъ, чтобы пріобрѣтаемые ими крестьяне не оставались крѣпостными, а служили по договору новымъ владѣльцамъ. Во 2-хъ, положено приступить къ образованію капитала, для ссудъ помѣщичьимъ крестья-

памъ, заключающимъ съ своими господами выкупныя сдѣлки. Въ 3-хъ, въ продолженіи совѣщанія, члены комитета старались убѣдить Государя, что всѣ толки, поселявшіе въ публикѣ неудовольствіе, исходили изъ петербургскихъ, кружковъ (les coteries de la ville de Pétersbourg), и что въ губерніяхъ господствовалъ совсѣмъ иной духъ. При этомъ былъ сдѣланъ слегка намекъ, что въ подобныхъ толкахъ принимали участіе ближайшіе къ Государю люди. По свидѣтельству графа Строганова, эти господа старались выказать все въ мрачномъ видѣ, и даже убѣдить самаго Государя, будтобы у насъ въ Россіи господствовало общее неудовольствіе.

Императоръ сообщилъ членамъ, что ему случилось видѣть письмо изъ Малороссіи, на счетъ тамошнихъ дѣлъ, въ коемъ приписывали указъ, надѣлавшій столько шума, интригамъ Трощинскаго и князя Куракина, которые будто-бы желали взволновать крестьянъ и повредить Державину. Въ дѣйствительности-же предполагалось обнародовать сей указъ не прежде осени, гораздо позже 12-го мая, дня его изданія сенатомъ; въ это время, князь Куракинъ, по всей вѣроятности, еще находился въ Петербургѣ и присутствовалъ въ 3-мъ департаментѣ. Императоръ желалъ знать, былъ-ли въ этотъ день Куракинъ въ Сенатѣ? И хотя нельзя было подозрѣвать въ чемъ-либо Державина, однакоже быть-можетъ ему и другимъ не было непріятно небольшое волненіе между крестьянами, которое оправдало-бы предсказанія, что послѣ такого указа и шести мѣсяцевъ не пройдетъ спокойно. «Далѣе—весьма естественно зашла рѣчь о крестьянахъ. Императоръ повторилъ свои обычныя слова, что слѣдуетъ удовлетворить массу народа, которая, взволнуясь и сознавъ свою силу, можетъ сдѣлаться опасною. Ему отвѣчали, что не слѣдовало-бы слишкомъ обижать дворянъ, составлявшихъ также значительную массу, весьма легко могущую пріобрѣсть вліяніе, что общественное мнѣніе очень шатко, и что не слѣдуетъ нарушать ни чьихъ интересовъ. При этомъ говорили ему о содѣйствіи выкупу помѣщичьихъ крестьянъ ссудами изъ казны, и проч. Государь повторилъ свою любимую идею—опредѣлить повинности крестьянъ въ отношеніи къ ихъ владѣльцамъ, на что со стороны членовъ были сдѣланы многія возраженія, и наконецъ, когда онъ завелъ рѣчь о пріобрѣтеніи населенныхъ имѣній купцами, рѣшили, что, какъ это дѣло уже отдано на разсмотрѣніе въ сенатъ, то, на основаніи сенатскаго доклада, сдѣлать постановленіе по сему предмету».

Въ послѣдствіи другія занятія, и въ особенности дѣла по иностранной политикѣ, отвлекли Императора Александра отъ совѣщаній неофиціальнаго комитета, котораго дѣятельность совершенно прекратилась въ концѣ 1803 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ III.

(1) Указъ 18-го февраля 1700 года.

(2) Неволинъ. Энциклопедія законовѣдѣнія. II. 483.

(3) Указы: 1719 г. декабря 9-го; 1722 г. января 17-го; 1723 г. ноября 6-го и 1724 г. января 22-го. Неволинъ. II. 483—484.

(4) Указъ 29-го сентября 1761 года. Неволинъ. II. 485—486.

(5) Манифестъ 14-го декабря 1766 года.

(6) Указъ 30-го іюня 1767 года.

(7) Неволинъ. II. 486—488.

(8) Указъ 4-го декабря 1774 года.

(9) Указъ 16-го декабря 1796 года.

(10) Séances du comité. Conférence du 10 fevrier 1802. (Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова).

(11) Séances du comité. Conférence du 10 mars 1802, (Изъ бумагъ графа П. А. Строганова).

(12) Именной указъ Сенату, 5-го іюня 1801 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19.904). — Именной указъ графу Завадовскому, о составленіи проекта положенія о формѣ суда, 25-го августа 1801 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,981).

(13) Наказъ Императрицы Екатерины II. § 43.

(14) Именной указъ Сенату, 28-го февраля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,187).

(15) По штату Коммисія находилась въ слѣдующемъ составѣ:

Министръ юстиціи.

Товарищъ министра юстиціи.

Три референдарія, съ жалованіемъ по 3,000 рублей. .	9,000	рубл.
Три старшихъ помощника ихъ, по 2,000 рублей. . .	6,000	»
Три младшихъ помощника, по 1,500 рублей. . . .	4,500	»
Два редактора, по 2,500 рубл. и тринадцать редакторовъ, по 2,000 рублей.	31,000	»
Четырнадцать редакторскихъ помощниковъ по 1,000 р.	14,000	»
Два переводчика, по 1,200 р. и восемь, по 850 рублей.	9,200	»

На чиновниковъ канцеляріи.	13,200	рубл.
На содержаніе сторожей.	600	»
На канцелярскіе расходы.	5,000	»
На библіотеку и періодическія изданія.	1,500	»
На непредвидимые расходы.	6,000	»
Итого ежегодно	100,000	рубл.

([16]) Донесеніе Государю о занятіяхъ Коммисіи составленія законовъ, отъ 24-го марта 1804 года, за подписью министра юстиціи (Петра Вас.) Лопухина и товарища его Новосильцова.

([17]) Донесеніе Коммисіи, отъ 1-го мая 1804 года.

([18]) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. V. 41.

([19]) Донесеніе Коммисіи, отъ 4-го іюня 1804 года.

([20]) » » » 2-го іюля » »

([21]) » » » 30-го » » »

([22]) » » » 3 сентября » »

([23]) Слышано отъ Илар. Вас. Васильчикова О. П. Л—имъ.

([24]) Schnitzler. Histoire intime de la Russie etc. I. 79—80. — Oeuvres de M-me de Staël.

([25]) Разговоръ съ Государемъ графа Строганова, 23-го апрѣля 1801 года (Изъ бумагъ графа Павла Александр. Строганова).

([26]) Извлечено изъ бумагъ графа Строганова.

([27]) Записки, поданныя Императору Александру I графомъ Строгановымъ, 9-го мая 1801 года, подъ заглавіями: 1) Essai sur le système à suivre dans la réformation de l'administration de l'Empire, и 2) Note relative à quelques principes fondamentaux de la réforme du Gouvernement (Изъ бумагъ графа П. А. Строганова).

([28]) Изъ бумагъ графа П. А. Строганова.

([29]) Résultat d'une conférence avec le C-te Cotchoubei, le 9 Mai 1801. (Изъ бумагъ графа П. А. Строганова).

([30]) Note sur le travail journalier de l'Empereur. (Изъ бумагъ графа П. А. Строганова).

([31]) Въ бумагахъ графа П. А. Строганова находимъ слѣдующій конспектъ первыхъ двѣнадцати главъ предположеннаго уложенія.

ГЛАВА I.

О Его Величествѣ Императорѣ и Самодержцѣ Всероссійскомъ и о правахъ Его.

Въ санѣ Верховнаго главы Имперіи, Онъ соединяетъ въ себѣ власть законодательную и исполнительную, сообразно съ началами положенными въ сей главѣ (§ 6).

Права сопряженныя съ сею властью:

Онъ объявляетъ войну и заключаетъ миръ (§ 8).

Онъ располагаетъ военными силами (§ 9).

Онъ учреждаетъ административныя и исполнительныя власти (§ 10).

Онъ утверждаетъ основанія права, законы общіе и законы частные, отмѣняетъ законы, оказавшіеся неудобными (lois incohérentes), и объя-

сняетъ законы, неимѣющіе точнаго смысла (lois obscures), исполняя все сіе, какъ указано въ главѣ..... *) (§§ 11—14).

Онъ учреждаетъ правительственный и судебный порядокъ (§ 15).

Онъ налагаетъ подати. для содержанія Своей Особы, Царствующаго Дома, и потребностей государства (§ 16).

Онъ распоряжаетъ монетою, вѣсомъ и мѣрами (§ 17).

Онъ назначаетъ на всѣ мѣста государственной службы, непосредственно, либо предоставляя кому-либо это право (§ 18).

Онъ жалуетъ привилегіи, достоинства и знаки отличія, и награждаетъ государственныя заслуги (§§ 19 и 20).

Онъ обладаетъ правомъ помилованія, не нарушая пользы частныхъ лицъ (§ 21).

Его частныя обязательства подлежатъ разбирательству судебныхъ мѣстъ на основаніи законовъ (§ 22).

ГЛАВА II.

Объ обязанностяхъ Его Императорскаго Величества.

Онъ долженъ охранять господствующую православную Вѣру и оказывать покровительство духовенству (§§ 24 и 25).

Оказывать терпимость и покровительство прочимъ вѣроисповѣданіямъ (§ 26).

Охранять внѣшнее и внутреннее спокойствіе государства (§ 27).

Обезпечивать личную безопасность и права собственности каждаго изъ подданныхъ (§ 28).

Наказывать нарушеніе законовъ (§ 29).

ГЛАВА III.

Положеніе о наслѣдствѣ престола, на основаніи обнародованнаго въ день Коронаціи Императора Павла, 7-го апрѣля 1797 г. кореннаго, государственнаго закона, о порядкѣ престолонаслѣдія въ прямой нисходящей линіи Императорскаго Дома.

ГЛАВА IV.

Объ обязанностяхъ и правахъ подданныхъ.

Обязанности подданныхъ опредѣляются правами Государя (§ 30).

Первою изъ нихъ есть уваженіе къ священной Особѣ Его Императорскаго Величества (§ 31).

Повиновеніе законамъ и властямъ, учрежденнымъ въ государствѣ (§ 32).

Поступки подданныхъ подлежатъ суду исключительно на основаніи законовъ (§ 33).

---

*) Эта глава не была составлена.

ГЛАВА V.

Объ имуществѣ Императора независимо отъ государственныхъ имуществъ.

Раздѣленіе суммъ, составляющихъ частную собственность Государя, по роду ихъ назначенія на: 1) содержаніе Двора; 2) управленіе; 3) Кабинетъ Его Величества, и 4) на выдачу наградъ. Въ случаѣ недостаточности суммъ на сіи предметы, дефицитъ пополняется изъ государственнаго казначейства.

ГЛАВА VI.

О правахъ Императорской фамиліи.

ГЛАВА VII.

О Государствѣ.

Соединеніе всѣхъ общественныхъ правъ и отношеній, утвержденныхъ уложеніемъ, составляетъ государственное право. Всѣ права Государя, кромѣ личныхъ, принадлежатъ государству. Кто нарушаетъ ихъ, тотъ нарушитель правъ государства (§§ 47 и 48).

Составъ государства: Императоръ, какъ верховный глава, и четыре сословія: дворянство, мѣщане, духовенство, и крестьяне. Каждое сословіе имѣетъ свои права и соотвѣтствующія имъ обязанности (§§ 49 и 50).

Цѣль государства — общее благосостояніе. Оно обусловливается: 1) безопасностью внѣшнею и внутреннею и 2) развитіемъ народонаселенія и промышленности. Внутренняя безопасность достигается законами, надзоромъ за ихъ исполненіемъ и общественнымъ образованіемъ; а возрастаніе народонаселенія и средствъ къ пріобрѣтенію собственности — также законами, развитіемъ образованія и промышленности, справедливымъ распредѣленіемъ податей: эти предметы руководятъ Государя при изданіи законовъ; а каждый изъ подданныхъ долженъ содѣйствовать достиженію общей цѣли (§§ 51—57).

ГЛАВА VIII и IX.

О государственныхъ имуществахъ и о порядкѣ управленія ими.

Все, что для пользы общей не можетъ быть частною собственностью, есть собственность всѣхъ (государственное имущество), какъ наприм. морскіе берега, гавани, судоходныя рѣки и устья ихъ: все, относящееся къ употребленію сихъ предметовъ на общую пользу, принадлежитъ государству, именно: почты, каналы, судоходство, таможни, и проч. (§§ 61 и 62).

Имущества движимыя и недвижимыя, не принадлежащія частному лицу; наслѣдства, оставшіяся послѣ умершихъ безъ наслѣдниковъ; имѣнія, конфискованныя на основаніи законовъ, либо оставленныя владѣльцами, по уплатѣ лежащихъ на нихъ долговъ, принадлежатъ государству (§§ 64, 65, 66 и 67).

Основаніемъ права собственности для частныхъ лицъ служатъ документы, неимѣніе коихъ влечетъ за собою отчужденіе собственности въ пользу государства (§ 68).

Государственныя имущества состоятъ подъ непосредственнымъ надзоромъ главы Государства. Завѣдываніе сими имуществами ввѣряется различнымъ министерствамъ и зависящимъ отъ нихъ управленіямъ, на основаніи инструкцій министрамъ (§§ 71 и 72).

Всѣ тяжбы объ имуществахъ между казною и частными лицами подлежатъ разбору на основаніи законовъ (§ 74).

ГЛАВА X.

О назначеніи государственныхъ имуществъ.

Содержаніе Императорскаго Дома, администрація сихъ имуществъ, развитіе народонаселенія и промышленности, народное образованіе, награда заслугъ оказанныхъ государству (§§ 76—80).

ГЛАВА XI.

О судной части.

Государство обладаетъ правомъ суда надъ всѣми своими членами, поручая расправу сословіямъ, либо лицамъ (§§ 82 и 83).

Раздѣленіе судной части на гражданскую и уголовную, и подраздѣленіе первой на судебную, (рѣшающую тяжбы объ имуществѣ) и полицейскую, (предупреждающую нарушеніе права собственности и личной безопасности) (§§ 85 и 86).

Чиновники состоятъ на жалованіи правительства. Тяжущіеся ничего не платятъ и пошлины (вѣроятно—за гербовую бумагу) отмѣняются (§§ 87—89).

Недостаточные преступники содержатся на общественный счетъ (§ 90).

Всѣ штрафы поступаютъ въ государственную казну (§ 91).

ГЛАВА XII.

Объ устройствѣ внутренняго управленія и о чиновникахъ.

Раздѣленіе управленія на: 1) министерское (исполнительное), 2) судебное и 3) охранительное. Первымъ завѣдываютъ министры, а вторымъ и третьимъ — сенатъ (§§ 92—96) *).

Для нагляднаго понятія объ организаціи управленія къ проекту основнаго уложенія приложена слѣдующая таблица.

---

*) Въ послѣдующихъ отдѣлахъ предполагалось изложить: обязанности министровъ; участіе сената въ управленіи судебною и охранительною частями, и новое положеніе для управленія губерніями.

ТАБЛИЦА ВЛАСТЕЙ ИМПЕРІИ.

ИМПЕРАТОРЪ

Совѣтъ.

Управленіе.									Юстиція.			Охранит. часть.	
									Судебныя мѣста.			Сенатъ, два отдѣла его.	
СИНОДЪ.	НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.	ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.	ФИНАНСОВЪ.	ПОЛИЦІИ.	ЮСТИЦІИ.	ВОЕННОЕ.	МОРСКОЕ.	ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ.	ГРАЖДАНСКІЯ.	УГОЛОВНЫЯ.	ПОЛИЦЕЙСКІЯ.	ОТДѢЛЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩІЙ.	ОТДѢЛЪ СУДЕБНЫЙ.
Прокуроръ Синода, докладываетъ о дѣлахъ своего вѣдомства непосредственно Государю. Завѣдываетъ дѣлами и прочихъ вѣроисповѣданій.	*Министръ.* Коллегія составленная изъ директоровъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ: учебныя заведенія; Академія Наукъ и Художествъ; общественныя зрѣлища.	*Министръ.* Коллегія изъ директоровъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ департаменты: городовъ; мануфактуръ и фабрикъ; земледѣлія; путей сообщенія; продовольствія; почтъ; госпиталей; сооруженій; горныхъ промысловъ; казенныхъ имѣній; лѣсовъ.	*Министръ.* Коллегія изъ директоровъ, завѣдывающихъ департаментами: податей; сборовъ; торговли; банковъ; государственнаго казначейства; монетнаго.	*Министръ.* Коллегія изъ директоровъ департаментовъ. Завѣдываетъ тюрьмами. Задерживаетъ преступниковъ и предоставляетъ суду рѣшеніе ихъ участи.	*Министръ* или Генералъ-Прокуроръ. Ему подчинены всѣ прокуроры, состоящіе при судебныхъ мѣстахъ. Онъ наблюдаетъ за производствомъ правосудія и за взысканіемъ съ нарушителей законовъ. Всѣ рѣшенія и доклады Сената сообщаются ему для поднесенія Государю.	*Министръ.* Коллегія составленная изъ директоровъ, завѣдывающихъ департаментами: повышеній; уставовъ; снабженія; продовольствія; отчетовъ; генералъ-аудиторіатскимъ; депо картъ.	*Министръ.* Остается безъ измѣненій.	*Министръ.* Остается безъ измѣненій.	Судъ 1-й инстанціи во всякомъ уѣздѣ. Судъ 2-й инстанціи во всякой губерніи. Судъ 3-й инстанціи для 2-хъ или 3-хъ губерній. Нѣкоторыя изъ тяжебъ не пойдутъ далѣе уѣзднаго суда. Другія остановятся по рѣшеніи губернскаго суда. Для тѣхъже тяжебъ, которыя пойдутъ на апеляцію въ высшій судъ, губернскій судъ будетъ судомъ 1-й инстанціи.	Судъ въ каждой губерніи. Апеляціонный судъ двухъ или трехъ губерній. Смертные приговоры исполняются неиначе, какъ по утвержденіи ихъ Государемъ. Ежели по большому пространству губерніи, недостаточно будетъ одного суда, то должно учредить нѣсколько судовъ и одинъ апелляціонный на всю губернію.	Судъ въ каждомъ уѣздѣ. Прокуроры, состоящіе при судахъ, находятся также въ сношеніяхъ и съ министромъ полиціи. Полицейскій судъ будетъ также и уголовнымъ судомъ 1-й инстанціи, для рѣшенія дѣлъ, невлекущихъ за собою тѣлеснаго наказанія, либо потери добраго имени.	Каждый изъ министровъ представляетъ туда ежегодно отчетъ. Губернскіе предводители представляютъ ему на судъ губернскихъ чиновниковъ. Каждому предоставлено вносить туда жалобу на губернскаго предводителя. Рѣшенія отдѣла, въ видѣ докладовъ, представляются на утвержденіе Государя.	Рѣшаетъ — нарушены-ли законы судебными мѣстами, не входя въ разбирательство дѣлъ. Опредѣляетъ взысканіе за нарушеніе законовъ. Раздѣлено на такое число департаментовъ, чтобы въ каждомъ разсматривались дѣла пяти или шести губерній. Въ случаѣ равенства голосовъ въ департаментѣ, дѣла вносятся въ общее собраніе.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ IV.

(¹) Сухомлиновъ. Матеріалы для Исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе Императора Александра I.

(²) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. I. 25 и пр.

(³) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. VI. 201.

(⁴) Сухомлиновъ.

(⁵) Сухомлиновъ.

(⁶) Манифестъ объ учрежденіи министерствъ, 8-го сентября 1802 года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,406-й).

(⁷) Указъ 8-го ноября 1799 года.

(⁸) Рѣчь о вліяніи на языкъ легкой Поэзіи.

(⁹) Сочиненія М. Н. Муравьева. Изд. 1810 года. Т. I. Предисловіе.

(¹⁰) Сочиненія М. Н. Муравьева.

(¹¹) Шевыревъ. Исторія Имп. Московскаго университета. 341—353.

(¹²) Сухомлиновъ.

(¹³) Изъ бумагъ графа П. А. Строганова. Séances du Comité.

(¹⁴) Именной указъ сенату, отъ 8-го сентября 1802 года. (Полн. Собр. Зак. Т. XXVII. № 20,407-й).

✓(¹⁵) Указъ объ устройствѣ училищъ, отъ 24-го генваря 1803 года. (Полн. Собр. Зак. Т. XXVII. № 20,597-й).

(¹⁶) Alexandre I et le prince Czartoryski. 337.

(¹⁷) Кромѣ экстра-ординарныхъ суммъ, отпущенныхъ на содержаніе виленскаго университета и учебнаго округа, штатная сумма сего университета 105,000 рублей серебромъ равнялась по курсу 1802 года 147,000 рублей ассигнаціями, слѣдовательно превышала штатную сумму, назначенную для каждаго изъ прочихъ университетовъ, семнадцатью тысячами рублей; въ послѣдствіи-же, вмѣстѣ съ пониженіемъ курса, различіе между штатными суммами виленскаго и прочихъ университетовъ сдѣлалось еще значительнѣе.

Вызванные изъ Вѣны въ виленскій университетъ профессоры медицинскихъ наукъ, Іоганнъ Петеръ Франкъ и сынъ его Іосифъ, были приглашены на слѣдующихъ условіяхъ: Петеру Франку назначено жало-

ванье ежегодно 6,000 рублей серебромъ и дана удобная квартира; въ случаѣ болѣзни, которая не позволила-бы ему исполнять должность профессора, обѣщана ему пенсія въ три тысячи рублей серебромъ, а въ случаѣ его смерти, обѣимъ его дочерямъ до замужства, пенсія, каждой въ пятьсотъ рублей серебромъ. Младшему Франку назначено жалованья 2,000 рублей серебромъ и дана удобная квартира; онъ долженъ былъ наслѣдственно занять одну изъ двухъ каѳедръ отца своего, съ жалованьемъ въ годъ по 3,000 рублей серебромъ. Путевыя издержки отъ Вѣны до Вильны обоихъ профессоровъ были приняты на счетъ университета (Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія. IX. 200—201).

(18) Сухомлиновъ.

(19) Alexandre I et le prince Czartoryski. 208—209.

(20) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія I. 58—59. Уставъ виленскаго университета.

(21) Сборн. постан. I. 430—431 и 444. Уставъ приходскихъ училищъ въ губерніяхъ волынской, кіевской и подольской.

(22) Сухомлиновъ.

(23) Сухомлиновъ.

(24) Сухомлиновъ.

(25) Ѳедоръ Иван. Янковичъ де-Миріево, или народныя училища въ Россіи при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, А. Воронова.

(26) Полн. Собр. Зак. Т. XXVII. № 20,597-й.

(27) Въ составъ учебныхъ округовъ вошли губерніи:

Въ *Московскій:* московская, смоленская, калужская, тульская, рязанская, владимірская, костромская, вологодская, ярославская и тверская.

Въ *Виленскій:* виленская, гродненская, витебская, могилевская, минская, волынская, подольская и кіевская.

Въ *Дерптскій:* лифляндская, эстляндская, финляндская и курляндская.

Въ *Харьковскій:* слободско-украинская (харьковская), орловская, курская, воронежская, черниговская, полтавская, николаевская (херсонская), екатеринославская и земли донскихъ и черноморскихъ казаковъ.

Въ *Казанскій:* казанская, вятская, пермская, нижегородская, тамбовская, саратовская, пензенская, астраханская, кавказская, оренбургская, симбирская, тобольская и иркутская.

Въ *С.-Петербургскій:* с.-петербургская, псковская, новгородская, олонецкая и архангельская.

(Именной указъ Сенату, отъ 24-го генваря 1803 года. Полн. Собр. Зак. Т. XXVII № 20,598-й).

(28) Всѣ гимназіи и уѣздныя училища, за исключеніемъ губерній: остзейскихъ, финляндской, виленской, гродненской, минской, волынской и подольской, отнесены, по штатному содержанію, къ тремъ разрядамъ. Положено отпускать:

на гимназію 1-го разряда по . . . 6,250 рубл.
» 2-го » . . . 5,750 »
» 3-го » . . . 5,250 »

Къ первому разряду принадлежали гимназіи: въ Архангельскѣ, Вологдѣ, Вяткѣ, Иркутскѣ, Олонцѣ, Перьми, Петербургѣ и Тобольскѣ.

Ко 2-му: въ Витебскѣ, Владимірѣ, Калугѣ, Костромѣ, Курскѣ, Могилевѣ, Москвѣ, Новгородѣ, Оренбургѣ, Орлѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Твери, Тулѣ и Ярославлѣ.

Къ 3-му: въ Астрахани, Воронежѣ, Екатериноградѣ, Екатеринославѣ, Казани, Кіевѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Пензѣ, Полтавѣ, Рязани, Саратовѣ, Симбирскѣ, Симферополѣ, Тамбовѣ, Харьковѣ, Херсони, Черниговѣ и въ земляхъ Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ.

(Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,666-й).

(29) Уставъ виленскаго университета и училищъ виленскаго округа. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,765-й).

(30) Уставъ Импер. деритскаго университета, 12-го сентября 1803 г. (Періодич. сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія. № IV-й).

(31) Общій штатъ для гимназій и училищъ въ деритскомъ округѣ. (Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія. I. Штаты и приложенія. 4—5).

(32) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. I. 139.—Шевыревъ Исторія Импер. московскаго университета. 315.

(33) H. Storch. I. 195—196.

(34) Періодическое сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія. V. 45.

(35) Сенатскій указъ, отъ 31-го генваря 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,610-й).

(36) H. Storch. II. 166—167.

(37) Именной указъ Сенату, отъ 6-го іюня 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,785-й).

(38) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,852-й.

(39) Періодич. сочин. и проч. II. 175.

(40) » » » VIII. 93 и X. 297.

(41) » » » X. 300.

(42) H. Storch. VIII. XXIV. Lief. 98.

(43) Полн. Собр. Закон. XXVII. № 21,207-й. — Императрица Марія Ѳеодоровна, въ богоугодныхъ ея заведеніяхъ. Стр. 78—79.

(44) Періодич. сочин. и проч. VIII. 95.

(45) H. Storch. VIII. 49—50 und IX. 39.

(46) Высочайше утвержденный докладъ министра народнаго просвѣщенія, 16-го апрѣля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,265-й).

(47) Примѣрный штатъ Педагогическаго Института (Періодич. сочин. и проч. VI. 42—46).

(48) Періодич. сочин. и проч. VI. 47—60.

(49) Именной указъ Святѣйшему Синоду, отъ 17-го іюля 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,334-й).

(50) Высочайше утвержденный проектъ, 25-го іюля 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,864-й).

(51) H. Storch. I. 344—345.

(52) Уставъ Академіи Наукъ, 25-го іюля 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,863-й).

([53]) Высочайше утвержденный докладъ министерства юстиціи, отъ 1-го августа 1805 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,860-й).

([54]) Высочайше утвержденный докладъ медицинской коллегіи, отъ 29-го ноября 1802 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXVII № 20,531-й).

([55]) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,912-й.

([56]) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,946-й.

([57]) H. Storch III. 132—140.

([58]) Именной указъ Вольному Экономическому Обществу, отъ 13-го апрѣля 1801 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,832-й).

([59]) Именной указъ С.-Петербургскому военному губернатору, графу фонъ-деръ-Палену, отъ 30-го мая 1801 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI № 19,896-й).

([60]) Шевыревъ. Исторія Императорскаго московскаго университета. 349—352.

([61]) H. Storch. III. 141—145.

([62]) Именной указъ Сенату, отъ 22-го октября 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,480-й).

([63]) Извлеч. изъ современныхъ періодическихъ изданій.

([64]) Именной указъ Сенату, отъ 18-го апрѣля 1800 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,387-й).

([65]) Именной указъ объявленный генералъ-прокуроромъ, 18-го апрѣля 1800 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,388-й).

([66]) Именной указъ Сенату, отъ 31-го марта 1801 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,807-й).

([67]) Именной указъ Сенату, отъ 9-го февраля 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,139-й).

([68]) Именной указъ Сенату, отъ 1-го апрѣля 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,210-й.)

([69]) Манифестъ объ учрежденіи министерствъ, отъ 8-го сентября 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,406-й).

([70]) Именной указъ Сенату, объ устройствѣ училищъ, 24-го генваря 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,597-й).

([71]) Професс. Сухомлиновъ. Матеріалы для Исторіи просвѣщенія въ Россіи, въ царствованіе Императора Александра I.

([72]) Уставъ о Цензурѣ, отъ 9-го іюля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,388-й).

([73]) Указъ 17-го сентября 1804 года.

([74]) H. Storch. VII. 390—397.

([75]) Изъ современныхъ періодическихъ изданій.

([76]) На кораблѣ «Надежда» находились: капитанъ-лейтенантъ Крузенштернъ, лейтенанты: Ратмановъ, Ромбергъ, Головачевъ и Левенштернъ, мичманъ Беллинсгаузенъ, штурманъ Каменщиковъ, гардемаринъ Бистромъ, докторъ Эспенбергъ. На кораблѣ «Нева» капитанъ-лейтенантъ Лисянскій, лейтенантъ Арбузовъ, мичманы: Бергъ и Друсковскій, штурманъ Калининъ, докторъ Лабандъ.

([77]) Путешествіе вокругъ свѣта, въ 1803, 1804, 1805 и 1806 годахъ, на корабляхъ «Надежда» и «Нева». С.-Петербургъ. 1809 года.

([78]) H. Storch. VIII. XXIV. Lief. 117—120.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ V.

(¹) *Составъ гвардіи:*

Пѣхота: Л. Гв. Его Императорскаго Величества (Преображенскій) полкъ, изъ 4-хъ гренадерскихъ, пяти-ротныхъ баталіоновъ и 2-хъ флигель-ротъ; Л. Гв. Его И. Высочества Александра Павловича (Семеновскій) полкъ, изъ 3-хъ гренадерскихъ, пяти-ротныхъ баталіоновъ и одной флигель-роты; Л. Гв. Его И. Высочества Николая Павловича (Измайловскій) полкъ, такого-же состава; Л. Гв. Егерскій баталіонъ изъ четырехъ и Л. Гв. Гарнизонный баталіонъ изъ трехъ ротъ.

Кавалерія: Кавалергардскій полкъ, изъ 3-хъ эскадроновъ; Л. Гв. Его И. Высочества Константина Павловича (Л. Гв. Конный) полкъ, изъ 5-ти эскадроновъ; Л. Гв. Гусарскій полкъ, изъ двухъ 5-ти эскадронныхъ баталіоновъ; Л. Гв. Казачій полкъ, изъ 3-хъ эскадроновъ.

Артиллерія: Артиллерійскій Его И. Высочества Михаила Павловича (Л. Гв. Артиллерійскій) баталіонъ, изъ 5-ти ротъ пѣшихъ и одной конной, и изъ трехъ командъ: піонерной, понтонной и фурштадской.

(²) *Составъ арміи:*

Гренадерскіе полки: Лейбъ, Кербица (Павловскій), Палицына (Екатеринославскій), Сакена 1-го (С.-Петербургскій), Насл. Пр. Мекленбургскаго (Астраханскій), Нассека (Кіевскій), Пр. Карла Мекленбургскаго (Московскій), Берха (Малороссійскій), Бахметева 3-го (Сибирскій), Мамаева (Фанагорійскій), Титова 1-го (Херсонскій), Данзаса (Таврическій) и Тучкова 2-го (Кавказскій): первый — изъ 4-хъ гренадерскихъ баталіоновъ, а остальные—изъ двухъ фузелерныхъ баталіоновъ и двухъ гренадерскихъ или флигель-ротъ, а баталіоны — пяти-ротнаго состава.

Мушкетерскіе полки: Седморацкаго (Бѣлозерскій), Ермолова (Нашебургскій), Эссена 1-го (Черниговскій), бар. Розена (Ново-ингерманландскій), Ласунскаго 1-го (Ярославскій), Милорадовича (Апшеронскій), Репнинскаго (Смоленскій), гр. Ланжерона (Ряжскій), Пршибышевскаго (Курскій), Макшеева (Козловскій), Сербина (Севастопольскій), Мансурова 1-го (Бѣленскій), Ловейки (Алексопольскій), Измайлова (Шлиссельбургскій), Лидерса (Брянскій), Бороздина 2-го (Троиц-

кій), Сукина 2-го (Ладожскій), Тинькова (Полоцкій), Каменскаго 2-го (Архангельскій), Энгельгардта (Старо-Ингерманландскій), Фертча (Новгородскій), Хитрово (Нижегородскій), Мусина-Пушкина (Витебскій), Селехова (Азовскій), Брунова (Орловскій), Хотунцова (Ревельскій), Дрекселя (Тульскій), Ефимовича (Елецкій), Голенищева-Кутузова (Псковскій), Ферштера (Тамбовскій), Мицкаго (Ростовскій), Петровскаго (Муромскій), Быкова (Старооскольскій), Гарина (Тобольскій), Леонтьева (Тифлисскій), Арсеньева (Воронежскій), Кнорринга 2-го (Казанскій), Фенша (Московскій), Гулякова (Кабардинскій), Розенберга (Владимірскій), Гердорфа (Углицкій), Тучкова 1-го (Сѣвскій), Родгофа (Нарвскій), Кононовича (Днѣпровскій), Мантейфеля (Вятскій), Шепшина (Суздальскій), Вердеревскаго (Кексгольмскій), Ганжи 1-го (Выборгскій), Алексѣева (Рязанскій), кн. Горчакова 1-го (Невскій), Кастелли (Великолуцкій), Нечаева (Софійскій), Лаврова (Ширванскій), Риттера (Пермскій), гр. Шембока (Низовскій), Малышкина (Бутырскій), Цыбульскаго (Уфимскій), Бахметева 1-го (Рыльскій), Пѣвцова (Екатеринбургскій), Купфершмидта (Селенгинскій), кн. Вяземскаго (Томскій), кн. Щербатова, Рунича 1-го, Кашкина, Несвѣтаева, Миллера 1-го, Аникѣева, Баклановскаго, Ушакова, каждый изъ двухъ мушкетерскихъ баталіоновъ и двухъ гренадерскихъ ротъ, а баталіоны—изъ пяти ротъ.

Егерскіе полки: Михельсона 2-го (2-й), Гвоздева (3-й), Барклая де-Толли (4-й), Брадке (5-й), Алфимова (6-й), гр. Ивелича 3-го (7-й) Миллера (8-й), Пріуды (9-й), Вейдемейера (10-й), Маркова (11-й), Баллы (12-й), Гангеблова (13-й), кн. Вяземскаго (14-й), Штедера (15-й), Штемпеля (16-й), Лихачева (17-й), Лазарева (18-й), Воейкова (19-й), Корницкаго (20-й), каждый изъ 4-хъ баталіоновъ, а баталіоны изъ 5-ти ротъ.

Кирасирскіе полки: Лейбъ-кирасирскій Его Величества, Лейбъ-кирасирскій Ея Величества, кн. Голицына 5-го (Военнаго ордена), гр. Салтыкова 2-го (Екатеринославскій), гр. Головина (Казанскій), Врицкена (Глуховскій), Заболоцкаго (Кіевскій), Воинова (Стародубовскій), Мусина-Пушкина (Черниговскій), Пр. Александра Виртембергскаго (Рижскій), Козена (Харьковской), кн. Ромодановскаго-Ладыженскаго (Малороссійскій) и Цорна (въ послѣдствіи Тверскій), каждый изъ 5-ти эскадроновъ.

Драгунскіе полки: Пр Евгенія Виртембергскаго (Псковскій), Энгельгардта (С.-Петербургскій), Михельсона 1-го (Смоленскій), Воеводскаго (Оренбургскій), Хомякова (Ингерманландскій), Безобразова (Московскій), гр. Палена 3-го (Каргопольскій), Миллера 2-го (въ послѣдствіи Кинбурнскій), Шепелева (изъ бывшихъ Владимірскаго и Таганрогскаго), Портнягина (изъ бывшихъ Нарвскаго и Нижегородскаго) и Скалона (изъ бывшихъ Иркутскаго и Сибирскаго): первые восемь изъ 5-ти, а послѣдніе три—изъ 10-ти эскадроновъ.

Гусарскіе полки: Баура (Павлоградскій), гр. Зубова (Сумскій), Мелиссино (Маріупольскій), Кашинскаго (Александрійскій), гр. Палена 2-го (Изюмскій), Борчугова (Ахтырскій), Сакена 3-го (Елисаветградскій) и Чаплыгина (Ольвіопольскій), каждый изъ 2-хъ пяти-эскадронныхъ баталіоновъ.

Конные полки: Литовскій-Татарскій и Польскій: каждый изъ 10-ти эскадроновъ.

Регулярные казачьи полки: Чугуевскій, 1-й и 2-й Тептярскіе.

Артиллерійскіе полки, пѣшіе: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й и 7-й, и конный 8-й.

Піонерный полкъ, изъ двухъ баталіоновъ, а баталіоны — изъ одной роты минеръ-саперовъ и пяти ротъ піонеровъ.

(3) *Гарнизонные полки:* Рейхенберга (въ Москвѣ), Булгакова (въ Ригѣ), Уколова (въ Кронштадтѣ), Вырубова 1-го (въ Нарвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Твери), Плуталова (въ Шлиссельбургѣ, Вильманстрандѣ, Кексгольмѣ и Нейшлодтѣ), Эссена 3-го (въ Выборгѣ и Фридрихсгамѣ), Болотникова (въ Роченсальмѣ и Аренсбургѣ), Балашева (въ Ревелѣ и Перновѣ), кн. Гики (въ Динаминдѣ, Смоленскѣ, Витебскѣ и Могилевѣ), Массе (въ Кіевѣ и Херсонѣ), Кошелева (въ Николаевѣ, Перекопѣ и Севастополѣ), Ольвинцева (въ крѣп. Св. Димитрія и Азовѣ), Ливена 3-го (въ Астрахани, Царицынѣ и Симбирскѣ), Лебедева (въ Оренбургѣ, Тамбовѣ и Воронежѣ), Корфа 1-го (въ Саратовѣ, крѣп. Орской, Звѣриноголовскѣ и крѣп. Кизильской), Цызырева (въ Семипалатинскѣ, крѣп. Св. Петра, Верхнеуральскѣ и крѣп. Троицкой), Ретюнскаго (въ Омскѣ, Бійскѣ, Томскѣ и Желѣзинскѣ), Лицнано (въ Иркутскѣ и Селенгинскѣ), Пущина 1-го (въ Казани и Тобольскѣ), Ливена 1-го (въ Архангельскѣ, Владимірѣ и Нижнемъ Новгородѣ), каждый изъ 4-хъ баталіоновъ; кромѣ того, по одному баталіону въ Нижне-Камчатскѣ и на островѣ Корфу.

Инвалидныя роты (всего 33) и *команды.* Команды неслужащихъ инвалидовъ. Штатныя роты и команды.

Артиллерійскія гарнизонныя роты (всего 4) и *команды.*

Три *осадныхъ депо* и *крѣпостныя инженерныя команды.*

(4) *Военно-учебныя заведенія:* Кадетскіе корпуса: 1-й, 2-й и Гродненскій; военно-сиротскія отдѣленія.

(5) *Горнозаводскія войска:* Колывано-Воскресенскій и Нерчинскій баталіоны; двѣ роты при Екатеринбургскихъ золотыхъ промыслахъ, двѣ при Гороблагодатскихъ и Камскихъ горныхъ заводахъ и одна при Олонецкихъ-Петровскихъ заводахъ.

(6) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. III. 90.

(7) Высочайшіе Приказы: 14-го, 29-го, и 31-го марта 1801 года.

(8) Сформированы вновь:

29-го декабря 1802 года, Куринскій мушкетерскій полкъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,569-й).

16-го мая 1803 года, мушкетерскіе: Петровскій, Капорскій, Волынскій, Подольскій, Галицкій, Крымскій и Вологодскій; 20-й егерскій; драгунскіе: Курляндскій, Новороссійскій, Борисоглѣбскій и Переяславскій; гусарскіе: Бѣлорусскій и Одесскій (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,764-й).

19-го марта 1803 года, пять пѣшихъ и одинъ конный артиллерійскіе баталіоны (Высочайшій Приказъ).

20-го августа 1805 года, полки мушкетерскіе: Могилевскій, Калужскій, Костромскій, Виленскій, Пензенскій, Эстляндскій и Одесскій; егерскіе: 21-й и 22-й; драгунскіе: Житомирскій и Лифляндскій (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,822-й).

31-го августа 1805 года, по переформированіи артиллерійскихъ ба-

таліоновъ въ полки, сформированы еще два артиллерійскихъ полка 10-й и 11-й (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,887-й).

31-го октября 1805 года сформированъ въ Сибири 23-й егерскій полкъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,942-й).

(9) 30-го марта 1801 года, десяти-эскадронные полки: Шепелева, Портнягина и Скалона раздѣлены каждый на два пяти-эскадронныхъ полка, именно: Владимірскій и Таганрогскій, Нарвскій и Нижегородскій, Иркутскій и Сибирскій (Высочайшій Приказъ).

8-го апрѣля 1803 года Литовскій-Татарскій полкъ раздѣленъ на два полка пяти-эскадроннаго состава: Конный Татарскій и Конный Литовскій (Высочайшій Приказъ).

(10) 31-го іюня 1801 года, кирасирскіе полки: Казанскій, Кіевскій, Стародубовскій, Черниговскій, Рижскій, Харьковскій и Тверскій переименованы въ драгунскіе (Высочайше конфирмованный докладъ Военной коллегіи).

11-го сентября 1803 года, Одесскій гусарскій полкъ наименованъ уланскимъ Е. И. В. Цесаревича Константина Павловича (Высочайшій Приказъ).

(11) 19-го марта 1803 года, изъ всѣхъ пѣшихъ артиллерійскихъ баталіоновъ сформировано девять артиллерійскихъ полковъ (Высочайшій Приказъ).

(12) Артиллерійскій понтонный полкъ сформированъ 4-го іюня 1804 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,331-й).

(13) Высочайше конфирмованные штаты.

(14) 17-го декабря 1803 года, повелѣно состоять при кирасирскихъ и драгунскихъ полкахъ по одному запасному полуэскадрону, а при полкахъ легкой кавалеріи—по одному запасному эскадрону, исключая драгунскихъ полковъ: Владимірскаго, Нарвскаго, Таганрогскаго, Нижегородскаго, Борисоглѣбскаго, Оренбургскаго, Сибирскаго и Иркутскаго (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,080-й).

Учреждены также запасные полуэскадроны при Л. Гв. Конномъ полку, 21-го декабря 1803 года и при Кавалергардскомъ полку, 26-го мая 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,092-й и Т. XXVIII. № 21,301-й).

(15) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,794 и 20,804-й.

(16) Извлеч. изъ штатовъ 31-го декабря 1803 года и послѣдующихъ Высочайшихъ Приказовъ.

(17) Высочайше утвержденные штаты и табели, 30-го апрѣля 1802 г.

(18) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,411 и 20,994 и Т. XXVIII. № 21,441).

(19) H. Storch. Russland u. s. w. VII. 419.

(20) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,224.

(21) Именной указъ, объявленный военнымъ министромъ 15-го октября 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,986).

(22) Именной указъ, объявленный министромъ внутреннихъ дѣлъ военнымъ и гражданскимъ губернаторамъ, отъ 26-го іюня 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,412-й).

(23) Именной указъ Сенату, отъ 17-го сентября 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,442).

([24]) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,490.

([25]) Именной указъ московскому военному губернатору, отъ 28-го сентября 1805 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,906).

([26]) Именной указъ, объявленный Военной Коллегіи генералъ-адъютантомъ графомъ Ливеномъ, 14-го августа 1802 г. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,371).

([27]) Письмо Императора Александра I къ генералу отъ кавалеріи Тормасову. — Письмо Его-же къ генералу Саксну (Секр. Арх. канц. военнаго министерства).

([28]) Именной указъ, объявленный Военной Коллегіи Его Высочествомъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, 30-го августа 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,435).

([29]) Именной указъ инспекторамъ войскъ, отъ 20-го февраля 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,628).

([30]) Письмо къ Императору Александру I графа Аракчеева, отъ 1-го іюля 1804 года, изъ Брянска. Къ письму приложена слѣдующая записка объ испрашиваемыхъ наградахъ.

Начальнику арсенала полковнику Бухмейеру подарокъ.

Штабсъ-капитану Петрову, имѣющему пятерыхъ дѣтей, половинное годовое жалованье . . . . 150 рубл.

Двумъ унтеръ - цейхвартерамъ Пивоварову и Жданову, каждому по . . . . 75 »

Мастерамъ, подмастерьямъ и нижнимъ чинамъ, коихъ числомъ 225 человѣкъ, всѣмъ . . . . 450 »

Отставному литейному мастеру Рыкову, служившему 40 лѣтъ и потерявшему зрѣніе, который, хотя и получаетъ пенсію 200 рубл. въ годъ, но имѣя четверыхъ дѣтей, проситъ милосердія на покупку домика . . . . 100 »

А всего 850 рубл.

Борисоглѣбскаго драгунскаго полка прапорщикъ Путвинскій, выпущенный сего года генваря 22 дня изъ Гродненскаго кадетскаго корпуса, имѣя переломленную въ двухъ мѣстахъ руку и будучи неспособенъ для кавалеріи, проситъ о переводѣ въ пѣхоту.

([31]) Письмо изъ Нѣжина, отъ 10-го іюля 1804 года.

([32]) Письмо графа Аракчеева, изъ Кіева, отъ 22-го іюля 1804 года.

([33]) Рапортъ военному министру графа Аракчеева, отъ 4-го апрѣля 1805 года за № 1268 (Секр. Арх. канц. военнаго министерства).

([34]) Высочайше утвержденный докладъ Военной Коллегіи, о правилахъ увольненія отъ службы дворянъ и вольноопредѣляющихся, отъ 5-го декабря 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,542).

([35]) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,866.

([36]) Докладъ комитета о преобразованіи генералъ-аудиторіата, отъ 8-го сентября 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,904).

([37]) Именной указъ Военной Коллегіи, отъ 29-го сентября 1802 года (Полн. Собр Закон. Т. XXVII. № 20,436).

([38]) Именной указъ Сенату. отъ 25-го февраля 1802 г. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,156).

([39]) Именной указъ Сенату, отъ 6-го февраля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,142).

(40) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,508.

(41) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,754.

(42) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,786 и Т. XXVIII. № 21,426.

(43) Именной указъ Сенату, отъ 26-го декабря 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,101).

(44) Именной указъ Сенату, отъ 26-го декабря 1803 года.

(45) Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,811.

(46) Именной указъ министру народнаго просвѣщенія, отъ 9-го октября 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,975).

(47) Высочайшая резолюція на докладъ Коммиссіи о военныхъ училищахъ, о порядкѣ учрежденія сихъ училищъ, съ приложеніемъ плана военнаго воспитанія, отъ 21-го марта 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,675).

(48) Къ военнымъ училищамъ были причислены губерніи въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Къ С.-Петербургскому:* с.-петербургская, новгородская, архангелогородская, олонецкая, лифляндская, эстляндская, курляндская, и финляндская.

2) *Къ Московскому:* московская, владимірская, рязанская, тульская и калужская.

3) *Къ Смоленскому:* смоленская, витебская, могилевская, гродненская и виленская.

4) *Къ Кіевскому:* кіевская, черниговская, полтавская, екатеринославская, херсонская, таврическая, волынская, подольская и минская.

5) *Къ Воронежскому:* воронежская, курская, орловская, слободско-украинская, саратовская, астраханская, кавказская, земли донскихъ и черноморскихъ казаковъ.

6) *Къ Тверскому:* тверская и псковская.

7) *Къ Ярославскому:* ярославская и вологодская.

8) *Къ Нижегородскому:* нижегородская, костромская, тамбовская и пензенская.

9) *Къ Казанскому:* казанская, вятская, пермская, симбирская и оренбургская.

10) *Къ Тобольскому:* тобольская, томская и иркутская.

(49) Высочайшій рескриптъ отъ 29-го марта 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,685). Въ составѣ непремѣннаго совѣта, для устроенія и главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, подъ предсѣдательствомъ Цесаревича Константина Павловича, находились: министры народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій и военныхъ сухопутныхъ силъ Вязмитиновъ, инженеръ-генералъ Сухтеленъ, инспекторъ всей артиллеріи графъ Аракчеевъ, товарищи министровъ иностранныхъ дѣлъ князь Чарторижскій и юстиціи Новосильцовъ и генералъ-маіоры, директоры кадетскихъ корпусовъ Клингеръ и Клейнмихель.

(50) Высочайше утвержденное преобразованіе Пажескаго корпуса, 10-го октября 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,452).

(51) Высочайше утвержденный докладъ министра финансовъ, 19-го генваря 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,122).

(52) Высочайше утвержденный штатъ Горнаго кадетскаго корпуса.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ГЛАВѢ VI.

(¹) Чтенія въ Императорскомъ обществѣ Исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1859. Часть І-я. Смѣсь Стран. 101.

(²) Составъ русскаго флота въ 1790 году:

Въ Балтійскомъ морѣ:

100—пушечныхъ кораблей		8
74-хъ » »		20
64-хъ » »		24
	Всего линейныхъ кораблей	52
фрегатовъ		22
меньшихъ судовъ		30
галерный флотъ	гребныхъ фрегатовъ	24
	пловучихъ батарей	30
	большихъ канонерскихъ ботовъ	200
	малыхъ » »	100
	катеровъ	12
	галеръ	50

Всего-же съ меньшими судами болѣе тысячи.

Въ Черномъ морѣ:

74-хъ пушечныхъ кораблей		15
фрегатовъ		18
меньшихъ судовъ		95
галерный флотъ.	шлюпокъ канонерскихъ и бомбардирск.	50
	меньшихъ судовъ	174

Въ Каспійскомъ морѣ:

фрегатовъ	3
меньшихъ судовъ	12

(3) Очеркъ Исторіи Морскаго корпуса. Ѳ. Веселаго. 167—168.

(4) H. Storch, Russland unter Alexander dem Ersten. VI. 196—198.

(5) Членами Комитета для преобразованія флота были назначены адмиралы: фонъ Дезинъ, Балле и Макаровъ; вице-адмиралы: Карцовъ и Пав. Вас. Чичатовъ.

(6) Высочайше утвержденный докладъ Комитета для образованія флота учрежденнаго, объ опредѣленіи величины и силы флота, отъ 14-го ноября 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,038-й).

(7) H. Storch. Russland u. s. w. VII. 8—9.

(8) Докладъ Комитета.

(9) H. Storch. Russland u. s. w. VII. 14—18.

(10) H. Storch. Russland u. s. w. VII. 20—21.

(11) H. Storch. Russland u. s. w. VII. 26, 49—51 und 52.

(12) 29-го апрѣля 1803 года, 12 Морскихъ баталіоновъ были переформированы въ 4 Морскихъ полка. Высочайше утвержденный докладъ товарища министра морскихъ силъ (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,731-й).

(13) Высочайше утвержденный докладъ товарища министра морскихъ силъ, 28-го сентября 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 21,468-й).

(14) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,283-й.

(15) Высочайше утвержденный докладъ товарища министра морскихъ силъ, о кораблестроеніи по черноморскому флоту, отъ 15-го мая 1805 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,663-й).

(16) Высочайше утвержденный докладъ министра морскихъ силъ, 21-го іюля 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,859).

(17) Высочайше утвержденный докладъ Комитета для образованія флота учрежденнаго, 29-го іюня 1804 г. (Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,371).

(18) Очеркъ Исторіи Морскаго кадетскаго корпуса, Ѳ. Веселаго. 176—177.

(19) Очеркъ Исторіи Морскаго кадетскаго корпуса. 174—175.

(20) Высочайше утвержденный докладъ Комитета для образованія флота, 10-го февраля 1804 года (Полн. Собр. Закон. Томъ XXVIII. № 21,147).

(21) H. Storch. Russland u. s. w. VII. 20 und 201—202.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ VII.

(1) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. III. 370—372.

(2) H. Storch. III. 376. — Современныя извѣстія.

(3) H. Storch. III. 378—380 und VI. 404—408.

(4) Именные указы комитету, учрежденному для уравненія постой въ Петербургѣ, 11-го февраля 1802 года, и сенату, о штатномъ положеніи петербургской и московской губерній, 12-го февраля того-же года. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. №№ 20,141 и 20,143).

(5) Именной указъ сенату, 19-го генваря 1804 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,131).

(6) Именной указъ сенату, отъ 11-го сентября 1804 г. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,448).—Высочайшій рескриптъ малороссійскому генералъ-губернатору, отъ 9-го мая 1805 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,746).

(7) H. Storch. I. 120.

(8) H. Storch. VII. 401.

(9) H. Storch. I. 48—62; V. 93—95.

(10) Отчетъ министра коммерціи за 1803 годъ.

(11) H. Storch. VIII. 268—269.

(12) H. Storch. IX. XXV. Lief. 73—78.

(13) Указъ 20-го ноября 1799 года.

(14) Именной указъ сенату, отъ 27-го августа 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,388).

(15) Именной указъ сенату, отъ 11-го сентября 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,933).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ VIII.

(1) Именной указъ Сенату, отъ 10-го марта 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,176).—Рескриптъ камергеру Витовтову, отъ 10 марта 1802 года.

(2) Указъ отъ 16-го мая 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,266). Государь назначилъ въ учрежденной по сему поводу Комитетъ трехъ членовъ: министра коммерціи Румянцова, надворнаго совѣтника Щербакова и купца фонъ-деръ-Флита, которымъ было поручено единогласно избрать 4-го, четыремъ членамъ 5-го, и такъ далѣе до девяти, коимъ предоставлено дополнить, по большинству голосовъ, число членовъ до семнадцати.

(3) Именной указъ дѣйствительному каммергеру Витовтову, отъ 18 мая 1802 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,267).

(4) H. Storch. Russland unter Alexander dem Ersten. I. 386—387.

(5) H. Storch. IV. 7—23.—Императрица Марія Ѳеодоровна въ богоугодныхъ ея заведеніяхъ. С. П. 1832. Стр. 11—14.—А. Ишимова. Императрица Марія Ѳеодоровна.

(6) H. Storch. IV. 127 — 136. — Императрица Марія и проч. стр. 72 и 74.

(7) H. Storch. IV. 210.

(8) А. Ишимова. Императрица Марія Ѳеодоровна.

(9) H. Storch. II. 156 — 160. — Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли, 1836. II. 81—82.

(10) Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,823.

(11) H. Storch. VII. 403—404.

(12) H. Storch. II. 314.

(13) H. Storch. VII. 405.

(14) H. Storch. V. 86 und 244 — 245.

(15) H. Storch. IV. 211—212.

(16) H. Storch. VI. 288 — 289.

(17) H. Storch. IX. 107.

(18) Именной указъ сенатору графу Ильинскому, отъ 27 мая 1805 г. (Полн. Собр. Закон. Т. XXVIII. № 21,765). — H. Storch. VIII. 85—86.

([19]) H. Storch. I. 118—120.—II. 319.—III. 271—272. — IV. 209. — V. 237—239 und 241—243. VIII. 86—87, 90 und 92.—IX. 94, 97—98, 100, 106 und 109.

([20]) H. Storch. III. 171—272 и VIII. 89.

([21]) H. Storch. I. 120 — 122.

([22]) H. Storch. V. 235—236.

([23]) H. Storch. VIII. 99 — 100.

([24]) H. Storch. III. 275—276.—V. 237.—VIII. 89—90 und IX. 111.

([25]) H. Storch. III. 151—157.—Современныя періодическія изданія.

([26]) H. Storch. IV. 213.

([27]) H. Storch. VI. 291—293.—Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. 1836. III. 222—223.

([28]) H. Storch. IX. 98—99.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ IX.

(¹) Schnitzler. Histoire intime de la Russie etc. II. 298 — 299.

(²) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1800-й годъ.

(³) Генеральные отчеты о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1801-й и 1802-й годы (Помѣщены ниже въ особомъ Приложеніи).

(⁴) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1803-й годъ (въ особомъ Приложеніи).

(⁵) Генеральный отчетъ, и проч. за 1804 годъ (въ особомъ Приложеніи).

(⁶) Генеральный отчетъ, и проч. за 1805 (въ особомъ Приложеніи).

(⁷) Въ концѣ 1800 года вообще было выпущ. ассигн. 212,689,335 р.

»	»	1801	»	»	»	»	»	221,488,335 »
»	»	1802	»	»	»	»	»	230,464,425 »
»	»	1803	»	»	»	»	»	247,624,665 »
»	»	1804	»	»	»	»	»	260,658,550 »
»	»	1805	»	»	»	»	»	292,199,110 »

Общая вѣдомость государственнымъ приходамъ съ 1800-го по 1805-й годъ.

1800 г.	рубли.	коп.	1801 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1800 г. . . .	12,150,467	$5\frac{1}{2}$	Оставалось къ 1-му генваря 1801 г. . . .	16,481,001	$60\frac{1}{4}$
Недоимокъ	4,763,502	88	Недоимокъ	2,809,109	39
Доходовъ	77,852,208	61	Доходовъ	78,419,437	$60\frac{1}{2}$
Разнаго рода взысканій, остатковъ, и проч. .	5,832,628	$9\frac{1}{4}$	Разнаго рода взысканій, остатковъ и проч. .	2,016,924	63
Субсидій	4,263,844	12			
Итого . . .	104,862,650	$75\frac{3}{4}$	Итого . . .	99,726,473	$22\frac{3}{4}$
и мѣлк. кур. мон. 44,064 тал. $39\frac{1}{4}$ гр. $19\frac{1}{2}$ з.			и мѣлк. кур. мон. 12,337 тал. $85\frac{1}{2}$ гр. $18\frac{1}{2}$ з.		
			Изъ Ассигнаціоннаго Банка	4,761,300	—
			Изъ Главнаго Почтоваго Правленія . . .	850,000	—
			Разныхъ долговыхъ суммъ	777,893	56
			Купоновъ по Голландскимъ облигаціямъ . . .	636,376	52
			Изъ Ломбарда . . .	500,000	—
			Заимообразно изъ подорожныхъ суммъ . .	83,686	73
				107,335,730	$3\frac{3}{4}$

1802 г.	рубли.	коп.	1803 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1802 г. . . .	15,606,194	$4\frac{3}{4}$	Оставалось къ 1-му генваря 1803 г. . . .	17,566,126	$89\frac{1}{4}$
мѣлк. кур. мон. 35,588 тал. $74\frac{1}{4}$ гр. $4\frac{1}{4}$ з.			мѣлк. курант. мон. 37,828 тал. 69 гр. $5\frac{1}{4}$ з. . .	45,394	$87\frac{1}{2}$
Недоимокъ	3,219,377	95	Недоимокъ	2,903,939	58
			мѣлк. кур. мон. 127 тал. $11\frac{1}{2}$ гр.	153	9
Доходовъ	77,428,008	$55\frac{3}{4}$	Доходовъ	95,519,718	95
и мѣлк. кур. мон. 14,636 тал. 18 гр. $1\frac{1}{4}$ зе.			мѣлк. курант. мон. 18,193 тал. $87\frac{3}{4}$ гр.	21,832	92
Разнаго рода взысканій, остатковъ, и проч. .	3,086,526	$62\frac{1}{4}$	Разнаго рода взысканій, остатковъ и проч. .	2,857,502	39
Итого . . .	99,340,107	$17\frac{3}{4}$	Итого . . .	118,914,668	$69\frac{3}{4}$
и мѣлк. кур. мон. 50,227 тал. $2\frac{1}{4}$ гр. $5\frac{1}{2}$ з.					
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	6,000,000	—	Изъ Ассигнаціоннаго Банка	6,000,000	—
Изъ Заемнаго Банка .	718,500	—	Изъ Заемнаго Банка .	1,160,000	—
Разныхъ долговыхъ суммъ	525,951	$82\frac{1}{2}$	Разныхъ долговыхъ суммъ	299,645	$74\frac{3}{4}$
Купоновъ по Голландскимъ облигаціямъ . .	288,067	$55\frac{1}{2}$	Отъ размѣна въ пользу казначейства	173,108	96
Изъ Ломбарда . . .	400,000	—	Изъ Опекунск. Совѣта	1,210,000	—
Заимообразно изъ разныхъ суммъ	390,004	$70\frac{1}{4}$	Заимообразно изъ разныхъ суммъ	790,072	90
	107,662,631	26		128,547,496	$30\frac{1}{2}$

1804 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1804 г. . . .	19,135,118	24¾
Недоимокъ	3,482,869	3½
Доходовъ	96,978,879	83
Разнаго рода взысканій и остатковъ . . .	2,716,929	39¾
Итого . . .	122,313,796	51
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	4,448,165	—
Изъ Заемнаго Банка .	1,975,000	—
Разныхъ долговыхъ суммъ	182,147	8
Отъ размѣна, въ пользу казначейства, и отъ передѣлки въ монету . .	314,917	99½
Изъ Опекунск. Совѣта	2,765,000	—
Заимообразно изъ разныхъ суммъ	505,304	82½
	132,534,331	41

1805 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1805 г. . . .	10,370,771	44
Недоимокъ	3,504,889	74
Доходовъ	100,791,211	15¼
Разнаго рода взысканій и остатковъ . . .	1,965,422	59¾
Итого . . .	116,622,294	93
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	28,083,288	31¾
Разныхъ долговыхъ суммъ	732,490	94½
Отъ размѣна золота и серебра и отъ передѣлки въ монету	277,751	75
Изъ Опекунск. Совѣта	1,062,130	—
Заимообразно изъ разныхъ суммъ	460,896	58½
	147,238,852	52¾

Общая вѣдомость государственнымъ расходамъ съ 1800-го по 1805-й годъ.

1800 г.	рубли.	коп.
Выдано неуплаченныхъ за 1799-й годъ	3,315,770	72½
На Военно-Сухоп. департ. штатн. .	30,916,317	79
На Военно-Сухоп. департ. сверхшт.	3,639,301	25½
На Морской департаментъ . штатн. .	7,815,828	6¼
На Морской департаментъ . сверхшт.	1,056,282	70½
На гражданскій штатъ . . штатн. .	8,215,469	—
На гражданскій штатъ . . сверхшт.	563,179	$11^3/_1$
На Иностран. департ. .	1,195,598	—
На пенсіи . штатн. .	670,191	89¾
На пенсіи . времен. .	1,665,271	46½
На училища, воспитательные домы и больницы	1,170,806	66½
На духовный штатъ. .	1,496,656	—
На постройку зданій и водяныя сообщенія . . .	164,065	15
И сверхштатныхъ . .	2,478,936	97¾
По винной и солянымъ частямъ	541,950	11¾
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и Придворную Контору .	9,241,595	80
И сверхштатныхъ . .	902,739	28
Всемилостивѣйше пожалованныхъ	207,339	38
Разные расходы . . .	1,830,971	84
На платежъ внѣшнихъ долговъ	4,326,284	10
На платежъ внутренняго долга, выкупъ облигацій, и проч.	6,967,098	70¼
Итого въ расходѣ .	88,381,649	15
Оставалось къ 1-му генваря 1801 года	16,481,001	60¼

1801 г.	рубли.	коп.
Выдано неуплаченныхъ за 1800 годъ	1,221,531	21¾
На Военно-Сухоп. департ. штатн. .	32,960,048	59
На Военно-Сухоп. департ. сверхш. .	1,159,666	9¾
На Морской департаментъ штатн. .	8,174,616	80
На Морской департаментъ сверхшт.	3,925,113	88½
На гражданскій штатъ . штатн. .	8,219,831	61½
На гражданскій штатъ . сверхшт. .	428,664	87
и мѣлк. мон. 73 т.		
На Иностран. департ.	1,195,797	6
На пенсіи штатн. .	658,499	99¼
На пенсіи времен. .	1,689,197	$60^8/_4$
На училища, воспитательные домы и больницы	1,056,019	4¼
И сверхштатныхъ . .	9,474	23
На духовный штатъ .	1,495,605	72
На постройку зданій и водяныя сообщенія . .	168,984	3½
И сверхштатные . . .	2,694,658	13¾
По винной и соляной частямъ	994,535	16¼
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и въ Придворную Контору	9,331,595	80
Всемилостивѣйше пожалованныхъ	435,886	42½
Разные расходы . . .	2,093,999	18½
На платежъ внѣшнихъ долговъ	3,343,684	11
На платежъ внутренняго долга, выкупъ облигацій, и проч.	6,291,178	2½
На покупку населенныхъ имѣній	1,627,906	62
На расходы по . . .	108,212	21¼
На расходы при Священномъ Коронованіи .	473,306	18
Итого въ расходѣ .	91,729,535	98¼
Оставалось къ 1-му генваря 1802 года	15,606,194	4¾

1802 г.	рубли.	коп.
Выдано неуплаченныхъ за 1801 годъ	1,845,283	16
На Военно-Сухоп. департ. — штатн.	31,052,184	73
— сверхшт.	453,016	55
На Морской департаментъ — штатн.	8,198,616	80
— сверхшт.	807,841	47½
На гражданскій штатъ — штатн.	8,525,803	69
— сверхшт.	1,133,269	63¾
На Иностран. департ.	1,195,683	76
На пенсіи и орденъ Св. Іоанна Іерусал. — штатн.	827,669	99
— сверхшт.	1,890,691	81¼
На училища, воспитательные домы и больницы	1,065,383	29
И сверхштатныхъ	48,121	17¾
На духовный штатъ	1,495,942	99
На постройку зданій и водяныя сообщенія	148,984	3
И сверхштатныхъ	3,173,136	30½
По винной и соляной частямъ	1,225,696	35¾
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и въ Придворную Контору	8,900,000	—
И сверхштатныхъ	384,082	31
	140,000	—
Всемилостивѣйше пожалованныхъ	328,882	52¾
Разные расходы	7,954,089	67¼
Съ возвратомъ въ 1803 г.	574,559	3
На платежъ внѣшняго долга	4,315,224	76
На платежъ внутренняго долга, выкупъ облигацій, и проч.	3,304,319	18¾
На покупку населенныхъ имѣній	908,022	9¼
На покупку у княгини Яблоновской Кабинета Натуральной Исторіи	200,000	—
Итого въ расходѣ	90,096,504	36¾
Оставалось къ 1-му генваря 1803 года	17,566,126	89¼

1803 г.	рубли.	коп.
Выдано неуплаченныхъ за 1802 годъ	3,834,172	96
Военное министерство — штатн.	33,521,685	21
— сверхшт.	903,984	40½
Морское министерство — штатн.	10,479,296	53
— сверхшт.	426,269	4
Министер. внутрен. дѣлъ — штатн.	8,630,851	—
— сверхшт.	1,083,563	89¼
Министерство иностранныхъ дѣлъ	1,195,664	56
Минист. народн. просв. — штатн.	1,200,806	48¼
— сверхшт.	415,150	45
На духовный штатъ	1,492,578	79
Минист. коммерц. (вмѣстѣ съ вод. сообщ.) — штатн.	1,722,838	83½
— сверхшт.	671,945	69¾
Сверхштатныхъ за купленные дома	174,930	86
Минист. финансовъ — вмѣстѣ съ платеж. государств. долга	23,723,546	83¾
да мѣлкою кур. монетою 49,449 тал.	59,339	86
На покупку населенныхъ имѣній, сверхштатн.	72,009	18
На расходы по винной и соляной частямъ	2,018,390	83½
На выкупъ облигацій, сверхштатн.	90,533	33¼
На временныя пенсіи	412,184	28
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и Придворную Контору	8,684,159	12½
Всемилостивѣйше пожалованныхъ	216,269	94¾
Разные расходы	8,054,424	8½
да мѣлкою кур. монетою 84 тал. 11 гр.	101	49
Издержано съ возвратомъ въ 1804 году	197,680	38¾
Итого въ расходѣ	109,412,378	5
Оставалось къ 1-му генваря 1804 года	19,135,118	24¾

1804 г.		рубли.	коп.
Выдано неуплаченныхъ за 1803-й годъ		4,836,937	72
Военное министерство	штатн.	40,579,067	22½
	сверхшт.	1,213,441	31¼
Морское министерство	штатн.	9,189,405	83¾
	сверхшт.	1,354,961	28¾
Минист. внутреннихъ дѣлъ	штатн.	12,946,447	77¼
	сверхшт.	3,753,918	87¾
Минист. иностранн. дѣлъ	штатн.	1,269,491	31
	сверхшт.	159,801	77
Минист. народн. просв.	штатн.	2,021,550	—
	сверхшт.	856,568	4
Духовный штатъ	штатн.	1,492,075	33¼
	сверхшт.	5,947	31½
Минист. коммерц. (вмѣстѣ съ вод. сообщ.)	штатн.	2,195,421	86¾
	сверхшт.	1,525,678	77¾
Министерст. юстиціи	штатн.	2,391,677	59½
	сверхшт.	174,177	70½
Министерст. финансовъ	штатн.	16,389,280	43½
	сверхшт.	9,889,352	98¾
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и въ Придв. Конт.	штатн.	9,441,228	92½
	сверхшт.	244,816	94¼
Разные расходы, съ возвратомъ въ 1805 году		202,311	17¾
Итого въ расходѣ		122,163,562	97
Оставалось къ 1-му генваря 1805 года		10,370,771	44

1805 г.		рубли.	коп.
Военное министерство	штатн.	41,304,886	73½
	сверхшт.	1,879,316	36¼
всего: 43,184,203 р. 9¾ к.			
Морское министерство	штатн.	11,990,471	28½
	сверхшт.	2,067,408	12¼
всего: 14,057,879 р. 40¾ к.			
Министер. внутрен. дѣлъ	штатн.	14,585,837	72
	сверхшт.	3,431,904	17½
всего: 18,017,741 р. 89½ к.			
Министер. иностр. дѣлъ	штатн.	1,297,196	31
	сверхшт.	461,388	44¾
всего: 1,758,581 р. 75¾ к.			
Минист. народн. просв.	штатн.	1,858,680	53
	сверхшт.	742,153	67
всего: 2,600,934 р. 20 к.			
Духовный штатъ	штатн.	1,493,154	57½
	сверхшт.	23,214	47
Минист. коммерц. (вмѣстѣ съ вод. сообщ.)	штатн.	2,806,719	34
	сверхшт.	1,174,727	½
всего: 3,981,446 р. 34½ к.			
Министер. юстиціи	штатн.	2,588,148	97½
	сверхшт.	148,709	49½
всего: 2,736,888 р. 47 к.			
Минист. финансовъ	штатн.	21,203,891	86
	сверхшт.	6,153,660	11½
всего: 27,357,551 р. 97½ к.			
Для Императорской фамиліи, въ Кабинетъ Е. В. и въ Придв. Конт.	штатн.	9,332,502	40¼
	сверхшт.	458,828	83¼
всего: 9,791,331 р. 23½ к.			
Разные расходы съ возвратомъ въ 1806 г.		445,997	51¼
Итого въ расходѣ		125,448,927	89
Оставалось къ 1-му генваря 1806 года		21,789,924	63¾
Въ томъ числѣ:			
Поступившихъ изъ Ассигнаціоннаго банка, для безостановочнаго производства Провіантск. и Морск. департаментамъ опредѣленныхъ имъ суммъ		11,672,051	—
Запасной суммы		91,171	25
На удовлетвореніе расходовъ неуплаченныхъ за прежнее время		6,390,070	94½
Итого		18,153,293	19½
За тѣмъ въ остаткѣ		3,636,631	44¼

	рубли.	коп.
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ		
о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1801-й годъ.		
Приходъ.		
По отчету за 1800 годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1801 года суммъ, всего	16,481,001	60¼
(Въ томъ числѣ: неуплаченныхъ по 1801-й годъ расходовъ 4,330,525 р. 54¾ коп. отчисленныхъ въ неприкосновенный капиталъ золотою и серебряною монетою 5,114,285 р. 70 к. а на ассигнаціи съ лажемъ по 40 коп. на рубль 7,160,000 рублей, и остатокъ 4,990,476 рубл. 5½ коп.).		
Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ	2,809,109	39
Доходовъ	78,419,437	60½
И мѣлк. кур. монетою 12,337 тал. 85½ гр. 18½.		
Разныхъ взысканій, начетовъ, остатковъ отъ некомплекта, и проч.	2,016,924	63
Итого въ приходѣ . . .	83,245,471	62½
И мѣлк. кур. монетою 12,337 тал. 85½ гр. 18½.		
Сверхъ того поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Изъ Ассигнаціоннаго Банка	4,761,300	—
(Въ томъ числѣ: для уплаты долга Адмиралтейской Коллегіи 2,924,190 рублей; въ пособіе Кабинету Е. В. 1,000,000 рублей; для покупки въ казну населенныхъ имѣній 630,110 рубл. да изъ подорожнаго сбора капиталъ слѣдовавшій въ Ассигнац. банкъ 207,000 рубл.).		
2. Изъ Главнаго почтоваго правленія, на покупку въ казну населенныхъ имѣній	850,000	—
3. Разныхъ долговыхъ суммъ	777,893	56
4. Купоновъ по голландскимъ облигаціямъ 154,894 р. 49 коп. арбитражу 26,057 рубл. 98 коп. да отъ промѣна золота и серебра, при выпускѣ ихъ въ расходъ, 140,370 р. 67 к. и проч.	636,376	—
5. Изъ Ломбарда	500,000	52
6. Заимообразно изъ подорожной суммы съ возвратомъ въ 1802 году	83,686	73
Всего-же въ приходѣ . . .	107,335,730	3¾
И мѣлк. кур. монеты 12,337 тал. 85½ гр. 18½.		
Расходъ.		
Изъ неуплаченныхъ по 1801-й годъ расходовъ: 4,330,525 р. 54¾ коп. дѣйствительно заплачено	1,221,531	69

По росписи на 1801-й годъ штатныхъ расходовъ исчислено 63,702,269 рубл. 58 коп. но изъ того числа: 1) удержанъ у Военнаго департамента долгъ, остававшійся по разсчету за 1800-й годъ 27,294 рубл. 80 к. и 2) оказалось въ остаткѣ отъ разныхъ ассигнованій 413,976 р. $58\frac{3}{4}$ к. а затѣмъ дѣйствительно отпущено И мѣлк. кур. мон. 6,469 тал. $21\frac{1}{2}$ гр. $14\frac{3}{4}$.	63,260,998	69

Вѣдомость суммамъ дѣйствительно отпущеннымъ по росписи на 1801-й годъ.

	рубл.	коп.
1. Военному Департаменту	32,960,048	59
2. Морскому »	8,174,616	80
3. Гражданскій штатъ	8,219,831	$64\frac{1}{2}$
4. Духовный	1,495,605	72
5. Иностранному Департаменту	1,195,797	6
6. Ея Импер. Велич. Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ	1,000,000	—
7. Для Императорской Фамиліи	950,000	—
8. Кабинетъ Его Величества	3,650,000	—
9. Придворная Контора	3,731,595	—
10. Училища, воспитательные домы и больницы	1,056,019	$4\frac{1}{4}$
11. Штатныя пенсіи	658,499	$99\frac{1}{4}$
12. На содержаніе и починку строеній . . .	33,917	$88\frac{1}{2}$
13. На производство работъ по части водяныхъ сообщеній	135,066	15
Итого . .	63,260,998	$69\frac{1}{4}$

Вѣдомость сверхштатнымъ расходамъ, всего	27,247,006	$8\frac{1}{4}$

	рубл.	коп.
1. Въ Военный Департаментъ	1,159,666	$9\frac{3}{4}$
2. » Морской »	3,925,113	$88\frac{1}{2}$
3. По гражданской части	428,664	87
И мѣлк. кур. монет. 73 тал. 5 гр.		
4. Въ Кабинетъ и комнату Его Величества .	1,851,523	$33\frac{1}{4}$
5. Въ Придворную Контору	120,000	—
6. Расходы по печальной коммисіи	108,212	$21\frac{1}{4}$
7. Расходы при Священномъ Коронованіи . .	473,306	18
8. Всемилостивѣйше пожалованы	435,886	$42\frac{1}{2}$
9. На училище и госпиталь въ Гатчинѣ . .	9,474	23
10. Въ Воспитательный домъ въ уплату % и капитала 1,800,000 р. взятаго для сооруженія Маріинскаго канала и на скупъ облигацій	557,424	—
11. На платежъ внѣшняго долга	3,064,163	65
12. На платежъ долга курфирсту баварскому .	279,520	46
13. На скупъ облигацій	373,528	26
14. Въ вспомогательный банкъ на выкупъ билетовъ	4,000,000	—

	руб.	коп.		
15. Въ заемный банкъ на платежъ капитала и процентовъ	519,155	99¼		
16. Въ Ассигнац. банкъ, за долгъ Придворной Конторы	140,000	—		
17. Въ платежъ долговой суммы 1,212,873 р. 40 коп. на содержаніе артилл.	242,474	—		
18. На скупъ и платежъ долговъ по роспискамъ и обязательствамъ бывшаго польскаго правительства	458,595	77¼		
19. За населенныя имѣнія, купленныя у герцога Курляндскаго, князя Любомирскаго и у русскихъ помѣщиковъ	1,627,906	62		
20. Временныя пенсіи	1,689,197	60¾		
21. На строенія и водяныя сообщенія . . .	2,694,658	13¾		
22. На разныя издержки по винной и соляной частямъ	994,535	16¼		
23. На разные расходы	1,935,919	83¼		
24. Издержано съ возвратомъ въ 1802 году .	158,079	35¼		
Итого . .	27,247,006	8¼		
Всего-же въ расходѣ . . .			91,729,535	99
За тѣмъ къ 1-му генваря 1802 года въ остаткѣ			15,606,191	4¾
И мѣлк. кур. монеты 35,588 тал. 74¼ гр. 4½ з.				
Въ томъ числѣ заключались:	руб.	коп.		
1. Недопущенныя за прежнее время . . .	5,525,569	1½		
2. Неприкосновенный капиталъ	7,160,000	—		
3. Дѣйствительный остатокъ	2,920,625	3¼		

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1802-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1801-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1802 года суммъ, всего	15,606,191	4¾
Сверхъ того мѣлк. кур. монет. 35,588 тал. 74¼ гр. 4¼.		
(Въ томъ числѣ неприкосновенный капиталъ въ золотой и серебряной монетѣ 5,114,285 рубл. 70 коп. по курсу на ассигнаціи 7,160,000 рубл.)		
Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ	3,219,377	95
Доходовъ	77,428,008	55¾
И мѣлк. кур. монет. 14,638 тал. 18 гр. 1¼.		

Разныхъ взысканій, начетовъ, остатковъ отъ некомплекта, и проч.	3,086,526	62¼
Итого въ приходѣ . . .	83,733,913	13
И мѣлк. кур. монет. 14,638 тал. 18 гр. 1¼.		
Сверхъ того поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Изъ Ассигнаціоннаго банка, подъ залогъ серебра въ Монетномъ Департаментѣ состоящаго и въ монету непередѣланнаго .	6,000,000	—
2. Изъ Заемнаго банка	718,500	—
(Въ томъ числѣ: на платежъ Англичанамъ происшедшихъ отъ амбарго убытковъ 600,000 рубл. и на соединеніе рѣкъ Тихвинки и Сомины 118,500 рубл.).		
3. Разныхъ долговыхъ суммъ	525,951	82½
4. Арбитражу 214,846 рубл. 23½ коп. да отъ промѣна золота и серебра поступившихъ при передѣлкѣ 43,107 рубл. 65¾ коп. и проч.	288,067	55½
5. Изъ Ломбарда на сооруженіе Маріинскаго канала	400,000	—
6. Заимообразно съ возвратомъ въ 1803 году	390,004	70¼
Всего-же въ приходѣ . . .	107,662,631	26
И мѣлк. кур. монет. 50,227 тал. 2¼ гр. 5½.		

Расходъ.

Изъ неуплаченныхъ по 1802-й годъ расходовъ: 5,525,569 р. ½ коп. дѣйствительно заплачено	1,845,283	16
По росписи на 1802-й годъ, штатныхъ расходовъ исчислено 64,079,591 рубль 79¼ коп. но изъ того числа удержано: 1) изъ суммъ Провіантскаго департамента, въ замѣнъ отпущенныхъ въ 1801 г., 2,010,000 рублей; 2) остановленныя отпускомъ, изъ суммъ для Императорской Фамиліи опредѣленныхъ, 300,000 рублей, и 3) остатки отъ разныхъ ассигнованій 359,322 рубл. 49 коп. а за тѣмъ дѣйствительно отпущено	61,410,269	30¼
И мѣлк. кур. монет. 4,723 тал. и 22½ з.		

Вѣдомость суммамъ дѣйствительно отпущеннымъ по росписи на 1802-й годъ.

	рубл.	коп.
1. Военный департаментъ	31,052,184	73
2. Морской »	8,193,616	80
3. Гражданскій штатъ	8,525,803	69
4. Духовный »	1,495,942	99
5. Иностранный департаментъ	1,195,683	76
6. Ея Императорскому Величеству Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ	1,000,000	—
7. Императорской Фамиліи	650,000	—
8. Кабинетъ Его Величества	3,650,000	—
9. Придворная Контора	3,600,000	—
10. Училища, воспитательные домы и больницы	1,065,383	29

	руб.	коп.		
11. Штатныя пенсіи и на орденъ св. Іоанна Іерусалимскаго	827,669	99		
12. На содержаніе и починку строеній . . .	13,913	88		
13. На производство работъ по части водяныхъ сообщеній	135,066	15		
Итого . .	61,410,269	30		
Вѣдомость сверхштатнымъ расходамъ, всего			26,840,951	89¾
1. Въ Военный департаментъ	453,016	55		
2. Въ Морской »	807,841	47½		
3. По гражданской части	1,133,269	63¾		
4. Въ Контору Его Величества	384,082	31		
5. Всемилостивѣйше пожалованы	328,882	52¾		
6. На училища	43,121	17¾		
7. Въ Воспитательный домъ, въ уплату процентовъ и капитала 1,800,000 рубл. взятаго для сооруженія Маріинскаго канала и на скупъ облигацій	676,779	20		
8. На платежъ внѣшняго долга	4,009,634	67		
9. На уплату другихъ долговъ внутренняго и заграничнаго	305,589	89		
10. Въ Вспомогат. банкъ, на платежъ капитала и процентовъ	1,745,146	66		
11. Въ Заемный банкъ, на платежъ капитала и процентовъ	487,337	21¾		
12. Въ Ассигнаціонный банкъ, за долгъ Придворной Конторы	140,000	—		
13. Въ платежъ долговой суммы на содержаніе артиллеріи	242,474	—		
14. На платежъ долговъ по обязательствамъ бывшаго польскаго правительства . . .	152,582	11		
15. За имѣнія, купленныя у герцога Курляндскаго, князя Любомирскаго и у русскихъ помѣщиковъ	908,022	9¼		
16. На покупку у княгини Яблоновской кабинета натуральной исторіи	200,000	—		
17. Временныя пенсіи	1,890,691	81¼		
18. На строенія и водяныя сообщенія	3,173,136	30½		
19. На разныя издержки по винн. и сол. част.	1,225,696	35¾		
20. На разные расходы	7,954,090	67¼		
21. Издержано съ возвратомъ въ 1803 году .	574,557	3		
Итого . .	26,840,951	89¾		
Всего-же въ расходѣ . . .			90,096,504	36¾
За тѣмъ къ 1-му генваря 1803 года въ остаткѣ			17,566,126	89¼
И мѣлк. кур. монет. 37,828 тал. 69 гр. 5¼.				

Изъ означенныхъ 17,566,126 р. 89¼ коп.:	рубл.	коп.
1. Недопущенные за прежнее время . . .	9,566,136	66¼
2. Неприкосновенный капиталъ	7,868.000	—
3. Дѣйствительный остатокъ	131,090	23

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1803-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1802-й г., состояло оставшихся къ 1-му генваря 1803 г. суммъ, всего . . . . 17,566,126 р. 89¼ к.		
Да мѣлк. кур. монет. 37,828 тал. 69 гр. 5¼ з. по курсу на ассигнаціи . . . . . . 45,394 р. 87½ к.		
Итого . . .	17,611,521	76¾
Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ . . . . 2,903,939 р. 58 к.		
Да мѣлк. кур. монет. 127 тал. 11½ гр. по курсу на ассигнаціи . . . . 153 р. 9 к.		
Итого недоимокъ . . .	2,904,092	67
Доходовъ . . . . 95,519,718 р. 95 к.		
Да мѣлк. кур. монет. 18,193 тал. 87¾ гр. по курсу на ассигнаціи . . . . 21,832 р. 92 к.		
Итого доходовъ . . .	95,541,551	87
Разныхъ взысканій, начетовъ, остатковъ отъ некомплекта, и проч.	2,857,502	39
Итого въ приходѣ . . .	118,914,668	69¾
Сверхъ того поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Изъ Ассигнаціоннаго банка	6,000,000	—
(Въ томъ числѣ: подъ залогъ состоящаго въ Монетномъ департаментѣ непередѣланнаго въ монету серебра 2,000,000 рубл. и въ государственное казначейство на необходимые расходы 4,000,000 рубл.).		
2. Изъ Заемнаго банка	1,160,000	—
(Въ томъ числѣ: на платежъ капитала и процентовъ по внѣшнимъ займамъ 1,000,000 рубл. и выданныя изъ Заемнаго банка японской миссіи 160,000 рубл.).		
3. Изъ Опекунскаго Совѣта	1,210,000	—
(Въ томъ числѣ: въ министерство финансовъ 810,000 рубл. и на производство работъ Маріинскаго канала 400,000 рубл.).		

4. Разныхъ долговыхъ суммъ	290,645	74¾
5. Поступило въ казначейство:		
Отъ размѣна золота и серебра превосходящею противъ установленнаго лажа цѣною: 152,482 р. 28 к. и отъ превосходства противъ пробы при передѣлкѣ того-же золота и серебра: 20,626 р. 68 к. всего-же	173,108	96
6. Заимообразно съ возвратомъ въ 1804 году	790,072	90
(Въ томъ числѣ: изъ подорожной суммы 42,226 рубл. 45 коп. и изъ прочихъ суммъ 747,846 рубл. 45 коп.).		
Всего-же въ приходѣ . . .	128,547,496	30½

Расходъ.

Изъ неуплаченныхъ по 1803 г. расходовъ: 9,566,136 р. 66¼ к. дѣйствительно заплачено	3,834,172	96
По росписи на 1803-й годъ штатныхъ расходовъ назначено 95,650,680 рубл. 3¾ коп. но изъ того числа дѣйствительно отпущено . . . . 90,701,427 р. 37½ к.		
Да мѣлкою кур. монет. 49,449 тал. 2½ гр. 17¼ з. что составляло на ассигнаціи . 59,339 р. 86 к.		
Итого . . .	90,760,767	23½

Вѣдомость суммамъ дѣйствительно отпущеннымъ по росписи на 1803-й годъ.

	рубл.	коп.
На Военное министерство	33,521,685	21
» Морское »	10,479,296	53
» Министерство внутреннихъ дѣлъ . . .	8,630,851	—
» Министерство иностранныхъ дѣлъ . . .	1,195,664	56
» Министерство народнаго просвѣщенія .	1,200,806	48¼
» Духовный штатъ	1,492,578	79
» Министерство коммерціи (вмѣстѣ съ водяными сообщ.)	1,722,838	83½
На Министерство финансовъ	23,723,546	83¾
И мѣлк. кур. монет. 49,449 тал. 2½ гр. 17¼, по курсу на	59,339	86
(Въ томъ числѣ: 1) пенсіи 2,039,180 р. 60¼ к. 2) на расходы по горной части 2,290,547 р. 31¾ к. 3) виннымъ поставщикамъ 3,416,238 р. 9 к. 4) платежъ капитала и % по голландскимъ и генуэзскимъ займамъ 3,151,795 рубл. 51 коп. 5) платежъ капитала и % въ заемный и вспомогательный банки 633,563 р. 90 к. 6) въ Воспитательный домъ, на такой-же предметъ 1,162,809 р. 37 к. 7) въ Ассигнаціонный банкъ 1,640,000 р. и 8) за купленныя въ казну имѣнія 1,236,424 р. 74½ коп.).		
Для Императорской Фамиліи	1,050,000	—

	руб.	коп.		
Въ Кабинетъ Его Величества	3,685,495	—		
Въ Придворную Контору и проч.	3,348,664	12½		
Итого штатныхъ расходовъ . . .	90,760,767	23½		
Вѣдомость сверхштатнымъ расходамъ, всего			14,817,437	88
	рубл.	коп.		
Въ Военное министерство	903,984	40½		
» Морское »	426,269	4		
На жалованье и проч. по гражданской части .	1,083,563	89¼		
На училища	415,150	45		
На временныя пенсіи и столовыя	412,184	28		
На строенія и за купленные въ казну домà .	174,930	80		
На водяныя сообщенія	671,945	69¾		
На скупъ облигацій	90,533	33¼		
За купленныя въ казну имѣнія	72,009	18		
Всемилостивѣйше пожалованныя	216,269	94¾		
На разныя надобности по соляной и винной частямъ	2,018,390	83½		
Разные расходы	8,054,424	8½		
И мѣлк. кур. мон. 84 тал. 11 гр. по курсу на ассигнаціи	101	49		
(Въ томъ числѣ: 1) въ Ассигнаціонный банкъ, вмѣсто взятыхъ въ 1802 г. серебряною монетою 810,000 рублей, ассигнаціями 1,067,200 рублей; 2) на содержаніе грузинскаго царскаго дома 44,617 р. 17 коп. 3) на переселеніе въ Россію иностранцевъ 118,158 р. 59 коп. 4) на уплату долга русскаго и нѣмецкаго театровъ 101,826 р. 82 коп.).				
Расходы съ возвратомъ въ 1804 г.	197,680	88¾		
Итого сверхштатныхъ расходовъ .	14,817,437	88		
Всего-же въ расходѣ . . .			109,412,378	6½
За тѣмъ къ 1-му генваря 1804 года въ остаткѣ			19,135,118	24
Въ томъ числѣ заключались:				
	рубл.	коп.		
1. Принадлежащія Ассигнаціонному банку, въ замѣнъ золота и серебра взятыхъ оттуда въ 1802 и 1803 годахъ, ассигнаціями . .	5,124,854	97½		
2. Запасный капиталъ	1,400,886	30		
3. На удовлетвореніе неуплаченныхъ расходовъ за прежнее время и за 1803-й годъ .	7,094,710	9½		
4. Дѣйствительный остатокъ отъ 1803 года . .	5,514,666	87¾		
	19,135,118	24		

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

государственнымъ приходамъ, расходамъ и остаткамъ за 1804-й годъ.

Приходъ.

	руб.	коп.
По отчету за 1803-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1804 года суммъ, всего	19,135,118	24¾
По росписи на 1804 годъ, предполагалось къ поступленію въ семъ году въ приходъ 101,256,790 р. 77 к.		
Въ дѣйствительности-же поступило:		
Недоимокъ	3,482,869	3½
Доходовъ	96,978,879	83
Разныхъ взысканій, начетовъ, остатковъ отъ некомплекта, и проч.	2,716,929	39¾
Итого въ приходѣ	122,313,796	51
Сверхъ того поступили въ приходъ слѣдующія суммы:		
1. Изъ Ассигнаціоннаго банка	4,448,165	—
Именно: на построеніе разныхъ казенныхъ зданій . . . . 1,000,000 руб. — коп.		
и за поставку въ нижегородскіе запасные магазины соли и на другіе расходы . . . 3,448,165 руб. — коп.		
2. Изъ Заемнаго банка	1,975,000	—
Именно: на производство работъ въ Колпинскихъ заводахъ . . . . 335,488 руб. 15 коп.		
на построеніе казармъ для полковъ Л.-Гв. 357,377 руб. — коп.		
на постройки по вѣдомству морскаго министерства . . . . 507,134 руб. 85 коп.		
на постройку въ С.-Петербургѣ масляннаго и сальнаго буяновъ . . . . 400,000 руб. — коп.		
на выдачу дѣйств. статск. совѣтн. Петрово-Солововой, подъ залогъ крестьянъ отпущенныхъ имъ въ свободные хлѣбопашцы . . 375,000 руб. — коп.		
3. Изъ Опекунскихъ Совѣтовъ	2,765,000	—
Именно: въ пособіе новоучрежденному въ Москвѣ для мѣщанокъ училищу . . . . 400,000 руб. — коп.		
На устройство ревельскаго порта . . . . 400,000 руб. — коп.		
На постройку въ С.-Петербургѣ новой биржи и набережной . . . . 500,000 руб. — коп.		
На постройку дома для Екатерининскаго училища . . . . 150,000 руб. — коп.		
На постройку въ Москвѣ общественныхъ зданій, съ возвратомъ казначейству изъ городскихъ доходовъ . . . . 500,000 руб. — коп.		

	руб.	коп.	руб.	коп.
На расходы по министерству финансовъ, въ число опредѣленныхъ 1,000,000 рублей, за поступленіемъ въ 1803 году 810,000 р. остальные	190,000	—		
Выдано заимообразно эстляндскому дворянскому банку и на другіе расходы 500,000 рублей серебр. по курсу на ассигнаціи .	625,000	—		
4. Разныхъ долговыхъ суммъ			182,147	8
5. Поступившихъ въ пользу казначейства, отъ размѣна золота и серебра, превосходящаго противъ установленнаго лажа цѣною 334,781 р. 50½ коп. и отъ превосходства оказавшагося въ томъ-же золотѣ и серебрѣ, при передѣлкѣ его противъ пробы 10,136 р. 49 коп. всего-же			344,917	99½
6. Заимообразно, съ возвратомъ въ 1805 году			505,304	82½
Всего-же въ приходѣ . . .			132,534,831	41

Расходъ.

	руб.	коп.	руб.	коп.
Изъ неуплаченныхъ въ 1803 г. расходовъ: 7,094,710 р. 9½ коп. дѣйствительно заплачено			4,836,937	72
По росписи на 1804-й годъ, штатныхъ расходовъ назначено 98,979,575 р. 48¼ коп. но изъ того числа дѣйствительно отпущено			97,915,646	5¾
Вѣдомость суммамъ отпущеннымъ по росписи на 1804 годъ.				
На Военное министерство	40,579,067	22½		
(Въ томъ числѣ: 1) коммисаріатскому департаменту 21,392,113 р. 91 к. 2) снабженіе арміи оружіемъ 400,000; 3) отопленіе казармъ и казенныхъ зданій 105,121 р. 62 к. 4) провіантскому департаменту 15,120,718 р. 59¼ коп. 5) на содержаніе артиллеріи 1,233,722 р. 37¼ коп. 6) на инженерную часть 1,206,283 р. 71¼ коп. и 7) на постройку укрѣпленій и казармъ 707,650 рублей 60 коп.).				
На Морское министерство	9,169,405	83¾		
(Въ томъ числѣ: 1) общіе расходы по морскому вѣдомству 8,000,000 рубл. 2) на производство унтеръ-офицерамъ провіанта 97,431 р. 40 к. 3) на покупку дровъ для Черноморскаго флота 100,000 рубл. 4) на постройку гребной флотиліи для Черноморскаго войска 124,020 р. 68 коп. 5) на производство офицерамъ прибавочнаго жалованья 148,739 р. 23½ к.).				
На министерство внутреннихъ дѣлъ	12,946,447	77¼		
(Въ томъ числѣ: на изготовленіе и развозъ				

	руб.	коп.		
соли 7,324,776 р. 54¾ коп. и на водвореніе иностранныхъ колонистовъ 144,002 р. 86 коп.).				
На министерство иностранныхъ дѣлъ . . .	1,269,491	31		
На министерство юстиціи	2 391,677	59½		
На министерство народнаго просвѣщенія . .	2,021,550	—		
(Въ томъ числѣ: 1) на содержаніе университетовъ, гимназій, уѣздныхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ 1,889,379 р. 80 коп. 2) на устройство харьковскаго университета 66,910 р. и 3) на содержаніе виленскаго округа 187,628 р. 21½ коп.).				
На духовный штатъ (православн. и проч. исповѣданій)	1,492,075	3¾		
На министерство коммерціи	2,195,421	86¾		
(Въ томъ числѣ: 1) на таможни, заставы и проч. 491,002 р. 85½ к. и 2) на водяныя сообщенія 1,447,996 рубл. 15 коп.).				
На министерство финансовъ	16,389,280	19¼		
(Въ томъ числѣ: 1) на заводы и работы по горной части: 2,241,253 р. 67 коп. 2) виннымъ поставщикамъ: 5,212,762 р. 34½ к. 3) временныя пенсіи: 1,830,875 р. 74½ к. 4) въ Заемный банкъ и Воспитат. домъ, на сумму капитала и % 2,618,775 р. 74 к. 5) въ Ассигнац. банкъ 140,000 рубл.).				
На Высочайшій Дворъ	9,441,228	92½		
(Въ томъ числѣ: 1) для Императорской Фамиліи 1,650,000 рубл. 2) въ Кабинетъ Его Величества 3,800,000 рубл. и 3) въ Придворную Контору 3,976,250 р. 92½ коп.).				
Итого штатныхъ расходовъ . .	97,915,646	5¾		
Вѣдомость сверхштатнымъ расходамъ, всего			19,410,976	19½
Въ Военное министерство	1,243,441	31¼		
» Морское »	1,354,961	28¾		
» министерство внутреннихъ дѣлъ	3,753,918	87¾		
» » иностранныхъ дѣлъ . . .	159,801	77		
» » народнаго просвѣщенія . .	856,568	4		
» духовный штатъ	5,947	31½		
» министерство коммерціи	1,525,678	77¾		
» » юстиціи	174,177	70½		
» » финансовъ	9,889,352	98¾		
(Въ томъ числѣ: 1) въ Ассигнаціонный банкъ, въ уплату взятыхъ оттуда въ 1802-мъ и 1803-мъ годахъ золота и серебра 8,000,000 р., 4,853,082 р. 36¼ коп. 2) въ уплату долговъ герцога курляндскаго 181,889 р. 41¾ коп. 3) на скупъ гол-				

ландскихъ облигацій 109,505 р. 73 коп. 4) въ приданое Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ 1,000,000 рубл. сер. по курсу на ассигнаціи 1,250,000 рубл. 5) министру внутреннихъ дѣлъ д. т. с. графу Кочубею заимообразно на 10 лѣтъ 100,000 р.)

	руб.	коп.	руб.	коп.
На Высочайшій Дворъ	244,816	94¼		
Заимообразно съ возвратомъ въ 1805 году .	202,311	17¾		
Итого сверхштатныхъ расходовъ . .	19,410,976	19¼		
Всего-же въ расходѣ . . .			122,163,562	97
За тѣмъ къ 1-му генваря 1805 года въ остаткѣ			10,370,771	44
Въ томъ числѣ заключались:				
1. Запасный капиталъ: 1,544,188 р. 15 к. сер. а на ассигн.	1,930,235	18¾		
2. На уплату расходовъ за прежніе годы и за 1804-й г.	4,814,317	34¾		
3. Дѣйствительный остатокъ	3,626,218	90½		
	10,370,771	44		

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

государственнымъ приходамъ, расходамъ и остаткамъ за 1805-й годъ.

Приходъ.

	руб.	коп.
По отчету за 1804-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1805 года	10,370,771	44
Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ	3,504,889	74
Доходовъ	100,791,211	15¼
Начетовъ, взысканій, остатковъ отъ некомплекта и проч. . .	1.955,422	59¼
Итого въ приходѣ . . .	116,622,294	93
Сверхъ того поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Изъ Ассигнаціоннаго банка	28,083,288	31¾

(Въ томъ числѣ: въ пособіе государственному казначейству на необходимые расходы: 6,741,055 р. 32 коп. въ подкрѣпленіе казначейству: 3,000,000 рубл. въ капиталъ государственнаго казначейства, для безостановочной выдачи Провіантскому и Морскому департаментамъ опредѣленныхъ имъ суммъ: 11,672,051 р. на производство работъ по воднымъ сообщеніямъ: 5,305,257 р. на платежъ за поступленіе въ нижегородскіе запасные магазины опредѣ-

леннаго запаса соли, съ возвратомъ, 751,835 рублей: на сооруженіе Казанскаго собора 433,434 р. 97½ коп. и на платежъ внутренняго долга 179,655 р. 2¼ коп).		
2. Изъ Опекунскаго Совѣта, съ возвратомъ	1,062,130	—
(Въ томъ числѣ: на производство работъ по водянымъ сообщеніямъ 462,130 рублей, на окончаніе Маріинскаго канала 300,000 рубл. и на поддержаніе Московскаго Петровскаго театра 300,000 р.).		
3. Разныхъ долговыхъ суммъ	732,490	94½
4. Поступившихъ въ казначейство отъ размѣна золота и серебра превосход. противъ установленнаго лажа цѣною	277,751	75
5. Заимообразно съ возвратомъ въ 1806-мъ году	460.896	58½
Всего-же въ приходѣ	147,238,852	52¾

Расходъ.

По росписи на 1805-й годъ, штатныхъ расходовъ назначено .	108,461,489	73¼

Вѣдомость штатнымъ суммамъ на 1805-й годъ.

	рубл.	коп.
На Военное министерство	41,304,886	73½
На Морское »	11,990.471	28½
На министерство внутреннихъ дѣлъ . . .	14,585,837	72
На министерство иностранныхъ дѣлъ. . .	1,297,196	31
На министерство народнаго просвѣщенія .	1,858,680	53
На духовный штатъ	1,493,154	57½
На министерство коммерціи	2,806,719	34
На министерство юстиціи	2,588,148	97½
На министерство финансовъ	21,203,891	86

(Въ томъ числѣ: 1) на заводы 1,908,907 р. 84½ коп. 2) министру, департаменту и губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ 1,801,920 р. 61 к. 3) поставщикамъ вина 5,354,152 рубл. 93¼ коп. 4) временныя пенсіи до трехъ милліоновъ рублей; 5) въ Заемный банкъ, на платежъ заимообразно взятыхъ суммъ и за купленныя въ казну имѣнія, капитала и процентовъ 1,001,374 р. 25 коп. 6) въ Удѣльный департаментъ, на платежъ заимообразно взятыхъ суммъ, капитала и процентовъ 323,750 р. 7) на платежъ капитала и % по голландскимъ и генуэзскимъ займамъ и на скупъ облигацій 4,000,000 рублей; 8) на платежъ долговъ герцога курляндскаго 160,563 р. 9) эстляндскому дворянскому банку заимообразно 220,000 р. сер. по курсу на ассигнаціи ,275,000 р. и 380,000 рубл. ассигнаціями; 10) разнымъ лицамъ аренднаго дохода

	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
съ пожалованныхъ имъ имѣній 1,403,098 рубл. 38¾ к.).				
На Высочайшій Дворъ	9,332,502	40¼		
Итого штатныхъ расходовъ . . .	108,461,489	73¼		
Вѣдомость сверхштатнымъ расходамъ, всего			16,987,435	15¾
На Военное министерство . . . . (Въ томъ числѣ, на постройку укрѣпленій и казармъ 928,389 рубл.).	1,879,316	36¼		
На Морское министерство . . . . (Въ томъ числѣ: 1) за наемъ въ Кронштадтѣ офицерскихъ квартиръ 570,551 рубл. 18 коп. 2) на отправленіе войскъ въ Корфу 994,866 р.).	2,067,408	12¼		
Въ министерство внутреннихъ дѣлъ . . . (Въ томъ числѣ: 1) по соляной части сверхъ смѣты 751,835 рубл. 2) содержаніе карантиновъ 217,282 р. 80 коп. и 3) на сооруженіе Казанскаго собора 433,434 р. 97½ коп.).	3,431,904	17½		
На министерство иностранныхъ дѣлъ . . .	461,388	44¾		
На министерство народнаго просвѣщенія .	742,153	67		
На духовный штатъ	23,214	47		
На министерство коммерціи . . . . (Въ томъ числѣ: 1) на водяныя сообщенія сверхъ смѣты 343,251 р. 67 коп. 2) на окончаніе Маріинскаго канала 300,000 рубл. и 3) въ число 1,230,238 р. 36 коп. опредѣленныхъ на устройство въ Петербургѣ Обводнаго канала 200,000 рубл.).	1,174,727	½		
На министерство юстиціи	148,709	49½		
На министерство финансовъ . . . . (Въ томъ числѣ: 1) сложено съ откупщиковъ Головина съ товарищами, слѣдовавшія съ нихъ по винному откупу 1792—1799 годовъ, тобольской и пермской губерній, 299,623 р. 60 коп. 2) процентныхъ денегъ за 1805-й годъ съ капитала опредѣленнаго на покупку недвижимыхъ имѣній грузинскимъ царевичамъ: Давиду 300,000 рубл. Маріани, Іоанну и Михаилу по 150,000 р. Джибрилу, Ильѣ, Окропиру и Ираклію по 90,000 рубл., всего-же 1,110,000 рубл.).	6,153,660	11½		
На Высочайшій Дворъ	456,828	83¾		
На счетъ разныхъ мѣстъ съ возвратомъ въ 1806 году	445,997	51¼		
Итого сверхштатныхъ расходовъ . .	16,987,435	15¾		
Всего-же въ расходѣ			125,448,927	89

За тѣмъ къ 1-му генваря 1806 года въ остаткѣ.			21,789,924	63³/₄
1. Поступившія изъ Ассигнаціоннаго банка, для безостановочнаго производства Провіантскому и Морскому департаментамъ опредѣленныхъ имъ суммъ	11,672,051	—		
2. Слѣдующія на удовлетвореніе расходовъ неуплаченныхъ за прежнее время . . .	6,390,070	94¹/₂		
3. Принадлежащ. запасной суммѣ	91,171	25		
Итого . . .	18,153,293	19¹/₂		
Дѣйствительный остатокъ къ 1806 году . .	3,636,631	44¹/₄		

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ X.

---

(1) Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ генераломъ Забудскимъ.

(2) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 19,721.

(3) Протоколъ Государственнаго Совѣта, 11-го апрѣля 1801 года.

(4) Протоколъ Государственнаго Совѣта, 15-го апрѣля 1801 года.

(5) Высочайшій рескриптъ генералу Кноррингу, отъ 19-го апрѣля 1801 года.

(6) Положеніе дѣлъ въ Грузіи, 1802 года декабря 4-го, при сдачѣ команды генералъ-лейтенантомъ Кноррингомъ генералъ-лейтенанту князю Цыціанову (Рукопись, хранящаяся въ Секр. Арх. Канцеляріи Военнаго Министерства).

(7) Séances du Comité. Conférence du 13 août 1801. (Изъ бумагъ графа П. А. Строганова).

(8) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. № 20,007.

(9) Полн. Собр. Закон. Т. XXVI. №№ 19,991, 19,992, 19,993 и 19,994.

(10) Вмѣстѣ съ назначеніемъ Кнорринга главнокомандующимъ войсками въ Грузіи, онъ былъ оставленъ инспекторомъ Кавказской линіи и астраханскимъ губернаторомъ.

(11) Манифестъ объ управленіи Грузіи объявленъ 8-го мая 1802 года.— Положеніе дѣлъ въ Грузіи, и проч.

(12) Донесеніе Императору Александру князя Цыціанова, отъ 9-го февраля 1803 года.

(13) Высочайшій рескриптъ князю Цыціанову, отъ 8-го сентября 1802 года.

(14) Донесеніе князя Цыціанова. — Положеніе дѣлъ въ Грузіи.

(15) Письмо князя Цыціанова канцлеру графу Румянцову, отъ 21-го декабря 1802 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(16) Письмо князя Цыціанова графу Воронцову, отъ 11-го апрѣля 1803 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(17) Записка графа Зубова (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(18) Докладъ канцлера графа Воронцова, отъ 18-го марта 1803 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(19) Высочайшіе рескрипты князю Цыціанову, 19 и 20-го марта 1803 года.

(20) Отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева къ министру иностранныхъ дѣлъ графу Румянцову, отъ 25-го іюня 1811 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(21) Составъ отряда генерала Гулякова: Кабардинскаго полка два баталіона, Тифлисскаго полка гренадерскій баталіонъ; 8 орудій 9-го артиллерійскаго баталіона, двѣ казачьихъ сотни. Всего-же 1,500 человѣкъ русской пѣхоты, 4,000 человѣкъ грузинской пѣхоты и 500 человѣкъ грузинской конницы.

(22) Договоръ, заключенный въ Тифлисѣ, 17-го апрѣля 1803 года.

(23) Рапорты Государю князя Цицiанова, отъ 15 и 18-го апрѣля 1803 года.

(24) Высочайшій рескриптъ князю Цицiанову, отъ 18-го мая 1803 года.

(25) Рапортъ Государю князя Цицiанова, отъ 19-го іюля 1803 года.

(26) Высочайшій рескриптъ князю Цицiанову, отъ 31-го марта 1803 года.

(27) Рапортъ Государю и отношеніе къ графу Завадовскому князя Цицiанова, отъ 27-го іюня 1803 года.— Полн. Собр. Закон. Т. XXVII № 20,864.

(28) Рапортъ военному министру князя Цицiанова, отъ 9-го февраля 1803 года.

(29) Рапортъ Государю князя Цицiанова, отъ 17-го ноября 1803 года.

(30) Рапортъ Государю князя Цицiанова, отъ 17-го марта 1803 года — Высочайшій рескриптъ, отъ 23-го мая 1803 года.— Отношеніе князя Цицiанова къ канцлеру графу Воронцову, отъ 23-го октября 1803 года.— Рапортъ полковника Майнова, отъ 4-го мая 1804 года.

(31) Рапортъ Государю князя Цицiанова, отъ 31-го августа 1803 года. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(32) Высочайшій рескриптъ князю Цицiанову отъ 26 го октября 1803 г. (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(33) Письмо князя Цицiанова къ Джаватъ-хану, отъ 29-го ноября 1803 года.

(34) Составъ отряда, двинувшагося къ Ганжѣ: Севастопольскаго полка два баталіона, 17-го егерскаго три баталіона, Кавказскаго гренадерскаго одинъ баталіонъ, три эскадрона Нарвскихъ драгунъ, восемь легкихъ и три 3-хъ-фунтовыхъ орудій.

(35) Переписка генерала Цицiанова съ Джаватъ-ханомъ находится въ Арх. Гл. Шт. № 47,358, Стран. 101—107.

(36) Рапортъ Государю князя Цицiанова, отъ 9-го декабря 1803 года.

(37) Рапорты Государю князя Цицiанова, отъ 3 и 10-го генваря 1804 года (Арх. В. Т. Дело № 47,358).

(38) Высочайшій рескриптъ князю Цицiанову, отъ 9-го февраля 1804 года.

(39) Рапортъ Государю князя Цицiанова отъ 25-го апрѣля 1804 года. (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(40) Письмо князя Цицiанова князю Чарторыскому, отъ 25-го апрѣля 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(41) Донесенія князю Цицiанову статскаго совѣтника Литвинова.

(42) Письмо вдовы князя Дадіана Литвинову, отъ 25-го октября 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(43) Письмо князя Цыціанова Литвинову, отъ 23-го октября 1804 года.

(44) Отзывы товарища министра иностранныхъ дѣлъ, князя Чарторыскаго, князю Цыціанову, 15-го ноября 1803 года и 29-го мая 1804 года.—Письмо князя Цыціанова князю Чарторыскому, отъ 29-го октября 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(45) Письмо князя Цыціанова эриванскому хану, отъ 16-го февраля 1804 года.

(46) Составъ отряда, назначеннаго въ экспедицію къ Эривани: Кавказскаго гренадерскаго полка три баталіона, Саратовскаго три и Тифлисскаго два баталіона, 9-го егерскаго полтора баталіона, всего-же пѣхоты $9^1/_2$ баталіоновъ, въ числѣ 3,420 человѣкъ; Нарвскаго драгунскаго полка четыре эскадрона, до 400 человѣкъ; 440 линейныхъ и донскихъ казаковъ и грузинской милиціи 300 человѣкъ, всего-же кавалеріи 1,140 человѣкъ, а вообще 4,560 человѣкъ съ 12-ю орудіями. Въ послѣдствіи присоединились къ отряду еще 3,000 вооруженныхъ грузинъ.

(47) Рапортъ Государю князя Цыціанова, отъ 1-го іюля 1804 года.

(48) Рапортъ Государю князя Цыціанова, отъ 16-го іюля 1804 года. За это дѣло Цыціановъ былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 1-й степени.

(49) Составъ отряда генерала Портнягина: пѣхоты Саратовскаго и Тифлисскаго полковъ 570 человѣкъ; сто Нарвскихъ драгунъ, 30 казаковъ, сто грузинъ и сто персіянъ Джафаръ-Кули хана хойскаго, подъ личнымъ начальствомъ этого хана присягнувшаго на подданство Россіи.

(50) Въ донесеніи объ этомъ дѣлѣ сказано, что непріятель потерялъ 800 человѣкъ, а наши войска убитыми 2 и ранеными 62 человѣка.

(51) Рапортъ Государю князя Цыціанова, отъ 2-го сентября 1804 года (Арх. В. Т. Депо № 47,358).

(52) Протоколъ военнаго совѣта, 31-го августа 1804 года (Арх. В. Т. Депо № 47,358).

(53) Высочайшій рескриптъ, 8-го ноября 1804 года.

(54) Рапортъ Государю князя Цыціанова, отъ 30-го декабря 1804 года. Отчеты товарища министра иностранныхъ дѣлъ, князя Чарторыскаго, за 1804 и 1805 годы.

ПРИЛОЖЕНИЯ КЪ ГЛАВѢ XI.

(1) Séances du Comité. Conférences de 1801. Изъ бумагъ графа П. А. Строганова.

(2) Извлечено изъ инструкцій русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ барону Крюднеру и графу Маркову (Арх. Минист. Иностран. Дѣлъ).

(3) Письма къ Императору Александру I графа Маркова, отъ 1-го октября и 28-го декабря 1801 года (13-го октября 1801 и 9-го января 1802 года). Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ.

(4) Traité de paix entre la République Française et Sa Majesté l'Empereur de toutes les Russies, conclu, arrêté et signé à Paris le 16 vendemiaire an X (huit octobre mille huit cent un), par le citoyen Charles Maurice Talleyrand ministre des relations extérieures, avec le sieur Arcadi comte de Marcoff, conseiller privé actuel de S. M. l'Empereur de toutes les Russies etc. et Convention secrète d'onze octobre 1801. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(5) Декларація 11-го октября 1801 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(6) Арх. Минист. Иностр. дѣлъ.

(7) Armand Lefebvre. Histoire des cabinets de l'Europe pendant le Consulat et l'Empire. I. 171—172.

(8) Письмо къ Императору Александру графа Маркова, отъ 26-го іюня (8-го іюля) 1802 года (Арх. Минист. Иностран. Дѣлъ).

(9) Курфирстъ Баварскій, вмѣсто 220 квадр. м. съ 780,000 жителей, получилъ около 300 квадр. м. съ 900,000 жителей; Герцогъ Виртембергскій, вмѣсто 7 квадр. м. съ 14,000 жителей, около 30 квадр. м. съ 120,000 жителей; Маркграфъ Баденскій, вмѣсто 8 квадр. м. съ 25,500 жителей, около 60 квадр. м. съ 200,000 жителей. Garden. Histoire générale des traités de paix. VII. 255—263 et 280—287. — Вѣдомость при письмѣ къ Императору Александру графа Маркова, отъ 23-го мая (4-го іюня) 1802 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(10) Garden. VIII. 263 — 266. — Вѣдомость при письмѣ графа Маркова.

(11) Garden. VII. 247 — 254.

([12]) Императоръ Германскій ратификовалъ послѣдній актъ имперской депутаціи (recès principal de la députation de l'Empire), 15-го (27-го) апрѣля 1803 года. Garden. VII. 437.

([13]) Письмо къ Императору Александру графа Маркова, отъ 26-го августа (7-го сентября) 1802 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([14]) Амїенскій трактатъ. Статья 10-я.

([15]) A. Lefebvre. I. 276—277.

✓ ([16]) Письмо къ канцлеру графу А. Р. Воронцову графа Маркова, отъ 4-го (16-го) марта 1803 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([17]) Garden. VIII. 150—152.

([18]) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. IV. Edit. de Brux. 410—414.

([19]) Письма къ Императору Александру графа Маркова, отъ 24-го мая, 27-го іюля и 6-го ноября (5-го іюня, 8-го августа и 18-го ноября н. ст.) 1802 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([20]) Письма къ канцлеру графу Воронцову графа Маркова, отъ 2-го (14-го) января и 28-го мая (9-го іюня) 1803 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ). ✓

([21]) Письмо къ Императору Александру графа Маркова, отъ 6-го іюня н. ст. 1803 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([22]) .....«Comme vous desirez vivement d'obténir votre rappel et qu'effectivement, après ce qui s'est passé, vous ne pouvez plus vouloir conserver aucune relation avec Bonaparte et son ministre, je ne fais pas de difficultés de vous accorder votre demande. C'est avec regrêt que Je Me vois privé de vos services à ce poste; mais Je Me flatte que le zèle et les qualités qui vous distinguent ne seront pas perdues pour l'Etat et que vous ne M'en refuserez pas l'emploi à quelqu'autre place, conforme à vos talens ainsi qu'à vos convenances, et que J'aurais toujours beaucoup de plaisir à vous offrir. En attendant, pour vous témoigner Ma bienveillance et Mon contentement d'une manière marquante qui n'echappe pas au gouvernement français et qui lui prouve que Mes sentimens envers vous ne sont nullement influencés par les siens, considérant d'ailleurs vos services passés et ceux que vous y avez ajoutés de Mon tems, Je vous envoye ci-joints les marques de l'ordre de St.-André dont vous vous revêtirez immédiatement».

Изъ Высочайшаго рескрипта, отъ 16-го октября 1803 года (Арх Минист. Иностр. Дѣлъ).

([23]) На возвратномъ пути въ Россію, графъ Марковъ писалъ Императору Александру, 15-го (27-го) декабря 1803 года, изъ Дурлаха:

«En quittant le territoire français, mon premier mouvement a été de bénir la bonté magnanime avec laquelle V. M. J-le a daigné me dispenser d'un service où mon zèle pour Ses intérêts et Sa gloire, loin d'être approuvés, comme l l'aurait été par d'autres gens que ceux aux quels j'ai eu affaire, n'a fait que m'attirer leur haine et leurs persécutions, qui offraient enfin un danger réel pour moi au physique comme au moral.....» (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([24]) Письмо къ канцлеру графу Воронцову повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи при Тюильрискомъ Дворѣ Убри, отъ 8-го (20-го) января 1804 года. — Письма его-же къ графу Воронцову, отъ 8-го (20-го) января. и къ князю Чарторыскому, отъ 28-го февраля (11-го марта) 1804 года. (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(25) Изъ письма товарища министра иностранныхъ дѣлъ, князя Чарторыскаго къ Убри, отъ 9-го апрѣля ст. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(26) Отчетъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ за 1804 годъ.

(27) Изъ письма канцлера графа Воронцова къ Убри, отъ 6-го февраля ст. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(28) Монитёръ 28-го августа н. ст. 1803 года.

(29) Garden, VIII, 198 — 199.

(30) Отчетъ министерства иностранныхъ дѣлъ за 1804 годъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XII.

(1) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. IV. 626—629.—Arm. Lefebvre. Histoire des cabinets de l'Europe. I. 368—369.

(2) Thiers. IV. 630—634 et 638.—Lefebvre. I. 369—370.

(3) Lefebvre. I. 370—373.

(4) Thiers. IV. 643—644.—Bignon. Histoire de France depuis le 18 brumaire jusqu'à la paix de Tilsitt. III. 343—344.

(5) Garden. Histoire des traités de paix depuis la paix de Westphalie. VIII. 302.—Lefebvre. Histoire des cabinets etc. I. 374—379.

(6) Lefebvre. I. 380—381.

(7) Императоръ Александръ I приказалъ повѣренному въ дѣлахъ Россіи при Тюильрискомъ Дворѣ объявить французскому правительству: «qu'il avait appris avec autant d'étonnement que de douleur l'événement qui s'était passé à Ettenheim, les circonstances qui l'avaient accompagné et le résultat affligeant qui s'en était suivi. S. M. J-le n'y trouve malheureusement qu'une violation aussi gratuite qu'elle est manifeste du droit des gens et du territoire neutre, violation dont il est difficile de calculer les conséquences. Une demarche allait être faite à Ratisbonne par S. M. l'Empereur, garant de la paix de Teschen, et Elle espérait qu'il serait fait droit, de la part de la France, aux demandes du corps germanique». Нота отъ 30 апрѣля (12 мая) 1804 г. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(8) .... «la plainte qu'elle (la Russie) élève aujourd'hui conduit à demander si, lorsque l'Angleterre médita l'assassinat de Paul I-r, on eut eu connaissance que les auteurs du complot se trouvaient à une lieue des frontières, on n'eut pas été empressé de les faire saisir.......» (Извлечено изъ ноты французскаго министра иностр. дѣлъ повѣренному въ дѣлахъ Россіи. отъ 16-го мая н. ст. 1804 г.).

(9) Нота французскаго министра иностранныхъ дѣлъ повѣренному въ дѣлахъ Россіи отъ 16-го мая н. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(10) Извлеч. изъ ноты повѣреннаго въ дѣлахъ Россіи министру Талейрану, отъ 17-го мая н. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностранн. Дѣлъ).

([11]) Письма Убри къ князю Чарторыскому (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([12]) Нота, сообщенная германскому сейму, 2-го (14-го) мая 1804 года.

([13]) Письмо Убри къ князю Чарторыскому, отъ 22-го апрѣля (4-го мая) 1804 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

([14]) Garden. VIII. 274—275.

([15]) Bignon. IV. 58.

([16]) Союзный трактатъ между Россіею и Швеціею, 2-го (14-го) января 1805 года, за подписью уполномоченныхъ обѣихъ державъ, со стороны Россіи товарища министра иностранныхъ дѣлъ, тайнаго совѣтника князя Чарторыскаго, и со стороны Швеціи чрезвычайнаго посла, генералъ-лейтенанта барона Стедингка (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([17]) Нота прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Гарденберга, повѣренному въ дѣлахъ Швеціи при берлинскомъ дворѣ, отъ 24-го декабря н. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([18]) Инструкція тайному совѣтнику Алопеусу, за подписью князя Чарторыскаго, отъ 16-го (28-го) января 1805 года, и проектъ письма для размѣна между Ихъ Величествами Императорами Всероссійскимъ и Римскимъ и Королемъ Прусскимъ (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([19]) Нота, врученная генералу Цастрову, 16-го мая 1805 года (Арх Минист. Иностр. Дѣлъ).

([20]) Извлеч. изъ ноты шведскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при берлинскомъ дворѣ, Г. Бринкмана, отъ 16-го (28-го) февраля 1805 года.

([21]) Отчетъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, князя Чарторыскаго, за 1805 годъ.

([22]) Ноты баденскаго курфирста, отъ 2-го іюля н. ст. и австрійскаго резидента при германскомъ сеймѣ, отъ 1-го (13-го) іюля 1804 года.

([23]) Извлечено изъ инструкціи тайному совѣтнику Новосильцову (на франц. языкѣ), отъ 11-го сентября ст. ст. 1804 года, за подписью Императора Александра (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([24]) Извлеч. изъ той-же инструкціи.

([25]) Донесеніе Государю Новосильцова, изъ Лондона, отъ 24-го декабря 1804 года (5-го января 1805 года). (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([26]) Мемуаръ при письмѣ къ Государю Новосильцова, отъ 24-го декабря 1804 года (5-го января 1805 года). (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([27]) Отчетъ князя Чарторыскаго по министерству иностранныхъ дѣлъ, за 1805 годъ.

([28]) Виды англійскаго министерства, изложенные въ Мемуарѣ 7-го (19-го) января 1805 года, заключались въ слѣдующемъ:

Согласно съ мнѣніемъ Императора Александра, надлежало достигнуть трехъ цѣлей:

1) Освободить страны, покоренныя со времени революціи Французами, и ограничить Францію прежними ея предѣлами.

2) Устроить земли отнятыя у Французовъ такъ, чтобы, обезпечивъ ихъ благоденствіе, образовать изъ нихъ преграды будущему расширенію Франціи.

3) По возстановленіи мира, упрочить трактатами взаимную безопасность державъ и общую систему народнаго права.

Въ случаѣ присоединенія къ Россіи и Англіи прочихъ двухъ вели-

кихъ державъ, не подвержено сомнѣнію, что такая сильная коалиція осуществитъ всѣ помянутыя предположенія. Въ случаѣ-же (что гораздо вѣроятнѣе) отказа Пруссіи принять участіе въ союзѣ, едвали это будетъ возможно.

Въ отношеніи къ странамъ отнятымъ у Франціи, преимущественно должно имѣть въ виду возстановленіе ихъ правъ и упроченіе благосостоянія ихъ жителей, но не слѣдуетъ также при семъ упускать изъ вниманія общую безопасность Европы. Большая часть этихъ владѣній, именно: Голландія, Швейцарія, Піемонтъ, Тоскана, Модена (подъ покровительствомъ Австріи) и Неаполь, могутъ снова быть самостоятельны. Напротивъ того, Генуа и Италіянская республика, будучи предоставлены сами себѣ, подпали-бы подъ вліяніе Франціи. Въ такомъ-же положеніи находятся бывшія Австрійскія Нидерланды и нѣмецкія области лежащія по лѣвую сторону Рейна. Лучшій способъ воспользоваться этими владѣніями, и вмѣстѣ съ тѣмъ побудить Австрію и Пруссію къ принятію дѣятельнаго участія въ предстоявшей борьбѣ—по мнѣнію англійскаго министерства — состоялъ въ томъ, чтобы расширить предѣлы Австріи въ Италіи, отдать Пруссіи земли на лѣвомъ берегу Рейна и присоединить Лигурійскую республику къ Піемонту.

Наконецъ — мѣры, необходимыя для обезпеченія безопасности и спокойствія Европы, могли быть довершены трактатомъ, въ которомъ приняли-бы участіе всѣ европейскія державы, взаимно признавъ владѣнія и обоюдныя права свои, и обязавшись защищать одна другую отъ всякаго покушенія угрожающаго нарушить установленный порядокъ.

(29) Thiers. V. 376—382. Déclaration signée le 25 octobre (6 novembre) 1804. Секретная конвенція между Россіей и Австріей, 6-го ноября н. ст. 1804 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(30) Сущность предложеній французскому правительству, условленныхъ Россійскимъ и Великобританскимъ Дворами, по 10-й отдѣльной статьѣ союзнаго трактата 11-го апрѣля н. ст. 1805 года, изложена въ инструкціи дѣйствительному камергеру, Новосильцову, отъ 30-го мая (11-го іюня) 1805 года.

(31) Отчетъ по министерству иностранныхъ дѣлъ князя Чарторыскаго, за 1805 годъ.

(32) Письмо князя Чарторыскаго къ Талейрану, отъ мая 1805 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(33) Копія съ полной мочи дѣйствительному камергеру Новосильцову, подписанной Государемъ 29-го мая и врученной Новосильцову 30-го мая ст. ст. 1805 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(34) Предложенія французскому правительству, на которыя былъ уполномоченъ Новосильцовъ (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(35) Письма князя Чарторыскаго къ Новосильцову, отъ 10, 13 и 17 іюня ст. ст. 1805 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).—Garden. VIII. 356 — 357.

(36) Операціонный планъ, предложенный вѣнскимъ дворомъ въ 1805 году. — Замѣчанія на сей операціонный планъ петербургскаго двора.— Планъ военныхъ дѣйствій, предложенный Россіею. — Протоколъ совѣщаній между австрійскими генералами, княземъ Шварценбергомъ, Мак-

комъ, государственнымъ совѣтникомъ барономъ Колленбахомъ и генералъ-адъютантомъ барономъ Винцингероде, 16-го іюля н. ст. 1805 г.

([37]) Замѣчанія Питта на счетъ предполагаемыхъ дѣйствій въ сѣверной Германіи. Прилож. къ письму Новосильцова Государю, отъ 24-го декабря 1804 года (5-го января 1805 года). (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

([38]) Нота графа Разумовскаго.

([39]) Ноты министра Талейрана австрійскому послу въ Парижѣ, графу Филиппу Кобенцелю, отъ 13 и 16-го августа 1805 года.

([40]) Деклараціи размѣненныя въ Петербургѣ, 28-го іюля (9-го августа) 1805 года: 1) князя Чарторыскаго австрійскому послу графу Стадіонъ; 2) графа Стадіонъ князю Чарторыскому; 3) князя Чарторыскаго англійскому послу лорду Гоуэру (Gower); 4) лорда Гоуэра князю Чарторыскому, и 5) графа Стадіонъ лорду Гоуэру.

([41]) Инструкція гофмаршалу Дюроку.

([42]) Lefebvre. II. 101 — 124.

([43]) Извлечено изъ депеши русскаго посла въ Вѣнѣ, графа Разумовскаго, князю Чарторыскому, отъ 21-го сентября (3-го октября) 1805 года.

